

ГУСТАВ ГУСАК

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О СЛОВАЦКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ
ВОССТАНИИ

Г У С Т А В Г У С А К

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СЛОВАЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВОССТАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1969

В этой книге Г. Гусак, выдающийся деятель Коммунистической партии Чехословакии, первый секретарь ЦК КПЧ, воспроизводит историю антифашистского, национально-освободительного движения словацкого народа в годы второй мировой войны, завершившегося общенародным восстанием в августе 1944 г. Г. Гусак был в то время членом нелегального ЦК КПС, одним из виднейших руководителей восстания, представителем КПС в Словацком национальном совете, инициатором многих революционных законов и распоряжений.

В книге дается глубокое научное объяснение интернационального характера восстания, его значения в новейшей истории Словакии, определяется его роль и место в общеевропейском движении Сопротивления. В ней раскрывается многогранная деятельность Коммунистической партии Словакии, ее руководящих органов, самоотверженная борьба коммунистов за национальное освобождение своего народа.

В книге высоко оценивается значение великих побед Советского Союза в Отечественной войне и его решающая роль в освобождении народов Европы от фашистского гнета.

Много интересного и поучительного найдет советский читатель в книге Г. Гусака о классовой сущности политики и деятельности буржуазной чехословацкой эмиграции и правительства Бенеша в период Словацкого национального восстания.

Текст настоящей книги переведен со второго издания, вышедшего в Братиславе в августе 1969 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Снова и снова мы осознаем, и особенно в эти дни, когда отмечается двадцатая годовщина Словацкого национального восстания, насколько это живые и волнующие страницы в жизни нашего народа. Мы верим, что оно таким будет оставаться для нас в течение долгого-долгого времени. В минувшие годы в политической публицистике, в исторических трудах, в художественной прозе эта тема заслуженно занимала большое место, хотя то, что говорилось о восстании, о его целях, задачах и значении, далеко не всегда находилось на должном уровне. Если взять сумму доказательств того, что восстание всегда было и по сей день является живой и волнующей страницей в жизни нашего народа, то можно напомнить и об усиленных стремлениях, продолжавшихся примерно на протяжении пятнадцати лет, исказить картину восстания, умалить его значение, приспособить к интересам и задачам того или иного момента, короче — обо всех этих деформирующих усилиях, которые в различные периоды культа отдельных личностей справедливо возмущали и огорчали как участников восстания, так и других его беспристрастных свидетелей. Но в конечном счете даже эти абсурдные суждения о восстании основывались на том, что оно определенно было выходом из общей политической ситуации. Теперь воспоминание о восстании превратилось в почитаемую традицию словацкой жизни вообще, социалистической жизни Словакии в частности. В этом прежде всего его огромное значение. Но и по сей день у восстания есть еще свои критики, потихоньку и исподтишка утверждающие, что оно было излишним. Дескать, и без него ситуация развивалась бы в том же направлении. И поэтому, мол, можно было и не проливать столько крови и слез, избежать многих лишений и больших трагедий.

Стратеги сомнительной борьбы с так называемым буржуазным национализмом в рядах Коммунистической партии Словакии до сих пор не могут осознать, какую мощную поддержку они оказали этим напештываниям базарных спекулянтов, когда начи-

ная с пятидесятих годов громогласно заявляли, что не признают многие характерные черты и значительные моменты восстания, намеренно замалчивали их или клеветали на восстание, не говоря уже о том, что его положительные результаты ими зачастую решительно отвергались. Фатальных сторонников пассивного выживания они убедили в том, что восстание, за которое пришлось дорого расплачиваться, было от начала до конца ненужной затеей.

Но вернемся к тем маловеерам, которых восстание, его результаты и судьбы убедили лишь в том, что не следует совать пальцы в огонь и не обязательно быть ложкой в каждой каше, к тем, кто такую свою позицию возводил в ранг наиболее «прозорливой» национальной политики.

Нет сомнений: нацистская Германия, пусть днем позже, все равно проиграла бы войну и без Словацкого национального восстания. И Гитлер, пусть не 30 апреля, неизбежно погиб бы под руинами своих планов о мировом господстве и без Бистрицы, без партизанских акций в словацких горах. Красная Армия дошла бы до Берлина и без помощи чехословацкой армии, созданной ранней осенью 1944 г. из войск словацкого государства. Произошло бы и обновление Чехословакии, хотя нельзя утверждать столь определенно, что без восстания, его политических и идейных постулатов, без соответствующей позиции Словакии и словацкого народа, занятой ими после освобождения, результат был бы тем же.

Презрительная усмешка маловееров нас не выведет из равновесия. Мы не станем с ними спорить о том, является ли достигнутый результат достаточным вознаграждением за все, что потребовало восстание: за кровь погибших и за слезы живых.

Но даже если бы история вознаградила нас в меньшей степени, все равно светлая память о восстании священна для нас, так же как и его доброе имя, его живое наследие и прочность наших обязательств, торжествующих над скептицизмом чисто внешней рассудительности и немудрой, ничем не обоснованной его недооценкой. Эта память торжествует над приземленным мудрствованием — должно или не должно было быть восстание, и над притянутыми за уши рассуждениями о том, почему оно было таким, а не другим. Память о восстании настолько выше всяческих утилитарных спекуляций, что спустя двадцать лет, в течение которых о нем столько говорено, мы можем утверждать, что и сейчас и в будущем оно будет живой составной частью нашей национальной жизни. Думается, что без преувеличения можно сказать о восстании: оно стало источником нового самосознания народа, участвовавшего в нем, надежным источником,

из которого народ черпает свою силу, сознание безопасности на нелегком пути, который нам довелось уже пройти, по которому мы идем сейчас и будем идти впредь.

Быть может, мои слова звучат несколько напыщенно, особенно для предисловия к серьезному, основанному на фактах и документах свидетельству о необходимости, возможностях, перспективах и результатах Словацкого национального восстания, как его дает в настоящей книге трезвый, рассуждающий весьма осторожно политик. Но мы, безусловно, не грешим против правил марксистской, материалистической оценки истории, когда привлекаем внимание читателя к столь «нематериальному» фактору в Словацком национальном восстании, и не испытываем никаких угрызений совести, особо акцентируя этот аспект, хотя в своих программных документах и прокламациях восстание никогда не ставило перед собой такой цели, как подъем национального самосознания народа.

Но даже божьи воины гуситской революции размахивали своими палицами и преследовали зигмундовцев не ради того, чтобы в будущем чешский народ мог ими бесконечно гордиться; так же как и бойцы Великой французской буржуазной революции побеждали в своих битвах не для того, чтобы навсегда остаться в памяти и сознании французского народа; парижские коммунары в конце минувшего столетия, а спустя полвека петроградские красногвардейцы — в период Великой Октябрьской революции — тоже ставили перед собой «более скромные» цели и не претендовали на то, чтобы создать и сформировать в гордых воспоминаниях последующих поколений память о себе, своем мужественном примере, о борьбе, полной самопожертвования, хотя это навсегда осталось в сознании революционных поколений, в памяти народов социалистических стран, трудящихся масс всего мира. А между тем именно таков их вклад, когда мы оцениваем его по прошествии многих лет и в свете последующих исторических событий. Таково их наследие. В борьбе за цели, вдохновлявшие их, они формировали историческое сознание масс и народов, и именно в нем они живут в течение веков. Более того, это историческое сознание призвано быть хотя и не единственным и исключительным, но, безусловно, одним из весьма значительных факторов в живом организме классовой или национальной общности. Оно придает ей характер и содержание, а порой и в афористическом сокращении выражает его наиболее живые внеисторические, не ушедшие в прошлое, весьма актуальные цели.

Значение Словацкого национального восстания заключается также в том, а спустя столько лет можно сказать прежде всего в том, что историческому самосознанию нашего народа оно придало, несомненно, прогрессивные и недвусмысленно революционные и демократические черты. Этот акт был нашим долгом перед самими собой. Им восполнил словацкий народ прежде всего свой собственный недостаток, из-за которого он страдал тем больше, что как нация мы начали осознавать себя уже в эпоху, все более отчетливо отмеченную пролетарскими революциями и их социалистическим демократизмом. Как трудно было бы нам шагать по этой эпохе без традиций, созданных в период Словацкого национального восстания, располагая лишь тем, что предоставила нам история до него!

Рассмотрим же важнейший фактор, наиболее живо формирующий национальное сознание и в нашем веке и по сей день оказывающий на него большое влияние: я имею в виду инициативу шуруповцев и словацкое восстание в 1848—1849 гг. Наряду с традицией Яношика, которая хотя и становилась во всеобщем сознании неотразимо прекрасной, возвышающей, но все же оставалась лишь романтической поэзией, шуруповская традиция была наиболее жизненной политической и идейной традицией в нашем национальном сознании. Целый век словацкая национальная жизнь черпает в ней силу и аргументы. Но по мере того, как в нашем веке распространялись все шире идеи прогресса и постоянно крепили идеи революции, прежде всего социальной, возникал вопрос, можем ли мы целиком и без всяких оговорок принять эту традицию как исходный момент и источник сил нашей национальной жизни. Сколько нерешительности, сколько противоречий и нелепостей было в нашей национальной жизни в течение столетия, предшествовавшего Словацкому национальному восстанию! Штур, пламенный борец против феодализма и за демократию, доведенную до реального равноправия народных масс, мог стать идеальным, буквально программным знаменем «наших» консервативных помещичьих элементов, тоскующих по «добрым, старым» феодальным порядкам, ибо он доказал свое «конструктивное понимание порядка» тем, что не колеблясь встал бок о бок с тогдашним гарантом этого порядка — венским монархом. Штур — сторонник демократической революции всеми своими мыслями и действиями — мог стать знаменем контрреволюции даже при жизни нашего поколения, так как — подумайте только! — кто поднял оружие словацкого восстания против венгерской революции? И разве его за это, так же как и остальных про-

тинников коштутовцев, не проклял сам Энгельс! Штур, любимец революционной Праги, которого накануне антигабсбургского бунта чествовала чешская патристически настроенная молодежь, сжигая демонстративно на пражских улицах антисловацкие и, в частности, направленные против него «Голоса...» Коллара, мог стать и стал еще при жизни нашего поколения античешским и чехофобским символом как для фашиствующего словацкого люмпенства¹, так и для чешских шовинистов. Ибо разве не он был тем, кто, подняв народную словацкую речь до уровня литературного языка, сказал Праге «прощай...», став виновником «чехословацкого раскола»? И в довершение всех парадоксов Штур, сознательно связывая судьбы своего словацкого народа с могуществом и будущим славянства, мог стать идейным щитом самого постыдного акта в нашей истории, которым без сомнений являлся пресловутый словацко-немецкий союз, борьба на стороне нацизма против славянства вообще и особенно против завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Мы не станем здесь анализировать, что добавляли и что умалчивали о подлинном Штуре словацкие консервативные мелкие буржуа, реакционная крупная буржуазия и фашистская контрреволюция с целью украсить его шапкой штурмовика, чтобы оправдать с помощью «штуровских идеалов» словацкое государство и предательство в отношении Чехословакии, демократии, прогресса, мрачный клерикальный фашизм и его стремление соединить судьбы небольшого славянского народа с таким явным врагом всех малых народов и славянских особенно, каким, безусловно, был немецкий империализм в гитлеровской сервировке. Правда, во многих деяниях, за которые Штура шумно прославляла наиболее отсталая часть словацкой буржуазии и ее агрессивный отряд — фашизм, Штур действительно не был виноват.

Внимательный взгляд на микрокосмос нашей национальной жизни в середине XIX века, а также сознание того, что во главе даже демократических революций стояли буржуазные классы, неспособные по своему характеру настолько подавить в себе свои социальные и национальные интересы, чтобы стать бок о бок и сохранить революционное единство с другими народами, во главе которых в конечном счете стояла тоже буржуазия, объясняют нам очень многое о причинах катастрофы европейских народов в 1848 г. Между прочим, и то, почему по существу демократическое, прогрессивное движение пробуждающегося словацкого на-

¹ *Людаки* — так называли в Словакии членов крайне реакционной Глинковской словацкой народной партии. (Прим. ред.)

рода при наличии многих революционных моментов оказалось при дележе хлеба в услужении венских Габсбургов, было использовано против венгерской революции. Национализм буржуазии свел на нет возможность соглашения народов для того, чтобы избавиться от Габсбургов — опоры европейской реакции. И если в Венгрии буржуазия пошла по правильному пути против Вены, то в Словакии, как и в других местах, она объединилась с «врагом своего врага», чтобы после его победы, спустя 10—15 лет (после деаковского реванша), снова покориться тирании тех, над кем она одержала победу, будучи на службе императора.

Я считаю, что подобное объяснение трагедии середины XIX века проясняет многое, но ничего не оправдывает, а тем более тот факт, что значительная часть словацкой буржуазии, имевшей заметное влияние на народные массы, спустя полвека, ничему не научившись на собственном опыте, вступила на узкую дорожку национальных и классовых интересов, которая привела ее и весь народ к дружбе с «врагом ее врага», в независимости от того, был ли это Бенеш или чехи, советский коммунизм или внутреннее словацкое революционное движение. Мы не хотим да и не можем положить руку на сердце сказать, что дружба словацкой буржуазии с Гитлером — опорой европейской и международной контрреволюционной реакции — вытекала только из исторического опыта. Мы не можем считать, что буржуазия настолько верна этой традиции: ведь она ловко игнорировала другие ее стороны, более вдохновляющие, прогрессивные и демократические, в том числе и подчинение церковно-религиозных интересов интересам национальным, образцом которого была веротерпимость, делавшая лютеран-штуровцев, возглавлявших словацкое национальное движение, приемлемыми даже для католического духовенства. Да и сама буржуазия по собственной воле, без Штура действовала бы в наше время так, как она и действовала, хотя ее позиции были куда более благоприятны, чем отчаянное положение Штура в незрелом, с низким уровнем сознания государстве; с враждебно настроенной против словацкого развития буржуазией, стоявшей во главе национального движения соседней Чехии, капитулировавшей в довершение ко всему перед Вильдшиггецом; с реакционной царской властью над самой большой надеждой славянства — Россией; и с агрессивной, в национальном отношении непримиримой венгерской буржуазией, которая стояла против штуровцев и которая неприкрыто сочетала революцию за независимость от Вены с правом угнетать и поглощать невенгерские национальности в Венгрии. Как видим, все это нельзя сравнить

с положением словацкого народа, в том числе и буржуазии, в XX веке, а между тем в ее историческом сознании все же взял верх наиболее слабый момент штуровского наследия: поиски сомнительной опоры в лице реакционной, контрреволюционной власти, которую в тридцатые годы нашего века представлял немецкий нацизм.

Но ведь это была буржуазия — наиболее ослепленная часть общества, ибо ею прежде всего владел страх за собственные, узенькие классовые интересы. Ничего другого от нее и нельзя было ожидать. Ее поведение, повторяем, и без Штура было вполне «логичным». Но нация оказалась бы в безнадежном положении, если бы ее молодой немногочисленный пролетариат и все слои, солидарные с ним, без протеста последовали за своей старчески усталой, запоздало рожденной и все же недоношенной буржуазией по ее «традиционному» пути. Оказалась бы! И после второй мировой войны и в будущем.

Словацкое национальное восстание прежде всего реабилитировало словацкий народ в глазах революционных народов Европы и всего демократического мира и раз и навсегда перечеркнуло мнение, что его «судьба», его историческое проклятие — роль рьяного прислужника контрреволюционной реакции, всякий раз, как она собирается помериться силами с революциями, движущими мир вперед. Восстание убедило сам народ в том, что следует отбросить ослабляющую его неуверенность в возможности сочетать в наших условиях преданность идее национальной самобытности с верностью прогрессу, демократии и революции. Короче, имеем ли мы, малый народ, словаки, право на место среди прогрессивных, демократических, революционных и социалистических народов. Более того, восстание недвусмысленно возвещает нам, прошедшим двухвековую историю, испытавшим на собственном опыте одну победу европейской контрреволюции и одну победу революционных сил, объединившихся с демократическими силами, что только в таком единении, только в дружном союзе с прогрессом — в войне или в мире — может обрести свое надежное место народ, во имя которого и за который было поднято оружие в восстании.

Оно возвестило миру нашу новую историю. Нам же дало новое историческое сознание. Это не так уж мало.

Заметим еще, что восстание бросает столь яркий свет на прошлое, что перед нынешним и будущими поколениями с необыкновенной четкостью вырисовываются положительные стороны событий, формировавших до него наше историческое сознание. Только

восстание способно было очистить некоторые аспекты нашей истории от недооценки и ошибочных постулатов, благодаря тому, что молодой класс — пролетариат, вынесший на своих плечах всю тяжесть восстания, и его политический авангард — партия — сумели подойти к словацкому национальному вопросу уже не как к единственному, стоящему обособленно, а как к одному из многих, даже таких, которые носят международный характер и имеют интернациональное значение. Словацкие национальные интересы — подчеркивает восстание в нашем историческом сознании — можно отстоять лишь в борьбе за прогресс, демократию, плечом к плечу с революцией, за социализм и никогда в противоречии с этими силами, а тем более в борьбе с ними.

Национальное восстание, когда мы на него смотрим сквозь призму нашего столетнего исторического развития, было важным, решающим звеном, венчающим процесс формирования словацкого национального самосознания.

Настоящая книга, как гласит ее название, является свидетельством одного из участников этого выдающегося акта в нашей истории. Но, учитывая функции, которые выполнял этот свидетель при организации и политическом руководстве восстанием, его рассказ будет если не исчерпывающей историей, то во всяком случае необходимым пособием при изучении полной истории Словацкого национального восстания. А если об этой книге говорить еще скромнее, то историк просто не сможет без нее обойтись.

Л. НОВОМЕСКИЙ

1964 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

События, происшедшие в 1943—1945 гг., которые главным образом описываются в этой книге — предыдущего периода я касаюсь очень коротко, — были перекрестком современной словацкой истории. В это время силы народа активно вмешались в решение вопроса о своем настоящем и будущем. Из многих источников современности и прошлого слагалось мощное освободительное движение, которое вылилось в Словацкое национальное восстание, ставшее важнейшей вехой национальной инициативы, воли, энергии, политического и военного движения против фашизма.

В сознании современников живет накопленный опыт и мудрость прошлых поколений и целых столетий. Ими проверяется политика и действия классов и наций, их цели и замыслы. Для словацкой истории характерно длительное социальное и национальное угнетение. Национальное порабощение усиливало социальный гнет словацкого народа. Оба эти вида угнетения замедлили в последнем столетии экономическое и политическое развитие словацкого народа, обрекали его на отставание от соседних наций. Остались нерешенными многие проблемы буржуазной революции, в ходе которой вырастал новый революционный класс, который, как говорит Маркс, не может вдохновляться поэзией прошлого, но должен смотреть прежде всего в будущее. В ходе второй мировой войны, особенно

в ее последние два года, у нас переплелись все проблемы классовых противоречий и вытекающей из них политической борьбы, которая прошла ряд этапов: национально-освободительная борьба против фашизма, национально-демократическая революция, которая в последующем переросла в революцию социалистическую. В ходе этого сложного развития один этап переходил в другой, последующий вытекал из предыдущего. В этой сложной внутренней и международной обстановке партия рабочего класса должна была искать и определять свою стратегию и тактику, определять свои непосредственные и перспективные цели, вести революционную народную борьбу. Всю сложность и противоречивость этого периода мы должны ясно видеть, если хотим понять события этих лет.

Эта книга пытается показать, как проходила у нас национально-освободительная борьба в ее последней фазе, какие в ней участвовали силы и какими путями они ее вели, как эти силы возникали в ее ходе, как они преобразовались в определяющие моменты развития последующих этапов в ходе освобождения и после него. Поворотным моментом этой борьбы и всей нашей истории является Словацкое национальное восстание. Его главным героем, носителем этой революционной борьбы являются широкие массы словацкого народа. Поэтому память о Словацком национальном восстании так глубоко укоренилась в сознании народа, является важной составной частью и его нынешнего образа мышления. Писать его историю поэтому означает описывать его образ мыслей, чувства и поступки широких слоев народа, описывать работу нелегальных организаций и борцов коммунистической партии, работу и деятельность других антифашистов, сотрудников национальных комитетов, борьбу партизан и воинов, трудящихся на заводах, в городах и в

деревнях и всех тех сотен тысяч людей, которые прямо или косвенно принимали участие в национально-освободительной борьбе и поддерживали ее. Сюда относится также и деятельность руководящих политических и национальных органов. Изучение, понимание и научная оценка этих многочисленных нитей сопротивления и самого восстания могут привести к созданию действительной истории Словацкого национального восстания.

Эта книга не претендует на то, чтобы быть историей Словацкого национального восстания. Она является свидетельством человека, который, будучи в руководстве партийных и национальных органов, принял участие в событиях, наблюдал их вблизи и считает своей обязанностью правдиво рассказать о борьбе словацкого народа, которую он знает. Рассказать правду о Словацком национальном восстании сегодня необходимо именно потому, что в годы культа личности его славная история была извращена, факты искажены, многие участники национально-освободительной борьбы были дискредитированы, унижены и репрессированы. История Словацкого национального восстания в прошлые годы излагалась субъективно. Необходимо вернуть событиям их истинное лицо, показать главные черты восстания: его массовость, народность, национальный характер и вместе с тем выявить подлинную роль отдельных лиц, которую они действительно играли в те годы, ибо правдивая история должна научить нас многому и сегодня, она может быть источником гордости и нравственной силы нашего народа.

Я сосредоточился в этой книге на освещении особенно тех политических событий 1943—1945 гг., которые в нашей литературе и пропаганде чаще всего затушевывались и искажались и для освещения которых

у честного историка, как правило, не хватало документов, необходимых для правдивого изображения и оценки событий. Я стремился писать о событиях и личностях объективно. Однако я признаюсь, что не могу думать и писать о Словацком национальном восстании, о национально-освободительной борьбе «*Sina ira et studio*» без любви к друзьям и без ненависти к врагам, предателям и трусам. Меня волнуют эти события всегда, когда я о них вспоминаю, когда я вижу живые лица людей, которые направляли события истории, несли на своих плечах ее бремя и отдавали за свободу свою жизнь. Это живые лица тысяч самоотверженных людей, из которых я в этой книге могу бегло упомянуть лишь некоторые имена, хотя в моей памяти они останутся навсегда, ибо без них не было бы ни самого восстания, ни его истории. Кто же опишет всю эту самоотверженность, отвагу и героизм, энтузиазм и боевые качества, страдания и жертвы, самопожертвование, горечь и славу десятков тысяч антифашистов, коммунистов и некоммунистов, воинов и партизан в деревнях и селах, на фронтах восстания, в тюрьмах и концлагерях, в бараках для военнопленных, страдания мужчин и женщин, молодых и старых, для которых Словацкое национальное восстание было важнейшим делом их жизни? Из кирпичиков их личной деятельности возникла великолепная мозаика, картина нашей победы, которая всегда будет свидетельствовать о том, какой вклад внес словацкий народ в антифашистскую борьбу за свою свободу и за свободу других народов.

Вначале я хотел написать воспоминания, опубликовать личное свидетельство о событиях и людях тех лет. После изучения доступной литературы я понял, что необходимо сделать больше. Сделать попытку бросить суммарный политический взгляд на Сопро-

тивление и восстание (1943—1945 гг.) со всей сложностью и противоречивостью того периода, в котором антифашистская борьба слилась с началом национально-демократической революции, когда борьба за поражение фашизма была прямо связана с борьбой за новый строй нашей республики, за новое, свободное положение трудящегося народа. Поэтому эта книга является сочетанием воспоминаний и политической оценки восстания и событий, непосредственно предшествующих ему и следующих за ним. Однако даже мемуарная часть не является чисто личной: я стремился к тому, чтобы отразить точки зрения и взгляды всего тогдашнего руководства Коммунистической партии Словакии. И для того, чтобы как можно надежнее избежать субъективной оценки событий, я проверяю свои воспоминания документами, которые мне были уже частично знакомы в 1943—1945 гг., частично стали доступны позднее. Речь идет о том, чтобы наша сегодняшняя точка зрения на события, происшедшие 20 лет назад, была как можно более объективной.

Пусть историк исправит все то, что я показываю неточно и, возможно, тенденциозно в этом свидетельстве, написанном горячим сердцем участника событий и коммуниста. Пусть писатель изобразит всю глубину духовных переживаний антифашиста, добровольно боровшегося с фашизмом не на жизнь, а на смерть, в то время как политический работник вынужден хладнокровно взвешивать в своей книге факты и события и считаться с результатами политического и психологического настроения широких масс. Ведь задача показать Словацкое национальное восстание во всей широте и глубине его влияния на жизнь нашего народа, на его образ мыслей и поступки превышает возможности людей, работающих в одной об-

ласти. Люди меняют мир, но в ходе этих перемен они сами становятся другими. Таким историческим событием, которое существенно способствовало изменению положения словацкого народа и в процессе которого наш народ сам претерпел значительные перемены, и были Словацкое национальное восстание, события, предшествовавшие ему и происшедшие после него. Поэтому эта книга является лишь скромным вкладом в освещение великой истории нашего народа, к которой мы будем возвращаться в связи с 20-летием Словацкого национального восстания. Я посвящаю ее памяти погибших участников Словацкого национального восстания и воспоминанию о живых.

Густав ГУСАК

Братислава, март 1964 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Книгу «Свидетельство о Словацком национальном восстании» я готовил перед декабрьским пленумом ЦК КПЧ в 1963 г., на котором было принято решение о политической реабилитации «словацкого буржуазного национализма» и тем самым был высказан новый взгляд на Словацкое национальное восстание. Литература, которая была доступна мне в то время — это касается отечественной и зарубежной литературы, — носила отпечаток искаженных представлений об истории Словацкого национального восстания и о его деятелях. И издание этой книги было связано со значительными трудностями. Она была подвергнута цензуре нескольких комиссий, тираж ее был намеренно занижен.

С 1964 г., когда книга впервые вышла, когда частично был облегчен доступ к документам и освещение событий периода войны и антифашистской борьбы стало более правдивым, у нас и за рубежом появились многочисленные произведения о событиях военных лет, в которых освещались новые факты, высказывались новые точки зрения. Поэтому я подумал о переработке этой книги, о ее дополнении и расширении. Я хотел также обработать материал периода первых месяцев после освобождения, после Жилинской конференции Коммунистической партии Словакии.

До 1968 г. не удалось подготовить второе издание этой книги. Политическое развитие в 1968 г. наложило на меня столько новых обязанностей, что я из-за работы не мог посвятить себя переработке книги. Поэтому она выходит в своей основе такой же, какой она была в 1964 г., с небольшими изменениями и до-

полнениями. С принципиальной точки зрения мне и сегодня нечего менять в оценках, данных мной в 1963 г. Конечно, теперь я учел бы результаты новейших политических исследований проблематики антифашистской борьбы и Словацкого национального восстания. Тем более что в связи с 25-летием Словацкого национального восстания, которое мы будем в этом году отмечать, уже нет никаких препятствий к тому, чтобы наша научная литература исходила из собственных критериев, то есть чтобы она смогла объективно оценить важнейшие моменты нашей истории.

Сознавая эти некоторые недостатки, я согласился на второе издание книги. Я благодарю тов. д-ра Вильяма Плевзу за помощь, оказанную в работе над некоторыми исправлениями во втором издании.

д-р Густав ГУСАК

Братислава, 3 июня 1969 г.

Часть первая

**ПОДГОТОВКА
СЛОВАЦКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОССТАНИЯ**

1. СЛОВАЦКОЕ ГОСУДАРСТВО

Словацкое государство родилось под знаком нацистской тирании в Европе, посягательства Гитлера на свободу народов, жестокого подавления и ликвидации демократических и прогрессивных сил, накануне мировой войны, развязанной германским империализмом и милитаризмом. Немецкий нацизм выискивал и поддерживал аналогичные силы в разных государствах, оказывал им поддержку как пятой колонне и включал их в свои планы господства над миром. Когда речь зашла о ликвидации ЧСР, он нашел такого союзника в Словакии, прежде всего в лице словацкой сепаратистской буржуазии, в руководящих кругах Глинковской словацкой народной партии*. После Мюнхенского сговора и капитуляции правящей чехословацкой буржуазии к власти в Словакии пришла Глинковская словацкая народная партия — политическая организация крайне правой и наиболее хищнической части словацкой буржуазии, которую поддерживали католические клерикалы, партия с явно выраженными профашистскими и антидемократическими тенденциями развития в последние годы перед Мюнхеном. И этой антинародной Глинковской партии в октябре 1938 г. правящая чешская буржуазия передала всю политическую власть в Словакии. Передала без боя. После Мюнхена это была вторая позорная капитуляция. И не только капитуляция. Словацкие филиалы правящих чехословацких партий подписали 6 октября 1938 г. Жилинское соглашение, согласно которому они одобрили «проект Глинковской партии на издание конституционного закона об автономии Словакии» и категорически потребовали «немедленно пе-

* ГСНП, или людаки.— (Прим. ред.).

редать в руки словацкого правительства» во главе с Тисо всю законодательную и исполнительную власть в Словакии. Они сделали так, посоветовавшись или по приказу своих пражских центров, и вскоре предприняли следующий капитулянтский шаг в угоду словацкому фашизму. 10 ноября 1938 г. аграрники, народники, националисты, национал-социалисты, живностенцы* и фашисты подписали совместно с руководством Глинковской партии соглашение об «объединении политических партий в Словакии», то есть о ликвидации собственных партий и о монопольном положении ГСНП. В совместно принятом обращении к словацкой общественности говорилось: «...с сегодняшнего дня мы имеем только одну партию и один народ. Так исполнилась вековая мечта словацкого народа... В духе заветов Глинки мы объединились... Таким образом, ГСНП... становится подлинным и единственным представителем и выразителем воли словацкого народа...»

Был праздник «народного братания». По всей Словакии гремели колокола. Словацкая правящая, ориентирующаяся на Чехословакию буржуазия, которая в течение 20 лет состояла приживалкой при чешской буржуазии и которая якобы была главной опорой единства Чехословацкой республики, побраталась с сепаратистской буржуазией Глинковской партии. Побратались представители политического католицизма и евангелизма в надежде на общую кормушку, на общую прибыль, на общую власть над словацким народом. Это «трогательное» единство всех буржуазных партий осенью 1938 г. придало приходу фашистских сил к власти в Словакии ореол «национальной победы», «национального единства». В ноябре 1938 г. Тисо самоуверенно провозгласил: «Классовые различия прекратили свое существование, и теперь мы имеем единый народ». А чтобы никто не решался вспоминать об этих «классовых различиях», уже в октябре 1938 г. была запрещена Коммунистическая партия Словакии, а вскоре и социал-демократическая партия, были запрещены социалистическое профсоюзное движение и все демократические и прогрессивные союзы, журна-

* Названия представителей буржуазных партий разных толков, существовавших в период первой республики. (Прим. ред.)

лы, организации. Весь парламент торжественно проголосовал за закон об автономии, и только коммунистические депутаты голосовали против. Торжественно и единодушно были избраны депутаты словацкого сейма — по образцу гитлеровских выборов. Волна национализма достигла своего апогея. Даже многих простых людей сбила с толку такая «победа». Это были печальные дни для прогрессивных и демократических сил в Словакии и во всей республике. Сидор в своих мемуарах сетует на то, что тогда ему, как заместителю председателя чехословацкого правительства, официант в Праге плюнул в суп. В этом он увидел проявление чешского шовинизма. И наверняка ему даже в голову не пришло, как много словацких демократов плюнули бы тогда ему прямо в глаза, если бы он был руководителем глинковских штурмовиков и одним из главных представителей фашиствующего крыла ГСНП, похоронившего демократические свободы и права словацких трудящихся.

Следующий этап автономизации Словакии в планах Гитлера логически вылился в ликвидацию ЧСР 14—15 марта 1939 г. В кабинете Гитлера 13 марта 1939 г. был решен вопрос о словацком государстве.

К. Чулен пишет о том, что Тисо говорил ему в эмиграции о берлинских переговорах: «Риббентроп сказал мне, что в жизни народа бывают порой случаи, которые уже не повторяются. И вот такой случай судьба посылает вам. Мы вас не станем ни к чему принуждать, но тогда мы потеряем интерес к дальнейшим судьбам Словакии. Чехословацкая республика будет ликвидирована. Я ясно видел создавшееся положение, так что выбора не было, и я решился; а когда я решился, то дал себе слово, что мы покажем миру, что это возможно»¹. На заседании словацкого сейма, состоявшемся 14 марта 1939 г., Тисо доложил о своих переговорах с Риббентропом и Гитлером. О своем ответе Гитлеру он вспоминает следующее: «Находясь под впечатлением вашей речи, прошу простить меня, если я не скажу вам ничего конкретного, но я уверяю вас, что вы никогда не обманетесь в сло-

¹ К. Чулен. После Святопулка — наша вторая глава. США, 1947, стр. 234.

вацком народе и что словацкий народ не даст вам повода когда-либо пожалеть о том, что вы сделали для словацкого народа и за что мы вам благодарны»².

Из конгломерата немецкого нацизма и словацкого фашизма, который культивировался уже довольно длительное время и который представляли нацистский тиран и словацкий фашиствующий священник, родилось государство, одобренное уже на следующий день объединившимися депутатами словацкой буржуазии в словацком сейме. Это был весьма печальный день, когда в Братиславе 14 марта 1939 г. руководство ГСНП при молчаливом согласии других представителей словацкой буржуазии осуществило план Гитлера о «самоопределении» Словакии. Не было никаких торжеств, манифестаций, не было никакой радости — все это придумали глинковцы уже впоследствии, дополнительно. Спустя шесть лет, находясь в эмиграции в Австрии, Тисо сказал К. Чулену с грустью: «Словакам свобода досталась дешево, в подарок. Не было жертв за словацкую независимость. Поэтому ее и не ценили!» Итак, виноват был якобы словацкий народ!³.

Тисо, даже после полного своего поражения, не понял, что словацкий народ не ценил «свободу и самостоятельность словацкого государства» не потому, что он не должен был их окупить большими жертвами, а потому, что для огромного большинства словацкого народа это не была ни свобода, ни самостоятельность. Это был для него подарок Гитлера, дар данайский, со всеми отсюда вытекающими последствиями — фашизацией Словакии. Словацкое государство было вассалом гитлеровского рейха; оно возникло и продержалось в течение нескольких лет по милости Гитлера. Оно всегда, с самого начала и до конца своего существования, находилось в зависимости. Нацистская Германия полностью подчинила себе политику и экономку словацкого государства. Всякая, даже малейшая

² Там же, стр. 244.

³ Фашистские диктаторы всегда сваливают свой неуспех на народ. Зять Муссолини — Чиапо приводит в своих воспоминаниях целый ряд фактов о подобных изречениях Муссолини. Итальянцы, как считал Муссолини, — это ошцы, которые не доросли еще до величия его идей, поэтому, дескать, их необходимо кнутом гнать к национальному величию.

попытка обрести эту самостоятельность или хотя бы нейтралитет кончалась немецким вмешательством, как это было во время зальцбургских событий 1940 г. Немецкие интересы, немецкая воля, немецкие нужды и приказы — вот рамки «самостоятельности» этого государства, которое якобы было «делом сердца» Гитлера и находилось под его охраной. Таковы исторические факты.

В апреле 1936 г., произнося речь в парламенте, Тисо снова сделал один из очередных выпадов против СССР. И тогда в парламенте выступил Владо Клементис. Он отметил, что далеко не все равно, с какими силами объединяется национальное движение народа за свои права. Он напомнил о 1848 г., когда Штур объединился с венскими императорскими кругами против венгерской революции, а словацкому народу пришлось за это расплачиваться: «Штур просчитался, когда соединился с реакционными международными элементами. И сегодня словацкий народ снова стоит перед решением того же самого рокового вопроса, должен ли он объединиться с реакционными элементами мира, для которых словацкий народ явится лишь довеском, а скорее просто жертвой, или он должен объединиться с прогрессивными международными силами, результатом чего явилась бы возможность дальнейшего полного культурного и социального развития словацкого народа. И поскольку сидоровцы отвечают на этот вопрос еще худшей ошибкой, чем Людовит Штур, ясно, что их политика катастрофична, что это политика, которая может привести словацкий народ в еще более ужасное положение, чем в каком он находился после 1848 г.»

Тисо и вся руководящая клика Глинковской словацкой народной партии объединились с самыми реакционными международными кругами, с их помощью дорвались до власти, приняли их концепцию «новой Европы», «нового порядка». Словацко-германская дружба явилась почвой, на которой процветало руководство Глинковской партии. А. Мах высказался о преданности всей компании 27 марта 1940 г.: «Никогда наше прекрасное будущее не было столь замечательно обеспечено, как сегодня, когда мы стоим рядом с не-

медким народом, с которым мы совместно участвуем в строительстве нового, более совершенного мира. Не верьте тому, что мы предали историю, когда присоединились к немцам. Напротив, мы вернулись к истории, мы встали на путь немецко-словацкой дружбы, которая оправдала себя тысячу лет тому назад...»⁴. Фальсификацию словацкой истории он закончил следующим поучением: «От Арнульфа до Гитлера ведет этот путь, от Прибина до президента Тисо, через борьбу Глинки и Разуса, через могилы и тюрьмы урбановцев и туковцев. Не пойти по этому пути — это значит ринуться в погибель, предать этот путь — это значит потерять свободу словацкого народа»⁵.

И в таком духе прислужников нацизма выступали деятели словацкого государства один за другим. Тисо И. Гашпар, который когда-то заигрывал с демократическими течениями, стал пламенным защитником «новой ориентации». Он говорил: «Уже на этом выдающемся отрезке словацкой истории (период Великоморавской империи) оправдала себя политическая немецко-словацкая сопринадлежность, как решающий фактор в развитии словацких судеб... В свете этого исторического урока раз и навсегда останется политическим законом словацкого народа то, что здоровое двухстороннее, полезное немецко-словацкое содружество явится жизненно необходимым, обязательным и формирующим принципом словацкого народа и его государственного существования»⁶.

Лакейскому отношению к империалистическому нацизму соответствовала и словацкая политика, экономика, культура, наука — словом, все. В пронацистскую истерию впадают также представители клерикального фашизма, особенно после нападения Гитлера на СССР. 26 июня 1941 г. Тисо заявил: «Сегодняшний день, когда словацкий народ снова провозгласил, что он встал рядом с другими культурными народами в Европе, заняв подобающее ему место в семье других народов для защиты европейской культуры, является

⁴ И. О. Петреас. Новая Европа и Словакия. Братислава, 1942, стр 32—33.

⁵ Там же, стр. 68—69.

⁶ Там же, стр. 38.

логическим следствием того, что у нас происходило до сих пор... Если бы в Европе победил большевизм, это был бы конец существования словацкого народа и самостоятельной Словакии»⁷. Чатлош в приказе по армии от 26 июня 1941 г. тоже выходит из положения с помощью ссылок на историю: «Словацкая армия в этой борьбе выполнит заветы славного генерала Штефаника... который еще в 1918 г. в Сибири, располагая горсткой преданных ему словацких добровольцев, хотел организовать бескорыстный поход против большевистских развратителей... То, что не удалось генералу Штефанику из-за нерешительности и неподготовленности его тогдашних союзников, сегодня, в союзе с победоносной немецкой армией, удастся словацкому войску, которое внесет свой вклад в освобождение Европы от вечной угрозы разврата, насилия, унижения человеческого достоинства»⁸.

Словацко-немецкая дружба в войне против СССР являлась логическим продолжением старого антикоммунизма Глинки. Словацкая фашистская верхушка всегда хвасталась своей давней ненавистью к большевизму. Тука в Берлине проповедует, что «словацкий народ с самого начала относился к тем народам, которые приняли принципы пакта антикоминтерна и соответственно применили их в своей политической программе»⁹. Людацкие главари резко выступают против оживления славянских традиций, против все возрастающих симпатий словацкого народа к борющемуся советскому народу. 7 июля 1942 г. Тисо, выступая в Михаловцах, заявил: «Мы не боремся против русских братьев, а против сатаны, вышедшего из пекла, и мы будем с ним сражаться до тех пор, пока не уничтожим большевизма. Так мы охраняем порядок, цивилизацию, справедливость и социальное равенство». А 28 июня 1942 г. в Старых Горах он говорит: «Мы не хотим иметь ничего общего с нашим славянским братом до тех пор, пока этот славянский брат является большевиком. С большевиком, если он сло-

⁷ Там же, стр. 72.

⁸ Там же, стр. 73.

⁹ Там же.

вак, мы тоже не хотим иметь ничего общего, ибо он не словак»¹⁰. Эту мысль Тисо развил и в своем выступлении перед студентами 2 июня 1942 г.: «С большевиком, пускай это даже словак, мы никогда ничего общего не хотим иметь, искоренять его надо до конца»¹¹.

Тисо поставил все карты на Гитлера, на его рейх, на его «новый порядок». Но это была односторонняя любовь. Нацистам нужны были гарантии внутри словацкого государства. Одной из них было немецкое меньшинство в Словакии. В соответствии с полуофициальной публикацией «Ди Словакаи» («Die Slowakai») «немецкая национальная группа по своему количеству наиболее сильна. По предварительной переписи населения от 31 декабря 1938 г., она насчитывает 128 тысяч человек. В этих данных немецкая сторона вполне оправданно сомневается... По немецким предположениям, на территории сегодняшней Словакии проживает примерно 150—155 тысяч немцев...»¹². Немецкое меньшинство во главе с Кармасином и террористическими частями ФС являлось с осени 1938 г. пятой колонной нацизма в Словакии. Оно сыграло свою роль также и в деле уничтожения ЧСР и возникновения словацкого государства. В течение всего времени оно было внутренней угрозой тисовскому режиму, его контролером внутри страны и в то же время привилегированной частью населения. Кто пережил эти годы в Братиславе, помнит «культурные вечеринки», устраиваемые ФС и ГГ (глинковские штурмовики.— *Прим. ред.*), когда разбивались окна, витрины магазинов и выбивались зубы у прохожих, помнит наводняющие город свастики на улицах, где жили «домашние» немцы. Напыщенность этой «высшей расы», требовавшей для себя руководящие посты в области экономики, просвещения, в политической жизни и считавшей себя представительницей Гитлера в Словакии, вокруг которой представители людаков вились выюном, которую они должны были подкупать, чтобы

¹⁰ Там же, стр. 78.

¹¹ Там же, стр. 80.

¹² М. Шварц. Словакия. Берлин, 1943, стр. 29.

словацко-немецкое братство могло проявиться на практике, была одной из причин все возрастающего антинемецкого и антифашистского Сопротивления в Словакии.

Для осуществления своих планов нацисты использовали и распри внутри руководящей клики клерикало-фашистского режима. Наиболее ярко это проявилось во время событий в Зальцбурге летом 1940 г. Будучи в эмиграции, Чулен пишет о причинах вмешательства Гитлера в дела руководства словацкого государства следующее: «Определенные немецкие круги в Словакии, провозглашая национальный социализм, атакуя плутократию и капитализм, пытаются завладеть всем, чем возможно. Это был прежде всего Дюрчанский, который в качестве министра внутренних и иностранных дел стремился как-то противостоять немецкому вмешательству на ниве экономики. То, что происходило в Словакии — было ли это прежде чешским, еврейским или венгерским делом, он хотел передать из чужих рук в словацкие, а не из одних чужих рук в другие. Уже в начале 1940 г. немцы заявили ему, что, если он собирается продолжать в том же духе, ему придется уйти. Тука хорошо знал, что он сможет заполучить неограниченную власть только с помощью немцев... Поэтому он стоял на их стороне. Он разработал обширный меморандум для немецкого правительства и в нем непосредственно просил, чтобы немецкие круги вмешались в словацкие события, ибо их интересы находятся под угрозой... Это была борьба за власть, в которой интересы народа были отброшены в сторону»¹³. Правда, Чулен приукрашивает облик Дюрчанского, одного из самых агрессивных пропагандистов фашизма еще с домюнхенских времен. Но и в этой характеристике он показывает, с одной стороны, корыстолюбие словацкой буржуазии, а с другой — немецкое вмешательство и немецкое господство над Словакией. После событий в Зальцбурге в Братиславу прибыл новый немецкий посол Лудин. Это был «властный, не очень-то дипломатич-

¹³ К. Чулен. После Святопулка — наша вторая глава. США, 1947, стр. 234.

ный человек, начавший сразу действовать как хозяин Словакии. Он выступал за перемены»¹⁴. Лудин в своей речи в Кежмарке, где ему ассистировал Кармасин, использовал изречения, необычные в истории дипломатии. Он сказал, что немецкой империи безразлично, стоит ли во главе Словакии Х или У, но что этот некто в любом случае обязан подчиниться немецким требованиям. В руководящих кругах словацкого государства из-за этого произошел небольшой переполох, но деваться было некуда: вассальное положение заставляло их глотать и такие пилюли. И не только глотать, но и послушно выполнять приказы. В уже упоминавшейся книге Шварц пишет о последствиях Зальцбурга: «Из словацкого министерства иностранных дел должны были быть уволены все те элементы, которые мешали словацко-немецкому сотрудничеству и которые хотели проводить «собственную» словацкую внешнюю политику»¹⁵. Право, с вассалами не было никакой нужды церемониться.

Придворный философ Тисо, католический священник Ш. Полакович, известный тем, что занимался разложением малолетних, написал несколько книг, где словацкую разновидность нацизма он выдает за «науку Тисо». В заключительной главе он цитирует Тисо: «Давайте будем строить народную Словакию в соответствии с директивами национал-социализма! — таков наш лозунг на будущее. И мы так делаем не только из-за превеликой благодарности к великогерманской империи и ее благородному вождю Адольфу Гитлеру, но и в интересах нашей национальной и государственной жизни. Не только в силу договоров, но и в силу общности оружия и жизненных интересов мы включены в жизненное пространство, которое для новой Европы уже сейчас готовит национал-социализм...»¹⁶.

В какое общество, к каким международным силам хотел Тисо подключить словацкий народ? Сам он об этом сказал так: «Мы становимся в ряды уже марши-

¹⁴ Там же, стр. 266.

¹⁵ М. Шварц. Словакия. Берлин, 1943, стр. 46.

¹⁶ Ш. Полакович. Наука Тисо. Братислава, 1941, стр. 371.

рующих народов, чтобы внести свою скромную лепту в создание новой Европы. Уже налицо фронт новой Европы, который... выглядит следующим образом: национал-социалистическая Германия, фашистская Италия, фалангистская Испания и народная Словакия...»¹⁷. Фашистское иго надо всей Европой являлось образцом и примером для подражания для словацких фашистов, которые из всех сил стремились занять в этой «новой Европе» почетное место.

* * *

Людацкая буржуазия, однако, была счастлива, что может править словацким народом даже в таких условиях. На съезде ГСНП 1 октября 1939 г. Тисо провозгласил: «Мы выбрали немецкую ориентацию, ибо мы в нее верим... Я заверил Гитлера, что он никогда не разочаруется в словацком государстве». Съезд ГСНП в восторге от перспектив власти и обогащения, он единогласно одобрил эту линию. А немецкая ориентация значила: война. Гитлер действительно не был разочарован, а Тисо и компания рассылали словацких солдат по всем фронтам, куда только требовали нацисты. Немецкая ориентация — это были нюрнбергские законы и нацистский антисемитизм. Словацкие фашисты, не колеблясь, ввели целую систему унижений и преследования евреев, вплоть до массовой их вывозки в немецкие лагеря смерти. «Немецкая ориентация» — это было подавление всех демократических свобод, рабочего и социалистического движения. Вместо избранных органов в селах властвовали людацкие комиссары, была введена тоталитарная система, вся печать и публичные выступления стали на одно лицо. Фактически это был террор людацкой верхушки и глинковских штурмовиков в селах, районах, во всем государстве. А для «непослушных» как неизбежная составная часть «немецкой ориентации» — концентрационные лагеря и полицейский режим. Никогда столько словаков не сидело в тюрьмах, как в период словацкого государства. «Немецкая ориентация» —

¹⁷ Там же, стр. 373.

это был немецкий нацизм, перенесенный на словацкую почву и все более последовательно и жестоко насаждавшийся в Словакии. Таково было содержание «словацкой свободы».

Реакционный характер национальной буржуазии в полной мере разоблачает себя в собственном «национальном» государстве тогда, когда он уже не может злоупотреблять национальными лозунгами, поскольку «свобода» достигнута. Словацкая буржуазия, прежде всего отталкиваемая на задний план, получила в словацком государстве великолепную возможность обогащаться, используя политическую власть, она атаковала конкурирующую с ней чешскую буржуазию (а также и еврейскую и частично венгерскую), «национализировала», то есть взяла в свои руки, банки, промышленные предприятия, поместья и т. д. — короче, все, что разрешили ей ее немецкие хозяева. С помощью подобной «национализации» и «аризации» ряды словацкой буржуазии росли и множились. Так начала формироваться прослойка типичной крупной буржуазии, создающая концерны из предприятий. Военная конъюнктура была благоприятной и для инвестиционной деятельности, и, таким образом, расширялись и создавались новые предприятия, а наряду с ними росли и военные прибыли. Этот класс обогащался за счет словацкого государства, рос и креп в экономическом и политическом отношениях. Он стал правящим классом, а потому и самым богатым. При нем урывала свое и часть интеллигенции, проникшая на руководящие посты государственного и хозяйственного аппарата.

Массы крестьян не получили ничего. Почти всегда в военное время растет спрос на продукцию сельского хозяйства, а затем наступает связанное с этим снижение задолженности крестьян. Обещанная земельная реформа, однако, оказалась простым обманом: государство, охранявшее интересы крупных помещиков, не могло удовлетворить насущные потребности крестьян, в частности беднейших из них. Рабочий класс, лишенный политических прав, политических и профсоюзных организаций, теперь эксплуатировался собственной национальной буржуазией. Его положение ни в чем

не улучшилось. Десятки тысяч словацких рабочих были вынуждены искать работу в Германии.

В социальной структуре Словакии, в решении ее социальных проблем клерикально-фашистский режим людаков не принес ничего нового, ничего положительного. Антагонизм между правящей, эксплуататорской словацкой буржуазией и словацким пролетариатом, трудящимися крайне обострился. И вокруг этого классового противоречия стали постепенно кристаллизоваться политические силы.

Было время, когда в XVIII и XIX веках рождающаяся буржуазия вступала в антифеодальную борьбу с революционными лозунгами, требуя свободы, братства, равноправия. Тогда она являлась ведущей прогрессивной силой общества. Писать об идеологии правящей словацкой буржуазии периода словацкого государства невозможно без иронии и чувства пренебрежения. Импортированный нацизм соединился с реакционным мировоззрением католических клериков, «словацкий национальный социализм» Тука и Маха — с тисовским «христианским тоталитаризмом». Черная форма глинковских штурмовиков и черное облачение политиканствующих монахов — таковы были символы идейного уровня и всей идеологии клерикально-фашистского режима. Штурмовики, богаты, сельские священники, процессии в день вознесения в присутствии военных и министров, церковно-государственные школы, расширенные ряды духовенства и монашеских орденов, незуитизм в религии и политике — все это обрамляло их идеологию. Политика ружомберского прихода со сливовицей и преферансом, эта политика деревенских и поселковых священников, облаченная в форму глинковских штурмовиков и повторяющая патологические извращения немецкого нацизма, — такова была идеология руководящей прослойки словацкого государства, его государственная идеология.

Из этих рамок руководство фашистского государства особо выделяет яркий национализм и антикоммунизм. Словацкий национализм становится особенно оголтелым, когда заходит речь о чехах, евреях и венграх. Вековая словацкая нищета, неудовлетворенность

трудящихся масс должны были быть использованы для разжигания этой национальной неприязни и ненависти. Словацкая буржуазия, которая в результате объединения буржуазных партий в 1938 г. «ликвидировала классы» словацкого народа, естественно, «не признавала» марксистскую теорию классовой борьбы, не могла и не хотела указать настоящие причины нищеты и тяжелого положения трудящегося народа, не могла и не хотела показать классовые корни национального гнета в прошлом. Отсюда и националистическая истерия, цель которой—привлечь широкие массы населения на сторону фашистского правительства и его «национальной» политики, то есть его коллаборационистского прислуживания нацизму, а также замаскировать классовую эксплуатацию, осуществляемую теперь столь интенсивно уже собственной «национальной» словацкой буржуазией. Националистическая истерия людацкого режима должна была быть одновременно опорой всевозможных будущих шагов для поддержки, в частности, идеи, направленной против обновления общего чехословацкого государства. Именно поэтому основная тяжесть людацкого шовинизма была направлена против чешского народа и против идеи совместной жизни с ним в одном государстве.

Античешская ненависть, антисемитизм и антикоммунизм уже давно были взяты на вооружение Глинковской словацкой народной партией, собственно, с самого ее возникновения. В период существования словацкого государства в соответствии с нацистской «немецкой ориентацией» людацкая пропаганда раздула эти тенденции до невероятных размеров, превратив их в государственную доктрину.

Особую роль в идеологии словацкого государства, в его политике и всей общественной жизни играла католическая церковь. Уже основной глинковский лозунг «За бога и за народ» явился выражением симбиоза людацкого национализма и клерикализма. Главным инструментом людацтва, который обеспечивал ему влияние на массы, была в течение всего времени католическая церковь, ее словацкая иерархия и многочисленное духовенство, ее влияние на массы

верующих. В словацком государстве вся эта церковная машина за небольшими исключениями была главной опорой режима. Католические клерикалы во главе с Тисо были непосредственно привлечены к работе в органах Глинковской партии и в государственных органах. Священники были депутатами, администраторами, районными председателями ГСНП, функционерами и т. д. Таким образом, церковь стала столпом этого клерикально-фашистского режима, она поддерживала его и компрометировала себя вместе с ним. Она требовала для себя привилегированного положения в области воспитания, в школах, в политике и экономике государства. Итак, в период, когда нацизм преследовал католицизм в других странах (Польше, Франции и других), в Словакии католические священники боготворили Гитлера, одобряли нюрнбергские законы и принимали участие в фашизации страны. Здесь развивался боевой клерикализм средневекового типа, который под маской «христианского тоталитаризма» жил в мире с нацизмом, одобрял его грубое подавление всего демократического и прогрессивного.

* * *

В развитии словацкого государства мы наблюдаем примерно три этапа: а) 1939—1941 гг., б) 1941—1944 гг., в) период начала Словацкого национального восстания вплоть до освобождения страны.

На первом этапе некоторые деятели Глинковской словацкой народной партии еще сохраняют определенные традиции домюнхенской республики, процесс фашизации развивается постепенно, во главе экономики стоят деятели демократического толка (Карваш, Затько и другие), немецкое вмешательство (особенно до Зальцбурга в июле 1940 г.) не столь явно. Это период консолидации тисовского режима при значительной поддержке масс, обманутых националистической пропагандой о достижении национальной свободы и независимости. Международное положение словацкого государства было также относительно прочно, и многие государства поддерживали с Братиславой дипломатические отношения: у СССР и Югославии

здесь имелись свои послы, Великобритания была представлена консулом, связи с США находились на стадии договоренности, у Ватикана был в Братиславе нунций и т. д. Развивались и экономические контакты с заграницей. Словацкое народное хозяйство развивалось по восходящей линии, для модернизации и развития словацкой промышленности были сделаны крупные капиталовложения. Людацкий режим, широко пользуясь социальной демагогией, обещал земельную реформу, обогащал преданных ему людей с помощью повышений по службе и быстрых карьер в государственном и хозяйственном аппарате, использовал период военной конъюнктуры. «Словацкий национальный социализм», привезенный Туком и Махом из Зальцбурга, свелся к горстке штурмовиков и их борьбе за кормушки с клерикальной кликой Тисо. Мещане воздвигали свою государственную идиллию.

Нападение фашистов на Советский Союз ввергнуло в войну и Словакию. Тисо посылает словацких солдат на Восточный фронт, а в самой стране процесс фашизации резко прогрессирует. Полицейский террор против коммунистов и всего прогрессивного, нюрнбергские законы и высылка еврейского населения, повышенное нацистское давление на словацкую экономику, политику и армию, односторонняя активизация под эгидой нацизма — все это характеризует людацкий режим в период после 1941 г. Все больше растет степень дифференциации населения, растет и лагерь оппозиционных демократических сил. Среди гражданского населения и в армии активизируются силы Сопротивления. Наряду с развитием событий на фронтах, особенно Восточном, успехами советских войск и поражениями немецкой армии продолжается процесс дискредитации клерикально-фашистского режима, процесс колебаний и разложения правящего аппарата словацкого государства. Людацкий режим постепенно теряет политическую опору в массах народа, он разоблачает себя как агентуру нацизма.

Словацкое национальное восстание явилось ударом по словацкому государству и его режиму. Только на территории, занятой нацистами, могла еще по милости немцев какое-то время существовать фашиствующая

группка остатков людаков и штурмовиков. Это был период жестокого сведения счетов с повстанцами и бойцами за свободу, период массовых убийств, период нацистского террора в Словакии. Режим Тисо потерял опору в народе, и он мог рассчитывать уже только на эсэсовские штыки. Этот режим выступил против собственного народа, дискредитировал себя, проиграл и закончил свое существование на мусорной свалке истории. Вместе с фашистским режимом Тисо исчезло и государство, возникшее по милости Гитлера.

2. АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА В СЛОВАКИИ

Принципиальными противниками клерикального фашизма в Словакии были коммунисты. Они были единственными, кто последовательно выступал против передачи политической власти Глинковской словацкой народной партии в октябре 1938 г., они единственные голосовали против закона об автономии Словакии, только они агитировали против объединившихся кандидатов буржуазии в словацком сейме. Они с самого начала последовательно боролись против фашистского режима словацкого государства. Не удивительно поэтому, что одним из первых шагов тисовского автономного правительства в октябре 1938 г. был роспуск коммунистической партии, запрещение ее печати и роспуск организаций, находившихся под ее влиянием.

Сегодня легко понять эту принципиальную позицию и борьбу коммунистов против фашизма. Но осенью 1938 г. и в первый период существования словацкого государства многие демократические деятели не вполне понимали это. Фашизм, пришедший в Словакию с национал-социалистскими лозунгами о самобытности народа, самостоятельности государства, национальном единстве, об устранении национального гнета и унижения, фашизм, обещавший всестороннее процветание «всего народа», сумел обмануть часть трудящихся и многих демократов. В годы домюнхенской Чехословакии коммунистическая партия сосредоточивала свою активность прежде всего на устранении социальных зол и на развитии классовой борьбы. Этим целям она подчиняла и свою политику по национальному вопросу. В силу этого ей не удалось разработать комплексной программы решения нацио-

нального вопроса, что весьма усложняло ее усилия в последние годы до Мюнхена и особенно после него, когда ключевым вопросом стала борьба против внутреннего и иностранного фашизма. Угроза ликвидации политических свобод и демократических прав в условиях террористического режима, насаждавшегося фашизмом повсюду, буквально сводила на нет и вопрос о национальной свободе, то есть свободе для большинства народа, свободе трудящихся масс. То, что национальный вопрос не был решен, особенно в области отношений между чешским и словацким народами, расширяло поле деятельности для реакционных и правых политических сил, стремившихся устранить буржуазно-демократическую систему и реализовать свои политические цели.

В борьбе против правой реакции коммунистическая партия, особенно в период 1937—1938 гг., сделала попытку создать более широкий антифашистский фронт и в Словакии. Но на базе экономической, социальной и культурной программы развития Словакии, с которой она выступила в мае 1937 г., компартия не могла воздействовать на сплочение всех антифашистских сил в Словакии, не говоря уже о том, что с этой программой она выступила довольно поздно, к тому же эта программа была разработана далеко не всесторонне. Одним из важнейших ее недостатков было то, что в ней недооценивалась необходимость государственного урегулирования отношений между чешским и словацким народами, недооценивался и вопрос о положении национальных меньшинств.

Поэтому, несмотря в общем-то на позитивное отношение к республике, коммунисты в Словакии не могли выступить с такими массовыми акциями, которые бы заставили правительственные круги решить обостряющиеся национальные разногласия и тем самым воздвигнуть преграду на пути все расширяющейся деятельности националистических сил в условиях Словакии того времени. Представители словацкого движения за автономию взяли инициативу в свои руки, и народные массы только на собственном горьком опыте смогли впоследствии убедиться в фальши людацкой пропаганды, а после провозглашения автономии

Словакии и особенно после 14 марта 1939 г.— и в предательстве клерикально-фашистского режима.

После того как коммунистическая партия ушла в подполье, она сталкивалась со многими трудностями, и ее работа сначала не встречала должного сочувствия со стороны трудящихся масс. Но партия терпеливо и последовательно создавала сеть своих подпольных организаций, с помощью печати и личной агитации партийных работников разоблачала антинародную и фашистскую сущность людацкого режима, буржуазный и эксплуататорский характер словацкого государства, его вассальное положение в отношении к нацистской Германии. Партия говорила о разбазаривании национального богатства, авантюристической политике национализма штурмовиков и классовой основе националистической истерии. КПС организовала классовую борьбу словацких рабочих против «национальной» буржуазии и ее немецких «защитников», она развивала классовое сознание у трудящихся, разъясняла им их собственные цели — с конкретной борьбой за улучшение социального положения рабочих и беднейшего крестьянства до перспективы более широкой антифашистской борьбы, национально-освободительной борьбы и борьбы за социализм. Партия постоянно рассказывала о первом социалистическом государстве и защищала политику СССР. Мечты словацкого народа она объединяла с борьбой против фашизма, с классовой борьбой рабочих и борьбой за свободу большинства народа.

В своей работе КПС опиралась прежде всего на коммунистов и своих сторонников, оставшихся со времен домюнхенской республики. Таких было немало: ведь на последних парламентских выборах в 1935 г. за Коммунистическую партию Чехословакии проголосовало в Словакии свыше 210 тысяч человек. И хотя часть словацкой территории отторгла Венгрия, огромное большинство коммунистов и симпатизирующих им граждан осталось по эту сторону границы. Речь шла прежде всего о том, чтобы самих коммунистов не обмануло развитие событий после запрещения партии и ее печати, чтобы они под напором националистической волны, принесенной буржуазией и мелкими собствен-

никами, не заколебались, чтобы они высоко несли знамя антифашистской борьбы и классовой борьбы трудящихся. Когда постепенно удалось создать сеть руководимых и инструктируемых из одного центра нелегальных организаций партии, возникло ядро, центральная ось антифашистского Сопротивления в Словакии, вокруг которой все больше и все шире группировалась оппозиция против словацкого фашизма, за организацию национально-освободительной борьбы.

Людацкий фашистский режим по праву считал коммунистов своим основным внутренним врагом и противником, против которого он организовывал не только политические кампании, но прежде всего свой аппарат власти — полицию и жандармерию, управление государственной безопасности (УГБ). Не раз сеть партийных связей и даже целые организации подвергались разгрому, арестовывались работники ЦК партии, руководители обкомов, райкомов и первичных организаций. Тысячи коммунистов прошли сквозь руки УГБ, через суды и тюрьмы Илавы: только после гандловской забастовки в ноябре 1940 г. в Илаве было брошено в тюрьму более 100 коммунистов. Когда нацисты напали на СССР, УГБ подготовило против коммунистов акцию, при осуществлении которой было арестовано и отправлено в илавскую тюрьму около 600 коммунистов и сочувствующих им; и в том и в другом случае я тоже был брошен в илавскую тюрьму. Подобных крупных акций против партии было предпринято немало. И все же партия продолжала существовать; снова создавались организации — восставали старые и возникали новые, снова появлялось новое центральное руководство. Люди закалились, окрепли под ударами, на собственном опыте они обучались более совершенным методам конспирации, политической работы в тяжелых условиях подполья и репрессий. Так, в тяжелой борьбе партии против фашизма выросли тысячи мужественных борцов партии, готовых к самопожертвованию, преданных борьбе словацкого народа и делу коммунизма, закаленных в работе и борьбе, опытных, являвшихся душой антифашистской борьбы, а затем и главными организаторами

национально-освободительной борьбы, партизанских отрядов и Словацкого национального восстания.

Коммунистическая партия Словакии была вплоть до начала восстания единственной организованной антифашистской партией; других просто не было. Она была инициатором, вождем и главной опорой трудящегося народа в его классовой и освободительной борьбе против словацкого фашизма и немецкого нацизма. Ее упорная многолетняя работа среди народа приносила плоды: с одной стороны, возрастало влияние партии среди трудящихся масс, ее авторитет, а с другой стороны, снижалось влияние националистической буржуазии и мещанства.

Влияние КПС, особенно в период с 1939 по 1941 г., в значительной степени ограничивали сектантские ошибки и лозунги, с которыми руководство КПС приходило в партийные организации. Речь идет, в частности, о лозунге «Советская Словакия», провозглашавшемся некоторыми коммунистами вплоть до начала восстания. В это время я работал в руководстве браτισлавской партийной организации (совместно с П. Фендтом, И. Иваничем и П. Кардианом), где, помимо прочего, я должен был заботиться об организациях интеллигенции и студенчества (это около 40 членов партии). Довольно регулярно, почти каждую неделю, я встречался с членом ЦК КПС Я. Осогой, который поручал мне самые разнообразные задания. Состав первого подпольного ЦК КПС: И. Люриш, Я. Осога, Л. Бенада. Время от времени мне доводилось встречаться и с другими членами ЦК КПС, а также с некоторыми партийными функционерами. Я пытаюсь рассказать, какова была наша тогдашняя точка зрения на проблемы.

Коммунистическое движение, особенно после VII конгресса Коминтерна в 1935 г., вело решительную борьбу с фашизмом и стремилось сгруппировать вокруг этой борьбы все демократические силы Европы. Западные государства, прежде всего Англия и Франция, проводили политику уступок в отношении фашистских агрессоров. Вот почему дело дошло до оккупации Австрии, до Мюнхена и ликвидации Чехословакии. Правительство СССР пыталось добиться в Евро-

не такой перегруппировки сил, которая помешала бы осуществлению планов нацистской Германии и фашистской Италии. Эти усилия оно развивало и после уничтожения ЧСР. Оно вело переговоры с правительствами Англии и Франции о совместных действиях против фашизма, о совместном военном договоре. Но эти переговоры потерпели крах, западные державы были убеждены, что острое немецкой агрессии направлено против Советского государства, ослабленного внутренне в политическом и военном отношениях серией политических процессов и процессов, направленных против представителей высшего военного командования. Когда правительство СССР увидело, что западные капиталистические государства не очень-то жаждут приостановить нацистскую агрессию, оно заключило в августе 1939 г. с Германией пакт о ненападении, чтобы тем самым обеспечить собственные интересы Советского государства и укрепить его обороноспособность.

В этой ситуации Гитлер напал на Польшу, и началась вторая мировая война. Советский Союз пока в ней не участвовал. Этот факт значительно повлиял на политику Коминтерна, а через него и на руководство отдельных коммунистических партий. Было провозглашено, что это война империалистическая, со всеми вытекающими отсюда последствиями в отношении к ней рабочего и коммунистического движения. Словацкие коммунисты, руководство и рядовые члены партии приняли эту линию международного коммунистического движения. Я не помню, чтобы среди членов партии, с которыми я встречался, были на этот счет какие-либо сомнения. Доверие к политике СССР, дисциплина, а также внутреннее положение в стране облегчали процесс восприятия этой линии. Словакия, помимо эпизода с Польшей, не находилась в то время в состоянии войны и особенно не чувствовала ее тягот. Объединенная буржуазия строила свое государство и сообщала жила за счет начавшейся тогда военной конъюнктуры. Это был период консолидации словацкого государства и распространенных иллюзий о «национальной самостоятельности».

Основные программные положения коммунистиче-

ского движения определяли в то время директивы для внутрипартийной организационной и идеологической кампании, которые после консультаций с Е. Климой и В. Сынаком разработал в октябре 1939 г. приехавший из Праги в Словакию И. Дюриш. Они исходили из постановления секретариата ИККИ от 16 сентября 1939 г. и из директив московского руководства КПЧ. Перед КПС ставилась задача — направлять свою деятельность против империалистической войны, за ее перерастание в освободительную, антикапиталистическую борьбу. Директивы высказывались за «изгнание иностранных поработителей и продажного правительства, за власть народа, за освобожденную Словакию в освобожденной Чехословакии и в новой Европе, за прочный союз с СССР, за объединение рабочего класса и всего трудящегося народа под знаменем Коммунистического Интернационала». При этом необходимо было избегать преждевременных и непродуманных акций, рекомендовалось развивать борьбу вглубь и вширь, чтобы потом, в нужный момент, коммунисты были готовы вступить в решающую схватку¹.

Как я уже подчеркивал, основная линия коммунистического движения по вопросам оценки характера войны и непосредственных задач, вытекающих из общей тактической ориентации Коммунистического Интернационала, была принята словацкими коммунистами; хуже обстояло дело с пониманием основного лозунга политики по национальному вопросу. К. Бацилек и К. Черночки констатировали в апреле 1941 г., что лозунг восстановления самостоятельной Чехословакии «был в августе или сентябре отвергнут, причем уже после начала войны, на том основании, что он не подходит для Словакии... Дискуссия по поводу этого лозунга затронула даже первичные организации партии, которые тоже высказывали на этот счет свою точку зрения. Большинство членов партии высказалось против этого лозунга»². Точка зрения нелегального

¹ См. А. Гучкова-Штортеца. Деятельность первого нелегального Центрального Комитета КПС. Братислава, 1959, стр. 113—114.

² АИИ КПС. Информация о положении в Словакии и работе КПС. См. также АЦК КПЧ, ф. КГ — XV/1.

руководства КПС на решение национального вопроса и государственное устройство Словакии принципиально изменилась в конце 1939 г. и в следующем году. Это было связано с нереалистичной оценкой положения Словакии и ее связей с международными политическими силами, в частности, с надеждами на возможность быстрого революционного подъема, который должен был начаться, как казалось, в Словакии.

В конце 1939 г. СССР порвал дипломатические отношения с чехословацкими деятелями, Фирлингер отбыл в Москву. Словацкое государство было признано де-юре, в Братиславу приехал советский посол Пушкин. Основываясь на этом, словацкие коммунисты и руководство КПС разработали линию своей деятельности: бороться за улучшение положения рабочих и трудящихся слоев населения, против внутреннего фашизма, за демократизацию общественной жизни, за демократические свободы словацкого народа, против нацистского господства в Словакии, за ее полную национальную свободу и в этой борьбе объединять все демократические силы. Правда, условием успеха антифашистской борьбы и объединения всех демократических сил словацкого народа являлась такая политическая платформа, которая была бы избавлена от сектантских тенденций: от предложений таких условий для сотрудничества, как принятие политической линии КПС, предварительное признание гегемонии КПС в антифашистской борьбе и т. д. Настаивать на этих требованиях при переговорах с представителями некоммунистических антифашистских групп значило сводить на нет создание более широкого демократического национального движения и наряду с другими объективными и субъективными факторами углублять склонность руководства коммунистическим движением в Словакии к левацкому сектантству и экстремизму. Это проявилось, например, летом 1940 г. в дискуссиях о сомнительной теории всеобщей реакционности Запада, о справедливости военных акций против него и о возможностях прогрессивного и даже революционного развития в самой Германии. Эти теории под воздействием положений, сформулированных в немецком коммунистическом журнале «Ди вельт» (он издавался

в Швеции), усвоил, в частности, инструктор ЦК КПЧ для Словакии Е. Клима, а под его влиянием и И. Дюриш. Поэтому нечего удивляться, что иллюзии о возможностях революционного развития в самой Словакии, которая почти соседствовала с Советским Союзом, получили распространение в самом руководстве КПС, хотя оно и отвергло крайние взгляды Е. Климмы и И. Дюриша. Основываясь на подобных рассуждениях и иллюзиях и на неправильной точке зрения на будущее развитие — и не только Словакии,— руководство КПС выдвинуло перед словацкими коммунистами цель бороться за создание советской Словакии.

Мне запомнился разговор с Я. Осогой, состоявшийся летом 1940 г. Он исходил из опыта первой мировой войны, из задач, которые ставил в тех условиях перед рабочим движением Ленин. Капиталистические государства, воюющие друг с другом, взаимно ослабляют и истощают друг друга. Война будет длительной. Народные массы радикализируются. Задача коммунистов — вести борьбу против войны, превратить ее в войну против капиталистов. Война может окончиться пролетарскими революциями. К этому и должны подготовиться словацкие коммунисты. Эта аргументация казалась мне убедительной — я не хочу сейчас изображать из себя сверхмудрую личность. Но все-таки уже в то время в этой концепции обнаруживалось много противоречий. Например, как быть с малыми народами, находящимися под иноземным господством? Как быть с линией VII конгресса Коминтерна, направленной на организацию единого антифашистского фронта? И так далее. Осога был не только образованным марксистом, но прежде всего сердце его было предано делу коммунизма, Советскому Союзу. В этом он был непоколебим. Когда у него в тяжелых условиях подполья родилась дочь, он советовался со мной, можно ли ее зарегистрировать под именем Нинель. Я не мог понять: почему бы и нет? Он пояснил мне: если читать это имя с конца, то получится «Ленин». Вот до какой степени он соединил свою жизнь с коммунистическим движением! (Вскоре дочь, а также ее мать погибли в немецком концлагере.)

Вспоминается мне и другой разговор. В 1940 г. меня посетил незнакомый человек со швейцарским паспортом, приехавший из Парижа. Он попросил меня, чтобы партия переправила его в Протекторат, где он хотел бы выполнять партийную работу. В доказательство своей благонадежности он показал мне фотографию Лиды Клементис (которую мне передали в Париже вместе с моим адресом), на которой стояла даже подпись: «Лида». Я узнал и фото и подпись. С помощью Осоги партия обеспечила ему переход в Чехию. Это был Виктор Сынек. И с ним я говорил об этих вопросах. Он не сомневался в правильности линии, хотя и вспоминал о трудностях, с которыми сталкивается Французская коммунистическая партия. Впрочем, точнее будет сказать так: если у кого-либо и были внутренние сомнения, если кто-то и ощущал противоречия, то он оставлял их при себе. Такова была дисциплина коммунистов.

Политическое решение, принятое в результате концепции пропаганды советской власти в Словакии как линии дальнейших действий партии, повлияло на ход собраний руководства КПС в начале 1941 г., в которых принимали участие также и И. Дюриш (в Словакию он вернулся из Праги в середине января 1941 г.) и К. Бацилек, присланный ранее в Словакию из Москвы. На собрании, состоявшемся 31 января, было принято постановление о положении в Словакии и о работе КПС, в котором говорилось: «Вторая империалистическая война является войной за раздел мира, следовательно, войной империалистической с обеих сторон. Эта война должна окончиться только общей борьбой пролетариата под руководством коммунистической партии, при помощи средних слоев населения... путем пролетарской революции... Борьба за свободу словацкого народа и за освобождение от ярма словацких капиталистов и немецкого империализма является борьбой за освобождение рабочего класса, за советскую Словакию. КПС во главе своей пропаганды ставит организацию советской власти в Словакии... Коммунистическая партия Словакии, сознает, что по мере того, как исчерпываются силы империализма в нынешней войне, будут создаваться и

предпосылки для революционного восстания пролетариата. Партия уже сейчас должна готовиться к решающим событиям как в идеологическом, так и в организационном плане³. Дальнейшая линия действий наряду с пропагандой этой концепции была более подробно разработана на состоявшемся 15 марта 1941 г. собрании, где присутствовали И. Дюриш, Я. Осога и К. Бацилек. В воззвании КПС к 1 мая 1941 г., которое редактировал Я. Осога, а также в листовке «Путь словацкого народа к свободе», которую в мае того же года подготовил И. Дюриш, национально-освободительные цели словацкого народа формулировались на основании пути, который «прошли к окончательному национальному и социальному освобождению прибалтийские государства, Молдавия, Буковина, Западная Украина и Западная Белоруссия. На этом пути они отвергли капиталистический гнет, гонение, эксплуатацию и войну, вступив как свободные и самостоятельные советские социалистические республики в братский союз советских народов... Их путь — это пример для нас... Мы, коммунисты, идущие во главе рабочего класса Словакии и ее трудящегося народа, ставим перед собой задачу довести наш народ до победы, до подлинного и окончательного его национального и социального освобождения...»⁴.

Разумеется, объяснение того, как руководство КПС допустило сектантские ошибки и лозунги, несколько его не оправдывает. Сектантскую линию руководства приняла вся партия.

Эти ошибки сковывали возможности и усилия партии в 1939—1941 гг. и затрудняли переход к новой линии — линии национально-освободительной борьбы и широкого антифашистского фронта.

Московское руководство КПЧ, не имевшее непосредственной связи с руководством КПС, было проинформировано о положении в Словакии К. Бацилем и К. Черноцким после их приезда в Москву.

³ АИИ КПС. Информация о положении в Словакии и о работе КПС, которую 10/IV 1941 г. написали и предъявили органам Коммунистического Интернационала К. Бацилек и К. Черноцки после того, как они уехали из Словакии в СССР.

⁴ АИИ КПС, 18970.

Концепцию самостоятельной советской Словакии, которую они оба изложили в своем сообщении от 10 апреля 1941 г., московское руководство подвергло резкой критике. При этом оно исходило, в частности, из изменений в мире, наступивших во второй половине 1940 г. и особенно весной 1941 г. в результате падения Франции, гитлеровского похода на Балканы, значительного усиления мощи Германии на континенте, изменений в политическом положении Англии, все возрастающих противоречий между Германией и СССР и увеличения опасности военного конфликта между ними, активизации антифашистских сил в Югославии, обновления политических контактов Советского Союза с чехословацким эмигрантским правительством и т. д. (изменение точки зрения Французской коммунистической партии на войну, новые политические концепции коммунистических партий Югославии и Греции).

Эти факторы способствовали тому, что московское руководство КПЧ сформулировало новые цели политики партии, которые ясно обозначились в резолюции, принятой 17 мая 1941 г. В ней подчеркивалось, что «партия должна приспособить в чешских областях и в Словакии свои лозунги к современному положению. В обеих частях страны мы ведем борьбу за полное право на самоопределение... и соединяем ее с вопросом свободы. Лозунг «Право на самоопределение!» соединяется у нас с борьбой других народов Средней Европы, которые угнетены немецким империализмом. В связи с борьбой за право на самоопределение мы ставим также вопрос об отношении чешского и словацкого народов к Советскому Союзу. В этой связи необходимо подчеркнуть, что сейчас неправильно выдвигать лозунги чешской либо словацкой советских республик. Сегодня, когда в программе дня в качестве главной задачи стоит борьба за национальную свободу и государственную самостоятельность, лозунг советской Словакии означал бы сужение массовой основы мобилизации всех слоев населения на национальную борьбу с немецким империализмом. Партия, подчеркивая в этой борьбе национальное единство всего народа, не должна ставить другим

группам и организациям, которые хотят принять участие в национально-освободительной борьбе, таких условий, как признание классовой борьбы либо явное признание руководящей роли коммунистической партии. Единственным условием может быть лишь стремление к решительной борьбе с немецким империализмом и его внутренними реакционными предательскими силами.

Как видно, московское руководство КПЧ отвергло концепцию «самостоятельной советской Словакии» не с точки зрения национальной политики или государственно-правового положения Словакии, а вследствие принципиальной политической позиции, так как этот лозунг препятствовал созданию широкого демократического национального фронта. Об этом свидетельствуют другие выдержки из цитируемого документа, в которых подчеркивается требование свержения предательской клики Тука — Махи и создание «такого словацкого правительства, которое бы опиралось на самые широкие массы, и стремилось, и было бы готово осуществить национальные и демократические требования народов...». Московское руководство исходило из принципиальной позиции, которая основывалась на положении о словацкой государственности. «Политика партии в Словакии должна исходить из тезиса о политической, национальной и государственной самостоятельности словацкого народа. Словацкий народ сегодня живет собственной национальной жизнью. В сознании своего национального бытия словацкий народ так же глубоко ощущает порабощение его немецким империализмом, как и чешский народ. Его борьба за свободу является борьбой за словацкую государственную свободу, а не за новое осуществление ходжовско-словацкого чехословакизма. Словацкий народ встал в ряд средневропейских народов вместе с чешским народом, как равный с равным. Он сам решает свою судьбу, точно так же, как словацкий рабочий класс формирует свою собственную судьбу с классовых позиций».

Заграничное руководство КПЧ было заинтересовано в ускоренном устранении ошибок в политической ориентации коммунистического движения Словакии.

Инструкции, которые были выработаны для достижения этой цели, повезли в Словакию В. Широкий и В. Шкрабал. Однако Широкого после его прибытия из Москвы арестовали раньше чем он успел завязать контакты с первым нелегальным ЦК КПС. Перелом в развитии и в деятельности КПС наступил после нападения гитлеровской Германии на СССР. После этого уже отпали все сомнения, что война примет принципиально иной характер, чем первая мировая война, что речь стала идти о защите народов СССР и других народов против нацистского агрессора.

В войну против Советского Союза на стороне Германии вступило и словацкое государство. Во внутренней политике оно, обостряя антикоммунистическую борьбу, демонстрировало свою верность и идеологическое единство с фашизмом. Уже 22 июня 1941 г. прокатилась волна арестов.

В августе 1941 г. был арестован Й. Дюриш и Л. Бенада, тем самым был разгромлен первый нелегальный ЦК КПС. Я. Осога вместе с О. Крайняком и В. Шкрабалом в сентябре 1942 г. создают второй подпольный ЦК КПС, а после ареста О. Крайняка и В. Шкрабала в июне 1942 г. вместе с А. Дубчеком и Й. Лиетавцем — третий подпольный ЦК КПС, который руководил партией очень короткое время, до июля того же года, когда охранке удалось арестовать все руководство КПС. Четвертый ЦК КПС (А. Баштованский, М. Грушовский), который действовал с августа 1942 г. до весны 1943 г., стремился создать более широкий фронт антифашистских сил. Однако по разным, объективным и субъективным, причинам больших успехов в решении этой задачи добиться не удалось. Он не сумел, например, восстановить разорванные контакты или активизировать в широком масштабе разгромленные областные и районные партийные организации и наладить руководство их деятельностью. Сектантские ошибки и их медленное преодоление тормозили в определенной степени усилия по объединению всех антифашистских и демократических сил словацкого народа.

Когда я подчеркиваю, что КПС была главной организаторской силой антифашистского лагеря Слова-

нии, что коммунисты были самыми последовательными борцами против нацизма и словацкого фашизма, то это несколько не означает, что они были единственной антифашистской демократической и оппозиционной силой. Существовала наряду с ними и некоммунистическая демократическая оппозиция. Значительная часть словацкого народа нелегко мирилась с ликвидацией буржуазно-демократического строя в Чехословакии, с угнетением и ликвидацией демократических свобод, с фашистскими методами и действиями. Двадцать лет существования Чехословацкой республики воспитали в части словацкого народа отношение к ней как к своей форме государственности. Поэтому отделение Словакии они считали предательством и в своих надеждах ориентировались прежде всего на бенешевские круги на Западе. У значительной части населения сопротивление нацистской Германии и вообще нацизму переносилось на тисовский режим. Часть людей стала в оппозицию клерикальному фашизму также и потому, что, за исключением Глинковской словацкой народной партии, все остальные политические партии были ликвидированы. Фактом является то, что политические главари буржуазных чехословацких партий торжественно объединились с Глинковской партией и призвали своих членов к вступлению в эту «объединенную» партию. Однако наряду с этим значительная часть рядовых членов ликвидированных партий не вступила в ГСНП и заняла позицию тихой, а иногда и активной оппозиции против людаков. Были и более значительные деятели этих партий, которые осенью 1938 г. не согласились с «объединением» и даже открыто выступили против него. То же самое относится и к членам социал-демократической партии, которую распустили осенью 1938 г. Эта партия как единое целое в подполье организована не была, и ее члены были предоставлены самим себе. Самые сознательные из них сотрудничали с Коммунистической партией Чехословакии, а некоторые даже вступили в КПС. Они также образовывали группы, объединяющие бывших членов социал-демократических партий, которые проводили более активную деятельность, координируя ее

с гражданскими группами, ориентирующимися на Запад, на Бенеша и его правительство. Вообще продолженные колеи политической жизни и партийной принадлежности в домюнхенской Чехословакии в течение долгого времени оказывали влияние на политический образ мысли части членов, которые не приняли клерикально-фашистского режима или отвернулись от него. А впоследствии в антифашистской борьбе стало заметным объединение в группировки бывших членов ликвидированных политических партий, например, аграрников, народников и частично социал-демократов, а также попытки обновить старые партии.

Эта деятельность некоммунистических групп после разгрома ЧСР и провозглашения словацкого государства проявлялась в основном в помощи при побегах за границу, в организации этих побегов и также в поддержке связей с заграничным сопротивлением на Западе, с чехословацким национальным комитетом в Париже, с правительством Бенеша и его органами в Лондоне. Деятельность по сбору информации этих групп сопротивления в Словакии была очень интенсивной и для Бенеша и его органов необычайно важной. К политическим и судебным репрессиям против членов этих групп прибегали часто именно в связи с этой деятельностью и контактами с заграничным сопротивлением. Более широкую массовую работу среди населения эти некоммунистические группы сопротивления не вели: они не выпускали листовок, не создавали разветвленных организаций, не производили саботажа и никаким другим образом не активизировали своей деятельности. Единственным исключением были узкие группки, информационно связанные с лондонским правительством (Флор и другие). Их политической платформой была борьба за обновление Чехословакии, причем в основном они оставались на базе буржуазной концепции Бенеша и его окружения, хотя по некоторым частным вопросам, например, по словацкому национальному вопросу, многие группы имели свое особое мнение. Эти некоммунистические группы в основном полностью подчинялись политическому и идеологическому руководству Бенеша и его

правительства, а также отдельных членов правительства согласно партийно-политической ориентации. Так, например, правые социал-демократы искали контактов с Бечком, аграрники — прежде всего с Годжем, затем с Литтнером, народники — с Паулини-Тотом, Шробар — непосредственно с Бенешем, военные группы — с военными на Западе и т. д.

* * *

Подобно тому как чехословацкое Сопротивление за границей было разделено на центры в Москве и Лондоне, с политически различными концепциями, с отдельными радиопередачами, так и внутри страны борьба вначале делилась на эти два течения. С одной стороны, это была деятельность коммунистической партии и сотрудничающих с ней левых социал-демократов, а с другой — самые различные группы и группки «гражданского» или демократического сопротивления, ориентирующиеся на Запад, на лондонскую эмиграцию. Сотрудничества между двумя этими лагерями с 1939 по 1943 г. практически не было никакого, не было ни одного общего или даже смежного органа.

Попытки наладить сотрудничество между коммунистами и «гражданскими» группами были. Однако до 1943 г. они не приносили успеха. В 1940 г. состоялись переговоры о сотрудничестве между КПС, социал-демократами, группой аграрников и народников. Я принял участие в этих переговорах по поручению Я. Осоги и по его указаниям. Все группы высказывали желание сотрудничать на общей платформе борьбы против нацизма и словацкого фашизма. Однако различия проявились в конкретных формах этой борьбы. КПС подчеркивала значение конкретных акций внутри страны (забастовки, листовки, демонстрации) и политической и социальной борьбы с фашизмом. Буржуазные группы не стремились активизировать конкретные акции. Переговоры зашли в тупик в связи с различным отношением к войне и к чехословацкому заграничному сопротивлению. КПС придерживалась линии тогдашней политики Коминтерна: война

на Западе является империалистической, народы должны бороться за мир, буржуазному сопротивлению на Западе мы не доверяем. Группы аграрников и народников, в свою очередь, полностью поддерживали чехословацкое движение Сопротивления на Западе (Бенеш — Годжа — Паулини-Тот), поддерживали с ним контакты и настаивали на сотрудничестве с ним. В этих вопросах в это время между коммунистами и некоммунистами были столь различные точки зрения, что прийти к соглашению не удалось. Между коммунистическим и «гражданским» лагерями остались и в дальнейшем недоверие и подозрение. Каждый шел своим путем, независимо от другого.

В конце 1941—начале 1942 г. по поручению Я. Осоги П. Стагл, выступая с той же позиции, также вел переговоры с различными деятелями буржуазно-оппозиционного лагеря — с Й. Курсином, М. Полаком и т. д.

Руководство КПС в конце декабря 1941 г. передало Урсини «предложение о создании центрального национально-революционного комитета, в котором бы были три представителя гражданских групп и три представителя коммунистической партии, причем Орбану (подпольная кличка Урсини.— Г. Г.) было предложено быть председателем, а у партии должен был остаться пост секретаря. Однако для Урсини даже такое предложение оказалось неприемлемым, и он прекратил дальнейшие переговоры. Текст «Воззвания к словацкому народу», который был предложен коммунистами, поддержал М. Полак. Стагл по предложению Осоги написал свои замечания по поводу этих переговоров (9 марта 1942 г.) со следующим заключением: «...Определенные группы не хотят включиться в какую-либо действенную работу... Поэтому партия должна сама образовать национальные комитеты. В Центральный народно-революционный совет будут приняты постепенно по три человека от различных политических групп, «Воззвание» будет опубликовано не как общий призыв нескольких организаций, но как призыв тех, кто создал ЦНРС. Переговоры оказались безрезультатными, но КПС опубликовала «Воззвание к словацкому народу» ко дню 14 марта 1942 г., в за-

ключении которого говорится: «...Собрались представители КПС и представители Сопротивления в Словакии и решили создать общий Народно-революционный комитет Словакии как центральный политический орган общенациональной борьбы против Гитлера...» Это утверждение было преувеличением, тем более что даже этот орган не мог начать практическую деятельность, потому что его деятели были вскоре арестованы.

Такая же ситуация создавалась и в период четвертого подпольного ЦК КПС. Партии не удалось достигнуть широкого соглашения с оппозиционными и демократическими силами, несмотря на то, что она привлекала отдельных представителей в революционные национальные комитеты, которые сама же организовала. Взаимное недоверие между коммунистическим и некоммунистическим лагерями в своей основе осталось. Действенность антифашистской борьбы тем самым была, естественно, ослаблена. Между тем, однако, в результате развития ситуации на фронтах и внутри страны появлялись новые возможности, новые условия борьбы с фашизмом.

3. ПОВОРОТ В СИТУАЦИИ

Когда нацистская Германия 22 июня 1941 г. напала на Советский Союз, вторая мировая война перешла в новую фазу, которая в конце концов оказалась решающей в войне, окончившейся катастрофическим поражением гитлеровской Германии, нацизма и связанных с ним фашистских режимов в Европе. Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии, героическая борьба советского народа за свободу, а также помощь СССР угнетенным нациям Европы оказали решающее влияние и на судьбы наших народов, на развитие и ход национально-освободительной борьбы словацкого народа.

Главарь клерикально-фашистского режима в Словакии поспешили одними из первых объявить войну Советскому Союзу, послать части словацкой армии в братоубийственные бои на Восточный фронт. Пропаганда людаков восхищалась первоначальными успехами гитлеровской армии. Если в 1939—1941 гг., когда словацкое государство находилось на своеобразной периферии войны, фашистские главари военную экономическую конъюнктуру с похвальбой называли «экономическим нейтралитетом», делая все, чтобы поживиться на нем, то теперь они бросили словацкий народ в мировую войну. К. Чулен от имени Глишковской словацкой народной партии высказал убеждение, что благодаря тысячелетней немецкой империи «Словакии... обеспечена постоянная защита и уверенность на веки вечные».

Нацисты жгли и уничтожали украинские и белорусские города, убивали мирное население, стремились поработить великие славянские народы. В это время людаки устами Махи заявляли: «Мы с вели-

чайшей благодарностью обращаемся к великому немецкому рейху и его вождю А. Гитлеру». Словацкие солдаты погибали, они потерпели первое поражение у Липовца, а представители людаков писали о «духе сердечной дружбы, о братстве по оружию, которые так ярко проявились в борьбе обеих армий против общего врага — большевизма». Эта война «за европейскую цивилизацию» в интерпретации Гитлера и против «кровожадного еврейского большевизма», «врагов христианства» стала кровным делом руководящей верхушки людаков и тех, кто самозванно называл себя элитой словацкой нации. От гардистских молодчиков через фашистскую буржуазию, епископов и клерикалов, иезуитов, журналистов-карьеристов и писателей и до всего руководства Глинковской словацкой народной партии — все включились «в борьбу против главного врага — еврейского большевизма». Полиция Маха нанесла «смертельный удар» словацким коммунистам: более 600 из них были арестованы. Клерикально-фашистский режим все поставил на карту. 1941—1942 годы были годами самых больших преследований.

Проходили месяцы, но провозглашенная победа немцев на Востоке не приходила. Люди узнавали о героической обороне Москвы, об успехах советского зимнего наступления, о невиданной героической борьбе Советской Армии и всего народа, о преступлениях нацистов на советской территории. Все, кто мог, слушали передачи из Москвы и Лондона. Шаг за шагом разоблачалась лживость людацкой и нацистской пропаганды. Словацкие солдаты возвращались с фронта и рассказывали ужасающие вещи о поведении немецких захватчиков на советской территории, рассказывали о том, как перебегали словацкие солдаты к советским партизанам, а также о переходе целых воинских частей на сторону Советской Армии, об антифашистских настроениях словацкой армии на фронте. Коммунистическая партия, которую Мах хотел уничтожить, жила, интенсивно работала, на месте арестованных товарищей приходили новые борцы. Партия призывала народ к активному сопротивлению, к вооруженным формам борьбы с фашизмом в стра-

не. У сотен тысяч людей вновь оживали традиционные славянские и русофильские чувства. Гонение на евреев, их варварский угон в немецкие концентрационные лагеря вызывали сопротивление и у религиозно настроенных людей. Фашистский людацкий режим в глазах людей все больше дискредитировался, росла демократическая, антифашистская оппозиция.

Нацизм постигли новые удары. Историческая победа Советской Армии на Волге. Могучее советское наступление, которое гнало немцев с советской территории. Сообщения о массовой партизанской борьбе в тылу у немцев, о борьбе югославских народов. Высадка западных союзников в Африке и постепенная ликвидация немецких и итальянских войск в Северной Африке. Высадка в Сицилии.

В конце июля 1943 г. словацких фашистов особенно шокировало сообщение из Италии о том, что самый старый фашистский диктатор — Муссолини, у которого глинковские гардисты переняли даже черные униформы, был свергнут, арестован и его фашистская партия распущена. Вскоре после этого новое итальянское правительство подписало перемирие с союзниками.

Все это и особенно развитие событий на советско-германском фронте в 1942—1943 гг. потрясло до основ клерикально-фашистский режим в Словакии. Антифашистская и антилюдацкая оппозиция в массах словацкого народа резко возростала и активизировалась. Среди рабочих, интеллигенции, крестьян необычайно выросли симпатии к СССР, к Советской Армии, к советскому народу. Этот процесс массового нарастания симпатий к Советскому Союзу и другим союзникам, сопровождаемый возрастающей ненавистью к гитлеровскому нацизму и его внутренним людацким союзникам и сообщникам, процесс размежевания между приверженцами фашистской тирании и антифашистами затронул в течение 1943 г. весь государственный аппарат и экономику Словакии. Он проходил в армии, в учреждениях, на предприятиях, среди работников культуры. К убежденным антифашистам прошлых лет присоединялись тысячи мужественных людей, которые в соответствии с развитием событий пришли к

антифашистскому, демократическому образу мышления. Много людей, сбитых с толку националистическим угаром 1938—1940 гг. и пассивно или активно поддерживавших людацкий режим, на фактах убедились в антинародном и варварском характере любого фашизма, следовательно, и словацкого. Так расширялся оппозиционный демократический лагерь. Правда, оставалось много и тех, кто поддерживал тисовский режим, но теперь, видя развитие событий, они меняли кожу и стремились заручиться охранной грамотой для новых времен. Этот процесс, который перед каждым ставил вопрос: с кем ты и против кого? — все больше расшатывал тисовский государственный аппарат, затруднял его деятельность, сужал ряды тех, кто был верен фашизму.

Этот процесс в определенной степени затрагивал и Глинковскую словацкую народную партию, глинковскую гвардию, он в определенной степени затронул и руководство этих организаций. Самыми твердолобыми оставались старые людаки из домюнхенской республики, те, кто был скомпрометирован преступлениями против народа, кто своей карьерой, своим богатством или чем-либо другим был связан с фашистской тиранией в Словакии, антикоммунисты и сепаратисты.

Эта массовая эволюция в мышлении словацкого народа, в его политической ориентации продолжалась и возрастала вплоть до Словацкого национального восстания. Сужающаяся массовая основа людацкого режима, расшатывание его аппарата власти, возрастание демократической и антифашистской оппозиции, растущая активизация народных масс, усиление деятельности групп Сопротивления — все это расширяло в словацком народе условия для великого общенародного вооруженного выступления против фашизма.

4. ИНИЦИАТИВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Развитие политической ситуации в Словакии летом 1943 г. привело к тому, что антифашистское движение поднялось на высшую ступень активной борьбы с нацизмом и словацким фашизмом, что оно организовано превратилось в боевое движение, которое может и должно вылиться в национально-освободительную вооруженную борьбу за национальную и государственную свободу. Для этого необходимо было объединить все демократические и антифашистские силы, все оппозиционные течения, дать им единую программу и цель, единую организацию и руководство, искать наиболее приемлемые и наиболее действенные формы борьбы с фашизмом, координировать движение Сопротивления словацкого народа с борьбой европейских народов, и прежде всего народов Советского Союза.

Выполнить эту задачу была призвана историей Коммунистическая партия Словакии. Словацкий рабочий класс явился главным противником фашистской словацкой буржуазии. Его классовые интересы представляли противоположность интересам коллаборационистской, находящейся на службе у Гитлера сепаратистской буржуазии. Поэтому наиболее желаемая классовая цель рабочих — это самая острая борьба против фашизма и победа над ним. Коммунистическая партия, как партия рабочего класса, — естественный противник нацизма и словацкого фашизма, и она принимала на себя самые тяжелые удары фашистского режима. Она была наиболее организованной и последовательной силой в борьбе против него.

Вот почему ее авторитет в глазах трудящихся постоянно рос. В конце концов и все успехи Советского

Союза, советского народа, великие победы Советской Армии на фронтах явились победами коммунистических идей. Эти победы усиливали доверие и симпатии словацких трудящихся к Коммунистической партии Словакии, которой суждено было стать инициатором и руководящей силой на дальнейшем этапе антифашистской борьбы. В этом заключался ее исторический долг, ее обязанность по отношению к трудящимся.

Выполнить эту задачу должен был пятый ЦК КПС, который создал Карол Шмидке после его возвращения из Москвы в начале августа 1943 г. В 1941—1943 гг. полиция постепенно арестовала всех товарищей из предыдущего состава руководства КПС, весной 1943 г. подвергся аресту и четвертый ЦК КПС, а также еще 60 партийных работников. Сеть партийных организаций была разрушена.

В один из августовских дней 1943 г. мне передала Е. Воронская предложение Й. Фабianiча, которого я знал по предыдущей партийной работе, о том, что со мной хочет встретиться товарищ, прибывший из Советского Союза. Встреча была обговорена и проведена с соблюдением строгой тайны: поздно ночью на Млинских нивах со всяческими взаимными паролями. Должен признаться, что вся эта секретность казалась мне немного смешной, но Шмидке, которого я сразу узнал, несмотря на то, что его маскировали усы, вначале очень нравился этот вид конспирации. Мы ходили по улицам до поздней ночи. Это повторялось и в другие дни. Шмидке сообщил мне о своей миссии, о задачах и директивах, которые ему были даны. Я рассказал ему о положении в Словакии, в партии, движении Сопротивления среди населения. Необходимо было сразу же решить много практических вопросов — о квартире, деньгах, фальшивых документах для Шмидке и Бацтлка, который прибыл вместе с ним и в это время находился в Середи, о средствах связи и информации. Должен сказать, что мы со Шмидке с первого же момента полностью доверились друг другу. Это доверие затем переросло в теснейшее сотрудничество и искреннюю личную дружбу, что, однако, не мешало нам быть в партийной работе взаимно критичными и

требовательными. Такие же отношения у меня были в течение долгих лет и с Лацо Новомеским, которого Шмидке тоже привлек к тесному сотрудничеству. Момент хороших человеческих отношений, взаимопонимания и взаимодополнения опытом, способностями и личными качествами сыграл в работе пятого подпольного ЦК КПС (Шмидке, Гусак, Новомеский), созданного Шмидке, позитивную роль. Эти хорошие личные взаимоотношения сохранились между нами и в период восстания и в годы после освобождения, пока нас не разделили трагические события.

Шмидке жил в Братиславе в глубоком подполье. Мало кто из нас знал его квартиру и имел доступ к нему. Полиция даже не предполагала, что он находится в Словакии. Его имя в то время не было особенно известным, он не выступал по московскому радио, короче, вражеские органы его не искали. Он ходил и путешествовал в качестве незаметного пана Потцкого, обеспеченного всеми документами. Что касается Новомеского и меня, то мы жили совершенно открыто, не скрывались и легально встречались. Эти обстоятельства давали возможность успешно комбинировать конспиративную работу с использованием всех легальных возможностей. Со Шмидке я встречался несколько раз в неделю. Мы гуляли по братиславским паркам, темным улицам, встречались в моей квартире на Таёвской улице или в канцелярии Союза экспедиторов, где я работал. Я также почти ежедневно встречался с Новомеским. Благодаря этой легально-подпольной форме Центральный Комитет «заседал» почти ежедневно и очень оперативно решал вопросы руководства партией и национально-освободительной борьбой, которые с каждым днем усложнялись. Мы не делали никаких записей. Мы не издавали также никаких директив, положений, призывов, не вели архива. Все было подчинено главной боевой задаче. О годичной работе пятого подпольного ЦК КПЧ от лета 1943 г. до момента восстания нет почти никаких документов за исключением, конечно, человеческой памяти. И то, о чем я вспоминаю в этой книге, я преподношу по памяти, освеженной беседами и изучением материалов.

Новый ЦК КПС, который создал К. Шмидке, поставил перед собой далеко идущие цели и планы. Основой его деятельности стало решение Президиума Исполкома Коммунистического Интернационала о политической линии и ближайших задачах Коммунистической партии Чехословакии в национально-освободительной борьбе. Это решение, принятое 5 января 1943 г., привез с собой из Москвы К. Шмидке. «Директивы Коминтерна», как обычно называют этот документ, исходили из существующей политической ситуации и из приближающихся решающих схваток с гитлеровской Германией. В них главное внимание сосредоточивалось на развитии и росте освободительной борьбы в Чехии и Словакии, подчеркивалось, что «массам чешского и словацкого народов необходимо в процессе борьбы понять, что освобождение народа является его собственным делом, что борьба народа против его иностранных угнетателей решит вопрос о том, какой будет роль этого народа в ближайшем будущем и что от активности народных масс зависит не только ускорение национального освобождения, но и степень влияния народа на создание условий в самой освобожденной стране. Необходимо способствовать росту среди широких народных масс настроений и решимости бороться, сознанию того, что дни немецкого господства в Чехословакии сочтены, что решительные бои с оккупантами скоро наступят и что час освобождения ощутимо близок».

Коммунистический Интернационал в своих директивах от января 1943 г. призывал к решительному наступательному ходу событий, к мобилизации самых широких слоев чешского и словацкого народов «на активную всестороннюю борьбу во всех формах против оккупантов и предателей, в частности на создание вооруженных боевых групп и развертывание партизанского движения во всей стране, на объединение и организацию распыленных сил Национального фронта в форме единых национальных комитетов под руководством самых активных и самых боевых элементов Национального фронта. Все это при ориентировании на национальное восстание против немецких оккупан-

тов явится предпосылкой того, что чешский и словацкий народы смогут добиться своего национального освобождения».

В соответствии с предложениями и советами советских товарищей и руководства КПЧ, которые привез К. Шмидке из Москвы, и исходя из конкретной политической обстановки и возможностей в Словакии летом и осенью 1943 г. ЦК КПС определил главной задачей партии на этот период объединение всех демократических и антифашистских сил в Словакии под единым центральным руководством, интенсификацию борьбы против фашизма и подготовку общенародного восстания.

Для достижения своей главной цели ЦК КПС избрал соответственно следующие пути.

1) Обновить разрушенную сеть подпольных организаций КПС, расширить и создать новую партийную организацию в населенных пунктах и районах с тем, чтобы партия смогла охватить всю Словакию, чтобы организованная КПС была главным двигателем национального антифашистского движения, главной составной частью и организатором растущей антифашистской борьбы, главным центром подготовки восстания.

2) Провести переговоры со всеми оппозиционными демократическими силами и группами Сопротивления на платформе общей борьбы против фашизма, достигнуть соглашения, создать общий всесловацкий орган, способный направлять и вести общенародную борьбу.

3) В населенных пунктах и районах создавать революционные национальные комитеты как единые органы, объединяющие всех антифашистов в борьбе против фашизма, в подготовке восстания.

4) Создать и всесторонне поддерживать массовое партизанское движение в Словакии как составную часть объединенной борьбы и подготовки восстания.

5) Через партийные организации и общенациональный орган добиться максимального влияния на словацкую армию и ее отдельные подразделения, привлечь ее в антифашистский лагерь и принять во внимание армию как важную составную часть вооруженного восстания.

6) Методы партийной работы приспособить к тем гигантским задачам, которые партия перед собой поставила.

С августа 1943 г. работа КПС начала интенсивно разворачиваться. Само собой разумеется, что не все вопросы нам были ясны сразу же, с самого начала. Но ясной была цель, главная задача, на решение которой необходимо было повести всю партию, и решения этой задачи надо было твердо добиваться. Другие вопросы выяснялись постепенно, по мере того как создавалась сеть партийных организаций. Благодаря этому руководство лучше ориентировалось в положении и смогло судить о возможности единых действий в отдельных районах и областях, о ходе переговоров с политическими и военными группами в Словакии. Руководство КПС получало информацию от партийных организаций Словакии о ситуации на местах. Наладив поступление информации сверху, оно в то же время получило возможность видеть ситуацию в руководящих политических и правительственных органах словацкого государства, в экономике, армии, органах безопасности, знать о положении в лагере некоммунистической оппозиции, в отдельных группах Сопротивления и в немалой степени быть осведомленным о замыслах и позиции Бенеша и лондонских эмигрантских кругов. Всю эту информацию снизу и сверху мы оценивали, и, таким образом, в процессе поисков постепенно вырисовывались способы решения отдельных вопросов, совокупность которых и представляла подготовку Словацкого национального восстания. Ибо ни для любой революции, ни для любого восстания не существует заранее готового рецепта, простое выполнение которого было бы достаточным в достижении успеха. Степень верного познания и понимания объективных факторов и условий внутренних и зарубежных, правильной оценки сил и возможностей своих собственных и противников, предвидение возможных осложнений и стихийного вмешательства, а также способность к революционной импровизации в неожиданной ситуации — все это при правильной политической линии решает вопрос об успехе или неуспехе подготавливаемой революционной массовой акции, о

правильности или неправильности действий ее руководящих деятелей.

Вся партия, все ее организации принимали участие в поисках и создании у нас наиболее выгодных форм национально-освободительной борьбы, в объединении народных сил и в подготовке вооруженного выступления. Естественно, что немалое влияние на ход развития оказали и другие антифашисты, не входившие в КПС, ведь речь шла о восстании не коммунистическом, а общенациональном. В этом смысле Словацкое национальное восстание и его организованная подготовка являются коллективным делом всех коммунистов и остальных антифашистов, коллективным делом словацкого народа. Понятно, что особая ответственность при этом ложилась на руководящие органы и руководящих деятелей. Но если руководство КПС хотело правильно руководить партией в подготовке борьбы, оно должно было знать, с какими проблемами сталкиваются товарищи в городах и районах, насколько успешно они возрождают партийные организации, создают широкий национальный фронт вокруг национальных комитетов, готовят партизанское движение, ищут контакты с армией и т. д.

Подготовку восстания следует рассматривать как процесс взаимного влияния друг на друга различных факторов, проявляющихся наверху и внизу, факторов положительных и отрицательных, выступающих в качестве союзников и врагов. И еще — вся подготовка этого массового движения осуществлялась в строгой тайне, потому что существовал аппарат подавления фашистского государства, аппарат расшатывающийся, колеблющийся, но находящийся все еще под управлением словацких фашистов, которые ни на йоту не уступили в своей ненависти по отношению к коммунизму, к Советскому Союзу, к мысли об обновлении ЧСР. Все это происходило под строгим оком гитлеровского рейха, его армии, гестапо и их помощников. Всюду находились главари верных людаков и гардистов, они стремились противостоять расшатыванию и уничтожению существующего строя и режима. Таким образом, вся подготовка восстания проходила с риском арестов или даже виселицы для каждого

участника. «Ресторанные» или «салонные» условия подготовки восстания выдумали недобрые люди после освобождения, когда они в своих хорошо обставленных кабинетах замыслили оклеветать Словацкое национальное восстание и его борцов, когда они придумали теорию о «дворцовых переворотах».

Партийные организации в своей основе признавали линию единой национально-освободительной борьбы всего народа. Вначале, однако, обнаружились трудности и неясности, которые необходимо было преодолеть. Лозунг «Советская Словакия», который был привнесен в партийные ряды в прошлые годы, сильно укоренился среди рядовых работников партии. Старые подпольные работники, преследуемые и находящиеся в тюрьмах, видели в приближающейся Советской Армии возможность осуществления революционной цели словацкого пролетариата и часто выдвигали вопрос о социалистической революции и о включении Словакии в состав СССР. Все остальное им казалось слишком малым или недостаточным. Но это привело бы партию к изоляции от союзников рабочего класса, особенно от крестьянских масс, от некоммунистической демократической оппозиции и от остальных антифашистских групп. Конспиративные методы нелегальной работы эту изоляцию увеличивали бы еще больше. Подобные сектантские тенденции необходимо было преодолевать, терпеливо объясняя, что трудящиеся и их партия стоят перед проблемами народной демократической революции, условием и началом которой является массовая национально-освободительная борьба против фашизма, что невозможно перепрыгивать через определенные этапы и нельзя ставить вопросы, решение которых в мыслях людей еще далеко не созрело. Рабочие не являются большинством нации, и к тому же не все они пришли к мысли о советском якобы решении этого вопроса. Коммунисты сами не могут вести национально-освободительной борьбы, у них не хватит сил для выполнения этой задачи. Своих союзников они должны искать в среде мелкого крестьянства, интеллигенции, привлекать все демократические элементы и ту часть буржуазии, которая готова бороться с фашизмом. Необходимо было

преодолеть предрассудки против обновления ЧСР, ведь она в сознании трудящихся оставалась государством буржуазным. А концепция Бенеша и его правительства, подхваченная лондонским радио, лишь укрепляла подозрение многих коммунистов, что в новой Чехословакии речь пойдет об обновлении старых буржуазных порядков. Вопрос борьбы за обновление Чехословакии был одним из решающих при налаживании сотрудничества с некоммунистическими антифашистскими силами, ибо именно они в основном ориентировались на лондонское правительство и его концепцию. Многие коммунисты поглядывали несколько свысока на тех, кто до сих пор не принимал участия в нелегальной работе, уютно жил и «ничего не делал». В этом отношении они критиковали многих социал-демократов. Зачастую предвзято или с неприязнью смотрели на бывших аграрников-народников и т. д., вспоминая, как те вели себя в 1938—1939 гг. У них были свои претензии к армии, особенно к офицерам, поскольку те воевали против Советского Союза и сотрудничали с нацистской армией. Партия должна была терпеливо объяснять, что на членов бывших политических партий и даже на рядовых членов Глинковской словацкой народной партии, на целые группы и отдельных людей мы должны смотреть с той точки зрения, каково их отношение к национально-освободительной борьбе сегодня, как они хотят и могут помочь этой борьбе, а не с точки зрения их предшествовавшего политического развития, их политического прошлого, естественно, отвергая тех, кто скомпрометировал себя сотрудничеством с фашистским режимом. В освободительной борьбе не могут участвовать лишь те, кто является политически «совершенно чистым», кто политически никогда не ошибался.

Для того чтобы партия выполнила свою задачу, она должна была выйти из политической изоляции. Коммунисты должны были научиться работать и с социал-демократами, и с бывшими аграрниками, и с народниками, и с теми, кто не принадлежал ни к какой партии, с рабочими и крестьянами, интеллигенцией, солдатами и офицерами, полицейскими и с представителями оппозиционной буржуазии, короче, со

всеми слоями населения. Для коммунистической партии это была нелегкая задача после четырех лет подпольной работы, после преследования, изоляции от остальных частей демократической оппозиции. Но это национальное единство антифашистской борьбы необходимо было создать любой ценой, сохраняя свою организационную и идеологическую самостоятельность. Постепенно эту линию приняла вся партия. Сектантские тенденции преодолевались сравнительно быстро, хотя, если говорить честно, в некоторых вопросах они тянулись до самого восстания.

Конкретные задачи, которые стояли перед партийными организациями, непременно требовали от них более активной работы среди масс. Задача объединить антифашистов и демократов своего округа, создать общий орган — Национальный комитет — приводила к необходимости идти в массы, вести переговоры. Путь пролегал от предварительных бесед к соглашениям и решениям о конкретных задачах национальных комитетов. Сотрудничество и поддержка существующих партизанских отрядов, подготовка новых отрядов, отбор для них людей, форм политической работы с ними, обеспечение их оружием и обмундированием, финансирование, знание местности — все это были конкретные задачи партийных организаций, которые они одни, без сотрудничества и помощи стойких антифашистских граждан, находящихся вне нашей партии, решить не могли. То же самое касалось и вопроса сотрудничества с армией. В обязанность каждой партийной организации входило: налаживать контакт с солдатами и офицерами местного или ближайшего гарнизона, убеждать их в необходимости совместной антифашистской борьбы, в необходимости поддержки партизанского движения (например, оружием), привлекать сознательных солдат и офицеров в партию, убеждать их сотрудничать с национальными комитетами и т. д. В этой конкретной ежедневной работе партийные организации учились применять генеральную линию партии и претворять ее в жизнь на практике. Таким образом они избавлялись от сектантских ошибок. В ходе работы росла сила партийных организаций, росло их число и качество, рос авто-

ритет партии, ее притягательная сила и доверие партии в массах. Конечно, не всюду и не сразу решали эти задачи партийные организации, однако ЦК последовательно направлял их деятельность, помогал им.

Большие задачи, стоявшие перед партийными организациями, требовали не только увеличения числа работников — КПС в период подготовки восстания численно значительно выросла, — но и требовали от руководства КПС изменения и методов работы. Одной из основных мер, принятых нами, было решение отказаться от такого сильного средства воздействия, каким является в деле агитации и организации печать. Когда мы оценивали обстоятельства, при которых в прошлом раскрывались подпольные организации, арестовывались отдельные товарищи и целые группы, то обнаружили, что в большинстве случаев органы безопасности получали первые нити, ведущие к нашим организациям, через распространение подпольной печати и листовок, через лозунги и другие подобные проявления протеста против режима.

Они устанавливали слежку за тем, кто и как распространял печать, оценивали содержание выступлений печати и ее линию, обнаруживали авторов и всячески выясняли, чего партия добивается, что она готовит, на что нацеливает своих членов и общество. Таким образом, при сосредоточенном усилии всегда удавалось найти кого-нибудь из распространителей подпольной печати и листовок и шаг за шагом раскрыть десятки партийных работников, целые организации, а часто руководство партии. Во время допросов полиция получала новые сведения о работе партии и ее методах. При арестах или в результате допросов нередко органы охраны обнаруживали архивы, в которых хранились не только нелегальные издания, но и различные документы, а также списки членов организаций, сведения об источниках финансирования и т. д., что являлось основой для дальнейших репрессий.

В настоящее время речь шла о подготовке акций огромной важности, связанной с огромным риском, — о подготовке вооруженного восстания народных масс. Никогда до этого КПС не могла реально поставить

перед собой столь большую задачу. Коммунисты должны были провести переговоры с социал-демократами, аграрниками, народниками, католиками, евангелистами, солдатами, полицией и т. д. Риск раскрытия работы и всего дела увеличился, при этом необходимость охраны партии и ее кадров как главной движущей силы национально-освободительной борьбы значительно возрастала.

Мы пришли к заключению, что в интересах успеха всего дела необходимо значительно изменить обычные методы партийной работы. Мы приняли решение не издавать никаких нелегальных газет, журналов, прокламаций, призывов и то же самое предложили всем партийным ячейкам. Очень действенной пропагандой за антифашистскую борьбу были блестящие успехи Советской Армии, а также передачи московского и лондонского радио, которые мы слушали ежедневно. Конкретные цели партийной работы мы не могли раскрывать через нелегальную печать, потому что рано или поздно о них бы узнали и полиция и нацисты. Партия была уже настолько сильной, что ей не надо было заявлять о своем существовании с помощью надписей, лозунгов, демонстраций. Речь шла о том, чтобы сохранить в тайне от органов словацкой охраны и фашистов работу партии и то большое дело, которое она готовила. Речь шла о том, чтобы обмануть фашистов. Пусть они думают, что мы ничего не делаем. Была запрещена переписка, ведение документации, хранение архивов, созыв широких совещаний, была налажена система одного ответственного за работу в области, районе, населенном пункте, на каждом конкретном пункте, на каждом конкретном участке. Вся работа велась путем личных контактов.

Эти правила конспирации привились в партии, и, как правило, их не нарушали. Результат их для безопасности партии, для сохранения в тайне подготовки вооруженного выступления был выше всяких ожиданий. Тем более что дело осложнялось наличием разветвленной информационной сети ЦК КПС и других организаций во всех государственных органах Словакии. Партия готовила вооруженное националь-

ное восстание, но враг об этом ничего не знал. ЦШБ и другие словацкие и немецкие органы безопасности за четыре года привыкли к практике работы коммунистов, они привыкли находить нелегальные журналы, листовки, отпечатанные в типографии, размноженные на ротаторе или машинописным способом, привыкли обнаруживать антиправительственные надписи, лозунги, рисунки, вывешенные красные флаги и т. д. Короче говоря, привыкли к тому, что коммунисты сами обнаруживают свою деятельность. Органы охраны были, таким образом, убеждены, что после арестов более или менее значительные организации КПЧ перестали существовать, по крайней мере в общесловацком масштабе. Во всяком случае, только поэтому могло получиться, что до самого начала восстания ни Мах, ни другие руководящие деятели Словакии не знали о подготовке восстания, о том, какие силы и как его готовят. Им было известно, конечно, о партизанском движении, однако они не связывали его с более широкими политическими и военными событиями. (Тисо вскоре после начала восстания резко критиковал Маха за эту слепоту.) Некоторые аресты, например, в марте 1944 г. в Восточной Словакии в связи с действиями партизанского отряда «Чапаев», служба безопасности и Мах считали изолированным явлением, и даже в этом случае не раскрылась связь с нелегальной КПС. Я сам был арестован охранкой, кажется, 20 марта и ломал себе голову, где и что могло произойти (а разрыв мог произойти во многих местах) и что может быть известно службе безопасности. Однако оказалось, что она действительно ничего не знает ни о подпольной работе партии, ни о подготовке восстания. Она искала в Братиславе какого-то «доктора», который обеспечивал деньгами и продовольствием отряд «Чапаев». КПС была связана с этим отрядом через В. Боровского в Ганушовцах, и связь с ним поддерживал лично К. Шмидке. Когда служба безопасности обнаружила, что разыскиваемый «доктор» является братиславским врачом, она выпустила меня на свободу.

Для партии оказалось очень полезным отказаться от бесспорно ценных услуг подпольной печати, листо-

вок и т. д. Тем более живой должна была быть личная работа среди людей. Для налаживания партийной работы очень важен был личный инструктаж. Директивы и инструкции партийным организациям мы давали различными способами. Шмидке сам регулярно ездил по всей Словакии из одного района в другой и, как правило, половину недели проводил в пути. Он лично знакомился с партийными работниками, назначал их на должности в районном или областном масштабе, осуществлял взаимные контакты, решал многочисленные спорные или неясные вопросы, знакомился с ситуацией и проблемами районных организаций, осуществлял единую партийную линию в различных районах Словакии. Благодаря этой его работе к нему росло доверие, рос его авторитет. Он выполнял значительную часть партийной работы. Удивительны были его подвижность, почти лихорадочное стремление путешествовать и смелость, с которой он проходил различный контроль и проверки во время этих поездок. Он очень строго соблюдал все конспиративные правила, но я никогда не замечал у него осторожничания либо чего-нибудь такого, что говорило бы о трусости.

Однако вскоре стало ясно, что поездок Шмидке недостаточно. Мы начали организовывать и расширять аппарат инструкторов. В качестве таких инструкторов руководства работали А. Беднар, А. Рашла (в частности, по военной линии), Е. Свикруга, Й. Свиток, Р. Блажовский. К социал-демократам в их партийные организации мы посылали Й. Чеха, И. Шолтеза (связь с Нитрой), Ф. Липку, а также других товарищей. Вся эта инструкторская сеть была замкнута на меня. От меня инструкторы получали директивы, ко мне приносили свои сообщения. Они жили легально, у них была обычная работа. Их поездки и наши связи были замаскированы личными или деловыми контактами. Таким же способом мы получали информацию из различных государственных органов. Во время встреч со Шмидке мы оценивали эти сообщения и решали, куда поедет он, а куда мне надо послать инструктора. Шмидке, который был на нелегальном положении, часто путешествовал, а я, наоборот, должен был постоянно находиться в Братиславе, ждать связ-

ных, инструкторов, известных. Такое разделение труда оказалось очень полезным. Сотрудничество было хорошо налажено, у нас не было никаких разногласий, вся партийная работа велась успешно.

Создавались также районные центры, а иногда и областные. Я хочу назвать здесь хотя бы имена партийных работников периода подготовки Словацкого национального восстания, которые сохранились у меня в памяти: Блажовский (Зволен), Свитак (Приевидза), Репка (Бановце), Долинский (Нова Баня), Фабианич, Гайдош, Воронска, Павлик, Фалтян, Пулл, Вашечка, Виктор, Васек и т. д. (Братислава), Елень (Поправ), Маркович, Балко, братья Малиновцы (Б.-Бистрица), Шолц, Стрехай (Ружомберов), В. Хорват (Прешов), Боровский (Ганушовце), Зарембова (Требишов), Плахта (Бардейов), Смида, Бортел, Петько (Подбрезова), Мазур, Хиско, Т. Мартин, Ондрушке (Тренчин), Ласко (Кремница), А. Кубан (Трнава), Чап (Жилина), Линхард (Орава), Клокоч (Гемер), Кубач (Середь), Готтиер (Брезно), Сокол (Л. Микулаш), Шуц (Тисовец), Добротина (Нитра) и т. д. Ни руководство КПС, ни низовые организации не созывали широких совещаний. Мы также стремились к тому, чтобы ответственные товарищи имели нормальную работу и жили легально. Переход в подполье всегда вызывал повышенный интерес, и поэтому на эту меру шли только в случае какой-нибудь угрозы. Мы постоянно искали связей в государственном аппарате, в полиции и жандармерии, для того чтобы партия была вовремя информирована о грозящей опасности, о замыслах и шагах аппарата Глинковской партии, гитлеровцев и т. д. Подобные информационные точки создавались сверху донизу. Методы широкой, массовой работы партии были неразрывно связаны со строгими мерами конспирации и охраны партии. Например, Шмидке не только жил под фальшивой фамилией, но и долгое время (более полугода) не принимал участия в совещаниях Словацкого национального совета и в других переговорах с некоммунистическими политическими и военными деятелями.

В подготовке общенародной вооруженной борьбы с перспективой народно-демократической революции

важной задачей было строительство коммунистической партии, ее политическая, идеологическая, организационная подготовка к выполнению ее исторической функции — быть руководящей силой вооруженной борьбы и антифашистской народно-демократической революции. Поэтому партия должна была ставить такие задачи и таким образом, чтобы они были понятны и приемлемы для широких народных масс и для некоммунистических демократических сил. Способствовать поражению нацизма, ликвидировать фашистский режим — это было бесспорно. Разногласия начинались там, где речь шла о будущем — что будет потом, после освобождения. Руководство КПС поставило задачу обновления государственного содружества братских народов — чехов и словаков в будущей Чехословакии. После определенных колебаний эта цель была принята партией, и она стойко за нее боролась. Руководство партии ясно поставило также вопрос о самобытности словацкого народа и его положении в обновленной Чехословакии в соответствии с принципом «равного с равным». В это время по примеру Советского Союза мы имели в виду федеративное решение вопроса. В партии эта точка зрения с самого начала была принята всеми, никто не представлял себе иного решения. Спорные взгляды на этот вопрос, однако, возникали в некоммунистических группах под влиянием Лондона. Чем глубже обдумывались проблемы будущего, тем больше спорных вопросов возникало между коммунистами и остальными группами. Понятно, что буржуазные группы представляли себе по-своему будущее устройство. Именно в этом был камень преткновения при обсуждении соглашений о совместной борьбе и совместном этапе пути. Необходимо было уяснить себе две вещи: во-первых, что коммунисты никогда не откажутся от своей программы ликвидации эксплуататорского строя и построения социализма и, во-вторых, что эту свою программу они не выдвигали в качестве непосредственной цели сразу же после поражения фашизма, что речь шла прежде всего о завоевании национальной государственной свободы, о предоставлении демократических прав народу, об исправлении многих соци-

альных и национальных искажений прошлых времен. Необходимо было, чтобы коммунисты во время переговоров о совместных действиях со всеми группами в национальных комитетах и других органах ясно формулировали основные вопросы и при этом сохраняли достаточный простор для маневрирования при освещении своей точки зрения на решение проблем после освобождения. Партийные организации в этот период должны были решать все эти вопросы.

Эта важная инициатива Коммунистической партии Словакии, направленная на объединение всех демократических сил народа для усиления борьбы с фашизмом, для подготовки вооруженного восстания и политического переворота, для начала народно-демократической революции, нашла в массах словацкого народа благодатную почву. Интенсивная работа партии, ее тысяч работников и ее руководства в течение одного года объединила силы народа и привела его к историческому повороту в истории словацкого народа — к Словацкому национальному восстанию.

5. СОЗДАНИЕ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА

Вопрос создания единого центра Соппротивления в Словакии был ключевым вопросом дальнейшего развития национально-освободительной борьбы. Руководство КПС поэтому начало с лета 1943 г. переговоры со всеми более или менее значительными группами Соппротивления. Если не считать группы Соппротивления в армии, то речь шла в основном о трех категориях оппозиционных демократических сил и групп Соппротивления: а) группе бывших социал-демократов, б) группе буржуазного, или, как они сами себя называли, «гражданского», лагеря, то есть в основном деятелей бывшей аграрной и народнической партий, в) оппозиционных течениях в Глинковской словацкой народной партии. Руководство КПС вело переговоры со всеми тремя категориями оппозиционных течений, зондировало возможности сотрудничества и совместных действий с ними. Основная часть этих переговоров велась с середины до конца 1943 г. и закончилась созданием Словацкого национального совета. Переговоры о расширении и укреплении широкого фронта антифашистских сил продолжались, однако, и в 1944 г., практически они велись до первых дней восстания, когда конституировался повстанческий Словацкий национальный совет.

Точку зрения ЦК КПС на основные вопросы движения Соппротивления в Словакии я уже упоминал. В переговорах с некоммунистическими группами возникали два вида проблем:

1. Вопрос активизации внутреннего фронта и переход к массовой вооруженной борьбе с фашизмом.

2. Политические цели движения Соппротивления и решения вопросов взаимоотношений между КПС и

группами Сопротивления в стране после ее освобождения.

При решении обоих видов этих проблем возникало много противоположных точек зрения, разногласий и препятствий, которые могли сорвать эти переговоры. Руководство КПС, которое вело эти переговоры, стремилось создать единый центр Сопротивления прежде всего для того, чтобы совместными действиями усилить внутреннюю борьбу против нацизма и сил местного фашизма, чтобы активизировать антифашистские акции и подготовить широкое вооруженное выступление всего народа. Некоммунистические группы, ведя переговоры, охотно соглашались создать совместный орган Сопротивления прежде всего для того, чтобы договориться с коммунистами о послевоенном периоде, о переходном этапе, об условиях, которые создадутся после освобождения, а вопросы конкретной антифашистской борьбы, хотя они и признавали на словах ее значение, они отодвигали на более удобное время, на конец войны. В этом чувствовалось явное влияние Бенеша и его правительства, их стремление выждать, не рисковать, избежать лишних жертв. Бесспорно, в этом проявлялись политические черты словацкой, и не только словацкой, буржуазии, ее нереволюционность, отсутствие традиций борьбы, школа Годжа и Бенеша, стремившаяся путем рутинной политики и торгашества обеспечить себе классовые преимущества и политические позиции. Руководство КПС, однако, принципиально отстаивало вопросы конкретной борьбы против фашизма, без договоренности по этому вопросу создавать совместный орган не имело бы смысла.

В другой группе спорных проблем речь прежде всего шла о следующих вопросах: а) об обновлении Чехословакии, б) о внешнеполитической ориентации Чехословакии и об отношении к СССР, в) о решении словацкого вопроса в Чехословакии, г) об отношении к Бенешу и чехословацкому правительству в Лондоне, д) о внутреннем строе в обновленной Чехословакии, е) о позиции народных масс и целом комплексе политических, экономических и социальных проблем. И даже в этих вопросах точки зрения были весьма различны. Поэтому переговоры длились долго и не со всеми

группами Сопротивления они закончились успешно. От коммунистов требовалась большая стойкость, чтобы они не уступили в принципиальных вопросах, и большая тактическая гибкость, чтобы переговоры об объединении антифашистского лагеря не потерпели крах как из-за «радикальности» положений, так и из-за сектантской бескомпромиссности. Некоторые послевоенные критики этих переговоров, особенно в период культа личности, наивно заключали, будто бы после битвы на Волге оппозиционная часть словацкой буржуазии, испуганная советскими военными успехами, с раскрытыми знаменами бежала спасаться договором с руководителями КПС, которые якобы не умели использовать ситуацию, не могли обеспечить руководящей роли партии, то есть ее большинства во всех ключевых органах. В этом вопросе представления 50-х годов о народном фронте механически переносились на ситуацию 1943 г.

* * *

Среди деятелей социал-демократии во время войны в Словакии ясно определилось два крыла. Вопреки определенной тенденции они проявились и в чехословацкой социал-демократической партии в лондонской эмиграции. Руководящие кадры социал-демократии в Словакии в глазах народа скомпрометировали себя 20-летней политикой прислуживания буржуазным правительственным партиям вообще и особенно национальной политикой непризнания существования словацкой нации и бенешевским чехо-патриотизмом. Поэтому в рядах социал-демократической молодежи и в профсоюзном движении уже в домюнхенской Чехословакии появились левые течения. Политическая неустойчивость социал-демократии в момент провозглашения словацкой автономии и ее пассивность в период так называемой второй республики и в начале существования словацкого государства усилили левые тенденции в рядах социал-демократии. Поэтому левое крыло словацких социал-демократов укреплялось, оно сотрудничало либо было склонно к сотрудничеству с коммунистической партией. Точки зрения и взгляды

этих кругов настолько приближались к взглядам КПС, что некоторые из левых социал-демократов вступили в Коммунистическую партию Словакии, а другие призывали к объединению обеих партий. Это движение усилилось в 1943—1944 гг., когда многие социал-демократы, до того времени пассивные, начали активизироваться. КПС сотрудничала с левым крылом социал-демократии и дала директиву своим партийным организациям завязывать с социал-демократами тесный контакт.

Правые социал-демократы ориентировались на эмигрантское правительство в Лондоне и в большинстве своем поддерживали отношения с буржуазными группами внутри страны. Более или менее широкой организации у них не было. Начиная с лета 1943 г. после указаний из Лондона И. Капинай, который работал в группе Флора, начал объединять разрозненных правых социал-демократов в Западной Словакии и вместе с ними создал так называемый исполнительный комитет социал-демократии Словакии. Группа Капинай выпустила прокламацию, подписанную этим комитетом, в которой указывалось, что она говорит от имени всей партии. Капинай использовал связь с эмигрантским правительством через группу Флора, чтобы посылать в Лондон бессмысленные информации о Словакии и раздутые сообщения о деятельности своего исполнительного комитета. 30 июня 1943 г. чехословацкое правительство в Лондоне получило одно из таких сообщений. В нем Бечко сообщал, что исполнительный комитет социал-демократии Словакии требует, «чтобы после войны в Словакии была установлена твердая демократическая диктатура, режим просвещенного абсолютизма в республике». О коммунистах в этом сообщении говорилось, что они хотят создать в Словакии советскую республику или присоединить Словакию к России. Требование абсолютизма в Словакии исполнительный комитет Капинай обосновывал тем, что нация политически устала, что она больна и ей необходим политический санаторий, как незрелому и нездоровому ребенку. Это сообщение Капинай в достаточной степени свидетельствует о политических способностях его автора.

Руководство КПС в стремлении объединить все группы вело переговоры и с этой группой. Новомеский и я дважды встречались с Капином и Поляком. Оба они выступали от имени «всей социал-демократической партии», а их точки зрения соответствовали политической наивности процитированного выше сообщения для Лондона. О социализме они имели представление среднего мещанина, и в целом он их совсем не интересовал. Они верили лишь Бенешу, Бечку и лондонскому правительству и без всяких сомнений принимали их точку зрения. Они признавали только бенешевскую чехословацкую нацию. Сотрудничеством и взглядами они были полностью связаны с буржуазными группами, руководимыми из Лондона. В деле антифашистской борьбы они придерживались выжидательной лондонской тактики. Капиной и Поляк утверждали, что только они имеют право на представление всей социал-демократической партии Словакии, потому что за ними стоит некий сенатор. Практически с ними ни о чем нельзя было договориться, несмотря на то, что уже в сентябре 1943 г. в сообщении Бенешу они похвалялись тем, что коммунисты согласны с их политическими целями. Они использовали впечатление, которое вначале создали в Лондоне до такой степени, что не постеснялись попросить Бенеша, чтобы кто-нибудь из их группы был назначен руководящим представителем Сопротивления внутри страны. Принятие группы Капиной в центральный орган национально-освободительного движения Словакии не принесло бы практически никакого действительного результата.

Социал-демократы, сотрудничавшие с КПС (Эртл, Шолтеш, Рашла, Чех, Комзала и другие), отвергли исполнительный комитет Капиной и попросили руководство КПС, чтобы оно не вело никаких переговоров с этой группой, так как за ней практически никто не стоит. Больше мы с ними переговоров не вели. Левые социал-демократы позже образовали здоровое ядро социал-демократии, которое тесно сотрудничало с КПС. Руководство этой группы социал-демократов приняло политическую платформу ЦК ПС, так что в этом вопросе между КПС и социал-демократией было

налажено взаимопонимание. В созданный центральный орган эти группы делегировали от имени социал-демократии Ивана Хорвата, который до этого не принадлежал ни к правому, ни к левому партийному крылу, однако в принципе он поддержал позицию левого крыла и выступил за тесное сотрудничество с Коммунистической партией Словакии. Вскоре в Словацкий национальный совет был принят и Шолтеш. С этого времени сотрудничество КПС и социал-демократии все больше укрепляется как в Словацком национальном совете, так и в районах и городах. Тесное сотрудничество обеих партий во время восстания вылилось в организационное единство. Так была парализована попытка правого крыла социал-демократии (внутренней и лондонской) использовать эту партию против коммунистов, в поддержку буржуазной политики правительства Бенеша и местных буржуазных групп Сопротивления. Капинай и его группа позже стали посылать в Лондон откровенно клеветнические сообщения, а их исполнительный комитет постепенно прекратил существование. Проблема участия социал-демократической партии в Словацком национальном совете наряду с КПС в деле подготовки восстания и в его ходе тем самым была решена. В дальнейшем каких-либо серьезных осложнений не возникало.

* * *

Групп Сопротивления буржуазного или гражданского лагеря в 1943 г. в Словакии были десятки. Наряду с активизацией демократической оппозиции постоянно возникали новые группы. Для руководства КПС важно было узнать их политический профиль, их взгляды, сферы их влияния, их потенциальные возможности в антифашистской борьбе. ЦК КПС был информирован обо всех этих группах либо в результате прямых переговоров, либо через посредство надежных людей. В основном встречались два вида групп, которые я несколько упрощенно назову информационными группами и политическими группами.

Как я уже говорил, почти все некоммунистические оппозиционные группы способствовали в основном

лишь побегам за границу и отправке политических, военных и экономических сообщений руководству чехословацкого Сопротивления на Западе или его отдельным деятелям. На этой основе развилась сравнительно совершенная связь с Чехословацким национальным комитетом в Париже, а также с Бенешем и его правительством (гражданскими и военными органами в Лондоне). Необходимо сказать, что буржуазная эмиграция на Западе имела почти непрерывающуюся связь с группами Сопротивления в Словакии (за исключением коммунистов). Понятно, что деятели эмигрантского правительства хотели иметь максимум всякого рода информации о ситуации в Словакии, и вместе с тем они передавали директивы, указания о том, что, по их мнению, необходимо делать дома, внутри страны. А дома этой работе, этим связям с границей посвящали себя целые группы. Они собирали и посылали информацию, принимали сообщения с Запада и распространяли их. Поэтому я буду эти группы коротко называть информационными. В 1943 г. подобную связь поддерживала группа Флора, в частности через Швейцарию, группа работников импортного общества «Довоз» — через Турцию и группа батевских работников импортного общества «Котва». Этой деятельностью занималась в основном также группа профессора Коха. Эти группы, ориентирующиеся на Лондон, осуществляли взаимное сотрудничество. Они использовали пути и возможности экономических и дипломатических органов для удержания связи, поддерживали контакты с буржуазными политическими группами, посылали их информацию на Запад и передавали в их распоряжение сообщения из Лондона. В 1943—1944 гг. некоторые члены этих информационных групп хотели играть и самостоятельную политическую роль (например, уже упоминавшийся Капинай, К. Вистава из группы Флора, профессор Кох и другие). Однако они беспрекословно подчинялись Бенешу и его правительству. Эти каналы Бенеш и его органы использовали для поддержки контактов с группами Сопротивления в протекторате. Сколько-нибудь широкого политического влияния эти информационные группы не имели и иметь не могли, поэтому руковод-

ство КПС с ними не вело никаких политических переговоров. Однако об их деятельности оно, как правило, было хорошо информировано.

Из политических групп в 1943 г. особенно активизировались: 1) группа Шробара, 2) различные группы бывших членов аграрной партии, 3) несколько групп бывших членов народной партии. Других значительных политических групп (за исключением, правда, ГПНС) в буржуазном лагере не было. Упомянутые группы своим образом мыслей не выходили за рамки бывших политических партий, они стремились обновить свои старые партии или создать новые, опираясь на старые кадры в своих политических партиях, представляли в основном буржуазно-демократическую оппозицию и имели возможность массового влияния. Поэтому ЦК КПС со всеми этими группами в течение нескольких месяцев вел переговоры.

Развитие международной обстановки и приближение Восточного фронта пробудили от политической пассивности аграрного политика В. Шробара. В Тренчианских Теплицах, где он жил, он начал созывать совещания старых политических деятелей домюнхенской республики, и на случай поражения нацизма он пытался сколотить какой-либо центральный орган, который должен был взять в Словакии власть. Подобных совещаний в Тренчианских Теплицах и в Битчи было немало, и в них приняли участие М. Мичура (до Мюнхена он был руководящим деятелем народной партии Словакии, председателем Верховного суда), бывший аграрный министр Штефанек, председатель словацкого сейма М. Сокол, а также И. Карваш, П. Затько, Й. Урсини, И. Пиетор и другие. Политическая программа Шробара была простой: обновление буржуазной Чехословакии со всем, что было до Мюнхена, создание единой чехословацкой нации, верность Бенешу и его внешней политике, послушное исполнение приказов Бенеша в Словакии во время Соппротивления и после освобождения. Орган, который хотел создать Шробар, должен был «после переворота», то есть после поражения нацизма, позаботиться о сохранении мира и порядка в Словакии, взять руководство в свои руки и не позволить смениться режиму революционным пу-

тем. Это были консервативные и наивные планы удержать власть, добиться спокойного перехода от одного буржуазного режима к другому, планы, свидетельствующие, что их создатели помнят переворот 1918 г. и слепо верят во всемогущество внешнеполитических акций Бенеша. В данной исторической ситуации, однако, эти надежды были нереальными, как нереальной является любая попытка механически повторить какое бы то ни было историческое событие. Они не считались с возможностью активизации массовой антифашистской борьбы. В то же время, как рассказывал один из участников совещаний, они много думали о том, какие принять меры, чтобы коммунисты не воспользовались «переворотом». Там высказывалось, например, предложение, чтобы больше внимания уделялось пожарным командам, так как в случае демонстраций пожарные могут против демонстрантов использовать брандспойты. В силу этой концепции Шробара и его группы вполне логично, что на совещания, на которых должен был быть избран общенациональный орган, они «забыли» пригласить не только коммунистов, но и социал-демократов. Речь шла о коалиции аграрников, народников и умеренных глинковцев. Однако и они не были едины и не во всем поддерживали концепцию Шробара. Сокол требовал остаться на той позиции, которая была определена законом об автономии Словакии осенью 1938 г. Урсини, Карваш, Затько и другие были большими реалистами и постепенно отделялись от Шробара и его концепции. Профессор Гронец, который также принял участие в совещаниях, еще летом 1943 г. мне говорил, что это «полная глупость» — стремиться создать какой-либо орган без коммунистов.

В конце августа 1943 г. Шробар послал Бенешу меморандум, в котором он от имени «всех демократических групп» заверял в верности президенту и правительству, а также их программе и в котором он выдвинул свои предложения по обеспечению порядка в период переворота «без насилия, без хаоса». Бенешу активность Шробара, которого он знал как старого чехословака, очень понравилась. Он нашел в нем ту личность, которая могла бы в Словакии осуществлять

его намерения и планы. Поэтому он сразу же в сентябре ответил Шробару. И хотя он не соглашался с М. Соколом и его концепцией, однако ему понравился реакционный «план переворота» Шробара. Он дополнил его следующими конкретными указаниями: В столице должен быть создан Революционный национальный комитет, в Праге — чешский, в Братиславе — словацкий. Эти комитеты после немедленного провозглашения существования старой единой республики заявляют, что по поручению правительства они берут на себя ответственность за проведение политических и административных мер до того момента, пока на освобожденной территории не сможет взять на себя руководство законное, признанное за рубежом, чехословацкое правительство. Правительство за границей назначит по договору с Национальным комитетом земского словацкого президента и земского командующего войсками (так же как на Мораве, в Чехии и Прикарпатской Украине), которые будут, пока не вернется правительство, действовать в сотрудничестве с Национальным комитетом. Как видно, Бенеш тоже помнил о перевороте 1918 г., и он хотел его повторить. Он требовал немедленно провозгласить «старую единую республику». Правда, он не очень верил даже Национальному комитету Шробара, и поэтому он хотел обеспечить позиции буржуазии тем, что эмигрантское правительство будет назначать автономного президента и командующего, которые, как это Бенеш заявил полгода спустя, будут иметь право объявить военное положение и спустя два года после освобождения практически осуществить в Словакии военную диктатуру. Бенеш считал само собой разумеющимся, что его правительство на освобожденной территории возьмет в свои руки власть и руководство. Для этой цели, как мы об этом еще скажем в дальнейшем, для Бенеша великолепно подходил именно Шробар. Поэтому с этого времени между Бенешем и Шробаром началась оживленная переписка, и Бенеш ясно дал понять, что он хочет, чтобы Шробар возглавил местный орган власти. За это ухватились приверженцы Бенеша в Словакии, особенно участники уже упоминавшихся информационных групп, которые всячески поддерживали Шробара,

как человека, «уполномоченного президентом». Так Шробар, которого до лета 1943 г. никто из участников движения Сопротивления не знал, неожиданно стал политической фигурой. Факт этот отрицательно повлиял на подготовку восстания.

ЦК КПС в интересах единства движения Сопротивления решил провести переговоры и с группой Шробара. Я беседовал с Иваном Пиетором, которого Шробар назначил своим «представителем и заместителем». Пиетор смотрел на вещи более трезво, чем Шробар, и нередко точка зрения «старого господина» вызывала у него скрытую усмешку. Во время этих переговоров поступило малоприятное для группы Шробара сообщение: служба безопасности и Мах узнали о деятельности Шробара. Дело в том, что некоторые близкие сотрудники Шробара пришли к выводу, что меморандум, который он послал Бенешу, должны подписать как можно больше людей, и они начали собирать подписи также и среди социал-демократов. Однако по совету руководства КПС ни один из них меморандум Шробара не подписал. Служба безопасности, однако, узнала об этой акции и арестовала одного из сборщиков подписей. В результате полиция Маха узнала о делах Шробара слишком много. Поэтому Пиетор сообщил руководству КПС, что Шробар и его сотрудники ежедневно ждут ареста и что группа Шробара по причинам безопасности прекращает всякую связь и переходит к полной пассивности. И действительно, Шробар и его люди до весны 1944 г. жили политически изолированно, не проявляя никакой активности.

Таким образом, осенью 1943 г. переговоры КПС с этой группой прекратились, с тем чтобы к ним вернуться весной 1944 г., однако уже при драматических обстоятельствах. Шробара и его людей не арестовали. По документам, которые были обнаружены после освобождения, стало известно, что Мах доложил об акциях Шробара Тисо, и они совместно приняли решение, что ни Шробара, ни его людей не стоит арестовывать, но за ними надо организовать слежку. В результате переговоров и деятельности КПС и вследствие полугодовой пассивности от Шробара отошли все более или

менее известные деятели, так что его первоначальная «коалиция» полностью распалась. Весной 1944 г. Шробар начал проявлять активность с новыми людьми, за исключением Пиетора.

* * *

Аграрная партия до Мюнхена была по числу голосов (286 тысяч) второй по значению партией в Словакии (после Глинковской словацкой народной партии). Словацкая народная партия выступала на выборах в различных блоках. Число ее голосов составляло примерно 40 тысяч. В то время как Глинковская партия была прежде всего партией католической, партии аграрная и народная в основном собирали голоса евангелистов, хотя за аграрников голосовало и немало католиков. Политического развития членов этой партии и его руководства начиная с осени 1938 г. я уже коротко касался. На оппозиционность большинства членов упомянутых партий словацкого государства действовал и католицизм руководства словацкого государства, Глинковской партии, гвардии и т. д. После «национального и религиозного братаний» осенью 1938 г. наступило отрезвление, и руководство словацкого государства стало протектировать своим, то есть старым людакам и католикам. Евангелическая буржуазия по политическим причинам и религиозным мотивам стала переходить в оппозицию. Например, аграрника евангелиста Урсини католик-людак Турчак выгнал из Союза крестьянских масс. Подобных «национальных трагедий», в которых фашистско-людацкая буржуазия раздавала «теплые местечки» своим «католикам-людакам», было немало. Следовательно, и эти доводы сыграли значительную роль в том, что в 1943 г. евангелическая буржуазия в большинстве случаев находилась в оппозиции по отношению к режиму, тем более что именно она имела до Мюнхена более сильные позиции, так что она относилась к Чехословакии достаточно «искренне».

Под влиянием этих и других обстоятельств евангелическая интеллигенция и трудящиеся, которые перед этим входили в упомянутые партии, все быстрее и

больше переходили на сторону оппозиции и с 1943 г. начали активизироваться. Это проявилось и в «Национальной газете», в некоторых евангелических церковных журналах, кругах евангелической церкви и т. д. Данные моменты постепенно приводили к тому, что бывшие аграрники и народники в большинстве случаев наладили тесное сотрудничество, — как часто это бывает с представителями подавляемого меньшинства, несмотря на то, что о каком бы то ни было религиозном подавлении евангелистов в это время говорить не приходится, — и во время переговоров с КПС эти группы сливались. Первоначальное различие между ними во взглядах и на национальный вопрос (аграрники выступали за единую нацию, народники — за автономию) постепенно стиралось. Надо сказать, что аграрники, участвовавшие в Сопротивлении, стремились привлечь на свою сторону аграрников-католиков, а также приобрести новых сторонников, однако в целом эти попытки оказались безуспешными. Эти две политические группы, которые постепенно объединились, были самой влиятельной оппозиционной буржуазной силой. Значительное воздействие они оказывали на часть демократически ориентирующихся трудящихся и на мелкую буржуазию, и у них была возможность это влияние усилить. Кроме того, эти группы оказывали большое влияние на экономическую деятельность словацкого государства, на армию, на государственный аппарат, на интеллигенцию. Обе они поддерживали связь с правительством Бенеша, аграрники, кроме того, были связаны с Лихнером, а народники — с Паулини-Тотом. ЦК КПС с этими группами вел длительные переговоры о сотрудничестве.

Бывшие аграрники организационно не были объединены, они были разбиты на несколько групп. Группировки создавались вокруг Урсини, вокруг Леттриха, Благи, Шефчика и т. д. В 1943 г. эти различные группы объединились в два центра: один — во главе с Леттрихом, другой — с Урсини; они договорились о совместных действиях. Правда, враждебность между Леттрихом и Урсини продолжалась и в дальнейшем, во время восстания и после освобождения. Леттрих не признавал Жилинское соглашение 1938 г. Он кри-

тиковал его и вначале был в оппозиции к нему. В 1939 г. его арестовали и отправили в трудовой лагерь. Он принадлежал к более молодому поколению, и его позиция по отношению к людацтву была более принципиальной. Урсини прошел школу Годжи (он состоял даже с ним в родственных связях), был главным представителем аграрников при подписании Жилинского соглашения и при объединении партии, он остался на руководящих постах в Союзе крестьянских масс и был типичным представителем буржуазии, обогатившейся в домюнхенской Чехословакии. Во время переговоров с КПС аграрников представляли Леттрих, Урсини и Йоско. От имени КПС переговоры вели Новомеский и я. У коммунистов были возражения против Урсини из-за его компромиссов с людаками и против Йоско из-за его политической незначительности. Однако, когда вопрос стал таким образом, что в результате этих возражений могут быть сорваны переговоры, мы от них отказались. Йоско принял участие в переговорах, а потом и в работе Словацкого национального совета — по «техническим причинам»: дело в том, что Урсини жил в Турце, он не мог часто ездить в Братиславу и поэтому настаивал на том, чтобы его представлял его зять Йоско. Он добился своего, и, таким образом, зять стал «политическим деятелем».

Четырехмесячные переговоры, а затем и сотрудничество в Словацком национальном совете показали всю глубину наших разногласий, и прежде всего по проблемам, связанным с послевоенным периодом. Необходимо сказать, что точки зрения Леттриха и Урсини не всегда совпадали (точка зрения «зятя» не принималась во внимание). Леттрих действительно ненавидел людацкий режим, и в словацком вопросе он резко выступал против точки зрения Бенеша. К тому же он не был так обременен «имущественными и родственными» связями, как Урсини. Эти разногласия давали возможность маневрировать и наконец достичь соглашения. Естественно, что оба они выражали интересы оппозиционной буржуазии и добивались буржуазной концепции в вопросах послевоенного устройства. Урсини сотрудничал с людаками, он с ни-

ми был связан и в момент переговоров с КПС. И поэтому, с другой стороны, делая реверанс в сторону Лондона, он стремился откупиться, подчеркивая значение единства Чехословакии.

В вопросах конкретной борьбы против фашизма аграрники были на словах «за», однако они представляли ее по-своему: в виде переписки с Лондоном, рассуждений о том, что будет после освобождения, а иногда подбрасывания небольших сумм денег для поддержки партизан, а также тех, кто находился в тюрьмах и т. д. Когда они поняли, что коммунисты настойчиво добиваются активизации борьбы, что они настаивают на вооруженных формах и на подготовке к восстанию, то, не желая срывать переговоры, постепенно, шаг за шагом, стали принимать коммунистическую точку зрения. Остается, однако, фактом, что их приходилось заставлять принимать каждое конкретное решение, угрожая разрывом сотрудничества. Дело в том, что с течением времени они все больше и больше стали нуждаться в этом сотрудничестве: советский фронт приближался и надежда, что Словакию освободит кто-нибудь другой, а не Советская Армия, становилась все более призрачной. Это в конце концов привело аграрников к принятию взгляда коммунистов, что новая Чехословакия во внешнеполитическом и военном отношении будет ориентироваться на Советский Союз. Конечно, согласились они на это не от души, но ничего иного сделать не могли.

Обновления Чехословацкой республики желали и они и мы. Больше того, аграрники, помня о сектантском лозунге «Советской Словацкой республики» и различных клеветнических измышлениях о планах коммунистов, даже радовались такой их позиции. В вопросе положения словаков в новой Чехословакии колебался главным образом Урсини. Тот Урсини, который спокойно беседовал с Сидором и Соколом, хотел оказаться чистым и перед Бенешем. Я думаю, что в душе для него эти вопросы не были важными. Политика для него являлась ремеслом.

В конце концов была принята точка зрения коммунистов о самостоятельности словацкого народа, о принципе «равного с равным» в деле взаимоотноше-

ний с чехами. Большие дискуссии велись по вопросу об отношении движения Сопротивления к Бенешу и к эмигрантскому правительству. Словацкие коммунисты признавали правительство Бенеша в международных дипломатических акциях как представителя Чехословакии за рубежом. Но в связи с составом и политической концепцией его правительства они не признавали никаких прав президента вмешиваться во внутренние дела, прав приказывать, указывать или связывать руки Сопротивлению внутри страны в вопросах, касающихся положения на освобожденной территории. Буржуазные группы так же хорошо, как и коммунисты, знали, что правительство Бенеша стремится восстановить домюнхенскую республику в старом капиталистическом смысле, что оно стремится удержать позиции буржуазии. Коммунисты не хотели в этих вопросах иметь связанные руки и не признавали полномочий правительства. Больше того, буржуазные группы видели в правительстве Бенеша и его органах свою опору и нередко единственное спасение. В этих вопросах нельзя было идти на уступки: принять концепцию Бенеша — земского президента и земского военачальника с их широкими полномочиями означало бы связать руки народу, затруднить его борьбу после освобождения. Не раз в связи с этим вопросом возникала угроза срыва переговоров. Аргументов в поддержку той или иной точки зрения было достаточно. Я не буду их приводить. Однако обе стороны понимали, что речь идет о том, какой класс, какие политические силы в ходе национально-освободительной борьбы завоюют лучшие позиции, добьются лучших условий для классовой борьбы после освобождения. Наконец, в заключительной фазе переговоров аграрники и другие буржуазные группы приняли точку зрения коммунистов: Словацкий национальный совет будет «единственным представителем политической воли словацкого народа в стране». СНС чехословацкое эмигрантское правительство «признает... в международном и военном плане». Речь шла не только о правительстве Бенеша, но и «обо всем зарубежном Сопротивлении», то есть и о московской части Сопротивления, которая, таким образом, приравнивалась к правительству Бенеша.

Решающим было следующее положение о задачах СНС: «В первый же удобный момент захватить всю политическую, законодательную, военную и административную власть и осуществлять ее...» до выборов после освобождения. Это означало, что у буржуазного правительства Бенеша отнята какая-либо возможность использовать аргумент «единственного признаваемого за рубежом правительства» в деле вмешательства во внутренние дела в пользу буржуазии и против народа. Это означало также, что все в руководстве внутренними делами передано местному центральному органу, в котором коммунистическая партия имела сильные позиции и наряду с другими обстоятельствами (мы прекрасно понимали, что Словакию освободит Советская Армия) обладала решающим влиянием. Это была важная победа в деле дальнейшего укрепления классовых позиций трудящихся и их партии, в деле ослабления позиции национальной буржуазии и ее защитника — правительства Бенеша. Представители буржуазных групп поэтому с особенным упорством боролись за паритетное представительство в СНС. Когда они утратили перспективу того, что буржуазные порядки на освобожденной территории обеспечит правительство Бенеша, то они любой ценой стали добиваться внедрения принципа равного представительства в руководящем органе. Руководство КПС предлагало иные нормы представительства с преобладанием левых сил и с большим участием социал-демократов. В конце концов, раз удалось добиться признания точки зрения коммунистов в принципиальных вопросах, о которых я уже говорил, ЦК КПС принял принцип паритетного соотношения левых и правых сил в центральном словацком органе Сопротивления. Дело в том, что все эти вопросы обсуждались параллельно и были связаны друг с другом. ЦК КПС при согласии на принцип паритета в СНС исходил из того, что представители социал-демократической группы будут делегированы от левого крыла этой партии и пойдут вместе с КПС, а также из того, что в вопросах национальных комитетов, о создании которых тоже была достигнута договоренность, не было установлено никакого политического ограничения при их образовании (никакого

паритета). И поэтому партийные организации, согласно инструкциям, которые они получили, группировали в них антифашистов своего района, что на практике означало бы преимущество прогрессивных левых сил и руководящее положение КПС. Мы также исходили из убеждения, что подготовленное восстание будет проходить не без координации с планами Советской Армии и что Советская Армия освободит всю Словакию, вследствие чего объективная ситуация будет благоприятной для прогрессивных и социалистических сил, а также для усиления позиций КПС в общесловацком органе. В основных пунктах это предположение КПС о развитии ситуации подтвердилось, и поэтому принцип паритета СНС не был слишком значительным препятствием для дальнейшего развития.

Велись также дискуссии о внутреннем устройстве в освобожденной Чехословакии. За длинными речами о народе и демократии у буржуазных деятелей скрывалось стремление к тому, чтобы в будущей республике было как можно меньше нового и как можно больше оставалось старого. Коммунисты, естественно, стремились к прямо противоположному. Они не ставили вопроса социалистического устройства государства, а требовали глубоких демократических реформ всей государственной, экономической и социальной жизни, короче говоря, они поднимали проблемы, которые можно в целом объединить в понятие последовательной народно-демократической революции. Речь шла о новой земельной реформе, о национализации основных отраслей промышленности, о новой форме народного управления на основе национальных комитетов, об устранении последствий фашистского режима — расизма, об улучшении социального положения трудящихся и т. д. Достигнуть конкретного соглашения по этим вопросам в то время — осенью 1943 г. — было невозможно, так как главной задачей являлась вооруженная антифашистская борьба. Поэтому была найдена формулировка, что «окончательное решение этих вопросов будет принято... свободно избранными представителями словацкого народа».

И коммунисты и буржуазия вверили свои надежды дальнейшему развитию. Общая линия ожидаемого

развития будущей Чехословакии была определена в общих формулировках, которые представляли собой компромисс между позициями коммунистов и буржуазных групп и в которых говорилось о демократическом устройстве Чехословакии, об искоренении всех фашистских и расистских элементов из общественной жизни, об ошибках прошлого, об углублении демократии, особенно в экономической и социальной областях, о справедливом распределении национального дохода среди населения, о демократизации образования и препятствовании тому, чтобы духовенство могло использовать школу для своих политических целей, и т. д. Коммунисты видели в этих формулировках достаточно широкие рамки для того, чтобы в удобный момент выдвинуть на повестку дня конкретные вопросы. Естественно, что они бы предпочли более ясные формулировки задач, например земельной реформы, конфискации имущества предателей и коллаборационистов, национализации части промышленности и т. д. КПС боролась за эти формулировки, но она не хотела и не имела права из-за них расстраивать подготавливаемую единую национальную борьбу. В собственной работе и пропаганде КПС, однако, никоим образом не связывала себе руки. Буржуазные группы также по-своему объясняли себе упомянутые соглашения, что давало им возможность «нажимать на тормоза» — как это формулировал Урсини — в деле борьбы народа за решение основных вопросов устройства Чехословацкой республики. На словах они ратовали за безграничную демократизацию и прогресс. Урсини, например, во время этих переговоров заявил, что они примут все, что решит народ, что они готовы сотрудничать с коммунистами даже в том случае, если бы была создана советская республика. Однако мы знали цену этим заявлениям. Поэтому мы в своих дискуссиях возвращались к решающим и конкретным вопросам борьбы против фашизма — там был центр тяжести переговоров и весь их смысл.

Одновременно мы вели переговоры и с пародниками, в основном с П. Затько. Затько был одним из руководящих представителей евангелической церкви и вместе с тем одним из наиболее влиятельных дея-

телей в экономике словацкого государства. Вместе с И. Карвашом и группой экономистов они решающим образом оказывали влияние на всю экономическую политику. Вследствие этого соглашение с Затько могло оказать большое влияние на сторонников евангелической церкви, а также на экономические круги, что имело для подготовки восстания большое значение. С Затько мы дискутировали о тех же проблемах, о которых я уже говорил, и ход этих дискуссий был примерно аналогичным. Разница была лишь в том, что Затько и те, кто за ним стоял, оценивали ситуацию с самого начала более трезво и реально. Они видели, что для них нет иного выхода, что Словакию освободит Советская Армия и поэтому им ничего не остается делать, как договориться с коммунистами.

В декабре 1943 г. на ведущиеся переговоры весьма положительное влияние оказало подписание чехословацко-советского союзнического договора, посещение Бенешем Москвы, встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране и радиопередачи из Москвы, комментирующие данные события. Это ускорило ход заключительных переговоров, и в середине декабря 1943 г. мы уже обсуждали конкретные письменные проекты соглашения о совместной борьбе и о создании единого органа руководства в Словакии. Название этого органа — Словацкий национальный совет — предложили коммунисты, во-первых, потому, что так назывался традиционный национальный орган времен Штюровского восстания 1848 г., и, во-вторых, потому, что это название должно было показывать представительный характер национального органа, который должен поднять весь народ на вооруженную борьбу против нацизма и который взял на себя ответственность за судьбу словацкого народа в этой борьбе и после нее. Это название должно было показать, что речь идет не о каком-то временном бенешевском центральном национальном комитете, который плясал бы под дудку буржуазного лондонского правительства и представлял бы политические кулисы для замыслов Бенеша и его кругов о захвате власти на освобожденной территории. Все группы Сопrotивления, с которыми велись переговоры, согласились с этим назва-

нием. Так в середине декабря 1943 г. было достигнуто политическое соглашение о совместной борьбе, о центральном словацком органе этой борьбы — Словацком национальном совете, о задачах СНС, об отношении СНС к основным политическим проблемам этой борьбы и освобождения. Текст этого соглашения во время переговоров исправлялся и дополнялся и в окончательном виде был одобрен и символически подписан накануне рождества 1943 г. Поэтому этот основной документ общенационального движения Сопrotивления в Словакии известен как «Рождественское соглашение 1943 года».

Вот текст этого Рождественского соглашения:

«Идейные направления в Словакии, которые и после 6 октября 1938 г. продолжали оставаться на позициях антифашистской демократии и которые до сегодняшнего дня активно сопротивлялись политическому, экономическому и культурному насилию над словацким народом, согласились создать совместное политическое руководство, которым явится Словацкий национальный совет, как единственный представитель политической воли словацкого народа внутри страны.

1. Задачей и целями Словацкого национального совета являются:

1. Совместно и централизованно руководить борьбой словацкого народа за устранение нацистско-немецкой диктатуры, проводимой также и собственными узурпаторами политической власти.

2. В первый же удобный момент захватить всю политическую, законодательную, военную и административную исполнительную власть в Словакии и осуществлять ее согласно воле народа до того момента, пока свободно избранные представители народа не смогут взять эту власть.

3. После взятия власти, как это только окажется возможным, Словацкий национальный совет позаботится о том, чтобы словацкий народ свободно определил своих представителей, которым Словацкий национальный совет передаст всю власть.

4. Словацкий национальный совет будет в своей деятельности поступать в согласии с чехословацким правительством и всеми силами заграничного Сопро-

тивления, работу которых в международном и военном отношении он признает и поддерживает.

II. Объединившиеся направления и составные части договорились о следующих принципах:

1. Мы стремимся к тому, чтобы словацкий и чешский народы, как родственные славянские народы, и в будущем связали свою судьбу с Чехословацкой республикой, общим государством чехов и словаков на основе принципа равного с равным.

2. Мы стремимся к тесному сотрудничеству со всеми славянскими государствами и народами, особенно с Советским Союзом, в лице которого мы видим защитника свободной жизни и всестороннего развития малых народов вообще и славянских в особенности.

3. Будущая ЧСР должна проводить свою внешнюю политику в духе этих принципов, и поэтому она должна во внешнеполитических и военных акциях опираться на Советский Союз.

4. Внутреннее устройство будущей ЧСР должно быть демократическим, однако должны быть искоренены все тенденции фашизма, расизма, тоталитаризма, а также все то, что будет противоречить этим принципам. В этом духе внутренний политический режим должен осуществляться твердо, но при этом демократическими методами. Необходимо избежать ошибок прошлого.

5. Демократические идеи необходимо перенести и углубить также в области экономической и социальной так, чтобы распределение национального дохода среди всего населения было как можно более равномерным и чтобы каждый гражданин жил достойно и по-человечески.

6. Культура, образование и воспитание должны руководствоваться упомянутыми принципами. Должна быть обеспечена свобода вероисповедания, необходимо также исключить влияние церкви на руководство государством.

7. Окончательно эти вопросы решат — так же как и вопросы законодательного оформления отношения словацкого народа к народу чешскому — с словацкой

стороны только свободно избранные (назначенные) представители словацкого народа.

Братислава, рождество 1943 года».

Одновременно было избрано руководство Словацкого национального совета, в котором было представлено все руководство КПС (Шмидке, Гусак, Новомеский) и от «гражданской группы» избраны Леттрих, Урсини и Йоско. В начале 1944 г., когда были закончены переговоры с социал-демократами и другими группами, в руководство СНС были кооптированы И. Хорват (от социал-демократов) и П. Затько. Это политическое соглашение было послано для сведения Бенешу и чехословацкому правительству в Лондон. В Швейцарию его перевез в январе 1944 г. Фраштацкий, который информировал посла Копецкого о политическом и кадровом составе СНС. Копецкий послал соглашения и комментарии к ним в Лондон. О сущности этих соглашений и решения о создании единого центра Сопротивления сообщила КПС и другие ячейки СНС своим организациям, группам и приверженцам, призвав их к тому, чтобы все антифашистские группы и силы на основе совместной программы установили тесное сотрудничество, чтобы они совместно создавали местные и районные национальные комитеты, чтобы они вместе решали все проблемы Сопротивления и готовились к вооруженной борьбе. Эти соглашения в общесловацком масштабе необычайно ускорили активизацию антифашистов, расширили антифашистский фронт среди всех слоев населения, умножили силы народа в его борьбе.

* * *

ЦК КПС много раз серьезно занимался проблемой оказания влияния на оппозиционные течения в Глинковской словацкой народной партии, а также стремился использовать возможность ускорить процесс дифференциации, который в это время проходил особенно между рядовыми членами этой партии и гардистами. Этот вопрос был тем более важным, что «гражданские группы» в СНС в большинстве своем были аграрники и пародники и они оказывали влия-

ние на приверженцев евангелической церкви и очень мало на католиков.

Руководство КПС подробно проанализировало ситуацию в Глинковской партии и приняло решение ни в каком случае не вести переговоров с руководящими группами этой партии и словацкого государства (Тисо и его группа, Тука — Мах и их приверженцы, Сидор, Дюршанский и т. д.), потому что все эти группы фашистского режима, несмотря на некоторые различия, совместно несут ответственность за фашистскую диктатуру в Словакии и должны за это ответить. КПС последовательно придерживалась этой позиции и стремилась отстоять ее в СНС. Ни партия, ни СНС никогда не вели переговоров с фашистскими главарями словацкого государства, наоборот, они резко выступали против них, так же как и против представителей главного внутреннего врага — фашистской буржуазии.

Эта единая точка зрения руководства КПС и СНС не находилась, естественно, в противоречии с действиями отдельных членов, которые использовали старые личные знакомства для того, чтобы получать сведения о некоторых фашистских деятелях. Например, Л. Новомеский по поручению ЦК КПС имел несколько бесед с Махом с целью защитить арестованных коммунистов либо прозондировать почву, выяснить позицию, получить информацию и т. д. Таким же образом руководство КПС использовало возможности и связи Карваша, который активно принимал участие в подготовке восстания, и многих других людей как в деле помощи арестованным, так и для получения необходимой информации из кругов тисовского правительства, армии, немцев, охранки и т. д. Все эти и многие другие сведения были необычайно ценными и необходимыми для подготовки такой акции, каким было восстание.

Руководство КПС искало возможности либо сверху, либо снизу завязать контакты с демократическими силами в людацком лагере и привлечь их к общенациональной борьбе.

Самой примечательной личностью в руководстве Глинковской партии в этом отношении был М. Сокол.

Нам было известно, что он выступал против расистских законов, что он помогал многим чехам, что он не любил немцев и т. д. Руководство КПС получало подробные сведения о взглядах Сокола и его группы, оно знало о его переговорах с В. Шробаром, но в конце концов оно решило отказаться от переговоров с Соколом в силу следующих причин: хотя Сокол склонялся к мысли об обновлении Чехословакии на основе закона об автономии Словакии, но все дело он представлял себе таким образом, что он дождетсЯ окончания войны и потом, занимая пост председателя словацкого сейма, осуществит некий переворот в пользу ЧСР, нечто подобное 14 марта 1939 г., только наоборот. У него никогда не хватало смелости разойтись с Тисо, решительно перейти на сторону оппозиции и сил Сопротивления, и он не высказывал желания чем-либо помочь конкретной борьбе против нацизма и словацкого фашизма. Такой же точки зрения придерживались и его сторонники в словацком сейме.

К такому сотрудничеству и помощи антифашистской борьбе КПС не стремилась, и поэтому она не вела с ним переговоров. Свою точку зрения КПС отстаивала и в СНС. Урсини, который до этого поддерживал с Соколом связь, должен был дать обещание, что он не будет вести никаких политических переговоров. Таким образом, принципиальные позиции КПС и СНС в отношении руководящих кругов словацкого государства были одинаковыми. Это была позиция антифашистских борцов в отношении представителей словацкого фашизма.

Другой оппозиционной группой в людацком лагере были так называемые профсоюзники, то есть руководящие представители фашистских профсоюзов, депутаты Чавойский, Мора и другие. Они были известны своим демократическим или по крайней мере демократически окрашенным образом мыслей. Работа в профсоюзах к тому же заставляет сближаться с рабочим классом, узнавать социальные настроения трудящихся, пусть даже в рамках папских энциклик. Руководство КПС поэтому решило провести переговоры с этой группой, определить ее взгляды и возможности сотрудничества. Новомеский в этом смысле не-

сколько раз беседовал с Мором и Чавойским. Однако результат был отрицательным. И хотя у этой группы имелись многочисленные возражения против нацизма и собственного режима и она имела более или менее демократические представления о будущем режиме, однако она не захотела открыто выступить против словацкого клерикального фашизма, открыто поддерживать приближающуюся борьбу словацкого народа.

Таким образом, все стремления сверху оказать влияние на демократические течения в людацтве оказались безуспешными. Поэтому руководство КПС стало ориентироваться на акции снизу. В районах и населенных пунктах оно стремилось привлечь рядовых глинковцев на сторону Сопротивления, стремилось организовать совместные действия не скомпрометировавших себя рядовых членов Глинковской партии и гардистов, католиков, членов людацких профсоюзов, демократически настроенных католических священнослужителей и т. д. Определенные плоды такая работа принесла, и это подтвердилось во время восстания. Руководящие кадры Глинковской партии и гардистов остались, однако, верными своему режиму, своему государству, своему немецкому «защитнику», и поэтому с ними можно было вести разговор только на одном языке — языке борьбы.

С объединением антифашистских сил и созданием единого центра СНС народно-освободительная борьба в Словакии поднимается на новую, более высокую ступень.

6. БОРЬБА ЗА АРМИЮ

С момента своего создания в середине декабря 1943 г. Словацкий национальный совет (СНС) развил свою деятельность по широкому фронту, углубляя борьбу с фашизмом. Существовало множество вопросов, для решения которых следовало координировать работу организаций Компартии Словакии и других антифашистских групп и элементов: создание национальных комитетов, поддержка партизанского движения, помощь заключенным антифашистам, защита от органов безопасности словацкого государства и отгеста, контакты с Лондоном, но прежде всего — главная задача — подготовка восстания. Из соображений конспирации всю эту сложную и многогранную деятельность невозможно было обсуждать на собраниях более широких коллективов. Поэтому СНС принял следующий оперативный метод решения неотложных вопросов и связей между отдельными своими составными частями: Леттриха и меня назначили чем-то вроде секретарей СНС. Мы встречались почти ежедневно, обсуждали отдельные проблемы, затем каждый из нас советовался со своим «блоком», договариваясь о единстве действий. Таким, вплоть до самого восстания, и был обычный порядок работы СНС — если не говорить об исключениях, о которых я еще упомяну. Одним из основных вопросов, которые с самого начала пришлось решать СНС, был вопрос об отношении к словацкой армии, включения ее в подготовку к восстанию. К решению этого вопроса СНС приступил в начале января 1944 г.

В годы культа личности в вопросе об участии словацкой армии в восстании было больше всего неясностей и извращений, поэтому необходимо осветить точ-

ку зрения пятого подпольного ЦК Компартии Словакии на эту проблему.

Каково было положение в словацкой армии осенью 1943 г.? Крайне неблагоприятный для нацизма оборот дел на фронте, развитие международной обстановки в сторону усиления позиций союзников, прогрессирующая дискредитация клерикально-фашистского режима в Словакии, интенсивная деятельность коммунистов и других антифашистов — я называю лишь некоторые моменты, — влияние всего этого не могло не сказаться и на словацкой армии. В армии резко нарастали настроения против немцев и народной («людацкой») партии. С другой стороны, оказывала свое влияние участь десятков тысяч словацких солдат и офицеров, сражавшихся на Восточном фронте. Словацким солдатам не за что было воевать на стороне немцев; это они осознали очень скоро, еще в 1941 г. Преступления нацистов на советской земле, варварское обращение с гражданским населением укрепляли отвращение словацких солдат к союзничеству с немцами. Соприкосновение с советским населением, с которым они, единственные из союзников гитлеровцев, могли договориться, отвага советских людей, их активная борьба против немецкой оккупации, деятельность партизан, ежедневная возможность убедиться в лживости немецкой и «людацкой» пропаганды — все это углубляло отвращение к нацизму и увеличивало симпатии к советским людям, к СССР и к Советской Армии. От симпатии к сотрудничеству и активной помощи — короткий путь. Существует множество доказательств положительного поведения огромного большинства словацких солдат и большинства офицеров на советской территории. Литература уже собрала многие из них: в качестве примера приведу только книгу советского генерала Вершингоры «Люди с чистой совестью», в которой, вспоминая о деятельности партизанского объединения Ковпака, автор часто упоминает словацкие подразделения на Украине, причем говорит о них очень хорошо. Бывали случаи перехода словацких солдат к советским партизанам, в Советскую Армию — случаи отдельные и групповые. Под Мелитополем осенью 1943 г. более 2 тысяч словацких солдат и офицеров перешли на сто-

рону Советской Армии. Эти перебежчики были важным пополнением при формировании и укомплектовании Чехословацкого армейского корпуса в СССР. Опыт словацкой армии на Восточном фронте, ее антифашистское настроение, ее симпатии к СССР, отвращение к немцам и переход на сторону Советской Армии — все эти факты становились известными воинским подразделениям на родине, становились предметом обсуждения во всей армии и доходили даже до гражданского населения. Они сыграли весьма положительную роль в формировании образа мыслей нашего народа.

Упомянутые моменты разлагали словацкую армию, которую «людацкий» режим строил по образцу немцев как орудие своей власти. Перед руководством Компартии Словакии осенью 1943 г. встал вопрос — удовлетвориться ли тем, что словацкая армия практически вышла из борьбы против СССР, или еще более углубить ее разложение до полного ее уничтожения: на фронте — путем перехода на сторону Советской Армии, на родине — путем перехода к партизанам. Или, может быть, существуют предпосылки для того, чтобы использовать словацкую армию на родине как единое целое или хотя бы как основную силу для антифашистской борьбы и подготовки к восстанию, и тогда не разлагать ее, а привлечь на свою сторону, готовя к крупному вооруженному выступлению. ЦК Компартии Словакии принял вторую альтернативу: включить словацкую армию в подготовку к восстанию. ЦК видел благоприятные условия для такого решения как в общем образе мыслей народа, так и в антифашистских настроениях в армии. Разлагать армию можно лишь снизу, воздействуя на образ мыслей солдат. Но привлечь армию как единое целое для конкретной задачи — для этого нужна интенсивная работа как снизу, так и сверху, то есть необходима политическая и организационная работа и среди офицеров.

В. И. Ленин, касаясь условий перехода армии на сторону народа, писал в связи с Московским восстанием: «Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и

речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представлять себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания, с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежно, при всяком истинно народном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей *борьбе за войско*¹. Руководство Коммунистической партии Словакии решило начать борьбу за армию, за привлечение словацкой армии к национально-освободительной борьбе народа, к восстанию.

Наша коммунистическая партия не имела достаточного опыта работы с армией ни в домюнхенской Чехословацкой республике, ни в подполье во время войны. Уйдя в подполье, Компартия Словакии пыталась работать в армии, особенно в пропагандистском плане, и достигала даже определенных успехов. (Хотя было бы преувеличением усматривать непосредственное влияние партийной работы во всех антивоенных и оппозиционных выступлениях солдат.) Проводить партийную пропаганду среди солдат и привлечь армию как союзника народа к борьбе — две задачи, существенно отличающиеся друг от друга. Вот эта вторая, неизмеримо более трудная задача и встала на повестку дня осенью 1943 г. С кем приходилось бороться, чтобы привлечь на свою сторону армию? Прежде всего с «людацким» режимом, строившим эту армию. Нельзя забывать о том, что Глинковская словацкая народная партия и католическая церковь имели широкую опору среди народа, а следовательно, и в армии. Режим Тисо при поддержке немцев формировал офицерский корпус таким образом, чтобы на него можно было вполне положиться. Союзники Тисо, немцы, через посредство военных миссий и собственных агентов в словацкой армии внимательно следили, чтобы эта армия не ускользнула из их рук. Силы эти, немецко-людацкие, были немалыми. Они держали в своих руках всю власть и пользовались значительной поддерж-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 372.

кой части офицерства. Однако антифашистский лагерь в армии все время укреплялся, фашистский — все время ослабевал. Борьба за армию — борьба с Тисо и немцами, — безусловно, была выиграна антифашистскими силами. Бóльшая часть армии присоединилась к восстанию, а остальную часть Тисо пришлось распустить за неблагонадежностью. Таким был один, наиболее зримый фронт этой борьбы.

Но существовал и другой фронт, более скрытый, проходивший внутри антифашистского лагеря. Бенеш, его правительство, Ингр и компания, отечественная буржуазия возлагали на армию большие надежды, составляя свои планы на время после освобождения. Таким образом, одновременно с борьбой за привлечение армии к восстанию и в рамках этой борьбы проходил еще и спор за позицию армии в борьбе народных сил против буржуазии, с ее планами господства; этот второй спор выявился с самого начала обсуждения вопроса о привлечении армии к восстанию. В этом споре буржуазная часть движения Сопротивления имела сильного союзника в лице значительной части офицерства. Коммунистов среди офицеров в ту пору почти не было. Многие из них начали вступать в партию только во время восстания и позже. Офицерские кадры, воспитанные в домюнхенской республике, имели в общем буржуазную ориентацию. Решившись «предать» одного президента, одного главнокомандующего, эти профессиональные офицеры тотчас начинали искать другого и находили его, естественно, в лице Бенеша, официально признанного главы Чехословацкой республики. Политическое мышление офицерской касты значительно отличалось от мышления широких народных масс. Нельзя упускать из виду эту специфику армии тех времен. Но неужели из-за проблем, которые я назвал, руководству Компартии Словакии следовало отказаться от мысли привлечь на свою сторону армию? Безусловно, нет, и оно этого не сделало. Но можно ли привлечь армию как единое целое, не привлекая значительной части офицерства, не заключая с ними соглашения? Было бы наивно ответить на этот вопрос утвердительно. Если руководство Компартии Словакии решило приложить все силы к тому, что-

бы включить всю армию в борьбу против фашистов, то оно должно было считаться с этими проблемами.

Тем более важной была работа коммунистической партии снизу, в низовых организациях, среди солдат и офицеров. Руководство Компартии Словакии постоянно подчеркивало важность этой части партийной работы перед всеми нашими организациями. Каждая организация получила задание завязать и поддерживать контакты с местными гарнизонами, с отдельными солдатами, работать среди них политически, привлекая их к общей борьбе, а где это было возможно, — и непосредственно к партийной работе. В каждой организации кто-нибудь из ответственных товарищей имел поручение проводить эту работу. Никогда еще у нашей партии не было такой тесной связи с армией, никогда еще не проделывала она такую политическую работу в армии, как в год подготовки к восстанию. Конечно, даже эта опасная и утомительная работа сотен коммунистов не в состоянии была существенно изменить политическую ориентацию большинства офицеров. Руководство Компартии Словакии систематически собирало и оценивало результаты этой партийной работы среди солдат. Зная масштабность нашей задачи, мы не были и не могли быть удовлетворены; однако, говоря об активной работе в армии, надо видеть объективные возможности коммунистов того времени.

* * *

Решения привлечь армию к восстанию добилось в Словацком национальном совете руководство Компартии Словакии. Представители некоммунистических групп в СНС, приняв идею активной борьбы, довольно охотно согласились с линией на привлечение армии, ибо они знали, что их позиции среди офицерства несравнимо крепче, чем позиция коммунистов. Начались конкретные переговоры. В то время — в январе и феврале 1944 г. — среди высшего офицерства существовало уже несколько антифашистских групп. Нужно было объединить эти группы, создать единое командование для подготовки армии к восстанию и создать

военный центр, политически подчиненный Словацкому национальному совету.

Некоторые группы антифашистских офицеров уже имели кое-какие связи (через упомянутые уже каналы по линии разведки) с военными кругами чехословацкого правительства в Лондоне; другие группы искали такую связь. Руководство Компартии Словакии и Словацкий национальный совет решили начать переговоры со всеми офицерскими группами. К тому времени уже окончательно выкристаллизовалась точка зрения Компартии Словакии, принятая и в СНС, на некоторых высших офицеров, на которых не следовало рассчитывать и с которыми не следовало вести переговоры. Такую отрицательную точку зрения руководство Компартии Словакии и СНС заняли, например, по отношению к министру национальной обороны генералу Чатлошу. Главное основание для этого: Чатлош слишком скомпрометировал себя связями с нацизмом и словацким фашизмом, в армии и в общественном мнении он воплощал идею участия словацкой армии в войне против СССР и даже в личных разговорах того времени не отмежеввался достаточно определенно от фашистского курса словацкого государства, от курса ведения войны на стороне Германии. По аналогичным причинам мы заняли абсолютно отрицательную позицию в отношении генералов Туранца, Чундерлика и многих других высших офицеров. В свое время хорошей репутацией пользовался в словацкой армии генерал А. Малар, бывший в начале 1944 г. (до мая) военным атташе в Берлине. Однако политическая информация о нем была не очень благоприятна: он вел германофильские разговоры в Берлине, женился на немке. ЦК Компартии Словакии, желая проверить информацию о Маларе, поручил Лацо Новомескому поговорить с ним о возможностях сотрудничества. Разговор этот состоялся в феврале 1944 г. Результат оказался совершенно отрицательным: Малар склонялся на сторону немцев. После этого ЦК Компартии Словакии, а затем и СНС решили не рассчитывать на Малара.

Добрая репутация антифашиста утвердилась за генералом Юрехом. Будучи командиром мотомехди-

визии на Кавказе, он весной 1943 г. вступил в переговоры с представителями Советской Армии о переходе всей дивизии на советскую сторону; перед солдатами и офицерами он выступал как антифашист, за что и был снят с командования. СНС видел в нем подходящую личность, к тому же одаренную определенными способностями, чтобы занять руководящее место в армии. Но Юрех отказался вести сколько-нибудь конкретные переговоры под тем предлогом, что за ним постоянно следят и он хочет жить спокойно. Его и позже не удалось убедить принять активное участие в подготовке армии к восстанию; он стоял в стороне. Конец его был трагическим, потому что, несмотря на всю его осторожность, нацисты арестовали его в начале восстания и затем казнили.

Влиятельным человеком среди офицеров-антифашистов был полковник Ян Имро. Он считался хорошим, энергичным воином, который в последние годы, а особенно во время войны против СССР, довольно открыто выражал свои антинемецкие, славянофильские убеждения и значительную симпатию к русскому народу и к СССР. За это он был отстранен от должности. Этот человек казался руководству Компартии Словакии политически наиболее подходящим. Я разговаривал с ним. Полковник Имро согласился с нами сотрудничать. Антифашистские группы поддерживал также начальник генерального штаба министерства национальной обороны полковник Тальский. Это был энергичный человек, правда, о нем говорили, что в прошлом он был в слишком хороших отношениях с немцами. Вокруг него собралась целая группа офицеров. Мы говорили с ним, и он тоже дал согласие сотрудничать.

Влиятельную группу сосредоточил вокруг себя начальник штаба командования наземных войск в Банска-Бистрице подполковник Ян Голиан. В эту группу входили подполковник М. Ферьенчик, подполковник Д. Кишш-Калина, майор Марко, подполковник Мирко Весел и другие, преимущественно офицеры командования наземных войск. Эта группа имела связь с Лондоном, поставляя туда информацию и принимая

распоряжения от лондонского министерства национальной обороны. И с этой группой мы начали переговоры.

Было еще несколько групп и отдельных офицеров, которых можно было подчинить единому командованию. Трудность заключалась главным образом в том, что каждая из этих групп желала занимать ведущее место в военном центре, а Имро, Тальский и Голиан претендовали на роль командующего. В ходе всех этих переговоров руководство Компартии Словакии и СНС взвешивало преимущества и недостатки отдельных высших офицеров и искало наиболее выгодное решение.

В ход переговоров в марте 1944 г. вмешался Лондон, у которого были свои планы использования словацкой армии. Лондон тоже искал подходящую фигуру среди офицеров. В первой половине марта 1944 г. из Лондона поступил приказ, подписанный Ингром, которым Бенеш назначал командующим военными силами Сопротивления в Словакии Голиана. СНС немедленно узнал об этом приказе, причем раньше самого Голиана. Случилось это потому, что группа Голиана была связана с Лондоном через группу «Флора», с которой, в свою очередь, сотрудничал подполковник Мирко Весел. Через этот канал и пошло в Лондон предложение назначить Голиана командующим. Материалы группы «Флора» переправлял в Швейцарию, помимо других, некий Фраштацкий, сотрудничавший и с членом аграрной партии Леттрихом и с Урсини. Микрофильмы, поступавшие из Лондона, проявляли люди из окружения Фраштацкого и Станека, который, в свою очередь, тесно сотрудничал с П. Затько. От Фраштацкого и Станека мы получали копии этих материалов. Таким путем и попал к нам в руки приказ о назначении Голиана, который мы временно задержали. Перед руководством КПС и СНС встал вопрос, признать ли назначение Голиана, принять его или ориентироваться на другую фигуру, на другую группу. За Голиана говорило то, что в его руках была ключевая позиция в командовании наземных войск, а вокруг него группировалось значительное число офицеров. Но был и сильный аргумент

против. Его характеризовали как офицера-канцеляриста, слабохарактерного, легко поддающегося влиянию и не очень популярного среди солдат и офицеров. Кроме того, он уже был связан с Лондоном. Отказаться же от Голиана означало расколоть антифашистский лагерь в армии и вступить в противоречие с Лондоном. Буржуазная часть СНС недвусмысленно склонялась на сторону Голиана. В конце концов руководство партии приняло следующее решение: если Голиан согласится принять политическую программу СНС (так называемое Рождественское соглашение), согласится подчиниться СНС и принять свое назначение от него, согласится сотрудничать с руководством КПС — на этих условиях назначить его командующим, с тем что Имро и Тальский станут его заместителями. Таким образом, возникло бы командование из трех человек, чья военная квалификация позволяла бы рассчитывать на хорошую подготовку армии к восстанию.

Мы пригласили Голиана в Братиславу. Я говорил с ним от имени КПС. Это было в квартире подполковника Кишш-Калины. Впечатление, которое на меня произвел при этом разговор Голиан, всякий раз подтверждалось позднее, вплоть до конца восстания. Это был безусловный антифашист. Он резко высказывался против немцев, против людацкого режима, за восстановление Чехословацкой республики и готов был активно за это бороться. Но политически он был довольно незрелым человеком, путаным, в основном ориентировался на Бенеша. О Советском Союзе Голиан официально высказывался с симпатией, но слова эти не шли у него из глубины души. А в остальном это был рассеянный, нерешительный, колеблющийся человек, довольно замкнутый, особенно когда он беседовал с коммунистами, — в общем, кадровый офицер тех времен с довольно слабой дозой личной решительности и энергии. Сотрудничество с КПС и СНС он принял. Затем последовала беседа руководства СНС с Голианом и с членом его группы майором Марко. На этой беседе была достигнута основная договоренность о включении словацкой армии в широкий фронт антифашистской борьбы, о подготовке

армии к восстанию. Это было в середине марта 1944 г.

После обсуждения общего политического и военного положения, программы и планов СНС, возможностей словацкой армии и ее задач в подготовке вооруженной борьбы было решено:

а) Антифашисты в армии во главе с подполковником Голианом признают Словацкий национальный совет ведущим политическим центром Сопротивления в Словакии и одобряют программу и цели СНС, изложенные в так называемом Рождественском соглашении от 1943 г.

б) С целью объединить антифашистские силы в армии и подготовить словацкую армию к вооруженным действиям против нацизма и отечественного фашизма создается военное командование во главе с подполковником Голианом, подчиненное СНС. Голиан как главнокомандующий будет иметь двух заместителей, а именно полковника Имро и полковника Тальского, которые вместе с ним образуют командное ядро армии сопротивления.

в) Военное командование срочно примет все подготовительные меры для того, чтобы вывести армию на активную борьбу против немецких вооруженных сил. Это означает создание сети антифашистских групп в отдельных воинских подразделениях, выдвижение из среды антифашистов ответственных командиров воинских подразделений и подчинение их единому командованию, подготовку плана военного выступления и всего того, что необходимо для его успеха. СНС должен способствовать пополнению подразделений путем частичной мобилизации, размещать воинские подразделения согласно плану, обеспечивать их снабжение материалами, финансовыми средствами и т. д. Вся подготовка должна проходить в соответствии с планом СНС национального восстания словацкого народа.

г) Поручить Голиану установить связь с действующими партизанскими отрядами в Центральной и Восточной Словакии с целью всесторонней поддержки их, особенно оружием. Антифашисты в армии должны поддерживать нарастающее партизан-

ское движение как важный элемент антифашистской борьбы, но сами из армии уходить не должны, чтобы не ослабить действенность подготавливаемых акций.

Армию информировали также о создаваемых национальных комитетах, о необходимости сотрудничать с ними в местных масштабах.

д) Что касается плана восстания и его сроков, то было решено следующее:

1. Если немецкая армия попытается оккупировать Словакию, то это и будет считаться крайним сроком для вооруженного выступления народа и армии. Поэтому следует всю политическую и военную подготовку проводить ускоренным темпом, чтобы нацисты не застигли врасплох силы сопротивления в Словакии. В любом случае попытки оккупации следует встречать оружием.

2. Стратегический план восстания и его сроки разработать в соответствии с положением на Восточном фронте так, чтобы национальное вооруженное выступление в Словакии координировалось с действиями Советской Армии. Восстание имеет целью открыть для Советской Армии проход через Карпаты и предоставить в ее распоряжение территорию Словакии для стремительного наступления в долину Дуная. Повстанческие части преобразуются в союзную армию. Поэтому необходимо как можно скорее информировать Советскую Армию об этих возможностях и планах и координировать действия повстанцев с ее планами. Необходимо подготовить отлет делегации в СССР.

Я приведу и точку зрения Леттриха, который пишет о переговорах с военными относительно планов восстания: «...Словацкий национальный совет, находясь в подполье, тщательно следил за тем, чтобы в Словакии ни в коем случае не начались никакие военные действия против немцев *без предварительного согласования с командованием Красной Армии*, стоявшей за Карпатами. Дело было в том, что наши военные действия должны были полностью соответствовать военным планам Красной Армии и ни в каком

отношении не отклоняться от ее военных операций»¹. Исключительная важность информирования Советской Армии о готовящейся акции в Словакии была ясна каждому. Голиан тоже был с этим согласен.

е) СНС и военный центр будут находиться в постоянной связи, информируя друг друга о ходе подготовки восстания. Офицером связи для этой цели Голиан назначил майора Марко. Было решено, что один из подпольных передатчиков, настроенных на Лондон и обслуживаемых солдатами, будет предоставлен в распоряжение СНС для связи с чехословацким правительством («Анна»).

Результат этих переговоров казался удовлетворительным. Включение армии в антифашистский фронт было крупным шагом вперед. Голиан сомневался только, будут ли его заместители — Имро и Тальский, люди выше его по званию и старше по возрасту, признавать его командующим и будут ли они с ним сотрудничать. СНС взял на себя договориться и с тем и с другим. С Имро разговаривал я, с Тальским — Леттрих. Оба согласились, хотя и без восторга, потому что сомневались в военном таланте Голиана. Их согласие мы передали Голиану. Таким образом, не было никаких препятствий к тому, чтобы коллективное командование начало интенсивную подготовку.

* * *

Результат переговоров с антифашистскими группами в армии и мартовское соглашение были решительным шагом вперед в борьбе за привлечение армии к национально-освободительному движению. Мартовское соглашение было переходом от изолированной деятельности маленьких групп, от антифашистского настроения в армии к организованной работе по привлечению и использованию всей армии. В армии создавалась сеть подпольных организаций, углублялась дифференциация между антифашистами и офицерами, верными режиму Тисо, между сторонниками сло-

¹ *И. Леттрих*. О Словацком национальном совете. Братислава, 1945.

вацкого государства и сторонниками Чехословацкой республики, между союзниками нацистов и антифашистами. А главное, осуществлялся переход от пассивного выжидания к разработке конкретных планов боевых действий, к организации подготовки восстания. Режим Тисо проигрывает борьбу за армию; словацкую армию с большинством ее офицеров привлекает на свою сторону антифашистский фронт. А это немалое дело.

В литературе о восстании остался незамеченным важный момент: превращение словацкой армии из орудия фашистского режима в орудие национально-освободительной борьбы. Это превращение осуществляется внутри армии в течение 1944 г. и завершается во время восстания. Оно проходит в глубоком подполье, внешне незаметно, но без такого превращения было бы невозможно рассчитывать на армию в борьбе словацкого народа. Это начало проявляться еще на Восточном фронте, где целые подразделения переходили на сторону Советской Армии, а впоследствии включались в Чехословацкий армейский корпус. Там никто не сомневался в таком превращении. Но то, что этот глубокий процесс проходил в несравненно более тяжелых условиях и на родине, что с марта 1944 г. он принял организованный характер под влиянием КПС и СНС сверху и партийных организаций и других антифашистов снизу,—этого, пожалуй, не заметили даже историки. В мае 1944 г. Гитлер в Зальцбурге приказал Тисо и Чатлошу защищать против Советской Армии важный участок фронта на Карпатах; вследствие этого в Восточной Словакии сосредоточились лучшие части словацкой армии. Однако руководство КПС, СНС и военное командование немедленно построили свои расчеты на том, что вопреки планам Гитлера и Тисо эти части откроют ворота Советской Армии через Карпаты, что может оказать существенное влияние на все военное положение в Центральной Европе. Совершенно иную роль и иной характер приобретает словацкая армия, едва лишь ее взяли в расчет как элемент национально-освободительной борьбы. Понять глубину этого процесса, совершившегося в 1944 г.,—значит увидеть всю слож-

ность его при совершенной ясности цели: превращение армии Тисо в повстанческую армию.

В связи с этим много писали о разложении словацкой армии. Но разложение тисовской армии, начавшееся весной 1944 г., неотделимо от построения новой, повстанческой армии — армии антифашистской, антилюдацкой и чехословацкой.

Небезынтересно наблюдение нацистского дипломата. Посол Германии в Братиславе Лудин доносит 5 апреля 1944 г. в Берлин: «В распоряжении словацкой армии был отличный человеческий материал. Словацкий солдат по природе смел и вынослив... Ныне войско заражено антинемецкими и коммунистическими идеями и далеко не является тем надежным инструментом, каким оно было еще год назад. Немалая вина в этом лежит на офицерском корпусе, воспитанном еще целиком в чешском духе... Однако вряд ли можно ожидать радикального поворота»¹.

По мере подготовки к восстанию словацкая армия разлагалась, но одновременно строилась армия повстанческая. Процесс этот не был простым и проходил не без помех — в этом мы убедимся, изучая ход восстания. Но нужно разглядеть этот процесс еще до восстания и дать ему положительную оценку. Руководство КПС содействовало разложению старой тисовской армии, но вместе с тем и зарождению и формированию новой, повстанческой армии, которая по плану еще до восстания должна была насчитывать до 100 тысяч человек. По планам ЦК КПС и СНС эта повстанческая армия должна была сыграть в развитии военных событий на нашей территории исключительно важную роль; потому такое значение придавалось своевременной информации Советской Армии, включению словацкого восстания в ее планы. ЦК КПС воздействовал на этот процесс переплавки словацкой армии, с одной стороны, непосредственно, путем переговоров с Голианом и другими офицерами, с другой стороны, через СНС и, конечно, путём ши-

¹ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965.

рокой политической и организационной работы, которую вели парторганизации Словакии. Эта работа партии была безуспешной. Лучшим образом это доказывает само восстание. Только благодаря включению армейских антифашистов в широкий фронт борьбы раскрылись столь обнадеживающие перспективы для национально-освободительного движения Словакии, получившего немалое международное значение. Поэтому ЦК КПС поддерживал все, что могло содействовать объединению антифашистов в армии с антифашистскими силами народных масс, поэтому он полностью поддерживал строительство и организацию повстанческой армии в пределах и на обломках тисовской армии, даже несмотря на то, что большинство офицеров-антифашистов не было коммунистами и придерживалось буржуазной ориентации, что им ближе была концепция Лондона, чем Москвы. Иной вопрос, конечно, каким образом ЦК КПС в ходе национально-освободительной борьбы обеспечивал политическое влияние коммунистов в повстанческой армии.

Сложность и глубину второго фронта борьбы за армию — борьбы с буржуазией, участницей Сопротивления, — рисует нам небольшой эпизод по окончании мартовских переговоров с Голианом. Переговоры СНС с Кратким, проходившие в квартире Йоско, закончились к вечеру. Краткий в начале марта 1944 г. с ведома Ингра и Моравца приехал в Братиславу из Турции, где он с 1942 г. работал сотрудником чехословацкой разведки при подполковнике Гайичке. В Словакию Краткий прибыл как офицер связи, и его задачей было с помощью тайных передатчиков обеспечить связь с Лондоном. Беседа Голиана с Кратким произошла тотчас после соглашения СНС с Голианом — без ведома коммунистов, в квартире Фраштацкого. Она положила начало целому ряду вмешательств и воздействий лондонской эмиграции и ее союзников в Словакии, вмешательств в подготовку не только словацкой армии, но и всего восстания вообще. Через несколько каналов (главным образом через подпольный передатчик «Вит») Ярослав Краткий передавал, правда, регулярные, но тенденциоз-

ные и искажающие положение в Словакии информации, которые полностью соответствовали представлениям Бенеша и чешской буржуазной эмиграции о задачах и направлении движения Сопротивления в Словакии вообще, а в армии в особенности. Еще не был выигран бой против Тисо за словацкую армию, как уже в полном объеме разгорелась закулисная борьба внутри антифашистских сил: будет ли армия использована в интересах Бенеша или в интересах народных масс. Эта внутренняя борьба оказала глубокое влияние на подготовку и на сам ход восстания.

7. ПОДГОТОВКА И РАЗМАХ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

С момента нападения нацистских войск на СССР Компартия Словакии прилагала много сил для создания партизанских отрядов как вооруженной формы антифашистской борьбы. Первые попытки, первые вооруженные группы появились еще весной 1942 г., но были очень скоро ликвидированы словацкой охранкой. Более широкий и более массовый характер партизанское движение приобрело только в 1944 г. С лета 1943 г. ЦК КПС ставил перед всеми партийными организациями задачу массовой подготовки и поддержки партизанского движения. Достаточно было бы лишь кратко обозначить главные моменты этих усилий партии, если бы в годы культа личности в эти вопросы не было внесено столько путаницы.

В 50-е годы были искусственно сооружены две друг другу противоречащие концепции восстания, две концепции национально-освободительной борьбы. Первая концепция, считавшаяся в те годы «правильной», исходила из директив московского руководства КПЧ, которые истолковывались так, что первым долгом необходимо заботиться о развитии партизанского движения и на его основе, путем его развития, подойти к восстанию. Таким образом, главным фактором вооруженной борьбы должно быть — и якобы так и было во время восстания — партизанское движение. Это движение должно перерасти в партизанскую войну, захватывать все более широкую территорию, районы и таким образом перерасти в национальное восстание. Не ждать ничего, ни с чем не считаться, сражаться. Эта концепция абсолютизировала партизанскую войну как главный и решающий фактор национально-осво-

бодительной борьбы. Этой «правильной» концепции противостояла другая, якобы «буржуазная» концепция, согласно которой следовало пассивно выжидать «удобного момента», а тогда уж с помощью армии совершить переворот, захватить власть и позиции и удерживать их для буржуазии и чуть ли не для фашистов из словацкого государства. Такова была концепция «дворцового переворота»; за ней стояло чехословацкое буржуазное правительство в Лондоне, оппозиционная буржуазия на родине, фашистская буржуазия словацкого государства, офицерство словацкой армии, весь Словацкий национальный совет и даже якобы руководство Компартии Словакии.

Такие версии наперекор историческим фактам предлагались чехословацкой и мировой общественности. Их следствием, кроме прочего, было не только фальсифицированное толкование партизанского движения и повстанческой армии — практически дискредитировалось, высмеивалось все восстание и в первую очередь роль коммунистической партии и ее руководства. Только летом 1963 г. в архивах были обнаружены директивы московского руководства КПЧ от августа 1944 г., которые полностью одобряют план и действия ЦК КПС того времени. Но и до того было достаточно фактов, чтобы опровергнуть эти антиисторические «теории» о восстании, выдуманные инициаторами политического и уголовного преследования повстанческого руководства КПС. Писать сегодня историю Словацкого национального восстания — значит разоблачить эти фальсификации до конца.

Прежде всего надо ответить на несколько основных вопросов. Является ли партизанское движение, партизанская война единственной или высшей формой национально-освободительной борьбы, с помощью которой можно подойти к национальному восстанию, то есть к политической и вооруженной революции, к удержанию, обороне и расширению освобожденной территории? Конечно, нет. Всюду, где можно было использовать для борьбы против оккупантов армию (СССР, на решающих этапах борьбы — Югославия и в конце концов — Словакия), главную тяжесть военной борьбы несла армия, а партизанское движение

было важным, но вспомогательным фактором в этой борьбе, особенно в тылу неприятеля. Только на той территории, где невозможно было использовать части регулярной армии, партизанское движение становилось главным средством вооруженной борьбы.

Исключают ли директивы московского руководства КПЧ, вернее, директивы Исполкома Коминтерна от января 1943 г., использование армии в этой борьбе? Как раз наоборот: «Армия должна служить единственно и исключительно борьбе за освобождение народа от немецких оккупантов». Почему директивы ИККИ не выдвинули прямо задачу использования словацкой армии в восстании? Просто потому, что московское руководство КПЧ не имело тогда связи с родиной и не знало положения в Словакии. Чехословацкие коммунисты в Москве еще в 1944 г. думали, что Словакия, собственно говоря, оккупирована немецкой армией, что словацкая армия — под прямым контролем немецкой армии, а следовательно, не способна на самостоятельные действия. Далее, одни и те же директивы были изданы как для Словакии, так и для чешских земель, они формулировали задачи для всех одинаково. Каждому ясно, насколько различными были условия вооруженной борьбы в Словакии и в Чехии. Из-за этого незнания положения на родине директивы ИККИ и московского руководства КПЧ исходили из принципа «от низших форм борьбы к высшим», от партизанской борьбы, в зависимости от событий на фронтах, — к восстанию, от скромных, малых зачатков вооруженной борьбы — через их усиление — к высшей их форме — восстанию.

Поэтому задача товарищей, посланных в 1943 г. из Москвы на родину (Р. Ветишка — в Чехию, К. Шмидке — в Словакию), состояла прежде всего в том, чтобы основательно познакомиться с создавшейся ситуацией на родине и творчески, по-марксистски, по-ленински применить директивы ИККИ, чтобы национально-освободительная борьба против нацизма достигла высшей степени, дала наибольший эффект, максимально ослабила нацизм, максимально помогла наступающей Советской Армии. Из-за различия условий события раз-

вивались в Чехии не так, как в Словакии, а потому одни и те же директивы применялись в обеих частях нашего государства по-разному.

Летом 1943 г. К. Шмидке прибыл в Словакию с директивами ИККИ и с устными рекомендациями товарищей Димитрова, Мануильского и Готвальда. ЦК КПС после детального ознакомления с положением в Словакии должен был взвесить, каков наиболее выгодный, наиболее успешный способ исполнения этих директив, то есть максимального наращивания освободительной борьбы в Словакии. А поскольку со времени отъезда Шмидке из Москвы в июле 1943 г. до его возвращения в Москву в августе 1944 г. не было никакой связи с руководством КПЧ в Москве, то вся ответственность за применение этих директив легла на плечи ЦК КПС. Речи Клемента Готвальда по Московскому радио в конце 1943 г. и позже об усилении партизанской войны строились на незнании ситуации в Словакии, на недостатке сведений и опять-таки адресовались как Чехии, так и Словакии. Когда ЦК КПС увидел объективную возможность включить армию в антифашистскую борьбу и подготовить большую национальную акцию, он совершенно естественно и верно ориентировал партию на подготовку всех антифашистских сил в народе и армии к национальному восстанию. Прочие частные вопросы должны были подчиниться главному вопросу — вооруженному выступлению всего народа. Когда Шмидке вернулся в августе 1944 г. в Москву с разработанными планами Словацкого национального восстания, он встретил не только полное одобрение руководства КПЧ, но и энтузиазм, ибо такого размаха национально-освободительной борьбы товарищи в Москве из-за недостатка информации вообще не могли себе представить. И Георгий Димитров, информированный Шмидке о мерах ЦК КПС по подготовке восстания и о конспиративных методах (отказ от издания газет, листовок и т. д.), все полностью одобрил. Требовалась изрядная доза «забывчивости» и неуважения к правде, чтобы очевидцы разговоров в Москве в 1944 г. (например, В. Копецкий) могли 10 лет спустя так грубо фальсифицировать историю.

Между директивами ИККИ и московского руководства КПЧ и тем, как эти директивы на практике применил ЦК КПС, нет поэтому никаких противоречий. Если ЦК КПС сосредоточил свое внимание на главной вооруженной силе, которая тут находилась и которую не нужно было строить заново, а нужно было только привлечь на свою сторону и включить в антифашистскую борьбу, то есть на привлечении словацкой армии, если он не ставил на первое место развитие практически еще только зарождавшегося партизанского движения и его боевых операций в горах, то он действовал не только в духе директив, но и в полном соответствии со здравым смыслом. Суть дела состояла не в абсолютизации одной формы вооруженной борьбы, а в поисках наиболее успешного и быстрого пути поражения нацизма и фашизма внутри страны, пути к национальной и государственной свободе, пути помощи мировому антифашистскому лагерю. Таким путем, несомненно, был путь общенационального восстания вооруженного народа и армии. Этой цели должны были подчиниться все частные тактические вопросы, в том числе партизанское движение.

Я написал, что с самого начала ЦК КПС придавал большое значение массовой подготовке партизанского движения. Какую функцию придавал ЦК КПС этому движению в концепции Словацкого национального восстания? С учетом того, что я написал выше, не было речи о недооценке партизанского движения. Как раз наоборот. Коммунист ни в коем случае не может понимать национальное восстание как военную операцию армии, как бы свободно ни толковал он мысль, что масса солдат и есть «вооруженный народ». В национально-освободительной борьбе он обязан изучать соотношение классовых сил, заботиться о гегемонии рабочего класса, о руководящей роли партии.

Чем шире развивалось сотрудничество с некоммунистическими группами, чем глубже вникал ЦК КПС в планы Бенеша и его правительства, чем больше узнавал он жизнь армии и прежде всего офицеров, тем яснее ему становилось, что в национально-освободительной борьбе против нацизма одновременно за-

воевываются исходные позиции для того или иного класса, той или иной политической ориентации. Стремление лондонской и отечественной буржуазии так повлиять на антифашистскую борьбу, чтобы следствием ее было удержание капиталистического порядка; возврат старых, домюнхенских порядков, было совершенно ясно для руководства КПС. Отсюда вытекали и задачи руководства партии противостоять этим буржуазным попыткам и направлять события так, чтобы во главе народного выступления оказался рабочий класс, прогрессивные силы и партия. Поэтому руководство КПС никогда не соглашалось на паритетные начала в национальных комитетах и строило их как органы власти народа. По этой же причине оно и придавало такое большое значение развитию партизанского движения.

КПС готовила восстание как народную революционную войну против фашизма, как революцию, в которой выступит вооруженный народ и армия. Подготовить народ к этому выступлению и в военном отношении, вооружить его, повести его — вот что было задачей партизанских отрядов, которые партия создавала по своей линии, с помощью своих организаций и вокруг них. В каждой организации был один товарищ, ответственный за исполнение этой задачи; мы рассчитывали, что в случае необходимости все члены партии перейдут в подготовленный партизанский отряд и будут активно участвовать в его борьбе. Мы готовили людей, командиров, политработников, вооружение, снаряжение, изучали местность, проводили учения и военную подготовку отрядов, устанавливали сотрудничество с армией, с полицией и т. д. Само собой разумеется, хотя партия и была главным организатором этих отрядов, членами их были не только коммунисты. Партия призывала в эти отряды и приветствовала всех честных антифашистов. В рамках национальных комитетов она употребляла все свое влияние для поддержки организуемых отрядов. Хотя и здесь действовал широкий национальный фронт, КПС в этих отрядах удерживала ведущее политическое влияние и, если можно сказать упрощенно, строила партизанские отряды, как свою армию, как противовес буржуазно

настроенным офицерам в словацкой армии. Поэтому и подготовка партизанского движения шла не через СНС, а через партийные организации. Конечно, это была вооруженная сила, главной задачей которой была борьба против нацизма и фашизма, но и здесь партия хотела иметь уверенность, что армию никто не сможет использовать против народных сил, против коммунистов. То была концепция двух вооруженных сил, двух сил в единой борьбе: повстанческая армия и вооруженный народ в партизанских отрядах. На армию партия оказывала влияние через СНС, на партизанские отряды — непосредственно. Там, где речь шла о совместной борьбе против фашизма, эти две вооруженные силы не были или не должны были быть в противоречии, но там, где речь шла о классовых целях рабочего класса, о политических целях коммунистической партии, там КПС хотела опираться и опиралась прежде всего на партизанские отряды. Поэтому внутренние противоречия в антифашистском фронте между прогрессивными силами и буржуазией проявлялись и в отношениях между частью антифашистских офицеров в армии и партизанами.

Именно потому, что КПС организовывала массовое партизанское движение, рассчитывала на вооруженное выступление народа, она могла в рамках СНС договориться с антифашистски настроенными офицерами (Голиан и другие), хотя и знала об их буржуазной ориентации. Вот из какой значительной политической и военной задачи исходило руководство КПС, приступая к массовой подготовке партизанского движения в Словакии.

Информация, которую руководство КПС подготовило в начале июля 1944 г. для московского руководства КПЧ и которую Шмидке увез в Москву, свидетельствует, что речь шла о немалых силах. По донесениям партийных организаций, в конце июня 1944 г. к партизанской деятельности в конкретно существующих отрядах готовилось несколько тысяч людей, а в недалеком будущем можно было рассчитывать на участие примерно 20 тысяч. Даже в случае, если бы военное командование отказало и армия как единое целое не выступила бы в восстании, это подготовлен-

ное ядро партизанских отрядов, руководимых партией, могло бы увлечь за собой антифашистов в армии и начать массовую борьбу против нацизма. Нам приходилось считаться и с такой возможностью. Если бы армия обманула наши ожидания, то партизанские отряды стали бы главной вооруженной силой антинацистской борьбы. Этот момент тоже сыграл свою роль в наших переговорах с военным командованием.

С весны 1944 г. уже многие партизанские отряды развивали активную деятельность. Наиболее активными они были в Восточной Словакии («Чапаев» и другие). Но уже начинали действовать отряды и в Верхней Нитре (Втачник и другие), а также в Турце (Жингор и другие), в Липтове и т. д. Эти действующие отряды партия все время поддерживала, сохраняла с ними связь (непосредственно или через национальные комитеты), добывала для них все необходимое и держала их под своим политическим влиянием. Партия отстояла благоприятное отношение к развитию партизанского движения в СНС, а также и со стороны военного командования. Партизанские отряды окружала атмосфера доверия, поддержки и сотрудничества. Им помогали общие национальные комитеты, армия (по крайней мере ее антифашисты), помогали даже полицейские, значительная часть которых (вместе с частью главного командования) участвовала тогда в движении Сопротивления; им помогали почти все элементы антифашистского фронта. В отряды, действовавшие в горах, уходили в первую очередь лица, преследуемые полицией, бежавшие из тюрем, дезертировавшие из армии, а также много советских военнопленных, бежавших из лагерей.

КПС готовила партизанские отряды к совместному с армией выступлению в восстании. Она не торопила эти отряды как можно скорее начать активную диверсионную и боевую деятельность. Причин для этого было несколько: прежде всего партия до крайности нуждалась в своих функционерах и рядовых членах для ведения политической работы в городах и селах, для строительства партийных организаций, в национальных комитетах, для работы в армии и для многих других задач, связанных с подготовкой восстания.

А члены партии составляли политическое ядро партизанских отрядов. Почти все они жили легально в семьях, не бросали работы. Их массовый уход к партизанам неизбежно привлек бы внимание органов безопасности, а это значительно ухудшило бы условия работы партии.

Была и другая причина. Словакия не была оккупирована немецкой армией. Именно это обстоятельство и дало возможность подготовить такую широкую общенациональную акцию. Однако в 1944 г. словацкая территория стала непосредственным тылом немецких армий на Восточном фронте, и немецкие войска контролировали коммуникации и всю территорию. Нет ни малейшего сомнения в том, что массовая партизанская война в Словакии, нарушение линий коммуникаций и угроза немецкому тылу привели бы к прямой оккупации Словакии немецкой армией. Это, конечно, если бы и не прямо свело на нет, то во всяком случае необычайно затруднило бы всякую подготовку к восстанию, если только тогда на него вообще еще можно было бы рассчитывать. Нам не оставалось бы ничего другого, как вести массовую партизанскую войну в горах и ждать освобождения Советской Армией. Вся информация, поступающая к нам из тисовских и немецких кругов, подтверждала эти опасения.

Я уже упоминал о том, что ожидалось от восстания в случае, если бы оно было включено в планы действий Советской Армии: изменение военного соотношения сил в Центральной Европе. Вот почему так важно было вовремя информировать Советскую Армию, скоординировать действия, распоряжения и директивы. Вот почему руководство партии, не желая упускать этой возможности для Советской Армии и для нашего освобождения, не имело права ускорять партизанские или военные действия. По этим причинам руководство КПС предполагало активизировать боевые действия партизанских отрядов в массовом масштабе одновременно с выступлением армии, начав тем самым само восстание.

«Обман Тисо», о котором говорил Георгий Димитров с Шмидке и который означал вместе с тем и обман

Гитлера, заключался именно в том, что в то время, когда словацкий народ интенсивно готовил величайшее революционное вооруженное выступление в своей истории, на первый взгляд как будто ничего не делалось: никаких листовок, подпольных газет, массовых демонстраций, даже не очень крупные действия партизан. Немцы и гардисты более или менее мирно передвигались по Словакии, не подозревая, какая бочка с порохом наполняется под их ногами. Большой акции, большой цели должны служить все тактические средства, в том числе обман противника и воздержание от частных операций, которые привлекли бы его внимание и мобилизовали его — в данном случае на оккупацию немцами Словакии. Радикальные фразеры времен культа, видевшие в такой тактике осторожничество, желание приобрести алиби или даже предательство, которые горели желанием пусть мелких, но вооруженных действий, не желали додумать до конца свою «концепцию». Они не понимали, что это сделало бы невозможной большую общенациональную акцию, помешало бы Советской Армии быстро пройти по словацкой территории со всеми отсюда вытекающими последствиями для нас и для войны. Они не хотели видеть, что любой туннель или мост, вчера «отважно» взорванный (а его никто и не охранял), сегодня помешает передвижению наших собственных повстанческих сил и тем затруднит их задачу. Так из «концепции» культистов как будто «логически» вытекало, что люди в руководстве КПС, отдававшие все силы массовой подготовке и развитию партизанского движения, «саботировали» это самое движение.

Подготовка партизанского движения и его развитие являются неотделимой частью общей подготовки Словацкого национального восстания, неотделимой частью общей концепции национально-освободительной борьбы, его очень важным политическим и военным фактором; но это лишь одна из многих, не единственная, не генеральная линия борьбы. Силы, подготовленные партией перед восстанием в партизанских отрядах, особенно коммунисты, сыграли в восстании и после него выдающуюся роль. Они заслуживают все

уважение народа. Но если мы сегодня, не отклоняясь от истины, сорвем фальшивый ореол с истории партизанского движения до начала восстания, которым увенчал его культ личности,— то мы никак не умалим славы партизанского движения. Ибо оно останется велико тем, чем в действительности было велико,— оно было боевой подготовкой партии к вооруженному выступлению трудящихся масс в восстании, к народно-революционной войне. И эта подлинная слава никогда от него не отнимется.

8. ПЛАНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА БЕНЕША В ОТНОШЕНИИ СЛОВАКИИ

Если историк будет комплексно оценивать длившуюся шесть лет деятельность доктора Э. Бенеша в лондонской эмиграции, деятельность чехословацкого правительства в Лондоне и буржуазных деятелей, связанных с ним, то он, бесспорно, найдет и много положительных черт, моментов, которые поддерживали общую борьбу против фашизма, борьбу за освобождение нашего государства. К таким положительным сторонам, по моему мнению, относятся активные усилия Бенеша, направленные на достижение международного признания Чехословакии в ее доминионских границах, воспитание ненависти к нацистским оккупантам среди народа Чехословакии, заключение союзнического договора с Советским Союзом и некоторое — правда, колеблющееся и непоследовательное — сотрудничество с ним; более трезвая оценка развития ситуации в Европе после войны и вытекающее отсюда желание вести переговоры и вступать в соглашение с коммунистами. Нельзя не видеть различий в этих и других вопросах, с одной стороны, в позиции Бенеша и его правительства и, с другой стороны, в позиции, к примеру, польского или югославского эмигрантского правительства. Такие положительные стороны были, и нельзя их сегодня обходить.

Эта книга касается борьбы словацкого народа в последней фазе второй мировой войны. В этот период борьбы в Словакии взгляды и все действия д-ра Бенеша, его правительства и политических и военных деятелей, связанных с ним, имели весьма негативное влияние на развитие и ход национально-освободительной борьбы. Они затрудняли ее, замедляли и ослабляли и ничего — или почти ничего — не сдела-

ли для ее поддержки. Я утверждаю это на основании личного опыта и на основании изучения всех доступных документов. Причины этого были следующие. В последней фазе войны внутри антифашистского лагеря обострилась борьба из-за различия в концепции классового распределения власти и разрешения проблем на освобожденной территории. Бенеш и его люди использовали для этого свое правящее положение и средства, которые были у них в руках (международное признание, армия, дипломатия, связи с родиной и т. д.). Они хотели навязать свою концепцию движению Сопротивления в Чехословакии. А другая причина заключалась в шовинистическом отношении Бенеша и его окружения к решению словацкого вопроса. Поэтому в период подготовки восстания и во время самого восстания происходили непрерывные разногласия между КПС и Словацким национальным советом, с одной стороны, и Бенешем и его сторонниками — с другой.

Бенеш и деятели лондонской эмиграции типа Странского, Славика, Дртины и другие в своих заявлениях по лондонскому радио выступали формально как благородные патриоты, которые и не помышляют ни о чем другом, кроме как об освобождении страдающего народа на родине. Например, в своем выступлении в Государственном совете 25 ноября 1941 г. Бенеш с ложной скромностью говорит: «Мы все должны сознавать, что тут, за границей, мы являемся лишь незначительной частью нашего народа, что всю тяжесть сопротивления несет на себе наш народ на родине... мы тут, за границей, являемся лишь выразителями его стремлений, его чувств и его политических чаяний и планов. Не будем думать о себе, что мы — политики или воины, выполняющие миссию каких-то освободителей»¹. Не одна чувствительная душа дома, слушая такие выступления, высоко оценивала благородную скромность Бенеша и его окружения и их призыв к единству. «Весь наш народ дома един. Там нет сегодня правых и левых партий, и там нет разде-

¹ Э. Бенеш. Шесть лет изгнания и второй мировой войны. Прага, 1947, стр 299.

ления функций в зависимости от принадлежности к какой-либо партии... Мы должны тут выступать одинаково»². Лондонская буржуазная эмиграция не преследует никаких других целей, кроме единения народа. И преобразование правительства Бенеш обособляет так, что «это должно подчеркнуть... единство нации и всего чехословацкого народа»³. Его правительство поступает строго в соответствии с чаяниями народа, который «абсолютно един. Это все чехи, огромное большинство словаков, как и карпатских русин, а также и многие немцы. Народ отбросил все внутренние споры; для него важно лишь освобождение нации и государства и воссоединение чешских областей со Словакией...»⁴.

Казалось бы, что в лондонском чехословацком правительстве должны были бы обрадоваться, когда им в январе 1944 г. было сообщено, что в Словакии образовался широкий фронт всех сил Сопротивления, от коммунистов до аграрников, от рабочих до буржуазии, принимающей участие в движении Сопротивления, что они хотят действовать совместно и бороться за национальную и государственную свободу, что для руководства этой борьбой создан общий единый орган — Словацкий национальный совет, политическая программа которого была послана Бенешу. Ответ Бенеша пришел лишь в начале апреля 1944 г. Лондонскому правительству была известна ситуация в Словакии. В своем выступлении 3 февраля 1944 г. Бенеш сказал: «Развитие событий в Словакии может наполнить нас особенным и совершенно неожиданным удовлетворением. У нас более чем достаточно доказательств подлинных истинно чехословацких настроений как самых широких народных масс, так и главных кадров словацкой интеллигенции... Фактом является то, что Сопротивление в Словакии растет со дня на день...»⁵. Бенешу было также сообщено, что руководящий центр Сопротивления, СНС, в марте

² Э. Бенеш. Шесть лет изгнания и второй мировой войны, стр. 299.

³ Там же, стр. 302.

⁴ Там же, стр. 355.

⁵ Там же, стр. 390—391.

1944 г. договорился с антифашистами в армии об образовании военного руководства, и теперь народ и армия готовятся к бою, к которому он призывал в упоминавшемся выступлении: «Значит, налицо уже все предпосылки для объединенной и всеобщей борьбы в форме великой народной революционной войны на всей чехословацкой территории, в такой же форме, как в Югославии... Я призываю вас всех к этой борьбе»⁶. Можно было заплакать от умиления, слушая по радио это признание успехов движения Сопротивления в стране, это прославление единства превыше всего, призыв к «народной революционной войне».

В то время, когда представители буржуазной эмиграции по радио говорили о единении и борьбе, по разведывательным каналам они посылали в Словакию несколько иные директивы. Ингр и Маравец для надежности даже послали в Словакию обученного офицера-разведчика, капитана Краткого, с тем чтобы он организовал связь с Лондоном по радио, а также главным образом для того, чтобы он осуществлял политическую деятельность в соответствии с указаниями людей Бенеша. Тотчас же по прибытии в марте 1944 г. Краткий энергично взялся за работу. Правда, он уже не выступал за «единство и совместную борьбу». Он тайно посещал квартиры политических и военных деятелей, доверительно рассказывал им о директивах Бенеша и приказах участникам движения Сопротивления, о перспективах окончания войны и послевоенных перспективах. Он говорил о том, что Бенеш не признает Словацкий национальный совет, который не является представительным органом, что необходимо создать новый орган во главе с Шробаром, ибо Бенеш доверяет лишь ему одному и лишь ему он поручает создать такой орган. Правда, в такой «общенародный» орган — чтобы лондонская буржуазия могла ему поверить — не должны входить коммунисты. И вот этому-то органу Бенеша и Шробара и должны прежде всего подчиниться антифашисты

⁶ Э. Бенеш. Шесть лет изгнания и второй мировой войны, стр. 392.

в армии; таков приказ президента, главнокомандующего и министра национальной обороны.

Краткого послали из Лондона в Словакию не наугад, не на авось. Разведывательные группы в Словакии, которые добывали для Лондона информацию всех видов, в 1943 г. решили, что настало время вмешаться и в политическую жизнь. Первоочередным делом, правда, было завоевание доверия в Лондоне. Для этого группа членов движения Сопротивления, которая осуществляла разведывательную деятельность (Капинай, Выстова, Дочкал, Фило и другие), 10 февраля 1943 г. послала в Лондон меморандум, в котором заверяла Бенеша и правительство в том, что большинство словацкого народа стоит за них, во всем поддерживает их — 90% словаков-де за чехословацкую линию. Бенеш и правительство придавали такое значение этой акции нескольких политически изолированных людей, что занимались рассмотрением меморандума на заседании правительства в июне 1943 г. и приняли решение о специальном ответе, правительственном обращении к словакам. Эти связи разведывательных групп, которые Лондон рассматривал как лагерь «верных чехословаков», продолжались, и в связи с этим летом 1943 г. Капинай начал «создавать» социал-демократические организации, а Шробар — развивать активность. Эти круги обеспечивали доставку радиопередатчиков в Словакию и организовали прибытие Краткого из Турции. Создание Словацкого национального совета в таком составе и с такой программой, как я уже упоминал, а главное, то, что они не были в ней представлены, вызвало недовольство в кругах этих бенешевских разведывательных групп. Поэтому они стали развивать среди членов движения Сопротивления активную деятельность, направленную против Словацкого национального совета, за его раскол, за создание нового центрального органа, верного Бенешу.

В такой атмосфере начал работать капитан Краткий. Разведчик-агент Шпата, весьма близкий к Шробару, охарактеризовал деятельность в сообщении от 6 сентября 1944 г. следующим образом: «Он был снабжен всеми нужными паролями и рекоменда-

ми, его ввели во все группы, он пользовался доверием всех. Мы радовались, что найдем в нем человека, который использует весь свой авторитет для того, чтобы объединение действительно было достигнуто... Зде-на (подпольная кличка Краткого.— Г. Г.), который ведь должен был быть фактором, объединяющим и направляющим взаимную кооперацию, переносил всевозможные личные нелады и разногласия из одной группы в другую и систематически натравливал людей друг на друга... Он всеми силами стремился включить в движение людей, которые были нашими врагами не только политически, но и морально... Он прибыл сюда в интересах какого-то сомнительного панче-хизма, который хочет представить словаков как народ политически неспособный»⁷.

Краткий, Весел и бенешевцы из разведывательных групп в начале апреля 1944 г. решили расколоть Словацкий национальный совет. Под влиянием их деятельности и информации Шробар после периода пассивности, продолжавшегося несколько месяцев, созвал во второй половине апреля 1944 г. расширенное совещание различных деятелей Сопротивления и оппозиции. На этом совещании надлежало создать верный Бенешу центральный орган Сопротивления в Словакии под наименованием «Национальный комитет страны» во главе с В. Шробаром. В соответствии с уже известным распоряжением Голиана Национальный комитет страны должен был подчинить себе военный центр Голиана и достигнуть полного сотрудничества с ним. Кроме группы Шробара, в совещании должны были принять участие всевозможные деятели разведывательных групп, сотрудничавшие с ними аграрники, члены народной партии и правые социал-демократы, также и военные, представленные прежде всего Веселом. Определенную роль за кулисами группы Шробара сыграл и полковник Имро, который кокетничал со Шробаром уже с лета 1943 г. Так, долгое время подготавливалась и направлялась из Лондона попытка расколоть Словацкий национальный

⁷ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 449—451.

совет, оторвать от него армейские группы Сопротивления, изолировать коммунистов и захватить политическое и военное руководство Сопротивлением в Словакии. Вся режиссура была, само собой разумеется, тайной и заботливо скрывалась прежде всего от коммунистов.

Эти факты необходимо было напомнить для того, чтобы понять лицемерный тон ответа Бенеша, который он послал Словацкому национальному совету 29 марта 1944 г. и который пришел в Братиславу в первой половине апреля. Рождественское соглашение о Словацком национальном совете от 1943 г. и подробные комментарии о составе и целях Словацкого национального совета были посланы Бенешу в январе 1944 г.; по документам можно судить, что полный текст попал в Лондон лишь в конце февраля 1944 г.⁸ Бенеш в ответе на Рождественское соглашение пишет:

«Вы попросили меня сообщить о моей личной позиции по отношению к последним Вашим политическим известиям. Я понимаю это в том смысле, что Вы хотите знать мое мнение о Вашем заявлении в конце февраля, в котором Вы нам сообщаете, что Вы организационно объединились в общее политическое руководство и что все идейные направления и организации договорились об общих принципах в отношении будущего государства. Эти принципы Вы мне также передали. Я отвечаю Вам в этом письме, причем только от своего имени. Членам правительства и другим

⁸ Я. Копецкий, который в войну был чехословацким послом в Женеве, через которого сообщения из Словакии посылались в Лондон, рассказывал мне в рузыньской тюрьме (мы находились в 1951—1952 гг. в одной камере), что текст Рождественского соглашения и дополнительных информации он тотчас же, в январе 1944 г., передал в Лондон посредством тайного радиопередатчика. По его словам, практика была такова, что срочные сообщения он передавал по радиопередатчику, а потом все документы посылал с курьером, который приезжал в Женеву через большие интервалы. Он очень хорошо понял «соглашение» и политические информации. Он сказал также, что «вытянул» из Фраш-тацкого и все имена деятелей Словацкого национального совета и сообщил их в Лондон. Я предполагаю, что сообщение о Словацком национальном совете, которое пришло в Лондон в конце февраля, было дополнительно послано из Женевы с курьером.

политическим деятелям я это сообщение не показывал.

1. Искренне приветствую и Ваше организационное объединение и соглашение, хотя это лишь самые основные вещи и соглашение носит слишком общий характер. Я всегда требовал от Вас организационного объединения, а единство главных принципов является безусловной основой для дальнейшей успешной работы, особенно позднее, когда немцам будет туго и они начнут свирепствовать и в Словакии. Вы должны ожидать, что в какой-то момент они начнут свирепствовать.

2. Ваше соглашение о принципах — хорошо. В общем, это то самое, что чувствуется и что необходимо и здесь; в общем, это то, что я — в некоторых вопросах более конкретно и полно — сказал в своей речи 3 февраля 1944 г. Существенных разногласий между нами нет. С моей речью выразили полное согласие правительство, Государственный совет и вся политическая эмиграция и наша эмиграция в Москве.

3. К этому добавлю еще следующие замечания: через такое расстояние, да еще в секретных сообщениях, невозможно сказать все, что было бы нужно, чтобы мысли о политике были выражены полно и абсолютно ясно. Невозможно также дать абсолютно окончательные и полностью исчерпывающие формулировки, чтобы они безошибочно выразили проблемы столь сложные, трудные и деликатные, как, например, отношение чехов и словаков или некоторые другие наши вопросы. Невозможно также поручиться, что такая Ваша или моя формулировка полностью и правильно понимается на другой стороне так, как ее Вы или я понимали, если Вы или я ее формулировали. Любая такая формулировка, которую Вы передадите мне или я Вам, легко может быть интерпретирована иначе, чем думал ее автор, или она может вызвать различные недоразумения и неточные или ошибочные толкования.

Поэтому Ваше соглашение, которое Вы мне прислали, так же, как и мою речь от 3 февраля, надо считать формулированием принципов, которые выражают нашу возможно большую *взаимную близость*

или почти уже полное единство мыслей, но лишь до такой меры, что они гарантируют уже сегодня взаимную уверенность, что мы договоримся без исключения обо всем, что останется еще не согласованным в момент поражения немцев и восстановления республики.

И хотя Ваше соглашение не содержит всего, равно как и моя речь от 3 февраля не решает в полной мере всего, необходимо это считать такой ступенью единства, существующей между нами уже сегодня, что в данную минуту в любом случае дело дойдет до *полного* соглашения и единения; надо считать это нашим большим взаимным политическим успехом, который заранее исключает возможность того, чтобы между нами стали возможны борьба, разногласия, раскол или что-либо подобное, что сейчас происходит у поляков или югославов.

4. Поэтому и Вы дома и мы тут, например, *совершенно правильно* откладываем подробное и конкретное решение конституционно-правовых вопросов, вопросов децентрализации Чехии, Моравии, Словакии и Прикарпатской Руси и т. д. Об этом мы подробно будем решать в соответствующий момент в полномочных конституционных органах, в спокойной обстановке и согласованно, демократично и без какого-либо принуждения, насилия. Сегодня ясно здесь, да и у Вас каждому, что децентрализация просто осуществится в такой степени, в какой она будет необходима, как демократично решит народ.

5. Поэтому я в своей речи от 3 февраля также формулировал проблему двух или одной нации так, чтобы это в данную минуту могли принять все без различия и чтобы об этом вообще уже не было никаких общественных споров и дискуссий до конца войны и некоторое время после войны. Никому этим не наносится ущерб, никто не должен жертвовать своим убеждением, никого не заставляют менять свое убеждение. Для решения таких вопросов необходим покой и рассудительность, надо избавиться от разгула страстей и атмосферы людацкого предательства, в которой Вы сейчас находитесь в Братиславе, от атмосферы упреков и горечи, которая создалась и в определенное время по совершенно понятным причинам

будет еще сохраняться в чешских областях. Поэтому я прошу каждого, чтобы он сохранил свою личную и партийную точку зрения по этому вопросу, никого ни в чем не упрекал, не проводил никакой специальной пропаганды против других, был терпим к другим, а когда мы увидим, как все будет выглядеть после переворота, и когда все вновь немного обретут равновесие после волнующих минут освобождения, мы в полном единении и покое приступим к решению этих самых деликатных вопросов. Не будем забывать, что в критические времена самым существенным будет договоренность прежде всего о постоянном народном фронте и правительстве, которое само потом должно договориться *в первую очередь* о всех концепциях политики *социальной и хозяйственной* и объединиться с коммунистами. И если это удастся, легко удастся и все остальное.

Я подчеркиваю, что свою позицию по вопросу о том, две нации или одна, выраженную в моей речи от 3 февраля, я занял уже с весны 1941 г., еще до вступления Советов в войну. Никто в этом вопросе не оказывал на меня никакого давления в пользу первого или второго решения, а именно — ни Америка, ни Советский Союз, ни словаки в Соединенных Штатах, ни коммунисты тут или в России.

6. Что касается терминологии: чехи, словаки, чехословаки, народ чешский, словацкий, чехословацкий (равным образом это касается и терминологии в вопросе Прикарпатской Руси), — по моему мнению, и сейчас и до самого конца войны, до законодательного постановления и решения о всех этих вещах в республике должно сохраняться *полностью терпимое отношение и полное уважение* взглядов и убеждений другого человека. За первые двадцать лет мы не смогли все это осилить. Это не является нашим позором, это не было и нашей злой волей. У других в этом отношении дела обстоят не лучше, и Советский Союз тоже теперь решает эти дела. Это в конце концов наш первый опыт в истории объединения нации и государства, да еще в условиях двух таких ужасных войн. Поэтому никто не должен слишком удивляться этому. В начале нынешней войны и эти вопросы тер-

минологии стали причиной многих трудностей в наших отношениях и во многом мешали нам вести успешную борьбу против немцев и режима Тисо.

И теперь то тут, то там это еще вызывает трудности, впрочем, не очень значительные. Но сегодня республика для нас уже гарантирована, дипломатически с Россией все улажено, победа близка, а немцам и режиму Тисо чем дальше, тем будет хуже. Сегодня нам уже нечего бояться. Поэтому я отстаивал и отстаиваю с самого начала позицию, что никто из нас — ни я как президент, ни Вы как революционный комитет, ни какая другая партия — не имеет права навязывать кому-то что-либо *как нечто всеми признанное, как окончательное и законное решение* в вопросе существования одной или двух наций и в вопросе национальной и государственной терминологии. Я уважаю, правда, отдельные взгляды всех, и пусть каждый отстаивает свои взгляды, а когда мы будем принимать окончательное решение, пусть каждый выскажет и защитит свою точку зрения.

Мы тут, в Англии, ныне, благодарение богу, зашли так далеко, *что из-за этого уже не ссоримся, мы просто встали на позицию* полной терпимости и отстаиваем принцип, что мы решим это в республике посредством законодательных органов в спокойной обстановке, в атмосфере единения и демократическим путем. Поэтому здесь, в Лондоне, каждый употребляет собственную терминологию по своему желанию и убеждению; так Вы должны и объяснять для себя наше либеральное поведение на лондонском радио. В Москве по радио говорят только коммунисты, и они говорят опять-таки в соответствии со своими убеждениями. Мы в Лондоне уважаем Москву, но мы хотим, чтобы и они там, в свою очередь, уважали то, что мы говорим в Лондоне.

По моему суждению, эти вещи надо будет привести в порядок уже дома и уже после войны, в спокойной обстановке, без страстей и излишних споров, в тот момент, когда мы уже будем свободными и когда все эти вопросы утратят значительную долю своей горечи, если будут решаться в период, когда немцы, фашисты, предатели и коллаборационисты будут там, где их

место. Допускаю, что сегодня в Словакии еще есть люди, которых эта проблема все еще может смутить. Но я считаю, что это лучше, чем если бы мы сейчас, ведя свою борьбу за освобождение, снова ссорились бы из-за всего этого, как это делают югославы или поляки, и создали бы тем самым и у нас такие же отношения. Тот факт, что наша полная победа обеспечена наверняка, что немцы будут разбиты, что фашизм будет навсегда уничтожен, может придать нам столько сил, что мы сможем еще некоторое время терпеть эту временную неопределенность в двух-трех вопросах; и даже если то тут, то там некоторое время какой-нибудь Чулен разговорами об этих вещах будет вносить раскол в ряды тех, кто в другом случае шел бы с нами, или будет смеяться над нами, что между нами нет единства, мы легко это выдержим в оставшееся короткое время.

7. Подчеркиваю еще раз:

В эти вопросы никто из союзников *не вмешивается и вмешиваться не будет*. Америка вообще не вмешивается в дела между чехами и словаками, Советское правительство также старательно избегает этого, и никто из них ни в какой форме не будет вмешиваться и позднее. Твердо и окончательно учитывайте это. Все это мы должны решить сами. Особенно примите к сведению, что с оппозиционными словаками в Америке, то есть с Лигой и со всеми, которые поддерживали фашизм, Тисо, а некоторое время и Гитлера, я не считаю, не веду переговоров, не заинтересован в них и никогда ими интересоваться не буду. Я считаю, что после войны это будет окончательно засохшая и мертвая ветка.

Предлагаю Вам, кроме того, обдумать уже сегодня следующее: я лично считаю, что после войны мы должны будем одновременно с ревизией конституции решить ряд других вопросов, так же, как это делается везде после каждой большой войны и как это сейчас делают, например, в СССР. Мы будем стремиться к тому, чтобы создать новый и единый государственный гимн. И таких дел будет много.

8. Не обращайтесь ни на какие сообщения о разногласиях между нами тут, за границей. Все

наши дипломатические и международные дела разрешены, и ничья раскольническая деятельность никак уже не может повлиять на наше международное положение; отдельные лица, которые перед этим вносили раскол, не играют тут уже никакой роли. Так же и в Америке. Главное — чтобы мы были вместе взаимно связаны и в полном согласии с родиной.

Теперь я уже думаю прежде всего о том, как мы в момент падения Германии создадим первое правительство, создадим подлинный народный фронт и образуем первую партийную коалицию во всем государстве. В зависимости от того, удастся нам это или нет, увенчается это успехом или нет, республика тотчас будет функционировать, тотчас консолидируется, а мы тотчас, с самого начала, займем твердую позицию, или мы начнем с противоречий, внутренних разногласий, а может быть, будет и борьба и социальные потрясения, так, как это будет в большей части стран на европейском континенте.

Я сделаю все, чтобы предотвратить это. Я верю, что все истинные патриоты — и в чешских областях и в Словакии — будут в этом деле помощниками.

9. Я думаю, что свое единство Вы должны дополнить и поддерживать его со всеми группами и что именно об этом моем ответе должны были бы быть осведомлены все группы. Я передаю его также группе Кавьяр-Музеум, и, возможно, будет хорошо, если и Вы будете с ней говорить об этом, чтобы мы в этом принципиальном движении были вместе действительно все.

Сердечно приветствую Вас
Ваш

Эдуард БЕНЕШ ⁹.

Это письмо Бенеша, в котором он, выступая в роли суверенного вождя, призывает к единству, терпимости, соглашению, заверяет, что у него все выиграно и гарантировано у союзников, находится в вопиющем противоречии не только с действиями людей Бенеша в Словакии, но и прежде всего с действиями его прави-

⁹ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 177—180.

тельства и органов в Лондоне. Я думаю, что нужно кое-что сказать об этом правительстве, чтобы было ясно, что его главной заботой был не новый государственный гимн, как об этом Бенеш сообщает движению Сопротивления на родине, а планы обновления буржуазного строя на освобожденной территории.

* * *

Каждый, кто следил за политической жизнью домюнхенской республики, знал, что он должен думать о политическом лице людей, из которых Бенеш составил в эмиграции свое правительство. Напомню некоторые голоса людей, которые во время войны познакомились с деятельностью этого правительства. З. Фирлингер пишет о нем в 1944 г.: «...лондонское правительство по своему составу не могло полностью отвечать задачам, которые возникнут при создании нового государства... Правительство образовал президент уже в 1940 г., причем прежде всего из людей прежнего Национального комитета в Париже, и по своему составу оно вполне могло устранивать тогдашний чемберленовский режим... Оно привыкло к удобным методам самостоятельного решения... Своим решением (о правительственном делегате.— Г. Г.) правительство выдало свое намерение самостоятельно определять дальнейшее внутривнутриполитическое развитие в будущем государстве»¹⁰.

Старый коалиционный вождь социал-демократии Р. Бехине, который в Лондоне имел возможность вблизи наблюдать ситуацию, уже в 1941 г. оценивает правительство Бенеша следующим образом: «В обстановке разброда, царившего в Париже, был создан Национальный комитет с тенденциозной односторонностью... Он представлял интересы правых внутри страны, намеренно исключая сторонников левого крыла... Одним из самых больших просчетов Национального комитета в Париже мы считаем то, что в то время была отброшена идея национального единства. Деятели этой эры вбили себе в голову, что народное единство — это они

¹⁰ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. 2. Прага, 1948, стр. 297.

сами... Идея единства стала прикрытием для явлений нежелательных. Это прикрытие было перенесено из Парижа в Лондон. Еще ни один демократический народ не признавал правительство монополией людей, которые в него входили, не придавал ему какой-либо святости, перед которой люди должны падать на колени... (В Лондоне.— Г. Г.) правое крыло было пополнено новым представителем Словакии и ведущим кооператором аграрной партии. Новый состав правительства из тринадцати членов был холодно принят на родине и в эмиграции... Третье заграничное правительство является правительством решающего преимущества правых...»¹¹.

А позднее, в августе 1944 г., Р. Бехине уже пишет: *«Я пришел к убеждению, что чехословацкие дела обстояли бы лучше, если бы ими занималось другое правительство... Мы терпим это правительство не потому, что оно хорошо правит, а потому, что мы хорошо владем собой... Правительственный режим, который тут стал возможен и удерживается у власти с помощью британского правительства, по моему убеждению, закончил свою задачу... Мы хотим иметь новую национальную и государственную жизнь, построенную на базе демократии более глубокой, последовательной и плодотворной, чем домюнхенская демократия. И тут уже нельзя скрывать, что некоторые члены нашего заграничного правительства думают о другом. От некоторых правительственных приготовлений так и веет духом, который не соответствует настроениям народа на родине. Некоторые члены правительства держатся так, словно хотят просто перенести свою власть на родину...»*¹².

Б. Лаштовичка свидетельствует о том, как эти люди жили в эмиграции:

«...С тех пор (как было признано правительство Бенеша.— Г. Г.) британское правительство предоставляло чехословацкому правительству займы для покрытия всех его расходов... На раздел этих займов больше всех влиял Бенеш... Он образовал министерства

¹¹ Р. Бехине. Перо у меня осталось. Прага, 1948, стр. 185—191.

¹² Там же, стр. 227—229.

с довольно значительным аппаратом чиновников, образовал Государственный совет, члены которого получали высокую зарплату... Весь этот обширный аппарат относился к наиболее высокооплачиваемым аппаратам на британской земле. Оклады чехословацких министров приближались к окладам британских министров, а оклады членов Государственного совета были даже выше, чем оклады британских послов, чиновники аппарата в смысле зарплаты шли в ногу с самыми высшими чинами британской бюрократической администрации... Покупка виллы или автомобиля спустя некоторое время была доступна чехословацкой бюрократии. Чехословацкий государственный аппарат относился к преуспевающим слоям английского общества... откладывал значительные суммы в банках... Многим политикам Бенеш дал возможность говорить по радио, чтобы, обращаясь к родине за солидный гонорар в размере 1 фунт за минуту (фунт равнялся тогда 120 довоенным чехословацким кронам), они умножили свои доходы...»¹³. Эмигрантское правительство Бенеша ухитрилось истратить несколько миллиардов чехословацких крон.

Особой кастой в режиме Бенеша были офицеры. З. Фирлингер в цитированной книге пишет, что левые круги в эмиграции «открыто высказывали подозрение, что наше военное управление хочет играть в нашем заграничном движении Сопротивления абсолютно самостоятельную роль, что и по возвращении домой оно намерено оказывать решающее влияние на нашу внутривнутриполитическую жизнь, и даже более того, готовится ввести дома авторитарный режим, который опирался бы на вооруженную силу»¹⁴. Особую роль военные играли в деле связи с родиной, которое монополизировала группа, приближенная к Бенешу и Ингру. «В действительности, однако, решающее влияние оказывает полковник Моравец», шеф разведки в министерстве национальной обороны, как пишет З. Фирлингер. Р. Бехине в августе 1944 г. написал об офицерах: «Ряд активных офицеров, недостаточно образо-

¹³ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 89—93.

¹⁴ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. 2, стр. 81—82.

ванных... решил, что их дело — взять власть над народом. У нас много высоких военных сановников, которые оставили армию и отправились в Париж, а потом в Лондон делать политику... Заведена была «разведка», которая интересуется тем, что думают солдаты, что они думают о режиме и насколько они надежны с точки зрения группы, которая держит в руках всю власть над армией... Возникло и культивируется доносительство и предательство, и все это имеет определенную цель... «Ненадежные» люди переводятся на запасной путь... И, напротив, протезируют людям, которые хотя и не обладают квалификацией, зато «надежны»... Этому правительству не удалось исправить положение. Очевидно, в нем преобладают силы, которые удовлетворены таким положением вещей и не желают ничего менять»¹⁵. Бехине заключает свои критические замечания по адресу правительства Бенеша следующим образом: «Чем удерживается нынешний наш правящий режим? У меня есть доводы и право быть убежденным, что эта сила не доверие родины. Правительство монсеньера Шрамека держится благодаря тому, что его признают правительства союзников. Великобритания не только признала это правительство, но и предоставила ему кредиты и все средства пропаганды и престижа...»¹⁶.

У Бенеша, его правительства и гигантского аппарата этого правительства была одна большая забота — как перенести свое правящее привилегированное положение на родину. В выступлениях по радио из Лондона они изображали из себя больших демократов, все решения предоставляли принимать «народу на родине», сами выступали в роли скромных слуг народа. За кулисами, однако, они направляли дела так, чтобы дома самим захватить власть. Сегодня об этом свидетельствует много документов. Для иллюстрации мы приведем лишь некоторые.

22 января 1942 г. Бенеш созвал специальное совещание, в котором приняли участие Ингр, Виест и весь лондонский генералитет. Краткое содержание совеща-

¹⁵ Р. Бехине. Перо у меня осталось. Прага, 1948, стр. 233—234.

¹⁶ Там же, стр. 234—235.

ния: как захватить власть дома, на родине. По мнению Внеста, что касается Словакии, самой лучшей и выгодной возможностью было бы, если бы переворот в Словакии осуществили армия и население. Бенеш на совещании предполагает, что «после перемирия мы еще год будем находиться в состоянии войны». Он считает, что лучше всего будет сохранить военное положение, то есть если будет продлено состояние военной готовности государства. «Надо будет быстрыми темпами объединить, собрать всю армию. У нас должно быть 12—15 дивизий... В первый период дома у нас будет политическая власть, сильная армия и военное положение в государстве. Армия будет организована первой. Она даст веру народу и будет оказывать влияние и на Словакию». Ингр следующим образом обобщил свои взгляды: «В первую очередь надо обеспечить себе чешские области, где предпосылки более ясны и являются самыми выгодными для нас. Проблема Словакии будет решаться в зависимости от развития ситуации». Бенеш согласился с его точкой зрения и заявил: «Со Словакией нет смысла ломать голову. Первая наша задача — занять один или несколько словацких районов, чтобы таким образом перед миром документировалась Словакия. А то, второе, придет автоматически, как только будет порядок. Словаки будут в затруднении. Не надо ломать голову над Словакией, если мы не займем ее с самого начала. Напротив, мы должны основательно подготовиться к этому...» Этот шовинистический подход Бенеша к Словакии еще раз подчеркнул Ингр: «Необходимо и желательно, чтобы чешские области как можно скорее были утверждены в исторических границах. Если понадобится вмешательство в Словакии, оно осуществится позднее». Бенеш весьма конкретно дополнил его: «Тотчас же в первый день (переворота.— Г. Г.) необходимо занять в Словакии хотя бы один район, воздержаться, однако, от занятия Братиславы. В случае военного сепаратизма мы не будем брать Братиславу, а лишь окружим ее». Задачи, которые ставили перед собой Бенеш и политиканствующие генералы, были немалы. Ингр предложил путь для их осуществления: «Для осуществления и обеспечения выполнения задач на родине

необходимо будет подготовить и обучить тут хотя бы некоторую часть офицеров... Обучение должно проводиться на специальных курсах... Это должно осуществляться осторожно, чтобы об этом не было разговоров...» Как известно, эти курсы были в Англии, в Линмингтоне. Офицеры там обучались для должности военно-политических комиссаров отдельных районов страны¹⁷.

Бенеш и его правительство, следовательно, полагались прежде всего на армию, на ее реакционное командование в Лондоне. Главных противников военно-бюрократической диктатуры, которую они хотели ввести дома, они видели в коммунистах. Уже в плане лондонского министерства национальной обороны в январе 1942 г. стояло: «...возможно, что самостоятельные акции начнут коммунисты, у которых будет свое руководство и свои цели... не исключено, что они будут менее лояльны, и может случиться, что они будут упираться и не захотят полностью согласиться с лондонским руководством (из доводов национальной или социальной непримиримости)»¹⁸.

В этом духе информировал своего шефа Ингра в донесении от ноября 1941 г. и начальник чехословацкой военной миссии в СССР полковник Пика: «Я общал уже неоднократно, что деятельность дяди (то есть СССР.— Г. Г.) у нас довольно широка и что мы должны возглавить эту деятельность, взять дело в свои руки. Речь идет как о разведывательной сети, так и об акциях саботажа и парашютистах... У меня есть точные сведения о подготовке коммунистических парашютистов и словаков в учебном центре дяди; согласно этим сведениям, их деятельность может принести вред нашим действиям дома, и вообще они могут быть нам неприятны... Поэтому там у нас должны быть наши люди, которые будут следить за этим и парализовывать коммунистические и сепаратистские тенденции... Большое количество коммунистических эмис-

¹⁷ Ход совещания я излагаю по книге Б. Лаштовички «В Лондоне во время войны». Прага, 1961, фотокопия документа о военном совещании, стр. 224.

¹⁸ Военно-исторический архив — Запад, министерство национальной обороны.

саров может нанести много вреда дома в конечной освободительной фазе»¹⁹.

Чтобы удержать в своих руках все нити правления, буржуазная эмиграция в Лондоне ссылалась на конституцию, конституционных деятелей и правительство, которые одни только, по ее мнению, имели право принимать решения о делах в стране. «Только органы, установленные ими, являются единственными полномочными органами народной революции и имеют право издавать распоряжения в духе чехословацких законов...»²⁰. В этом направлении министерства правительства Бенеша подготавливали в соответствии с законом об обороне государства от 1936 г. проекты «чрезвычайных мер в сфере общественного управления», возложения гражданского управления на военные органы, о военном положении, ограничении свободы и т. д.

Развитие событий на фронтах в 1943 г. и прежде всего славные победы Советской Армии побуждали правительство Бенеша и его генералов к повышенной активности и к заботам о развитии событий в Словакии. В сообщении от 1 сентября 1943 г. генералы Ингр и Виест писали в Словакию: «1. Развитие будущих военных событий может повести к тому, что Словакия окажется в сфере военных операций скорее, чем исторические земли. Это возможно как в случае немецкого отступления на Восточном фронте, так и в случае вероятной возможности того, что западные союзники проникнут через Балканы в Подунайскую область. Для Словакии жизненно важно, чтобы она как часть ЧСР вовремя перешла на сторону союзников. 2. Для выступления Словакии против немцев необходимо подготовить в Словакии вооруженные силы. Необходимо разузнавать вероятное количество и размещение вооруженных частей словацкой армии, жандармерии, полиции и пограничной охраны, которые полны решимости в подходящей ситуации осуществить внутренний переворот и сражаться против немцев. Точно так же для той же цели необходимо знать

¹⁹ Цитируется по книге Э. Чейки «Интриги буржуазии и Словацкое национальное восстание». Прага, 1959, стр. 22—23.

²⁰ Там же, стр. 23.

оценку вероятного количества невооруженных, но обученных словаков призывного возраста. Время выступления было бы определено в соглашении чехословацких деятелей в Словакии и за границей... 3. На случай вооруженного выступления против немцев необходимо: а) узнать и сообщить за границу имена руководящих лиц в словацкой армии, жандармерии, полиции и пограничной охране, равно как и ведущих гражданских деятелей, которые готовы подготавливать военное выступление; б) регулярно информировать за границу о ходе подготовительных операций; в) как можно скорее наладить радиотелеграфную связь с за границей; г) сделать более интенсивными контакты с чешскими областями и получение политических и военных разведывательных данных оттуда. 1 сентября 1943 г. Ингр — Виест»²¹.

Активность некоммунистических антифашистских групп стремился повышать в этот период и Бенеш. В своем обращении к Словакии 3 сентября 1943 г. он призывал к единению движения Сопротивления и к сотрудничеству с коммунистами, одновременно, однако, определял такие цели, которые придавали своеобразный смысл этому сотрудничеству. Он считал безусловным не только то, что при падении Германии должен быть ликвидирован реакционный режим словацкого государства, но и то, что в это время «снова будут функционировать старые законы республики и старая конституция и, следовательно, тотчас же автоматически возобновится единство государства. Не нужно будет никаких специальных торжественных деклараций или заявлений, кроме того, что первая республика вновь существует,— мир должен видеть, что преемственность государства не была нарушена тем, что произошло в 1938 и 1939 гг., и что признанное правительство республики существует за границей... Мы полагаем, что тотчас же, в первый день переворота, правительство, очевидно, назначило бы президента страны и главнокомандующего, которые временно будут направлять ход событий, пока пра-

²¹ Цитирую по книге Б. Лаштовички «В Лондоне во время войны». Прага, 1961, стр. 401.

ительство, существующее в эмиграции, будет осуществлять свои функции и пока не будет назначено новое правительство в Словакии по соглашению с народом в чешских землях». Бенеш упоминал о местных национальных комитетах как о временных органах, «которые осуществляют перевороты на местах и введут в действие новую администрацию», а также и об изменениях, которые должны были бы произойти в отношениях между чехами и словаками («децентрализирующая конституция») ²².

Цитированное сообщение Ингра и Виеста, послание Бенеша, как и многие последующие сходные по содержанию послания, активизировали деятельность разведывательных групп в Словакии. Они стали лихорадочно выискивать антифашистов в армии и «ведущих гражданских деятелей», правда, лишь постольку, поскольку они были бы готовы «подготавливать военное выступление» по лондонским приказам. Так, летом 1943 г. начали активизироваться Шробар, многие военные группы, оживилась деятельность буржуазного лагеря. По разведывательным каналам уходили и приходили целые пакеты сообщений, донесений и директив. Чем менее правдоподобна была «вероятная возможность, что западные союзники проникнут через Балканы» в область Дуная, тем больше Лондон должен был считаться с тем, что Словакию освободит Советская Армия, тем большее значение правительство Бенеша и его генералитет придавали тому, чтобы твердо взять в свои руки действия армии в Словакии, чтобы «исключить гражданский элемент», то есть массы народа, из активного участия в «перевороте» и прежде всего чтобы исключить влияние коммунистов на ход всей операции.

В лондонской депеше от января 1944 г. говорится: «Чехословацкие вооруженные силы будут сотрудничать или сами устранят нынешний правящий режим в Словакии. Эти акции осуществляются самое позднее в момент падения Германии, но лучше было бы, если бы до этого. Чехословацкие вооруженные силы в Сло-

²² «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 86—87.

вакии обеспечат порядок и покой на словацкой территории...»²³. З. Фирлингер в цитированной книге пишет, что 10 марта 1944 г. он получил от Масарика телеграмму из Лондона, в соответствии с которой Пика предупреждал об опасности деятельности коммунистических депутатов в Москве (Готвальд и другие): «...он явно предостерегает об их возможной политике и об их вероятных действиях на освобожденной территории»²⁴. По информации Пики из Лондона, «в Словакию тотчас же надо переправить командование, которое будет организовывать новые воинские части из местных жителей — мужчин призывного возраста, а также координировать действия частей словацкой армии»²⁵. В депеше Ингра из Лондона в Словакию летом 1944 г. указывается: «Говоря об обострении и кульминации сопротивления дома, президент имел в виду два периода. В первый период речь идет о том, чтобы усилить саботаж... Во втором периоде — всеобщее восстание, которое в качестве решающего, завершающего акта народного сопротивления будет носить преимущественно военный характер... Для определения времени начала акции решающими являются следующие два фактора: военная ситуация и степень подготовленности. Из военной ситуации надо делать правильные выводы, а лучшими предпосылками этого располагает правительство за границей. Можно определенно сказать, что сигнал к восстанию выйдет из Лондона»²⁶. Ингр распорядился, чтобы повстанческие части в Словакии были объявлены частью чехословацкой армии.

* *

*

Этот короткий обзор планов Бенеша я привел для того, чтобы за патетическими и лицемерными выступлениями по радио из Лондона читатели видели классовые намерения буржуазии, направленные на

²³ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, стр. 403.

²⁴ З. Фирлингер. В служении ЧСР. Прага, 1948, стр. 231.

²⁵ Там же.

²⁶ Цитируется по книге Б. Лаштовички «В Лондоне во время войны». Прага, 1961, стр. 402.

обновление у нас домюнхенского капиталистического строя. Чем ближе был конец войны, чем настоятельнее вставала проблема политических и социальных отношений после освобождения, тем больше лондонское правительство старалось подчинить своему влиянию и поставить под свой контроль органы сопротивления дома, главным образом военные органы, чтобы обеспечить себе гегемонию на заключительном этапе национально-освободительной борьбы, чтобы овладеть ситуацией на освобожденной территории и перенести свою власть с «состоянием боевой готовности государства» на родину. Так как с начала 1944 г. было ясно и дома и в Лондоне, что в результате побед Советской Армии Словакия наверняка будет первой частью освобожденной территории Чехословакии, правительство Бенеша перенесло главную тяжесть политической борьбы за власть и будущее устройство ЧСР на Словакию, на его движение Сопротивления. Эта борьба внутри антифашистского лагеря проходила в течение всего года подготовки к восстанию и во время самого восстания. Это была борьба за то, какой класс, какой политический компонент станет ведущей силой в национально-освободительной борьбе, которая обеспечит решающее политически господствующее положение на первой освобожденной территории нашего государства. Понятно, что министры эмигрантского правительства и генералы связывали с этим свои личные судьбы и свои будущие позиции. С начала 1944 г. вопрос о политически господствующих позициях в движении Сопротивления является решающим в действиях Бенеша, его правительства и генералитета в их акциях в Словакии.

Эта классовая позиция правительства Бенеша, дополняемая шовинистическим отношением к решению словацкого национального вопроса, была определяющей в его отношении к Словацкому национальному совету и к его политической программе, сформулированной в декабре 1943 г. Бенеш и его окружение были весьма хорошо информированы о том, что главным и инициативным компонентом в Словацком национальном совете являются коммунисты, что социал-демократов в Словацком национальном совете представ-

ляют не оппортунистические элементы типа Бечки и Немеца, а люди, которые твердо и непреклонно идут с Коммунистической партией Словакии, и что коммунистам удалось подчинить своему влиянию и включить в этот общий центр и решающую часть оппозиционной буржуазии. Поэтому если Бенеш и его правительство читали в Рождественском соглашении о Словацком национальном совете от 1943 г., что этот созданный по инициативе коммунистов орган намерен «в первый же подходящий момент взять в свои руки всю политическую, законодательную, военную и административно-исполнительную власть в Словакии», то они видели в этом не только серьезную атаку на свою концепцию решения национального вопроса, но прежде всего решительную атаку на политические планы буржуазии по установлению своего господства, планы буржуазии, которую представляло именно правительство Бенеша. Им было ясно, что если бы Словацкий национальный совет стал руководящим центром движения Сопротивления в Словакии, ведущей силой восстания, если бы он взял в свои руки всю власть на освобожденной территории, то это не сулило бы ничего хорошего их собственным планам.

Правда, с такими планами, которые вынашивали деятели из окружения Бенеша, с планами, о которых они писали в тайных депешах, нельзя было ни подойти к микрофону, ни говорить о них в посланиях на родину. Поэтому Бенеш, с одной стороны, пишет Словацкому национальному совету письмо, в котором приветствует объединение, обещает согласие во всем, правда, лишь «после переворота, когда все снова немного обретут равновесие», потому что в противном случае-де грозят «борьба и социальные потрясения». С другой стороны, он направляет свою военную машину, свои группы в стране в том духе, чтоб они не выжидали, пренебрегли терпимостью и спасали господствующее положение от «социальных потрясений», от примера югославских отношений тотчас же, захватив в свои руки руководство движением Сопротивления.

И люди Бенеша в стране, тесно сотрудничавшие с Я. Кратким, не ленились. Главной миссией Краткого

было организовать бенешевский лагерь, утвердить в Словакии планы лондонского правительства и генеральской клики и разбить объединительные усилия и политические акции коммунистической партии.

Тотчас же по прибытии он начал командовать всеми радиопередатчиками, связанными с Лондоном, влиял на радиопередачи и прием сообщений, фальсифицировал сообщения, посылаемые из Словакии, запрашивал у лондонских деятелей (связь держал в руках полковник Моравец!) директивы и приказы для движения Сопротивления в Словакии, прежде всего для его военной части. Таким образом, он получил под свой контроль и разведывательную группу, достиг почти монополии в связи с Лондоном и выводил из этого круга людей, которые были связаны с коммунистами (например, подполковник Кишш-Калина и другие). Один из радиопередатчиков, посланных из Лондона, получило руководство КПС, чтобы наладить связь с Москвой. Краткий по этому поводу устроил скандал, требовал вернуть радиопередатчик и в разговоре со мной даже прибег к угрозам шантажистского и террористического характера. Это был типичный представитель лондонской военной клики. Он начал «подбирать кадры» членов движения Сопротивления в Словакии. Он раздал им отпечатанные анкеты, где основными вопросами были: отношение к Бенешу, к его правительству, беспрекословное признание и подчинение правительству и тому подобное. Многие участники движения Сопротивления заполняли для него эти анкеты, и он в соответствии с этим посылал характеристики людей своим шефам в Лондон. Когда некоторые из наших работников написали ему наискосок через всю анкету не совсем приличное народное выражение, он в своих информациях в Лондон оговорил все руководство коммунистической партии, обвинив его в автономизме, сепаратизме, сотрудничестве с членами людацкой партии и т. д. Верного помощника для своей работы среди солдат Краткий нашел в лице подполковника Мирке Весела, который, как и другие бенешевские элементы из разведывательных групп (Флора, Кох и другие), сыграл в этой раскольнической деятельности некрасивую роль. Краткий,

Весел и упомянутые группы стояли и за спиной действий Шробара в конце апреля 1944 г. Это должно было быть кульминацией их деятельности — раскол Словацкого национального совета и создание бенешевского центрального органа Словакии.

ЦК КПС понял опасность и предпринял решительные встречные меры. Ситуация была очень серьезной. Голиан признал руководство Шробара и назначил Весела офицером связи. В буржуазном лагере началось колебание. Возникли опасения возможных споров с правительством Бенеша. Руководство КПС сначала обеспечило себе поддержку социал-демократов, а потом открыто спросило буржуазных партнеров в Словацком национальном совете, хотят ли они и в дальнейшем идти с коммунистами и социал-демократами. Все подтвердили декабрьское соглашение и отвергли предложение принять участие в совещании Шробара. Аналогичным образом шла обработка других групп и лиц, причем и тех лиц, которые примыкали к Шробару. Результатом этой работы было то, что все политически значительные группы и лица отказались участвовать в совещании Шробара. Вся эта акция была разоблачена как раскольническая попытка Лондона и его агентов в Словакии. Совещание не состоялось. Не был создан никакой Национальный комитет страны. Группа Шробара оказалась политически изолированной. Словацкий национальный совет политически еще более укрепил свою позицию. Это был большой успех политики и работы Коммунистической партии Словакии.

Самые печальные плоды принесла раскольническая акция Лондона среди антифашистов в армии. После обработки отдельных офицеров и групп делегация Словацкого национального совета (Леттрих и я) посетила Голиана в Банска-Бистрице. Мы открыто сказали ему: у него две возможности — или он останется верным мартовскому соглашению и беспрекословно подчинится Словацкому национальному совету, или Словацкий национальный совет исключит его из состава своих сотрудников в армии и назначит другое ответственное лицо на ведущую должность в военной части движения Сопротивления. Голиан под-

чинился, принял руководство Словацкого национального совета, пообещал порвать связи с группой Шробара. Он ссылался на М. Весела, отговаривался тем, что тот предпринимал самостоятельные акции, ссылался на влияние Краткого, на приказы из Лондона и пообещал, что исключит Весела из состава своих ближайших сотрудников.

Вследствие упомянутых действий нарушилось трехчленное военное руководство, о котором была достигнута договоренность в марте. Полковник Имро был переведен в части, находившиеся в Италии, а руководству КПС, которое с ним договорилось о сотрудничестве, даже не сообщил об этом. Вследствие интриг среди офицеров, но также из-за своей позиции он вышел из военного руководства. А именно на него-то больше всего мы и полагались в упомянутой троице. Между Тальским и Голианом отношения также не были хорошими. Голиан пообещал, что он в ближайшее время наладит отношения среди военного руководства.

В результате этих интриг было потеряно почти два месяца для подготовки армии к восстанию. И задерживалась подготовка к отлету делегации Словацкого национального совета в СССР. Но, что хуже всего, интриги, продолжавшиеся в течение двух месяцев, и раскольнические действия так нарушили конспирацию, что политические и военные приготовления стали известны довольно широкому кругу участников движения Сопротивления. Потребовалась большая работа, чтобы подготовка восстания продолжалась, чтобы отношения в армии снова консолидировались, конспирация стала строже. Во время этого посещения в начале мая 1944 г. в последующих переговорах с Голианом было достигнуто соглашение, и раскольнические действия Лондона были пресечены хотя бы в основном: Голиан подчинился Словацкому национальному совету и с тех пор поддерживал с ним регулярную связь.

Приверженцы Бенеша, сгруппировавшиеся вокруг Шробара, изменили тактику — они стали «в массовом порядке» основывать национальные комитеты. Смысл этой тактики полностью стал очевидным в первые дни восстания, когда Шробар хотел созвать «съезд нацио-

нальных комитетов», то есть тех самых, своих «национальных комитетов», и на этом съезде снова пытался избрать Национальный комитет страны как ведущий орган восстания. Правда, в то время, когда группа Шробара начала «основывать» «национальные комитеты», революционные национальные комитеты уже существовали, причем это были национальные комитеты, построенные на широкой основе по инициативе коммунистической партии и при участии остальных антифашистских сил. Группу Шробара, однако, это не смутило, и она продолжала создавать свои «национальные комитеты». Нужно сказать о том, как это делалось. Батя по инициативе злинского Чиперы, через посредство своего филиала в Словакии и через Словацкий банк предоставил в распоряжение Шробара 5 млн. крон на деятельность движения Сопротивления. За эти деньги по Словакии ходили три-четыре человека из людей Шробара, посещали обычно корчмаря, учителя и время от времени какого-нибудь знакомого, уполномочивали его «руководить местным национальным комитетом», давали ему деньги — вот и был основан «национальный комитет». Мы знали о многих таких шагах. В начале восстания Шробар утверждал, что его люди (Дюрачка, Бобрик, Гашпáрик, Паулини) основали уже 580 «национальных комитетов», а два года спустя он уже написал: «Моя группа зарегистрировала свыше 900 комитетов. Мы хотели тысячный комитет основать спустя 2 недели»²⁷. У Шробара это вовсе не потеря памяти. Дело в том, что его агенты-коммивояжеры, основывавшие «национальные комитеты», за 5 млн. должны были продемонстрировать какую-то деятельность. И Шробар, вероятно, был единственным человеком, который в Словакии серьезно относился к этому количеству «зарегистрированных комитетов», так как он не имел представления о политической ситуации Словакии. Он был «вождем Сопротивления», назначенным президентом, а людей, необходимых для этого, ему должны были подбирать упомянутые агенты.

²⁷ «Над Татрой сверкает молния». Прага—Братислава, 1946, стр. 63.

Руководство Коммунистической партии Словакии снова возобновило связи с группой Шробара и хотело перевести самых серьезных людей из этой группы на платформу Словацкого национального совета. Это не удавалось, потому что Лондон ставил Шробара на позицию «единственного вождя», единственного, кому «президент и правительство доверяют». И лишь восстание и взгляд на действительные силы революционного народа открыли ему глаза и поставили его перед вопросом: примкнуть или окончательно отойти. Но в весенние месяцы 1944 г. этот вопрос перед ним еще не стоял.

Я. Краткий в сообщении от 6 июня 1944 г. о военном и политическом руководстве движением Сопротивления в Словакии, исходя из факта, что «все попытки к объединению политических партий проваливаются», требовал, чтобы Бенеш назначил Шробара руководящим лицом движения Сопротивления в стране: «Назначения Шробара как политического авторитета и подчинения ему так называемого центра «Анна» (то есть Словацкого национального совета.— Г. Г.) требует здешняя политическая и военная ситуация». Кругам, близким к Бенешу, не было и не могло быть приятно, что, как пишет далее Я. Краткий, «так называемый центр «Анна» из всех сил и всеми средствами стремится привлечь на свою сторону политическое руководство всех партий и групп»²⁸. Бенеш, который хорошо знал об интригах в Словакии, внешне, в посланиях на родину, играл роль нейтрального человека. Например, в послании в Словакию 14 июня 1944 г. он пишет: «Концентрация и единство подпольного движения Словакии, безусловно, необходимы и крайне желательны. Это должно быть, однако, единство, возникшее изнутри вследствие добровольного сотрудничества всех деятелей. Работайте и содействуйте этому из всех сил. Приказывать кому-либо отсюда, чтобы они подчинились, невозможно... Никто не изменит своим убеждениям и своей программе, поскольку речь идет о будущих отношениях в

²⁸ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 204.

республике, если в дальнейшей борьбе в интересах единства он подчинится руководству, например, со стороны самого старшего политического деятеля...»²⁹. Бенеш никому ничего не приказывал, но он не признавал Словацкий национальный совет, считал его одной из групп и всех принуждал объединиться под руководством Шробара, то есть принять концепцию, программу своего правительства и помогать осуществлению его политически господствующих интересов в стране. Этого, однако, ни руководство КПС, ни Словацкий национальный совет не могли принять.

* * *

В Словакию приходили из Лондона письма, телеграммы, директивы, послания Бенеша и т. д. В них должно было говориться об усилении конкретной борьбы против фашизма, но все они были направлены на то, чтобы провести в стране лондонский политический курс, обеспечить позицию буржуазии после освобождения республики.

В первые дни июля 1944 г. представителям Словацкого национального совета было вручено письмо политического референта президентской канцелярии П. Дртины от 16 июля 1944 г. В письме нашла отражение личная позиция Бенеша по принципиальным вопросам последнего этапа национально-освободительной борьбы и действий при обновлении Чехословакии. Бенеш, ожидая окончания войны в конце сентября или в течение октября 1944 г., уделял внимание прежде всего задачам последнего этапа войны и перехода в освобожденное государство. В сущности, он развивал свою концепцию, которую уже излагал группам движения Сопротивления еще в послании от 3 сентября 1943 г. и во многих последующих указаниях. Он рассчитывал на формальное заявление об обновлении первой республики, ее государственной и конституционной формы. При формулировании конкретных мер он никого не оставлял в сомнении относительно того, как он лично и его правительство пред-

²⁹ АИИ КПС, телеграммы.

ставляют себе упорядочение отношений в стране после переворота: «Существует президент и центральное правительство со всей своей компетенцией для всей территории республики, и этот факт должен полностью и последовательно пользоваться уважением. Существует первоначальная домюхенская конституция и наше первоначальное законодательство, в этом духе и будет осуществляться переворот, и всюду, где это будет возможно, это должно уважаться... Политическое управление и бюрократия принципиально останутся на своих местах так, чтобы каждодневная жизнь нормально могла продолжаться насколько возможно. Но тотчас же будут созданы местные, районные и краевые комитеты, которые под авторитетом и руководством центрального правительства начнут функционировать в сотрудничестве с бюрократией, причем они тотчас же позаботятся о том, чтобы известные скомпрометированные элементы были убраны из органов управления и политической жизни»³⁰.

Становилось ясно, что Бенеш, хотя и считался с участием коммунистов в органах власти и не мог игнорировать национальные комитеты, состоявшие из членов всех направлений движения Сопротивления, все же верил, что при сохранении основных централистских органов власти, государственного аппарата и его структуры можно будет отстранить их от решения политических дел и в перспективе полностью реставрировать домюхенские отношения. В этом контексте в своем подлинном виде выявился и смысл его призыва к единству всех антифашистских сил в Словакии и смысл предостережения, чтобы никто из участников движения Сопротивления априори не исключался из местных, краевых органов управления, «расширенные полномочия» которых должны были иметь лишь временную силу. Ибо, как писалось в письме, «все, что тут будет происходить, будет происходить всегда в полном соответствии и под авторитетом центрального правительства и президента республики»³¹. За остальными органами признавались

³⁰ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 238—245.

³¹ Там же.

лишь вспомогательные, контрольные или совещательные функции.

Сообщение Дртины далее содержало позицию Бенеша и правительства по вопросу действий против изменников и коллаборационистов, решения проблемы немецкого и венгерского меньшинства, а также информации о международно-политических аспектах чехословацкого вопроса. В этой связи он писал: «Как только Советская Армия проникнет на большую часть словацкой территории, наша делегация под руководством министра Немеца и генерала Виеста займется делами гражданского управления. Они, естественно, будут рассчитывать на помощь всех лояльных наших словацких граждан, а также необходимо, чтобы вы все уже теперь подготовились к тому, чтобы принять их, помочь им, политически и в служебном отношении сотрудничали с ними... Президент просит вас всех в Словакии, чтобы вы преданно и дружно помогали нашей делегации, чтобы у вас не было какого-либо недоверия относительно того, что кто-то хочет что-либо диктовать Словакии или что кто-то хочет все организовать без соглашения в едином народном фронте словацком, а потом чехословацком...»³².

Словацкий национальный совет считал необходимым занять принципиальную позицию по отношению к письму (его авторами являются Г. Гусак, Я. Леттрих и Л. Новомеский), которое он послал в конце июля 1944 г. Бенешу. Я цитирую из этого документа Словацкого национального совета:

«I. В ответ на последнее обширное послание, в котором пан Дртина сообщил нам личную точку зрения пана президента, объединенное политическое руководство в Словакии (Словацкий национальный совет) считает нужным занять позицию по отношению к некоторым принципиальным вопросам.

1) Словацкий национальный совет сегодня сосредоточивает все свои силы и средства для того, чтобы словацкий народ внес как можно больший вклад в дело собственного освобождения, в дело освобождения ЧСР, а также способствовал осуществлению планов союзников на нашей территории. Совет считает

³² Там же.

это сегодня первоочередной и моральной обязанностью, а все другие вопросы мы считаем второстепенными. Это наше мнение и наша деятельность основываются на убеждении, что народы ЧСР должны в возможно большей степени внести вклад в дело своего освобождения, а не только позволить союзникам освободить нас, далее, на действительных и больших возможностях, которые имеются в нашей стране. Подготовка народа к действиям в политическом и военном отношении для выступления в подходящий момент — столь огромная задача, что она требует сосредоточения всех сил. С этой позиции мы и понимаем остальные внутривнутриполитические, организационные проблемы и проблемы, касающиеся переворота.

2) Все меры и мероприятия до переворота, во время переворота и сразу после него, по нашему мнению, должны определяться последовательным осуществлением принципа демократии широких слоев народа, так, чтобы все, что предпринимается в политическом смысле, отвечало и было в соответствии с пожеланиями и волей этого народа. Мы убеждены, что в первый же подходящий момент все деятели и органы движения Сопротивления как в стране, так и за границей должны представить на рассмотрение и под контроль народа и в его распоряжение свои должности. До самого момента переворота все органы движения Сопротивления в стране и за границей, бесспорно, являются временными и без формального мандата народа.

3) Разделение работы и функций между движением Сопротивления в стране и за границей мы представляем себе следующим образом.

Вопросы внешней политики и все вопросы, с которыми сталкивается движение Сопротивления за границей, обеспечивают все элементы этого движения за рубежом. Все проблемы внутреннего движения Сопротивления — политические и военные, — напротив, должны решать органы Сопротивления внутри страны. Само освобождение и его успешное осуществление может и должно быть результатом взаимного сотрудничества и совместной деятельности движения Сопротивления внутри страны и за рубежом. Меры, касающиеся движения Сопротивления внутри страны, пере-

ворота, нового упорядочения отношений в стране, как и управления внутри страны, должны осуществляться после предварительной и взаимной договоренности деятелей в стране и за рубежом.

4) Что касается точки зрения относительно преемственности республики, действительности конституции и конституционных органов, которая содержится в цитированном послании, то мы хотим отметить следующее.

Мы полностью признаем необходимость защиты этих принципов, однако лишь по отношению к границе и при международных связях, тем не менее при урегулировании внутренних обстоятельств эта позиция ни в чем не может предопределять новую организацию внутриполитических отношений. Мы считаем необходимым подчеркнуть, что у нас ожидается, что новая ЧСР принесет новое понимание и новое решение, прежде всего проблемы чешско-словацкой, политической и хозяйственной демократии, проблемы социальной и проблемы внешнеполитической ориентации.

5) Призыв к единству, содержащийся в цитированном послании, мы понимаем так, что представители внутреннего движения Сопротивления должны политически представлять движение Сопротивления внутри страны. Поэтому отдельные лица и группы, какую бы деятельность, заслуживающую самого глубокого уважения, они ни осуществляли, не могут образовывать это руководство, но могут выполнять свою долю работы в рамках этой организации. С этой точки зрения Словацкий национальный совет объединяет сегодня все демократические силы, которые черпают поддержку в широких слоях.

После многочисленных призывов из Лондона отдельные лица и небольшие группы, обладающие значительными финансовыми средствами, начали лихорадочно и бестолково основывать всевозможные комитеты сомнительного достоинства, причем деятельность этих комитетов вносит лишь смятение в среду доброжелательно настроенных людей. Вся деятельность этих групп состоит в разделе должностей в будущем государстве, в переписке с границей, не

имеющей никакого смысла. Мы должны всячески предостерегать от того, чтобы информация, передаваемая этими группами, принималась за объективную, так как тут имеет место личное и тенденциозное мотивирование, что могло бы дезориентировать соответствующие органы в Лондоне и создать у них неверное представление о ситуации Словакии.

В собственно освободительных действиях внутри страны эти группы не играют никакой значительной роли.

Авторитет Словацкого национального совета в политических и военных кругах с каждым днем растет, а в широких слоях словацкого народа он играет решающую роль»³³.

Во II пункте ответа Словацкий национальный совет занял позицию в отношении словацкого национального вопроса.

Несмотря на компромиссные и местами слишком общие формулировки этого ответа, что можно объяснить тогдашним составом Словацкого национального совета, Бенешу ясно давали понять, что Словакия отвергает все его попытки провозгласить какую-либо военно-бюрократическую диктатуру после освобождения, что ему и его правительству не дается право на основании конституции, преемственности или международного признания что-либо предписывать или о чем-либо распоряжаться как в ходе национально-освободительной борьбы, так и на освобожденной территории. Словацкий национальный совет отверг концепцию Бенеша, который хотел разместить свое эмигрантское правительство на освобожденной территории и легализовать власть своего правительства. Так, под влиянием коммунистов Словацкий национальный совет ясно высказался, что он не допустит реализации планов эмигрантской буржуазии, направленных на захват власти, на обновление домюнхенских порядков, на сохранение старого, капиталистического режима. Бенешу дали понять, что вмешательство, которое его правительство осуществляет в Сло-

³³ Цитируется по книге Г. Гусака «Борьба за завтрашний день». Братислава, 1948, стр. 154—156.

вакии посредством своих разведывательных групп и горстки своих приверженцев, не находит в народе никакой поддержки. И, если он хочет вести переговоры с кем-либо внутри страны, он должен вести переговоры со Словацким национальным советом.

Но и это предостережение Бенеш не принял к сведению, он даже не ответил на него. Он не дал своим людям в Словакии никаких указаний о том, чтобы они прекратили свою раскольниковую деятельность, присоединились к Словацкому национальному совету и оказывали поддержку в совместной борьбе. Напротив, вмешательство продолжалось в еще большей степени до самого начала восстания и после него, причем сосредоточилось в основном на армии. Это была последняя надежда эмигрантской буржуазии. Борьба за политически господствующие позиции в национально-освободительной борьбе продолжалась и после освобождения Словакии. Это была борьба не только за Словакию. Ситуация была такова, что через Словакию должно было идти освобождение всей республики. Это была борьба за будущее направление развития всего нашего государства. Буржуазное правительство в Лондоне выложило в этой борьбе все свои козыри. Оно проиграло ее, так как стояло против народа. Исполнилось одно из многих пророчеств Бенеша. В своем докладе в Государственном совете 25 ноября 1941 г. он сказал по адресу лондонской эмиграции следующее: «Любая политическая эмиграция, которая оторвется от народа и думает, что она одна должна решать судьбы народа, неизбежно впадет в ирреальность и романтизм, попадет в изоляцию, утратит понимание размеров своих собственных возможностей и вообще всего развития отношений у себя в стране, и тем самым неизбежно падет политически»³⁴. Словацкое народное восстание на этот раз подтвердило мысли Бенеша. Правда, не в его пользу.

³⁴ Э. Бенеш. Шесть лет эмиграции и второй мировой войны. Прага, 1947, стр. 307.

9. СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС

Отношение к решению словацкого вопроса, то есть существования словацкой нации, государственного положения и места Словакии в комплексе политических, экономических и культурных вопросов,— все это разделяло чехословацкое движение Сопротивления в стране и за рубежом на различные лагеря и было одной из главных нерешенных проблем вплоть до Словацкого национального восстания. В этом вопросе Словацкий национальный совет вступил в острое столкновение с концепцией Бенеша. Диктаторские стремления правительства Бенеша к гегемонии в освободительном движении, к завоеванию власти в стране и его шовинистическое отношение к решению словацкого национального вопроса — вот две важнейшие области споров, которые возникали между руководством освободительного движения в Словакии и правительством Бенеша. Я думаю, что необходимо подробнее остановиться на словацком вопросе.

В политической жизни домюнхенской республики наблюдались три основных тенденции в отношении к словацкому вопросу: централистская концепция «единой чехословацкой нации», националистическая концепция буржуазных автономистов и постепенно кристаллизовавшаяся марксистская концепция КПЧ. Эти три течения в отношении к решению словацкого вопроса легко прослеживаются до самого Мюнхена, и с ними связывают свои концепции отдельные политические силы и в период антифашистского Сопротивления.

Чешская буржуазия, которая после 1918 г. стала правящим классом в ЧСР, маскировала свою империалистическую политику в Словакии, национальное угнетение словаков так называемой идеей «единой

чехословацкой нации». Все исторические, политические, экономические, этнические особенности обоих наших народов, которые исторически развивались в различных условиях и стояли на различных ступенях национального развития,— все это игнорировалось и искусственно втискивалось в одежду «единой нации с двумя ветвями». Эта искусственная конструкция была закреплена конституцией, законами, всей политической и общественной жизнью. На этой основе государство управлялось такими методами, которые Б. Шмераль назвал в 1925 г. «пражским буржуазным чешско-национальным централизмом». Эта система «национальной политики» предоставила сильной, развитой чешской буржуазии возможность править Словакией без всяких ограничений, подчинять ее экономику своим собственным нуждам, распространить область своей эксплуатации на всю Словакию. Результаты этой подчиненности словацкого менее развитого хозяйства чешской буржуазии, более развитой в финансовом и индустриальном плане, таковы: свертывание предприятий, массовое переселение, замедленное экономическое развитие Словакии, которая стала отсталым аграрным довеском чешских земель. Для политического и идеологического внедрения шовинистической концепции «единой нации» была использована вся буржуазная машина: школы, образование, печать, наука, искусство, политическая жизнь, государственный аппарат, экономические условия и т. д.

Нужно сказать, что живому национальному чувству чеха, который должен был долгое время бороться за свое национальное существование, это «расширение национального простора» очень импонировало, тем более что никто не требовал от него отказа от своего чешского национального сознания. Новое решение вопроса приносило и новые возможности и материальные выгоды тем эмиссарам идеи чехословацкого государства, которые в годы домюнхенской республики наводнили Словакию. Поэтому в чешском народе тезис об «единой чехословацкой нации» долгое время принимался вообще без каких-либо возражений, и только чешские коммунисты (с 1925 г.) боролись за иную точку зрения. За исключением коммунистов, все

чешские политические партии в период домюнхенской республики провозглашали, пропагандировали, внедряли в сознание людей и осуществляли в практической политике эту шовинистическую концепцию и, таким образом, по существу, легализовали национальное угнетение словацкого народа.

В Словакию, в среду словацкого народа эта концепция вносилась искусственно, насильно, хотя и не без активного участия представителей словацкой буржуазии и интеллигенции, так называемых домюнхенских словаков, которые после 1918 г. завоевали политическую монополию говорить от имени всего народа. Сейчас мучительно читать аргументы тогдашних политических деятелей в пользу этой «единой нации». Например, В. Шробар приводил такие аргументы в пользу упомянутой концепции еще в 1928 г.: «Стремление соединить все чехословацкие племена в едином государстве мы наблюдаем уже со времени создания Великой Моравии, то есть тысячелетие назад, и оно не прекращается во всей истории чехословацких племен. После падения Великой Моравии представители чешского племени, чешские князья и короли возглавили дело государственной и национальной консолидации чехов, моравян и словаков»¹. Потом он рассказывает, когда и кто из чешских феодалов боролся с каким мадьярским феодалом за завоевание какого-либо замка. Это незнание истории и значения национального вопроса в современной истории можно было бы вознаградить короной: якобы Габсбург после Могача объединил «все чехословацкие племена» под единой короной. Однако не только Шробар из политического оппортунизма сознательно путал представление об общем происхождении различных славянских племен с представлением о современных славянских народах, которые сложились в эпоху развития феодализма.

Концепция «единого народа в едином государстве» утверждалась всеми возможными средствами воспитания и внушения именно и прежде всего в Словакии. В политической жизни Словакии эту концепцию применяли и проводили словацкие филиалы чешских буржу-

¹ В. Шробар. Освобождение Словакии. I. Прага, 1928, стр. 8.

азных партий, в том числе филиал социал-демократической партии. Это был правящий «чехословацкий» лагерь, лагерь, которому чешская буржуазия позволила пользоваться всеми выгодами своего экономического положения. Благодарность за эту коллаборационистскую службу была немалой. Эта часть словацкой буржуазии быстро росла и набирала силы, хотя и собирала объедки со стола правящей чешской буржуазии. Этот правящий «чехословацкий» лагерь никогда не представлял в Словакии большинства населения. Если учесть результаты выборов, то он всегда бывал в меньшинстве. Если говорить о сознании словацкого народа, то следует подчеркнуть, что идея чехословацкой «единой нации» в Словакии никогда народ не привлекала и никогда не имела в народе своих корней. Она осталась в области политических спекуляций руководящих партий, их верхушки и части аппарата и, само собой разумеется, в области, которая была вотчиной централистского государственного аппарата.

Шовинистическая политика чешской буржуазии по отношению к Словакии, осуществляемый ею социальный и национальный гнет вызывали сопротивление словацкого народа. Низкая ступень развития словацкого народа, недостаток политического опыта и кадров, более низкий уровень всей политической жизни, разочарование в политике социал-демократии, а также ряд других причин, в том числе и в известной мере неправильная национальная политика КПЧ, привели к тому, что с самого начала в борьбе против национального угнетения захватила руководство словацкая националистическая буржуазия, которая концентрировалась в Глинковской словацкой народной партии (ГСНП). Эта политическая партия, которая опиралась на католическую церковь и использовала религиозные убеждения народа в своей политической борьбе, обладала для своей националистической пропаганды сильными аргументами, которые она черпала в ошибках национальной, экономической и культурной политики чешской буржуазии в Словакии, а также в ошибках ее словацких прислужников. Таким образом, ее главным лозунгом стал лозунг «За бога и за народ».

Все ошибки шовинистической государственной политики Глинковская партия использовала для усиления своих позиций и стала самой большой политической партией Словакии. Она представляла интересы словацкой националистической буржуазии, которая стремилась получить свою долю прибылей от эксплуатации словацкого народа, чтобы — когда придет час — потребовать монополию на эксплуатацию словаков. Шовинистическая концепция «единой нации» была на руку планам националистической словацкой буржуазии и объективно создавала условия для развития словацкого национализма. Конкуренция чешской и словацкой буржуазии приобретала в результате неправильной национальной политики характер национальной борьбы, оборонительной борьбы более слабого против сильнейшего партнера, угнетенного против угнетателя. Таким образом, в результате лживой концепции «единой нации» с самого возникновения ЧСР между чехами и словаками возникли отношения спора, соперничества, которые ослабляли республику, разлагали и в конце концов содействовали ее распаду.

Людацкая буржуазия в своих целях использовала религиозные чувства народа так же, как и национальные чувства и сопротивление национальному угнетению. Таким образом, Глинковская словацкая партия, кроме реакционной социальной программы, внедряла в массы словацкого народа не только ненависть к угнетателям — чешской буржуазии, но также и ко всему чешскому народу, ко всему чешскому, особенно к прогрессивным традициям чешского народа (гусизм), ненависть к прогрессивным тенденциям и движениям чешского народа (рабочее движение, движение за национальную культуру); она связывала борьбу за разрешение национального вопроса с реакционными клерикально-фашистскими устремлениями.

Эта борьба между шовинистической концепцией чешской буржуазии, которая стала официальной государственной доктриной, и националистической концепцией людацкой буржуазии на базе реакции и клерикализма отравила всю политическую жизнь Словакии в период до Мюнхена. Это, несомненно, ослабляло идею

государственного содружества чехов и словаков, единство и силу государства, что в конце концов вылилось в известный закон об автономии Словакии осенью 1938 г. и в провозглашение словацкого государства в марте 1939 г.

* *

*

Большим недостатком существования ЧСР в первые годы было то, что отсутствовала марксистская партия, которая выдвинула бы ленинскую программу решения национального вопроса и возглавила бы движение за равноправное положение наций и народностей в ЧСР. Это было тем существеннее, что активность народных масс под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции поднялась, и во время первых выборов в 1920 г. они выказали свое доверие социал-демократической партии, что было особенно поразительно именно в Словакии, где социал-демократическая партия на выборах победила — получила 23 депутатских мандата. ГСНП получила 12 мандатов, аграрная партия (Шробар — Годжа) — тоже только 12 мандатов. Причину этой победы социал-демократии Пероутка видел, например, в том, что словак прежде всего страдает от нищеты и стремится из нее выйти: «Словак отодвинул национальные вопросы за проблему насыщения, за проблему оплаты труда и увеличение своего личного маленького состояния... Словацкий народ поверил социал-демократии, что она ему сможет помочь, что она улучшит его жизнь»². Клерикальная реакция с ужасом констатировала, как пишет Сидор, что «Словакия сдвинулась в своем развитии значительно влево, приобретя красный и революционный оттенок»³.

Однако оппортунистическое и мелкобуржуазное руководство социал-демократии в Словакии, представленное Дерером и Марковичем, вообще не могло понять значения марксистского решения национального

² Ф. Пероутка. Стронительство государства. Прага, 1934—1936.

³ К. Сидор. Словацкая политика на почве Пражского сейма. I. Братислава, 1943, стр. 133.

вопроса и в течение всего существования ЧСР до Мюнхена относилось к столпам шовинистической концепции «единой нации». Дерер не умел отличить справедливые требования национального равноправия словаков и чехов от глинковской автономии, которую справедливо назвал «средством удержания темноты и невежества». Видя более высокую степень развития чешского народа во всех областях жизни, они искали пути к прогрессу Словакии в соединении словацкого народа с чешским. Поэтому они приняли буржуазную масариковскую концепцию «единой чехословацкой нации».

Социал-демократия обманула надежды народа, не сумев решить жгучие социальные проблемы. Она отнеслась совершенно равнодушно к национальным чаяниям словацкого народа, и не удивительно, что борьбу против национального угнетения сумела использовать для своих целей реакционная партия.

К сожалению, даже КПЧ в первые годы своего существования не уделяла должного внимания решению словацкого вопроса, находилась в плену социал-демократического оппортунизма в решении национального вопроса. Поэтому первый учредительный съезд КПЧ в 1923 г. принял точку зрения «единой чехословацкой нации» и не сумел отличить справедливые требования словацкого народа от целей глинковской реакции. В тезисах первого съезда КПЧ по национальному вопросу, например, говорилось: «Словацкая автономия... поддерживает стремления выделить словацкий народ из культурного содружества и национального единения с чешским народом...»⁴. Защищая такую точку зрения, КПЧ не могла использовать растущий отпор словацкого народа национальному угнетению и связать его с борьбой против капитализма и реакции как чешской, так и словацкой, она практически отдавала на откуп буржуазии решение национальных проблем. В чешском рабочем движении также глубоко укоренились неправильные представления о методах решения национального вопроса и буржуазная концепция «еди-

⁴ Протокол первого учредительного съезда Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 1923, стр. 14.

ной чехословацкой нации». Пагубные результаты этой антиленинской национальной политики явились предметом обсуждения на пятом конгрессе Коммунистического Интернационала летом 1924 г., который занял ленинскую позицию, отмечая в резолюции: «1. Конгресс констатирует, что ЧСР представляет не единую чехословацкую позицию, что ЧСР складывается, помимо чешской народности, еще из следующих народностей: словацкой, мадьярской, немецкой, украинской и польской. 2. Конгресс считает необходимым, чтобы КПЧ в отношении к этим национальным меньшинствам провозгласила и проводила на практике лозунг права на самоопределение, вплоть до отделения; КПЧ прежде всего должна поддержать борьбу словацкого народа за независимость и постоянно стремиться вырвать национальное движение из-под влияния националистической буржуазии и связать его с общей борьбой трудящихся против капитала»⁵.

В ноябре 1924 г., то есть после шести лет существования ЧСР, второй съезд КПЧ внес изменения в линию партии в национальном вопросе. В резолюции съезда говорится: «Второй съезд партии констатирует, что тезисы первого съезда по национальному вопросу были, по существу, оппортунистическими и не отвечали коммунистическим принципам, принятым уже на втором Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. То обстоятельство, что чешский народ всего несколько лет обладает государственной самостоятельностью, что в пролетариате сильны настроения национализма, требует в национальном вопросе очень гибкой, чуткой политики. Однако партия не вела пролетарские массы последовательно к этой правильной трактовке национального вопроса и к революционной борьбе против национального угнетения. Она довольствовалась оппортунистической теорией и полной пассивностью в практике... Партия не может принять мещанское трактование чехословацкой государственной нации, которым чешская буржуазия хочет прикрыть колониальную эксплуатацию и кровавое угнетение За-

⁵ Цит. по кн.: *И. Плева. Очерки по истории большевизации КПЧ в Словакии и в Закарпатье*. Братислава, 1962, стр. 49—50.

карпатской Руси и Словакии, а также других угнетенных национальных меньшинств»⁶.

Это решение Коммунистического Интернационала и отказ от оппортунистических тезисов первого съезда КПЧ произвели поворот в политике КПЧ в словацком вопросе и помогли коммунистической партии в Словакии связать классовую борьбу с борьбой против национального угнетения. Этот поворот, однако, не был последовательным. КПЧ во второй половине 20-х годов не избежала недооценки значения национального вопроса как вообще, так и в отдельных попытках применения его на практике классовой борьбы, подвергаясь влиянию нереальных концепций (пропаганда лозунга «За советскую Словакию», «Освободить Словакию из рук угнетающего аппарата» и др.). К. Готвальд на V съезде Коммунистической партии Чехословакии в феврале 1929 г. снова констатировал: «Можно считать, что II съезд тезис первого конгресса Интернационала (о национальном вопросе.— Г. Г.) аннулировал. Это правда, II съезд отменил этот тезис, однако только на словах. По существу, эта идеология еще владеет нами и сегодня. Она сильна и прочна... Поправки, внесенные I съездом, тоже были только бумажными, формальными»⁷. Следует подчеркнуть, что со времени создания ЧСР прошло всего лишь 11 лет. Словацкая националистическая буржуазия сумела хорошо использовать все ошибки и последствия национального угнетения, сумела с помощью демагогии взвалить на плечи «угнетающих чехов» всю «вековую словацкую нищету». Так, Глинковская партия смогла получить на выборах в 1925 г. 489 тыс. голосов и 23 депутатских мандата (аграрная партия — 12, коммунисты — 8, социал-демократы — 2 мандата) и стать самой большой политической партией Словакии. Свои позиции она удержала до конца. Таким образом, коммунистическая партия уже в первое десятилетие существования ЧСР упустила возможность стать во главе борьбы за справедливое решение словацкого вопроса, связать его

⁶ Протокол второго очередного съезда Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 1925, стр. 8.

⁷ Протокол пятого очередного съезда Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 1929, стр. 12.

с классовой борьбой против капитала и «вырвать национальное движение из-под влияния националистической буржуазии», как о том говорилось на V конгрессе Коммунистического Интернационала.

КПЧ сделала попытку избавиться от своего нигилистического отношения к национальному вопросу в период своего V съезда в 1929 г. и непосредственно после него. Однако в своей повседневной борьбе она не смогла устранить все сложности, которые на этом участке нагромодились в предыдущие годы, а также не смогла устранить и отрицательные результаты применения как в теории, так и в политической практике сектантских и догматических принципов, которые проявлялись в ее деятельности под влиянием идейно-политической атмосферы, господствовавшей тогда в Коммунистическом Интернационале.

Самым подробным образом занимался национальным вопросом VI съезд КПЧ в марте 1931 г. В докладе по национальному вопросу В. Копецкий сказал, что задачей VI съезда является «восполнение пробела в программе революционной работы партии в национальном вопросе... то есть в одном из самых слабых участков революционного движения в Чехословакии», и далее констатировал: «Наша партия и после V съезда осталась пассивной в национальном вопросе. Она не определила свою политику в национальном вопросе, не развила перед массами ЧСР свою программу ленинского решения национального вопроса. Решения V съезда остались на бумаге...»⁸. В тезисах VI съезда констатируется: «Необходимо исправить ошибки прежнего, оппортунистического руководства партии в национальном вопросе... Развернуть на этом поле большевистскую активность, чтобы партия завоевала и сумела удержать в своих руках гегемонию в руководстве национально-освободительной борьбой», причем в качестве важной задачи партии была определена «борьба за право самоопределения народов, вплоть до отделения от государства»⁹.

⁸ Протокол шестого очередного съезда Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 1931, стр. 125.

⁹ Там же, стр. 300.

VI съезд КПЧ впервые в истории нашего революционного движения выработал программу действий партии в национальном вопросе. Несмотря на декларирование некоторых сектантских тезисов, эта программа в гораздо большей степени, чем решения V съезда КПЧ, исходила из объективной ситуации в Чехословакии. Эта программа делала главный акцент на социальном смысле национального вопроса и включала его в рамки классовой борьбы пролетариата, вместе с тем формулирование многих конкретных требований содействовало дальнейшему определению и уточнению политической линии КПЧ, а также определению конкретных задач деятельности коммунистов в угнетенных национальных областях (что касается словацкого вопроса, эта программа была еще недостаточно конкретизирована). Принятие национальной программы и определение аграрной программы были решительным прогрессом в сравнении с предыдущими годами. Все это позволило КПЧ в первой половине 30-х годов, в период мирового экономического кризиса, развернуть в Словакии массовые выступления крестьянства и безработных и преодолеть свою многолетнюю изоляцию от крестьянства, от социально слабых слоев деревни.

После захвата Гитлером власти в Германии КПЧ сосредоточила свое внимание в первую очередь на борьбе за высокие политические цели, борьбе, в которой решался вопрос о свободе и самом существовании чешского и словацкого народов, о дальнейшем существовании Чехословацкого государства. В деятельности партии, разумеется, важное место занимала и борьба за осуществление отдельных требований экономического, социального и культурного характера. Это было обязательной предпосылкой удовлетворения интересов масс, а тем самым и внутреннего укрепления республики.

В течение 1933 г. в нашем коммунистическом движении, которое находилось под непосредственным влиянием идейно-политических воззрений, преобладавших в международном коммунистическом движении, укреплялось убеждение, что чешская и словацкая буржуазия как целое, при активной поддержке социали-

стических партий, стремится к утверждению фашистской диктатуры и в Чехословакии. В конце 1933 г. и в начале следующего года словацкое руководство КПЧ полагало, что фашистская диктатура уже утверждена. КПЧ искала выхода из этой ситуации и снова нашла его в пропаганде лозунгов «За советскую Чехословакию» и «За советскую Словакию». В реализации этих программных лозунгов она ошибочно видела действенное средство ликвидации фашистской опасности и решения политических, национальных и государственных проблем республики. Совершенно очевидно, что это вело к недооценке борьбы за сохранение и расширение демократических прав и политических свобод граждан и в конечном результате — к ограничению политического влияния КПЧ не только на рабочих, но и на самые широкие слои угнетенных масс. После VII конгресса Коммунистического Интернационала КПЧ разработала реалистические пути борьбы в защиту республики. При формулировании своей программы в Словакии она исходила из убеждения, что непременным условием успешной защиты республики является создание народного антифашистского фронта всех демократических сил и их организаций, без различия классовой и национальной принадлежности.

Создание такого фронта в Словакии требовало, однако, прежде всего справедливого решения национального вопроса, и прежде всего словацкого вопроса. Нерешенность этой важной проблемы по вине правящей чешской буржуазии создавала в Словакии такую политическую атмосферу, которую легко могли использовать в своих интересах не только внутренние реакционные правые силы, но и фашистский враг за пределами страны. Поэтому КПЧ неустанно подчеркивала важность решения национального вопроса в Словакии в тесном сотрудничестве с чешским народом, прежде всего с трудящимися массами.

В этот период словацкие коммунисты разработали свой план экономического, социального и культурного утверждения нации, однако компартия очень мало сделала для его пропаганды. Концепции партии не хватало смелости и настойчивости в борьбе за реальные государственные преобразования, неизбежные

в период, когда большая часть ранее централистских составных частей словацкого национального движения оказалась на платформе автономистского решения отношений между Словакией и чешскими землями. Требование строить эти отношения по принципу «равный с равным» не могло подменить необходимость конкретного решения этой проблемы, не могло в конце концов являться и полярным решением по отношению к пропагандируемомуся людаками государственно-му устройству с автономией Словакии. На декабрьском заседании ИККИ в 1938 г. К. Готвальд провозгласил, что «даже у словаков национальный момент не играл положительной роли в борьбе против Гитлера...»¹⁰. В. Широкий самокритично говорил об ошибках национальной политики партии в Словакии, объясняя, что КПЧ в Словакии летом 1938 г. высказалась за «осуществление автономии... в такой форме, чтобы политическая власть в Словакии попала в руки демократически настроенных словаков»¹¹. По существу, речь шла о дополнительном оправдании недостаточно инициативных действий словацкого руководства партии в национальной политике.

Вследствие указанных причин и еще более в результате отрицательного отношения социалистических и буржуазно-демократических партий и организаций к действительному единству с коммунистами (в этом важную роль сыграли антипатии и чувства недоверия, которые долгие годы насаждались по отношению к коммунистам и Советскому Союзу) Компартии Словакии не удалось создать широкий демократический народный фронт против фашистской опасности и внутренней реакции. Такой фронт, который решительными действиями принудил бы правящие круги и чешскую буржуазию решить словацкий вопрос, а тем самым и проблему защиты республики изнутри. Шовинистическая политика чешской буржуазии по отношению к словакам и другим национальным меньшинствам имела пагубные последствия. Националистическая буржуазия в нечешских областях собрала вокруг се-

¹⁰ Архив Института истории социализма. Прага, ф. 20, стр. 85.

¹¹ Там же.

бл значительные силы и использовала их в период угрозы существования республики в своих сепаратистских целях. Партия Гейнлейна, Глинковская словацкая народная партия, объединенные венгерские националистические партии—все они, по существу, смогли вырасти только на политике национального угнетения, смогли осуществлять свои антинародные цели и использовать политическую ситуацию вопреки чехословацким общегосударственным интересам. Под их влиянием оказалось и движение угнетенных народностей Словакии.

Чешская буржуазия в конце концов передала всю власть в Словакии реакционной людацкой буржуазии и поручила филиалам своих политических партий достичь соглашения с ГСНП. Это была полная капитуляция чешской буржуазии в области национальной политики, полный крах концепции «единой чехословацкой нации» и победа националистической людацкой буржуазии.

Таким образом, словацкий вопрос, то есть борьба словацкого народа за национальные права, вместо того чтобы стать союзником прогрессивных демократических и революционных сил в ЧСР, стал в результате всего вышесказанного орудием в руках самой реакционной части словацкой буржуазии, действенным средством агитации при создании фашистского режима в Словакии. Это трагическая страница истории словацкого вопроса в домюнхенской ЧСР. Словацкий народ одновременно с признанием национальной самобытности и даже национального государства был ввергнут его именем в фашистское рабство, лишен всех демократических прав и отторгнут от прогрессивных сил чешского народа. В этой ситуации началась у нас борьба компартии и остальных антифашистских сил против фашизма.

* * *

Какие выводы из этого исторического развития словацкой проблемы сделали отдельные политические силы и организации, которые решили бороться против нацизма, за национальную и государственную свободу чехов и словаков?

Чешская буржуазия объединялась в эмиграции вокруг Бенеша и его правительства, она ничего не забыла и ничего не поняла: Бенеш и его союзники опять подняли на щит скомпрометированную идею «единой чехословацкой нации» как основу борьбы за возрождение ЧСР. Они по-прежнему не признавали существования словацкой нации. Борьба за национальные права словаков, за национальное равноправие отождествлялась с глинковской реакцией, с сепаратизмом, даже с тисовским фашизмом. Бенеш и его единомышленники стремились к возрождению старой, домюнхенской Чехословакии. Если в некоторых областях они тактически и допускали кое-какие изменения (в рамках «экономической демократии»), то в области национальной политики они были непримиримы. Бенеш, руководствуясь этими критериями, выбирал министров, которые должны были — а большинство из них не нужно было к этому и принуждать — присягать на верность его централистской концепции.

Некоторые словацкие политические деятели на Западе не были согласны с концепцией Бенеша в области национальной политики. Исходя из опыта домюнхенской республики, они требовали в качестве основной предпосылки создания и успешных действий единого центра чехословацкого заграничного сопротивления обеспечить в будущей Чехословакии государственное самоуправление Словакии. Посланник д-р Осуский уже 8 октября 1939 г. передал Бенешу меморандум о словацком вопросе¹². Через два дня представили свой совместный меморандум Паулини-Тот, Осуский, Годжа и Клементис. В качестве представителей политических кругов Словакии за рубежом они настаивали на необходимости создания законодательной и исполнительной власти в Словакии при упорядочении государственного положения Словакии в будущей республике. В своих предложениях они исходили из принципа автономии и при этом имели в виду, что «всесторонние и окончательно государственные отношения народов будут установлены чешским и

¹² Документы из истории чехословацкой политики 1939—1943. I. Прага, 1966, стр. 35.

словацким народами с помощью избранных ими представителей или в общем сейме, или в специальных законодательных комитетах таким образом, чтобы была исключена возможность одностороннего давления»¹³.

Эти воззрения, естественно, не отвечали точке зрения Бенеша, поэтому он всячески стремился исключить этих политиков из числа тех, кто решал судьбы заграничного сопротивления. В беседах с представителями московского руководства КПЧ в декабре 1943 г. Бенеш заявил, что «он должен проявить максимум искусства, чтобы выставить Годжу из государственного совета, а Осуского из чехословацкого правительства»¹⁴.

Чем собирался Бенеш привлечь словаков на общую борьбу за освобождение ЧСР? В предыдущей главе я говорил о недемократических и диктаторских методах, с помощью которых он хотел «освободить» Словакию и снова навязать ей режим национального угнетения. В своих публичных выступлениях он не останавливался и перед прямыми угрозами в адрес Словакии. Так, например, в речи от 13 марта 1943 г., обращенной к словакам, он сказал: «Говорю вам определенно и раз и навсегда, что Словакия как государство, отделенное от Чехии, никем в целом мире не была признана, кроме государств оси, и никогда не будет признана союзниками-победителями. На международном форуме нас и вас, всех, признают только как домюнхенскую Чехословацкую республику... Предательство, совершенное в сентябре — октябре 1938 г. и в 1939 г. по отношению к вам и всей республике Йозефом Тисо и всеми теми, кто шел с ним в те годы и идет до сих пор, могло привести вас в конце войны в лагерь побежденных государств. И для нашего словацкого народа это было бы ужасной катастрофой... Каждый из нас, без сомнения, прекрасно понимает, какой могла бы быть судьба словацкого народа, если бы его вовремя не спасли от страшного будущего побежденного государства чехословацкое правительство, мы, чехословаки, здесь, за границей... Я не хочу от вас скрывать, что дело Словакии окончательно еще

¹³ Там же, стр. 36.

¹⁴ Путь к маю, I—I. Прага, 1965, стр. 47.

не выиграно, что ей грозит еще серьезная опасность...»¹⁵. Выходит, это Бенеш спас словацкий народ от страшной катастрофы!

Позиция Бенеша и позиция его правительства необычайно затрудняли мобилизацию антифашистских сил в Словакии на борьбу за идею возрождения ЧСР, потому что лили воду на мельницу фашиствующей словацкой буржуазии в ее античешской кампании. Каждая речь Бенеша, в которой он касался словацкого вопроса, была для людаков новым аргументом в защиту словацкого государства: видите, мол, опять эти чехи неискренни, они не считают нас самобытной нацией. И тисовская пропагандистская машина снова и снова вытаскивала на свет правдивые, но сильно раздутые факты из истории домюнхенской ЧСР о том, «как нас чехи обманывали, угнетали, эксплуатировали».

Когда Бенеш вел важные переговоры с реакционным польским правительством в Лондоне о федерации, считая, что он вправе это делать, он заявил по адресу Словакии (25 ноября 1941 г.): «Сейчас стало общепризнанным и оговоренным в договоре с руководством внутренними силами нашей страны, что мы не имеем права решать важные вопросы, касающиеся Словакии, без участия отечественных деятелей... но я отвергаю какие-либо условия в данном вопросе»¹⁶.

Чтобы быть точным, должен сказать, что правительство Бенеша имело по словацкому вопросу свою четкую и ясную позицию. После славной битвы на Волге и после других успехов на фронтах союзников Бенеш объявил по радиовещанию на Чехословакию, что «наступает последняя фаза этой роковой войны», и поэтому «и мы в эти решающие минуты усиленно готовимся... Мы осуществляем важную подготовку во всех внутривластных проблемах...»¹⁷. Именно в это время правительство Бенеша приняло принципиальное решение по словацкому вопросу: оно признает только «суверенный чехословацкий народ».

¹⁵ Э. Бенеш. Шесть лет изгнания и второй мировой войны. Прага, 1947, стр. 197—200.

¹⁶ Там же, стр. 300.

¹⁷ Там же, стр. 204—206.

30 июня 1943 г. правительство обсуждало отношения в Словакии, проблемы «труда, борьбы, которую ведут верные чехословацкие патриоты»; в Чехословакию было направлено послание, которое явилось ответом на меморандум группы сторонников Бенеша в Словакии от 10 февраля 1943 г. В послании правительство Бенеша провозгласило себя «полноправным представителем суверенной чехословацкой нации и Чехословацкой республики, не утратившей своих международных прав и не прекращавшей свое существование...». Правительство, как говорилось далее, «неустанно отстаивает точку зрения, что оно ничего... не может никому навязывать, не может оказывать влияния на будущую организацию нашей свободной жизни... автономия — имеется в виду политическая — в короткое время привела бы словацкий народ к той ситуации, в которой он находится в настоящее время. Ни один вопрос, который касается внутреннего устройства нашего государства, не является делом чисто словацким либо чисто чешским. И мы заверяем вас, что, подготавливая дальнейшую конституционную жизнь Чехословацкой республики, мы не сделаем ничего, что было бы незаконным в отношении свободного решения суверенного народа на родине...».

В заключение послания правительство заверяло словацкий народ в том, что оно полагается на него и, до тех пор пока не наступят нормальные государственные отношения, будет «вершить дела нации в сознании, что за все свои начинания оно ответственно перед достойным восхищения, верным, суверенным чехословацким народом»¹⁸. Эта группа эмигрантов, плохо знавшая образ мыслей народа на родине, считала необходимым добавить к этой политической глупости еще и комментарий с категорическим утверждением, что в своей точке зрения она видит не компромисс, что она будет эту точку зрения распространять всюду, в том числе и на родине, что она не позволит нарушать «единство нации» и т. д. Лучшую службу людацкой пропаганде правительство не могло оказать! И не было ничего худшего для идеи возрождения ЧСР. Это

¹⁸ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 79—81.

доказывает и комментарий «глинковских гвардейцев» от 14 июля 1943 г., который это программное заявление правительства приветствовал с тайным злорадством, «потому что теперь уже не будет среди словаков ни дома, ни за границей человека, который не имел бы ясного представления о том, что ждало бы словацкий народ и Словакию, если бы Бенешу и его клике еще раз удалось решать его судьбу. Из цитированного воззвания становится ясно, что Бенеш и его правительство не признают существования словацкого народа, не считают словаков самобытной нацией».

* *

*

Политическая слепота правительства Бенеша в словацком вопросе вытекала из того, что оно не видело и не хотело видеть, какие перемены произошли за время войны в образе мыслей словацкого народа в отношении словацкого вопроса. Если в домюнхенский период идею «единой нации» поддерживали в Словакии филиалы буржуазных руководящих партий и социал-демократия, если этот «чехословацкий» лагерь (аграрники, социал-демократы, национальные социалисты, «живностенцы», «лидовцы», представители национального объединения) означал значительную политическую силу, особенно если учесть его связи с государственным аппаратом (например, на выборах 1935 г. этот лагерь получил более 620 тысяч голосов), то с 1943 г. от этого лагеря, что касается национального вопроса, не оставалось камня на камне. Не только потому, что буржуазные партии скомпрометировали себя в глазах народа Жилинским соглашением и объединением с глинковцами — так что Сидор мог написать, что Жилинское соглашение «было выражением чистого словацкого духа и общим делом всех оттенков прежней политики в Словакии», — но более всего тем, что, когда с разрушением ЧСР в Словакии исчезла мощная опора идеи «единой партии» (политические партии, государственный аппарат, школы, печать), вот тут-то и проявилась подлинная правда: в массах народа концепция «единой чехословацкой нации» не имела никаких корней, никакой опоры. Представители

«чехословацкого» лагеря, которые вместе с представителями чешской буржуазии осенью 1938 г. голосовали в парламенте за закон о словацкой автономии, которые в ноябре 1938 г. вместе с Тисо провозглашали: «В духе завещания Глинки мы объединились и, объединенные, мы стали непобедимым единым народом», сами отбросили фикцию «единой нации» и признали факт существования двух наций. Таким образом, «чехословацкий» политический лагерь в Словакии растворился, просто исчез, осталось только несколько старых ветеранов, которые тесно связали свои личные интересы с Бенешем и его правительством. Стало ясно, что чехословацкая государственность и чехословацкая нация — это два совершенно различных понятия, которые правящая буржуазия перед Мюнхеном сознательно совмещала. Большая часть словацкого народа сохраняла позитивное отношение к чехословацкому государству из-за его демократического режима, из-за всего, что в общем с развитым чешским народом государство могло принести позитивного, из-за того, что период домюнхенской республики означал в словацком национальном развитии. Дело в том, что двадцатилетнее существование республики было в словацкой истории периодом политического национального и культурного вызревания, формирования и самосознания. Все это словацкий народ осознавал тем больше, чем дальше отодвигался период национального угнетения и чем больше словацкая людацкая буржуазия — в собственном государстве и перед глазами собственного народа — компрометировала себя фашистским режимом. Но в сознании всех этих в государственном смысле «чехословацки» ориентированных людей исчезли какие-либо сомнения в том, что словаки являются самостоятельной нацией — такой, как любая другая нация, и что с этим необходимо считаться и из этого исходить. Этот процесс проходил и у бывших аграрников, социал-демократов и членов иных небольших «чехословацких» партий. И в этом смысле в Словакии создавалось единое национальное сознание, единая точка зрения, единые воззрения.

Хотя мы строго осуждаем режим словацкого государства из-за его фашистского характера, из-за его

вассального отношения к нацизму и т. д., все же мы должны сказать, что в этот период словацкое национальное самосознание усилилось и окрепло, укрепилось сознание собственного национального существования и вытекающих из этого национальных прав. Прекратились языковые сложности и языковые бои, учили, писали, управляли государством по-словацки, были все формальные атрибуты самостоятельного государства, и трудящемуся человеку жилось относительно легче, чем в соседних государствах и землях.

Мы не должны недооценивать влияния идеи национального государства на массы людей в любом народе. Ленин в полемике с Розой Люксембург говорил, что мы воспитываем массы в духе признания права на самоопределение, в духе непризнания государственных притязаний любого народа. Он отмечал, что Р. Люксембург в погоне за «практицизмом» проглядела главную практическую задачу как великорусского пролетариата, так и пролетариата любой страны — повседневную агитацию против каких-либо государственных притязаний, за равные национальные права всех народов. Эта задача, как подчеркивал Ленин, является главной в национальном вопросе, так как только таким путем можно защитить интересы демократии и равноправного союза пролетариев всех наций.

Словацкий народ занимал все более и более отрицательную позицию по отношению к словацкому государству, он восстал против него с оружием в руках — не потому, что это государство было словацким, не потому, что он отвергал идею собственного национального государства, а потому, что он отвергал классовое содержание этого государства, его антидемократический, фашистский режим, его вассальное отношение к нацистской Германии, всю его антинародную политику. В годы войны словацкий народ прошел школу «собственного» национального государства, школу правительства «собственной» националистической буржуазии, когда уже было невозможно по праву и не по праву сваливать все недостатки и нерешенные экономические и социальные проблемы на гнет со стороны

другого народа. Словацкий народ прошел классовую и политическую школу и на собственном опыте понял смысл классовых, националистических лозунгов «Словакию — словакам» и «После 1200 лет мы свободны»; он понял, каков политический режим «национального государства», сколько свободы и сколько хлеба дает оно трудящимся массам. Словацкий народ в этой борьбе со своей буржуазией с ублюдочным режимом «собственного» национального государства получил классовое воспитание и созрел политически; он понял, как важно политическое, классовое содержание идеи о национальной и государственной свободе. Он понял и международные взаимосвязи этой борьбы во время мировой войны. Таким образом, в массах народа созревала идея общенациональной борьбы против фашизма и одновременно борьбы за новый классовый и политический смысл национальной и государственной свободы. Сознание национального существования, национальных прав было в словацком народе во время мировой войны делом само собой разумеющимся, однозначным и бесспорным. Народ осознал свое право решать свою национальную судьбу, свое государственное устройство и даже классовое содержание своего государства, за которое он должен был бороться. Все эти процессы в сознании народа обострились и достигли своей вершины в канун Словацкого национального восстания.

В этом вихре политической борьбы и развития Словакии безвозвратно исчезла идея «единой чехословацкой нации». Однако без вреда для идеи чехословацкого государства. Каждый реальный политик, как бы не научно и не марксистски он ни относился к национальному вопросу, сделал бы коррективы в своей теории, исходя из реальной ситуации на родине, исходя из действительного уровня сознания народа и учета реальных сил, на которые можно опираться. Бенеш, однако, уже ничего не мог понять в ситуации в Словакии. Он не понял роста сознания словацкого народа, его чаяний и требований, он закрыл глаза на новые факты. Он верил только известиям, которые получал от горстки своих единомышленников и агентов в Словакии, — именно они были для него большинством на-

рода. Он по-донкихотски отстаивал свою «государственную доктрину» и презирал точку зрения целой нации. Он доверял только своим закулисным махинациям, своей армии и местным руководителям, полагался на военную готовность, словом, доверял только своим диктаторским, антидемократическим усилиям, с помощью которых хотел внушить народу на родине свою идею. Бенеш был ослеплен своей точкой зрения в национальном вопросе и остался слепым до смерти. Когда в связи со словацким вопросом я называю имя Бенеша, я подразумеваю при этом весь чешский буржуазный лагерь, взгляды которого на национальный вопрос олицетворял Бенеш. Национальные социалисты, «лидовцы», аграрники и значительная часть чешской социал-демократии поддерживали Бенеша в защите мифа о «единой нации», и как раз это очень осложняло всю ситуацию в Сопротивлении. За исключением чешских коммунистов и части левых социал-демократов, весь чешский эмигрантский лагерь судорожно цеплялся за шовинистическую концепцию «единой чехословацкой нации»; поэтому всю борьбу за решение словацкого вопроса должны были осуществить словацкие антифашистские силы с помощью чешских коммунистов. Уже само это разделение фронта в национальном вопросе имело большое влияние на сознание словацкого народа в смысле укрепления симпатий к коммунистической партии и к Советскому Союзу.

* * *

Коммунистическая партия возглавила народное движение за решение словацкого вопроса, за национальное равноправие и связала эту борьбу с классово-й борьбой против капитала, она не допустила, чтобы гегемоном сделалась буржуазия. Идея национального равноправия словаков, таким образом, стала революционной силой, которая помогала партии объединять народ как в борьбе против фашизма, так и в борьбе с буржуазией за гегемонию в национально-освободительной борьбе, за решение государственных вопросов после освобождения. Компартия со II съез-

да КПЧ (1924 г.) не колебалась в основном вопросе, в вопросе признания словаков самостоятельной нацией, и в отрицании концепции «единой чехословацкой нации». В вопросе о национальных органах государственного устройства и т. д. в различные периоды существовали различные точки зрения, которые вытекали из различных исторических ситуаций. КПЧ была в чешском народе единственной политической силой, которая поддерживала концепцию равноправия словацкого народа и боролась за нее.

Во время войны отношение к словацкому вопросу за границей отчетливо проявлялось в двух полярных группах: в Лондоне — чехословацкое правительство, Бенеш и все, кто под их влиянием отстаивал идею «единой чехословацкой нации», в Москве — руководство КПЧ. Там сотрудники московского радио на словацком и чешском языках всегда ясно говорили о двух нациях: чешской и словацкой. Таким образом, во время войны в сознании словацкого народа Москва и Лондон стали символами различного понимания словацкого вопроса. Если учесть национальное самолюбие словацкого народа, национальное сознание народа, который прошел через долгое национальное угнетение, станет понятно, что его симпатии были обращены к Москве, что им с симпатией было принято и советское решение национального вопроса. Это сыграло важную роль в росте всеобщих симпатий к СССР, подкрепленных старыми славянскими традициями отношения к русскому народу, что необычайно облегчало работу Компартии Словакии среди широких народных масс, особенно в завершающий период войны. По мере героических усилий советского народа и побед Советской Армии эти отношения вырастали в подлинную братскую любовь к самому большому славянскому государству, которое «признает нас как самостоятельную словацкую нацию» и поможет нам решать свою судьбу после войны.

Следует сказать, что шовинистическая концепция Бенеша и Лондона ослабляла в словацком народе идею чехословацкой государственности. Дело в том, что в народном упрощенном понимании Чехословакия во время войны — это были Бенеш и его прави-

тельство, это была их точка зрения на словацкий вопрос. И тем быстрее росла ориентация на Москву. Свою роль тут сыграло и признание словацкого государства со стороны СССР, пребывание советского посланника в Братиславе. Никто не может предсказать будущее развитие, и вот возникали даже такие предположения, что это признание СССР поможет прогрессивным силам Словакии в их борьбе с отечественным фашизмом, облегчит пропаганду СССР и социалистических идей. Словацкое государство — да, словацкий фашизм — нет, вот как стоял вопрос. Я не знаю, почему мы должны были бы сейчас замалчивать этот этап. Были опубликованы некоторые документы руководства КПЧ того времени. На вопрос отечественного руководства КПЧ, каким образом формулировать взаимоотношения чехов и словаков и их государственную форму, К. Готвальд отвечал в марте 1940 г. (ответ приводит А. Бенчик): «...партия должна учесть новые моменты в развитии ситуации... Мы решительно подчеркиваем, что для нашей партии лозунг права на самоопределение для чехов и словаков является действительным. Право на самоопределение означает право на самостоятельное государственное существование. Для чехов мы боремся за возрождение национальной и государственной свободы. Для словаков мы боремся за суверенитет возникшего словацкого государства... Старые лозунги о Словакии мы отбрасываем прочь. Словацкое государство — вот основа для борьбы за полную свободу словаков. Будущие отношения между чешским и словацким государствами — это вопрос права на самоопределение обеих наций и зависит от развития военных событий... («и результатов» — написано рукой Г. Димитрова). Термин «Чехо-Словакия» необходимо понимать в этнографическом смысле как выражение, определяющее освободительное движение обоих народов. В Словакии — это борьба за внутреннюю демократизацию, прежде всего за легальные права для рабочего движения. Завоевание влияния на словацкий рабочий класс является для нас основой политической деятельности в новом политическом развитии. Мы подчеркиваем неизбежность самостоятельной политики

для Словакии»²⁰. Так понимало происшедшие события московское руководство КПЧ в 1940 г.

Эта идея развивается и дальше. Авторы книги «Исторический перекресток» цитируют документ московского руководства КПЧ от 17 мая 1941 г. В проекте резолюции о задачах КПЧ, в той части, которая касается Словакии, говорится:

«Политика партии в Словакии должна исходить из основы политической, национальной и государственной самостоятельности словацкого народа. Словацкий народ живет сейчас самостоятельной национальной жизнью. В своем национальном сознании словацкий народ так же глубоко ощущает угнетение германского империализма, как и народ чешский. Его борьба за свободу является борьбой за словацкую государственную свободу, а не за утверждение гогенштейнско-словацкого чехословакизма. Словацкий народ встал во фронт среднеевропейских народов рядом с чешским народом как равный среди равных. Он сам творит свою судьбу, так же как словацкий рабочий класс творит свою судьбу, исходя из классового сознания. Исходя из этой реальности, мы должны сделать политические выводы и в вопросах, касающихся самой партии. Если компартия выступала после Мюнхена формально как словацкая партия, оставаясь тогда и позднее составной частью КПЧ с центральным политическим руководством в Праге, то сейчас должен быть сделан следующий шаг. Компартия является сейчас мощной политической силой в Словакии. Повзрослела, возросла политическая зрелость народа... Поэтому естественно требование создать из Коммунистической партии Словакии самостоятельную партию. При этом необходимо в интересах неизбежной тесной взаимной помощи между чешской и словацкой компартиями обеспечить между ними тесный контакт и сотрудничество»²¹.

Эти документы КПЧ, относящиеся к периоду до нападения фашистской Германии на СССР, отвечали

²⁰ Ф. Беер и колл. авт. Исторический перекресток. Братислава, 1964, стр. 61—62.

²¹ Там же, стр. 88.

образу мыслей словаков. И словацкие коммунисты в этот период в основном так же ставили словацкий вопрос.

После того как нацистская Германия напала на Советский Союз, когда тисовский режим втянул словацкое государство в войну против СССР, когда Советский Союз и остальные союзники признали ЧСР как государство, ведущее борьбу против общего врага,— в этой изменившейся ситуации Словацкая компартия должна была делать выводы и из словацкого вопроса. После колебаний переходного периода («этот вопрос разрешится сам собой в процессе войны...») московское руководство КПЧ, так же как и ЦК КПС (после лета 1943 г.), выдвинуло лозунг борьбы за возрождение ЧСР как общего государства равноправных чешского и словацкого народов. Право на самоопределение для обоих наших народов было бесспорным как для чешских, так и словацких коммунистов.

После дискуссий с К. Шмидке В. Копецкий послал 5 августа 1942 г. Я. Шверме письмо, в котором высказался по словацкому вопросу в связи с тактическими изменениями национальной политики в новых условиях. Исходя из целей Соппротивления, из реальной политики в Словакии, В. Копецкий считал необходимым несколько видоизменить линию коммунистов. Существование чехословацкого правительства и признание необходимости возрождения Чехословакии хотя и определяли отношение к существующему словацкому правительству, однако оставляли в стороне вопрос о государственных отношениях чехов и словаков. «Мы боремся за свержение братиславского правительства,— писал В. Копецкий,— но не выдвигаем лозунга какого-либо нового словацкого правительства, при этом мы не можем сказать у себя на родине, что чехословацкое лондонское правительство является одновременно и законным правительством Словакии. Это не могло бы оказать мобилизующего действия в Словакии. Мы должны положительно относиться к заграничным чехословацким государственным органам, но при этом проводить самостоятельную словацкую политику. Мы должны учитывать внутри-

политическое развитие в нашей стране. Мобилизация на борьбу против немцев, естественно, будет более успешной на словацкой основе, чем на чехословацкой... Мы должны избегать многих вопросов и свое положительное отношение к чехословацким государственным органам за границей выражать весьма умеренно. Проще: мы должны комбинировать словацкую линию с линией чехословацкой... При этом мы не предугадываем будущее... Шмидке решительно заблуждается, пытаясь сейчас создать концепцию какого-либо нового словацкого правительства, да к тому же еще неприязненно настроенного по отношению к правительству Бенеша. В Югославии, например, товарищи далеко обогнали нас в развитии национальной борьбы, в мобилизации народных масс, однако они не ставят политической проблемы правительства»²².

Право словацкого народа на самоопределение было сформулировано руководством КПС (совместно с остальными партнерами в Словацком национальном совете) при определении главной цели национально-освободительной борьбы в Рождественском соглашении 1943 г. следующим образом: «Мы хотим, чтобы чешский и словацкий народы, как самые родственные славянские народы, решали свою дальнейшую судьбу в рамках ЧСР — общего государства чехов и словаков, на принципе «равный с равным». Одновременно в этом соглашении определялся и национальный орган Словакии — Словацкий национальный совет «как единственный выразитель воли словацкого народа на родине», задачей и целью которого является: «В первый же благоприятный момент захватить всю политическую, законодательную, военную и административную исполнительную власть в Словакии и применять ее по воле народа до той поры, пока свободно избранные представители народа не возьмут всю полноту власти в свои руки». Так компартия и Словацкий национальный совет поставили перед антифашистским сопротивлением национальную и государственную цель, во имя которой словаки подня-

²² Цит. по кн.: Ф. Беер и колл. авт. Исторический перекресток, стр. 120—121.

лись на Словацкое национальное восстание. Словацкие коммунисты по образцу СССР считали естественным, что в будущей Чехословакии отношения чехов и словаков будут строиться на принципе федерации. Поэтому во всех документах звучит требование создания национального правомочного органа.

Как видно, развитие взглядов на решение словацкого вопроса не было простым как внутри страны, так и за границей. Ведь и ситуация была сложной. Просто было лишь Бенешу и чешской буржуазии: они всегда отрицательно относились к словацким национальным требованиям. По существу, во время войны за границей имелись две точки зрения: коммунисты признавали право словацкого народа на самоопределение, Бенеш и чешская буржуазия его отрицали. Вред позиции правительства Бенеша для сопротивления был очевиден для многих; поэтому особенно чешские коммунисты требовали от правительства Бенеша изменения позиции. В этом направлении были написаны известные статьи Я. Швермы и В. Копецкого в газете «Ческословенске листы». Замечательный способ решения национального вопроса у нас предложил Шверма. Он писал: «Свои внутренние политические проблемы мы будем и должны решать в духе славянства, на основе принципов славянской солидарности. Славянская солидарность требует прежде всего взаимного признания и уважения национальной самобытности и национальной индивидуальности всех славянских народов. Так поступало и поступает самое большое славянское государство — Советский Союз... Так поступает новая, борющаяся Югославия...»²³. Те идеи, которые вскоре, во время восстания, он высказал в Банска-Бистрице, появляются уже и в упомянутой статье: «...Речь идет не о каком-либо административном управлении регионального характера; речь идет не о равноправии граждан, речь идет о равноправии наций. Речь идет о том, чтобы не отдельные граждане, но нации, как живой организм, имели право и свободу жить собственной жизнью, чтобы они в рамках общего госу-

²³ «Ческословенске листы», 1944, № 11.

дарства свободно решали свои политические, экономические и культурные проблемы, чтобы они были хозяевами в собственном доме, приспособливая и подчиняя свои действия высшим интересам общего государства»²⁴.

В. Копецкий в своей статье требует, чтобы «чехословацкое правительство, Чехословацкий государственный совет в Лондоне немедленно выступили и со всей ясностью и решительностью заявили, что они считают словаков, так же как и чехов, народом национально самобытным, что они в дальнейшем будут решать все дела по-братски, по принципу «равный с равным», и на этих принципах братства и равенства обоих народов — чешского и словацкого — будет создана свободная новая Чехословакия»²⁵. Такая декларация со стороны лондонского правительства была бы жестом, но и она усилила бы сопротивление в стране. Но в то время абстрактная декларация признания национальной самобытности Словакии была бы недостаточной. Нужно было решать вопрос о конкретном месте Словакии в республике, о ее национальных органах. Шверма подсказал способ, Копецкий об этом писал: «Мы снова подчеркиваем, что речь идет теперь о признании и провозглашении этих принципов в отношениях чехов и словаков... Будущее решит, как эти принципы будут осуществляться в освобожденной Чехословакии. Делом будущих решений станет тот способ, каким — более централистским или более автономным — будет принцип равноправия чешского и словацкого народов в ЧСР, проведенный в жизнь, в практику...»²⁶. Копецкий откладывал решение на будущее, но для Словакии это не было безразличным. У Копецкого в отношении к словацкому вопросу проскальзывала в те годы, так же как и в последующие, заметная нотка шовинизма. Например, в упомянутой статье он писал: «Кое-кто мог бы сказать, что признание словацкого народа означало бы вознаграждение за борьбу тем словакам, которые проявили себя как неблагонадежные в отношении к

²⁴ Там же.

²⁵ «Чехословенске листы», 1943, № 3.

²⁶ Там же.

республике, в отношении к чехам. Отнюдь нет!.. Признанием принципа «равный с равным» в отношении к словакам мы хотим вознаградить то бесспорное большинство словацкого народа, которое осталось верным Чехословацкой республике. Мы хотим вознаградить то большинство словацкого народа, демократические представители которого за границей представляют словаков в общей чехословацкой освободительной борьбе»²⁷. Как может марксист при проведении в жизнь принципа ленинского права на самоопределение народов в конкретном случае исходить из того, кого в этом народе он хочет или не хочет «вознаградить»? Как можно право на самоопределение признавать или не признавать в качестве вознаграждения за добрые деяния, подобно медали или пятерке за поведение? Как можно, имея в виду ленинский подход к национальной политике, «признавать» или «не признавать» право на самоопределение народа, который существует? Как можно не руководствоваться объективными критериями и волей народных масс этой нации? Я вспомнил об этих ошибках в статьях Копецкого, а их там много, для того, чтобы стало понятным дальнейшее отношение Копецкого к словакам.

Во время посещения Бенешем Москвы в декабре 1943 г. лондонская и московская эмиграции обменялись мнениями по словацкому вопросу. Готвальд писал об этом в письме лондонским коммунистам от 21 декабря 1943 г.: «В качестве еще одного средства политической борьбы мы далее предложили правительству опубликовать официальное обращение к словакам, в котором словаки признавались бы национально самобытной нацией; в нем также должно быть выражено обязательство, что будущее положение словаков в освобожденной республике будет решаться волей словацкого народа и по принципу «равного с равным». Пусть обращение будет призывом к словацкому народу решительно и всеми средствами вести борьбу против участия Словакии в войне на стороне Германии, против немцев и против предательского

²⁷ Там же.

братиславского правительства, за его свержение, так как это — единственный путь к свободе словаков. Мы подчеркнули, что принципиальное признание национальной самобытности словацкого народа никак не предопределяет конкретное решение положения Словакии в рамках Чехословацкой республики, что должно быть решено уже на родине. Президент выразил абсолютное несогласие с этим нашим заявлением. Он настаивал на своей точке зрения о «единой чехословацкой нации». При этом он признавал за нами право на отстаивание нашего собственного взгляда и считал, что это не должно стать препятствием для совместных шагов в других вопросах национального сопротивления и создания освобожденной республики»²⁸.

Д-р Бенеш тогда ясно выразился, что на словацкий вопрос он смотрит принципиально иначе, чем коммунисты. Он соглашался, что в будущей республике должна быть проведена административная децентрализация, но «что это не должно решаться национальным путем». «Вы никогда не убедите меня, чтобы я признал словацкую нацию. Это мое научное убеждение, которого не изменю. Защищайте как коммунисты свою точку зрения, ничего не имею против этого, но я твердо стою на том, что словаки — это чехи, а словацкий язык — один из диалектов чешского языка, как, например, ганацкий диалект или какой-либо другой. Я никому не возражаю называть себя словаком, но не допущу, чтобы утверждалось, будто существует словацкая нация. В конце концов этот вопрос должен решиться уже после возвращения. Тем не менее заявляю вам, что если бы вы объявили свою точку зрения английскому правительству, вы не нашли бы поддержки»²⁹.

Во время переговоров в Москве словацкий вопрос более обстоятельно не обсуждался: в шести беседах, которые в декабре 1943 г. состоялись между представителями московского руководства КПЧ и д-ром Бенешем, он стоял в программе обсуждения только

²⁸ К. Готвальд. Соч., т. XI. Братислава, 1955, стр. 317—318.

²⁹ «Дорога к маю», I—I, стр. 53—54.

один раз, да и то между прочим. Не была использована, в том числе и со стороны коммунистов, возможность обсудить многие аспекты словацкой проблемы в связи с другими вопросами.

Предметом обсуждения в Москве был, например, и вопрос о национальных комитетах. Кроме МНК и РНК, предполагалось создать и четыре краевых национальных комитета (для Чехии, Моравии, Словакии и Закарпатской Украины). К. Готвальд в уже цитированном письме пишет об этом: «Краевые национальные комитеты, порожденные национальным сопротивлением и избранные представителями РНК, примут на себя функции прежних краевых представительств и краевых политических управлений, кроме прочих функций переходного периода, которые определит временное правительство, то есть временное Национальное собрание... С нашими предложениями создания национальных комитетов президент в целом согласился. Идею создания краевых национальных комитетов... президент высказал сам, еще до того, как мы это предложили... Мы лишь подчеркнули, что национальные комитеты свои функции должны выполнять под руководством и под контролем правительства...»³⁰.

На этом обсуждении московское руководство КПЧ не поставило вопроса о словацких национальных органах и удовлетворилось административными, территориальными органами. Решение словацкого вопроса должно было произойти лишь после войны, на родине, но о краевых национальных комитетах (и для Словакии) разговоры продолжали вестись, что, как пишет Б. Лаштовичка в книге «В Лондоне во время войны», оказало влияние на правительственное заявление от 16 апреля 1944 г., в тот же день переданное по радио. В этом правительственном заявлении было сказано: «Создавайте повсюду национальные комитеты, местные и... районные. Для Чешского края, Моравско-Силезского, Словакии и Подкарпатской Руси создавайте краевые национальные комитеты». Эта точка зрения пропагандировалась практически и в москов-

³⁰ К. Готвальд. Соч., т. XI. Братислава, 1955, стр. 320—322.

ских «Ческословенских листах» и по радио вплоть до Словацкого национального восстания. Ленинский подход к решению национального вопроса, а также политическая ситуация в Словакии требовали от руководства КПС постановки вопроса о национальном органе власти. Поэтому необходимо было оба вопроса: принципиальное утверждение словацкой национальной самобытности и равноправное положение словаков в ЧСР, равно как и вопрос о словацких национальных органах власти в духе Рождественского соглашения — в Словацком национальном восстании, — отстаивать перед правительством Бенеша.

Процитирую здесь и заявления чешских коммунистов, которые боролись на родине против нацистской оккупации. Нелегальный коммунистический журнал «Пршедвой» в апреле 1944 г. поместил статью «К словацкому вопросу», где этот вопрос рассматривался с марксистских позиций, статья кончалась словами: «Чешские трудящиеся жизненно заинтересованы в братском сотрудничестве со словацкими трудящимися; именно поэтому они будут более последовательно, чем сам словацкий народ, отстаивать его право на полное самоопределение, полную свободу вплоть до отделения, поскольку лишь в свободном федеративном государстве, созданном содружеством свободных народов, нам удастся действительно решить отношения чехов и словаков»³¹. И другие документы чешской нелегальной коммунистической печати свидетельствуют о том, что форму решения будущих взаимоотношений чехов и словаков они видели в применении советского примера в наших условиях. Это был честный голос чешских коммунистов, указывающий путь решения словацкого вопроса.

* * *

Бенеш, который в упоминаемых московских переговорах категорически отказался принять предложение КПЧ признать словаков самостоятельной нацией,

³¹ «Дорога к маю», I—I, стр. 121.

в своей речи 3 февраля 1944 г. коварно говорил: «Далее заявляю со всей решительностью, будучи глубоко убежденным в этом, что между чехами и словаками не возникнет никаких принципиальных споров относительно будущих взаимоотношений в республике». И затем: «Не будет споров о децентрализации государства. Я лично полагаю, что краевая децентрализация для Чехии, Моравии, Словакии и Прикарпатской Руси в той мере, в какой она будет необходима в Словакии, вещь само собой разумеющаяся... Равно как не будет, по моему убеждению, споров о том, являются ли чехи и словаки одним народом или это два народа... я разделяю точку зрения относительно полной самостоятельности и взаимного уважения того или иного взгляда... Лично я придерживаюсь в этом вопросе того, что проповедовали в своих взглядах Добровский и Коллар...»³².

Выше я уже отмечал, что вскоре после 20 июля 1944 г. Словацкий национальный совет получил письмо политического референта из канцелярии президента П. Дртины от 16 июля 1944 г., в котором он излагал позицию Бенеша по национальному вопросу. В конце того же месяца СНС послал в Лондон ответ, составленный Л. Новомеским и отредактированный и одобренный от имени СНС Л. Новомеским, Й. Леттрихом и мной. Ответ содержал принципиальную точку зрения СНС.

В послании говорилось:

«Что касается точки зрения Словацкого национального совета на взаимоотношения чехов и словаков, мы ссылаемся на прилагаемый документ, составленный после предыдущего указания, полученного от вас, но который мы имеем возможность послать только теперь.

Считаем необходимым уже сейчас в подпольной пропаганде постоянно подчеркивать и в первый же час открытого политического выступления обязательно распространять нашу точку зрения, согласно которой новая республика будет общим государством чехов и

³² Э. Бенеш. Шесть лет изгнания и второй мировой войны, стр. 399—400.

словаков, обеспечивающим обоим народам как равным партнерам возможность самостоятельно решать свои дела. Лишь детали этого принципа могут быть разработаны позднее. Сам же принцип должен быть ясен всем народам республики уже сейчас, во время борьбы за ее возрождение, он должен быть основным звеном первого программного заявления всякого ответственного словацкого политического руководства. Это возможность, которая не может быть заменена никакой другой. Это единственная возможность, которая явится надежным фундаментом сильной республики.

Вот в общих чертах причины, заставляющие объединенное словацкое руководство настаивать на этом принципе:

1. Только на этой основе удастся устранить антагонизм между чехами и словаками, который в новой республике не должен оставаться проблемой, и он не будет иметь места, если республика как чешскому, так и словацкому, равно как и прочим народам, входящим в нее, предоставит возможность в самой широкой форме самостоятельно решать свои дела посредством собственных демократических учреждений.

2. Только при таких условиях демократические и прогрессивные словацкие элементы смогут в свободной атмосфере новой республики, в постоянном контакте с чешской общественной жизнью вести успешную борьбу за демократизацию словацкой общественной жизни и национального сознания, то есть за их радикальное очищение от всего реакционного, от провинциального шовинизма, от пережитков феодализма, а также мадьяронства, которые в атмосфере гитлеризма сформировали словацкий фашизм. Победа в этой борьбе — историческая задача современных словацких поколений, и во имя этой задачи мы взываем к демократическому сознанию чехов не препятствовать этой миссии утверждением идеи «национального единства», так как последнее приведет к тому, что регрессивные и антидемократические тенденции опять получают возможность существовать и выступать под ширмой защиты словацких национальных интересов и словацкого национализма.

Демократически настроенные чехи поймут эту нашу позицию и признают также, что в такой борьбе за демократизацию словацкого национального самосознания могут победить лишь сами словаки и никто иной.

3. Лишь на этой основе удалось объединить основные антифашистские и демократические политические направления в Словакии для общей работы за возрождение республики. Откладывание кардинального решения этого вопроса даже на самый небольшой срок может вызвать в Словакии кризис недоверия к республике, и этот кризис может возникнуть уже в первые дни ее существования. Было бы неосмотрительно рассчитывать на то, что в Словакии найдутся отдельные лица и могут быть искусственно созданы группы, пожелавшие отступить от намеченных принципов, потому что такие группы исходили бы не из конкретных политических словацких условий.

4. Лишь на этой основе нам удастся завоевать на сторону новой республики — или же хотя бы нейтрализовать — сознание той части словацкого народа, которая ошибочно полагает, что позорное 6 октября 1938 г. — день добровольной передачи всей полноты власти в Словакии клике реакционеров и фашистов — означает уравнивание чехов и словаков и утверждение самостоятельности словацкой нации. Любому ответственному словацкому правительству важно доверие этой части словацкого народа.

После зрелого размышления мы делаем акцент на принципе национального устройства будущей республики и на обстоятельства, понуждающие к их реализации, и это не просто точка зрения групп, составляющих словацкое политическое руководство, — это прежде всего неременное условие завоевания словацкого общественного мнения на сторону республики.

Мы не должны забывать о том, что под влиянием лондонского радио, под влиянием нежелания ревизовать идею чехословацкого национального единства и прежний способ взаимоотношений между чехами и словаками в Словакии возникло стремление к тому, чтобы она как самостоятельная единица в решитель-

ные минуты добивалась присоединения к СССР, в то время как руководящие чешские слои не могли представить себе иной структуры будущей республики, чем та, которая была в 1938 г. И неважно, что в данной ситуации подобное решение не имело бы надежды на успех на международном форуме. Республика не возродилась бы под счастливым знаменем, если бы Словакия вступила в нее с чувством разочарования и приняла ее только как неизбежный результат международной ситуации. Для нас просто невыносима мысль о том, что в будущем в каких-либо слоях словацкого народа могут тайно с признанием вспоминать о времени словацкой «самостоятельности» и «государственности». Но это легко стало бы возможным, если бы новая республика хотела без принципиальных изменений и без нового понимания взаимоотношений между народами республики просто как бы продолжить положение, нарушенное в 1938 г.

В конце концов мы отдаем себе также отчет и в том, что, согласно настоящему международному военно-политическому положению, республика будет возрождаться в направлении с востока на запад. С общегосударственной точки зрения и с точки зрения международного положения будущей республики будет весьма важно, какой отклик найдет в отечественном общественном мнении обновление республики уже в первом освобожденном районе. Было бы трагично, если бы словаки равнодушно принимали новое решение дела. И это могло бы случиться, если бы уже в первые минуты не было провозглашено со всей ответственностью, что новое государство является гарантией бóльшей безопасности и бóльших свобод словацкого народа. Выражением этого является и то обстоятельство, что общественную жизнь в Словакии будут организовывать по мере возможности избранные представители словацкого народа с помощью отечественных демократических институтов.

Словацкий национальный совет»³³.

Сейчас уже невозможно точно установить, когда Бенеш получил это заявление Словацкого националь-

³³ Цит. по кн.: Г. Гусак. Борьба за завтрашний день. Братислава, 1948, стр. 156 и сл.

ного совета. Однако остается фактом, что он не прореагировал ни одним словом, никак не откликнулся, потому что он не был согласен с позицией Словацкого национального совета; расхождение в точках зрения на словацкий вопрос было следующим доводом в его враждебном отношении к словацким коммунистам, к Словацкому национальному совету и тем самым к подготавливаемому общенациональному боевому выступлению. В связи с этим правительство Бенеша активизировало свое вмешательство в дела Словакии как раз в последние недели перед восстанием и после его начала.

Таким образом, Коммунистическая партия Словакии, а под ее влиянием и Словацкий национальный совет должны были бороться за справедливое решение национального вопроса одновременно на двух фронтах: против фашистского режима словацкого государства и против шовинистической позиции правительства Бенеша. Ленинский тезис о праве наций на самоопределение было необходимо защищать как против националистической, античешской, сепаратистской точки зрения словацкой профашистской буржуазии, так и против шовинистической антисловацкой концепции чешской буржуазии, представленной Бенешем и его лондонским правительством. Только благодаря тому, что коммунистическая партия ясно и по-ленински ставила вопрос о праве словацкого народа самому решать свою судьбу, только потому, что она определила как государственную цель этого стремления — возрождение ЧСР, так и национальную цель — равноправное положение словаков в ЧСР, обеспеченное его собственными национальными органами, — только этим Коммунистическая партия Словакии могла мобилизовать широкие массы словацкого народа на вооруженную национально-освободительную борьбу. И в этой борьбе завоевывалось одновременно ленинское решение словацкого вопроса.

10. ПЛАН СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

Словацкий национальный совет на своих «пленарных» заседаниях в конце июня и в июле 1944 г. конкретизировал план вооруженного выступления народа и армии, план восстания.

Объединение всех антифашистских сил в населенных пунктах, районах и в общесловацком масштабе, среди народа и в армии (а также и в жандармерии), обсуждение общих государственных и национальных задач и конкретной борьбы против фашизма имели своим результатом огромный рост активности антифашистов по всей Словакии. Начиная с весенних месяцев 1944 г. эта антифашистская волна народного движения набирала силу с недели на неделю. Когда антифашистские силы объединились, когда преодолели взаимные претензии и начали определять общую цель, они осознали свою силу, осознали, что составляют большинство нации, что имеют союзников в армии, в органах безопасности, в хозяйственном и государственном аппарате, словом, всюду. Это сознание силы увлекало ежедневно новых и новых людей, которые до того времени были пассивны или колебались. Успехи союзников на фронтах, поражения немцев, приближение Восточного фронта к словацким границам вызывали в антифашистском движении чувство уверенности в своих силах и в окончательной победе антифашистского лагеря. Людаки, удрученные складывающейся ситуацией на фронтах, а также дискредитацией фашистского режима в глазах народа внутри страны, потеряли свою былую воинственность, стали пассивными и все более разлагались. Людацкая верхушка растерялась перед таким состоянием своего движения. Те, кто в весенние и летние месяцы 1944 г. оста-

вался еще верным людакам, в связи с массовым напором антифашистского движения оказались в изоляции.

Коммунистическая партия Словакии в этот период очень выросла и окрепла. Не столько числом своих членов (в нелегальных условиях невозможно было создать массовую партию), сколько своим политическим влиянием, организацией общих органов, национальных комитетов, партизанского движения, связей в армии и т. д. Партии прежде всего удалось активизировать вокруг своих организаций социал-демократов; социал-демократы не имели собственных организаций и развивали антифашистскую деятельность в сотрудничестве и под руководством организаций КПС; они выступали вместе с коммунистами в национальных комитетах, при организации партизанского движения и т. п. Таким образом, уже в условиях нелегальности создалось фактическое единство рабочего класса в Словакии под политическим руководством КПС. Этот фактор сыграл большую роль в подготовке восстания, так как буржуазия — внутренняя и лондонская — не могла использовать в своих целях различные течения и взгляды, существовавшие в рабочем движении, не могла использовать правооппортунистические тенденции в социал-демократии. О том, что самостоятельные организации социал-демократов не будут создаваться, руководство КПС договорилось с представителями левого крыла социал-демократии. Эта договоренность была перенесена затем и на низовые организации. Совместные действия социал-демократов с организациями КПС оказались весьма плодотворными — они способствовали усилению позиции рабочего класса на предприятиях, в национальных комитетах, при организации партизанских отрядов, во всем антифашистском движении. Практически все группы социал-демократов, за небольшим исключением, попали под влияние левого крыла, которое принимало идеологию и концепцию Сопротивления, концепцию КПС, так что и сверху — в СНС и внизу — в населенных пунктах и районах они выступали вместе с коммунистами. Это единство рабочего класса, единство социалистических сил оказывало сильное

влияние и на остальные антифашистские слои и усиливало позицию КПС во всем антифашистском лагере.

Политическую атмосферу в Словакии оживили военные успехи союзников в июне и следующих месяцах 1944 г. Успешное вторжение во Францию 6 июня 1944 г., открытие второго фронта в Европе и большие успехи советского летнего наступления, начатого 23 июня 1944 г., в результате чего Восточный фронт оказался в нескольких десятках километров от словацких границ,— все это подняло энтузиазм и боевое настроение в антифашистском лагере в Словакии. В политическом отношении возникла благоприятная ситуация для большой общенациональной акции, для вооруженного восстания.

На руководство КПС в то время возлагались чрезвычайные задачи. Направлять массовое движение, полное внутренних противоречий, готовить большое вооруженное выступление и при этом конспиративно защищать партию от возможных вмешательств нацистов и тисовского аппарата, преодолевать анархистские тенденции, удерживать неисчислимые связи в политических, хозяйственных, военных кругах, в органах словацкой охраны, парализовать вмешательство лондонского правительства и т. д.— все это требовало много энергии и политической предусмотрительности. Расширялось число инструкторов ЦК КПС, которые поддерживали связь с партийными организациями, более интенсивно использовались в работе левые социал-демократы (Й. Шолтес, И. Чех, Д. Эртл и другие), а в районах и областях расширялся круг руководящих работников. Надо было подумать и о заключенных товарищах, рассеянных по многим тюрьмам Словакии. В беседе с К. Шмидке и В. Широки, которую я устроил в мае 1944 г. с помощью прокурора И. Виктори, была достигнута договоренность о том, что партия подготовит единую акцию по освобождению всех заключенных коммунистов сразу — или в начале восстания, или непосредственно накануне его, чтобы из-за этого не пострадала огромная работа партии по подготовке восстания. Акция освобождения политических заключенных в Братиславе, Нитре, Лео-

польдове, Илаве и т. д. потребовала немало времени и энергии.

Партизанские отряды, создававшиеся партийными организациями, уже в конце июня составляли приличную армию, хотя в большинстве они еще и не были в действии. Нетрудно представить себе, сколько забот было с оружием, снаряжением, с финансовым и материальным обеспечением, с подбором людей на руководящие посты в этом движении, с политическим руководством этими отрядами, с сохранением дисциплины в них. Эта партизанская армия, подготовленная партией, должна была выступить одновременно с антифашистами в армии, с воинскими частями как надежная составная часть вооруженного выступления народа и армии. Свои намерения в отношении партизанских частей, свой план вооруженного выступления народа руководство КПС не обсуждало с буржуазными партнерами в СНС, чтобы не пугать их силой вооруженного народа, силой коммунистической вооруженной армии. Поэтому в руководстве СНС партия придерживалась только общей линии поддержки партизанского движения всеми антифашистами, национальными комитетами и армией. Эту линию поддержки партизанского движения принял весь СНС, а также военное руководство, хотя и со многими оговорками.

Национальные комитеты, в то время уже очень многочисленные, готовились в своих районах взять власть, осуществить восстание, политический переворот. Задач в связи с этим было немало. Создание общих национальных комитетов из всех антифашистов, но без политического ключа, без «паритета» на практике означало, что коммунисты и сотрудничавшие с ними социал-демократы составляли в большинстве случаев ядро и большинство национальных комитетов. Таким образом, коммунистическая партия взяла под свое влияние и это важное звено национально-освободительной борьбы — звено народной власти.

Самые большие трудности были с армией, с военным руководством. Во многих личных беседах представителей СНС и КПС с Голианом (Шмидке и я, иногда также и Леттрих), в беседах с его посредниками (майор Марко, подполковник Ферьенчик и дру-

гие) выяснялись и конкретизировались общие планы и задачи армии, отдельных частей, взаимоотношения СНС и военного руководства. Недовольство руководства КПС и отчасти остальных партнеров в СНС имело несколько причин. С одной стороны, медлительность общей подготовки в армии в связи с назреванием ситуации, с другой — слабость военного руководства, которое после отъезда полковника Имра в Италию и при нелучшем отношении Тальского к Голиану ограничилось группой Голиан, Ферьенчик, Марко, Полак и Циприх, сосредоточенной в командовании наземных войск в Банска-Бистрице. Влияние этой бистрицкой группы на военные части, расположенные на западе и востоке Словакии, было гораздо слабее. Сказывалось также постоянное вмешательство лондонского МНО. Краткий после разоблачения его раскольнических попыток отошел на задний план, удерживал связи с группой Шробара и лондонскими информационными каналами, но более интенсивно работал за кулисами в армии: контролировал всю радиосвязь с Лондоном и таким образом продолжал оказывать влияние на Голиана и его руководство. Голиан признавал политическое руководство СНС, подчинялся ему, но, с другой стороны, «в военных делах» поддерживал постоянные связи с Ингром и его военной группой в Лондоне, посылал им сообщения и принимал советы, рекомендации или приказы; объем этих связей он скрывал в первую очередь от коммунистов. Это двойное влияние на военное руководство — влияние СНС и Лондона — сказывалось и на общей концепции восстания и на частных вопросах, порождая неуверенность военного руководства, его политическую шаткость, усугубляемую к тому же особенностями характера самого Голиана.

Важнейшим недостатком всей подготовки восстания было полное отсутствие связи с Советским Союзом. К. Бацилек, который был назначен радистом для поддержания связи с Москвой, в целях безопасности закопал радиостанцию под Варшавой, на месте прыжка. Мы искали запасную радиостанцию; удалось достать одну из тех, которые конфисковал ЦШБ. Бацилек не добился связи: вероятно, она имела плохие

волны. Потом мы раздобыли новую радиостанцию из тех, которые Лондон послал в Словакию. Бацилек в Сучанах пытался установить связь с Москвой, но неудачно. Через несколько дней гестапо обнаружило радиостанцию, Бацилек должен был быстро сменить место (уехал в Мошовец), и полиция захватила обе радиостанции при случайном контроле во Врутках вместе с тов. Фигуром, который перемещал их.

Таким образом, руководство КПС в течение всего времени, с лета 1943 г. и вплоть до восстания, оставалось без какой-либо прямой связи с Москвой, с руководством КПЧ и советским руководством. Поэтому руководство партии с весны 1944 г. настаивало на посылке военно-политической делегации СНС в СССР самолетом.

На заседании СНС 29 июня 1944 г. в Братиславе, в котором участвовали все восемь членов (впервые участвовал также К. Шмидке) и представитель военного руководства, обсуждалась политическая и военная ситуация и ход подготовки к восстанию. Было единогласно решено, что самым неотложным вопросом является информирование советских политических и военных органов о ситуации в Словакии, о подготовленном восстании. Решено было запросить совет и мнение советских компетентных кругов о том, чтобы включить подготовленные в Словакии акции в общие планы Советской Армии. Договорились, что делегация СНС будет иметь в качестве политического деятеля К. Шмидке и одного члена военного руководства, чтобы она могла всесторонне и компетентно информировать советские круги о подготовленном восстании.

Голиану поручено было позаботиться о самолете и безопасном вылете делегации как можно скорее, еще в первой половине июля 1944 г. Военных критиковали за то, что они не обеспечили это мероприятие, о котором с ними договорились еще в марте 1944 г., постоянно откладывали его и тем самым поставили под угрозу всю подготовку восстания.

Руководство партии включило в состав делегации СНС Шмидке главным образом потому, что он много

лет жил и работал в СССР, имел личные связи с руководством КПЧ, с работниками Коминтерна, с советскими товарищами. Для руководства партии важно было получить ясные инструкции, ясную точку зрения в отношении дальнейших действий, в отношении срока начала открытой вооруженной борьбы. Особое значение имело то, чтобы действия в Словакии были включены в планы Советской Армии, для которой тем самым открывалась более благоприятная возможность проникнуть в средневропейское пространство. Мы считались с тем, что в случае договоренности о включении действий в Словакии в планы Советской Армии в Словакию придут советские офицеры, которые скоординируют нашу подготовку с планами Советской Армии. Поэтому мы анализировали всю возможную политическую и военную информацию и документы, чтобы советские органы могли легче ориентироваться, и подготовили общее письменное сообщение для московского руководства КПЧ о ситуации и наших приготовлениях. Речь шла об обширном сообщении V нелегального ЦК КПЧ от 7 июля 1944 г. Поездка Шмидке в Москву и договор о будущих шагах имели ключевое значение.

Вылет, подготовленный на 9 июля 1944 г., не осуществился. Советская Армия дошла до Вислы, проникла в Карпаты, и Словакия стала непосредственным тылом нацистов. В рядах немцев и словацких фашистов нарастала нервозность. Волна антифашизма в июле 1944 г. поднялась высоко. На повестку дня ставились возможность вторжения немцев в Словакию, необходимость начать собственную вооруженную борьбу. Такая ситуация вызвала новое совещание СНС и военного руководства. Оно состоялось 20 июля 1944 г. в Жарновицкой долине в Велькой Фатре близ Чремошне.

В совещании, последнем перед восстанием, которое длилось целый день, участвовали все члены СНС (Шмидке, Гусак, Новомеский, Хорват, Леттрих, Урсини, Яско, Затько) и четверо представителей военного руководства (Голиан, подполковник Ферьенчик, майор Марко, капитан Полак). Основой дискуссии и решений СНС был политический реферат о ситуации и

состоянии подготовки СНС (Гусак) и доклад о положении в армии и состоянии военной подготовки (Голиан). На этом совещании был окончательно конкретизирован политический и военный план СНС. В политическом отношении вновь подчеркивалось, что в соответствии с Рождественским соглашением во главе вооруженного выступления словацкого народа стоит и будет стоять Словацкий национальный совет как общенациональный центр антифашистского движения в Словакии. СНС возьмет на себя всю власть в Словакии, провозгласит восстановление ЧСР и будет осуществлять управление освобожденной территорией, руководить всей национально-освободительной борьбой против нацизма и внутреннего фашизма. СНС как национальный представитель борющейся нации установит контакты с чехословацким правительством в Лондоне, чтобы скоординировать борьбу внутри страны с действиями правительства в эмиграции. В населенных пунктах и районах власть и руководство борьбой возьмут на себя местные и районные национальные комитеты. Вооруженную борьбу с врагом будут вести части повстанческой армии и партизанские отряды; вооруженные силы подчиняются руководству СНС, который для организации армии создал военный центр. Представители военного руководства выдвинули вопрос о подчинении партизанских отрядов единому командованию армии. Представители КПС отвергли эти требования на том основании, что военное командование должно помогать партизанам, устанавливая с ними связь и координировать с ними действия. СНС дополнялся двумя новыми членами (И. Шолтес и Й. Стык).

Острая дискуссия развернулась вокруг военных вопросов. Оказалось, что военное руководство готовит всю акцию с расчетом только на верхушку, обычно договаривается с командованием гарнизона или воинской части или же с некоторыми другими высшими офицерами и передает в их руки всю подготовительную работу. Как выяснилось, очень слабо была развита сеть антифашистских организаций в армии в Восточной Словакии и в гарнизонах на западе; Голиан здесь надеялся на узкий круг офицеров. Пред-

ставители КПС требовали, чтобы нелегальная работа в армии глубже охватывала и низовые подразделения, чтобы можно было заранее выявить не оправдавших надежд руководящих лиц, чтобы всюду существовал надежный костяк офицеров. Критика касалась голиановской концепции оборонительного треугольника в Погронье. КПС требовала, чтобы военные приготовления велись по всей Словакии, чтобы предпринимались специальные мероприятия относительно Братиславы как столицы, которую надо удерживать хотя бы несколько дней, и чтобы Голиан сосредоточился на двух восточнословацких дивизиях, учитывая их силу и ключевую позицию. Критиковались колебания Голиана между СНС и Лондоном, его подчинение Краткому и очень подозрительное откладывание вылета делегации СНС в СССР.

Голиан и остальные военные указывали на трудности военной подготовки. Одна дивизия находится в Румынии, другая — в Италии, две сосредоточены в Восточной Словакии (изъяты из-под командования наземных войск), а в остальных гарнизонах — лишь незначительные силы, имеющие второстепенное военное значение. Поэтому они пытаются создать в кратчайшее время какие-то силы на среднесловацкой территории, которые были бы способны бороться против немцев. Эти силы в Западной и Средней Словакии должны были дополнить мобилизацию, на которую рассчитывали частично перед восстанием и особенно в начале восстания. Братиславский гарнизон включен в подготовку, с расчетом на оборону в течение нескольких дней и медленный отход на восток. С восточнословацкими дивизиями Голиан имеет связь через Тальского, который является там представителем командующего, через полковника Маркуса и других офицеров отдельных дивизий. Оборонительный треугольник мыслится как минимум, как центр на тот случай, если при недостатке сил или быстрых действиях немцев невозможно будет удержать Западную Словакию и Поважье. Все зависит от ситуации, в которой произойдет вооруженное выступление. Военное руководство признало критику недостатков подготовительной работы правильной, обещало исправить по-

ложение и согласилось с тем, чтобы два члена СНС систематически наблюдали за подготовкой военных мероприятий и от имени СНС вместе с военным руководством предпринимали меры, необходимые для успеха восстания. Обязанность наблюдать, контролировать и помогать военному руководству СНС возложил на К. Шмидке и Я. Урсини.

Что касается плана и сроков восстания, то было единогласно решено:

1. Если нацистская Германия попытается ввести войска на территорию Словакии, то это будет сигналом для политического и вооруженного выступления всех сил. Борьба против нацизма начнется в таком случае независимо от ситуации. Поскольку такую акцию немцев можно ожидать в любую минуту, необходимо ускорить всю подготовку, чтобы повстанческими силами не был прегражден путь. Необходимо следить за этой подготовкой немцев по всем каналам.

2. Немедленно подготовить вылет делегации СНС в СССР, чтобы выступление в Словакии было скоординировано с действиями Советской Армии. Конкретные контуры восстания и его сроки должны быть определены согласно договоренности со всеми деятелями таким образом, чтобы, с одной стороны, восстание захватило как можно более широкую область, а с другой — чтобы Советская Армия получила в результате изменения военной ситуации в Словакии как можно больше выгоды. Поэтому необходимо будет поддерживать частичные акции в Словакии до того времени, пока СНС не узнает точку зрения Советской Армии. Здесь сыграют свою роль две восточнословацкие дивизии, которые занимают довольно большой участок Карпат; для Советской Армии открывается проход в Словакию, а также в Дунайскую низменность, создается возможность установить связь с внутренними повстанческими силами.

На совещании обсуждалось также отношение к некоторым высшим офицерам. Неизменно отрицательным осталось отношение к Чатлошу и Туранцу. Что касается Малара, который стал с середины июня 1944 г. командующим в Восточной Словакии (ему

подчинялись две дивизии), то в отношении его также была занята отрицательная позиция. Только Урсини считал возможными переговоры с ним. Все остальные, в том числе и представители военного руководства, отвергли его привлечение к подготовительным мероприятиям по тем доводам, о которых я уже упоминал. Малар в то время даже не искал контактов с антифашистским движением, поэтому ему не доверяли в политическом отношении и не советовались с ним. Обязанность военного руководства на востоке Голиан поручил полковнику Тальскому. Генерал Юрих остался пассивным, поэтому мы перестали с ним считаться.

На совещании шла речь также о планах лондонской эмиграции на основании полученных сообщений и различных директив, об интригах, путем которых Лондон тормозил политическую и военную подготовку национального восстания. Мы договорились известить Бенеша, его правительство, так же как и чехословацких деятелей в Москве, о единой точке зрения СНС по вопросам внутреннего и внешнего Сопротивления, по вопросам подготовки восстания, положения словаков в ЧСР и вообще о дискуссии об отношениях в освобожденной ЧСР. Эту точку зрения мы изложили и направили Бенешу в конце июля 1944 г. (я уже цитировал это в предшествующих главах). В Москву точку зрения СНС передал К. Шмидке.

Совещание в Жарновицкой долине (известное как совещание под Чремошне) укрепило единство всех составных частей СНС в совместном деле, конкретизировало политический и военный план восстания, его ориентацию, усилило подчиненность военного руководства Словацкому национальному совету, вскрыло многие недостатки в подготовке восстания, особенно в военном отношении, и предложило меры устранения их. Таким образом, оно дало в критический момент всем составным частям движения ясную линию, укрепило их решимость начать общенациональную борьбу против фашизма, не капитулировать перед немецкой оккупацией при любых условиях и подготовить народ и армию к близкой борьбе. Эта боевая реши-

мость, единодушно выраженная на совещании, затем передалась всем низовым организациям. В конце июля 1944 г. в антифашистском лагере в Словакии уже не было сомнения в том, что борьба будет вестись всеми силами. Речь шла теперь о том, чтобы эта борьба не была изолирована в военном отношении, чтобы она координировалась с действиями Советской Армии и чтобы она началась в самый благоприятный момент и с обоснованными надеждами на полный успех.

11. КООРДИНАЦИЯ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ С ПЛАНАМИ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Подготовка Словацкого национального восстания в политическом и военном отношении с самого начала ориентировалась на СССР. Это направление национально-освободительной борьбы в Словакии определялось тем, что его инициатором и руководящей политической силой была Коммунистическая партия Словакии. Однако важно отметить, что эту ориентацию по различным соображениям и с различными оговорками приняли и некоммунистические партнеры в Словацком национальном совете, так же как и военное руководство. Не случайно в Рождественское соглашение (основное политическое соглашение 1943 г.) попали, например, такие формулировки: в СССР «мы видим защитника свободной жизни и всестороннего развития малых народов вообще и славянских в особенности». Отсюда вытекало недвусмысленное требование СНС: «Будущая Чехословацкая республика должна вести свою внешнюю политику в духе этих принципов, поэтому она должна во внешнеполитическом и военном отношении опираться на СССР». Эти принципы в течение 1944 г. в период подготовки восстания и в ходе самого восстания вновь и вновь неизменно и единодушно поддерживались Словацким национальным советом. Совершенно ясно, что эта точка зрения Словацкого национального совета не была тождественна с внешнеполитической концепцией Бенеша и его правительства, которые были тысячами нитей связаны с Западом и маневрировали в отношении сотрудничества с СССР. Важно отметить, что все силы внутреннего Сопротивления в Словакии, которое представлял Словацкий национальный совет, приняли политическую и военную ориентацию на союз

с СССР и в этом духе подготавливали Словацкое национальное восстание.

Из того, что было сказано в предыдущих главах, ясно, как жизненно важна была координация планов общенациональных действий, подготовленных в Словакии, с планами политического и особенно военного руководства СССР, чтобы Словацкое национальное восстание стало надежной составной частью планов Советской Армии, чтобы вооруженные действия в Словакии вошли в общие рамки военных операций на востоке Европы. Это было жизненно важно для самого Словацкого национального восстания, для его возможностей и перспектив, а также для поражения нацистских армий на востоке, для быстрого продвижения Советской Армии в Дунайскую низменность, для прекращения войны и страданий народов. Словацкая территория с 1944 г. была очень важным стратегическим пространством: на севере — стена Карпат, на юге и западе — подходы к Будапешту и Вене. Это была территория, не занятая немецкими войсками, и практически все силы Сопротивления были готовы действовать в соответствии с планами Советской Армии. Не надо быть военным гением, чтобы понять, какие возможности возникали здесь для изменения военной ситуации в Средней Европе.

Почему Советское правительство не было вовремя информировано о таком положении, об этих возможностях? Почему не произошло своевременной координации подготовленных действий с планами Советской Армии? Почему Словацкое национальное восстание должно было начаться без этой координации? Почему тяжелые бои в Словакии велись в течение двух месяцев в изоляции, в тылу немецкой армии? На эти и многие другие вопросы, связанные с ними, мы попытаемся дать необходимый ответ.

Я уже упоминал, что руководство КПС не имело каких-либо прямых связей с СССР. Этих связей не удалось установить и накануне Словацкого национального восстания. Однако имелись многочисленные каналы связи, которые из Словакии вели в Лондон, к Бенешу, его правительству и органам и которые практически действовали в течение всей войны. Из

Словакии в Лондон и обратно направлялись важные сообщения. К этим связям весной 1944 г. добавилась радиосвязь, которая осуществлялась посредством радиостанций вплоть до восстания. Эту связь между Словакией и Лондоном осуществляли четыре радиостанции. В Словакии их обслуживали солдаты, а контролировал Краткий. В начале августа 1944 г. к ним добавилась пятая радиостанция, связанная с генералом Пикой в СССР. Может быть, лондонское чехословацкое правительство не имело достаточно сведений о том, что происходит и что готовится в Словакии? Оно имело их более чем достаточно для того, чтобы правильно представить себе всю картину. Оно было информировано о создании общенационального органа Сопротивления — Словацкого национального совета, о его программе и планах; в марте 1944 г. оно было информировано о создании военного руководства, оно получало систематические сообщения военного характера о силах, возможностях и подготовке военных акций. Правительство Бенеша очень хорошо знало, что Словакия не занята немецкими войсками, что есть политические и военные силы, которые подготавливают общенациональное вооруженное восстание против нацизма. Почему же Бенеш и его правительство в соответствии с союзническим договором от 12 декабря 1943 г. не информировали Советское правительство о ситуации в Словакии, о подготавливаемом восстании, почему они не требовали координации Словацкого национального восстания с действиями Советской Армии, включения его в планы Советской Армии? Почему они упустили ту исключительную возможность, которую можно было бы использовать для того, чтобы приблизить конец войны и изменить военное положение в Средней Европе?

Причины такого поведения Бенеша в отношении внутренней политической ситуации в Словакии я уже называл. Необходимо также упомянуть и внешнеполитические причины.

Какова была, собственно, внешнеполитическая ориентация Бенеша и его правительства?

Группа правых, антикоммунистически настроенных людей, которая составляла эмигрантское прави-

тельство, придерживалась политической линии британского консервативного правительства. Бенеш писал об этом в статье «Почему мы идем с Британской империей»: «Если мы с самого начала шли, разумеется стихийно и бескомпромиссно, с Великобританией, то мы делали так не только по идеологическим мотивам, но, естественно, и потому, что у нас была самая твердая уверенность в ее окончательной победе... Великобритания... борется за свободу народов и за свободу каждого отдельного человека и гражданина, за самостоятельное существование малых народов, за сохранение и дальнейшее развитие демократии во всем мире»¹.

После этого восхваления самой большой колониальной державы мира Бенеш пространно заканчивал: «Следовательно, не только общие идеалы и одинаковая демократическая идеология, одинаковые взгляды в политике, хорошие культурные взаимоотношения связывают нас с британской демократией и ее борьбой за существование свободы в мире, но и практические взгляды на строительство нового мира после этой второй мировой войны делают из чехословаков дома и на чужбине лояльных и верных союзников Великобритании»². Такую визитную карточку западнической ориентации Бенеш послал своему правительству.

По инициативе британского правительства и с его согласия Бенеш и его правительство сколачивали, начиная с осени 1940 г. и практически до 1943 г., польско-чехословацкую федерацию, которая в то время и при той ориентации (ее контролировало тогда польское эмигрантское правительство) не могла означать ничего иного, как попытку создать антисоветский оплот в Средней Европе. И понятно, что Черчилль в британском парламенте (1940 г.) приветствовал этот шаг Бенеша: «Правительство Его Величества искренне приветствует заявление, сделанное польским правительством и временным чехословацким правительством». Эти антисоветские интриги правительство Бенеша продолжало практически почти до самого конца войны.

¹ «Чехословак», 19 декабря 1941 г.

² Там же.

Бенеш заключил союзнический договор с СССР только тогда, когда такой договор уже имела Англия. Он подписал его тогда, когда Англия дала ему на это свое согласие, когда успехи Советской Армии уже ясно говорили о том, что СССР сыграет в освобождении Чехословакии важную роль. Боязнь того, что Советская Армия вступит на нашу территорию, стремление договорным путем добиться гарантии того, что СССР не будет вмешиваться в наши внутренние дела, дипломатические ухищрения с целью добиться гарантии, что Советская Армия передаст ему и его правительству власть в освобожденной республике,— таковы главные черты отношения Бенеша к СССР. После возвращения из Москвы Бенеш докладывал своему правительству 11 января 1944 г.: «Мы договорились, что, как только русские придут в Венгрию, нашу границу с Венгрией займут русские и чехословацкие войска совместно. Затем чехословацкие и русские войска пойдут у нас всюду совместно, при этом наши всегда впереди. Подобно этому будут идти дела и на Западе: некоторые британские части пойдут оттуда с нашими солдатами»³. Следовательно, еще в январе 1944 г. Бенеш верил, что западную часть ЧСР освободят западные союзники. Теперь для него важно было обеспечить себе власть также и на территории, которую освободит Советская Армия.

Как пишет З. Фирлингер, Бенеш вскоре после подписания договора с СССР (21 февраля 1944 г.) «вместе с правительством сформулировал наши требования на случай вступления советских войск на нашу территорию. Он (Бенеш.— Г. Г.) добавил, что правительство начинает подобным образом вести переговоры и с британским правительством о вступлении британских войск»⁴. В марте 1944 г. Бенеш предложил Советскому правительству проект договора о вступлении союзнических войск на чехословацкую территорию. Не советских, а вообще союзнических. В тексте говорится также «о союзническом главнокомандующем» и т. д. Фирлингер в связи с переговорами с со-

³ Цитировано по кн.: Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 306.

⁴ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. 2. Прага, 1948, стр. 246.

ветскими деятелями об этом договоре пишет: «Главным образом я имел в виду, что для нас было бы крайне невыгодно и не отвечало бы ни положению нашего государства, как государства союзнического, ни его географическому положению, если бы мы хотели заключить общий договор со всеми союзниками и дать тем самым возможность также и западным державам провести в нем свои специальные требования»⁵. Для Бенеша же дело было именно в этом. Данное положение, естественно, привлекло внимание советских деятелей. Молотов 13 апреля 1944 г. спрашивал Фирлингера, как и когда союзники помышляют создать у нас фронт, что имеется в виду — операции сухопутными силами или же операция парашютнодесантная? ⁶. Тем не менее СССР подписал данный договор 8 мая 1944 г. Правительство Бенеша радостно потирало руки: «Со Словакией теперь все в порядке!» То есть оно рассчитывало, что западные области ЧСР освободят войска западных держав. Упомянутый договор устанавливал, что в зоне военных операций высшую власть на освобожденной территории будет иметь советское военное командование, но «сразу же после того, как какая-то часть освобожденной территории перестанет быть зоной собственно военных операций, чехословацкое правительство полностью возьмет на себя осуществление там общественной власти...»⁷. Чехословацкая армия в СССР будет «немедленно использована на чехословацкой территории». Для освобожденной территории будет назначен правительственный делегат, задачей которого будет: а) «упорядочить и осуществлять в соответствии с чехословацкими законами управление на освобожденной от врага территории; б) вновь организовать там чехословацкие военные силы...» Так Бенеш и его правительство обеспечивали себе овладение Словакией. В политическом отношении — посредством полномочного правительственного делегата, и в военном отношении — посредством чехословацкой воинской части. Теперь им это

⁵ Там же, стр. 248.

⁶ См. З. Фирлингер. На службе ЧСР, стр. 251.

⁷ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны, стр. 588.

черным по белому было гарантировано и международным соглашением. Итак, достаточно ловкой дипломатической режиссуры — и нам обеспечена власть дома! Необходимо лишь выбрать надежного правительственного делегата, дать ему надежный аппарат, а чехословацкой армии в СССР — надежных офицеров — и все страхи позади.

Легко понять, что акция Словацкого национального совета, в котором главное влияние имели коммунисты, не входила ни в политические, ни в военные планы Бенеша. Ему не требовалось ничего — никакого восстания, никакого СНС. Главное же, ему не нужно было, чтобы Советская Армия слишком быстро вступила на нашу территорию, слишком быстро проникла в сердце Средней Европы, иначе что же потом освобождали бы западные союзники?

Акции внутри страны, внутреннее сопротивление? Да, но с условием, что они будут служить Бенешу и его планам, что они помогут ему утвердиться дома, укрепить власть, сохранить капиталистический порядок, что они будут соответствовать его дипломатическим шагам. Иного сопротивления, иных акций внутри страны Бенешу не нужно было.

Вернемся к планам Бенеша и его военной клики в Лондоне, вспомним, как с самого начала они стремились с помощью армии овладеть положением внутри страны, как Бенеш уже в 1942 г. подчеркивал, что мы должны иметь дома прежде всего сильную армию, государство в боевой готовности, местных руководителей и военных командиров. Вспомним, как генеральская клика Бенеша готовилась ввести в стране диктаторский режим, опирающийся на армию. В этом отношении Бенеш и окружавшие его офицеры были заинтересованы в акциях внутри страны. В этом смысле они вели переговоры и с советскими деятелями.

Во время пребывания в Москве в декабре 1943 г. Бенеш предложил советским деятелям «военный меморандум» о подготовке действий в Словакии. Он требовал, чтобы из 2 тысяч словацких солдат, перешедших в 1943 г. на сторону Советской Армии, была сформирована 2-я чехословацкая парашютнодесантная бригада для использования в Словакии; чтобы руко-

подство чехословацкой армией в СССР взял на себя генерал Кратохвил (из Лондона); чтобы офицерский состав чехословацкой армии в СССР пополнился 150 офицерами из Англии, которых подобрал Ингр. Далее Бенеш требовал военной помощи СССР для подготовляемых военных акций в Словакии. То есть Бенеш и Ингр готовили самостоятельные военные действия в Словакии и для этого требовали помощи СССР. Понимали ли советские руководящие круги характер правительства Бенеша? Знали ли они о его западнической и буржуазной ориентации? Представляли ли себе, какие цели преследует Бенеш внутри страны своей военной акцией? В этом не может быть ни малейшего сомнения. О том, как советские органы реагировали на эти планы, Бенеш сообщал правительству в Лондоне по возвращении из Москвы: «Это никогда не говорилось в порядке упрека, но все-таки в разговоре со Сталиным мне несколько раз было сказано, что мы должны быть готовы к тому, что и в нашей стране будет война, что мы там должны вести партизанскую войну, как это делается в Польше и всюду в других местах... Это он не представлял как собственную инициативу, но во время дискуссии о военном меморандуме требовал, чтобы мы это подготовили, что партизанскую войну мы должны у нас вести»⁸. Сталин противопоставлял военным действиям извне, выдвигаемым Бенешем, внутреннюю партизанскую войну.

Бенеш оставил в Москве начальника своей военной канцелярии генерала Гасала для продолжения переговоров о «военном меморандуме». По его настоянию Вышинский 1 марта 1944 г. принял генерала Гасала, генерала Пику и Фирлингера. Фирлингер об этом пишет: «Я ясно изложил цель посещения и подчеркнул наше желание сделать все, что от нас зависит, для активизации нашего внутреннего фронта. Я осветил трудности наших людей на родине, руки которых в значительной мере связаны разветвленной сетью гестаповских агентур и беспощадными репрессиями. Начатое восстание у нас на современной ста-

⁸ Цитируется по кн.: *Б. Лаштовичка*. В Лондоне во время войны, стр. 309.

дии войны может иметь успех только в том случае, если мы окажем нашим людям внутри страны прямую помощь из Советского Союза, то есть предпримем прямое вторжение наших парашютнодесантных частей и Красной Армии, которая приближается теперь к нашим границам и поэтому будет способна каждой подобной акции оказать прямую, действенную помощь»⁹. С этим присутствующие генералы согласились.

На другой день, 2 марта 1944 г., в чехословацком посольстве состоялось совещание Фирлингера, Пики и Гасала с советскими офицерами: заместителем начальника Генерального штаба генералом Голиковым, генералом Жуковым, генералом Фокиным и генералом Евстигнеевым. О подготовке военной операции в Словакии Фирлингер пишет: «После ужина состоялся подробный обмен мнениями, касающийся главным образом задуманной операции на нашей территории и необходимой подготовки ее. С советской стороны было явное, искреннее желание всеми средствами ускорить организацию нашей второй бригады, наилучшим образом ее вооружить. Обсуждали также вопрос о командных кадрах. С советской стороны было обещано, что будет ускорена выдача виз большой группе наших офицеров из Англии»¹⁰.

Б. Лаштовичка на основе записи Пики об этом совещании пишет: «Однако советские генералы высказались за создание подвижных партизанских отрядов, за наилучший способ ведения военных действий в Словакии, так как, пока Красная Армия не приблизится к словацкой территории, также не будет возможности использовать для поддержки восстания силы, которые бы могли вести длительную оборону на больших пространствах». Голиков рекомендовал, «чтобы в подходящих районах Словакии было организовано широкое партизанское движение», и снова после дискуссии подчеркнул, что только партизанские отряды могут в данной ситуации с успехом действовать в Словакии. Пика информировал советских гене-

⁹ З. Фирлингер. На службе ЧСР, стр. 229.

¹⁰ Там же.

ралов о том, что в Словакии уже были даны соответствующие указания о проведении подготовки для сосредоточения военного снаряжения, а в случае необходимости и словацких частей на территории, которую должны были удержать любой ценой для дальнейших действий в Словакии и в исторических землях. Пика уже тогда отмечал, что «действия могут начаться сразу; в случае насильственной оккупации Словакии немецкими войсками мы ожидаем вооруженное сопротивление словаков»¹¹.

Была действительно благоприятная возможность (начиная с непосредственных переговоров со Сталиным в декабре 1943 г., затем переговоров с Народным комиссариатом иностранных дел и Генеральным штабом Красной Армии) для того, чтобы представители чехословацкого правительства полностью осветили политическую и военную ситуацию в Словакии, сообщили о подготавливаемых общенародных действиях и попросили включить эти действия в план Советской Армии. Однако мы видим, что Бенеш и его генералы, напротив, говорили, в сущности, о невозможности внутренних действий в самой стране без помощи из-за границы. Поняли ли советские деятели Пика, Гасала, Ингра и остальных высших офицеров из окружения Бенеша? Без сомнения, поняли. Фирлингер о деятельности Пики как главы военной миссии в СССР пишет: «Самое серьезное мое возражение касалось деятельности нашей военной службы информации. Были слишком заметны стремления посредством широкой сети корреспондентов и путем опросов наших граждан получить сведения о Советской Армии, о положении в СССР и о его военной промышленности. Я имел обоснованные подозрения, что эта информация передается через Лондон английским органам, что, разумеется, не было лояльным в отношении СССР»¹². Фирлингер приводит доказательства о том, что Пика сотрудничал с агентами Интеллидженс Сервис и что его сведения МНО Бенеша поставляет английской разведке. Нужно принять во внимание,

¹¹ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны, стр. 403—404.

¹² З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. 2, стр. 25.

что это было в период войны! Пика в начале марта 1944 г. просил Ингра о том, что «необходимо в Словакию перебросить командование», которое бы там подготовило военные акции Бенеша.

Кто подбирал в Англии офицеров для чехословацкой воинской части в СССР? Ингр и его люди. О политическом облике этих офицеров Фирлингер пишет: «...с советской стороны затягивалось выяснение благонадежности офицеров, предназначенных для поездки в СССР (для 2-й авиадесантной бригады.— Г. Г.), ибо оказалось, что выбор офицеров в Лондоне не был достаточно тщательным, так что советские органы сразу же исключили 10 наших офицеров. Когда приблизительно около 140 наших офицеров уже имели обещанные советские визы, в первой бригаде произошел неприятный инцидент с пятью нашими офицерами... которые были обвинены в антисоветской кампании. Главу военной миссии попросили о том, чтобы он приказал отозвать названных лиц из СССР. Советские органы снова начали изучать благонадежность группы офицеров, которые должны были быть отправлены из Англии, при этом было вычеркнуто еще 40 лиц»¹³. Правда, здесь нельзя делать широкие обобщения. Но факт остается фактом: большинство главным образом высших, офицеров в Англии было в политическом отношении реакционными и антисоветски настроенными людьми. Это были люди, на которых генеральская клика строила свои планы «авторитарного режима в стране». СССР должен был дать согласие и при этом еще и помогать тому, чтобы такие люди организовали и проводили «военные действия в Словакии». То, что уже готовились нечестные планы, доказывает и телеграмма Масарика Фирлингеру от 10 марта 1944 г., в которой Масарик сообщал: Ингр требует, чтобы министерство иностранных дел запретило Фирлингеру вмешиваться в военные дела¹⁴. Чехословацкий посол не считался военной кликой в Лондоне достаточно благонадежным, так как он был левым социал-демократом.

¹³ Там же, стр. 230.

¹⁴ Там же, стр. 232.

Политические переговоры с правительством СССР входили в компетенцию чехословацкого посла, и его задачей также было выяснение возможности координации Словацкого национального восстания с действиями Советской Армии. О том, насколько Фирлингер был информирован о ситуации в Словакии, показывает его разговор с Молотовым 13 апреля 1944 г. После меморандума Бенеша, после переговоров с генералом Голиковым Молотов интересовался о том, какая ситуация в Словакии, о том, что там происходит. Фирлингер об этом пишет: «Молотов далее спрашивал меня о том, имеются ли надежды на активизацию нашего внутреннего фронта. Я ответил, что близость Советской Армии и, вероятно, скорое ее вступление на нашу территорию будут безусловно сильным импульсом; но после развертывания партизанского движения мы считаем непосредственную помощь неизбежной. Боевое настроение нашего народа в стране лучше всего подтверждал рост числа казней в Чехии и в Моравии»¹⁵. Мы видим, как глубоко дезинформировал посла в Москве Бенеш, в то время как из Словакии он получал полные пакеты информации. Ничего, абсолютно ничего конкретного о положении в Словакии не мог сказать чехословацкий посол Молотову в середине апреля 1944 г.! Можно говорить об умышленной блокаде Советского правительства, имея в виду информацию о положении в Словакии, о Словацком национальном совете, о военном руководстве, об антифашистских настроениях словацкого народа и армии, о подготовке Словацкого национального восстания.

Дополним эту констатацию свидетельством о том, как Бенеш и его правительство информировали группы Сопротивления в Словакии. Начиная с осени 1943 г. до восстания я видел пакеты всяких сообщений, писем, директив, указаний и политических «поручений» из Лондона, от Бенеша и остальных лондонских величин. Во всех материалах чувствовалось стремление Бенеша затормозить революционную активность внутреннего Сопротивления в стране и по-

¹⁵ Там же, стр. 251.

дождать, пока пробьет час», как сам он написал в книге «Шесть лет изгнания и второй мировой войны» (стр. 117). Исключением была лишь его речь в Государственном совете 3 февраля 1944 г., в которой — после переговоров в Москве — с учетом «второго фронта и приближения Красной Армии к нашим границам» он указывал «на все условия и предпосылки изменения духовного и физического существования нашего народа во всеобщее, решительное, бескомпромиссное, боевое, действенное восстание против угнетателей в тех формах, в каких оно развивается сейчас в Югославии, в Польше, во Франции и Норвегии и которое должно начаться и начнется и у нас». Он говорил далее: «Для развертывания этой борьбы я сам, наше правительство, Государственный совет, армия, все наши государственные институты, то есть все мы за границей, будем помогать союзникам всеми своими силами и всеми средствами. Этой речью я призываю весь наш народ на родине к решительной борьбе...»¹⁶.

Но в своих дальнейших указаниях эту свою точку зрения Бенеш уже не повторял, напротив, он стал колебаться и возвратился к своей домюнхенской тактике. Стремясь повысить роль буржуазных организаций в Соппротивлении внутри страны, он поддерживал планы лондонского чехословацкого министерства национальной обороны, касавшиеся военного переворота в Чехии и Моравии и военных действий в Словакии; он тщательно маскировал это перед руководством Соппротивления в самой стране. Бенеш и далее тесно сотрудничал с политически и идейно преданными ему силами в Словакии, с их помощью он получал важную информацию и использовал ее для достижения своих целей.

К сожалению, ситуация была такой, что координация подготовки Словацкого национального восстания с действиями Советской Армии была в руках чехословацкого правительства в Лондоне и его военной клики. Они несколько не были заинтересованы ни в том, чтобы в стране, в Словакии, развернулись широкие, массовые антифашистские действия, ни в том,

¹⁶ «Путь к маю», I—I, Прага, 1965, стр. 84.

чтобы Советская Армия быстро вступила на нашу территорию и в Центральную Европу, чтобы она как можно быстрее освободила большую часть нашей государственной территории. Итак, Бенеш и его правительство вместо того, чтобы считать подготовляемое восстание словацкого народа наибольшей возможностью для чехословацкой стороны способствовать общей победе над нацизмом, вместо того чтобы всю эту акцию проконсультировать прежде всего с советскими руководящими кругами и добиться включения ее в планы Советской Армии, использовали обострение ситуации в своих классовых и антинародных целях. Поэтому они и не информировали правильно деятелей СССР, поэтому они и не информировали и, более того, вводили в заблуждение деятелей внутреннего Сопротивления!

* * *

Из документов, которые были опубликованы после второй мировой войны, ясно, какие условия прилагали западные союзники, чтобы истощить СССР, ослабить его политическое и военное влияние в Европе, как планировал Черчилль проникновение на Балканы и в Центральную Европу, как он старался усилить свое влияние в Польше и т. д. Это была внутренняя борьба, которая в течение всей войны велась в лагере союзников. В этой борьбе правительство Бенеша стояло рядом с западными государствами, на явно антисоветских позициях. С этой точки зрения Советский Союз должен был оценивать и попытки правительства Бенеша вести собственные военные действия в Словакии. Варшавское восстание в августе 1944 г. в особенно яркой форме показало антисоветский характер военных действий, предпринятых эмигрантским правительством в Лондоне: в результате этого восстания польское правительство в Лондоне хотело овладеть территорией внутри страны и укрепить таким образом свои позиции. Путем военных действий в Словакии правительство Бенеша хотело овладеть первой свободной территорией у нас и таким образом упрочить свои позиции. Подобный характер действий Бенеша не мог быть не известен советским деятелям. Поэтому

СССР к такой акции относился сдержанно, поэтому советские деятели, по моему мнению, подчеркивали партизанский — народный — метод борьбы в Словакии.

Эта позиция (утаивание политической и военной информации о Словакии, утаивание сведений о подготовке Словацкого национального восстания, игнорирование стратегических возможностей Советской Армии в Словакии, подчеркивание роли самостоятельных военных действий) чехословацкого правительства в отношении СССР продолжалась практически вплоть до конца июля 1944 г. В июле и особенно в августе 1944 г. к этому прибавились еще и новые моменты.

В начале июля 1944 г. правительственная делегация чехословацкой армии посетила армейский корпус, который был тогда на территории Черновиц. В делегации были также Фирлингер и генерал Пика. Командующим корпусом был генерал Кратохвил, которого Бенеш назначил вместо генерала Свободы. «Свое посещение Садагура,— пишет Фирлингер,— мы использовали для того, чтобы снова поговорить с нашими генералами об остальных важных задачах... Прежде всего о том, чтобы на чехословацкой территории, то есть во вражеском тылу, была создана сеть не только собственных служб информации, но и боевых дружин, которые были бы основой широкого народного восстания. Мы обсудили вместе с Кратохвилем и Пикой вопросы партизанского движения в стране. Будем направлять усилия на то, чтобы при командовании корпусом был создан наш самостоятельный партизанский штаб...»¹⁷.

Пика и Кратохвил начали создавать в Словакии свою информационную сеть. Й. Марко пишет, что в июле 1944 г. он познакомился с управляющим каменоломни в Горной Штубни, «который мне сообщил, что укрывал каких-то парашютистов из СССР. При личном посещении выясняю, что в самом деле у него находятся двое парашютистов (обслуживающий персонал одной радиостанции), которые удостоверяют свою личность документом, подписанным генералом

¹⁷ З. Фирлингер. На службе ЧСР, стр. 304—306.

Пикой... и докладывают, что были сброшены три подобные группы. Мы их информируем о том, что один человек из слиянской группы находится в Банска-Бистрице, но без радиста, который вернулся в СССР (Грюн, самолетом капитана Козы. — Г. Г.). Между тем через Лондон мы получаем сообщение, что генерал Пика посылает к нам воздушным путем связного. Прибытие связного ждем на условленном месте. Связной проходит проверку. Его секретное имя — подпоручик Грон, в действительности же Павлович. Связного офицера приводим в свое учреждение, где его представляем Голиану, который берет его себе в подчинение как связного из Лондона (Краткого. — Г. Г.)»¹⁸.

Здесь возникает два новых момента. Пика и Кратохвил завязывают прямые связи со Словакией (с Голианом), у них есть своя собственная информационная сеть, а также и достаточная информация. Другим моментом является попытка подчинить себе руководство партизанских групп, которые были посланы из СССР. К этому вопросу мы еще вернемся.

Как использовал Пика информацию о Словакии, полученную, с одной стороны, по собственным каналам, с другой стороны, из Лондона? З. Фирлингер, которого Лондон и Пика держали в стороне от всей акции, пишет: «Надежды на легкий успех и нетерпеливое желание вмешаться политически во внутреннее сопротивление не давали спать нашему лондонскому военному руководству, которое *упорно подготавливало самостоятельную акцию, желая уклониться от каких-либо совместных действий с советскими органами и особенно с коммунистической московской группой.* (Подчеркнуто мной. — Г. Г.). Такая точка зрения, мягко говоря, была наивной. Ведь вмешательство Лондона в операцию в непосредственном советском тылу могло вызвать лишь недоразумения и хаос»¹⁹.

10 июля 1944 г. Ингр решился обратиться к советским военным органам. Посмотрим, как давалась информация о подготовляемом Словацком национальном восстании. Фирлингер пишет об этом: «Согласно

¹⁸ «Над Татрами молния». Прага—Братислава, 1946, стр. 112.

¹⁹ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. 2, стр. 309.

сообщению генерала Ингра, с 10 июля 1944 г. завязались связи Лондона с группой офицеров в Словакии, которые были против сотрудничества с немцами. Главным связным генерала Ингра был подполковник Голиан. По призыву из Лондона создавалась организация единомыслящих офицеров, и в рядах войска также удалось найти много сторонников, которые хотели выступить против режима и против нацистов в случае, если Советская Армия будет приближаться к нашим границам, чтобы облегчить ей переход через Карпаты. Речь шла главным образом о двух полевых дивизиях (в Восточной Словакии.— Г. Г.). Согласно донесению Ингра в это время в Восточной Словакии не было ни немецких, ни венгерских частей. Генерал Пика был уполномочен доложить об этом советскому командованию и просил приказа»²⁰.

Просто невероятно, какой характер придал Ингр широчайшим образом подготавливавшемуся Словацкому национальному восстанию!

Клика лондонских генералов нашла связь в лице Голиана. «По призыву из Лондона» была создана организация словацких офицеров подобной ориентации, которая что-то готовила в Словакии. Какой характер могла иметь такая акция? Никакой иной, как буржуазный и прозападный. Это был иной вариант плана Бенеша от декабря 1943 г., не принятый Сталиным. Вот почему, отмечает Фирлингер, «из ответа советских военных органов явствовало, что словацкое командование, которое эту акцию готовит, должно само разработать план и в подходящий момент его осуществить»²¹. Советские органы отказались принимать участие в такой акции.

Но военная клика Бенеша хотела осуществить свой план любой ценой. Фирлингер об этом пишет: «Согласно телеграмме, датированной 26 июля 1944 г. и адресованной генералу Пике, Ингр, очевидно, не успокоился этим ответом (командования Красной Армии.— Г. Г.) и попросил у английского правительства поставок оружия (для.— Г. Г.) тайного словацкого коман-

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 309—310.

дования, которое должно было быть сброшено в заранее намеченное место. Дело шло об относительно малом количестве оружия. Английские власти ответили Ингру, что они согласны это сделать, если, конечно, советские власти заранее дадут на это свое согласие, которое следовало получить дипломатическим путем»²². Если нам не помогут русские, то помогут англичане, но «наш план» в Словакии мы осуществим! — так думали в Лондоне.

В Москве ситуация была значительно сложнее. Фирлингер писал: «Передавая мне эту информацию, генерал Пика признал, что английское вмешательство (в бенешевскую акцию в Словакии.— Г. Г.) могло бы вызвать недовольство Советского правительства, и поэтому он ответил генералу Ингру 29 июля 1944 г., что сам попросил у советских властей поставки оружия. Он получил положительный ответ, но надо уточнить, кто получит оружие, подготовлено ли безопасное место для его размещения и т. д.»²³. Советских представителей, как видно, очень интересовало, кто получит их оружие в Словакии и в каких целях оно будет использовано. Пика был тоже ловкий дипломат: он действовал так, чтобы и акция Бенеша удалась и чтобы ее при этом поддерживали Советы. Согласно Фирлингеру, «Пика рекомендовал описывать возможную английскую акцию как вспомогательную, ссылаясь на то, что надо будет снабдить оружием всю Словакию. Пика отдавал себе отчет, что преждевременное вмешательство генерала Ингра может вызвать недовольство советских властей, которых мы уже давно просили об оружии и которые его тоже обещали»²⁴.

Фирлингер беседовал об этом с английским послом в Москве Керром 2 августа 1944 г. Он сообщает следующее: «...Керр показал мне телеграмму, которую он получил от своего правительства. В ней сказано, что чехословацкое правительство попросило у английского правительства помочь ему оружием для подготовки двух словацких дивизий, а также для вооруже-

²² Там же, стр. 310.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

ния других воинских частей в Центральной Словакии. Акция эта не терпит отлагательств и должна быть осуществлена до 7 августа. Керр должен об этом информировать Советское правительство. Английские власти охотно окажут нужную помощь»²⁵. Следовательно, военная акция Бенеша в Словакии должна была быть выполнена с помощью английского оружия, по соглашению с английским правительством, с целями, подходящими Черчиллю,—вблизи советского фронта! Какой бы вид был у Черчилля, если бы он в то время узнал об акции, поддержанной Советским правительством и советским оружием, например, в Голландии либо в Северной Италии? И это после соглашения в Тегеране!

О том, как реагировало Советское правительство, Фирлингер пишет: «3 августа при посещении Зорина я информировал его о том, что слышал от Керра... Зорин мне сказал, что Наркоминдел получил ноту Керра и что ее содержание очень удивило. Я прибавил, что Пика держится того мнения, что в случае, если Советы удовлетворят требование о поставках оружия (срок, предложенный Пикой,—10 августа), то не надо будет английской помощи...»²⁶. Либо для нашей акции дадите оружие вы, либо его дадут англичане,—так ставили вопрос генералы Бенеша. Пика информировал Фирлингера, что «накануне он снова говорил об этом с генералом Давыдовым, заместителем генерала Жукова, и просил немедленно советской помощи. Давыдов настаивал на уточнении места и способа принятия оружия и *на необходимости все предварительно подробно проверить*»²⁷ (подчеркнуто мною.—Г. Г.). Советские деятели хотели знать, кому будет помогать их оружие — словацким ли антифашистам, сражающимся бок о бок с Советской Армией, либо реакционной военной англофильской клике в Лондоне? Они были готовы помочь словацкому народу в его борьбе против фашизма, но были очень сдержанны, когда речь шла о такой акции, какую предлагали Бенеш, Гасал, Ингр, Пика и другие.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр 311.

²⁷ Там же.

Антикоммунистический характер всех действий правительства Бенеша обнаруживался шаг за шагом, то в одном, то в другом. Летом 1944 г. это проявилось также в связи с планом КПЧ о подготовке и отправке партизанских отрядов в Словакию. Правительство Бенеша на это сразу отреагировало. Фирлингер пишет: «В телеграмме, которая пришла 4 августа из Лондона, указывалось: Пика заявил, что Готвальд с согласия генерала Жукова затребовал пять человек от корпуса, которые ему нужны для установления связи с их центром в Словакии... Далее Пика сказал, что политическая группа проявляет очень большой интерес к организации партизанского движения на нашей территории... Согласно взглядам правительства, желательно, чтобы сотрудничество с советским партизанским штабом, пока речь идет об акции на чехословацкой территории, сосредоточилось в руках нашего военного командования, а также в чехословацкой военной миссии, ибо этого требуют интересы координации с подобными акциями, проводимыми из Лондона. Партизанское движение, чтобы оно не вело к анархии, должно быть так же, как это имеет место у русских, подчинено военному командованию...»²⁸.

Таким образом, военная клика стремилась монополизировать в своих руках всякий контакт с родиной и хотела добиться подчинения своему командованию партизанских групп, подготовленных в СССР, чтобы использовать их в своих собственных целях.

Лондонская буржуазия настойчиво преследует свою классовую цель — укрепление своих позиций в Чехословакии. Главного противника, который может разрушить ее планы, она видит в коммунистах как в Словакии, так и в московской эмиграции. В этом плане мы и должны рассматривать ее контакты с советскими представителями, ее попытки найти поддержку своей антикоммунистической деятельности в Словакии.

Советские политические и военные органы не были вплоть до августа 1944 г. достаточно информированы о политическом и военном положении в Словакии, о подготовке восстания, о возможностях Советской

²⁸ Там же, стр. 312.

Армии в Словакии, и поэтому координация планов Словацкого национального восстания с ее действиями не была достигнута. В такой атмосфере приехал в СССР К. Шмидке.

* * *

История отъезда делегации Словацкого национального совета в СССР является дальнейшим доказательством саботажнической деятельности правительства Бенеша и в особенности его военной клики. Отъезд должен был состояться весной 1944 г. Вмешательство Краткого, агента Ингра, потом действия Шробара и Весела на время сделали отъезд невозможным. В мае 1944 г. Голиан уверил делегацию Словацкого национального совета (Гусак — Леттрих), что отъезд будет подготовлен как можно скорее, что он уже подыскивает самолет и пилота. В силу закулисных действий агентов Ингра отъезд постоянно откладывался, и в конце концов по настоянию Словацкого национального совета был назначен на 9 июля 1944 г. Шмидке и генерал Юрех, которые должны были представлять Словацкий национальный совет, были готовы к отъезду. Пилотом должен был быть капитан Коза. Вскоре Шмидке, однако, было объявлено, что лететь нельзя, потому что в связи «с приказом сверху» из самолета был спущен бензин и вынуты аккумуляторы. Это очень огорчило всех, но «объяснению» более или менее поверили. Военное командование после острых споров назначило новую дату отъезда — 2 августа 1944 г. Было договорено, что капитан Коза повезет делегацию Словацкого национального совета (Шмидке и Ферьенчика). Шмидке ждал на заранее договоренном месте у аэродрома «Три дуба». Его, однако, «забыли» во рву у аэродрома, и он, таким образом, лишь видел, как взлетел самолет. Голиан его исключил, но послал не подполковника Ферьенчика, как было договорено, а своего офицера разведки подпоручика Корецкого. Впрочем, были в самолете пассажиры, которые к делегации Словацкого национального совета не принадлежали... Фейка, Балаж и Грюн, который возвращался для того, чтобы представить Пике отчет. Этот полет

был согласован через Лондон с советскими учреждениями как полет официальной делегации Сопротивления Словакии. Сигнализация, аэродром, трасса — обо всем было договорено. Самолет спокойно перелетел линию фронта, сделал посадку в надлежащем месте, но делегация Словацкого национального совета, ее руководитель Шмидке отсутствовали. Теперь стало совершенно ясно, что речь идет об умышленных действиях лондонского правительства, что Шмидке не был взят сознательно, с тем чтобы представитель КПС не попал в Советский Союз. После всего того, о чем я уже говорил выше, мы понимаем, что Бенешу, Ингру, Пике и остальным было нежелательно, чтобы в Москву приехал ведущий деятель Коммунистической партии Словакии, который мог бы правильно и правдиво информировать советские политические и военные учреждения о положении в Словакии, о подготовке Словацкого национального восстания, о народном и массовом характере этой акции, о позициях КПС в Словацком национальном совете и в словацком народе, о любви словацкого народа к СССР и к Советской Армии, о том, какие возможности имеются в Словакии для продвижения Советской Армии. Всего этого лондонская буржуазия не хотела и всеми силами стремилась воспрепятствовать этому. Шмидке неистовствовал, Голиан вертелся, всячески старался объяснить случившееся, но верить ему мы уже не могли: он действовал по приказам Лондона.

Шмидке все-таки приехал в Советский Союз. Это было связано с так называемым меморандумом Чатлоша. После неудачи с отъездом 9 июля 1944 г. мы стали всеми силами искать возможность получить самолет с помощью партийных органов. Случай помог нам. Примерно в половине июля 1944 г. функционер КПС в Мияве капитан Липка сообщил мне следующее: его разыскал подпоручик И. Станек, начальник разведотдела в МНО, и сказал, что Чатлош хочет послать в Москву самолетом какой-то свой меморандум и надо найти работника КПС, который бы полетел с его пилотом и помог доставить меморандум в руки советским представителям. Посовещавшись со Шмидке, мы одобрили эту акцию. Это была возможность

для Шмидке приехать в СССР. Дальнейшие переговоры я сам вел со Станеком. Меморандум Чатлоша нас вообще не интересовал, нас интересовал только его самолет и то лишь в том случае, если бы не удался отъезд, организованный Голианом.

Обман с отъездом 2 августа 1944 г., когда о Шмидке «забыли», показал, что мы действовали правильно. Мы настаивали на быстром вылете самолета Чатлоша. По словам Станека, и Чатлош торопился с посылкой меморандума. Я попросил Станека, чтобы он показал нам меморандум, что он и сделал. Вот краткое содержание меморандума: Чатлош предложил, чтобы в подходящий момент словацкие части в Карпатах открыли Советской Армии дорогу в Словакию. «Словацкое войско подготовило и сделало бы возможным быстрое продвижение советских войск через территорию Словакии и само бы присоединилось к походу против венгров». Политическая часть меморандума обнаруживала наивность Чатлоша и его манию величия. Он просто не понимал действительного положения в стране, ничего не знал о Словацком национальном совете, ни о подготовке Словацкого национального восстания. «В решающий момент словацкое военное командование произвело бы государственный переворот... Словацкая военная диктатура встретила бы сочувствие и поддержку во всех слоях населения... И это является предпосылкой для удержания словацкими военными государственной власти в своих руках... В Словакии пока что все осталось бы в руках военных...» Руководству КПС тогда, в начале августа 1944 г., был смешон этот кандидат в военные диктаторы. Но что в меморандуме следовало принять во внимание, так это желание содействовать Советской Армии в ускорении военных операций как в самой Словакии, так и в близлежащих районах. «Словацкое войско,— пишет Чатлош,— за ночь вывело бы из строя немецкую военную и промышленную технику в Словакии и создало бы условия для советских операций большого масштаба»²⁹.

ЦК КПС определил свою точку зрения в отношении меморандума Чатлоша:

²⁹ Цит. по «Час», 5.VIII.1945 г.

а) Мы считаем Чатлоша личностью очень скомпрометированной связью с фашистским режимом и нацистами, главным образом ведением войны против СССР. Поэтому ни КПС, ни Словацкий национальный совет при подготовке восстания с ним не считались, вообще с ним не вступали в контакт. В этом принципиальном вопросе ничего не будет изменено и в будущем.

б) С возможностью военного сотрудничества словацкой армии с Советской Армией Словацкий национальный совет считался с самого начала своего существования. Положение Чатлоша в словацкой армии ослаблено, антифашистские офицеры имеют господствующее влияние в большей части армии. Делегация Словацкого национального совета обсудит с советскими представителями политический и военный план Словацкого народного восстания, и потом Словацкий национальный совет будет действовать согласно их советам и директивам.

в) В политическом отношении мы отвергаем проект Чатлоша как попытку оправдать и сохранить, в другой форме, режим Тисо.

г) Советским органам предстоит обдумать, должны ли Словацкий национальный совет в начале восстания использовать и Чатлоша с целью перехода словацкой армии на сторону Советской Армии, так как определенным влиянием он еще пользуется.

д) До ответа советских органов не поддерживать с Чатлошем никаких контактов.

е) В этом смысле Шмидке должен информировать в Москве ответственные учреждения и сам должен, исходя из этой позиции ЦК КПС, передать меморандум Чатлоша советским представителям.

Меморандум Чатлоша показывал на степень разложения режима Тисо за месяц до начала Словацкого восстания. Всякие личности, которые годами находились под «крылышком» фашистского режима и «братства по оружию» с нацистами, теперь искали пути, как бежать с тонущего корабля, спасти свою шкуру, предлагая при этом все возможное и невозможное. Надо сказать, что и Чатлош как министр национальной обороны и главнокомандующий многого уже

не мог; все вокруг него было включено в подготовку Словацкого национального восстания. Он, правда, об этом не знал. КПС, в сущности, нужно было от Чатлоша одно — самолет.

Вылет мы подготавливали сами. Мы не информировали о нем остальных партнеров в Словацком национальном совете, так как опасались, что об этом снова станет известно агентам Ингра и те опять попытаются воспрепятствовать отъезду Шмидке. Все должно было быть сделано втихую, меморандум Чатлоша вспоминался бы в истории как эпизод на фоне самолета. Но на этот раз кашу заварил Станек. Во внутреннем Сопротивлении раньше он не был известен и, очевидно, в связи со своей должностью и деятельностью чувствовал необходимость застраховать себя. А если так, то сразу же во всех отношениях. Он не сдержал обещания об отлете самолета Чатлоша, а о его меморандуме информировал и буржуазных деятелей Словацкого национального совета и Голиана. Так обо всем стало известно Краткому и другим агентам Бенеша в Словакии, а от них в Лондоне.

Уже 1 августа генерал Ингр получил телеграмму, в которой сообщалось: «Чатлош высылает военную делегацию с 3 на 4 августа для установления контактов. Пилот майор Лисицкий. Чатлош мог бы разрушить наши планы»³⁰.

Партнерам в Словацком национальном совете мы все пояснили. После сорвавшегося вылета 2 августа 1944 г. они наконец поняли необходимость отъезда Шмидке именно таким путем. В отношении Чатлоша и его меморандума они приняли нашу точку зрения, так что принципиальных разногласий в этом не было. Сложнее обстояло дело с военным командованием. После обмана со 2 августа 1944 г. руководство КПС поставило перед Голианом вопрос о возможности дальнейшего сотрудничества. Он наобещал с три короба. Уж таким человеком он был: где на него крепко нажимали, там он уступал. Он обещал, что немедленно по радиотелеграфу известит через Лондон Москву,

³⁰ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 281.

что вылетевшие самолетом 2 августа 1944 г. никого не представляют, что официальная делегация Словацкого национального совета вылетит 4 августа самолетом Чатлоша; что он договорится также о перелете и посадке самолета в СССР. Ознакомив меня с текстом, он послал телеграммы. В телеграмме от 3 августа подтверждались предшествующие сообщения, а именно телеграмма от 1 августа и сообщалось, что «ввиду несчастного случая делегация отлетит 4 августа... Ознакомьте немедленно Москву»³¹. Обещал, что вместе с Шмидке отправит и Ферьенчика.

Для того, чтобы помешать дальнейшему саботажу со стороны агентов Бенеша, Шмидке поехал на аэродром на военной машине. Станек дал честное слово, что сам доставит его туда. (Он знал Шмидке под фамилией Потоцкого.) По дороге на аэродром Мокрадъ, откуда пилот майор Лисицкий должен был лететь в СССР, Шмидке и Станек остановились в Банска-Бистрице, чтобы взять с собой Ферьенчика. Голиан и Ферьенчик снова начали колебаться: им некого послать, ведь они уже отправили Корецкого, нужен ли кто-либо еще. Это опять была двойная игра: Словацкий национальный совет настаивал на отъезде делегации. Лондон не хотел этого, и они не знали, кого слушать. Мы были сыты по горло этой игрой. Шмидке сообщил Голиану, что уезжает один. Вместе со Станеком он отправился на аэродром Мокрадъ. Меморандум Чатлоша, а также все документы и сообщения, подготовленные в течение месяца, были у него с собой. Он сел в самолет Лисицкого. В последнюю минуту примчалась военная машина, из которой вышел подполковник Ферьенчик и попросил, чтобы взяли и его: Голиан в последнюю минуту принял решение и, несмотря на инструкции Лондона, послал Ферьенчика вместе с Шмидке. Так, 4 августа 1944 г., в 13 часов, официальная делегация Словацкого национального совета вылетела в СССР.

Агенты Бенеша не поленились и сообщили в Лондон обо всем, что они узнали о действиях Чатлоша, о его меморандуме и о вылете делегации Словацкого национального совета.

³¹ Там же, стр. 281.

Интересно, что опровержение Голлиана от 3 августа было поздно доставлено в соответствующие инстанции, и Ингр в донесении от 4 августа сообщал, что «предостережения относительно делегации Чатлоша... он передал в Москву»³². Он приводил полный текст сообщения из Словакии с таким добавлением: «На случай, если этот приезд в СССР чатлошских эмиссаров, о котором было сообщено, осуществится, вам необходимо за этим понаблюдать и известить соответствующие советские органы о том, что Чатлош включен в список квислингов и военных преступников и что он хочет, естественно, в последнюю минуту спастись»³³.

Капитан Я. Краткий еще 10 августа в сообщении чехословацкой службе разведки в Лондоне извратил и без всяких оснований намного переоценил планы Чатлоша и возможности их реализации. Он указывал на «сепаратистское движение во главе с Чатлошем — Тисо», которое достигает опасных размеров. «Если нам это не удастся ликвидировать и если их возьмет под защиту Москва, откуда они ждут возвращения собственной делегации, Чатлош совершит государственный переворот с помощью Москвы»³⁴.

Противоречивая и искаженная информация о ситуации в словацком Сопротивлении, которую получали советские инстанции, а также мистификации, связанные с акцией Чатлоша, осложнили полет и положение делегации СНС в СССР.

Поэтому, когда Лисицкий перелетел линию фронта и оказался над территорией СССР, его самолет приняли за неприятельский. Лисицкий был вынужден сесть недалеко от Львова, в Черткове. На следующий день (5 августа 1944 г.) Шмидке и Ферьенчика принял член Военного совета IV Украинского фронта генерал Мехлис, которому они объяснили цель своей миссии, обрисовали положение в Словакии и попросили об отправке в Москву. Они беседовали также с командующим IV Украинским фронтом генералом Петровым. 6 августа 1944 г. самолетом их отправили в Москву, где они вошли в контакт с ответственными

³² «Словацкое национальное восстание». Документы, стр. 382.

³³ Там же, стр. 285.

³⁴ Там же, стр. 290.

деятелями Советской Армии. Они передали им привезенные документы, подробно разъяснили политическое и военное положение в Словакии, а также план подготовляемого вооруженного восстания. Проверка данных, разумеется, потребовала определенного времени; Шмидке тем временем беседовал и с Г. Димитровым, а позднее, приблизительно 20 августа, и с К. Готвальдом. Переговоры в связи со Словацким национальным восстанием наконец начались.

Отъезд Шмидке в Москву вызвал панику в лондонских кругах. Начался новый этап: монополия Лондона на информацию была нарушена. В этой ситуации, когда Пика уже знал о том, что Шмидке находится в СССР, он и сам информировал более подробно советские круги. 10 августа 1944 г. он сообщал Ингру: «Сегодня я подал Главному командованию Красной Армии обобщенный доклад о положении в Словакии согласно документам, доставленным представителем военного командования Словакии (подпоручиком Корецким, который был послан Голианом 2 августа 1944 г.— Г. Г.): о размещении двух дивизий в Карпатах, о дислокации всех воинских частей и складов в Словакии... сообщение о линии Арпада в Карпатах и о венгерской армии. В заключение я просил о том, чтобы Главное командование Красной Армии изучило доклад и использовало возможность быстрого проникновения Красной Армии в глубь Словакии и в тыл германо-венгерской обороны в Закарпатье, и, наконец, возможности открытой борьбы словацких отрядов против продвижения немцев с запада до прихода Красной Армии. Далее я просил, чтобы в действующую армию в Словакии были включены части Чехословацкого корпуса. Я просил об указаниях по руководству действиями в Центральной и Западной Словакии и доставке оружия в Западную и Центральную Словакию. Наконец, я предложил, чтобы действующие советские части получили указания об установлении конспиративной связи со словацкими частями на фронте»³⁵. Пика давал информацию о положении в Словакии лишь тогда, когда был уве-

³⁵ «Словацкое национальное восстание», стр. 289.

рен, что командование Советской Армии будет и без него правильно информировано.

Важным и решающим для переговоров было то, как Бенеш и его правительство отнеслись к переговорам делегации Словацкого национального совета, к попытке координации Словацкого национального восстания с действиями Советской Армии. Правда, теперь уже речь не шла о военных действиях Бенеша в Словакии. Поэтому Лондон изрядно постарался, чтобы подготовить для Шмидке надлежащую «атмосферу». З. Фирлингер в этой связи пишет: «10 августа генерал Пика сообщил мне о содержании телеграммы, которую он получил из Лондона от генерала Ингра: «Я посылаю вам инструкции господина президента республики по вопросу об эмиссарах из Словакии:

1. Каждый делегат из Словакии должен гарантировать полное и безусловное политическое и военное включение в действия эмигрантского правительства и армии.

2. Необходимо отказаться от каких-либо переговоров, исходящих от Чатлоша или от кого-либо из квислинговских кругов нынешнего словацкого правительства.

3. Необходимо, безусловно, настаивать на принципе наказания каждого, кто вплоть до сего дня стал предателем или служил режиму. Всякий компромисс в этом деле отвергнуть, квислинговцев, бросившихся сейчас, в последнюю минуту, в бегство, с целью спасения от заслуженного наказания, не трогать, с тем чтобы они могли быть преданы суду народа.

4. Если в официальных кругах СССР проявятся тенденции вести переговоры с подобными лицами и если нельзя будет этому помешать, заранее отказаться в таком случае от участия в ответственности, внимательно следить за ходом событий и стараться иметь информацию, однако ни в коем случае не дать себя скомпрометировать.

5. Обратить внимание советских правительственных и военных кругов на то, что всякие переговоры со словацкими квислинговцами крайне осложнили бы послевоенную обстановку в Словакии, особенно в самом движении Сопротивления.

Мы убеждены, что развитие событий зашло уже так далеко, что компромиссы ничего не стоят...»³⁶.

Фирлингер, не будучи информирован ни о положении в Словакии, ни о делегации Словацкого национального совета, ответил Бенешу: «Пика сегодня мне передал инструкции президента относительно эмиссаров из Словакии. Я полностью согласен с ними. Сегодня я имел возможность передать их Зорину...»³⁷.

Остановимся теперь на том, как Лондон реагировал на миссию Шмидке. В более поздней телеграмме Бенеша говорится: «Согласно нашим сведениям, словацкие сторонники режима используют для этого (меморандум Чатлоша.— Г. Г.) и некоторых словацких коммунистов»³⁸. Бенеш был хорошо информирован о работе Коммунистической партии Словакии и Словацкого национального совета в Словакии, о подготавливавшемся восстании. Но, рассчитывая на недостаточную осведомленность советских кругов, он энергично вмешивается в действия делегации Словацкого национального совета, обвиняет ее в сотрудничестве с коллаборационистами, угрожает СССР международными осложнениями в случае, если он будет вести переговоры с этой делегацией; своим органам он отдает распоряжение препятствовать переговорам, а если это будет невозможно, то отказаться от всякой ответственности — словом, сделать невозможным соглашение о координации планов Словацкого национального совета с действиями Советской Армии.

Политическая борьба Словацкого национального совета, которую он вел в течение многих месяцев с правительством Бенеша, вылилась у последнего в категорический приказ: «Полное и безусловное политическое и военное включение в действия эмигрантского правительства и армии». Этот приказ преследовал цель добиться полной и безусловной капитуляции Коммунистической партии Словакии и Словацкого национального совета перед планами эмигрантской лондонской буржуазии.

³⁶ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. 2, стр. 314.

³⁷ Там же, стр. 315.

³⁸ Там же, стр. 328.

Руководство национально-освободительных сил в Словакии отвергло планы Бенеша, которые в столь откровенной форме он даже не решился передать на родину. В сообщениях на родину он говорил о «национальном единстве», о главной задаче народа на родине и о скромной задаче эмиграции, о том, что народ сам все решит. Своим же послам и генералам он давал приказы, которые не были ни скромными, ни двусмысленными: любой ценой взять власть в свои руки. Эта позиция Бенеша весьма осложняла отношения между Чехословацкой республикой и Советским Союзом, а также и переговоры о координации планов Словацкого национального восстания с планами и действиями Советской Армии, тем более что за несколько дней до этого, 1 августа 1944 г., вспыхнуло восстание в Варшаве.

Это выступление осложнило отношения не только между восставшими поляками, но также и между союзниками. Польское реакционное правительство в Лондоне с самого начала проводило антисоветскую политику и своими провокационными действиями в районе Катынских лесов, шпионской деятельностью на территории СССР, деятельностью армии Андерса и т. д. спровоцировало разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом. Черчилль и Рузвельт настаивали на том, чтобы дипломатические отношения были возобновлены, поддерживали польское эмигрантское правительство, однако поведение этого правительства и главы польской армии генерала Соснковского делали невозможным нормальные отношения с СССР. Был разделен и польский повстанческий лагерь. В самой стране, кроме Армии Крайовой, подчинявшейся лондонскому правительству, возникла Крайова Рада Народова (аналогично Словацкому национальному совету), политический центр прогрессивных сил внутреннего Сопротивления, создавший боевые органы Армии Людовой.

Когда Советская Армия освободила часть территории Польши, Крайова Рада Народова образовала 21 июля 1944 г. временное правительство в Люблине — Польский комитет национального освобождения, — которое управляло освобожденной частью

Польши. В этой ситуации, когда в конце июля 1944 г. части Советской Армии приближались к Висле и к Варшаве, командующий подпольными военными организациями эмигрантского правительства генерал Бур-Коморовский дал приказ о начале восстания в Варшаве. Замысел эмигрантского правительства был очевиден: овладеть в этой ситуации столицей Польши, захватить там власть и создать правительство. Руководители Советской Армии и Советского правительства не были информированы о восстании. В целом эта акция имела явно выраженный антисоветский характер. Правда, жители Варшавы, ненавидевшие немецких оккупантов, сражались стойко, но они, разумеется, не знали, каким реакционным целям должна была служить их борьба. Варшавское восстание через два месяца окончилось разрушением Варшавы и смертью тысяч людей. В политическом плане восстание обострило отношения между двумя лагерями восставших поляков, а также отношения западных держав с СССР: союзники не могли договориться по польскому вопросу вплоть до конца войны.

Польский вопрос и варшавское восстание вынуждали СССР к огромной дипломатической осторожности по отношению к Чехословацкой республике, Бенешу и его правительству. Советский Союз не хотел в данной ситуации рисковать разрывом и с чехословацким правительством, так как все подобные спорные вопросы отражались на взаимоотношениях великих союзных держав. Поэтому Советский Союз должен был в вопросе о Словацком национальном восстании и о его координации с планами Советской Армии принимать во внимание позицию правительства Бенеша, которая, однако, по основным пунктам противоречила концепции Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии и Словацкого национального совета. Таково было положение, когда К. Шмидке начал свою миссию в Москве. Он вел переговоры с московским руководством Коммунистической партии Чехословакии, с другими чехословацкими деятелями в Советском Союзе, вел переговоры с руководителями Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, с Димитровым,

Мануильским и беседовал с представителем Наркоминдела Вышинским, с военными руководителями.

Согласно сообщению, Шмидке по его возвращении, подтвержденному и моими беседами в Москве в феврале 1945 г., московское руководство Коммунистической партии Чехословакии (Готвальд, Шверма, Копецкий и другие) приняло с воодушевлением информацию Шмидке о положении в Словакии, о работе Коммунистической партии Словакии, о Словацком национальном совете и о широком национальном фронте. Оно не только согласилось с линией Коммунистической партии Словакии, с концепцией восстания, но ясно дало понять, что ситуация, которую Центральному Комитету КПС удалось создать в стране, и возможности, которые открывает подготовка Словацкого национального восстания, превосходят все ожидания, все их представления о действительном положении вещей. Информация Шмидке указывала на совершенно новые возможности развития событий в стране.

Нужно сказать, что московское руководство КПЧ в тот период находилось в довольно трудном положении. В обстановке усиленного нажима Бенеша, его правительства и армии на военные действия в самой стране руководство КПЧ не располагало достоверными сведениями о положении в Словакии, о работе партии, о перспективах борьбы. Косвенную информацию оно получало лишь от словацких солдат, перешедших на сторону Советской Армии. Однако эти сообщения были устаревшими, куцыми, ничего по существу не говорящими о планах партии, о ее работе и жизни. Советские руководители, естественно, настаивали на активизации фронта в стране, а руководство КПЧ было вынуждено ограничиваться обращениями по радио и подготовкой партизанских кадров.

Это положение хорошо иллюстрирует и письмо, которое Ян Шверма направил 2 августа 1944 г. из Москвы Р. Сланскому в Киев. Он писал: «...в последние дни мы получили через Пику (а тот получил снова из Лондона) сообщения из Словакии. Согласно этим сообщениям, в Словакии имеет место широкий военный заговор; заговорщики якобы располагают двумя дивизиями в полном составе, сосредоточен-

ными в Восточной Словакии, и нам (это представляется.— Г. Г.) несколько фантастическим, это определенно преувеличено, поскольку нам известно, что таким образом совершаемые «заговоры» не имеют больших шансов на успех. С русскими кругами мы до сих пор не имели связи, для того чтобы узнать их точку зрения по этому вопросу; как только мы будем что-нибудь знать более конкретно и выясним точку зрения русских кругов, сообщим тебе телеграфом. Если ты что-нибудь услышишь по этим вопросам сам, пожалуйста, информируй нас... Собственных сообщений из страны, к сожалению, мы до сих пор никаких не имеем...»³⁹.

Я уже упоминал, что московское руководство Коммунистической партии Чехословакии приняло с признательностью сообщения Шмидке. Оно согласилось с концепцией Коммунистической партии Словакии, поддержало ее и отстаивало как перед советскими руководителями, так и в кругах чехословацкой эмиграции. Эта точка зрения зафиксирована и в документе Коммунистической партии Чехословакии от 23 августа 1944 г. «О некоторых задачах народно-освободительного движения в Словакии», где, в частности, говорится:

«В соответствии с возрастающим сопротивлением словацкого народа против дальнейшего участия Словакии в войне на стороне Германии, а также в связи с приближением Красной Армии к восточным границам Словакии Германия может попытаться внезапно оккупировать всю Словакию, чтобы обеспечить себе словацкую территорию в качестве театра военных действий. Словацкий национальный фронт поэтому считает своей главной задачей на данном этапе борьбы спешное проведение необходимых политических, организационных и военных мероприятий:

1. Чтобы в случае попытки Германии оккупировать Словакию — будет ли эта попытка сделана с согласия или против воли нынешнего братиславского правительства, — словацкий народ выступил против ок-

³⁹ Э. Фриш. Восстание издалека и вблизи. Братислава, 1964, стр. 28—33.

купации всеми средствами, включая вооруженное сопротивление словацкой армии. Непосредственной задачей в этом случае является освобождение и удержание с помощью вооруженных сил как можно большей части территории Словакии, организация на этой свободной территории временной народной власти (Словацкий национальный совет), проведение на временно оккупированной территории партизанской войны против оккупантов вплоть до полного освобождения Словакии с помощью Красной Армии.

2. Чтобы в случае вступления Красной Армии на территорию Словакии Красной Армии, по соглашению с ней, мог быть открыт путь, было осуществлено национальное восстание, свергнуто братиславское правительство предателей, учреждена временная народная власть в лице Словацкого национального совета, с помощью Красной Армии изгнаны немцы и венгры с оккупированной части Словакии и обеспечено участие словацких сил в освобождении остальной территории Чехословацкой республики...»⁴⁰.

Что касается словацкой армии, то в упомянутом документе говорится:

«Концентрировать усилия в направлении сплочения всех частей словацкой армии для вооруженного выступления, готовиться к изоляции и обезвреживанию агентов врага и ненадежных офицеров в армии, поддерживать в настоящее время проводимую мобилизацию, с тем чтобы в армии увеличилось число национальных борцов, полных решимости выступить по призыву Словацкого национального совета...

Существующая словацкая армия, пополненная новым мобилизованным контингентом, станет после освобождения Словакии составной частью чехословацкой армии»⁴¹.

У чешских и словацких коммунистов была общая точка зрения на позицию Словацкого национального совета. Цитируемый документ гласит:

«Руководящим органом словацкого национально-освободительного движения и единственным право-

⁴⁰ «Путь к маю», т. I, ч. I. Прага, 1965, стр. 179—180.

⁴¹ Там же, стр. 180.

мощным представителем словацкого народа на родине является Словацкий национальный совет, а после освобождения Словакии всесловацкий съезд национальных комитетов. После освобождения Словакии от немецкой и венгерской оккупации и после ликвидации существующего ныне братиславского правительства Словацкий национальный совет в согласии с правительственным делегатом возьмет на себя все общественное управление на всей территории Словакии...»⁴².

Эта общая позиция словацких и чешских коммунистов в канун бурных событий в Словакии стала впоследствии весьма важным фактором. Полностью ее поддерживал и Г. Димитров, который одобрил линию Шмидке и руководства Коммунистической партии Словакии и советовал продолжать тактику «обмана Тисо», чтобы общенациональная акция не была раскрыта прежде времени, чтобы восстание имело полный успех. В этом отношении миссия Шмидке была успешна.

* * *

Что касается включения Словацкого национального восстания в планы Советской Армии и антигитлеровской коалиции, то главной проблемой тут стала позиция Бенеша и его правительства. Бенеш стремился гарантировать себе господствующие позиции на родине. В аспекте договора с СССР от 8 мая 1944 г. он издал 3 августа 1944 г. декрет президента республики о временном управлении освобожденной территории. В декрете были определены задачи и полномочия правительственного делегата, учрежден орган по управлению освобожденной территории во главе с правительственным делегатом, заместителем его должен был быть другой член Государственного совета. Правительственный делегат должен был на освобожденной территории исполнять решения совета, замещать отдельных министров, словом, править, согласно указаниям Бенеша, вплоть до прибытия правитель-

⁴² Там же.

ства на родину. Бенеш и его правительство доверили столь большую власть на освобожденной территории правому социал-демократу Ф. Немецу, который скомпрометировал себя сотрудничеством с нацистами, поскольку вместе с Гайдой и другими подписал провозглашение так называемого Национального комитета, приветствуя присоединение протектората к Германской империи⁴³. Депутаты-коммунисты в Москве протестовали против назначения Немеца и требовали, чтобы правительственная делегация по управлению освобожденной территорией была коллективным политическим органом. Однако Бенеш имел свои планы и пренебрегал советами. Уже в июле 1944 г. он назначил правительственным делегатом Ф. Немеца, а его заместителем — генерала Р. Виеста. Правительство назначило также некоторых членов Государственного совета в качестве советников Немеца. 25 августа 1944 г. в Москву прибыл Немец со своим заместителем генералом Виестом и советниками Галом, Углиржем, Лаушманом, Валою. Их сопровождал начальник военной канцелярии Бенеша генерал Гасал и руководитель канцелярии Бенеша Дртина. Кроме Вала и Лаушмана, все это были люди, верные Бенешу.

26 августа Шмидке посетил Фирлингера и передал ему подробный доклад о положении в Словакии, сообщив о политической платформе Словацкого национального совета. Фирлингер немедленно связался с Лондоном: «Вчера вечером меня навестил, с согласия советских органов, делегат Словацкого национального совета. Согласие было дано при посредничестве генерала Пики, которого я сам просил присутствовать при переговорах. Речь идет о лице, которое уже в течение года действует в Словакии и представляет группу, лояльную по отношению к президенту и Чехословацкой республике. Группа представляется действительно репрезентативной и уже в марте этого года подала президенту краткий реферат о своей деятельности... Речь идет не только о политической акции, но и военной, которая теперь вполне созрела, готовится и осуществится — особенно в случае оккупации Словакии

⁴³ См. З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. 2, стр. 292.

немецкой армией — в согласии с Главным командованием Красной Армии и с согласия наших военных органов, которые об этом информированы. Что касается словацких квислингов, нет никакого намерения кого-либо из них прощать. Со стороны Словацкого национального совета им было прямо заявлено, что они предстанут перед судом народа. Я имел случай вчера в присутствии наших делегатов снова напомнить Вышинскому о точке зрения президента на словацких квислингов. Вышинский подтвердил, что Советское правительство не намерено защищать предателей. Вышинский допускает как максимум, что и квислингов можно в какой-то момент использовать в определенных целях»⁴⁴. Так смотрели на вещи Фирлингер и Вышинский после сообщения Шмидке.

27 августа 1944 г. Фирлингер собрал расширенное совещание по вопросу о политической и военной акции в Словакии. На совещании присутствовали Шмидке, Готвальд, Шверма, Немец, Виест, Гала, Углирж, Лаушман, Вало, Пика и Гасал. Обсудили сообщение, которое гласило, что немецкие дивизии вторглись в Словакию. Как пишет Фирлингер, «было единогласно решено, что сделаем все, чтобы словацкому народу... была оказана действенная помощь»⁴⁵.

В тот же день Фирлингер получил телеграмму из Лондона, подписанную Бенешем и Масариком; телеграмма была следующего содержания:

«После падения Румынии, эвентуально Болгарии мы ожидаем паники в Словакии, а вследствие этого попытки всех словацких квислингов защитить себя. Вся словацкая реакция пытается объединиться, с тем чтобы, с одной стороны, лишить Чехословацкую республику поддержки верных ей словаков и, с другой стороны, чехов и Советского Союза. Планы, которые вынашивают Чатлош и некоторые связанные с ним офицеры, состоят в том, чтобы обратиться в Москву, заявив, что до сих пор они не могли порвать с немцами, но теперь, руководствуясь славянскими чувствами, хотят сменить лагерь, что они перейдут на сторону

⁴⁴ Там же, стр. 325—326.

⁴⁵ Там же, стр. 327.

Советского Союза, будут с ним согласовывать действия и охотно сотрудничать в военном отношении — против немцев, будут эвентуально стремиться совершить переворот и создать в Братиславе новое правительство, в котором должны отсутствовать нынешние виновники. Условием должно быть признание их самостоятельным фактором, с которым будут вестись переговоры независимо от нас. Чатлош с таким намерением послал в Москву свои военные планы, и советские военные деятели, согласно имеющимся у нас сведениям, полученным из Словакии, этими планами располагают.

Осторожно и тактично обрати внимание Советского Союза на эту новую ситуацию. В случае, если дело действительно дойдет до такого рода попыток — а это будет одно из худших деяний словацкой квислинговской клики,— нельзя будет исключить участие этих самых больших виновников. Мы, правда, определенно считаемся с тем, что, принимая во внимание нашу прежнюю политику и руководствуясь союзническим пактом, а также договором, заключенным в мае этого года, Советское правительство не предпримет ничего, что противоречило бы этим соглашениям. Чехословацкое правительство свою линию в этом вопросе не изменит и само ни в каких подобных переговорах с квислингами участия не примет. Было бы также небезопасно, если бы оно вступило в какое-либо соглашение с офицерами режима, с теми, которые хотят в последний момент спасти себя и ради этого готовы на все, хотя еще месяц назад они были самыми верными режимистами. Какие бы то ни было переговоры о переходе, соглашении и сотрудничестве с военными словацкими соединениями можно предпринимать только по договоренности с нами. Аналогичные переговоры с Советским Союзом не могут проходить без нас, а любая попытка со стороны какого бы то ни было словацкого деятеля должна быть предоставлена Советами на компетентное усмотрение нашего правительства в Лондоне или в Москве, в противном случае могла бы создаться сложнейшая послевоенная ситуация в Словакии. Иные действия политически рассматривались бы на Западе как доказательство того, что

наша политика в отношении Советского Союза была ошибочной. Это поддержало бы различные акции всей здешней реакции и особенно поляков против нас и против Советского Союза. Согласно нашим сведениям, словацкие режимисты используют и некоторых словацких коммунистов. Мы еще не имеем полного подтверждения этому, но считаемся с такой возможностью. Возможно, что это лишь предостережения наших информаторов. Необходимо на все это обратить внимание, поскольку теперь в Словакии такой хаос, что там все возможно. Конечно, обо всем этом немцы знают, так как, с одной стороны, они всюду имеют среди словаков своих агентов, а с другой стороны, об этом столько говорится в Словакии и среди политических деятелей и среди солдат, что (немцы) об этом могут знать и действительно знают. И на это следует обратить внимание советских деятелей.

Действуя в этом вопросе в полном согласии и в сотрудничестве с нашей военной миссией, которую мы обо всем этом словацком предприятии информировал. Д-р Э. Бенеш, Я. Масарик»⁴⁶.

Задумавшись над этой телеграммой Бенеша, поскольку она выражает его отношение к Словацкому национальному восстанию. Бенеш хорошо знал, что происходило в то время в Словакии. Антифашистское движение нарастало таким темпом, что в любой день можно было ожидать со стороны немцев попытки оккупации, а это означало бы вместе с тем и начало восстания. 25 августа 1944 г. Голиан информировал в этом смысле командиров гарнизонов. Каждый час мог решить вопрос об успехе или поражении, всю подготовку надо было максимально ускорить. Как же реагирует Бенеш на сообщения с родины? 21 августа Бенеш телеграфирует в Словакию: «Это последняя возможность, чтобы вы смыли все, что натворили квислинговское правительство и так называемая независимая Словакия против союзников. Это будет иметь далеко идущие последствия для Словакии и для будущей Чехословакии»⁴⁷.

⁴⁶ Там же, стр. 327—328.

⁴⁷ Архив Института истории социализма (АИИС).

13 августа 1944 г. Ингр требует от Голиана: «Участие словаков в собственном освобождении должно быть более активным...» — и при этом приказывает «с тыла напасть на немцев в союзе с русскими и партизанами». 26 августа 1944 г. Ингр сообщает Голиану: «Военное выступление является безусловно необходимым»⁴⁸, а 30 августа Бенеш категорически приказывает Голиану: «Начните немедленно активную борьбу против немецких оккупационных войск». В тот же день Рипка от имени чехословацкого правительства говорит в Государственном совете: «Правительство систематически в течение месяцев готовило помощь этой борьбе, причем его обязанностью, разумеется, было сохранение полной тайны об этих приготовлениях. Военные и партизанские отряды уже давно обращались к президенту и правительству за указаниями, а президент и правительство, как и главное командование вооруженных сил, заботились о необходимой помощи»⁴⁹.

Не будем рассматривать, насколько цитируемые приказы соответствовали подлинным намерениям их авторов. Бесспорным является то, что Бенеш и его правительство знали о положении в Словакии, что они прямо призывали к началу борьбы. Но что они сделали для ее успеха? Где был ключ к успешному началу и развитию Словацкого национального восстания? Ответ возможен лишь один — в соглашении с советскими политическими и военными учреждениями, во включении словацкой акции в общий план операций Советской Армии. В чем был смысл действий наиболее крупных, лучше других вооруженных словацких соединений — двух дивизий в Восточной Словакии, которые удерживали 40-километровый отрезок Карпат? Главным образом в соединении с силами Советской Армии, в создании для нее проходов, в облегчении ее вступления в Словакию. А что для этого сделали Бенеш и его представители в Москве? Чем они облегчили миссию Шмидке и Ферьенчика в последние дни перед восстанием, когда еще было время и

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

была возможность координировать силы, достигнуть соглашения и союза с Советской Армией? В этом отношении заслуживает внимания телеграмма Бенеша от 27 августа 1944 г. в Москву.

В Словакию Бенеш посылает призыв к боевым действиям, а в Москву пишет о «панике в Словакии», о том, что «теперь в Словакии такой хаос, что там все возможно». Я находился в те дни в Словакии. Я посещал партийные организации, нелегальный НК, партизанские отряды. Я посетил военное командование в Банска-Бистрице. Речь шла о последнем указании к восстанию. Страна была полна революционной энергией масс, в массовом масштабе росли отряды вооруженного народа, целые гарнизоны нетерпеливо ждали сигнала. Необходимо было дисциплинировать и сдерживать это разбушевавшееся море антифашистского лагеря. Я вынужден был отбросить всякую конспирацию и говорить открыто: мы послали делегацию Словацкого национального совета в Москву, ее возглавляет ведущий деятель Коммунистической партии Словакии К. Шмидке, речь идет о координации и соглашении с Советской Армией, мы ждем указаний и директив из Москвы, не ставьте под угрозу ради местных успехов широчайшую перспективу, которую открывает соглашение с Советской Армией. Может быть, кое-кто в те дни считал меня перестраховщиком, однако вся партия ждала возвращения делегации, директив из Москвы. Первым вопросом Голиана при встрече 25 августа 1944 г. был: как обстоит дело с делегацией из Москвы, какие получены указания? Это был в те дни решающий вопрос, от него зависело если не все, то по крайней мере успех восстания. Панику и хаос в Словакии видели только агенты Бенеша, которые в обстановке революционного энтузиазма народа потеряли голову, потеряли почву под ногами. В лагере Бенеша в Лондоне поднялась паника потому, что они увидели угрозу собственной акции в Словакии. Отсюда и тон телеграммы Бенеша от 27 августа 1944 г., его стремление сделать невозможным для Шмидке достигнуть соглашения с советскими властями, обеспечить объединение сил словацкого народа и Советской Армии. Поэтому он настаивает:

любое «соглашение и сотрудничество с военными словацкими соединениями можно предпринимать только в согласии с нами... Любая попытка со стороны какого бы то ни было словацкого деятеля (Шмидке.— Г. Г.) должна быть представлена Советами на усмотрение нашего правительства в Лондоне...». Бенеш пугает «сложнейшей послевоенной ситуацией в Словакии» и по адресу Советского Союза говорит открыто: «Мы определенно считаемся с тем, что... Советское правительство не предпримет ничего, что противоречило бы этим соглашениям», или «иные действия в политическом отношении рассматривались бы на Западе как доказательство того, что наша политика в отношении Советского Союза была ошибочной...» Он угрожает Советскому Союзу открытым разрывом! Он знает, что Шмидке и Ферьенчик находятся в Москве в качестве делегации Словацкого национального совета, и поэтому подчеркивает, что «словацкие режимисты используют и некоторых словацких коммунистов» для защиты фашистского режима Тисо,— он говорит об этом, чтобы дискредитировать Шмидке и всю делегацию Словацкого национального совета, чтобы сделать невозможными переговоры и соглашение с советскими деятелями! Вот как помогали Бенеш и его правительство Словацкому национальному восстанию перед самым его началом!

Но так именно поступали люди Бенеша в Москве. Генерал Пика еще 30 августа сообщал в Лондон, что «депутат Шмидке... неоднократно уклонялся от ответа на мои намеки относительно меморандума Чатлоша... он подчеркнул, что с политическим содержанием (меморандума.— Г. Г.) Словацкий национальный совет не согласится»⁵⁰. И в адресованной Бенешу записке о заседании в посольстве в Москве 27 августа Пика и Дртина писали: «Эта коалиция имеет преимущественно аграрно-алибиристическо-коммунистический характер, но она едина, естественно, в вопросе самобытности словацкого народа... Совет был связан с Чатлошем через офицера Станека, информатора Чатлоша.

⁵⁰ «Словацкое национальное восстание». Документы, Братислава, 1955, стр. 351.

Во время беседы были приняты военные предложения Чатлоша, но его политическая концепция была отвергнута. Сильнейшим выражением, которое Шмидке применил в оценке деятельности Чатлоша, было слово «паивная». Шмидке признал также, что Чатлош действовал не самостоятельно, а по договоренности с Тисо... Ситуацию, создавшуюся в результате сговора с явными квислингами а ля Чатлош, мы считаем серьезной, но действуем осторожно, чтобы не попасть сразу же в конфликт»⁵¹.

Мог ли Советский Союз в этой ситуации (варшавское восстание!) рисковать открытым конфликтом с чехословацким правительством, обострением отношений с союзниками на Западе? Он должен был действовать очень осмотрительно. Бенеш маскировал свои действия против делегации Словацкого национального совета в Москве тем, что выдвигал обвинение в сотрудничестве с представителями режима Тисо, хотя хорошо знал тех, кто представлял Словакию в Москве. Фирлингер в связи с упомянутой телеграммой с дипломатическим тактом замечает: «Телеграмма всех в определенной степени удивила своим содержанием, и особенно многих из нас поразило замечание, выдвигающее подозрение, что Советское правительство своим отношением к словацким квислингам хотело нарушить смысл договора о союзе и договора, заключенного в мае этого года»⁵².

Бенеш и его правительство не договорились о координации боевых действий словацкого народа и армии с наступлением Советской Армии, потому что не желали ее быстрого прихода на нашу территорию. Принять план Словацкого национального восстания, как его предлагал Словацкий национальный совет,— это значило подготовить также всю территорию Словакии к быстрому наступлению Советской Армии, что для Бенеша было нежелательным, ибо чешские буржуазные деятели и сам Бенеш стремились удержаться в Словакии. Именно поэтому в Словакии военное руко-

⁵¹ «Словацкое национальное восстание». Братислава, 1965, стр. 351.

⁵² З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. 2, стр. 328—329.

водство Бенеша, как писал Фирлингер, «постоянно готовило самостоятельную акцию, стремясь избежать какого-либо сотрудничества с советскими органами». Миссию Шмидке в СССР правительство Бенеша с самого начала торпедировало дипломатическими представлениями правительству Советского Союза и угрозами разрыва отношений сделало невозможным прямое соглашение между Словацким национальным советом и советскими деятелями. Об этом говорят наш опыт и доступные источники. Правда, тут встает и вопрос, каким образом планы Словацкого национального совета вписывались в общие планы наступления Советской Армии. Согласно доступным источникам, дело представляется так, что Советская Армия не планировала наступательных действий через Карпаты в Словакию. Подготовка такой акции требует времени. А его в августе уже не было. Судя, однако, по Карпатско-Дукельской операции, подготовленной в первые дни сентября 1944 г., которая в основном совпала с планом Словацкого национального совета, не здесь надо искать главное препятствие для координации действий Советской Армии со словацкими повстанческими силами.

В этой обстановке началось Словацкое национальное восстание. С Советским Союзом ни о чем не было договорено, в Словакию не было дано никаких указаний. Мы ждали напрасно. Две дивизии на востоке не знали, что предпримет Советская Армия по ту сторону Карпат. Мы не знали, согласно ли советское командование с тем, что мы наметили. Делегация Словацкого национального совета находилась в Москве, о ее работе мы на родине ничего не знали, а восстание нельзя было откладывать, потому что немецкие войска уже начали оккупировать Словакию.

Несмотря на это, работа Шмидке в Советском Союзе не была напрасной. Он информировал и убедил московское руководство Коммунистической партии Чехословакии, он информировал и советских деятелей. Начало Словацкого национального восстания полностью подтвердило его слова, рассеяв имевшиеся еще сомнения. Вопрос о помощи восстанию уже нельзя было откладывать. И переговоры, хотя и с запозда-

нием, начались. Состоялось еще одно совещание политических деятелей у Фирлингера, в котором принял участие и Шмидке перед отъездом в Словакию. На этой встрече, как пишет Фирлингер, «подчеркивалась необходимость просить совета и помощи у Советского правительства»⁵³. И это только теперь, когда разгорелась борьба, когда нацистские соединения были уже приведены в движение!

31 августа 1944 г. Фирлингер и Пика посетили заместителя народного комиссара иностранных дел Вышинского. Они информировали его о том, что происходит в Словакии. Они сообщили наконец и о Словацком национальном совете, и о борьбе словацкого народа, и о «едином национальном фронте». Они просили советской военной помощи и при этом заявили: «Верховное командование Красной Армии должно дать указание словацкому войску на территории Бардеева (две дивизии.— Г. Г.), оставаться ли ему на месте или предпринять попытку соединиться с Красной Армией. Было бы лучше, если бы такая попытка совпала с новым советским наступлением в направлении Карпат»⁵⁴.

2 сентября 1944 г. Фирлингер сообщает в Лондон: «Я предпринимаю все возможное в согласии с остальными, чтобы вопрос о помощи Словакии был решен положительно. Понятно, что для Советского Союза это тяжелая военно-техническая проблема... Здешнее правительство сохраняет значительную осмотрительность и осторожность...»⁵⁵. А могло ли оно поступать иначе после дипломатических шагов Бенеша! В своей книге Фирлингер пишет: «Было ясно и то, что восстание словацкого народа значительно усилит его самосознание и что национальный вопрос, к которому чехословацкое правительство в Лондоне проявляло столь значительную сдержанность, мог возникнуть в новой форме — на этот раз выдвигаемый широким народным движением, выражающим самобытность словацкого народа... В момент, когда Советское Верховное коман-

⁵³ Там же, стр. 337.

⁵⁴ Там же, стр. 340.

⁵⁵ Там же, стр. 342.

дование подготавливало новое наступление на всем протяжении фронта от Карпат до севера и когда внимание всего мира было приковано к трагедии варшавских повстанцев, перед Москвой во всем объеме и со всей сложностью встала и словацкая проблема»⁵⁶. Сложность «словацкой проблемы» определилась, однако, не Москвой: она коренилась исключительно в державных планах и национальном шовинизме буржуазного лондонского правительства. Действия этого правительства обусловили «сложности» в Москве и особенно задержку решения вопроса о помощи Словацкому национальному восстанию.

Советские люди проявили полное понимание героической борьбы словацкого народа. Помощь уже была в пути.

3 сентября 1944 г. Фирлингер телеграфирует в Лондон: «Вчера, в субботу, Зорин мне сообщил, что Народный комиссариат иностранных дел считает, что Словацкое национальное восстание представляет собой общенародную акцию и имеются предпосылки, которые дают обоснованную надежду на успех. Поэтому надо помогать»⁵⁷. Эта братская и всесторонняя помощь проявлялась ежедневно, без нее восстание было бы сразу же обречено. Восстание и советская помощь — это два неразрывных понятия.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 347.

12. НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

Перед отлетом в Советский Союз Шмидке назначил меня своим заместителем. Мы с ним подробно обсудили ситуацию в целом и задачи, стоящие перед партией. Шмидке предполагал, что он скоро возвратится. Свое пребывание в Советском Союзе он планировал на одну неделю. Если же он не сможет быстро возвратиться, то пошлет кого-нибудь для связи. Мы даже выработали шифровку через московское радио. Поскольку отношение советского руководства к нашим местным планам имело первоочередное и решающее значение, мы договорились о том, что не начнем восстания, пока не будут известны директивы Москвы, и этой центральной точке зрения подчинили все остальное, в первую очередь деятельность партии, Словацкого национального совета, военного командования и партизан. В том случае, если немцы попытаются оккупировать Словакию, восстание должно было начаться немедленно.

Шмидке улетел, сведения от него не поступали. Долго мы даже не знали, долетела ли делегация Словацкого национального совета до Москвы или же погибла в пути. В это время события в стране и за границей развивались бурными темпами. Август был насыщен событиями, которые прямо вели к восстанию.

Нацистские орды терпели поражение на всех фронтах. Немцы оставляли оккупированные территории на западе и на востоке. Десантные войска союзников во Франции, особенно после того как было начато дальнейшее наступление от побережья Южной Франции в середине августа, вынудили немцев очистить poste-

пенно всю территорию Франции. С помощью местных сил 22 августа 1944 г. был освобожден Париж. На Восточном фронте нацистские войска громила Советская Армия. Были освобождены Белоруссия, Западная Украина, гитлеровцев отогнали за реки Неман, Вислу, Сан. Советская Армия стояла на Карпатах, в нескольких километрах от границ Словакии. В августе началось наступление по линии Кишинев — Яссы, освободившее Молдавию. В результате этой победы Румыния 23 августа 1944 г. повернула оружие против своего прежнего союзника — нацистской Германии. Через две недели была освобождена и Болгария. Советская Армия соединилась с народно-освободительной армией в Югославии и начала продвигаться к Венгрии. Военная ситуация на Балканах и в Средней Европе изменилась существенным образом: оккупированные и угнетенные народы этих стран приветствовали свое освобождение. 1 августа 1944 г. вспыхнуло варшавское восстание. В Словакии мы тогда еще не знали его закулисной политической стороны. Мы видели в нем героическую борьбу польского народа с фашистскими оккупантами.

Эти события электризовали весь словацкий антифашистский лагерь. Каждый чувствовал, что приближается момент, когда и в Словакии начнется открытая борьба с германским нацизмом и местным фашизмом. Партийные организации ускорили свою подготовку к восстанию, национальные советы осуществляли конкретные мероприятия, готовясь взять власть в свои руки. Партизанские отряды подготавливались к боевым выступлениям. Бурлила и армия. Солдаты и офицеры были связаны с национальными советами, с партийными организациями, с партизанскими отрядами. Командование армией (Голиан) заканчивало подготовку выступления по указаниям Словацкого национального совета. В августе 1944 г. Словакия была политически готова начать большую вооруженную антифашистскую борьбу. Руководство коммунистической партии и Словацкий национальный совет ждали лишь одного: соглашения с Москвой, координации своих действий.

В начале августа в этой ситуации появляется новый момент: партизанские отряды, организованные на территории Советского Союза, переходят на территорию Словакии. Их приход ускорил развитие событий в Словакии. По этому вопросу некоторое время тому назад, особенно в годы культа личности, существовало много несправедливых и даже сбивчивых мнений. Поэтому я считаю необходимым упомянуть об этом.

Центральный Комитет Коммунистической партии Словакии после прихода К. Шмидке летом 1943 г. систематически готовил партизанские отряды как вооруженные силы народа, как важнейшую составную часть всей подготовки восстания. Летом 1944 г. частично они находились в горах, частично готовились к боевому выступлению.

Акция партизанских отрядов, подготовленных и посланных в Словакию с территории Советского Союза, была акцией параллельной, организаторы которой не знали, что готовится в Словакии, что делает Коммунистическая партия Словакии, какова обстановка. Партизанские отряды, предназначенные для Словакии, готовил Украинский штаб партизанского движения в Киеве, руководимый генералом Строкачем. «Однако Украинский штаб партизанского движения не имел никакой прямой связи с действующими партизанскими отрядами на территории Словакии и еще в середине 1944 г. не имел в своем распоряжении даже точных сведений и информации, которые могли бы обеспечить успешную высадку организаторских групп на Среднюю и Восточную Словакию»¹, — пишет майор И. Паулик. Подобным же образом пишет и С. Фалтян: «В первой половине 1944 г. Украинский партизанский штаб не имел точных сведений о ситуации в Словакии. Он не знал ни о размахе нелегальной деятельности, ни о существовании партизанских отрядов»². Поэтому речь идет о параллельной акции, которая не была

¹ «15-я годовщина СНВ». Братислава, 1959, стр. 150.

² С. Фалтян. Партизанская война в Словакии. Братислава, 1959, стр. 68.

связана с тем, что было в Словакии и что здесь готовилось.

Партизанское движение в Советском Союзе имело особенно большой размах. В тылу неприятеля партизаны вели огромную работу. Поэтому в Советском Союзе партизанское движение строилось планомерно; при штабах отдельных фронтов были и партизанские штабы. Партизанские отряды, руководимые штабами, вели боевую политическую и военно-разведывательную деятельность в тылу врага. Когда фронт начал приближаться к территории Словакии, весной 1944 г. Украинский штаб партизанского движения начал организовывать партизанские группы для борьбы на территории Словакии. Сначала речь шла о советских группах, которые с июня 1944 г. были сосредоточены вначале на Западной Украине в предгорьях Карпат на территории партизанских отрядов Шукаева и Макарова, откуда должны были перейти через Карпаты в Прикарпатскую Украину или в Словакию. Эти партизанские отряды постепенно продвинулись в Восточную Словакию, а во время восстания и дальше.

С мая 1944 г. в Советском Союзе, особенно по партийной линии, велись переговоры о советской помощи партизанскому движению на территории Чехословакии, Польши, Венгрии и Румынии. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Украины от 17 июня 1944 г. предложило Украинскому партизанскому штабу конкретно реализовать эту помощь путем специальной подготовки партизан. 27 июня 1944 г. К. Готвальд пишет генералу Строкачу, что Коммунистическая партия Чехословакии посылает Р. Сланского в Украинский штаб партизанского движения как представителя Коммунистической партии Чехословакии и А. Шрамма как политического работника для партизанской школы в Ровно. Акция подготовки партизанских отрядов из чехословацких граждан была согласована с представителями чехословацкого армейского корпуса в Советском Союзе и послом Фирлингером, который писал об этом: «Некоторое время тому назад я уже сообщал в Лондон, что генерал Кратохвил и Пика дали согласие продолжать дело, инициаторами которого были наши депутаты (ком-

мунистические.— Г. Г.). Эта акция должна была быть развита через главный штаб украинских партизан, который в этой области имел большой опыт и который обещал дать в наше распоряжение все свои средства и базу информации, которую ему удалось создать на нашей территории. Делегат Сланский должен был остаться в Киеве для связи при штабе украинских партизан. В Садагуре было заключено соглашение (с генералом Кратохвилем, кажется, 5 июля 1944 г.— Г. Г.), что с нашей стороны немедленно будут осуществлены все мероприятия для того, чтобы акция могла развернуться в полной мере и как можно скорее...»³.

Р. Сланский 14 июля 1944 г. писал из Киева К. Готвальду, что Советский Союз «хочет нам помочь организовать самостоятельное чехословацкое партизанское движение, а то, что есть сейчас, это лишь начало, что вся информация будет полностью передана чехословацкому армейскому корпусу». Когда же Сланский высказал опасение, что чехословацкие солдаты будут обучаться в специальной школе в Ровно вместе с венгерскими пленными, генерал Строкач «предложил, чтобы была организована самостоятельная чехословацкая школа при чехословацком армейском корпусе...» Сланский отказался от этого из политических соображений (влияние лондонских офицеров в армии). Представляет интерес другая часть цитируемого письма: «Строкач показал мне проект плана развития партизанского движения у нас, в Польше, Румынии, Венгрии, разработанный им... У меня было два замечания по этому плану: 1. Поскольку роль советских партизанских отрядов на нашей территории была сформулирована слишком односторонне, как военно-разведывательная, я просил, чтобы там было сказано, что в задачи их входит также помощь развитию чехословацкого национального партизанского движения. 2. Чтобы территориально была охвачена не только Восточная, но и Средняя Словакия. С обоими моими замечаниями Строкач согласился. План был рассчитан

³ З. Фирлинггер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 304.

до конца августа, Строкач сказал, что это лишь первоначальный план...»⁴.

В письме от 29 июля 1944 г. Сланский сообщает Готвальду: «Я встретился со Строкачем и обсудил с ним вопросы приема 100 чехословацких солдат... Школа в Ровно действительно была подготовлена... Из Киева я на два дня вылетел в Черновцы и тотчас же начал отбор курсантов. Я отобрал 98 офицеров и солдат. Из них 10—члены партии, в большинстве это совсем молодые члены партии, с низким политическим уровнем... В национальном отношении: 68 словаков, 29 украинцев, 1 чех. Из 98 человек 42 — старые партизаны, что большой плюс... То, что я достал столько партизан, имеет свою историю. В основном это воины II бригады, те, которые были так беспокойны. Кратохвил и II бригада просто хотели от них избавиться (а я их с радостью принял)... Я думаю, что положение в Словакии, особенно в словацкой армии, созрело для того, чтобы организовался массовый переход словацких воинов и словаков вообще в партизанские отряды. Мы должны очень поторопиться, чтобы не прийти слишком поздно. Среди наших теперешних учащихся очень мало людей, которые могли бы стать командирами, начальниками штаба, политработниками. Необходимо будет выбрать 50—60 новых словаков, то есть 10 групп по 6 человек, но действительно людей, которые подходят на руководящие должности. Для этого необходимо — и я вас об этом настоятельно прошу — тотчас же переговорить с Пикой и Фирлингером, добиться их согласия и сообщить Кратохвилу, к которому бы я сам прибыл примерно через 10 дней, чтобы к 15.8. здесь уже были эти новые курсанты... Ныне одновременно вы должны начать и с чешскими отрядами. Это будет тяжелая проблема, поскольку в армии чехи имеют самые высокие должности и нам трудно будет оторвать их от Кратохвила и Свободы... Каждый день, когда я читаю приказы и сводки, меня преследует мысль, что мы можем опоздать с развитием партизанского движения!.. Я считаю, что мы должны

⁴ Е. Фриш. Восстание издалека и вблизи. Братислава, 1964, стр. 26—29.

постараться подготовить к 1 сентября еще 100 человек — организаторов партизанского движения...»⁵.

В письме Сланский пишет о своем посещении генерала Кратохвила, начальника чехословацкого армейского корпуса:

«Он был уже немного пьян, когда я пришел к нему, продолжал пить и изливал передо мной душу... Я убежден, что он сознательно и целенаправленно охраняет всех реакционных офицеров... Все то время, что я был в Садагуре, Кратохвил и Энгел постоянно клеветали на партизан...»⁶.

Представляет интерес также сообщение Сланского Готвальду от 1 августа 1944 г. Сланский писал:

«Я как раз был у Строкача, который удивил меня следующим проектом. Повторяю дословно: «Киевский партизанский украинский штаб имеет побочные партизанские штабы при каждом Украинском фронте — первом, втором, третьем. Строкач предлагает эти побочные штабы постепенно преобразовать в национальные штабы партизанского движения для отдельных областей. Партизанский штаб 1-го Украинского фронта — в чехословацкий, 2-го Украинского фронта — в венгерский, 3-го Украинского фронта — в румынский. Он предлагает переместить партизанский штаб 1-го Украинского фронта прямо к чехословацкому корпусу... Я прошу быстро высказать ваше мнение. Что касается меня, то принципиально я — за положительное решение... Этот проект Строкача связан еще со следующим: мне и Ракоши Строкач рассказал, что когда он предложил тов. Хрущеву план развития партизанского движения у нас, в Венгрии и Польше, Хрущев ответил, что планы должны разрабатывать сами представители отдельных областей, что украинский штаб должен помогать и вести ориентацию на самостоятельное руководство партизанским движением по польскому образцу... Это к объяснению того, почему Строкач выдвигает этот проект...»⁷.

⁵ Э. Фриш. Восстание издалека и вблизи. Братислава, 1964, стр. 26—27.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 28.

4 августа 1944 г. Сланский настоятельно требует; чтобы Клемент Готвальд «послал всех людей, подходящих для должности политических работников, в отряды — коммунистов, которые бы были политическими руководителями отрядов, которые бы организовали партию дома, установили связь партии с организациями... Я думаю, что лучше всего делать это в форме партизанских отрядов... Как жаль, что в партизанские отряды я должен посылать таких слабых членов партии... Если бы я мог, я бы немедленно отправился в Садагуру и забрал лучших из наших людей. Подумайте, что бы это означало для работы дома!...»⁸.

Я довольно подробно цитирую эти документы, так как, с одной стороны, они дают более правильное представление о подготовке партизанских групп в Советском Союзе и о связанных с этим проблемах, а с другой стороны, свидетельствуют о неинформированности московского руководства Коммунистической партии Чехословакии о ситуации и подготовке восстания в Словакии. Это видно и из письма Я. Шверме от 2 августа 1944 г., которое я уже цитировал.

С трагической глубиной здесь видна недостаточная связь партии в Словакии с московским руководством Коммунистической партии Чехословакии. В Москве не знали, что делает и готовит Коммунистическая партия Словакии, а вместе с ней весь антифашистский лагерь в Словакии.

В конце июля Пика что-то шепнул руководству КПЧ о «военном заговоре в Словакии», к которому руководство КПЧ должно относиться с большим сомнением; поэтому Шверма считает это сообщение «фантастическим и паверняка преувеличенным». В этом состоянии дезинформации руководство КПЧ ориентирует на ускоренную подготовку партизанских групп, на их переброску в Словакию, чтобы они активизировали местный фронт, чтобы «организовали партию дома». При этом достаточно было послать человека, который бы установил связь, и ситуация развивалась бы совершенно иначе! Однако Сланский в дан-

⁸ Там же.

ной обстановке считал, что он должен организовать «массовый переход словацких воинов в партизанские отряды», поэтому опасался, «как бы мы не опоздали». С такой информацией о Словакии, с такими инструкциями посылались партизанские отряды в Словакию, и эта линия практически продолжалась вплоть до начала восстания. Так в августе 1944 г. в Словакии столкнулись и частично перекрещивались две акции, организаторы которых не знали ничего друг о друге, а поэтому и не могли их координировать.

Недостаток связи с родиной искажал представления московского руководства КПЧ о ближайшем периоде. Это хорошо видно из цитируемого письма Швермы от 2 августа 1944 г., где он пишет Сланскому: «Носек также просил (вероятно, с согласия Бенеша), чтобы кто-то из нас приехал на переговоры в Лондон. Мы, разумеется, отказались сегодня, когда Советская Армия устремилась вперед и когда мы надеемся, что попадем домой через Оставу прямо в Прагу. Не имеет смысла вступать в какой-то компромисс в лондонской атмосфере...»⁹. Еще в начале августа 1944 г. Шверма не предполагал, что он не попадет в Прагу, что очень скоро его ждет политическая миссия в сердце словацкого восстания, что в словацких горах окончится его жизнь, насыщенная политической борьбой.

Советские партизанские группы, которые должны были перейти Карпаты из Западной Украины, наталкивались на большие трудности. Поэтому Украинский штаб партизанского движения решил, несмотря на недостаток информации и сообщений из Словакии, послать одну организаторскую группу парашютистов прямо на территорию Словакии. Так, 26 июля 1944 г. в районе Низких Татр в деревне Липтовска Осада была сброшена группа офицера Величко, состоящая из 11 человек. Они летели, не зная, что их ожидает. Их приземление нельзя назвать удачным: Черноголов упал на башню костела, Демко — на крышу, врач — в реку, один поранил ногу. Но прием, который им оказали в Словакии, превзошел все ожидания. Ве-

⁹ Архив Института истории социализма.

лично тотчас же информировал об этом Киев. В депешах от 6—9 августа 1944 г. он сообщал: «Мы завязали связь с организацией партии в городе Ружомберок... Большие перспективы... Имеются возможности для посадки большого количества парашютистов. Словацкие части готовы перейти на сторону Советской Армии... Возможности для развития словацкого партизанского движения огромны...»¹⁰.

Организаторские группы, предназначенные для боевой деятельности в Чехословакии, перебрасывались потом уже исключительно на территорию Словакии. Группа Величко имела задачу создать базу для приема дальнейших десантных организаторских групп. На базу Величко в августе 1944 г. было выброшено еще 6 организаторских партизанских групп, начиная с 6 августа 1944 г. (группа Калины-Волянского, группы Егорова, Ушьяка, Белика и другие). Число их было невелико, примерно 100 бойцов. Но, учитывая ситуацию, в которую они попали, степень подготовки к общенациональному восстанию, сила этих отрядов росла со дня на день.

Когда Украинский штаб партизанского движения увидел, какие возможности имеются в Словакии, он решил создать базу для приема десантных партизанских отрядов и в Восточной Словакии, где действовали местные партизанские отряды «Чапаев» (Куко-релли) и «Пугачев» и куда с польской территории проникли группы подполковника Карасева-Степанова, капитана Квитинского и другие. На эту восточную словацкую базу 15 августа 1944 г. высадили партизанскую организаторскую группу Мартынова (18 парашютистов) и другие группы. В это время получили приказ перебросить в Словакию партизанские группы и с территории Польши, например группу подполковника Шукаева и другие. Эти переброски и десанты продолжались и позднее, в ходе Словацкого национального восстания.

Н. С. Хрущев 16 августа 1944 г. написал И. В. Сталину письмо о советской помощи партизанскому движению, в котором говорится: «В июле 1944 г. пред-

¹⁰ «Культурная жизнь», 1963, № 35.

ставители коммунистических партий Чехословакии, Румынии и Венгрии обратились в ЦК КП(б) Украины с просьбой оказать помощь при организации и развитии партизанского движения на территории соседних областей. С одобрения ЦК КП(б) Украины украинское командование партизанским движением при участии представителей коммунистических партий Чехословакии, Румынии и Венгрии проанализировало и выработало практические мероприятия для развития партизанского движения в упомянутых областях. С целью подготовки национальных кадров для организаторских партизанских отрядов в июле 1944 г. представителями коммунистических партий среди военнопленных было отобрано 400 чехословаков, румын и венгров; они были собраны и посланы на курсы особого значения украинского командования партизанского движения. Из обученных словаков, румын и венгров было создано 40 организаторских групп, во главе которых представители коммунистических партий поставили командиров и офицеров, отобранных среди бывших военнопленных и партизан этих народов. В каждую группу были включены 4—5 опытных украинских партизан... Составленные таким образом отряды были полностью обмундированы, вооружены, снабжены средствами связи и были заброшены на территорию, занятую неприятелем. До 10 августа украинское командование выслало 32 группы организаторов, насчитывающих 491 человек; из них: в Чехословакию — 12 групп, в Венгрию — 8 групп, в Румынию — 7 групп. Следующие пять групп... на оккупированную территорию Молдавии. С 18 группами поддерживается постоянная радиотелеграфная связь. Десантные группы подают ныне сообщения о благоприятных условиях для развития партизанского движения, особенно в Чехословакии. Командир группы Величко, заброшенный с группой, состоящей из 11 человек, 26 июля 1944 г. в области Ружомберок, в Средней Словакии послал за период 6—9 августа несколько радиопешей, характеризующих положение в Чехословакии»¹¹. Затем Н. С. Хрущев цитирует неко-

¹¹ «Культурная жизнь», 1963, № 35.

торые очень положительные сообщения Величко из Словакии и заканчивает: «За последние дни украинское командование забросило на базу Величко в Чехословакию 4 дальнейшие группы организаторов, оружие, боеприпасы, продукты. Десантная операция с группами и оружием продолжается. Мы намереваемся в августе и сентябре забросить в Чехословакию, Венгрию и Румынию еще 30 групп партизанских организаторов, а также оружие, боеприпасы и средства связи, всего 160 тонн»¹².

До сих пор я цитировал закрытые документы, чтобы читатели могли воссоздать правильную картину советской помощи при развитии партизанского движения в Словакии. С. Фалтян приводит факты, что Украинский партизанский штаб высадил на территории Словакии с конца июля до сентября 1944 г. всего 24 группы партизан-парашютистов численностью 404 партизана¹³. Это не очень большое количество, но все-таки август в Словакии прошел под знаком массового развития и массовой активизации партизанского движения. Каковы были главные причины, обеспечившие такой размах этого движения? Прежде всего это была общая политическая ситуация и атмосфера в Словакии, которую подготовили партия и Словацкий национальный совет,—ситуация окончания подготовки к общенациональной политической и вооруженной акции, ситуация, в которой местные антифашистские силы были уже настолько сильны, что могли начать вооруженное восстание. (Партизанское командование в этот период подавало оптимистические сообщения. Величко (7 августа): «Словацкие части готовы перейти на сторону советских войск». Краснорудский (8 августа): «Население Чехословакии ожидает прихода Красной Армии». Величко (8 августа): Условия развития словацкого партизанского движения не ограничены. И т. д.) Далее здесь были уже партизанские отряды, которые готовились к выступлению и имели в своем составе опытных партизанских организаторов, опытных советских бойцов-

¹² Там же.

¹³ С. Фалтян. Партизанская война в Словакии. Братислава, 1959, стр. 70.

партизан. Необходимо сказать, что в это время вопросу поддержки и помощи партизанскому движению стало придаваться большое значение и в Словацком национальном совете, в национальных комитетах, его обсуждало военное командование и все деятели, которые действовали в антифашистском лагере (например, даже жандармы), так что широкая сеть партийных организаций, национальных советов, партизанских групп, антифашистов в армии и т. д. приветствовала и всесторонне поддерживала быстрое формирование партизанских отрядов вокруг организаторских групп, переброшенных с советской территории. Психологически и политически решающей была еще одна вещь: в организаторских группах были советские офицеры. Все восхищение, любовь и доверие к Советскому Союзу, к Советской Армии, к советскому народу, которые за годы войны накопились в словацком народе, нашли теперь выражение в отношении к советским офицерам, которые прибыли из СССР помогать Словакии в антифашистской борьбе. Мы не одни, здесь русские, они пришли нам помогать, они с нами! Советская Армия с нами! Ее представители уже здесь! Так реагировали простые люди в августе 1944 г. на прибытие организаторских партизанских групп, и эта волна симпатии окружила формирующиеся партизанские отряды и росла в августе со дня на день как среди гражданского населения, так и среди воинов и части офицеров. Поэтому нигде в Европе не вырастали партизанские отряды в такой благоприятной среде, при такой поддержке населения и так быстро, как в августе 1944 г. в Словакии.

Группа Величко (при высадке она имела 11 человек) выросла к 18 августа до 360 человек, а к началу восстания — до 1 000 человек. Подобным же образом выросла и группа капитана Егорова. Группа Калины-Волянского, имевшая при приземлении 15 человек (6 августа), к 25 августа выросла до 207 человек, к 28 августа — до 500, к 14 сентября — до 1 384 человек, группа Квитинского перешла из Польши в Словакию, имея 23 человека, а за неделю выросла в Словакии до 360 человек. Подобным же образом разрастались и другие группы. Быстрый рост в ав-

густе имели и местные партизанские отряды, которые осуществляли активную деятельность (Гагарова, Жингорова, «Чапаев» и т. д.), активизируются также и партизанские отряды, которые готовила партия.

Этот быстрый рост партизанского движения и формирование больших отрядов внесли в ситуацию в Словакии целый ряд новых моментов. Прежде всего это был вопрос о вооружении и обмундировании этих отрядов, их снабжении и финансировании, о политической и материальной базе, а также вопрос об отношении к существующим антифашистским организациям в Словакии. Они использовали свое влияние в национальных комитетах, свои связи в армии, в органах безопасности, в экономике в плане помощи формирующимся отрядам. В Средней Словакии в августе антифашистское движение проходило в полулегальных условиях: революционные органы всесторонне поддерживали рост партизанских отрядов и их вооружение, с другой стороны, в лице этих отрядов они получали вооруженную охрану. В этот период также сильно увеличился прилив граждан самых разных национальностей, которые бежали из концентрационных лагерей, от принудительных работ в ближайших областях и искали в Словакии либо защиты от расовых или политических гонений, либо возможности вести борьбу с фашизмом. Кроме значительного количества советских военнопленных, в Словакию попали французские, английские и американские пленные, беженцы из Польши, Венгрии, протектората и т. д. Например, в августе из Венгрии перешла группа, состоящая из 196 французских пленных, которые потом воевали вместе с партизанами Турца.

Это оказывало сильное влияние на развитие событий еще в одном направлении. Если до августа 1944 г. подготовка восстания проходила, в сущности, централизованно (путем руководства КПС, Словацкого национального совета и военного командования) и строго конспиративно, то в августе на передний план выступил элемент стихийности, и развитие нельзя было скрыть от местных фашистов или от немцев. На территории всей Словакии говорили о русских партиза-

нах, об их делах и количестве как правдиво, так и преувеличивая. В антифашистском лагере испытывали радость и росла смелость, в тисовском — испуг, опасение, что «остров мира и порядка в Средней Европе» превратится в вулкан. Испуганы были не только верные людаки и гардисты, но больше всего представители немецкой народности, живущие в Словакии, которые сбегались в Братиславу к немецкому послу и просили защиты. Так рост партизанского движения одновременно мобилизовал и силы врага, побуждал его на различные мероприятия. Тисовский режим любыми средствами старался остановить развитие и ликвидировать «партизанскую банду». Он предпринимал военные акции против партизан, но антифашисты организовывали «прочесывание лесов» так, что тисовская армия с партизанами или вообще не встречалась, или брательась с ними. 12 августа 1944 г. правительство Тисо объявило на всей территории Словакии чрезвычайное положение и осуществило множество мелких мероприятий. Но все они были напрасны, поскольку тисовский аппарат власти был уже настолько слаб, что не в силах был реализовать собственные мероприятия, воплотить их в жизнь. «Словак» от 15 августа 1944 г. выражал еще иллюзию сторонников этого движения, когда писал: «Общественность уже знает, что над Восточной Словакией были сброшены русские парашютисты, с тем чтобы они действовали как партизаны и агенты и подстрекали наших граждан на саботаж... Чрезвычайное положение будет отпугивать тех наших граждан, которые бы, вероятно, отважились — возможно, за плату — помогать этим преступникам». Словацкий народ, однако, приветствовал этих «преступников» как своих союзников, и «Словак» 18 августа 1944 г. должен был уже констатировать, что словаки «...постоянно нападают на учреждения, на отдельных лиц и порядок в государстве. Будем искренни и скажем это прямо в глаза — они ждут переворота как своего единственного избавления. Они ждут, что придут их освободители... Люди этого типа не обратили бы внимания, если бы уже завтра пришел час гибели этого государства...» Большая часть народа решительно отвернулась от тисовского режи-

ма, оставшиеся верные ему люди были пассивны, испуганы. Чем больше сказывалось бессилие собственного аппарата власти словацкого государства, тем было яснее, что Тисо не справится своими силами с партизанским движением, тем более открыто ставился, как у верхушки людацкого режима, так особенно и у самих немцев, вопрос об оккупационных действиях немецких войск. С середины августа в воздухе висит угроза немецкой оккупации; с 24 августа она уже в программе дня.

Попытка немецкой оккупации, однако, являлась последней возможностью для общенационального вооруженного выступления. В зависимости от этого были разработаны и планы Коммунистической партии Словакии, Словацкого национального совета и военного командования. Делегация Словацкого национального совета, однако, не вернулась из Москвы, от нее не было никаких известий. Без согласования с Москвой, без директив советского руководства, без координации с планами Советской Армии восстание начнется в неблагоприятный момент, будут потеряны огромные возможности для Советской Армии и для борьбы дома. Из этих соображений вытекали выводы: до возвращения делегации Словацкого национального совета или директив из Москвы сдерживать активность партизанских отрядов, которая могла бы ускорить немецкое продвижение; пусть пока партизанские группы формируются, растут, готовятся. Такова была установка руководства Коммунистической партии Словакии и Словацкого национального совета. Этой точки зрения придерживались и Голиан и его сотрудники.

Главные вопросы подготовки восстания, конкретные детали, естественно, хранились в строгой тайне. Однако теперь, когда прибытие организаторских групп партизан подняло активность масс, призыв к оружию и действию, к факторам, известным в антифашистском движении, присоединялись факторы до сих пор неизвестные (возникновение различных групп среди гражданского населения и армии, которые начали действовать на свой страх и риск, создавать вооруженные группы или поддерживать действующие партизан-

ские отряды, присоединение многих военнопленных и беженцев из соседних государств); когда к антифашистскому движению присоединялись элементы авантюрные, которые были наиболее легковесны и радикальны в «призывах к борьбе»; когда тут и там появлялись группы с бандитскими уклонами и анархическими тенденциями, было очень важно, чтобы главная организаторская сила антифашистской борьбы — коммунистическая партия — была правильно информирована, поддерживала дисциплину и занимала ведущее место во всей борьбе. Поэтому в течение августа 1944 г. партийные организации КПС были подробно информированы о подготовке Словацкого национального восстания, о Словацком национальном совете, его целях и программе, о военном командовании и подготавливаемой акции с антифашистами в армии, о поездке делегации Словацкого национального совета во главе со Шмидке в СССР, о конкретных задачах КПС, национальных комитетов и партизанского движения в эти критические недели перед началом общенационального восстания. Сеть инструкторов ЦК КПС была расширена, чтобы партийные организации систематически были информированы о развитии событий, чтобы руководство партии имело регулярную связь с районными организациями КПС. Партийные организации всюду установили связь с партизанскими группами и оказывали им всестороннюю помощь. Трудная задача партий в этом месяце заключалась в том, чтобы поддержать единство и дисциплинированность отдельных составных частей всего антифашистского лагеря (политические и другие группы, партизаны, солдаты и т. д.), чтобы отдельные и своевольные акции не угрожали общенациональному выступлению.

* * *

Необходимо иметь в виду, поскольку речь идет о подготовке к боевому выступлению, что Словакия в августе 1944 г. была разделена грубо на три области: западную, среднюю, восточную. Примерно в середине августа к боевому выступлению была наиболее подготовлена область Средней Словакии. На это было не-

сколько причин: горный рельеф создавал условия для деятельности партизанских отрядов прямо в горах уже с весны 1944 г. (Втачник, Турец, Кремницкие и Штявницкие горы и т. д.). Это активизировало антифашистский лагерь. Повстанческое военное командование располагалось в Банска-Бистрице в управлении наземных войск и руководило военными частями прежде всего ближайших областей. И сама концепция Голиана (создать надежную базу в оборонном треугольнике Средней Словакии) способствовала тому, что в Средней Словакии антифашисты имели наибольшее влияние в армии и наиболее разработанные мероприятия к боевому выступлению. В Штубнянских Теплицах было расположено главное управление жандармерии, большая часть сотрудников которого была привлечена к восстанию; таким образом, тисовский аппарат безопасности в Средней Словакии менее всего мешал подготовке к Словацкому национальному восстанию. Можно сказать, что он ее чуть ли не поддерживал. Эти условия облегчали работу партии и других антифашистов, так что все движение там было более массовое, живое, активное и постепенно становилось все более легальным. Партизанские организаторские группы из СССР прибывали с конца июля 1944 г. именно в эти области, здесь они находили наиболее благоприятные условия (политические, военные, наиболее безопасные, что касается также рельефа местности). Они встречали воодушевление и боевой дух населения, его желание сотрудничать с ними. Здесь могли формироваться партизанские отряды почти в легальных условиях, без боев, с минимальной опасностью, окруженные заботой партии, антифашистов, гражданских и военных помощников. Поэтому в августе 1944 г. Турец, Липтов, Горегроне, область Привидзе далеко обогнали остальные области Словакии в плане политической и боевой подготовки восстания. Область Средней Словакии, подготовку которой вел Голиан, в августе 1944 г. стала наиболее сильной партизанской областью. Сюда стекались антифашисты из Западной и Восточной Словакии, с тем чтобы присоединиться к партизанам, сюда сходились военнопленные и антифашисты из-за рубежа, сюда Голиан

стягивал свои силы. Эта область становилась все более сильной, причем за счет других областей.

Совершенно иная ситуация была в Восточной Словакии. Партийные организации по сравнению с другими областями всегда здесь были более слабыми. С весны 1943 г. партийному движению большой вред принес провокатор центра государственной безопасности Гандера, с помощью которого была раскрыта сеть партийных организаций, и осенью 1943 г. здесь было проведено много арестов. Потери, которые потерпела партия, было трудно восполнить. ЦК КПС создал на востоке в конце 1943 г. новое руководство. Но в марте 1944 г. в связи с партизанскими акциями, когда пришла новая волна арестов и преследований, его опять постигло вмешательство ЦГБ. Для Восточной Словакии был создан филиал ЦГБ во главе с подполковником Дресслером, подобным же образом МНО создало так называемое центральное управление разведки (во главе с полковником Янечек). Словацкая народная партия Глинки, гвардия Глинки и государственный аппарат усилили свои мероприятия. Эти и другие мероприятия были направлены на ликвидацию партизанского движения и деятельности коммунистической партии. Поэтому коммунисты Восточной Словакии работали весной и летом 1944 г. в относительно тяжелых условиях. Сила партийных организаций и их влияние на население были несравнимо меньше, чем в других областях. С зимы 1943 г. здесь действовали партизанские отряды, особенно группа Кукорелли «Чапаев» и группа «Пугачев», в которых было много советских военнопленных. Эти партизанские группы весной 1944 г. систематически развивали боевую деятельность и были наиболее активными на территории всей Словакии; поэтому они привлекали к себе и наибольшее внимание фашистских органов. Вмешательство органов безопасности и военных органов (Дресслер, Янечек), так же как и проникновение власовских элементов в партизанские группы, значительно связывало деятельность партизанских отрядов и ослабляло их влияние на население. Антикоммунистические элементы для раскола партизанского движения в Восточной Словакии «ис-

пользовали различных шпиков и самые разнообразные методы. Симпатии и помощь населения партизанам они хотели приостановить тем, что создавали свои банды, которые стали запугивать народ в горных областях Карпат... Они не останавливались даже перед убийствами, чтобы избавиться от несговорчивых командиров...»¹⁴ — пишет И. Тот. Эти обстоятельства, усиленные людацкой и церковной пропагандой, направленной против коммунистов и партизан, оказали значительное влияние на развитие политической атмосферы в Восточной Словакии. Упомянутые негативные стороны партизанского движения в Восточной Словакии в последнее время снова анализируются в СССР, как показывает статья братиславской «Правды» от 29 апреля 1964 г. о полной гражданской и партийной реабилитации И. К. Балюты-Ягупова, командира партизанской бригады «Чапаев». Заключительные выводы по этим вопросам пока невозможно сделать.

Восточная Словакия в планах Словацкого национального восстания занимала значительную, можно даже сказать, ключевую роль. На совещании у Гитлера 12 мая 1944 г. Тисо и Чатлош пришли к соглашению, что словацкую часть Карпат от наступающей Советской Армии будут защищать словацкие части: в Восточную Словакию перебросили 2 дивизии. 18 мая 1944 г. Чатлош создает особую армейскую комендатуру в Прешове во главе с генералом Маларом, не относящуюся к командованию полевой армии в Банска-Бистрице. В начале августа 1944 г. Малару подчиняется почти 25-тысячная армия. Две дивизии удерживали участок Карпат протяженностью в 110 километров; они даже имели небольшие части на польской стороне. Немецких частей на этом участке, в сущности, не было. На этом основывался план Словацкого национального совета и военного командования, который заключался в том, чтобы эти словацкие части встретились с Советской Армией, открыли ей карпатские перевалы (особенно Дукельский), сделали возможным ее быстрый переход по словацкой терри-

¹⁴ «Исторический журнал», 1959, № 4, стр. 504.

тории до Дунайской низменности и таким образом соединили местную вооруженную антифашистскую борьбу с продвижением Советской Армии. В августе 1944 г. советские войска были удалены от словацких частей на 30—40 километров. Естественно, что первоочередным делом была координация этой акции, договоренность о ней, ознакомление с советскими планами.

Антифашистские настроения в восточнословацких частях были такими же, как и в других армейских частях Словакии. Словацкий национальный совет и военное руководство не вели переговоры и не рассчитывали во время восстания на Малара по причинам, о которых я уже упомянул. Голиан рассчитывал прежде всего на полковника Тальского, который перешел с поста начальника штаба МНО — ГВВ к Малару сначала на пост первого начальника штаба, а вскоре он стал непосредственно заместителем Малара; вышеупомянутые планы он обсуждал прежде всего с ним. В планы восстания были посвящены далее командующий первой дивизией полковник Маркус, начальник его штаба майор Полк, затем второй начальник штаба Малара подполковник Урбан, командующий авиацией майор Трнка и ряд других офицеров. Ненадежным было командование второй дивизии (подполковник Зверин, полковник Татарко), где Голиан и Тальский рассчитывали на новый состав командования. В многочисленных беседах в июле и августе 1944 г. Голиан заверял представителей КПС и Словацкого национального совета, что он полностью отвечает за восточнословацкие дивизии. Но, находясь на этом посту (он был начальником штаба ВПВ) в Банска-Бистрице, он не имел никакого прямого влияния на армию Малара и в восточнословацкой области; здесь он должен был рассчитывать на сотрудничество с Тальским и его работниками.

Из этих замечаний видно, сколь чрезвычайно важна была восточнословацкая область. К сожалению, ни работа партии, ни остальных частей антифашистского лагеря не достигла такого уровня развития, такой организованности, такой массовости, сплоченности политических сил народа и антифашистов в

армии, как того требовала ситуация в августе 1944 г. Руководящая роль партии здесь не проявилась так выразительно, как в остальных областях, и это имело последствия повсюду: в партизанском движении и армии, в образовании национальных комитетов, росте политической активности населения. Даже частое вмешательство руководства КПС не могло здесь заменить опытных партийных работников.

Режим Тисо, его учреждения да и немцы больше всего контролировали Западную Словакию: она была под носом. Работа партийных организаций проводилась хорошо, неплохо развивалось и сотрудничество с остальными антифашистскими элементами. Но все-таки здесь были некоторые отличия по сравнению со Средней Словакией. Здесь не было почти до конца августа 1944 г. действующих партизанских отрядов; партия здесь организовывала группы, они были в стадии подготовки. Голиановское руководство подготавливало акцию для Западной Словакии посредством высших функционеров и издалека. Руководству КПС казалось, что Голиан даже вообще не очень рассчитывал на восстание Западной Словакии; он был за это весьма остро раскритикован на совещании в Жаровницкой долине. Он обещал исправить положение, которое радикально не улучшилось. В этом смысле типичен пример Братиславы. Для руководства КПС и Словацкого национального совета было весьма важно, чтобы именно в Братиславе — центре «людацкого» режима — произошло восстание и чтобы политический переворот осуществился в полном масштабе. Из-за близости немецких границ и немецких гарнизонов (Малацки) такая акция не могла быть осуществлена без армии. Голлан назначил военным комендантом Братиславы сначала подполковника Д. Кишш-Калину, с которым руководство КПС обсудило конкретные мероприятия в начале акции в Братиславе и окрестностях. Предполагалось, что Братиславу можно будет удерживать по крайней мере три дня, которых бы хватило для ликвидации тисовского режима. Кишш-Калина в сотрудничестве с подполковником Ковачовичем подготавливал оборону Братисла-

вы. Учения должны были продолжаться несколько дней. Однако гитлеровцы в Братиславе были весьма напуганы, и Лудин с Махом и шефом немецкой военной миссии эти учения запретили; они предполагали, и не напрасно, что речь идет об антинемецкой акции. С военными существовала договоренность о вооружении гражданского населения, захвате радио, центральных учреждений, ликвидации фашистских главарей и т. д. Однако Голиан в результате вмешательств Краткого и других людей Бенеша все более оттеснял Кишш-Калину на задний план (за его сотрудничество с коммунистами), пока наконец не назначил за несколько дней до восстания комендантом Братиславы майора Мургаша, который не знал положения и не мог его контролировать. Об этой важной перемене Голиан даже не поставил в известность Словацкий национальный совет, вследствие чего в критические дни в Братиславе не только не было единых действий политического и военного руководства, но и не существовало прямой связи; в братиславском гарнизоне возникла паника. В Западную Словакию Голиан назначил в качестве командующего подполковника Заджору из Тренчина, который, однако, почти совсем не подготовил военных акций, абсолютно всех подвел и ушел в Банска-Бистрицу один, без гарнизона. Столь же поверхностными были меры, предпринятые Голианом в Нитре и других гарнизонах, причем роль армии именно в Западной Словакии (близость немцев, недостаток активных партизанских отрядов) была для восстания и его начального успеха решающей. Коммунистическая партия Словакии имела собственные связи почти со всеми гарнизонами в Западной Словакии, но эти связи не являлись настолько влиятельными, чтобы она могла исправить ошибки голиановского руководства и подчинить себе целые гарнизоны. Партизанские группы, переброшенные с советской территории перед Словацким национальным восстанием, вообще не были введены в действие в Западной Словакии; поэтому их мобилизующий эффект в Западной Словакии был ослаблен.

Таким образом, в Западной Словакии в августе 1944 г. ситуация еще не была настолько созревшей, как в Средней Словакии. Политическая, военная и партизанская подготовка еще требовала значительно-го улучшения.

Руководство Коммунистической партии Словакии и Словацкий национальный совет не могли не видеть эту различную степень зрелости для политической и вооруженной акции, поскольку ставили своей задачей не создание нескольких партизанских областей, а единую общенародную акцию с планируемыми политическими и военными последствиями. Они не могли измерять степень зрелости для общесловацкого выступления на основе настроений в Турце или Склабине, а должны были со всей ответственностью учитывать состояние политической, военной и партизанской подготовки во всей Словакии, во всех областях. В середине августа 1944 г. проблема не заключалась в том, чтобы начать партизанские или военные действия в Банска-Бистрице, Мартине или Миколаше, которые бы в данной ситуации, безусловно, вызвали бы немецкое военное вмешательство, а значит, и попытку полной немецкой оккупации. Главный вопрос в это время состоял в ускорении всесторонней подготовки в отстающих областях Западной и Восточной Словакии, в координировании антифашистских акций по всей Словакии в единое русло, в единое выступление в соответствии с ожидаемыми директивами и требованиями советских руководящих органов. В этом состояла в то время, на мой взгляд, главная обязанность ответственного партийного руководства. В этом направлении руководство КПС действовало и инструктировало партийные организации по всей Словакии.

Я сказал, что в августе 1944 г. в Словакии столкнулись две параллельные акции, организаторы которых друг о друге ничего не знали и не имели контактов. Партизанские организаторские группы, посланные Украинским партизанским штабом в Словакию, подчинялись командованию и приказам этого штаба в Киеве. Этот штаб, который не знал положения в Словакии, приказал подчиненным частям формировать из

местных антифашистов партизанские отряды, развивать в Словакии партизанскую деятельность, то есть бороться с врагом, перерезать его коммуникации, уничтожать его силы. Украинский штаб партизанского движения не знал и не мог знать, что выполнение таких приказов вызовет ввод в Словакию немецких войск и тем самым нарушит большую планируемую акцию международного значения, о которой Шмидке как раз вел переговоры от имени КПС и Словацкого национального совета с советскими руководящими органами в Москве. Эти факты мы должны учитывать при оценке дальнейшего развития.

Первое, в чем нуждались партизанские группы, это в оснащении. Оружие можно получить от армии, поэтому коммунисты и другие антифашисты вступали в контакты с солдатами и офицерами. Тем самым советские командиры узнавали от коммунистов и от офицеров различные факты о ситуации в Словакии и о подготавливаемом восстании. 13 августа 1944 г. состоялись переговоры Голиана с Величко и другими партизанскими командирами в Мартине. Голиан информировал Величко о том, что готовится в Словакии, обещал ему оружие и другую военную помощь. Они договорились, что восстание будет совместной акцией армии и партизан. Голиан требовал, чтобы Величко не предпринимал без его согласия крупных действий, и Величко это обещал. В тот же день состоялись переговоры представителей военного руководства с командиром и комиссаром партизанской группы Волянского. Видимо, на основе этих переговоров командиры Калина и Волянский 13 августа послали в Киев телеграмму: «Словацкий народ, армия готовы к общенародному восстанию против немцев. Руководители словацкой армии просят вас дать сигнал к наступлению». На следующий день из Украинского штаба партизанского движения пришел ответ: «Величко, Лях, Калина, Макаров, Волянский: на № 43 немедленно сообщите подробности о вооруженных силах и их руководителях, подготовленных к вооруженному выступлению против немцев. Сколько в Словакии немцев и какова их сила. Сигнал будет дан тогда, когда вы да-

дите проверенную и убедительную радиogramму об аэродромах, о количестве и подготовленности патриотов Словакии. Строкач»¹⁵.

Партизанские командиры Величко, Лях, Волянский и Калина доносили генералу Строкачу в телеграмме, которая пришла в Киев 15 августа: «Имеется договоренность с руководителями словацкой подпольной армии подполковником Голианом... подполковником Маницем... майором Марко... Планы выступления против немцев разработаны. Достигнута договоренность о координации совместных действий. Был послан наш представитель в Братиславу для окончательного и официального заключения соглашения...»

Партизанские группы посылали сообщения и в дальнейшем, но сами их командиры долго не имели ясности о политическом профиле подготавливаемого восстания. На первом плане подготавливаемой акции они видели прежде всего армию. Поэтому и Украинский штаб партизанского движения, еще менее информированный, нежели командиры в Словакии, действовал в прежнем направлении. С. Фалтян пишет: «Через два дня (то есть 16 августа.— Г. Г.) в радиogramме из Киева требовали сообщения о количестве партизан и о том, сколько из них вооруженных. Пришло распоряжение позаботиться об увеличении их рядов. Далее требовали информации, «какие силы армии согласны перейти на сторону партизан». В главном партизанском штабе в Киеве ситуацию оценивали весьма трезво. Большое значение придавалось увеличению числа партизан, которых в это время еще было не более 2 000—2 500 человек, причем многие еще не были вооружены¹⁶. Киевский штаб, вероятно, решил вести борьбу в форме партизанского движения, расширять его ряды и стремиться к «переходу армии на сторону партизан», как мы уже читали в письме Сланского Готвальду. Просто недостаток информации, особенно политической, вел к сохранению перво-

¹⁵ АИИ КПС.

¹⁶ См. С. Фалтян. Партизанская война в Словакии. Братислава, 1959, стр. 78.

начальной партизанской линии. Концепцию Словацкого национального восстания киевский штаб не принимал.

Поэтому отношения между армией и партизанами концентрировались главным образом на вопросе оружия. Егоров в своем донесении отмечал: «Видя хорошее отношение офицеров и солдат, мы решили поговорить с военачальниками о поставке оружия. Военское начальство пообещало поставить его... Но они все дальше и дальше это откладывали для того, чтобы не привлечь внимание немцев...»¹⁷.

Вопрос о поставке оружия партизанам в Средней Словакии стал весьма острым, и он вызывал напряженность между военным руководством и партизанскими группами. Мы вели переговоры о нем в Словацком национальном совете, а потом непосредственно с Голианом. Руководство Коммунистической партии Словакии твердо проводило точку зрения, что армия должна снабжать партизанские отряды оружием. Голиан свою колеблющуюся позицию объяснял тем, что оружия мало, в армию постоянно призывают запасников, в начале восстания будут мобилизованы новые и оружия будет недостаточно. Далее он говорил, что у него партизаны переманивают солдат из армии, множится дезертирство, что, с одной стороны, ослабляет армию, а с другой стороны, привлекает внимание тисовского режима и немцев, что партизаны в Словакии никому не подчиняются, ничьих приказов не слушаются, что своей деятельностью и акциями они могут вызвать немецкое вмешательство скорее, нежели вернется делегация Словацкого национального совета из СССР, скорее, нежели будет заключена договоренность о совместных действиях с Советами, то есть преждевременно. Он, Голиан, мол, согласен вооружить те партизанские части, которые ему подчинятся. Если он несет ответственность за подготовку армии к восстанию, то другие вооруженные силы не должны мешать ему в этой подготовке. Буржуазные партнеры

¹⁷ Цитируется по книге С. Фалтына «Партизанская война в Словакии». Братислава, 1959, стр. 77.

в Словацком национальном совете его в этом поддерживали.

Руководство Коммунистической партии в Словакии отвергло требование Голиана о том, чтобы партизанские отряды были подчинены его руководству прежде всего по политическим причинам. Я уже обрисовал профиль голиановского руководства: все его окружение и он сам ориентировались на буржуазию и к тому же находились под сильным влиянием и давлением лондонского эмигрантского правительства. У нас уже было достаточно печального опыта с военным руководством и лондонскими вмешательствами, которые становились все более частыми. После отлета Шмидке я взял на себя функции Шмидке — представителя Словацкого национального совета при военном руководстве. Для того чтобы быть в постоянном контакте с Голианом (чтобы я мог контролировать его мероприятия), я предложил в начале августа 1944 г. Голиану, чтобы он перевел в свой штаб (путем легальной мобилизации или хотя бы фактически) капитана Рашлу, который бы представлял Коммунистическую партию Словакии в повседневной работе военного руководства. Такую меру Голиан уже осуществил, когда по предложению буржуазных групп в Словацком национальном совете призвал в армию капитана Полака (бывшего аграрного депутата) и включил его в круг своих ближайших помощников. Голиан отверг Рашлу, отверг и другие мои предложения в этом направлении (капитана Еленя). Причины легко находились. Однако, в сущности, речь шла о том, что Голиан не хотел допустить коммунистов в свое руководство. Коммунистическая партия Словакии видела в партизанах, и особенно в отрядах, сформированных советскими командирами, свою армию, отряды вооруженного народа, находящиеся непосредственно или косвенно под влиянием коммунистической партии. По этой причине она давно уже организовывала партизанское движение; сейчас, когда это движение переживало такое бурное развитие, она не могла допустить, чтобы оно попало под командование буржуазного военного начальства и под влияние лондонской военной клики. Поэтому мы отвергли это

требование Голиана. Не имея возможности в этом вопросе опереться на Словацкий национальный совет (из-за принципиальной позиции Коммунистической партии Словакии), Голиан попытался достигнуть подчинения партизанских отрядов своему командованию через Лондон. Хотя военная клика Бенеша (Ингр, Кратохвил, Пика) проводила за рубежом точку зрения, заключавшуюся в том, что партизаны должны быть подчинены военному командованию чехословацких войск за границей, она не могла в этой ситуации никоим образом помочь Голиану, ибо, с одной стороны, она бы не нашла понимания в советских кругах, с другой стороны, она не имела непосредственно в Словакии кого-то, кому бы могла приказывать в этом вопросе: ведь единственной опорой Ингра было именно руководство Голиана. Таким образом, Голиан должен был в этом вопросе уступить: партизанские отряды не были подчинены военному руководству.

В вопросе вооружения партизан их командиры, Коммунистическая партия Словакии и другие антифашисты не только оказывали давление на Голиана, но и одновременно использовали свои прямые связи в гарнизонах с антифашистами в армии и при их помощи добывали оружие непосредственно, без согласия Голиана. В момент, когда грозило немецкое вторжение, это лишь увеличивало напряженность между военным руководством и партизанами. Поэтому Коммунистическая партия Словакии снова предприняла шаги для решения этого вопроса: вопрос вооружения партизан она поставила как принципиальный вопрос доверия к военному руководству, к его планам и замыслам, как вопрос доверия этого руководства к Советскому Союзу, откуда приходили партизанские группы.

Мы открыто сказали Голиану, что если он не даст согласия на вооружение партизан, то коммунистическая партия будет поддерживать их вооружение фактическим путем. Голиан знал, как бы это потрясло уже поколебленные позиции военного командования в армии, и поэтому решил дать согласие на вооружение партизанских частей. Он потребовал, однако,

чтобы не предпринимались действия, которые ускорили бы немецкое военное вмешательство. Так с 20 августа 1944 г. началось массовое вооружение партизан с военных складов. Капитан Егоров вспоминает об этом: «Постепенно начали после этого военные машины возить оружие в партизанские лагеря в области Низких Татр и в Турце. Гражданское население из Гиядля, Буковца, Моштенице, Подкониц, а также Грона, из Любietenей с радостью, часто в праздничной одежде помогало поднимать машины в горы, Напрашиву в Низких Татрах, где создавались партизанские учебные лагеря. На полянах возле костров молодежь пела и танцевала. Везде господствовало веселое и торжественное настроение. В течение нескольких дней партизаны на Погрони получили свыше 1 300 винтовок, 600 пулеметов»¹⁸. Постепенно решался и вопрос вооружения массово возрастающего партизанского движения. Партизанская армия невиданным темпом росла изо дня на день и получала оружие: формировались отряды, обучались и подготавливались к бою.

* * *

Между тем продолжалась и подготовка в армию. Армия пополнялась за счет запасных, постепенно призывались последующие годы призыва. Армейское командование, преданное режиму, делало это для усиления защиты перед наступающей Советской Армией, антифашисты рассчитывали на использование этой армии во время восстания, в борьбе против немцев. Голиан информировал Словацкий национальный совет о том, что накануне восстания он хочет довести число армии до 100 тыс. человек. Словацкий национальный совет поддерживал призыв запасных и пополнение армии через посредство всех своих каналов связи. В начале августа 1944 г. словацкая армия насчитывала в целом 93 132 человека, из них 8 760 человек находилось вне территории Словакии (первая и вторая ди-

¹⁸ Цитируется по кн. С. Фалтян. Партизанская война в Словакии. Братислава, 1959, стр. 84.

визии в Румынии и Италии), так что в Словакии было 84 372 солдата и офицера. Из этого числа в армии Малара в Восточной Словакии было 24 153 человека в тыловых частях и гарнизонах (подчиняющихся ВПВ) 50 336 солдат и офицеров, остальные в рабочих батальонах и в других частях¹⁹. Эти части Словакии в течение августа 1944 г. пополнялись и увеличивались; продолжалось сосредоточивание всякого рода запасов.

Силы, находившиеся в распоряжении повстанческих акций, были немалыми. Антифашистские настроения в армии в августе резко повышались, с одной стороны, под влиянием развития международных событий, особенно на Восточном фронте, а с другой стороны, под влиянием роста антифашистского и партизанского движения в Словакии. Фашистский режим все более и более утрачивал свое влияние на армию. Возможности были большими, нужно было их лишь правильно использовать. И здесь снова проявились все недостатки руководства Голиана, о которых я уже говорил. Напомним хотя бы те, которые повлияли на развитие в критические дни.

У Голиана не было личных качеств, необходимых для военного руководителя и организатора повстанческой армии большого масштаба. Он был средний штабной офицер, мягкого характера, колеблющийся, поддающийся различным влияниям, лично нерешительный, мало энергичный, с незначительным военным опытом. Если к этому прибавим политическую незрелость, столь обычную в эти годы среди словацких офицеров, то получим образ человека лично честного, антифашиста, но не годящегося на руководящую должность в такой сложной ситуации. Голиан не умел объединить вокруг себя различные группы офицеров, которые по разным причинам (политическим и личным) возникли в армии, он не умел объединить их в одно течение и подчинить своему влиянию, он не умел использовать антифашистские настроения среди солдат и низших

¹⁹ Данные привожу по статье Ф. Несвадбы, опубликованной в журнале «История и военное дело», 1963, № 1.

офицеров, опереться на них и таким образом расчленить подпольную организацию в армии. Как штабной офицер, он привык считаться только с командирами и через их посредство с массами. Он не сумел создать себе в армии авторитет энергичного командира, которому можно верить, за которым можно идти. В критические дни августа, как пишет его близкий сотрудник М. Полак, «Голиан ежедневно ожидал, что генерал Туранец (его начальник.—Г. Г.) его привлечет к ответственности и припишет ему военную измену такого масштаба, что можно будет сразу же повеситься. Особенно после исчезновения военного самолета с «Трех дубов», на котором улетел и начальник разведывательной службы ВПВ офицер Корецкий, и после отлета майора Лисицкого, с которым улетели в СССР также К. Шмидке и подполковник Ферьенчик... Голиан был полон решимости воспрепятствовать такой ситуации тем, что в крайнем случае объяснит Туранцу, о чем идет речь, и призовет его к сотрудничеству. В случае если он это отвергнет, он должен был быть отстранен...»²⁰. Эта личная неуверенность и нервозность преследовали его в течение всего времени. Когда я с ним говорил 26 августа на ВПВ о последних приготовлениях к Словацкому национальному восстанию, он был целиком под впечатлением в человеческом плане вполне понятного события в личной жизни (после долгих лет супружества у него родился первый ребенок, он думал о том, куда деть семью, которая жила прямо в здании ВПВ) и лишь с трудом сосредоточивался на решающих вопросах восстания. Конечно, судить за это человека гражданского нельзя, но военного командира — можно.

Эти личные недостатки Голиана, которые частично были известны уже и раньше, руководство Коммунистической партии Словакии и Словацкий национальный совет хотели исправить образованием трехчленного коллективного руководства, причем два заместителя Голиана (Имро и Тальский) должны были повести за собой способных в военном отношении и энер-

²⁰ Демократия в подполье и во время восстания. Братислава, 1945, стр. 42.

гичных офицеров, которые имели в армии значительный авторитет. Разными вмешательствами это коллективное руководство было разбито; Голиан сформировал собственное руководство, которое его недостатки лишь увеличило. Его заместителями были: военный ветеринар подполковник Ферьенчик, капитан запаса Полак (в сущности, невоенный, представитель буржуазной группы в Словацком национальном совете), майор Носко, майор Циприх, майор Марко. Поскольку Циприх отвечал за материальную часть, а Марко за связь, то практически оставался лишь Носко, молодой офицер, который ни по опыту, ни по кругозору не созрел для руководства всей акцией. Это руководство сидело в ВПВ в Банска-Бистрице и по существу заботилось о подготовке акции в Средней Словакии. Полак пишет, что у Голиана была нелегкая работа. Само ВПВ по отношению к офицерскому корпусу было довольно многочисленной частью, но помощников было мало, до слез мало. Видимо, поэтому нелегко было доверить здесь кому-либо самые секретные вещи ²¹. Эта «многочисленная часть» почти полностью перешла 29 августа 1944 г. на сторону восстания, но руководство Голиана даже здесь не смогло вовремя создать штаб способных помощников. Полак в цитированном произведении перечисляет в 8 пунктах «собственно военные приготовления», которыми занималось военное командование. Из этого видно, что военное командование, несмотря на острую критику на совещании в Жарновицкой долине, в сущности, занималось обеспечением «стратегического треугольника Бистрица — Зволен — Брезно». Никто из узкого штаба руководства Голиана не имел в армии большого авторитета; наверняка это не случайность. В соперничестве офицерских групп Голиан и его окружение боялись конкуренции более сильной военной личности.

К неудачному составу присоединяется и неправильная концепция повстанческой акции. Правда, что и военные имели в виду общесловацкую акцию, сотрудничество с Советской Армией, но практиче-

²¹ Демократия в подполье и во время восстания. Братислава, 1945, стр. 40.

ски в центре внимания была только Средняя Словакия. Директивы Словацкого национального совета о подготовке единой акции в Словакии Голиан осуществлял поверхностно. Майор Носко, начальник штаба у Голиана, пишет: «Вся Словакия была разделена на 3 области: на западную часть, начальником которой и организатором подпольной работы был назначен подполковник Заджора с подгруппой долины Нитры и командиром капитаном Вайнгольдом и с подгруппой Жилины с командиром подполковником Добровоцким. Средняя часть под непосредственным руководством военного центра и восточная часть под руководством начальника штаба армейской комендатуры в Прешове (полковника Тальского.— Г. Г.)»²².

На бумаге все было в порядке. Действительность, однако, была иной. Руководство Голиана, которое по уполномочию Словацкого национального совета должно было позаботиться об общесловацкой акции армии, о привлечении всех гарнизонов на территории Словакии, отдало восточнословацкую часть под ответственность Тальского, западнословацкую (Поважье, Юго-Западную Словакию с Братиславой)— под ответственность Заджоры, а само почти исключительно сосредоточило внимание на области Средней Словакии. Таким образом, руководство Голиана практически руководило среднесловацкой областью, причем $\frac{2}{3}$ словацкой территории с более чем $\frac{2}{3}$ словацкой армии было доверено двоим: Тальскому и Заджоре. В этой концепции, кажется, была известная логика, если бы Голиан призвал Тальского и Заджору к самому тесному сотрудничеству в своем штабе, если бы он образовал с ними коллективное руководство, которое бы вместе обсуждало вопрос и вместе несло ответственность. Этого, однако, не произошло. Общесловацкое руководство Голиан оставил за собой со своим штабом, с Тальским и Заджорой он советовался лишь иногда, оставляя дальнейшие конкретные мероприятия на западе и востоке Словакии почти исключительно

²² Ю. Носко. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945, стр. 10—11.

по на их ответственность. Руководство Голиана лишь поверхностно следило за подготовкой на востоке и западе Словакии, не проверяло ее достаточно, не обеспечивало ее успех, проводило время от времени разовые мероприятия, в том числе и неразумные, например, в упоминавшемся случае с комендантом Братиславы. Какие последствия имело такое «общесловачское» руководство акциями в армии, известно по результатам как в Восточной, так и в Западной Словакии. Носко пишет: «В остальных гарнизонах Поважья должен был определить и инструктировать командиров гарнизонов подполковник Заджора. Вероятно, что эта инструкция была недостаточно правильной и эффективной, потому что все эти гарнизоны после выступления генерала Чатлоша не оправдали надежд, а сам командир уехал из Тренчина в Банска-Бистрицу без гарнизона. Комендантом Братиславы был назначен майор Мургаш, но лишь перед самым восстанием, и поэтому Братислава совершенно не оправдала надежд»²³. Носко ошибается, что не оправдали надежд Братислава и Поважье. Не оправдало надежд военное командование Голиана, которое перед Словацким национальным восстанием даже не знало того, назначил ли и инструктировал ли Заджора начальников гарнизонов, которое само внесло сумятицу в Братиславу заменой военного коменданта в последний момент, которое безответственно оставило Западную Словакию (где жила почти половина словацкого населения) на волю одного офицера, который при подготовке Словацкого национального восстания почти ничего не сделал. Самый поверхностный контроль над Заджорой накануне восстания помог бы вскрыть эти недостатки. Подобная ситуация и также с подобными последствиями была и в армии Малара.

Руководство Голиана уже до восстания окопалось в горах Средней Словакии и заботилось прежде всего о проблемах этой области. Самое печальное, что это руководство плохо информировало руководство Ком-

²³ Ю. Носко. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945, стр. 15.

мунистической партии Словакии и Словацкий национальный совет в тех случаях, когда дело шло о проблемах Западной и Восточной Словакии. Голиан нас постоянно заверял, что и там все в порядке, что армия овладела всей Словакией и управляет ею. Из этого фактического положения вытекала и его концепция обороны Средней Словакии (территория, где находился его штаб). М. Полак, который ошибочно выдает концепцию Голиана за концепцию Словацкого национального совета, пишет: «На карте он окончательно начертил (в конце июля 1944 г.—*Г. Г.*) треугольник Банска-Бистрица — Зволен — Брезно. Был этот треугольник треугольником словацкого упорства, патристического запала и сопротивления»²⁴. По прошествии ряда лет к этому можно было бы добавить, что это был треугольник воинской и организационной слабости руководства Голиана, которое практически выпало с палубы Западной и Восточной Словакии, и это расходилось с директивами Словацкого национального совета, с соглашениями политических и военных руководителей. Леттрих, которого никто не будет подозревать в симпатиях к коммунистам, летом 1945 г. писал о результатах соглашения Словацкого национального совета и военных в Жарновицкой долине: в Словацком национальном восстании «должны быть использованы, с одной стороны, воинские силы словацкой армии, дополненные мобилизованными запасными, с другой стороны, партизанские отряды, которые были размещены по всей территории Словакии от востока до запада и от севера до южной границы. В том случае, если бы немецкие войска попытались занять Словакию до начала наступательных операций Красной Армии, словацкое войско должно было оказать отпор и начать планомерные бои с тем, чтобы центром обороны осталась Средняя Словакия...»²⁵. Голиан сделал линию договоренности так, что в основном старался и заботился только «о центре обороны».

²⁴ Демократия в подполье и во время восстания. Братислава, 1945, стр. 39.

²⁵ *И. Леттрих*. О Словацком национальном совете. Братислава, 1945, стр. 19.

Отмеченные недостатки Голиана, недостатки его руководства и работы оставили слишком большое поле деятельности в армии высшим офицерам и группам для их спекуляций, амбиции, маневрирования и личных планов или же для реализации прямо антиповстанческих замыслов. Я мог бы указать на много примеров, когда в силу указанных причин воинские части подводили. Приведу только один пример — восточно-словацкую армию. Голиан полагался здесь на Тальского и группу его офицеров. Однако он никогда не обеспечивал сотрудничество с Тальским, хотя начиная с марта 1944 г. они должны были осуществлять общее руководство. Тальский смотрел на Голиана как на малоспособного офицера; Голиан его не только не привлекал к тесному сотрудничеству, а просто исключил его из воинского руководства, куда его назначал Словацкий национальный совет с его согласия. Взаимоотношения между ними не были хорошими. Голиан это хорошо знал и все же никак не обезопасил восточно-словацкую армию, если бы Тальский подвел. Я уже говорил, что Голиан полагался на Тальского. А на что и на кого полагался Тальский? Думаю, что сам на себя, что играл собственную игру точно так же, как генерал Чатлош и генерал Малар. Все трое — Чатлош, Малар и Тальский принадлежали к верхушке словацкой армии, имели самые высокие функции, сотрудничали с немцами, были ими и режимом Тисо скомпрометированы. Все трое были способными военными, в армии имели имя. В 1944 г. они поняли — один раньше, другой позже, что немецкая карта, на которую они ставили, уже бита, и искали путь на другую сторону. Тальский искал путь к антифашистам с начала 1944 г. Чатлош в конце июля 1944 г. составил свой план, свой меморандум; и Малар имел свои планы летом 1944 г.: в июле 1944 г. в кругу своих близких он развивал мысли о том, как и когда перейдет с восточнословацкими дивизиями на сторону Советской Армии. Все трое знали, что не их личность имеет для другой стороны фронта значение, а дивизии; все трое сосредоточивали свои мысли на восточнословацкой армии. С высоты своих воинских чинов и места в армии на Голиана смотрели они свысока, как на глупца, который, кроме того, еще

разрушает их личные планы на то, чтобы уцелеть. Насколько личные планы Чатлоша, Малара и Тальского были близки и насколько скрещивались, сегодня трудно объективно выяснить. Чатлош утверждает, что он посвятил Малара в свой план в начале августа, что Малар согласился идти вместе. Он также утверждает, что сотрудничал с Тальским, что Тальский в середине августа информировал его о плане Голиана, что он должен был быть между ними посредником, однако последнюю неделю перед восстанием от него отстранился. Малар с Тальским хорошо сотрудничали, Малар сам выдвигал Тальского на должность своего заместителя.

В этих генеральских интригах участвовали и некоторые политические деятели. Бенешевские группы — Шробар, Весел, Краткий и другие — были в августе очень деятельны. Они имели связи с Маларом и Тальским, считались с ними в различных вариациях. На основе их данных Лондонское министерство национальной обороны (МНО) рекомендовало Малара Бенешу с весьма положительной характеристикой в качестве главнокомандующего в Восточной Словакии, и правительство Бенеша занималось этим вопросом во второй половине августа 1944 г. Коммунистическая партия Словакии и Словацкий национальный совет последовательно отрицательно относились к Чатлошу и Малару. Это отношение разделял и Голиан и его штаб, однако Урсини, встревоженный развитием партизанского движения, начал в августе проводить свою политику. Он бегал около ВПВ, где имел много личных знакомых, влиял на Голиана и на его руководство, выступал здесь от имени Словацкого национального совета, хотя без участия делегатов Коммунистической партии Словакии и без договоренности с ним не имел полномочий что-либо приказывать или советовать. Урсини в августе на свою ответственность совещался с Маларом и договорился с ним о дальнейших встречах. Когда мы об этом узнали, то протестовали и не соглашались с участием Малара; мы имели к нему точно такое же отношение, как и к Чатлошу. Как Урсини информировал военных, видно из статьи майора Й. Марко: «Политики нам обещают, что в

интересах дела привлекут и командира соединения генерала Малара; вскоре они нам сообщат, что он согласен войти в подчинение»²⁶. Тем политиком, с которым Марко в то время часто беседовал, был Урсини.

Около руководства Голиана в августе плели сети люди Бенеша из информаторских групп и разные другие буржуазные элементы, которые строили свои планы и спекуляции на позициях в армии. В этом сплетении планов и личных амбиций Голиан и его штаб не имели твердой линии, не придерживались ясной договоренности в Жарновицкой долине. Они считались с Тальским в восточнословацкой армии, однако не отметили помощь Малара и Чатлоша и сотрудничества с ними. Подполковник Мирко Весел сказал об этом в Лондоне 17 октября 1944 г.: «Малар хотя и не был их предполагаемым командующим в случае выступления против немцев, однако вообще все же знал об организационных приготовлениях и не мешал им... Командовать должен был полковник Тальский. Тальский обманул. Он улетел со своим штабом на самолетах вовремя, когда отсутствие Малара давало ему полную возможность самостоятельных действий»²⁷. Когда командующий 1-й дивизии полковник Маркус, с которым Голиан считался и который был посвящен в планы Словацкого национального восстания, вспоминал через два года о соединении с восточнословацкими партизанскими отрядами, то он писал: «О всех этих моих связях и сотрудничестве с этими партизанскими группами знал и командующий армии генерал Малар, которого мне удалось вместе с подполковником Поллаком привлечь к участию в Соппротивлении»²⁸.

Так руководство Голиана допустило неразбериху в командовании восточнословацкими дивизиями, именно в критические дни и недели, а восточнословацкую

²⁶ Военные акции в национальном восстании. Братислава, 1945, стр. 27.

²⁷ Словацкое национальное восстание. Документы. Братислава, 1965, стр. 710.

²⁸ «Новое слово», 1946, год изд. III, стр. 32—33.

армию практически отдало на милость личных планов троицы Чатлош — Малар — Тальский, которые не были тождественны ни с планом Словацкого национального совета, ни с планом руководства Голиана. Таким образом, Голиан не позаботился о создании единого авторитетного руководства для всей Словакии, которое соединило бы все группы и течения антифашистов в армии и сделало бы невозможными личную игру и индивидуальные планы офицерских верхушек. Объективные предпосылки для этого Голиан имел: он мог опереться на единое руководство антифашистского лагеря в Словацком национальном совете, а также в конце концов и на свои полномочия из Лондона. Недоставало, однако, субъективных предпосылок как у Голиана, так и у его ближайшего окружения.

Руководство Голиана во второй половине августа 1944 г. снова попало под сильное давление лондонских действий — самого Бенеша и Ингра, а также их людей в Словакии. Когда правительство Бенеша не могло помешать посылке партизанских групп из СССР, что рассматривалось им как коммунистическая акция, то оно требовало от Голиана и своих деятелей в Словакии, чтобы они ускоренно выступили с собственной военной акцией, чтобы взяли руководство на себя. Бенеш хотел в то время провести в Словакии собственную военную акцию, несмотря на все то, что было и не было подготовлено. Ингр все более и более подчиняет Голиана, приказывает ему провозгласить повстанческую армию в качестве составной части чехословацкой армии (само собой разумеется, под лондонским руководством), приказывает взять себе генерала Виеста за главнокомандующего и все свои указания организовать так, чтобы в начале акции политической и военной ситуацией Словакии овладели люди, верные Бенешу. Краткий и Весел постоянно находились около Голиана. Радиостанции были расположены поблизости от Банска-Бистрицы (Три дуба, Штубнянске Теплице). Шробара привозят в Доновалы и делают все, чтобы подчинить себе Голиана, а с ним «всю армию». Голиан этому давлению поддается, снова позволяет увлечь себя Лондону и его представителям в Словакии, хотя

и имеет возражения по поводу акции, пока не существует договоренности с СССР, пока не вернется делегация Словацкого национального совета из Москвы. В этом он придерживается концепции Словацкого национального совета.

Итак, под этими давлениями (Коммунистическая партия Словакии, Словацкий национальный совет, Лондон, партизанское движение, личные планы Чатлоша и Малара, опасение немцев и режимистов) руководство Голиана колеблется, и развитие событий отвлекает его самого от целенаправленного руководства армией. Одно дело руководство Голиана проводит последовательно: готовит военные действия в Средней Словакии. На этом оно сосредоточило свое внимание.

Необходимо знать, что накануне Словацкого национального восстания, в середине августа 1944 г., столкнулись три концепции открытой борьбы против нацизма и местного фашизма. Первая — концепция Коммунистической партии Словакии и Словацкого национального совета, концепция общенародного вооруженного восстания на основе соглашения о координации действий с Советской Армией. Вторая — концепция Бенеша и его военной клики: самостоятельные военные действия без участия народных масс, без коммунистов и без сотрудничества с Советской Армией. Третья концепция Украинского штаба партизанского движения, поддержанная московским руководством КПЧ, — массовый размах партизанского движения — была рассчитана на «переход солдат в партизанские отряды».

Если концепции Словацкого национального совета и Бенеша были друг другу достаточно хорошо известны и между ними шла борьба, то различия между концепциями Словацкого национального совета и Украинского штаба партизанского движения проистекали из того, что они не были взаимно известны, а потому не могли быть и полностью идентичными. Здесь опять

сказывались неблагоприятные последствия того, что руководство Коммунистической партии Словакии не было связано с московским руководством КПЧ и с советскими кругами. Это особенно ощущалось после 20 августа 1944 г.

Партизанские отряды быстро разрастались, крепили и вооружались (особенно в Туреце и Погроне) и ввиду благоприятных условий буквально рвались в бой. Свои соображения на этот счет они направляли в Киев. Около 16—17 августа 1944 г. Величко из Киева получил согласие на начало боевых действий. Его нарочный сообщил Голиану, что обещание не предпринимать крупные действия остается в силе только до 20 августа²⁹. 18 августа 1944 г. группа Величко окружила лесопилку в Туранах и уничтожила управляющего — немца и немецкую стражу из трех солдат. 21 августа она разместила в Склабине (около Мартина) свой штаб, и в тот же день в Липтовской Лужне состоялось совещание партизанских командиров по вопросу о дальнейших действиях.

Голиан, который инспектировал в это время группировки в Центральной Словакии, пытался прямо и косвенно удержать партизанские отряды от крупных акций. Когда же Величко сообщил о соглашении от 13 августа и начал первые боевые действия, он предупредил Словацкий национальный совет и обратился к Коммунистической партии Словакии с тем, чтобы она вмешалась в дела и потребовала от командиров партизанских отрядов повременить с началом крупных боевых действий. Речь шла не только о том, что это может ускорить ожидавшееся выступление немцев; Голиан располагал сведениями, что партизаны намерены взорвать все туннели, ведущие в Турец, и таким образом нарушить транспортные связи. По его мнению, подобные действия значительно осложнили бы связь и организационную работу по подготовке восстания. Я уже упоминал о том, что руководство КПС и Словацкого национального совета согласилось с Го-

²⁹ См. «Заметки к истории Словацкого национального восстания в Туреце». Мартин, 1947, стр. 79.

лианом. В соответствии с этим руководство Коммунистической партии Словакии вело всю работу с помощью партийных организаций и инструкторов в партизанских отрядах, особенно в группе Величко в Туреце. Когда и это не помогло, я посетил Величко в Склабине (21 августа). От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии я в долгом разговоре с Величко и его политическим комиссаром разъяснял точку зрения Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии и общую ситуацию (подготовка общенародного восстания, участие в этом Коммунистической партии Словакии, посылка делегации Словацкого национального совета в Москву, стремление координировать действия с Советской Армией, возможности для Советской Армии в Словакии, военное руководство Голиана и т. п.). Я требовал, чтобы они повременили с крупными действиями до тех пор, пока делегация Словацкого национального совета вернется из Москвы или пока мы получим указания из Москвы, так как серьезные боевые операции вызвали бы наступление немцев, а следовательно, вынудили бы нас начать восстание в неблагоприятных условиях. Я просил их, чтобы они ни в коем случае не уничтожали туннели в Стречне и Кралеванах, Горной Штубне и т. п., так как нашему восстанию они будут очень нужны.

Величко сказал, что он действует в соответствии с приказом своего командования (УШПД), и показал мне телеграмму, содержание которой сводилось к следующему: продолжать партизанские действия, но восстание не начинать. Я вновь ему разъяснил, что продолжать партизанские действия значит вызвать восстание, и просил немедленно информировать свое командование в Киеве о точке зрения Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии и одновременно довести эту информацию до сведения Шмидке в Москве. Величко обещал, что он ознакомит свое командование с точкой зрения Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии и сообщит его ответ. Я ожидал, что таким образом будет достигнута связь со Шмидке и руководящими советскими кругами. Величко обещал мне отложить крупные дивер-

сионные действия. Тогда же я договорился, чтобы Величко принял в свой отряд в качестве политработника К. Бацилека; дело в том, что возле его штаба вертелись довольно подозрительные элементы. Величко согласился и включил Бацилека в политическую работу. Бацилеку я подробно обрисовал сложившуюся ситуацию, особенно смысл миссии Шмидке в Советском Союзе и перспективы действий Советской Армии на территории Словакии, и просил его, чтобы с учетом этого он влиял на Величко и других советских офицеров. Бацилек тогда со мною полностью согласился. В этом же духе я позднее инструктировал партийные организации в Туреце, Банска-Бистрице и др.

В Центральной Словакии, однако, боевые настроения все нарастали, события накатывались лавиной. Партизанские отряды и их командиры все более проникались самоуверенностью. Величко утверждал, что способен удержать весь Турец даже в случае наступления на него двух немецких дивизий. Мои аргументы — в Словакии существует 60 округов, и мы хотим, чтобы они все включились в вооруженную борьбу против фашизма, облегчив тем самым наступление Советской Армии,— на него возымели малое действие. Такова была ситуация в Туреце, в Погрони и в Липтове. Даже партийные работники поддались этим настроениям и призывали ускорить начало боевых операций. Вскоре так оно и случилось.

«Украинский партизанский штаб на основе дополнительных просьб командиров 24 августа 1944 г. дал согласие на такие действия... Величко на этом основании дает приказ уничтожить транспортные магистрали в Туреце...»³⁰.

Партизанские группы в Туреце немедленно 24 августа взорвали и уничтожили туннели у Стречны, Краловен и на дороге Дивиак — Кремница, все туннели в Центральной Словакии. Подобное они потом совершали ежедневно. С 24 августа партизаны начали вооруженные действия в Погронье. К этим действиям

³⁰ С. Фалтян. Партизанская война в Словакии, стр. 85.

подключаются и армейские части, которые переходят на сторону партизан (например, в Мартине перешли 3 танка и часть гарнизонов). 26 августа группа партизан ликвидировала немецкую полевую жандармерию, находившуюся в отеле «Славна» во Врутках. 27 августа на сторону повстанцев перешел весь гарнизон в Турчанском Мартине и к нему присоединяется жандармский взвод безопасности, посланный Махом для ликвидации партизан. 27—28 августа партизаны начинают действовать в Ружомбероке и Микулаше, где они ликвидировали немецкие подразделения. 28 августа в Мартине в поезде партизаны задержали немецкую военную миссию во главе с генералом Отто, направлявшуюся из Румынии, ночью она была полностью ликвидирована (речь идет приблизительно о тридцати высших немецких офицерах). В Центральной Словакии началось вооружение гражданского населения. Национальные комитеты брали власть в свои руки. Немцы и фашистские элементы были взяты под стражу, немецкие подразделения ликвидировались. Группы военных перешли на сторону партизан и, не снимая военной формы, приняли участие в этих акциях. Партизанские действия в округах Центральной Словакии перерастали в открытые бои, в восстание. Стихийно они охватывали народ и армию, деревни и округа.

* * *

Партизанские действия в Центральной Словакии вызвали переполох в среде руководящих деятелей людацкого режима и фашистов. Депутат от людаков Ф. Сламень, будучи председателем окружной организации Глинковской словацкой народной партии в Брезне, писал Тисо 24 августа о партизанских действиях в Погронье: «Партизаны рассказывали без обиняков жандармам, которые с ними по-приятельски выпивали и болтали в деревне Дольна Легота (их было два против 15), что 26 и 27 августа придут посмотреть на Подбрезово. Население всего округа поражено вольными действиями партизан, и существуют опасения даже в среде людаков, что ничто им не

помешает осуществить эти действия, и если даже кто и попытается что-нибудь сделать, то это будет курам на смех. Поэтому я разрешаю себе нижайше сообщить об этом вам и просить вас, славный пан президент, чтобы вы были так любезны приказать соответствующему военному ведомству или полицейскому ведомству о как можно более скором вмешательстве, дабы воспрепятствовать этим неугодным действиям, так как сейчас нам приходится считаться с тем, что 70 граждан нашего округа перешло на сторону партизан. И если так будет беспрепятственно продолжаться, как это происходит сейчас, я опасаюсь, что через несколько дней в нашем округе будут уже целые партизанские деревни и может произойти то, что делается сегодня на Балканах...»³¹. Тисо действительно дал приказ об антипартизанских действиях, но выполнять его уже было некому. Итак, пророчество Сламеня о партизанских деревнях стало былью, и он сам поплатился жизнью за свое служение фашистам.

Немецкий посол в Братиславе Лудин сообщал 24 августа 1944 г. в Берлин: «В последние дни основательно возросла активность партизан в Словакии и связанные с этим числом акты саботажа. После основательного анализа и консультаций с соответствующими ведомствами, особенно с президентом государства д-ром Тисо и с немецким генералом, я потребовал вопреки всем политическим соображениям от немецкого генерала, чтобы он начал перемещение нескольких немецких военных соединений на территорию Словакии. С общей точки зрения сейчас можно еще быстрым и энергичным вмешательством воспрепятствовать дальнейшему наступлению партизан. Словацкая армия и отделения безопасности сами с этим не справятся. Можно ожидать, что присутствие немецких войск может привести не только к непосредственному и действительному наступлению против партизан, но также и к всеобщему успокоению немецкого и словацкого населения... Действия партизан с политической и психологической точки зрения весьма ловки. Индивидуальный террор направлен исключительно

³¹ Словацкий центральный архив, Братислава.

против немцев, тогда как со словацким населением они обходятся в высшей мере порядочно»³².

Лудина потрясли слухи, «которые возникли вечером 24 августа, о том, что в Братиславе планируется военный путч»; и «действительно ему удалось заметить передвижение войск в городе и заятие выходов из города словацкими военными»³³. Лудин и Мах обратились к Тисо. 25 августа он понял, что собственными силами уже не удержит свой режим, и решил призвать в Словакию немецкую армию. Органы информации, которые сотрудничали с антифашистскими силами, определили наличие сосредоточения немецких войсковых сил на протекторатно-словацких границах и на подступах к Петржалке—сил, которые должны были выступить против Словакии. Словацкий национальный совет и армейское руководство были об этом информированы; были приняты меры по вооруженному выступлению против немецкого наступления. 25 августа Голиан издал приказ по частям о вооруженном сопротивлении. «В соответствии с дошедшими до нас сведениями и проверенными признаками немецкий рейх решил оккупировать территорию Словакии. Самым критическим моментом является ночь на 27 августа и день 27 августа. Словацкая армия... вместе со всем народом выступает для сопротивления. Подготовьте все в соответствии с прилагаемыми распоряжениями...»³⁴.

Руководство Коммунистической партии Словакии выдало своим организациям последние инструкции для боевого наступления: немецкая попытка оккупации станет сигналом к началу вооруженной борьбы партизан, армии и всего народа, сигналом к политическому перевороту, свержению тисовского фашистского режима. Словацкий национальный совет и национальные комитеты возьмут всю власть в Словакии в свои руки. Коммунистическая партия выйдет из

³² Словацкое национальное восстание. Документы. Братислава, 1965, стр. 317—318.

³³ Там же, стр. 336.

³⁴ Ю. Носко. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945, стр. 61.

подполья и все свои силы сосредоточит на организации этой всенародной борьбы. С этими инструкциями посланцы Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии разошлись по стране. Я вновь отправился в Центральную Словакию инструктировать партийные организации, имея также в виду побывать в некоторых партизанских отрядах и особо твердо договориться с Голианом о выступлении всей армии. С Голианом я беседовал утром 26 августа. Мы договорились о том, что попытка немецкого вторжения будет последним сроком для вооруженного выступления армии. Я информировал его о конкретной подготовке в армии. Голиан рассказал о своем приказе по гарнизону. Он вспоминал о недоразумениях с немцами. Как раз до меня у него побывали представители немецкой миссии в связи с инцидентом в Гарманце. (Когда командир местного гарнизона в Гарманце получил приказ Голиана о приведении гарнизона в боевую готовность, он тотчас приказал арестовать всех немцев Гарманца. Пока что инцидент удалось уладить.) Я расспрашивал его о Восточной Словакии, насколько уверен Голиан в двух тамошних дивизиях. Он меня заверил, что там все в порядке. До меня (в тот же самый день) у Голиана побывал Тальский, и они вместе обо всем, по словам Голиана, договорились. Тальский тотчас же направляется в Прешов с намерением ждать там условленного сигнала от Голиана. По приказу Голиана восточнословацкая армия выступит против немцев; Тальский подробно информирован, он согласился подчиниться Голиану, который прочит его в командующие восставшей восточнословацкой армии. На Малара Голиан не рассчитывает, он верит Тальскому, Урбану, Маркусу и другим. Он уверен и в Западной Словакии, и в Братиславе, и в Нитре, и в остальных крупных гарнизонах. Во время этого разговора не возникло ни малейшего сомнения в том, что Голиан признает руководящую роль Словацкого национального совета.

Немецкие части, сосредоточенные на словацких границах, были, однако, в экстренном порядке откомандированы в Румынию; Лудин заявил, что немецкие войска не намерены оккупировать словацкую

территорию. В официальных кругах словацкого государства преобладала точка зрения, что немцы и без того в достаточной мере заняты в других местах и в настоящий момент не вторгнутся в Словакию. В этом смысле была выдержана и речь Маха по радио (26 августа): «Заверяю вас, что не была сделана даже малейшая попытка оккупировать Словакию, и если мы в дальнейшем будем соблюдать порядок, у нас будут все гарантии... что Словакия останется в наших словацких руках... Об оккупации Словакии у нас здесь нет и речи»³⁵.

Развитие событий в Центральной Словакии продолжалось. На сторону партизан перешли целые гарнизоны (Мартин, Ружомберок, Микулаш и др.). Немцы все-таки готовили свою акцию. Правительство назначило генерала Туранца новым главнокомандующим (вместо Чатлоша, который утратил доверие немцев). Фашистское словацкое правительство 28 августа 1944 г. постановило «усилить меры против партизан и использовать все средства в интересах защиты человеческой жизни, государственного имущества и, в буквальном смысле слова, государственного существования. Необходимые меры будут осуществляться органами государственной безопасности и словацкими силами обороны во взаимодействии с немецкими частями, которые в соответствии с этим соглашением (словацко-немецким.— Г. Г.) вступят в Словакию»³⁶. Правда, все эти запреты и приказы, издававшиеся этим правительством (запрет продавать спиртные напитки, проводить собрания, осуществлять передвижения ночью, «пребывать неофициальным лицам в лесу» и т. д.), были «коцурковскими» смехотворными мерами правительства, которое уже никто не слушал, и его приказы уже некому было выполнять. Поэтому оно и призвало на помощь немецкие воинские части.

О ситуации в правящих кругах словацкого государства в эти дни дает представление телеграмма

³⁵ «Слопак», 1944, 28 августа.

³⁶ А. Раиша. Тисо и восстание. Документы. Братислава, 1947, стр. 40—41.

Лудина в Берлин от 27 августа: «Партизанская деятельность в Словакии возрастает. Особую активность можно было заметить в ночь с 25-го на 26-е... Специальная сводка о состоянии партизанского движения приводится ниже. Благодаря усиленному нажиму с нашей стороны генерал Туранец был наконец только что назначен на пост главнокомандующего всех армейских частей и организаций с неограниченными полномочиями... Краткий разговор с генералом Туранцем 25 августа создал впечатление, что этот офицер, известный своей энергией, настроен действовать самым решительным образом против партизанского моря и деморализации словацкой армии... Как сообщил мне вчера немецкий генерал, с 28 августа можно ожидать вступления нескольких немецких воинских подразделений в зону обороны (Пухов — Молоцкий — Ступава). Поскольку, однако, как президент, так и министр Мах и генерал Туранец в основном из престижных соображений настойчиво требуют, чтобы теперь, когда генерал Туранец берет на себя главное командование, в страну немедленно не посылались немецкие войска, мы пока что решили воздержаться от этого шага, не исключая, впрочем, возможного проникновения на словацкую военную территорию армейской группы «Северная Украина». Вопреки серьезным колебаниям словацкой стороны мы добились перемещения одного... подразделения СС в Ружомберок... Поскольку дьявольская братиславская кухня полна всевозможнейших слухов (оккупация Словакии немцами, всеобщее восстание и т. п.), настроения в стране весьма неважные, фольксдейчи и имперские немцы, естественно, довольно перевозны, Мах сделал вчера вечером по моему настоянию весьма позитивное правительственное заявление, на которое обращаю ваше особое внимание... Все это время я нахожусь в постоянном личном контакте с президентом и Махом... Я не сомневаюсь в полной лояльности образа мыслей этих людей, при этом, однако, остается открытым вопрос, какие политические и правящие силы в настоящий момент за ними стоят»³⁷. В этой же теле-

³⁷ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 333—337.

грамме Лудин информирует Берлин о том, что среди словацкого населения «чрезвычайно ощутима склонность к Советам». Он косвенно признает и то, что немецкая информационная и разведывательная служба даже в эти минуты практически ничего не знала о подготовке общенародного выступления, отмечала лишь отдельные акции партизан. О «всеобщем восстании» говорится как о пропагандистском слухе; нацисты сомневаются, колеблются, начинать ли оккупацию Словакии или еще подождать. Ведь и третий рейх уже не располагал лишними силами.

Днем позже, 28 августа, решение было принято. Лудин связался по телефону с Риббентропом и в соответствии с его указанием сделал представление Тисо. В Берлин он сообщил в результате следующее: «На основе сообщений о партизанской ситуации, которые были получены 27 августа и сегодня утром, я в 14.00 в сопровождении немецкого генерала направился к президенту д-ру Тисо. Я объяснил ему, что размах партизанского движения уже исключает какие-либо дальнейшие оттяжки с нашей стороны и что представляется необходимым перемещение немецких частей в Словакию для борьбы с партизанами. Далее я предложил ему отдать распоряжение о немедленной демобилизации ненадежных словацких частей. Д-р Тисо с моими предложениями в принципе согласился. Подробности об их проведении в жизнь должны быть согласованы сегодня после обеда в присутствии генерала Туранца.

Это совещание происходило непосредственно после телефонного разговора с господином имперским министром иностранных дел у д-ра Тисо в присутствии немецкого генерала, министра Маха и генерала Туранца. Было достигнуто полное единодушие о ближайший мерах. Воинские подразделения, находящиеся в непосредственном распоряжении, будут, по всей вероятности, завтра сосредоточены в квадрате Пухова и Жилина и затем направлены для охраны железнодорожной магистрали Тренчик — Чадца, а будут усиленными — от Турчанского св. Мартина»³⁸.

³⁸ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 343.

Так было принято решение о том, что 29 августа 1944 г. нацистские части начнут оккупацию словацкой территории. Тем самым одновременно был определен срок вооруженного выступления словацкого народа против оккупантов, определена дата начала Словацкого национального восстания. А вместе с тем и начало агонии клерикально-фашистского режима. Об этом красноречиво свидетельствует следующая телеграмма Лудина в Берлин от 29 августа: «Президент государства, однако, все-таки предлагает одним ударом разоружить всю словацкую армию, как только в нашем распоряжении окажутся достаточные немецкие силы. Я со всей настойчивостью высказываюсь за это предложение и его скорейшее осуществление»³⁹. Глава словацкого фашизма предлагает ликвидировать собственную армию. И с этой целью приглашает эсэсовских головорезов.

Бановскому фарару, который на протяжении пяти лет позволял прославлять себя как «первого главу словацкого государства после 1 020 лет», не осталось ничего другого, как спрятаться за нацистские штыки, которые он призвал на борьбу со словацким народом, когда этот народ восстал против него. Убогую роль этих вассалов живописует в своем донесении из Словакии Г. Бергар, который сообщил: «Сегодня (2 сентября.— Г. Г.) я был с визитом у президента. Предвидя массу политических трудностей, я предложил господину президенту, принимая во внимание ухудшение состояния его здоровья, перебраться поближе к имперским границам, чтобы по крайней мере в ближайшие вечера он мог бы нормально выспаться. Мое предложение он принял с благодарностью, даже с внутренним облегчением, и, как я это и предполагал, к господину президенту присоединились и все члены правительства. Сегодня они находятся отчасти в Петрпарке, отчасти в Вене либо в немецкой оборонительной зоне»⁴⁰. Наступила пора расчета народа с фашистским режимом,

³⁹ Там же, стр. 353.

⁴⁰ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 410.

и, естественно, лидеры этого режима могли чувствовать себя в безопасности лишь под охраной нацистского оружия. Они довершили дело измены, продав словацкий народ немцам.

29 августа 1944 г. министерство национальной обороны Чатлоша довело до гарнизонов следующий приказ: «Сегодня ночью либо позднее на территорию Словакии вступят немецкие части с задачей оказать помощь в ликвидации партизан... соответствующим образом проинструктируйте офицеров и личный состав, чтобы при подходе немецких частей им не оказывалось ни малейшего сопротивления, чтобы с ними держались дружески и совершенно корректно...».

В этот исторический момент, когда разгорелась борьба словацкого народа за свободу, разоблачили себя различные двурушники. Ф. Чатлош, который менее месяца тому назад посылал в Советский Союз «меморандум» о переходе словацкой армии на сторону Красной Армии, теперь, узнав о немецкой оккупации и, наконец, о готовящемся разоружении словацкой армии, подходит 29 августа в 19.00 к микрофону и по радио вещает всей Словакии: «...заброшенные к нам партизаны причиняют ущерб строительству нашего государства, губят плоды нашего труда, нападают на наши деревни, грабят наше национальное достояние и коварно убивают наших людей. Свое преступное дьявольское дело враг намерен продолжать и дальше, добиваясь нашего полного порабощения и уничтожения нашей дорого купленной свободы и государственной самостоятельности. Враг коварен, он все больше нагнет по мере того, как растет число непрерывно сбрасываемых с самолетов диверсантов. В создавшемся положении, которое угрожает нам кровавым уничтожением и рабством, нам уже недостаточно... собственных вооруженных сил. Вследствие этого в Словакию вступают немецкие войска... Партизаны являются заклятыми врагами свободной и мирной Словакии... Бог нам в помощь! На страж!»⁴¹.

⁴¹ «Словак», 1944, 31 августа.

Этим трусливым выступлением Чатлош сбил с толку многих офицеров и солдат и сам упустил последнюю возможность хоть чем-то помочь антифашистской борьбе. Не помог. Он нанес серьезный вред Словацкому национальному восстанию, ибо это была не его «акция». Он планировал другую, генеральскую акцию, с диктаторскими правами. Она у него не вышла, поэтому он предал Словацкое национальное восстание в самом его начале.

Подобным же образом повел себя и другой генерал, единомышленник Чатлоша, Малар, который в последние недели тоже слегка кокетничал с силами Сопротивления. В выступлении по радио 30 августа он избрал иной тон, нежели Чатлош, но еще более вредоносный: «Если вы хотите услышать мой искренний совет, то я обращаюсь к вам: «Стой! Кругом! По гарнизонам и собственным частям шагом марш! Все уже упущено, недодумано, и все это может нашу прекрасную, до сих пор не затронутую войной, дорогую Словакию завести туда, где ей не следует быть,— в самую гущу войны... мы малая нация, так сохраним дисциплинированность, пусть все идет спокойно, как идет... К чему нам революция, друзья?.. Почему нам не подождать, пока все само не созреет, а потом разом, в соответствии с обстоятельствами, не потянуть всем вместе за одну веревку? Так подсказывает здоровый инстинкт самосохранения малой нации». И в адрес офицеров и солдат восточнословацких дивизий он сказал: «Вам, мои бойцы, соратники, находящимся под моим прямым началом, я передаю свой командирский привет, всецело полагаясь на то, что вы будете стопроцентно верить мне и выполнять лишь мои приказания... На страж!»⁴². Своим выступлением Малар дезориентировал многих офицеров и солдат и в особенности способствовал смятению умов в восточнословацких дивизиях.

Третий генерал, на этот раз уже тисовский главнокомандующий, генерал Туранец ринулся было в Банска-Бистрицу «наводить порядок» по немецкому об-

⁴² «Словак», 1944, 1 сентября.

разцу. И не успел: на аэродроме «Три дуба» партизаны схватили и обезвредили его.

Чатлош и Малар в критические часы причинили восстанию столько вреда, сколько смогли. Чатлош с благословения Тисо 30 августа выступил с речью перед офицерами братиславского гарнизона, убеждая их не участвовать в Словацком национальном восстании. Вместе с Маларом он помогал нацистам разоружать братиславский гарнизон. Лудин пишет об этом: «1 сентября должно было произойти разоружение братиславского гарнизона. На совещании у обер-группенфюрера СС Бергера как командующего в Словакии обсуждался вопрос, стоит ли, добиваясь разоружения, прибегнуть к насилию либо, учитывая слабость наших сил, прибегнуть к холодному методу. Генерал Губицки в конце концов предложил, стремясь воспрепятствовать кровопролитию, чтобы генерал Ч. (Чатлош.— Г. Г.), которого он назвал позитивно настроенным, присутствовал при разоружении и чтобы ему через посредство президента было дано указание об издании приказа о разоружении гарнизона... После разговора с президентом Чатлош в президентском дворце высказался перед военным атташе в том смысле, что, прежде чем он отдаст официальный приказ о разоружении, он обяжет каждого отдельного командира под честное слово сложить оружие без сопротивления»⁴³. И эту услугу нацистам Чатлош с помощью Малара (по приказу Тисо) оказал. Он позаботился о разоружении целого гарнизона. И только тогда, когда немцы хотели его арестовать, он бежал на повстанческую территорию и очень изумился, когда там его интернировали.

Голиан после сообщения о начале немецкой оккупации в духе соглашения со Словацким национальным советом издал 29 августа в 20.00 приказ по словацкой армии оказывать сопротивление немецким войскам, повсюду подыматься на восстание. На другой день приказ был подтвержден и письменно: «Изменическое правительство Словацкой республики

⁴³ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 426.

устами генерала Чатлоша призвало в Словакию немецкие войска. Словацкие подразделения как составная часть чехословацкой армии, верные принципам демократии и свободы, вместе со всей нацией поднимутся на отпор врагу...». 30 августа банско-бистрицкое «свободное словацкое радио» сообщило о начале Словацкого национального восстания всему народу и миру.

Словацкий народ встал на борьбу с нацистской оккупацией, с оружием в руках выступил и против «своего» фашистского режима. Открылась славная и трудная глава словацкой истории в борьбе за свободу.

Часть вторая

СЛОВАЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ

,

13. ПЕРВЫЕ ДНИ ВОССТАНИЯ

История свидетельствует, что массовые революционные выступления почти никогда не начинаются и не проходят так, как их готовили и планировали. Из военной стратегии известно, как важно знать не только силы противника и их расположение, но и его замыслы, планы и направление его ударов. Стратегия революционного выступления масс имеет более сложные законы, особенно когда речь идет о такой политической и военной борьбе, какой было Словацкое национальное восстание. Лицо врага было ясно: немецкий нацизм и прислуживающий ему словацкий фашизм. Однако не удалось рассчитать заранее, какие силы этот враг введет в бой, какое он выберет направление и каких настоящих или потенциальных союзников найдет себе непосредственно в Словакии (в армии, вооруженных частях, католической церкви, Глинковской словацкой народной партии и глинковской гвардии, среди фашизированной буржуазии и т. д.). Не удалось ясно определить заранее, какая часть населения будет активно и с энтузиазмом участвовать в борьбе, какая часть займет чрезмерно осторожную, выжидательную позицию и какие силы активно выступят против восстания. Это объясняется тем, что Словацкое национальное восстание было национально-освободительной войной против немецких оккупантов и одновременно внутренней борьбой в Словакии (между силами фашизма и антифашизма). Я уже упоминал о многочисленных разногласиях в собственном антифашистском лагере, где различие перспективных целей (проще говоря — различие целей буржуазии и пролетариата) серьезно влияло на решение неотложных, актуальных вопросов. Это усугублялось вмешательством и интригами правительства Бенеша, поведением различных

политических лагерей в Словакии и в большой мере также амбицией отдельных лиц и групп (особенно в армии). Сами действия служат проверкой правильности и тщательности подготовленных мероприятий, а также фактической роли людей, на плечи которых возложено решение ответственной задачи. Историк видит события и личности уже «проверенными» на деле и часто не может представить себе всю сумму объективных и субъективных факторов, предшествовавших этой исторической проверке. Справедливо утверждение, что массы делают историю. И оно в полном смысле слова и на редкость правдиво в применении к народному революционному движению. Словацкое национальное восстание было именно таким, где каждое предприятие, каждый район, каждая деревня вносят в общенациональное дело какую-то свою специфику, где наряду с объединительными тенденциями возникают и тенденции центробежные, где старый политический и государственный авторитет сметен, а новый только еще рождается, где надо поднимать революционный энтузиазм и одновременно вводить революционную дисциплину, где наряду с народной инициативой неизбежно возникают элементы стихийности и анархизма, где рядом с честными, смелыми и самоотверженными людьми играют свою роль также авантюристические, эгоистические или даже негативные элементы. Сумма многих объективных и субъективных компонентов составляет то великое неизвестное, которому надо противостоять во время самих действий. Поэтому каждому революционному руководству необходима значительная доля способности к революционной импровизации, без которой невозможно руководить массовой акцией.

Словацкое национальное восстание началось не так, как это представляли себе Коммунистическая партия Словакии и Словацкий национальный совет. Главное условие — соглашение с СССР, координация с действиями Советской Армии, указания или советы из Москвы — отсутствовало. О делегации Шмидке не было ни слуху ни духу: Советская Армия на севере и на юге находилась так далеко от словацкой территории, что внутренними силами преодолеть эту отдаленность

не было возможности. Словацкий национальный совет и военное руководство ожидали возвращения делегации из Москвы, ожидали соглашения о координации или хотя бы такого приближения советских войск, когда повстанческие отряды в Словакии получили бы возможность соединиться с наступающими частями. Однако вовремя установить прямую связь и договориться о совместных действиях не удалось ни с Украинским штабом партизанского движения, ни с московским руководством КПЧ.

Между тем партизанские организаторские группы, посланные из СССР, оказали необычайное воздействие на развитие партизанского движения в Словакии (в начале Словацкого национального восстания в партизанских отрядах было примерно 5 тысяч человек, правда, лишь частично обученных и боеспособных). Они в большей мере способствовали росту боевой активности лагеря антифашистских сил, поднимали отвагу и боевую решимость народа, особенно в Средней Словакии. Своими действиями после 20 августа 1944 г. — к ним примкнули и некоторые антифашистские органы (организации Коммунистической партии Словакии, национальные комитеты), а также армейские части — они ускорили вступление немецких войск в Словакию, а тем самым и начало общенационального выступления словаков.

Словацкое национальное восстание, таким образом, началось в невыгодном, вынужденном варианте, когда еще не были созданы благоприятные условия для его начала, но ждать дальше было уже нельзя. Попытка немцев осуществить военную оккупацию была последним возможным сроком для начала общенационального отпора; в конце концов с самого начала подготовки Словацкого национального восстания имелся в виду и этот вариант. Такое начало восстания означало, что из рук повстанческого руководства выпадал очень действенный фактор — застать врага врасплох (Тисо, Маха и К°, к тому же и немцы не знали, что готовится общенациональное восстание), выпадал фактор, являющийся для успеха революционных действий зачастую решающим. Мы легче поймем отрицательные последствия этого обстоятельства, когда узнаем о

политических и военных недостатках военного руководства Голиана. От антифашистов в армии, от их энергичного выступления в первые часы восстания в решающей мере зависел успех всей акции в Западной и Восточной Словакии, то есть на двух третях словацкой территории. Но именно здесь фактор внезапности и инициативы действовал в интересах немцев и против повстанческих сил.

Здесь проявились все недостатки подготовки Голианом акций в армии, усугубленные в решающие дни вмешательством лондонских деятелей и их людей из окружения Голиана. По стечению обстоятельств в критические дни (28—30 августа 1944 г.) никто из руководства Коммунистической партии Словакии не имел близких контактов с Голианом, а из остальных представителей Словацкого национального совета был только Урсини, о сомнительных делах которого я уже упоминал.

Руководство Коммунистической партии Словакии и Словацкий национальный совет находились в Братиславе и оттуда руководили подготовкой восстания. Из Братиславы шли связующие нити к партийным организациям, национальным комитетам, партизанским отрядам. Там мы ежедневно ожидали сообщений о миссии Шмидке в Москву, туда сходилась информация о планах и мероприятиях тисовских властей и нацистов (из правительственных кругов МНО, Центрального штаба безопасности, государственного и хозяйственного аппарата, из кругов Маха и Лудина и т. д.), там был центр Словацкого государства, которому мы готовились нанести смертельный удар. Поэтому Новомеский и я в это время находились преимущественно в Братиславе. Там был и Леттрих, с которым мы ежедневно совещались и от имени Словацкого национального совета должны были оперативно решать важнейшие вопросы. Создаваемый в течение целого года конспиративный центр партии и остальные руководящие органы Сопротивления невозможно было перевести в другое место быстро и без нарушения связи, особенно в критические дни. Военный центр был в Банска-Бистрице, и снабжение его информацией, полученной из тисовских и немецких источников, про-

исходило с помощью нашей связи в Братиславе. Словацкий национальный совет и военный центр имели связь, курьеры сновали между Братиславой и Банска-Бистрицей, но эта связь в критические часы все-таки не была удовлетворительной, не была достаточно быстрой и строго ответственной, если говорить о лицах. (В качестве связных здесь работали также лица из групп разведки, Фраштяцкий, различные лица самовольно метались между Братиславой и Голианом и т. д.) За несколько дней до восстания я послал в Среднюю Словакию из Братиславы группу коммунистов (О. Павлика, М. Фальтяна, Ф. Вашечку и других), однако они не были достаточно информированы, чтобы сами на месте могли принимать решения. Таким образом, решение немцев об оккупации Словакии застало политическое руководство в Братиславе, и оно не могло непосредственно вмешаться в события в Банска-Бистрице; в первые дни многие события развивались стихийно и в политическом отношении беспорядочно.

Одной из задач, которую требовалось выполнить в связи с восстанием, было освобождение заключенных коммунистов. В Словацком национальном совете и во время бесед с солдатами мы ясно договорились о том, что в начале восстания всюду будут освобождены политические заключенные. Однако руководство Коммунистической партии Словакии сочло нужным организовать также и самостоятельную акцию по освобождению заключенных членов партии, которые сидели во многих тюрьмах Словакии, и особенно в Братиславе, Илаве, Нитре, Леопольдове. Шмидке в беседе с Широким (в мае 1944 г.) договорился о том, что все эти акции будут проведены в одно время, непосредственно перед восстанием или одновременно с ним, чтобы полицейские репрессии в случае преждевременного освобождения заключенных не нарушили существующую сеть партийных организаций. Устанавливались связи с тюрьмами, разрабатывались подробные мероприятия по освобождению, переправке и раз-

мещению товарищей, с которыми была постоянная связь. Когда стало угрожать немецкое вторжение, я разослал проинструктированных людей, чтобы они готовили акцию на определенную ночь (кажется, в ночь на понедельник, 28 августа). В Леопольдове и Илаве не было возможности в назначенную ночь осуществить освобождение, так как там несла караул неподходящая стража. Поэтому оно было отложено на день. Мы получили информацию, что немецкие части, сосредоточенные на границах Словакии, отошли в Румынию и что, следовательно, непосредственной угрозы оккупации нет.

Между тем начались события в Мартине, Ружомбереке, Микулаше и других. По личному указанию Тисо командиру гарнизона в Нитре (майору Шмиговскому) нитранская тюрьма была занята войском и гвардейцами. В Нитре не удалось осуществить подготовленную операцию. Вместе с тем вновь поступившие сообщения подтверждали, что немцы вот-вот вторгнутся. Я снова послал людей, для того чтобы всюду обеспечить освобождение заключенных. В большинстве случаев это удалось (в Братиславе, Илаве и др.).

На освобождении товарищей из нитранской тюрьмы было сосредоточено особое внимание: предпринимались попытки совершить освобождение с помощью партийных организаций в Нитре, связей в армии и партизанских отрядах. Когда эти попытки не оправдались, мы организовали уже из Банска-Бистрицы три военно-партизанских похода в Нитру с целью освободить заключенных функционеров КПС. Группе солдат под руководством подполковника Киша-Калина действительно удалось проникнуть в Нитру; однако немецкая воинская группа преградила ей путь, и она должна была отступить. Затем Голиан по моему настоянию дал приказ военному гарнизону в Земянских Костолахах (примерно 2 500 человек, командир капитан Вейнхольд) вместе с партизанами занять Нитру. Мы потребовали также, чтобы партизанские отряды в окрестностях Приевидзе также участвовали в операции по освобождению товарищей. Эта операция была сорвана немецким наступлением у Тополь-

чан. Наконец, был организован поход партизанского отряда капитана Егорова (600 человек), который Голиан по моему требованию специально вооружил и снабдил автомашинами. Мы дали им также партийных сопровождающих. Отряд Егорова возвратился с полдороги. Он получил приказ своего командования, ставивший перед ним иную задачу. Так как уже не было больше возможности действовать из Банска-Бистрицы, мы поручили руководству Коммунистической партии Словакии в Западной Словакии рассмотреть этот вопрос и использовать все возможности для освобождения товарищей, заключенных в Нитре.

Забота о заключенных товарищах, связь с ними, материальная и юридическая помощь, ходатайства, чтобы их выпустили, не выдали немцам, организация акций по их освобождению — все это было одной из важных задач, которой накануне восстания систематически занималось руководство партии. Все заключенные товарищи принимались в расчет в период восстания, тем более что среди них были опытные партийные работники.

Большинство удалось освободить; они участвовали в Словацком национальном восстании или в нелегальной работе партии в Западной и Восточной Словакии. Тюрьма закалила их, и они стали ценным подкреплением в суровых боях.

* *

*

Успех восстания в Братиславе мог решить только военный гарнизон. Не потому, что здесь не было достаточного числа антифашистов, а потому, что в Братиславе проживало около 40 тысяч немцев, которые имели свои вооруженные отряды фольксштурма, здесь был центральный штаб безопасности, сильная полиция, штаб глинковской гвардии, руководство ГСНП; кроме того, людацкие власти подкрепляли все звенья аппарата своими людьми. Здесь разместились немецкая военная миссия и филиал гестапо, а близ города проходила граница гитлеровской империи. Пока бы

мы здесь вооружали и формировали военно-революционные силы, их легко могли разбить; поэтому восстание зависело только от военного гарнизона. Я уже писал о подготовке восстания в Братиславе, которая была довольно обещающей. С подполковником Кишем-Калином я обсудил подробности совершения переворота. Однако Голиан в критические дни отозвал Киша-Калина и назначил нового командира — майора Мургаша, который совсем не торопился установить связь со Словацким национальным советом, не говоря уже об организации выступления в Братиславе. Приказ Голиана начать восстание вместо Мургаша получил верный Тисо офицер Аллоиз Кралик, сразу же мобилизовавший лагерь Тисо и немцев. В этой ситуации очень вредное воздействие оказали выступления Чатлоша и Малара, их личная агитация среди офицеров против восстания. В гарнизоне, особенно среди офицеров, начались вместо действий различные дискуссии о том, что делать: одна часть хотела присоединиться к Словацкому национальному восстанию, небольшая часть сохраняла верность Тисо, значительное число солдат не хотело воевать вообще, стремились домой, к своим семьям. В некоторых казармах дело доходило даже до голосования. Мургаш вообще не справился с ролью командира повстанцев, ему не удалось объединить антифашистов в гарнизоне и совершить с ними военное выступление. Дискуссии и колебания в гарнизоне продолжались весь день 30 августа 1944 г. Так как немецкое вторжение ожидалось с часу на час, солдаты и офицеры-антифашисты по одному или группами начали уходить из Братиславы на восток. Ушло около 800 солдат и офицеров, которые присоединились к восстанию, остальные же бездействовали. В Братиславу прибыли известные нацисты: Бальдур фон Ширах, заместитель Гиммлера генерал СС Бергер, шеф нацистской службы безопасности и полиции д-р Вилиска со специальной группой головорезов «Эйнзацгруппе» и другие. Как я уже указывал, Бергер, Лудин и Губицкий решили разоружить оставшиеся словацкие части, и это решение Лудин и Губицкий в тот же день передали президенту. Тисо, как указывается в сообщении Лудина, в прин-

ципе согласился, после чего последовало совещание между Чатлошем и Губицким¹.

Чатлош и Малар своими действиями помогли нацистам при разоружении братиславского гарнизона, которое «произошло в ночь с 1 на 2 сентября без инцидентов» (Лудин). Так бесславные генералы закончили свою военную карьеру тем, что помогли нацистам разоружить не только братиславский гарнизон, но и другие остатки словацкой армии, не присоединившиеся к восстанию; так они закончили свою антинародную деятельность предательством антифашистского движения. Чатлош в своих заметках пишет, что он и Малар «с ужасом узнали, что наше восстание минировано Голианом», и поэтому якобы они с Маларом в туалете дворца Тисо договорились о том, что будут перед нацистами симулировать «стремление осилить бунтовщиков»².

В этом смысле Малар вел переговоры с Губицким 30 августа 1944 г. Эта туалетная стратегия им «удалась»: они так идеально симулировали, что от словацкой армии осталась лишь та часть, которая вопреки приказам и упрасиваниям Чатлоша и Малара перешла на сторону Словацкого национального восстания.

Словацкая армия как орудие тисовского клерикально-фашистского режима перестала существовать: повстанческая армия приняла название чехословацкой армии, остатки словацкой армии были ликвидированы теми, кто начинал создавать ее, — немцами с согласия и помощью Тисо, Чатлоша, Малара и других.

После этих «успехов» генерал СС Бергер мог написать 1 сентября 1944 г. своему шефу Гиммлеру хвастливое письмо, в котором сообщал, что ликвидирует восстание в течение четырех дней.

* * *

Ситуация настоятельно требовала, чтобы руководство Коммунистической партии Словакии и Сло-

¹ См. «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 426.

² Архив Института истории КПС.

вацкий национальный совет быстро переместились в Банска-Бистрицу, которая была заранее выбрана политическим центром восстания. Наши попытки в течение 30 августа 1944 г. спасти положение в Братиславе оказались тщетными. Мы решили выехать в Банска-Бистрицу. Новомеский уехал в Сенице (проститься с семьей), с тем чтобы затем вместе с Иваном Хорватом прибыть в Банска-Бистрицу. Я вместе с Леттрихом и Йоском покинул Братиславу 30 августа вечером. Мы полагали, что Западная Словакия без помощи Советской Армии больше не удержится перед немцами. Но сообщения о событиях 30 августа 1944 г. обрисовали положение еще более мрачно, чем мы ожидали. Коммунистическая партия Словакии должна была остаться в Западной Словакии в условиях строжайшей нелегальности: мы создали западнословацкую областную партийную организацию, чтобы партия продолжала жить и работать под единым руководством ЦК КПС из Банска-Бистрицы. Мы умышленно оставили часть функционеров на этой территории. Впрочем, много коммунистов и антифашистов ушли из Западной Словакии в центр восстания.

Партийное руководство в этой области я поручил Ш. Баштеванскому, которого мы освободили 30 августа из заключения в Братиславе. Я передал ему сеть связи с партийными организациями и с другими составными частями антифашистского аппарата, с политическими, военными и хозяйственными центрами тисовского аппарата, а также материальные средства. Он взял на себя и связь с активизирующимися партизанскими отрядами на западе (через Ф. Липку с группой Ринты, Угра и других; мы договорились также о регулярной связи с партийным центром в Банска-Бистрице. Главной задачей партии в Западной Словакии должно было быть максимальное развитие партизанских боевых действий и активное сопротивление всего населения, чтобы тем самым, с одной стороны, была оказана помощь Словацкому национальному восстанию, а с другой — чтобы боевые действия распространились по всей территории. ЦК КПС поддерживал связь с руководством Братиславской области в

течение всего периода восстания и направлял его работу.

Я думаю, что для данной книги не обязателен эпизод о нашей поездке из Братиславы в Банска-Бистрицу. Но все же я упомяну о нем, так как он расскажет кое-что о тех днях. Для отъезда из Братиславы в Банска-Бистрицу нам и членам СНС была приготовлена автомашина. Однако 30 августа я отправил ее с А. Рашлом и другими товарищами в Нитру, чтобы они с помощью партийной организации, связанной с армией и партизанами, попытались освободить заключенных коммунистов. Автомашина из Нитры не вернулась. Поэтому в последнюю минуту Йоско достал у «Цукроспола» машину и шофера — добровольца гражданской войны в Испании, воевавшего там танкистом. 30 августа примерно в полночь мы с Леттрихом и Йоском выбрались из Братиславы. В Братиславе в тот день было все в смятении, но контрольная служба по выезде из города проверяла машины и требовала документы. В истории бывали такие вещи: весь режим рушится, а маленький орган точно выполняет старые предписания и отдельные звенья разбитого общественного механизма еще по инерции функционируют. О Триаве вечером поступали различные сведения: одно говорило о том, что ее удерживает повстанческий гарнизон, другое — что там уже немцы. Мы решили миновать Триаву, прозондировать почву. У нас было с собой много специальных карт Словакии, но не было никакой автодорожной карты. Шофер утверждал, что дорогу знает. Как нарочно, в автомашине испортился стартер. Ничего не оставалось, как выйти из машины и толкать ее, чтобы включился мотор. Машина разогналась — и прямо на пограничную стражу на словако-венгерской границе. Шофер хотел развернуться и уехать, но мотор опять заглох. Пограничники помогли нам подтолкнуть машину, мы поехали куда-то в другом направлении, блуждали по деревням, пока не остановились на пограничной черте около других пограничников. И все вновь повторилось. С этой машиной нас вообще преследовали неудачи: каждые 10 минут она останавливалась, нужно было выходить и толкать ее. Оказалось, что шофер вообще дорогу

не знает, и никто из нас не знал, где мы находимся. Так блуждали мы целую ночь по деревьям между Братиславой и Триавой — 10 минут ехали, четверть часа подталкивали машину. Наконец, примерно к пяти часам мы попали на приличную дорогу перед каким-то мостом. На машине дальше уже нельзя было ехать. Пытаемся узнать, что это за город. По улицам поняли, что это Триава, но направленные на нас автоматы эсэсовцев требовали остановиться. Проверка документов. Имена им ничего не говорят. Проверка машины. Груда военных карт, Йоско имел при себе радиоприемник, а у меня был пистолет новейшей немецкой военной марки — всего этого больше чем достаточно для подозрения. «Вы едете к партизанам?» «Нет, к семьям». «Мы должны отвезти вас к командиру». Мы всячески протестовали, но ничего не помогло. Командир где-то спал и только в 6 часов должен был начать свою службу. Остановились мы с несчастной машиной на углу перекрестка, который охраняли эсэсовцы, и быстро уничтожили свои документы, которых у нас были полные карманы и которые мы хотели привезти в Банска-Бистрицу, ключья бросили в канаву, когда эсэсовцы смотрели в другую сторону. Что теперь? Начали договариваться с эсэсовцами, чтобы они нам исправили машину, пока спит начальник. К счастью, на другой стороне улицы увидели надпись: автогараж, ремонтная мастерская. Уговорили заспанных эсэсовцев позволить нам подтолкнуть машину до ремонтной мастерской, ведь она у них под носом и убежать мы не можем; в конце концов мы их убедили. Толкали мы машину примерно метров 200, машину втолкнули во двор, а через двор и огород — айда прочь! Боковыми улицами мы попали на станцию. Но и совершенная немецкая организация имела прорехи: на станции немцев не было, и к тому же радостная весть: через час придет поезд из Братиславы — едем на Зволени! Правда, «если до этого ничего не случится». Все могло быть. Около сотни возбужденных людей нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Но поезд прибыл — последний из Братиславы на повстанческой территории, без немецкого контроля. В поезде полно людей, которые «ехали к семьям» именно в

Среднюю Словакию. Чем дальше от Трнавы, тем свободнее дышалось, ибо за Нитрой уже из окна был виден грузовик, заполненный вооруженными штатскими, а над машиной — большой красный флаг! Начинаясь край свободы, край восстания. Эти флаги, красные, словацкие и чехословацкие, все более частые в направлении Зволена, говорили каждому о том, что здесь происходит: народ поднялся на борьбу за свободу! Такой была поездка из Братиславы — безумной, рискованной, скованной немецким контролем — в край свободы, радости, народного энтузиазма, вооруженных рабочих и красных флагов. И именно те красные флаги, которые радостно развевались над деревнями, железнодорожными станциями и которыми были заполнены Зволена и Банска-Бистрица, флаги революционного рабочего движения, флаги коммунистической партии — после шести лет фашистского мрака и террора — самым выразительным образом символизировали новый этап, новый век в истории словацкого народа. Антифашисты со всей Словакии, а также и из других краев приходили к ним сюда, в словацкие горы, как когда-то евреи на обетованную землю. В коричневом мире нацистского варварства словацкий народ создал остров свободы; к нему шли русские и украинцы, чехи, поляки, югославы и болгары, французы, англичане, американцы, венгры и немцы-антифашисты, подвергавшиеся геноциду евреи, все, кого давил нацистский сапог. Ненависть к фашизму и стремление к свободной человеческой жизни были паспортом на этот свободный остров, над которым развевались национальные и красные флаги.

В середине дня 31 августа 1944 г. мы были в Банска-Бистрице.

* * *

С приближением вооруженного выступления буржуазные элементы, особенно группа Шробара, сосредоточили свои усилия на том, чтобы расширить влияние на руководство Голиана. Краткий обосновался в Банска-Бистрице и полностью впряг в работу также Мирко Весела. В Банска-Бистрице действовал союз-

ник Шробара, директор банка Паулини, который имел своих людей в Бистрицком национальном комитете. 25 августа в Банска-Бистрицу, а затем в Доновалы переселился и Шробар, где со своими союзниками, как он пишет, «в течение двух дней обсуждал политическое и военное положение... Я полагал... что мы сможем спокойно спланировать все, что требуется, подготовить к дню восстания»³.

Около Голиана находился и Урсини. Они готовились к тому, чтобы в соответствии с указаниями из Лондона захватить политическое и военное руководство восстанием, сделать его делом Бенеша, лишить КПС возможности осуществлять руководство восстанием или свести его к минимуму — короче говоря, повторить в новой обстановке попытку добиться гегемонии буржуазии в движении Соппротивления, которую предпринял Шробар в апреле 1944 г.

Голиан, руководствуясь приказами из Лондона и вопреки всем договоренностям со Словацким национальным советом, объявил командующим повстанческой армией генерала Виеста — министра правительства Бенеша, который был за границей, сам же взял на себя функции начальника штаба. Армию он сразу же подчинил Бенешу и Ингру, переименовал ее, дал возможность принести присягу, восстановил старые уставы, действовавшие до 1938 г., и стал исполнителем приказов генеральской клики в Лондоне. Влиятельное положение в окружении Голиана занял вновь подполковник Мирко Весел, которого уже в апреле Шробар назначил своим поверенным у Голиана. Таким образом они хотели обеспечить себе руководство повстанческой армией. На первом собрании офицеров бистрицкого гарнизона (30 августа утром) Голиан, сделав информацию о начале борьбы против немцев, представил «связных офицеров из Лондона и Москвы»⁴. Связным офицером из Лондона был капитан Краткий, а «связным офицером из Москвы» — подпоручик Павлович. Таким образом, Голиан как

³ «Над Татрами спускают молнии». Прага—Братислава, 1946, стр. 64.

⁴ См. Ю. Носко. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945, стр. 19.

бы имел «Лондон и Москву» при себе и за собой. Обоих офицеров он сразу же поселил в помещении штаба.

Лондон нуждался в надежном политическом руководстве: об этом заботились Весел и Краткий с группой Шробара. Весел разбудил ночью с 29 на 30 августа Шробара в Доновалах: «Они пришли ко мне в Доновалы, чтобы получить информацию, что делать дальше; так как они являются солдатами, то о политической стороне дела им нужны точные приказы и директивы на ближайшие дни. Совещание продолжалось до 6 часов утра»⁵. Шробар составил для радио «обращение к солдатам... населению и национальным комитетам».

Голиан очень хорошо знал, откуда должен получать директивы «о политической стороне дела», знал, кто подготовил восстание политически; лишь двумя днями раньше я обсудил с ним все подробно от имени Коммунистической партии Словакии. Однако он не препятствовал действиям Шробара и Весела, ибо понимал, что это устраивало Лондон.

Обо всем этом знал и член Словацкого национального совета Урсини, который, однако, вел свою игру с Лондоном, с Кратким, Веселом, Маларом и т. д. Напуганный развитием партизанского движения, он искал опоры в армии. Он писал: «Обращение к армии, как и к гражданскому населению, составил уже ночью д-р Шробар... Ко мне забежал ночью подполковник М. Весел... Я изменил и дополнил обращение к гражданскому населению; после исправления подполковник Весел и инж. Й. Стык взяли обращение к войску и ко всему народу для передачи по радио...»⁶, Урсини все хорошо согласовал со Шробаром, Веселом и К^о: он забыл дополнить обращение такой «мелочью», как сообщение о том, что подготовил и возглавляет восстание Словацкий национальный совет, который в соответствии с Рождественским соглашением объединяет все антифашистские силы в Словакии.

⁵ «Над Татрами сверкают молнии». Прага — Братислава, 1946, стр. 64.

⁶ Там же, стр. 20.

Обращение к словацким офицерам, младшим офицерам и солдатам передали по бистрицкому радио 30 августа вскоре после 11 часов: «Предательское правительство призвало немецкое войско наказать словацкий народ за то, что словацкие солдаты отказываются воевать против братского русского народа... Эти предатели хотели бы заставить словацкого солдата воевать против наших и русских парашютистов и партизан, которые пришли в Словакию для того, чтобы помочь нам защищать нашу Родину... От имени командира словацкого войска, как части чехословацких вооруженных сил, генерала Виеста, призываю вас... встаньте на борьбу против немецких оккупационных частей, боритесь твердо и решительно против захватчиков, сохраняйте безупречную дисциплину и подчиняйтесь тем командирам, которые поведут вас на борьбу против немцев... Наша скорая победа обеспечена! Только от вас зависит спасение Словакии от опустошения и жестоких страданий»⁷.

Сразу же после этого была передана также сформулированная Шробаром прокламация так называемого Президиума Центрального национального комитета, призывающая население к поддержке повстанческой армии и партизан. Все национальные комитеты обязывались «всеми силами поддерживать верное родине словацкое войско в борьбе против наступающих немецких частей и против их предательских помощников внутри страны». «Призываем всех государственных, муниципальных и частных служащих, — говорилось в прокламации далее, — оставаться на своих местах, поддерживать героическую борьбу нашего войска, не выполнять предательские приказы правительственных деятелей, которые могли бы подорвать нашу успешную борьбу»⁸.

Обращение военного центра в Словакии, как и прокламация Президиума Центрального национального комитета, повторенные по радио для солдат и населения, определенно сыграли свою позитивную роль.

Таким образом, восстание объявлялось от имени

⁷ «Путь к маю. I—I». Прага, 1965, стр. 188—189.

⁸ Там же, стр. 189—190.

генерала Виеста, а значит, от имени Лондона и Бенеша, как это и планировали Ингр и эмигрировавшая буржуазия, стремившаяся начать «свои» действия, захватить власть в стране. Народные массы, представляемые прежде всего Коммунистической партией Словакии и общенациональным органом — Словацким национальным советом, в этой прокламации в планах Шробара, Весела и Урсини были, конечно, забыты лишь «случайно».

В планах Шробара роль временного политического органа должен был сыграть Революционный национальный комитет в Банска-Бистрице, названной «область I», который группа Шробара взяла полностью под свой контроль. Председателем его был человек из окружения Шробара — архитектор Г. Земан, одним из членов — упоминавшийся уже Паулини, а социал-демократов представлял Ю. Шуян. К сожалению, под влияние этой группы попало и руководство местной организации Коммунистической партии Словакии. И хотя еще за несколько дней до восстания мы целый вечер обсуждали с ее руководителем Балко и некоторыми другими функционерами политические и другие проблемы и обо всем договорились, однако в решающие дни Балко поддался влиянию Шробара, Весела, Паулини, Земана и Шуяна.

Шуян писал: «Что должно означать это добавление «область I»? По желанию д-ра В. Шробара так должна была обозначаться вся освобожденная территория, в отличие от территории, занятой еще немцами»⁹. Следовательно, это должен был быть орган всей повстанческой территории. В соответствии с этим этот орган и вел себя. «Революционный национальный комитет в Банска-Бистрице издал манифест к народу, который был передан по радио вскоре после военной прокламации»¹⁰. И этот манифест, распространенный по радио как прокламация Президиума Центрального национального комитета, составил Шробар. Однако он не ограничился манифестом. Как пи-

⁹ Ю. Шуян. Словацкое национальное восстание. Банска-Бистрица, 1945, стр. 20.

¹⁰ Там же, стр. 19.

шет Шуян, «Революционный национальный комитет в Банска-Бистрице должен был безотлагательно вмешаться в создание и руководство национальных комитетов. Здесь были подготовлены директивы по формированию и деятельности НК и РНК... Кроме директив по созданию и деятельности национальных комитетов, нами был подготовлен также циркуляр для всех районных начальников, окружных и муниципальных нотариусов, в котором мы дали им указание постараться создать национальные комитеты во всех населенных пунктах... Районные начальники в соответствии с этим циркуляром должны были создать также районные национальные комитеты... О формировании МНК и РНК они должны были сообщить Революционному национальному комитету в Банска-Бистрице «область I»¹¹. В то время, когда Революционный национальный комитет в Банска-Бистрице давал свои директивы, МНК и РНК уже нелегально работали на повстанческой территории под руководством Коммунистической партии Словакии. Следовательно, ясно, что здесь речь шла о заговоре бенешевско-шробаровских элементов, которые хотели таким путем захватить политическое руководство Словацким национальным восстанием и передать революционные районные и местные национальные комитеты под контроль районных начальников и нотариусов.

Но национальные комитеты, которыми руководили коммунисты, не признавали Революционный национальный комитет в Банска-Бистрице за вышестоящий орган. Поэтому Шробар должен был сделать дальнейший шаг, который ему не удался в апреле и о котором он думал, когда на деньги Бати приказал основывать свои «национальные комитеты». Теперь ситуация казалась ему благоприятной для того, чтобы создать для Бенеша надежный центральный политический орган. Шуян пишет об этом: «Д-р В. Шробар изъявил желание созвать 1 сентября общее заседание местного и районного национальных комитетов в Банска-Бистрице... (чтобы.— Г. Г.) из национальных комитетов создать Центральный национальный комитет...»¹².

¹¹ Там же, стр. 20.

¹² Там же, стр. 20—21.

Шробар стремился действительно созвать 1 сентября 1944 г. «съезд национальных комитетов», то есть уступчивых и верных ему и Бенешу людей, и использовал для этого «своих» в Революционном национальном комитете в Банска-Бистрице. На этом съезде планировалось сформировать верховный орган восстания. Это должно было произойти в торжественной обстановке, после чего намечалась посылка телеграмм президенту Бенешу и всем союзническим правительствам.

Так 1 сентября 1944 г. должно было завершиться создание верного Бенешу политического и военного руководства Словацкого национального восстания. Тем самым восстание приобрело бы характер акции, запланированной Бенешем и Ингром, буржуазно-военной акции, руководимой лондонским правительством. Это было бы в известном смысле словацкое подобие варшавского восстания.

14. СЛОВАЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ

Нерадостными были мои чувства, когда я знакомился с политической ситуацией в Банска-Бистрице, слышал об интригах и о планах гражданских групп. К этому добавлялась напряженность между командованием Голиана и партизанскими отрядами. 30 августа 1944 г. утром Банска-Бистрицу разбудили партизанские автоматы и пулеметы: партизаны явились очищать город от нацистов и гардистов¹. Эта акция не понравилась солдатам, однако Голиан повел себя «сдержанно». С самого начала восстание оказалось на перепутье, когда решалось, станет ли оно заговорщическим актом офицеров и буржуазных групп под лондонским руководством или большой народной и общенациональной акцией с решающим влиянием коммунистической партии. Действовать надо было быстро, надо было объединить и активизировать всю партию, мобилизовать народные массы и положить на весы весь авторитет компартии Словакии в массах трудящихся, чтобы помешать осуществлению планов буржуазных гражданских и военных групп.

На совещаниях с наиболее опытными работниками партии мы обсудили ситуацию и договорились о ближайших задачах. Компартия Словакии выйдет из подполья на освобожденной территории, в Банска-Бистрице мы срочно создадим секретариат ЦК КПС, в районах — районные секретариаты как твердые партийные центры, подготовим обращение ЦК КПС, распространим его в виде листовок по всей территории, чтобы информировать членов партии и всех трудящихся о позиции коммунистов в этот момент. В вос-

¹ Члены отрядов фашиствующей глинковской гвардии (гарды).

кресенье 3 сентября 1944 г. во всех значительных центрах и населенных пунктах повстанческой территории организуются партийные митинги, на которые партия вышлет своих наиболее опытных работников. Далее мы решили издавать центральный орган партии, укрепить в политическом отношении сотрудничество с социал-демократами и другими антифашистами в национальных комитетах и в СНС, срывать планы бенешевцев, подчинить командование армии Словацкому национальному совету и всюду поддерживать тесное сотрудничество с партизанскими отрядами. Такими были самые неотложные задачи и меры, смысл которых заключался в мобилизации масс трудящихся на национально-освободительную борьбу и в том, чтобы добиться ведущего политического влияния в ней коммунистической партии. Было достигнуто полное единство среди руководящих работников партии, осуждено авантюристическое поведение Балко, и бистрицкая организация компартии Словакии начала исправлять свои ошибки. Мы составили временное центральное руководство партии из людей, находившихся тогда в Банска-Бистрице (Г. Гусак, Р. Блажовский, О. Павлик, С. Такач, Й. Пулл, М. Фалтян и другие).

Важно было согласовать действия социал-демократов с установками компартии Словакии. Й. Шолтеш, Я. Чех и Д. Эртл провели весьма положительную работу. Из других некоммунистов в СНС разумную позицию занимал Леттрих: он критиковал Голиана, Шробара, Весела и даже Урсини за их поведение. Он стоял на платформе Рождественского соглашения во всем его объеме и в этом смысле вел переговоры с Урсини и другими представителями гражданских групп.

После такой подготовки стали возможными дальнейшие шаги. Вместе с Леттрихом я от имени СНС 31 августа посетил Голиана; произошел драматический разговор, когда мы резко (Леттрих, как всегда, был дипломатичен) критиковали Голиана за то, что он не выполняет договора со Словацким национальным советом, за новый его обман вместе с Веселом и Шробаром. Мы спросили, с кем он хочет идти: со

Словацким национальным советом или с разными лондонскими марионетками? Голиан опять колебался, ссылаясь на различные приказы из Лондона, которыми его без конца засыпали, на различные противоречивые указания, мешавшие «его» работе. Лондон приказывает ему вытребовать Виеста, переименовать армию, вмешивается во все его дела; об этом известно всему офицерству. Он был приглашен на «съезд национальных комитетов», на котором «по желанию господина президента» должно было быть избрано политическое руководство. Я растолковал ему, как мы смотрим на этот съезд: компартия Словакии не признает никакого органа, подготавливаемого людьми Бенеша. Если он, Голиан, не желает выполнять своего соглашения с СНС, то компартия Словакии вместе с партизанами пойдет своей дорогой, и тогда он увидит, где настоящая сила. Голиан подчинился: он заявил, что не примет участия в шробаровском «съезде» и никоим образом не будет поддерживать его действий, что он признает только СНС, подчиняется ему, будет выступать как командир, назначенный СНС, и не станет прятаться за имя Виеста. Весела он отстранит, а вмешательство Краткого ограничит. Голиан знал, каково положение в Центральной Словакии: достаточно было ему выглянуть в окно, и он мог увидеть множество вооруженных гражданских лиц и массу красных флагов на зданиях; он не решался пойти против коммунистической партии и партизан. Снова принял он точку зрения компартии Словакии и СНС. Военное положение казалось ему мрачным: с востока (из Прешова) не поступало никаких сообщений, Братислава, Нитра и Поважье обманули надежды. Мы обсудили наиболее срочные меры.

Заручившись поддержкой военного командования, мы на другой день, 1 сентября, предприняли шаги для полной политической ликвидации замысла Шробара. Делегация СНС встретила с В. Шробаром еще перед совещанием. Результатом было соглашение с ним и признание им СНС как высшего органа Сопротивления. По просьбе Урсини и Леттриха Шробар был восстановлен в СНС в числе других, смещенных ранее его членов. После того как мы достигли такого согла-

шения со Шробаром, созванное им совещание, или «съезд», проходило уже, конечно, в совсем иной обстановке. Мы (Урсини, Эртл, Леттрих, я и другие) приняли в нем участие. Совещание открыл Шробар. Благодаря усилиям кое-кого из присутствующих, требовавших придерживаться первоначальной программы, положение осложнилось, поэтому пришлось выступить членам нашей делегации: от социал-демократов говорил Эртл, от гражданского блока — Урсини и Леттрих, от коммунистов — я. Тон выступлений был единым: восстание почти целый год готовил СНС, он же создал и военное командование. Следовательно, он и является центральным органом восстания. Речь может идти лишь о расширении СНС, но никакого права создавать новый орган данное совещание не имеет. Я говорил: свыше 30 районов стоят сегодня в открытом бою, там началось восстание, там есть свои законные органы — районные и местные национальные комитеты. Никто их на это совещание не пригласил, их тут нет. Как же могут собравшиеся здесь решиться избрать центральный орган восстания без подлинных представителей народа? Коммунистическая партия не признает это собрание съездом национальных комитетов, присутствующие «делегаты» никого не представляют. Если собрание намерено обсудить первоначальное предложение о созыве земского национального комитета, тогда коммунистическая партия добьется созыва подлинного съезда революционных представителей народа из районов и городов. И пусть никто не усомнится в результатах такого съезда: коммунистическая партия не позволит злоупотребить революционной борьбой словацкого народа в нечистых политических целях.

Тон был взят резкий, без уверток. Тихонько посоветовавшись с узким кругом своих приверженцев, Шробар без дальнейших дискуссий распустил «съезд», от которого ожидал столь много и который по лондонским рекомендациям готовил долгие месяцы.

Ситуация была тяжелой, восстание нуждалось в помощи, нельзя было прерывать все контакты с Бенешем и его правительством, пользующимся международным признанием. Учитывая это, мы решили кооп-

тировать в СНС несколько человек из группы Шробара, если они признают принципы Рождественского соглашения как основу политики СНС во время восстания. Мы повели с ними переговоры об этом, и Шробар вместе с другими, к нашему удивлению, практически согласился на все предложения. Так 1 сентября 1944 г. состоялось соглашение о расширении СНС за счет трех представителей группы Шробара (Шробар, Пиетор, Паулини), двух представителей компартии (Блажовский, Пулл) и одного представителя социал-демократии (Эртл). После этого 1-го же сентября члены СНС собрались на первое свое легальное заседание, имевшее историческое значение.

Необходимо было информировать общественность о существовании, положении и целях Словацкого национального совета. После долгих дискуссий был единогласно принят текст декларации СНС, которая гласила:

«Все демократические и прогрессивные элементы и слои словацкой нации, которые вели неустанную борьбу против существующего фашистского режима в Словакии и против его союзников — немецких нацистов, образовали сегодня Словацкий национальный совет как верховный орган движения Сопротивления в Словакии.

В силу этого Словацкий национальный совет, как единственный орган, имеющий право выступать от имени словацкой нации, с сегодняшнего дня берет на себя всю законодательную и исполнительную власть по всей Словакии, а также принимает на себя обязанность оборонять Словакию; эту власть он сохранит до того времени, когда словацкая нация демократическим способом изберет своих законных представителей.

Наше движение Сопротивления, которое до сих пор велось в полной согласованности с борьбой чехословацкой эмиграции, будет и в дальнейшем вестись в духе единства и сотрудничества, добиваясь победы.

Мы стоим за братское сосуществование с чешской нацией в рамках новой Чехословацкой республики. Конституционные, социальные, экономические и культурные вопросы, стоящие перед республикой, будут

окончательно решены на базе взаимного соглашения избранными представителями словацкого и чешского народов в духе демократических принципов, прогресса и социальной справедливости.

Помимо политического освобождения, нашей целью является обеспечить лучшую и более счастливую жизнь социально слабым слоям народа, особенно словацким рабочим и крестьянам. В интересах повышения жизненного уровня нации мы стоим за справедливое распределение национального дохода, за новый пересмотр прав собственности, в том числе собственности на землю в пользу малоземельного крестьянства. Рабочие должны получать повышенное вознаграждение за свой труд и участвовать в прибылях.

Самым решительным образом мы отвергаем и осуждаем антидемократическое мировоззрение и насилия «клюдяцкого» режима в Словакии. Словацкий народ не имеет ничего общего с союзничеством с гитлеровской Германией. Наоборот, всеми своими убеждениями и помыслами он всегда стоял на стороне союзных держав, подтверждая это делами как на родине, так и на фронте при каждом удобном случае. Словацкий народ в соответствии с нашими национальными традициями с возмущением отвергал предательство Тисо и Туки по отношению к славянству, выражавшееся в том, что словацкий народ гнали на войну против братского русского народа и других славян.

Сего числа словацкий народ торжественно объявляет о своем присоединении к союзным державам, которые своей борьбой и великими жертвами обеспечивают свободную и демократическую жизнь народам всего мира, в том числе и нашему малому народу. Мы намерены всеми силами содействовать быстрейшему завершению этой борьбы за свободу.

В эти исторические дни мы окажем любую моральную и материальную помощь воюющей словацкой армии и партизанам. Мы призываем к оружию весь народ, призываем его в бой против наших врагов и их словацких прислужников, желая, чтобы все словаки могли устроить свою жизнь в свободной Чехословацкой республике по своей воле.

Да здравствует наше справедливое дело!
Слава Чехословацкой республике!

Словацкий национальный совет

Банска-Бистрица,
1 сентября 1944 г.»

Декларацию тотчас отпечатали и распространили по всей освобожденной территории. Из ее текста — особенно в той части, где говорится о решении социальных проблем трудящихся, — виден компромисс между интересами разных классов и политических направлений. Но коммунистической партии было очень важно удержать и укрепить в критический момент единство антифашистского лагеря, важно было само существование авторитетного центрального политического органа, который руководил бы народным восстанием и посредством которого компартия могла бы защищать права, интересы и цели трудящихся. Поэтому она пошла на компромиссные формулировки, поэтому она приняла и принцип паритета в СНС между левым блоком (компартия Словакии и социал-демократия) и «гражданскими» группами.

На упомянутом первом заседании СНС (1 сентября 1944 г.) были приняты и основные меры в области законодательства: наказ Словацкому национальному совету осуществлять законодательную, административную и исполнительную власть в Словакии, наказ об образовании центральных органов восстания, наказ о роспуске Глинковской словацкой народной партии, глинковской гвардии и прочих фашистских организаций и об объявлении их вне закона, а также правила публикаций. Главное значение имел первый наказ, в силу которого СНС революционным путем взял на себя всю власть в Словакии как верховный орган словацкого народа. Таким образом, было положено основание для создания национальных словацких органов и одновременно срывались планы эмигрантского буржуазного правительства, желавшего использовать первые освободившиеся части республики в своих антинародных целях. Вместе с тем был создан орган руководства национально-освободительной борьбой,

способный вместе с тем решать проблемы, встающие на освобожденной территории.

Особенностью этого наказа (который выполнялся вплоть до сентября 1945 г.) было сосредоточение законодательной и административной власти в рамках одного органа — Словацкого национального совета. Этого требовала, с одной стороны, критическая ситуация, сложившаяся в те дни, а с другой — взаимная подозрительность политических партнеров внутри СНС. На практике СНС выполнял свои полномочия посредством трех органов: президиума СНС, пленума СНС (законодательная часть) и уполномоченных СНС (административная власть, разделенная по ведомствам). Президиум СНС стоял во главе пленума и во главе корпуса уполномоченных. Таким образом, президиум СНС стал ведущим политическим органом словацкого национального восстания и оперативно решал его главные вопросы или ставил их на пленуме и в корпусе уполномоченных. От этой концентрации всей власти в руках СНС пошла принятая впоследствии терминология «уполномоченный», «корпус уполномоченных». Словацкому национальному совету подчинялась и армия, находившаяся в ведении уполномоченного по национальной обороне. Надо сказать, что такой порядок оказался полезным в ходе восстания.

Все эти меры, принятые 1 сентября 1944 г., привели к тому, что восстание получило ведущий орган, получило политическое руководство.

* * *

Словацкий национальный совет в первом своем наказе от 1 сентября объявил, что берет на себя всю законодательную, административную и исполнительную власть на освобожденной территории Словакии, а также ответственность за руководство национально-освободительной борьбой и за решение вопросов политической, экономической, социальной и культурной жизни. Теперь ему надо было создать для этого соответствующие органы.

Революционным парламентом, который обладал законодательной властью, избирал органы власти и

перед которым в политическом отношении были ответственны президиум СНС и уполномоченные, являлся пленум СНС. Состав пленума строился на паритетных началах: половина — представители левого блока (компартия Словакии и социал-демократия, после объединения — компартия Словакии), половина — представители «гражданского» лагеря (который постепенно сформировался в демократическую партию). После дополнения окончательный состав СНС насчитывал 50 человек. Из них было 24 представителя компартии Словакии (К. Шмидке, Г. Гусак, Л. Новомеский, Д. Эртл, Р. Блажовский, Я. Пулл, Ф. Кубач, Я. Мазур, О. Клокоч, Ф. Чап, Э. Петько, Р. Стрехай, Й. Лиетавец, К. Долинский, С. Такач, Р. Викторин, Й. Шолтес, Я. Чех, Ю. Капинай, И. Богунь, А. Багуринский, М. Чулен, А. Рашла и И. Хорват, который правда, в восстании не участвовал). Следующие 24 человека представляли «гражданский» лагерь (В. Шробар, Й. Леттрих, Я. Урсини, М. Йоско, Й. Стык, И. Пиетор, И. Штефаник, Т. Тварожек, М. Полак, П. Затько, М. Кулих, М. Кветко, П. Благо, Й. Станек, А. Дьюрачка, В. Паулини, Я. Гано, Я. Шевчик, С. Беллуш, Ф. Турзо, М. Бобрик, К. Фило, Л. Шеншел, Г. Земан). Кроме того, членами СНС являлись командующие — генерал Голиан и генерал Виест. Это был весьма деятельный революционный парламент. Особенно коммунисты, из которых многие возглавляли различные районные национальные комитеты (Блажовский, Мазур, Клокоч, Чап, Стрехай, Долинский) или работали непосредственно на промышленных предприятиях (Петько, Богунь), вносили на заседания СНС проблематику трудящихся масс, так что дискуссии касались не только обсуждаемых проектов решений СНС, но и всего комплекса проблем, возникавших в ходе восстания, — политических, военных, партизанских, экономических и т. д. Перечень принятых постановлений СНС далеко не исчерпывает размаха деятельности пленума СНС. Его функция как революционного парламента была гораздо более широкой и значительной. Президиум СНС регулярно информировал пленум о всех важных вопросах словацкого национального восстания, по поводу этих вопросов раз-

вивались диспуты, принимались заключения, устанавливалась линия для всех повстанческих органов. Дискуссии не готовились заранее, но были они далеко не беззубыми, а часто весьма взволнованными и боевыми. Формалистики не было. Члены СНС чувствовали свою ответственность за судьбы Словацкого национального восстания, за жизнь и борьбу восставшего народа.

Членство во всех руководящих органах восстания (пленум, президиум, уполномоченные) было почетным и неоплачиваемым. Те лица, которые не состояли на службе в других местах, получали максимально 4 тысячи крон в месяц, то есть меньше, чем в то время составляла оплата высших государственных чиновников. Этот принцип бесплатной или минимально оплачиваемой службы освободительной борьбы сохранялся и после освобождения, вплоть до прибытия правительства в Кошице. Мы считали это принципом революционной скромности и чести. Точно так же, когда стали проявляться тенденции уклониться от исполнения воинских обязанностей, президиум СНС издал 8 сентября постановление, одобренное пленумом: «Членство в СНС, должность уполномоченного... членство и работа в районных и местных национальных комитетах, так же как и любая иная политическая функция, не являются и не могут являться причиной для освобождения от исполнения воинских обязанностей...»

Положение, сложившееся в ходе восстания, характеризованное постоянным натиском нацистских вооруженных сил, кризисами на фронтах, вмешательством и давлением правительства Бенеша, не позволяло добиваться основных законодательных решений национальной и демократической революции (земельной реформы, национализации промышленности и банков, закона о национальных комитетах и фабрично-заводских комитетах, принципиальных изменений в армии и органах безопасности и т. д.), хотя компартия Словакии и ставила эти проблемы. Но это углубило бы кризисные явления в антифашистском лагере, противоречия с буржуазно настроенными кругами как на родине, так и в Лондоне и помешало бы выполнению

главной задачи на этом этапе — вооруженной борьбе против фашизма.

Поэтому в одних вопросах коммунистическая партия удовлетворилась пока фактическим положением вещей, которое она защищала всем своим авторитетом (положение народных органов власти, то есть национальных комитетов и фабрично-заводских комитетов, партизанских отрядов); в других вопросах партия выдвигала необходимость решить их принципиально (национализация, земельная реформа и т. д.) в более удобный момент и политически мобилизовала народ, имея в виду такую перспективу. Необходимо было при создавшемся положении сохранить единство антифашистского лагеря. Вот почему компартия Словакии согласилась с принципом паритета в национальных органах, хотя система эта и в принципе и на практике была системой не только сотрудничества, но и взаимного недоверия и контроля. Все принципиальные вопросы необходимо было заранее разрешать путем соглашения между двумя политическими блоками, а это, естественно, связывало революционную инициативу и препятствовало решению жгучих вопросов. Поэтому решались лишь те вопросы, без которых нельзя было обойтись и по которым можно было договориться. Например, 6 сентября пленум СНС принял постановление о передаче всех школ Словакии в ведение государства. Если вспомнить, что во времена словацкого государства школы были отданы в ведение церкви, то можно сказать, что это постановление было значительным прогрессивным шагом, положившим основу для изъятия школьного дела из-под влияния церкви после освобождения. «Школы всех категорий и ступеней, от детских садов до высших учебных заведений Словакии, с момента вступления в силу данного постановления переходят в ведение государства... Педагоги и другие школьные работники объявляются государственными служащими...» Это было прорывом позиций церкви и реакции. Точно так же СНС своим постановлением отменил введенный тисовским режимом запрет совместного обучения. Прогрессивные круги, а в особенности учителя, приветствовали эти шаги. Постановление СНС от 8 сентября определяло имущественные

права немцев, аризаторов² и коллаборационистов: «Доходные предприятия, заводы, фабрики, а также доли в прибылях, принадлежащие лицам немецкой национальности, конфискуются государством». На эти предприятия были назначены управляющие. Таким же образом поступили с аризаторами и коллаборационистами.

Необходимо упомянуть об отношении органов восстания к немецкому и венгерскому меньшинству в Словакии. Ни КПС, ни демократическая партия во время восстания не выдвигали вопроса о выселении этих меньшинств с нашей земли. Они и не рассчитывали на такое выселение, хотя получали информации о том, что лондонское правительство такое решение подготавливает. Для органов восстания решающим критерием было профашистское или антифашистское настроение каждого отдельного человека. Думали о возможном обмене лиц словацкой национальности в Венгрии на часть венгерского населения Словакии (в ее домюнхенских границах) после освобождения. Только после восстания, в период разработки кошицкой правительственной программы, представители СНС присоединились к тому решению немецкого и венгерского вопроса, какое выдвинула кошицкая правительственная программа. Инициатором в этом вопросе было лондонское правительство, чью точку зрения приняло и московское руководство КПЧ. Исходя из этого, СНС принял 6 сентября постановление, согласно которому в Словакии оставлялись те немецкие и венгерские народные школы, которые были учреждены до 6 октября 1938 г. Прочие, в особенности немецкие, школы, возникшие во времена словацкого государства, были закрыты. Это было демократическое отношение к этим меньшинствам. Я уже говорил, что во время восстания венгерские и немецкие антифашисты сражались в партизанских отрядах.

На пленуме СНС выступали крупные политические работники, прибывшие на освобожденную территорию из Москвы (Шверма, Чулен) или из Лондона (Немец,

² Люди, присвоившие имущество евреев, то есть сделавшие еврейскую собственность «арийской».

Гала, Вало и Виест). Нашему революционному парламенту надо было выработать свое отношение к ним.

Перед тем как уйти в горы, когда стало ясно, что пленум СНС в течение некоторого времени не сможет собираться, он передал свои полномочия особым постановлением временно президиуму СНС, стремясь сохранить узкий орган, который мог бы от имени СНС решать возникающие проблемы.

Президиум СНС был высшим органом Словацкого национального восстания. По закону он стоял во главе пленума СНС и правительственных уполномоченных. Президиум собирался ежедневно вплоть до середины октября, затем — трижды в неделю, а порой и чаще, по мере надобности. Пятого сентября, когда прошли первые дни организационной работы, пленум СНС избрал президиум из шести человек (от КПС — К. Шмидке, Г. Гусак, Д. Эртл, от демократической партии — В. Шробар, Й. Леттрих и Я. Урсини) с тем, что «согласно предварительной договоренности... председателем СНС будут поочередно К. Шмидке за группу левого блока и В. Шробар за «гражданскую группу». После того как на освобожденную территорию приехал Л. Новомеский, то есть с 19 сентября, президиум СНС пополнился еще двумя членами (от КПС — Л. Новомеский, от демократической партии — инженер Й. Стык), и в таком составе президиум существовал вплоть до прибытия в Кошице правительства. Вспомогательным органом президиума СНС был секретариат президиума во главе с Ф. Вашечкой (КПС) и М. Йоско (ДП). Президиум регулярно занимался всеми неотложными проблемами Словацкого национального восстания. Так как в него входили ведущие деятели обоих политических лагерей, то он фактически играл роль руководства всем антифашистским фронтом (позднее утвердилось название «Национальный фронт»). На многочасовых совещаниях решались вопросы национально-освободительной борьбы, вопросы армии и партизан, вопросы экономической жизни, администрации, организации освобожденных территорий, вопросы отношения к лондонскому правительству и все возрастающие противоречия внутри антифашистского лагеря. Президиум СНК подготавливал

пленарные заседания СНС и корпуса уполномоченных, обсуждал деятельность отдельных ведомств, а также решал политические и иные конфликты, возникавшие то и дело. Все это надо было обсудить, обо всем договориться, найти решения, приемлемые для обоих лагерей, чтобы споры не разрастались, не множились, не переходили в открытый конфликт. Основное бремя инициативы и отстаивания новых точек зрения и новых решений во всем комплексе проблем восстания лежало на представителях КПС. Президиум был коллективным органом, во время Словацкого национального восстания функция председателя была более или менее формальной. Тем более что Шмидке был слишком занят партизанскими делами, а Шробар из-за преклонного возраста не в состоянии был играть более активную роль. В общем можно сказать, что, несмотря на множество споров, в президиуме СНС создалась хорошая рабочая атмосфера, благодаря которой этот ведущий орган восстания справился со своими ответственными задачами. Это стало возможным еще и потому, что решающее большинство членов президиума сотрудничало уже целый год, готовя восстание, знали принципиальные политические позиции друг друга, умели находить формы сотрудничества, а тем самым и коллективного руководства. Представители «гражданского» лагеря находились под давлением революционной ситуации на освобожденных территориях, они были заинтересованы и не могли не быть заинтересованными в успехе восстания, и это тоже помогало согласию в руководстве СНС. Общий враг, чьи дивизии рвались к Банска-Бистрице и подходили все ближе и ближе, заставлял представителей обоих лагерей поддерживать сотрудничество, единство и искать общие решения.

Административная и исполнительная власть была разделена сначала между девятью, а с 6 сентября — между одиннадцатью центральными ведомствами, во главе которых стояли политические представители, то есть уполномоченные; у каждого из них заместителем был представитель другого политического лагеря. Эти ведомства были разделены следующим образом:

1. Ведомство внутренних дел: уполномоченный Гусак

(КПС), его заместитель Штефаник (ДП); 2. Национальной обороны: уполномоченный Ферьенчик, заместитель Шмидке (примерно с 15 октября его заменил Рашла (КПС) и Стык (ДП)); 3. Экономики и снабжения: уполномоченный Урсини (с начала октября Станек (ДП), заместитель Пулл (КПС)); 4. Железных дорог: уполномоченный инженер Вишневский (КПС), заместитель Благо (ДП); 5. Почт и телеграфа: уполномоченный Шевчик (ДП), заместитель Багуринский (КПС); 6. Общественных работ: уполномоченный инженер Стык (ДП), заместитель инженер Такач (КПС); 7. Финансов: уполномоченный Паулини (ДП), заместитель Маркович (КПС); 8. Здравоохранения: уполномоченный Фендт (КПС), заместитель доктор Паулини-Тот (ДП); 9. Юстиции: уполномоченный Шолтеш (КПС), заместитель Пиетор (ДП); 10. Образования: уполномоченный Леттрих (ДП), заместитель Павлик (КПС), с начала октября Шимович); 11. Социальное обеспечение: уполномоченный Кубач (КПС), заместитель Турзо (ДП).

Как видно, система равновесия и взаимного контроля последовательно сохранялась и здесь. Первоначально уполномоченные работали самостоятельно, руководствуясь директивами президиума СНС, но позже, с конца сентября, они собирались на совместные заседания уже как корпус уполномоченных, собираемый и руководимый президиумом СНС.

Эти ведомства, которые надо было создавать на голом месте, заботились о нормальном ходе общественной и экономической жизни на освобожденной территории, а также об удовлетворении нужд фронта и обороны. В их работе тоже в полном объеме проявлялись противоречивые тенденции и воззрения, характерные для двух политически различных лагерей восстания. В аппарате этих ведомств было достаточно старых бюрократов, примазавшихся к восстанию; эти люди проявляли тенденцию переносить и сюда привычные для них способы и методы работы. В сущности, они поддерживали консервативные тенденции, близкие деятелям ДП. Было в этих ведомствах и много новых, молодых людей, тяготевших к компартии Словакии, однако не имеющих еще достаточного опы-

та. Например, новые органы безопасности организовал один из таких молодых энтузиастов — Лиетавец. Всем, кто работал в органах СНС или в национальных комитетах, приходилось учиться, причем часто и на собственных ошибках. Иначе было нельзя. В общем можно сказать, что корпус уполномоченных справился со своими задачами в период восстания, что общественная жизнь проходила почти нормально, несмотря на сложность обстановки. Работали транспорт, почта, школы, социальные учреждения, заводы, органы снабжения и т. д.

Словацкий национальный совет и все его органы были орудиями революционной власти восставшего народа. Коммунистическая партия имела своих представителей на всех участках. Эти люди защищали и отстаивали интересы и цели трудящихся. Многие можно было бы критиковать в работе этих органов, и не только сегодня, когда мы оглядываемся назад. Даже во время восстания критики было достаточно. Тогда были такие времена, что каждый мог открыто высказать свое мнение. Критерии были строгими, потому что ситуация многого требовала от людей. Опасности подстерегали за каждым углом. Выиграть или проиграть можно было многое, в том числе и жизнь. И люди очень многое отдавали во имя успеха восстания — везде, в том числе и те, кто работал в этих органах. Отдавали больше, чем это входило в их обязанности. А сверх всего они отдавали свой запал, свой энтузиазм, убеждения свои и рожденную ими революционную инициативу. И не только коммунисты. Этот революционный подъем характеризовал деятельность всех национальных и народных органов. Этот подъем был двигательным рычагом их деятельности — без всякой рутины и бюрократизма. Потому и труд их приносил добрые плоды.

15. ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА ПЕРВЫХ ДНЕЙ

Первые дни восстания, первая неделя были критическими с точки зрения политической и военной. Стоял вопрос о самой судьбе восстания. Разрешение политического кризиса, провал буржуазных попыток овладения восстанием, конституирование СНС в качестве руководящего органа и обеспечение решающего влияния Коммунистической партии Словакии в нем создали условия для стабилизации повстанческого лагеря: в СНС восстание приобрело центр, который позволял решать и другие проблемы.

Самой неотложной была проблема приостановки немецкого наступления, консолидации вооруженных частей восстания, прежде всего армии. Поэтому главная тяжесть была сосредоточена на военном руководстве, главное направление — на массовой поддержке вооруженных частей. В первые дни сентября речь шла о том, чтобы удержать как можно большую часть территории, охваченной восстанием, и консолидировать ее с точки зрения политической и военной. При таких обстоятельствах, когда Голиан вновь подчинялся руководству СНС, это означало помогать военному руководству в консолидации и укреплении повстанческой армии, а также в достижении хорошего взаимодействия с существующими партизанскими отрядами в общих действиях против нацистов. О смене военного руководства, несмотря на все политические и специальные претензии, в данной ситуации вообще нельзя было помышлять.

Положение не было розовым. В первые дни восстания мы потеряли Западную и Восточную Словакию с преобладающей частью своих вооруженных сил, массой антифашистов и вооружения. Это развитие со-

бытий не было, конечно, случайным: оно было результатом множества причин, недостатков и ошибок в подготовке восстания. Я уже упоминал о том, что западная и восточная области Словакии серьезно отставали в самых решающих вопросах: в степени политической, организационной и военной подготовленности к вооруженному выступлению, в развитии партизанского движения, в общей психологической подготовке антифашистских сил к тому, чтобы взяться за оружие. Неотложность соглашения о координации действий с Советской Армией на востоке (непосредственное соединение двух дивизий с советскими частями) и на западе (предоставление в распоряжение Советской Армии территории для наступления на Вену и Будапешт) была большей, чем в Центральной Словакии, где территория позволяла вести бой в течение определенного времени. В этом смысле начало восстания было «преждевременным» главным образом для областей Западной и Восточной Словакии. Вмешательство немцев ускорило прежде всего действия повстанцев в Центральной Словакии, однако первый немецкий удар пришелся на западную область и одновременно второй — на восточную. Неожиданность и инициатива, использованные немцами, были эффективны именно в тех областях, которые были менее подготовлены к выступлению против немецкой агрессии. Те несколько дней, которые потребовались немцам для ликвидации сопротивления в Западной и Восточной Словакии, позволили политическим и военным силам в Центральной Словакии начать стабилизацию, уяснить обстановку, провести подготовительные мероприятия. Можно что угодно планировать, однако реальные обстоятельства оказывают прямое влияние на наши действия, и поэтому необычайно важно иметь в восстании собственную инициативу, а ее у нас не было. Ломка старой армии и одновременное создание новой из определенного человеческого материала не является простым процессом, хотя он и подготавливался длительное время. Враг использовал все моменты колебаний, противоречий и хаоса в рядах армии.

Партизанские отряды, несмотря на все заслуги, которые у них были в создании антифашистских настро-

ений и боевого духа, не были способны в начале восстания противостоять наступающим силам немцев в открытом бою: из-за малочисленности (около 5 000—8 000 человек), из-за военной неподготовленности (в большинстве своем они сформировались лишь в последние дни), а также потому, что они были сосредоточены в основном в Центральной Словакии. Поэтому в этот период решающей силой была армия, но ее руководство было слабее всего именно в Западной и Восточной Словакии.

Если мы хотим дать оценку усилию руководства Голиана привлечь на свою сторону военные гарнизоны по областям, то мы можем с ответственностью сказать: главное усилие оно сосредоточило в Центральной Словакии, в военном отношении оно рассчитывало на две дивизии в Восточной Словакии, самое меньшее внимание оно уделяло западной области. В последней проявились те качества, которые являются решающими для таких событий, каким было Словацкое национальное восстание, а именно степень и качество организационных приготовлений. Они были недостаточными, и поэтому немцы в целом без сопротивления заняли эту часть Словакии. При таком варианте, когда инициатива была у немцев, у Голиана не было намерения защищать Западную Словакию. Поэтому он дал необдуманый приказ восставшему гарнизону в Трнаве отступить в Центральную Словакию. Он никак или почти никак не затрагивал колеблющиеся гарнизоны в Братиславе, Тренчине, Новом Месте, Середе и совсем недостаточно гарнизон в Нитре, хотя антифашистские настроения среди солдат и офицеров там были несколько не меньшими, чем в других местах. Недостаток военной инициативы и энергичных шагов в решающий момент решил судьбу этих гарнизонов. Интересно, что немцы и тисовский режим не вели агитацию среди солдат за открытое выступление против восстания, а действовали с помощью тактики, заключавшейся в пропаганде того, что солдаты вообще не должны сражаться, а только дать себя разоружить и идти домой. Если мы будем иметь в виду, что многие солдаты служили уже в течение целого ряда лет, что в армии было много ре-

вервистов, то этот момент пассивности, неучастия сыграл свою роль.

В такой обстановке, когда военное руководство было пассивным, многое зависело от позиции отдельных офицеров и солдат. По моему мнению, здесь могло сыграть в психологическом отношении главную роль выступление гарнизона в Братиславе, которое ликвидировало бы в центре режим Тисо и в решающие часы привлекло бы на сторону повстанческой пропаганды радио. Тогда бы никакие Малары не смогли бы баламутить солдат, а пример этого гарнизона — на самых границах гитлеровской империи — увлек бы за собой и другие гарнизоны, занимавшие менее определенную позицию. Условия для этого были, велись также приготовления, однако действия окружения Голиана загубили этот план, который Голиан, впрочем, с самого начала недооценивал. Влияние руководства коммунистической партии и СНС на гарнизоны было недостаточным, для того чтобы извне решающим образом воздействовать на офицеров и солдат. Приведу пример: в связи с освобождением пленных коммунистов в Нитре мы по партийной линии предприняли акцию, с тем чтобы часть гарнизона г. Нитра примкнула к восстанию. Я послал (30 августа) капитана Рашла за командиром мотополка в Нитре, о котором мы знали, что он настроен антифашистски, для того чтобы он выступил самостоятельно, примкнул к восстанию (так как Шлиговский придерживался приказов Тисо) и помог освобождению заключенных коммунистов. Рашла уговаривал командира несколько часов. Тот наконец заявил, что лично готов участвовать в восстании, однако будет действовать в соответствии с решением гарнизона Нитры, а тот находился под влиянием Шлиговского. Затем в Нитру проникла часть подполковника Кишша-Калины, которая уговаривала солдат в казармах перейти на их сторону. Те колебались: больше всего они хотели идти по домам. Аналогичные попытки были и в Братиславе, в офицерской школе; результатом их было то, что несколько сот солдат и офицеров примкнуло к восстанию. Попросту говоря, при той ситуации, которая была в Западной Словакии, воинские

части удавалось привлечь к восстанию лишь изнутри, при помощи военного руководства. Для Западной Словакии вообще не было создано надежного командования. Здесь имелся ряд гарнизонов, подчиняющихся командованию сухопутной армии в Банска-Бистрице. Реакция была различной, отсутствовало единое, твердое руководство. Выступление гарнизона в Трнаве показывает, какие здесь были возможности.

Иной была обстановка в Восточной Словакии. Речь шла о полном военном корпусе, подчиненном командованию армии в Прешове. В этом командовании, а также в двух дивизиях, подчиненных ему, были назначены ответственные офицеры, которые должны были подготовить армию для восстания. Их командиром был назначен полковник Тальский. 29 августа 1944 г. вечером Тальский получил приказ Голиана о восстании. Почему он не выполнил его немедленно? Ввело ли его в заблуждение выступление Чатлоша? Было ли у него соглашение с Маларом, который 30 августа утром вылетел в Братиславу, с тем чтобы «уяснить себе обстановку»? Соглашение Тальского с Голианом было очевидным: по условленному сигналу необходимо было тотчас начать военные действия.

Но Тальский выжидал, колебался. 30 августа во второй половине дня он созвал совещание надежных офицеров (подполковник Урбан, полковник Маркус, майор Полк, майор Трика, подполковник Квапилик). Они обсуждали, что делать, так как восстание началось. Выяснилось, что у Тальского нет никакого разработанного плана военных действий восточнословацкой армии. Правдой является то, что как руководство Голиана, так и СНС рассчитывали на восточнословацкие дивизии главным образом для соединения с советскими частями — как в смысле предполагавшегося соглашения с Советской Армией, так и в смысле собственных действий этих словацких частей, которые, если бы позволяла близость фронта, преградили бы путь через Карпаты к советским частям. Когда восстание началось, не было никакой координации с советской стороной. Можно поэтому считать благоразумным то, что упомянутое совещание у Тальского

приняло решение послать самолетом начальника штаба 1-й дивизии майора Полка к маршалу Коневу, информировать его и договориться об ускоренных совместных действиях. Менее понятным является то, что ни Тальский, ни другие участники совещания не предприняли немедленных мер для перегруппировки дивизии, для защиты от немецкого нападения, которое все же, согласно заявлению Чатлоша, следовало ожидать каждый час. И уж совсем нельзя понять, почему Тальский не связался с Голианом, почему он его не информировал о своих намерениях, хотя между Банска-Бистрицей и Прешовом существовала телефонная связь и связь по радио.

Второй начальник штаба Малара, подполковник Урбан, послал 28 августа к Голиану курьера (капитана Крижку) для получения информации и приказов. Голиан информировал 30 августа курьера о том, что 29 августа начался открытый бой против немцев и майор Носко передал ему и письменные приказы для восточнословацких частей. Капитан Крижка возвратился самолетом 30 августа во второй половине дня в Прешов, передал приказы подполковнику Урбану и устно информировал его о положении в Банска-Бистрице. Ни Тальский, ни Урбан, однако, не предприняли никаких мер для повстанческого выступления двух дивизий; они не обеспечили даже себя разведывательными данными о немецких частях, они просто выжидали.

К этим колебаниям и выжиданию 30 августа вечером добавилось выступление Малара, в котором он охарактеризовал восстание как преждевременное — оно не было «его акцией». Он предостерегал солдат от участия в нем и приказывал: «Встать! Кругом!» И тут Тальский избрал собственный путь. Не посоветовавшись с высшим офицерством, с Полком, не информируя Голиана, он решился немедленно, в ночь с 30 на 31 августа, вылететь на советскую сторону фронта к маршалу Коневу, причем со всеми самолетами (38 самолетов во главе с майором Трнкой). Перед вылетом он не предпринял никаких мер для боевого выступления дивизии, для устранения ненадежных командиров (особенно во 2-й дивизии), для за-

щиты от немецкого наступления, для совместных действий с партизанскими отрядами в Восточной Словакии; он даже не назначил своего ответственного заместителя.

31 августа подполковник Урбан заявил Голиану, что Тальский улетел и дезертировал из армии. Голиан неистовствовал, проклинал Тальского, говорил, что прикажет его расстрелять, как только он попадет в руки повстанцев. Отлет Тальского и неисполнение приказов он называл открытой изменой; об этом он мне говорил несколько раз. После этого руководство Голиана послало на восток, на этот раз уже командиру 1-й дивизии полковнику Маркусу 31 августа следующую телеграмму:

«Уже третий день мы ведем бой с немцами, а вы до сих пор находитесь в бездействии. Тем самым вы нарушили наш первоначальный план. Дивизия под руководством полковника пехоты Маркуса и полковника пехоты Гусра захватит Прешов и как можно скорее будет пробиваться в Центральную Словакию, при этом две дивизии в долину Грона... За проведение ответственных назначенные командиры дивизий...»¹. Носко пишет о том, что этот приказ подписали от имени генерала Веста; «чтобы приказ имел больший вес». В действительности Голиан использовал имя Веста (и не только в этом приказе) по указанию из Лондона. Этот приказ позже был распространен также с самолетов в виде листовки над территорией двух дивизий. Он пришел, однако, поздно.

31 августа в Прешов пришла и другая радиограмма; Малар в ней из Братиславы сообщает, что в этот конкретный день он прилетит и что мероприятия немецкой армии в Центральной Словакии не касаются восточнословацких дивизий². Так Малар снова дезориентировал руководство армии на востоке. Офицеры ждали его приезда; немцы, однако, не теряли времени и стягивали свои силы из Венгрии и Польши. 31 августа около 13 часов они прорвались от Кошице

¹ Ю. Носко. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945, стр. 22—23.

² См. «Исторический журнал», 1959, № 4, стр. 514.

в Прешов, практически без сопротивления захватили штаб армии и все важнейшие коммуникации. В этой обстановке в Прешов прилетел Малар. Его «облик как участника Сопротивления» характеризует то, что перед вылетом из Братиславы он совещался с Тисо, не остаться ли ему в Банска-Бистрице. Нетрудно догадаться, какую приблизительно миссию он хотел выполнять с одобрения Тисо! Тисо же не одобрил, он никому не доверял, а Малар прилетел в Прешов, где немцы, несмотря на добрые услуги, которые он им оказывал, тотчас, прямо на аэродроме, его арестовали, посадили в тюрьму в Германии, а позднее и казнили.

Теперь, когда немцы стали разоружать словацкие части, наконец начали действовать антифашистские офицеры. Командир 1-й дивизии полковник Маркус издал приказ не давать разоружаться, сражаться, при случае соединяться с партизанскими отрядами и пробиваться к силам повстанцев. Неблагонадежный командир 2-й дивизии (полковник Татарко) отдал приказ разоружаться; другие офицеры (например, подполковник Фогл) попытались организовать сопротивление. Однако уже было поздно: немцы энергично продолжали ликвидировать восточнословацкие части, дивизии же были ими раздроблены.

Почти половина солдат и офицеров попала в плен к немцам и была отправлена в лагеря в Германии. Но остальные сохраняли боевой дух, они или пробивались на территорию, охваченную восстанием, или создавали самостоятельные партизанские группы (например, группа подполковника Фогла, группа майора Билея и другие), или присоединялись к находящимся там партизанским отрядам, в особенности к отряду имени Чапаева, к Шукаеву, Степанову и другим, которые в те дни количественно увеличились на несколько тысяч человек вследствие прилива солдат; остальные же разбежались в леса и разошлись по домам.

Потерю восточнословацких дивизий в первые же дни можно считать самым крупным ударом по Словацкому национальному восстанию: это были лучше других вооруженные и наиболее укомплектованные

части словацкой армии, их главная задача состояла в установлении непосредственной связи с Советской Армией. Здесь дали знать о себе все недостатки в политической и военной подготовке восстания, нерешительность руководства Голиана, спекуляция Тальского и т. д., и результаты не замедлили сказаться. Тальский (с майором Триком) 1 сентября прибыл к маршалу Коневу, информировал его об обстановке, сложившейся перед его вылетом. Конев в ночь с 1 на 2 сентября написал Сталину письмо и внес предложение о советском наступлении в Словакию через Карпаты. Сталин выразил 3 сентября одобрение. 6 сентября от Конева в Банска-Бистрицу прилетела группа советских офицеров во главе с майором Студенским, который в ходе всего восстания выполнял роль офицера связи при повстанческом военном руководстве. 8 сентября началось наступление 38-й армии (составной частью которой был и 1-й чехословацкий армейский корпус) 1 Украинского фронта, которым командовал маршал Конев, в направлении Дукла — Свидник — Прешов. Советские и чехословацкие части натолкнулись на ожесточенное сопротивление немцев. Начались тяжелые бои: восточнословацкие дивизии, которые должны были открыть пути для советских частей, были уже неделю назад разбиты немцами и заменены. Соединение повстанцев с советскими воинскими частями стало невозможным. Тальский возвратился с десантом 15 сентября в Восточную Словакию и присоединился к одной из воинско-партизанских групп.

Так, в первые дни восстания были утрачены Западная Словакия, весь район долины реки Ваг и Восточная Словакия, а немцы вели наступление на повстанческую область с запада, севера и востока. Лишь южная граница с Венгрией была спокойной. Было необходимо приостановить натиск немцев. Военные части, в спешном порядке пополненные в ходе мобилизации, вместе с партизанскими отрядами вели упорные бои.

Было достаточно сомневающих в том, удастся ли вообще удержать освобожденную территорию. М. Ферьенчик в 1963 г. в одном эмигрантском журна-

ле упомянул о своем разговоре с Голианом ночью после его возвращения из Москвы (5 сентября). Голиан сказал ему: «Микулаш, я даже не буду распаковывать рюкзак, это будет чудо, если мы при данных обстоятельствах устоим против немцев в течение недели». Хватало в эти критические дни маловеров и на высоких постах. Нужно было мобилизовать людей для поддержки и развития восстания, организовать помощь повстанческому фронту. Такова была в те дни главная задача коммунистической партии и СНС.

16. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ МОБИЛИЗУЕТ НАРОД

В первые дни Словацкого национального восстания, с одной стороны, было много энтузиазма, самопожертвования, отваги, революционной инициативы, а, с другой — было достаточно осторожности, выжидания, стихийности и хаоса: в зависимости от областей, районов, от обстановки, от общественных классов, политического профиля и темперамента отдельных лиц. Центральное руководство только создавалось; не было необходимых контактов с районами, фабриками, при этом общая обстановка была весьма критической. На отдельных участках воинские части и партизанские отряды, районные и местные национальные комитеты боролись так, как могли. Было необходимо все эти силы прочно соединить, правильно информировать, дать им ясную цель и мобилизовать на борьбу с нацистами.

Эту задачу могла на себя взять единственная политическая сила — Коммунистическая партия Словакии. Она взяла ее на себя и с честью выполнила. Одновременно с изданием декларации СНС мы подготовили заявление Коммунистической партии Словакии от 2 сентября 1944 г., которое было напечатано сто тысячным тиражом и распространено по всей освобожденной территории. Заявление Коммунистической партии Словакии дополняло декларацию СНС и ориентировало коммунистов и другое население на активное участие в вооруженной борьбе. Поскольку речь идет о первом легальном документе Коммунистической партии Словакии, я привожу его дословно:

«Заявление Коммунистической партии Словакии.

**К рабочим, крестьянам, трудящейся интеллигенции!
Товарищи!**

В течение пяти лет трудящиеся Словакии были лишены всех политических прав, подвергались террору гардистской и немецкой нацистских банд, все организации рабочих были распущены и загнаны в подполье, тысячи наших лучших людей были брошены в тюрьмы, замучены или убиты. Наша партия работала и боролась преимущественно одна в тяжелейших условиях против этого фашистского режима и террора. Коммунистическая партия никогда не изменяла своей программе, никогда не компрометировала себя слабой позицией и выходила из борьбы незапятнанной.

Мы ждали первого подходящего момента, чтобы с оружием в руках свергнуть гнусный фашистский режим и рядом с Красной Армией и союзниками поднять и наш народ на открытую и победоносную борьбу против нацистского варварства. Этому революционному наступлению предшествовала решительная и мужественная борьба героических словацких и советских партизанских отрядов, которая воодушевила трудящихся и указала пути к общенародному восстанию. Словацкие солдаты повсюду помогали партизанским отрядам. И сегодня они рука об руку выступают с оружием против общего врага.

Сегодня в борьбе объединены все социалистические силы Словакии, гражданские и военные. Партизаны, солдаты и весь наш народ решились свергнуть фашистское иго и прогнать всех поработителей и эксплуататоров.

Первая наша цель состоит в том, чтобы в общей борьбе нанести военное поражение гитлеровской Германии и уничтожить все фашистские элементы, чтобы трудящиеся могли свободно определить формы и образ своей жизни. Наиболее реакционный империализм нашел последнюю возможность сохранить себя в форме фашизма. Самым кровавым образом он пытался уничтожить социалистическое и коммунистическое движение в Европе, покорить малые народы и навсегда лишить рабочий класс возможности бороться за

свои собственные идеалы. Поэтому только добившись поражения последнего фашистского оплота в Европе, Германии, трудящиеся встанут на путь политической и социальной свободы.

Гитлер угнетал все народы. Словацкий народ объединился и вместе с другими угнетенными народами восстал, чтобы обеспечить себе свободную национальную жизнь и использовать все силы для борьбы за справедливый общественный строй.

Гитлер с самого начала готовился к борьбе против единственного социалистического государства, против СССР. Он сосредоточил огромные силы, чтобы злодейским ударом уничтожить государство рабочих и крестьян. Героическая Красная Армия под гениальным руководством товарища Сталина разбила все атаки гитлеровцев, разгромила их армии и уже в течение двух лет гонит фашистские орды на всех фронтах и за короткое время добьет фашистских варваров в их собственном логове.

Национально-революционное восстание и политический переворот, который осуществился в эти дни в Словакии, создают все возможности и для словацкого народа быстро и окончательно избавиться от всякого угнетения, с тем чтобы руководство делами в Словакии осуществлял только словацкий народ.

Нацистское правительство во главе с Тисо, Тукой и Махом было провозглашено незаконным. Словацкий сейм был распущен. Были распущены и запрещены словацкая народная партия Глинки, глинковская гарда, глинковская молодежная организация, немецкая нацистская партия во главе с Кармасином, ФС и все прочие террористические организации.

Был распущен центральный штаб безопасности, который по примеру гестапо применял в Словакии варварские методы. Последовательно были устранены все остатки людацкого нацистского режима.

Борцы против фашизма, находившиеся в тюрьмах, были освобождены. Были арестованы все те, кто сотрудничал с немцами против словацкого народа. Были отменены законы, направленные против евреев.

В нашей борьбе мы действовали совместно с большинством социал-демократов, которые, как и мы, ве-

ли антифашистскую борьбу. Эта совместная борьба вылилась в единство социалистического рабочего и крестьянского движения в Словакии и в единую партию трудового народа.

Братский чешский трудящийся народ и интеллигенция ведут национальную борьбу в еще более тяжелых условиях, в условиях страшного притеснения. Мы приветствуем борцов в Чехии и выражаем искреннее желание, чтобы словацкий народ и чешский народ сообща в новом совместном государстве создали условия для лучшего и счастливого будущего.

Товарищи!

Победа за нами!

Вместе с Красной Армией и союзническими армиями Англии, Америки, Китая, партизанами Тито, революционной Францией, новой Польшей мы завоюем окончательную победу.

Вступайте в партизанские отряды и создавайте новые! Вступайте в нашу словацкую армию! Поддерживайте солдат и партизан! Все силы сосредоточивайте на последнем решающем ударе!

Коммунисты были и будут авангардом народно-освободительной борьбы!

Они останутся верными социалистической программе!

Смерть фашизму, свободу народам!

Слава победоносной Красной Армии! Да здравствует товарищ Сталин!

Слава воюющим союзническим армиям! Слава партизанам!

Слава борющейся словацкой армии!

Баяска-Бистрица. 2 сентября 1944 г.

Коммунистическая партия Словакии»¹.

* * *

Однако было необходимо и живым словом информировать массы трудящихся об обстановке. Я уже упомянул о том, что руководство коммунистической партии организовало в первую неделю восстания (3 сентября) открытые партийные выступления во всех крупных городах на освобожденной территории.

¹ АИИ КПС.

Почти на 40 открытых массовых собраниях, в которых участвовало более 100 тысяч человек, коммунистическая партия спустя шесть лет впервые легально и открыто изложила массам свою позицию, разъяснила обстановку и призвала к оружию, к борьбе за свободу национальную и государственную, за цели трудящихся. Линия была определена в заявлении Коммунистической партии Словакии, в декларации СНС, в первых постановлениях СНС, в живых словах о задачах национальных комитетов, повстанческой армии, партизанских отрядов, о сотрудничестве всех антифашистских сил. Отклик на эти массовые собрания был исключительный. Стало очевидным, каким уважением пользуется коммунистическая партия, какое доверие она имеет в массах трудящегося народа, что она в действительности является руководящей политической силой в Словацком национальном восстании, что она пользуется полной поддержкой народа. Это была одновременно и демонстрация силы партии, ее организованности, ее влияния в массах.

В качестве примера этих массовых собраний упомяну четыре из них в Гемери (Тисовец, Гнушта, Клековец и Кокава), в которых я как делегат ЦК КПС участвовал и на которых я сам выступал.

Площади были полны народу из различных слоев — рабочих, крестьян, интеллигенции, солдат и партизан. Значительная часть была вооружена, в гражданской одежде, те, у кого было оружие, имели его при себе. Повсюду формировались местные вооруженные части из народа, они располагались на собраниях отдельными отрядами. На картинах из времен русской революции я видел подобным образом вооруженный трудовой народ, а теперь — в словацких местечках и деревнях. Повсюду были национальные комитеты, повсюду во главе коммунисты, полное единство антифашистских сил, везде развевались чехословацкие, словацкие и красные флаги, все с воодушевлением принимали точку зрения коммунистической партии. Каждое упоминание об СССР и Советской Армии сопровождалось проявлением бурного энтузиазма. Повсюду звучал призыв к оружию: дайте оружие, и мы будем бороться до конца! За годы политической работы я пере-

жил много народных собраний, но нигде они не были столь живыми, восторженными, боевыми, как в эту неделю. Массовые сцены радости по поводу свободы после ряда лет фашистского мрака, гордость за свою собственную силу, за свое правительство, свою инициативу, сцены несправедливости к нацизму и людацкому режиму, выражение любви ко всему советскому и проявления личной решимости принести в этой борьбе любые жертвы. Просьбы молодых людей, которых не хотят принять в армию или в среду партизан, настойчивость молодых девушек: и мы хотим найти себе применение в этой борьбе! И слезы радости по поводу каждой революционной идеи. И так с утра и до поздней ночи. Маркс правильно сказал, что идея, когда она овладевает массами, становится материальной силой. Это было действительно народное, действительно национальное восстание, и коммунистическая партия была его признанной политической руководящей силой.

Впервые в истории наших народов коммунистическая партия стала ведущей партией. В драматический период жизни словацкого народа она взяла на себя ответственность за его борьбу, за его дальнейшую судьбу. По ее инициативе СНС взял революционным актом всю власть в Словакии, по директивам коммунистической партии в округах взяли власть в свои руки национальные комитеты. Они должны были решать и решали всевозможные проблемы: вопросы мобилизации и помощи армии и партизанам, обезвреживания врага, безопасности населения, снабжения и средств связи, производственные вопросы, вопросы оказания помощи беженцам с оккупированных территорий, проблемы политические, экономические, культурные — все вопросы, стоявшие в повестке дня. Так национальные комитеты в эти дни фактически взяли всю власть в своих районах. Ведущей силой в них в большинстве случаев были коммунисты. В своей работе они опирались на авторитет партии — ведущей и решающей политической партии восстания, которая легализировала их деятельность, их полномочия. Национальные комитеты были главной опорой партии в деревнях и районах, главным органом осуществления государственной власти. Все это свидетельствовало об

огромной силе, заключенной в революционной инициативе народа.

Руководство Коммунистической партии Словакии оценивало ситуацию по сообщениям делегатов упомянутых собраний. Накапливался опыт первых революционных дней. Проблем было немало: необходимо было бороться и одновременно поддерживать производство. Необходимо было научиться быстро «управлять», то есть правильно решать назревшие проблемы. В основном опыт был положительным: массы трудящихся твердо и решительно стоят за восстание, за коммунистическую партию, за ЧСР. Тот, с кем идет народ, не может проиграть. Волна оптимизма захлестнула свободную территорию, несмотря на продвижение немцев. Это проявилось и на фронтах: солдатам и партизанам удалось остановить и задержать наступление немцев. Словацкое национальное восстание пережило первый кризис — кризис своего зарождения. В политическом и военном отношении оно укрепилось и, можно сказать, стабилизировалось.

17. МОСКОВСКОЕ РУКОВОДСТВО КПЧ И СЛОВАЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ

В ночь с 4 на 5 сентября 1944 г. после месячного пребывания в СССР возвратилась делегация СНС (К. Шмидке и подполковник Ферьенчик). Из Москвы они вылетели 3 сентября, и после остановки в Станиславе советский самолет доставил их на аэродром «Три дуба». Этот повстанческий аэродром работал уже нормально.

У меня со Шмидке тотчас состоялась длительная беседа. Ведь за этот месяц (с 4 августа) Словакия изменилась неузнаваемо: уже в течение недели она вела открытую борьбу с нацизмом и его приспешниками из людацкой партии. Но о главном вопросе, о позиции СССР в отношении восстания и точке зрения руководящих деятелей КПЧ в Москве, нам было очень мало известно, в основном только по последним сообщениям по радио. Правда, мы ни на минуту не сомневались в советской помощи. Поддержка Советского Союза и близость Советской Армии — это были важнейшие факторы, которые воодушевляли всю партию и народ. Речь, однако, шла о конкретных мерах. Руководящие работники должны были о них знать, если они не собираются ошибаться и вводить в заблуждение других. Для коммунистов точка зрения Москвы (советских и чехословацких товарищей) была решающей, особенно в таком огромном деле, каким было Словацкое национальное восстание. Начиная с 1943 г. (когда Шмидке прибыл в Словакию) мы в деталях эту точку зрения не знали, так как прямой связи не было. Правильно ли мы поступали тогда? Как относятся в Москве к этому огромному национальному антифашистскому движению, которое вдохновляла и которым руководила в Словакии партия? В те-

чение последнего месяца, когда я был ответственным за руководство партией, возникло столько проблем политического, военного, организационного характера, что я чувствовал, как мне не хватает опыта и помощи старых борцов. Однако нельзя было медлить и колебаться. Время требовало действовать быстро и энергично: иногда судьбу и ход больших дел решают часы. Бремя ответственности определяет история — с удобной позиции по прошествии некоторого времени — строгими критериями практики, последствиями решений, когда уже известен результат борьбы противоположных сил, когда можно рассуждать, оглядываясь назад, о том, что «было бы лучше, если бы...». Правильно ориентироваться в узловые моменты истории, находясь в центре сложной борьбы, несколько труднее и сложнее. Точку для ориентации — Полярную звезду — в критические недели мы искали над небом Москвы. Поэтому для меня важно было узнать, правильно ли мы действовали.

Ответ Шмидке был однозначно положительным. Советские военные и политические круги «очень подробно интересовались общей обстановкой в Словакии как с точки зрения военной, так и политической, высоко оценивая все наши политические и военные мероприятия»¹, — вспоминал Шмидке спустя два года. Положение, однако, весьма осложнили действия Бенеша, лондонского правительства и его военной клики. На эти действия Шмидке тотчас после приезда горько сетовал и резкими словами квалифицировал вредную деятельность лондонской буржуазной эмиграции вокруг подготовки Словацкого национального восстания. Ситуацию существенно изменило лишь сообщение о начале восстания. Затем дело двинулось. Советская помощь наверняка придет, Советский Союз за нас!

Шмидке вошел в контакт с К. Готвальдом и другими деятелями КПЧ несколько позже, приблизительно 20 августа 1944 г. О положении в Словакии они знали очень мало, о работе партии, ее планах, о СНС и подготовке восстания они вообще ничего не знали,

¹ «Новое слово», год изд. III, № 32—33.

это и обусловило их некоторые несогласованные мероприятия. Когда Шмидке подробно проинформировал московских товарищей о генеральной линии КПС на общенародное вооруженное восстание, о конкретных приготовлениях этой акции, он встретил полное понимание, одобрение, даже восторг. Московские товарищи высоко оценивали работу партии в Словакии: это была не мелочь — подготовить в стране, в тылу немцев, подобную акцию. Что касается Шмидке, которого до этого времени в среде московской эмиграции многие недооценивали, то личность его сразу поднялась в своем значении. Копецкий и позднее в Москве говорил мне: «Посмотрите-ка на этого Шмидке, что он сумел сделать, кто бы мог от него этого ожидать!»

Результатом бесед со Шмидке, а до этого с Димитровым явились директивы московского руководства КПЧ от 23 августа 1944 г., которые полностью подтвердили политическую линию Коммунистической партии Словакии. Готвальд дал указание Сланскому в Киев о том, чтобы партизанские отряды, посланные в Словакию, в новой обстановке согласовывали и координировали свои действия с руководством Коммунистической партии Словакии и СНС и в соответствии с их планами. Копецкий осенью 1944 г. в Москве говорил об этом Новомескому и другим: «Как только мы узнали от Шмидке о том, что готовится в Словакии, мы поспешили дать указание Сланскому о том, чтобы партизанские отряды подчиняли свои действия планам Коммунистической партии Словакии и СНС. Однако уже было поздно! Восстание уже началось!»

Впрочем, и в приложении к упомянутым директивам от 23 августа 1944 г. говорится: «Посланным партизанским отрядам мы даем указание устанавливать связь с партией и национальными комитетами в Словакии, а свою позицию вырабатывать в соответствии с их указаниями. Словацкое руководство и национальные комитеты окажут этим партизанским отрядам всю необходимую помощь»². Эти указания для партизан-

² «Путь к маю», I-1. Прага, 1965, стр. 181.

ских отрядов, однако, до начала восстания в Словакию не попали.

По словам Шмидке, в Москве было полное совпадение мнений с руководителями КПЧ, и К. Готвальд полностью одобрил и в ходе дальнейших переговоров отстаивал концепцию руководства КПС. Лишь шесть лет спустя, в 50-е годы, этот вопрос также был грубо искажен.

Одобрение и полное совпадение взглядов с московским руководством КПЧ дали тогда — через неделю после начала восстания — партии в Словакии уверенность в дальнейших шагах и решениях. После приезда Шмидке была установлена прямая радио- и телеграфная связь с московским руководством; изоляция Коммунистической партии Словакии окончилась. Шмидке до отъезда из Москвы выразил пожелание, чтобы как можно больше чехословацких коммунистов было послано в Банска-Бистрицу для партийной работы. Ему это удалось лишь через несколько недель.

Поддержка Словацкого национального восстания и политики КПС со стороны московского руководства КПЧ имела огромное значение как в ходе информации советских руководителей, так и внутри чехословацкого лагеря в борьбе с Бенешем и лондонским правительством.

Позиция руководства КПЧ в Словацком национальном восстании лучше всего видна из письма, которое К. Готвальд направил 2 сентября 1944 г. министру иностранных дел СССР В. М. Молотову. Ввиду важности этого документа я цитирую его полностью. К. Готвальд писал:

«Вам уже известно, что на этих днях уже почти по всей Словакии идут ожесточенные бои словацких партизанских отрядов и крупных частей словацкой армии против немецких оккупационных войск, которые вторглись в Словакию. Значительная часть территории Словакии в руках национально-освободительного движения словацкого народа. Я считаю своим долгом от имени руководства КПЧ указать на некоторые важные политические моменты, которые объясняют, как возникли эти события и каков их политический характер.

После разгрома Чехословакии в Словакии был установлен особый режим. Немцы посадили в так называемом словацком самостоятельном государстве правительство своих агентов, но непосредственно Словакия не была оккупирована, здесь оставалась словацкая администрация и словацкая армия. Немцы использовали Словакию в основном путем экономической эксплуатации.

Тот факт, что в Словакии в отличие от чешской территории не было непосредственного немецкого аппарата угнетения, создал особые условия для нашей работы, большие, зачастую полулегальные возможности для сосредоточения вооруженных сил. При этом широкие народные массы словаков в течение всего времени так называемой «немецкой охраны» были настроены антифашистски, что проявлялось также в поведении словацких солдат на советско-германском фронте, где целые словацкие части переходили на сторону Красной Армии или присоединялись к общим действиям с советскими партизанами.

В результате усилий партии за несколько месяцев в Словакии удалось сформировать широкий Национальный фронт, который представлял огромное большинство народа. Во главе этого Национального фронта стоит СНС, авторитетный орган словацкого национально-освободительного движения, состоящий из представителей всех слоев Сопротивления в Словакии. В СНС значительное влияние имеет коммунистическая партия, являющаяся единственной нелегально организованной политической партией в Словакии. Вместе с коммунистами в СНС были представители бывшей социал-демократической партии, которые тесно сотрудничают с ними, а также авторитетные представители буржуазных кругов политических, религиозных и военных.

СНК планомерно подготавливал вооруженное выступление словацкого народа, при этом удалось вовлечь в подготовку борьбы большую часть армии, в том числе офицеров, а также значительную часть словацкого государственного аппарата. При СНС для руководства вооруженной борьбой был учрежден Воен-

ный совет, в который также входили представители нашей партии.

Со стороны руководства КПЧ в Москве организация вооруженной борьбы в Словакии была подкреплена тем, что мы в последнее время с помощью Украинского штаба партизанского движения посылали в Словакию смешанные группы партизан, состоящие, во-первых, из советских партизан, а во-вторых, из специально подобранных солдат из чехословацких частей на территории СССР. Эти партизанские группы в Словакии установили контакты с СНС и, согласно нашим указаниям, координировали свои действия в смысле планов СНС.

Словацкий национальный совет, принимая во внимание положение на фронтах, разработал план единого общенародного вооруженного выступления таким образом, что сигналом для начала борьбы должно было служить или вступление на территорию Словакии приближающейся Красной Армии, или попытка немцев начать военную оккупацию территории Словакии. СНС пытался договориться об этих планах с Главным Командованием Красной Армии, и с этой целью он послал в СССР своего политического и военного представителя.

Руководство КПЧ одобрило позицию наших товарищей в СНС, а также планы вооруженного выступления словацкого народа.

Обстоятельства сложились таким образом, что в последние дни августа германские войска вступили на территорию Словакии с целью ее оккупации. Согласно разработанному плану, это событие явилось сигналом к борьбе. С первых дней борьба носила общенациональный характер: в ней участвовала большая часть словацкой армии, пополненной в ходе мобилизации, партизанские отряды и широкие массы населения Словакии. Решающим фактором для огромного размаха боевой решимости словаков явилась близость Красной Армии и надежда на то, что с ее стороны борющемуся словацкому народу будет оказана помощь. Во всех городах, охваченных движением Сопротивления, происходили стихийные манифестации народа, которые явились выражением братских чувств к рус-

скому народу, в ходе манифестаций посылались приветствия Красной Армии и Маршалу Сталину.

Во главе этой общенациональной вооруженной борьбы стоит СНС в качестве политического руководящего органа. СНС находится в городе Банска-Бистрица, в центральной части Словакии, которая должна стать центром борьбы. СНС имеет в своем распоряжении радиостанцию, с помощью которой он передает выступления. Под руководством СНС на освобожденной территории в городах учреждаются национальные комитеты, являющиеся органами власти и общественного управления. В это время СНС овладевает Центральной Словакией и частью Восточной и Южной Словакии. На границах этой территории ведутся бои против оккупационных войск, пытающихся овладеть важными железнодорожными путями, находящимися в руках народной власти Словакии. На стороне немцев осталась клика братиславских предателей, не имеющих никакой поддержки в народе.

Чехословацкое правительство в Лондоне в особой декларации выступило за поддержку словацкого народа и провозгласило словацкие вооруженные силы, сражающиеся против немцев, составной частью вооруженных сил Чехословакии. Однако в национальном отношении решающий характер этой борьбы был словацкий, по своим же условиям она аналогична борьбе в Югославии. Борьба велась с целью завоевания свободы Словакии и новой Чехословакии, в которой бы словацкий народ наряду с чехами находился в равноправном положении.

Предоставляя Вам данную информацию, мы считаем необходимым подчеркнуть неотложность быстрого решения вопроса о помощи со стороны СССР. Словацкий народ ведет борьбу храбро, и он полон решимости с помощью мобилизованных сил упорно удерживаться на своих оборонительных базах, однако немцы, понимая стратегическое значение Словакии, главным образом учитывая ее транспортные связи, сосредоточивают значительные силы против сражающихся словацких патриотов. Они пускают в ход танки и самолеты, против которых сражающиеся словацкие

военные и партизанские части не имеют достаточного количества средств защиты.

Словацкий народ, вступивший в вооруженную борьбу, твердо убежден в том, что он получит помощь. Помощь Красной Армии, оказанная в любой форме, будет воздействовать как огромная моральная поддержка в этой борьбе, которая в данный момент является важнейшим центром борьбы за освобождение всей Чехословакии.

За Центральный Комитет Коммунистической партии Чехословакии, Москва, 2 сентября 1944 г.

(Готвальд)»³.

В этом же духе, в той же линии, а в некоторых местах почти в дословных формулировках, содержащихся в письме Готвальда Молотову, написана и статья Готвальда, опубликованная в московской газете «Правда», а также в газете «Ческословенске листы» от 15 сентября 1944 г. Готвальд здесь подчеркивает: «С точки зрения Чехословакии нынешняя борьба в Словакии имеет большое значение в военном, политическом и моральном отношении. Впервые один из народов Чехословакии поднял против иноземных захватчиков знамя действительной национально-освободительной борьбы не только за границей, но и на территории самой страны... Тот факт, что это был именно словацкий народ, который смог в результате благоприятного стечения обстоятельств первым в таком широком масштабе взяться за оружие, является для словаков не только огромной честью, но несомненно будет способствовать и тому, чтобы в новой свободной Чехословакии укрепилась братская дружба славянских народов по принципу равный с равным».

Эту верную линию формулировали статьи, выступления по радио, а также выступления других деятелей московской эмиграции. В этом состояла большая политическая помощь и моральная поддержка сражающейся Словакии.

Московская радиостанция «За свободу Словакии» уже 1 сентября 1944 г. заняла следующую позицию в связи с борьбой в Словакии: «Весь словацкий народ,

³ «Путь к маю», I-I. Прага, 1965, стр. 205—206.

поднявший высоко знамя национально-освободительной борьбы, с восторгом приветствует СНС как верховный орган национально-освободительной борьбы в Словакии на всей ее территории. Словацкий народ видит в СНС, в котором представлены все слои словацкого народа, а также его национально-освободительной борьбы и народно-освободительного движения, единственного правомочного выразителя воли борющегося словацкого народа на всей территории Словакии... Да здравствует СНС — высший орган нашей народно-освободительной борьбы!..»

Соглашение чешских и словацких коммунистов, их совместные действия в ходе восстания и после него лучше всего выразили стремление чешского и словацкого народов к общему государственному существованию, правда, на новой основе, при новом решении как национального вопроса, так и всего устройства Чехословакии. Совместные действия КПЧ и КПС имели особое значение в отношении к Бенешу и лондонскому правительству. Московское руководство КПЧ поддерживало позицию Коммунистической партии Словакии и СНС в важнейших вопросах. Бенеш не мог себе позволить полностью игнорировать точку зрения московского руководства КПЧ. Так Словацкое национальное восстание приобрело в московском руководстве и в среде чешских коммунистов важного союзника и соратника.

18. СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ ВОССТАНИЮ

В подготовке Словацкого национального восстания и в ходе его огромную роль играла вера в Советский Союз и Красную Армию. Это был мобилизующий фактор огромного значения: бороться, выдержать — скоро придет Красная Армия. Мы решили использовать возвращение делегации Словацкого национального совета из Москвы для информирования членов Словацкого национального совета и общественности о подготавливаемой советской помощи и тем самым способствовать укреплению боевого духа.

В день возвращения делегации, 5 сентября 1944 г., во второй половине дня, был создан расширенный (до 41 члена) Словацкий национальный совет, на котором К. Шмидке и подполковник Ферьенчик доложили о своей миссии в СССР. Шмидке (как это видно из не слишком точного протокола заседания) сказал, в частности: «...первый день встречи с военными деятелями фронта (IV Украинского.— Г. Г.) привлек большое внимание, ибо Красная Армия, устремившаяся на запад, рассчитывала на южные и западные части, в которые включается и Словакия, как часть будущей ЧСР... Мы были посланы в Москву, с тем чтобы информировать центральные органы Москвы о словацком Сопротивлении. Наше пребывание в Москве хранилось в тайне по серьезным военным причинам, и лишь тогда, когда все было выяснено относительно того, как включить наше выступление в общий план Красной Армии, была предоставлена возможность встретиться с чехословацким послом Фирлингером, которого я информировал о всех наших военных и политических планах... (Фирлингер.— Г. Г.) тотчас же информировал лондонское правительство о подробно-

стях. Между тем в Москву прибыла делегация чехословацкого правительства, и мы обсуждали военные и политические вопросы... Когда пришли первые сообщения в Москву о том, что происходит в Словакии... всех охватил огромный восторг, и было принято решение обратиться через посольство и военную миссию к военным и политическим кругам и приступить к переговорам о помощи Словакии. И хотя нельзя по военным причинам говорить о конкретных обещаниях, можно с определенностью предположить, как об этом свидетельствует прошлая ночь (советские самолеты привезли оружие.— Г. Г.), что эти круги серьезно занимаются этим вопросом. Наша задача — напрячь все силы, поднять народ на упорную борьбу, чтобы мы могли выдержать несколько дней и собственными силами удержать определенную территорию...»¹.

М. Ферьенчик сообщил: «После счастливого перелета через фронт... мы совершили вынужденную посадку на русской территории. После установления наших личностей и ознакомления с целью нашего прилета при штабе данного русского фронтового участка мы были 6 августа по приказу центра переправлены прямо в Москву, где сразу же, на другой день, мы объяснили в штабе русской армии цель нашего прилета, военную и политическую ситуацию в Словакии. Мы просили включения Словакии с ее военными возможностями в план наступления русских войск и требовали отправить нас в чехословацкое посольство. Русское военное командование поняло серьезность и важность этих военных возможностей и оценило их в степени, быть может, большей, чем это было у нас. Об этом, по крайней мере, свидетельствовала строгость, с какой сохранялись в тайне наши личности и цель нашего пребывания в Москве, равно как и обширные информации чехословацкого правительства в Лондоне и, вероятно, других союзнических правительств. Эти информации, проверка и оценка военных возможностей, нами предлагаемых, требовали, по правде говоря, длительного времени, и, таким образом, наше пребывание в Москве продолжалось целый месяц. Приезд

¹ Протокол СНС, АСНС.

чехословацкой делегации из Лондона в Москву позволил начать прямые переговоры русского военного руководства с этими представителями чехословацкого правительства. И наконец боевое выступление войск и народа Словакии против немецкой оккупации привнесло в эти переговоры новые, уже реальные факты, требовавшие наискорейшей помощи сражающейся армии и борющемуся народу в Словакии. Переговоры об этой помощи велись между русским военным руководством и политическими учреждениями и военной миссией или же чехословацкой делегацией круглые сутки. При отлете из Москвы 2 сентября утром наши военные представители — генерал Виест, генерал Гасал и генерал Пика — заверили меня, что мы получим быструю и эффективную помощь от частей Чехословацкого корпуса, которые первоклассно вооружены, обучены, проявили себя в борьбе и полны решимости бороться за свободу родины, и помощь от советских войск. Однако сосредоточение необходимых подкреплений, и особенно транспортных средств для их переправы, потребует несколько дней, в течение которых мы должны остановить наступление немцев, задержать их. Наше военное выступление, встреченное с пониманием чехословацким правительством, вызывало большой резонанс и горячие симпатии как у советского народа, так и в армии, особенно в тех частях, которые были близко от наших границ, совместно сражались и сражаются с нашими чехословацкими частями. На основе личных наблюдений и разговоров я заверяю вас, что эта помощь будет своевременной и эффективной. Военное выступление словацкого народа объединило за границей всех словаков и чехов, любящих свой народ и родину, независимо от политической принадлежности, в нерушимое национальное единство...»².

Решение делегации Словацкого национального совета по вопросу о советской помощи, распространенное по предприятиям и в сельской местности, среди солдат и партизан, вызвало новую волну восторга и значительно способствовало укреплению боевого духа, тем более что люди встречали советских офицеров,

² Протокол СНС, АСНС.

сражающихся в партизанских отрядах, слышали, как ночью над повстанческой территорией гудели советские самолеты, видели, как с этих самолетов той же ночью на аэродроме «Три дуба» разгружалось оружие и снаряжение для солдат и партизан. Днем позже (6 сентября) прилетела советская военная миссия: офицер связи маршала Конева майор Студенский с помощниками, которых Голиан разместил при своем штабе. Все больше советских партизанских отрядов проникало с польской территории в Словакию, продолжалась десантная высадка партизанских групп на повстанческой территории. Московское радиовещание на словацком языке ежедневно ободряло словацких патриотов в антифашистской борьбе и говорило о приближающейся помощи; все это придавало силу и веру и помогло сдерживать немецкое наступление, которое по плану генерала СС Бергера должно было ликвидировать Словацкое восстание за четыре дня. Словацкий народ выстоял в борьбе. Он был воодушевлен словами, которые посол Фирлингер произнес по московскому радио 31 августа 1944 г.: «Пусть словацкий народ верит в Красную Армию, которая сделает все, что будет в ее силах»³.

* * *

Вопрос советской помощи Словацкому национальному восстанию не был так прост, как о нем говорила делегация Словацкого национального совета или общали по радио. Я уже указывал на политические осложнения, которыми чехословацкое правительство в Лондоне тормозило своевременную договоренность с руководством Советской Армии о координации военных операций и советской помощи. Однако были и другие трудности. Как пишет Фирлингер, «было очевидным, что хотя для Советского правительства события в Словакии не были неожиданными, однако они не отвечали пока стратегическому плану Красной Армии, которая пока была вынуждена остановиться у подножия Карпат за Саноком»⁴. Это же подчерки-

³ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 341.

⁴ Там же, стр. 338.

вают и некоторые другие авторы: «Подготовка выступления в Словакии не соответствовала положению советских войск и стратегическому плану советского командования. Общеизвестно, что планы советского командования не предполагали такого типа переход через Карпаты... Таким образом, не было главного условия для взаимодействия»⁵. Эти вопросы история должна еще будет выяснить.

Неоспоримым фактом является, однако, то, что, когда восстание началось, советская помощь была оказана немедленно, и она являлась единственным и решающим фактором того, что в течение двух месяцев выдерживалась открытая вооруженная борьба против нацистских дивизий. Советская военная помощь Словацкому национальному восстанию осуществлялась четырьмя различными формами:

1) непосредственная помощь советских партизан и советских командиров, возглавлявших словацкие партизанские отряды, 2) помощь оружием, переправляемым по воздуху, 3) Дукельская операция, 4) переброска истребительного авиаполка и 2-й чехословацкой парашютнодесантной бригады в Словакию.

О заслугах советских партизан и партизанских командиров в антифашистской борьбе в Словакии я уже говорил и еще буду говорить. Нужно высоко оценить советскую помощь оружием, переправляемым по воздуху. Первая крупная партия оружия была доставлена на «Три дуба» в ночь с 4 на 5 сентября — главным образом противотанковые ружья и боеприпасы, которые немедленно были отправлены на фронт, прежде всего в район Врутек. Эти воздушные поставки продолжались, если позволяла погода, почти каждую ночь.

Как пишет М. Шада, «новые винтовки, пулеметы, противотанковые ружья, взрывчатка и боеприпасы поступили в ночь с 6 на 7 сентября... В ночь с 13 на 14 сентября советские самолеты доставили 21 тысячу килограммов груза, и в последующие ночи поставки продолжались. До 18 сентября из СССР на аэродром

⁵ М. Шада. О советской помощи Словацкому национальному восстанию. «Гисторие а военстви», 1956, № 1, стр. 42.

«Три дуба» было переправлено, несмотря на крайне неблагоприятную погоду, 580 автоматов, 224 противотанковых ружья, 250 легких пулеметов, 5 крупнокалиберных противовоздушных пулеметов, 74 тяжелых пулемета, свыше 1000 килограммов взрывчатки и более полутора миллионов патронов разного калибра... Во второй половине сентября и в октябре советские самолеты прилетали с оружием в Словакию каждую ночь, если этому хотя бы немного способствовала погода, так что к 15 октября количество оружия, поставленного в Словакию, характеризовалось следующими цифрами: 2 082 автомата, 256 противотанковых ружей, 467 легких пулеметов, 90 тяжелых пулеметов, 630 винтовок, 5 минометов, 23 крупнокалиберных противовоздушных пулемета. Были также поставлены взрывчатые вещества и боеприпасы»⁶. Поставки оружия советские самолеты продолжали осуществлять и в дальнейшем. Каждый, кто жил в то время на повстанческой территории, помнит, как гул советских самолетов, доставлявших военные грузы, поднимал надежду, помогал преодолевать депрессию у колеблющихся и прямо-таки символизировал, что мы не одни, что у нас есть могучий и верный друг.

С первых сентябрьских дней советское командование приступило к подготовке самого важного средства помощи Словацкому национальному восстанию — к удару на Карпаты, через которые Красная Армия должна была перейти в Словакию и соединиться с повстанческими силами. Советские источники говорят об этом следующее: Утром 2 сентября Маршал Советского Союза И. С. Конев сообщил Верховному главнокомандующему, что на нашу сторону перелетела группа словацких военных самолетов под командованием полковника В. Тальского, заместителя командира восточнословацкого корпуса. Ознакомив советское командование с положением, создавшимся в Словакии в связи с оккупацией ее немецко-фашистскими войсками, Тальский заявил, что в случае наступления советских войск в юго-западном направлении части 1-й и 2-й словацких дивизий могут начать наступление в

⁶ «Гисторие а военствн», 1956, № 1, стр. 42—49.

направлении на Кросно, навстречу Красной Армии. Докладывая об этом Ставке, командующий фронтом предложил провести операцию силами войск левого крыла I Украинского и правого крыла IV Украинского фронтов для выхода на словацкую территорию. Намечалось направление удара: Кросно — Дукла — Тылява, а также определялся состав войск I Украинского фронта, который мог быть привлечен к решению задачи... Вечером 2 сентября Ставка Верховного главнокомандования дала командующему I Украинским фронтом директиву, где указывалось: «В связи с активизацией партизанского движения в Словакии и развертыванием вооруженной борьбы отдельных регулярных частей и соединений словацкой армии против немецких захватчиков... подготовить и провести операцию на стыке I и IV Украинских фронтов, с тем чтобы ударом из районов Кросно, Санок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими войсками... «Для обеспечения успеха операции войск левого крыла I Украинского фронта Ставка 3 сентября приказала командующему IV Украинским фронтом также перейти 8 сентября в наступление на правом крыле фронта из района Санок в направлении на Команьчу»⁷.

Когда Конев получил согласие на эту операцию, он выделил для ее осуществления большее количество частей, чем предполагал первоначально в донесении Сталину от 2 сентября. Сталин назначил начало наступления самое позднее на 8 сентября. Уже из этого видно, что советские руководители стремились оказать нам помощь как можно быстрее. Конев в плане Дукельской операции, который он предложил 3 сентября, рассчитывал на участие двух словацких дивизий в третий день операции, то есть 11 сентября. Однако эти дивизии 3 сентября как организованные единицы уже не существовали. Почему этот факт не был до начала операции (то есть до 8 сентября) проверен или он был уже известен и его учитывали, до сих пор не объяснено.

⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза». 1941—1945, т. 4. М., 1962, стр. 319—321.

В книге «История Великой Отечественной войны Советского Союза» об этом сказано: «План наступательной операции 38-й армии, получившей название Карпатско-Дукельской, заключался в следующем. Главный удар намечалось нанести шестью дивизиями из района северо-западнее Кросно в направлении местечка Дукла и далее на Прешов. После прорыва тактической зоны обороны противника, имевшего против 38-й армии лишь три пехотные дивизии, планировалось ввести в сражение второй эшелон армии — 1-й Чехословацкий армейский корпус... Планом предусматривалось закончить операцию на пятые сутки выходом армии в районы Люботина, Прешова... Наступление назначалось на 8 сентября...»⁸.

Утром 8 сентября 38-я армия под командованием генерала Москаленко перешла в наступление на немецкие позиции. В боевом приказе командующего 38-й армией говорилось: «...достигнуть Словакии и соединиться со словацкими частями и партизанскими отрядами».

Это была главная военная операция, которая должна была помочь Словацкому национальному восстанию: она должна была соединить повстанческие силы с частями Советской Армии и 1-го чехословацкого армейского корпуса. Тем самым Советская Армия получила бы одновременно освобожденную повстанческую территорию в качестве плацдарма для своих дальнейших операций.

Как явствует из этого, речь идет о подобной же операции, к какой стремился Словацкий национальный совет, посылая свою делегацию 4 августа в СССР. Если бы Дукельская операция удалась, она бы полностью решила военную проблему Словацкого национального восстания: восстание было бы освобождено от немецкого окружения, а остальная часть нашей территории была бы быстро освобождена. Не удивительно, что сообщения о советском наступлении на Карпаты и о намерении войти в Словакию вызывали на повстанческой территории огромное волнение и восторг.

⁸ Там же, стр. 321.

После первого сообщения Голиан послал Коневу поздравительную телеграмму. 15 сентября представитель повстанческой армии зачитал по радио станции Банска-Бистрицы ответ Конева: «...я выражаю твердую уверенность в том, что войска и вооруженные части словацкого народа под вашим руководством, вступившие в решительную борьбу с немецкими оккупантами, разобьют немецких захватчиков и очистят территорию Словакии от гитлеровских банд. Наступавшие части Красной Армии перешли сегодня словацкую границу северо-восточнее Зборова и продолжают двигаться в глубь Словакии». Вся печать и народ были в восторге, газеты даже сообщили 16 сентября, что Советская Армия в Прешове. В телеграммах из Лондона это сообщение приписывалось Величко. Повстанцы видели ситуацию в розовом свете, казалось, только дни отделяют нас от соединения с Советской Армией...

Увы, ситуация развивалась иначе, нежели ожидалось. «Бои начались 8 сентября, и Красная Армия должна была быть уже на пятые сутки в Прешове. Наступление, однако, не имело успеха, ибо наступавшие советские войска вместе с нашим армейским корпусом были остановлены с потерями у самого местечка Дукла»⁹. «Немцы упорно защищались. Против наших и советских частей стоял жестокий и на все решившийся противник. Немцы с отчаянием сражались за каждое дерево, камень и холм. Местечко Дукла было освобождено лишь 20 сентября 1944 г. Этим закончилась первая фаза Дукельской операции. Бои потребовали больших жертв. 38-я армия потеряла с 8 по 25 сентября около 27 тысяч человек; из этого числа на чехословацкий армейский корпус приходилось около 3 500 человек... После взятия местечка Дукла 29 сентября началась операция по захвату Дукельского перевала. Разгорелись очень жестокие и кровавые бои за проходы на Карпатах... Советские и наши солдаты продвигались медленно, шаг за шагом. Только благодаря беспримерному героизму и самоотверженности советских частей 1-й чехословацкий армейский корпус, ряды которого весьма поределели, достиг

⁹ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 353.

6 октября 1944 г. Дукельского перевала и чехословацкой границы... Советские, а вместе с ними и чехословацкие войска перешли Карпаты. Но дань, которую они заплатили за свою победу, была страшной. 85 тысяч убитых и раненых красноармейцев, 6 500 убитых и раненых чехословаков заплатили жизнью и здоровьем за карпатскую победу... Бои 1-го чехословацкого армейского корпуса в СССР в районе Кросно и Дукельского перевала продолжались с 8 сентября вплоть до 25 ноября 1944 г. ...Еще в ноябре 1944 г. упорные бои продолжались на линии приблизительно 5 километров южнее от Дукельского перевала... Лишь 26 ноября, когда правое крыло войск IV Украинского фронта проникло через Карпаты к Гуманному и через Медзилаборце, немцы отступили к реке Ондаве...»¹⁰.

После неудачи Дукельской операции выискивались ошибки и виновники. Фирлингер пишет, что генерал Москаленко «упрекал наше командование в тяжелых ошибках». А в другом месте он говорит: «Как я узнал из информационных советских источников, высшие советские органы назначили расследование причин неуспеха. Расследование якобы в самом деле показало, что беспорядок был вызван нашими ошибками... Наказание следует весьма строгое...»¹¹. Как известно, Конев уже в ходе Дукельской операции отстранил генерала Кратохвила от командования чехословацким армейским корпусом за неспособность, командование взял на себя генерал Свобода.

Нашелся и еще один виновник. Фирлингер 21 сентября сообщает в Лондон: «У меня был Кратохвил. Он объясняет, что на относительно узком фронте перед местечком Дукла были сосредоточены... достаточные средства для того, чтобы наступающие части прорвались к Дукельскому перевалу, где они должны были соединиться с двумя словацкими дивизиями... Противник, видимо, учел приготовления, и сразу же,

¹⁰ «Чехословацкий армейский корпус в Союзе Советских Социалистических Республик в период Великой Отечественной войны». Прага, 1949, стр. 140 и след.

¹¹ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 353—354.

в первый день, была обнаружена прямо на месте новая немецкая дивизия. Кроме того, обе словацкие дивизии покинули 8 сентября свое расположение и не могли поддержать наступление...»¹². О «вине» восточнословацких дивизий сообщают телеграммы между Лондоном и Москвой. 6 октября Фирлингер — в Лондон: «Наступление на Карпаты было предпринято по нашей просьбе и означает для Красной Армии тяжелые жертвы. К сожалению, подвело командование обеих словацких дивизий в Восточной Словакии, которые должны были поддержать наступление...»¹³. Масарик ответил из Лондона телеграммой 20 октября: «Что касается того, что обе дивизии в Восточной Словакии подвели, то из донесения генерала Кратохвила видно, что русское командование об этом знало уже 3 сентября. Таким образом, нельзя было рассчитывать на взаимодействие с этими дивизиями во время операции, которая началась 8 сентября»¹⁴. Фирлингер снова повторяет Масарику 25 октября: «Кратохвил сам во время своего первого визита, 21 сентября, объяснил, что неудача была обусловлена и тем обстоятельством, что обе словацкие дивизии подвели... С советской стороны мне было подтверждено, что действительно рассчитывалось на то, что в заключительной стадии боев в действие будут введены и обе словацкие дивизии...»¹⁵.

Не было бы необходимости так широко говорить об этом вопросе, если бы почти вся нынешняя литература о Словацком национальном восстании не повторяла в той или иной форме утверждение Кратохвила о том, что восточнословацкие дивизии «виновны» в неудаче Дукельской операции. Безусловно, ряд вопросов, связанных с Дукельской операцией, еще требует объяснения, но, несмотря на это, на основе известных фактов можно уже сейчас охарактеризовать утверждение Кратохвила как неправильное.

То, что я уже рассказал в этой книге о двух дивизиях, свидетельствует о том, что Ингр, Пика и Кра-

¹² З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 354.

¹³ Там же, стр. 357.

¹⁴ Там же, стр. 359.

¹⁵ Там же.

тохвил имели перед восстанием достаточно времени для обеспечения нормальной координации действий Советской Армии и обеих дивизий. Голиан уже 25 июля 1944 г. сообщает Ингру свой план, по которому восточнословацкие дивизии «во взаимодействии с русской армией освободят проходы на Словакию»¹⁶. 1 августа 1944 г. он сообщает конкретные проекты осуществления этого плана и дословно требует «выброски офицеров связи в Гиралтовице»¹⁷. Более того, сам Ингр уже 7 июля 1944 г. сообщает Голиану: «Для облегчения перехода словацких дивизий, дислоцирующихся в Восточной Словакии, к Красной Армии можно было бы выбросить офицеров связи чехословацких частей из СССР с радиостанциями в обе дивизии»¹⁸. Почему эта связь вплоть до дня разоружения дивизий не была установлена, хотя возможностей было достаточно, до сих пор пока не объяснено.

Голиан после отлета Тальского отдал уже 31 августа приказ дивизии прорваться в Среднюю Словакию; Лондон был об этом своевременно информирован.

Партизанские отряды, которые действовали в Восточной Словакии («Чапаев», отряды подполковника Шукаева, подполковника Степанова, подполковника Прокопюка, капитана Кветинского и другие), уже в августе имели связь с Украинским штабом партизанского движения. К этим партизанским частям присоединились 31 августа, 1 сентября и в последующие дни тысячи солдат и офицеров восточнословацких дивизий; они знали, таким образом, что эти дивизии как воинские единицы перестали существовать. Об этой перемене ситуации, о немецком наступлении и разгроме двух словацких дивизий упомянутые партизанские отряды информировали свое командование в Киеве (по документам — уже 1 сентября 1944 г.).

Дукельская операция, хотя она вначале и рассчитывала на участие восточнословацких дивизий, в момент своего начала (8 сентября) не могла их принимать во внимание, ибо уже несколько дней было известно, что дивизии разбиты и разметаны. Немцы

¹⁶ АИИ КПС.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

поняли, какая опасность в Центральной Европе грозит им в результате этой операции, и начали быстро перебрасывать подкрепление: если на этом участке к 8 сентября у них было только 3 пехотные дивизии, то в середине сентября здесь уже сражалось свыше 6 пехотных немецких дивизий и две танковые. Свою отрицательную роль сыграли здесь и трудности горного рельефа и погода. Такова уж война. Не каждая операция удастся. В данном случае речь шла об операции, которая могла спасти свободную повстанческую территорию и весьма ускорить окончательное освобождение нашей территории.

Неудача Дукельской операции решила судьбу Словацкого национального восстания в том смысле, что она осталась изолированной областью военных действий в немецком тылу, открытой для наступления со всех сторон. Однако Дукельская операция является выражением действительного желания советских руководителей помочь восстанию, разбить немецкое окружение и привести восстание к победоносному концу; в моральном отношении она весьма помогла повстанческим силам, поддерживала их веру в то, что они не одиноки, что Советская Армия стоит бок о бок с ними. Сосредоточение немецких сил на Дукле уменьшило немецкое давление на повстанческом фронте. Таким образом, Дукельская операция даже способствовала поддержке восстания.

* * *

С середины сентября Словацкое национальное восстание последовательно получает новую советскую помощь в форме переброски воинских частей Чехословацкого армейского корпуса в Словакию. С 15 по 17 сентября был переброшен на «Три дуба» 1-й авиаполк, который сразу же включился в боевые действия.

Более существенной помощью и одновременно более сложной проблемой была переброска по воздуху 2-й десантной бригады в Словакию. Основу этой бригады и ее главное ядро составляли словацкие солдаты и офицеры, которые перешли в конце октября 1943 г. у Мелитополя из моторизованной дивизии на сто-

рону Советской Армии. И эту бригаду ввели в бой в период Дукельской операции. 19—21 сентября бригаду сосредоточили в районе Кросно и подготовили ее для отлета в Словакию. Но крайне неблагоприятные метеоусловия задержали вылет самолетов, и лишь 26 сентября ночью смогли вылететь 33 самолета. Постепенно, насколько позволяла погода, бригада в полном снаряжении перебрасывалась, и можно сказать, что переброска закончилась к 16 октября. «Всего советская авиация переправила до 15 октября в тяжелых метеоусловиях 1739 человек и 248 тонн груза 2-й бригады»¹⁹. Эта затянувшаяся переброска ослабила общий эффект помощи 2-й десантной бригады.

Критическое военное положение, в котором очутилось восстание, вынуждало вводить в бой неукомплектованные части. Поэтому бригада была пополнена солдатами повстанческой армии. Например, в первые же дни октября в ее отряды влились приблизительно 850 человек. Уже 8 октября часть бригады должна была вступить в бой у Яльной, где немцы наступали на Зволен. А вскоре они приняли участие в боях и на других повстанческих фронтах. Ввод 2-й десантной бригады очень помог повстанческим войскам непосредственным участием в боях и морально, хотя, по правде сказать, от ее ввода ожидалось большее.

Советская военная и политическая помощь Словацкому национальному восстанию была многообразной. Положительное и дружественное отношение к Словацкому национальному восстанию отразила нота, которую 22 сентября Вышинский передал Фирлингеру: «В связи с Вашим письмом от 4 сентября, посланным народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову, касающимся событий в Словакии, я могу сообщить, что Советское правительство, считая развернувшуюся борьбу словацкого народа против гитлеровских поработителей ценным вкладом в освободительной войне союзников против общего врага, предприняло соответствующие меры с тем, чтобы предоставить помощь словацким партизанам и словацким

¹⁹ М. Шада. О советской помощи Словацкому национальному восстанию. «Гисторие а военстви», 1956, № 1, стр. 48.

солдатам и офицерам, которые к ним присоединились. Первые партии оружия и боеприпасов, как Вам известно, советские самолеты уже переправили борющимся словацким патриотам. Разумеется, Советское правительство признает за объединенными силами, которые оказывают сопротивление на чехословацкой территории, права борющегося государства со всеми вытекающими отсюда последствиями»²⁰.

Советская помощь продолжалась. В последние октябрьские дни Фирлингер после визита в Наркоминдел сообщил 27 октября в Лондон: «Я был вчера у Зорина по поводу Словакии. Оружие по-прежнему посылается. В ночь с 23 на 24 октября было переправлено 25 тонн оружия, а в ночь с 25 на 26 октября действовало 23 больших транспортных самолета. Генеральный штаб обещал во всех отношениях усиление и выполнение всего, что будет от него зависеть... По мнению генерального штаба, Словацкое восстание выполнило свою роль в политическом и военном отношении, ибо вызвало у немцев панику и лишило их важных коммуникаций...»²¹.

Симпатии простых советских людей к нашей борьбе выражали статьи и радиопередачи. Советский писатель Илья Эренбург уже 6 сентября 1944 г. в газете «Красная звезда» в статье «Словацкая сестра» писал: «В конце августа Словакия восстала. Словацкие армейские части присоединились к партизанам, был создан Словацкий национальный совет... У немцев танки, артиллерия, автоматическое оружие и самолеты, но словаки держатся. Что же помогает словацкому крестьянину, учителю, шахтеру и пастору отражать атаки моторизованных дивизий? Отвага, выносливость и вера в свет с Востока!.. Война переменчива. Путь к победе нелегок, но Словакия знает, что Россия идет к ней на помощь,— да, Россия придет!»

В том же духе писал военный корреспондент «Правды» Б. Полевой и корреспондент «Комсомольской правды» С. Крушинский, которые прилетели на повстанческую территорию. Так писали и помогали

²⁰ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 355.

²¹ Там же, стр. 365.

борьбе словацкого народа многие другие советские писатели и журналисты, так думали миллионы простых советских людей и солдат.

Поэтому советская помощь — военная, политическая и моральная — была решающим фактором, позволившим словацкому народу выстоять в открытой борьбе в течение двух месяцев против превосходящих гитлеровских армий. Этот факт осознавал каждый человек в Словакии, особенно на освобожденной территории, и это непосредственно влияло на политическую ситуацию. Ориентация на Советский Союз и любовь ко всему советскому развивались и укреплялись в словацком народе все больше и больше.

19. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СПЛОЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Организационная разобщенность рабочего движения (политических партий, профсоюзных организаций, культурных союзов и пр.) как всюду, так и в домюнхенской Чехословакии ослабляла силы, действия и тем самым общее влияние этого движения. В ходе второй мировой войны мы наблюдаем почти у всех народов, борющихся и особенно оккупированных, тенденцию к сближению, сотрудничеству, к профсоюзному и политическому единству. Трудящиеся сознавали неотложную потребность единых действий и организационного сплочения как в антифашистской борьбе, так и в решении проблем после войны. Эту тенденцию социалистического движения мы наблюдаем во время войны во всей Европе. После войны из него вышли единые профсоюзные центры в ряде государств (например, во Франции, Италии и т. д.), единая международная профсоюзная организация, сотрудничество и даже объединение партий в ряде государств (например, в ЧСР, Польше и т. д.), единые организации женщин, молодежи и т. д.

Стремление к единым действиям было особенно сильным в Словакии среди коммунистов и социал-демократов. Я уже говорил о тесном сотрудничестве обеих партий; практически с конца 1943 года, когда руководство Коммунистической партии Словакии и левые социал-демократы достигли соглашения о совместных действиях в Словацком национальном совете, предполагалось будущее организационное объединение обеих партий. По этой причине левые социал-демократы не создавали собственных подпольных организаций, а советовали своим сторонникам тесно сотрудничать с организациями коммунистической пар-

тии. Таким образом, фактически уже при подготовке Словацкого национального восстания рождалось единство действий коммунистов и социал-демократов при организациях КПС, в национальных комитетах, при оказании помощи партизанскому движению, в связях с армией и т. д. Правые элементы среди социал-демократов создали несколько небольших групп, практически не имевших влияния. По мере роста и активизации антифашистского движения в Словакии и начала боевых действий социал-демократы переходили на сторону своего левого крыла, то есть к самому тесному сотрудничеству с коммунистической партией. Этим единством характеризовалось и политическое выступление в начале Словацкого национального восстания.

Идейному единству мешали сначала различные взгляды, главным образом по двум вопросам: по вопросу о революционной или реформистской политике в рабочем движении со всеми вытекающими последствиями и по словацкому вопросу — быть или не быть словацкому народу. В обоих случаях мышление большинства социал-демократов в ходе войны и антифашистской борьбы эволюционировало таким образом, что в начале восстания почти никто уже не разделял реформистских иллюзий. Что касается словацкого вопроса, то дереровский чехословакизм развалился еще осенью 1938 года и в последующие годы почти не имел сторонников; лишь небольшие группки, зависящие от лондонских информационных каналов, упрямо проповедовали масарикизм и бенешизм, а значит, и единство чехословацкого народа по примеру Бечко и Немеца в лондонском правительстве. Этой переменой в мышлении социал-демократов объяснялась решительная ориентация на СССР и одновременно критическое отношение к Бенешу и его крайне правому правительству.

Так в ходе антифашистской борьбы, когда социал-демократы переходили на позиции коммунистической партии, рождалось не только единство действий, но одновременно и единство идейное. Это проявилось в первые же дни восстания: Коммунистическая партия Словакии вышла из подполья и стала публично раз-

вертывать свою деятельность, создавать легальные организации. Руководители социал-демократической партии не хотели создавать собственных организаций и требовали, чтобы с самого начала строилась единая партия. Была достигнута договоренность, что как политическое, так и профсоюзное движение в Словацком национальном восстании будут осуществляться в объединенных организациях. Социал-демократы практически уже с начала восстания вступали в Коммунистическую партию Словакии; на освобожденной территории социал-демократические организации даже не возникли. Это общее стремление к единству нашло свое выражение уже в первом заявлении Коммунистической партии Словакии от 2 сентября 1944 г., где говорилось: «В нашей борьбе мы действовали совместно с большинством социал-демократических товарищей, которые, как и мы, вели антифашистскую борьбу. Эта совместная борьба по взаимному желанию выльется в единство социалистического рабочего и крестьянского движения в Словакии и в единую партию трудового народа».

После возвращения Шмидке 5 сентября сразу же была заключена договоренность о конкретных мерах, направленных на достижение политического единства рабочего движения. Нужно отметить, что Шмидке, который докладывал в Москве о положении, после своего возвращения стремился ускорить объединение, действуя, как я всегда был убежден, с согласия московских товарищей. Мы создали совместный подготовительный комитет коммунистов и социал-демократов, который организовал объединительный съезд обеих партий, назначенный на воскресенье 17 октября 1944 г. Съезд готовился с таким расчетом, чтобы в нем могли принять участие делегаты обеих партий не только с освобожденной, но и с оккупированной территории Словакии. Правда, съезд проходил в революционный период, полный борьбы, опасностей и неотложных задач; но, несмотря на это, делегаты обеих партий избирались на заводах, в местных организациях или подпольных группах и в партизанских соединениях. Повсюду говорили о съезде, вопрос о единстве рабочего движения широко дискутировался и

одобрялся. Представитель социал-демократического руководства Д. Эртл написал в передовой статье повстанческой «Правды» 10 сентября 1944 г.: «Руководители социал-демократической партии Словакии, видя, сколь огромное значение имеет в нашу решающую эпоху единое рабочее движение, представленное одной партией, единодушно решили объединиться с партией коммунистической». Эртл выразил мысли подавляющего большинства социал-демократов.

Спустя два года (1946), когда пражское руководство социал-демократической партии вынудило создать свой филиал в Словакии (партию труда), некоторые отщепенцы нападали на действия руководящих социал-демократов в период Словацкого национального восстания. Д. Эртл писал тогда по их адресу: «Некоторые господа из прежней так называемой социал-демократии в Словакии еще сегодня упрекают нас в том, что мы, работники подполья, организовавшие социал-демократические рабочие слои, не имели будто бы права говорить на объединительном съезде от имени социал-демократической партии. Мы обращаем внимание этих господ на то, что подпольный центральный комитет социал-демократической партии на своем тайном совещании принял резолюцию, которую представили делегаты Средней Словакии и в которой они в последнем пункте категорически требовали — в случае восстания — немедленного объединения двух социалистических партий. Да, эта принятая в подполье резолюция дала нам мандат для переговоров от имени социал-демократической партии на объединительном съезде... В подполье мы сблизились и убедились в том, что только в единстве рабочих партий можно успешно работать ради рабочего класса и его прав. И поэтому это единство мы будем защищать всюду, в любом месте...»¹.

* *
*

Призыв к объединению трудящихся был столь сильным, что даже группа национальных социалистов представила 6 сентября руководству Коммунистиче-

¹ «Новое слово», год изд. IV, № 37.

ской партии Словакии письменный проект объединения или же включения этой группы в единую партию коммунистов и социал-демократов. Правда, в данном случае (эта группа выдавала себя за земское руководство национальных социалистов) речь шла скорее о политической спекуляции, цель которой — удержаться на политической арене.

Уже 1 сентября 1944 г. министры Странский и Рипка телеграфировали из Лондона Шробару в Банска-Бистрицу: «Мы узнали от Шмидке (в Москве.— Г. Г.), что будто бы национальные социалисты не представлены в Словацком национальном совете. Вероятно, это произошло из-за неправильного толкования распоряжения господина президента о будущем партийном группировании. Мы просим тебя обеспечить введение... национально надежного представителя национальных социалистов в Словацкий национальный совет наряду с остальными партийными группами. Мы гордимся твоей работой...»². Шробар, однако, не имел такой власти, чтобы выполнять приказы или пожелания Лондона в Словацком национальном совете; его просьбу относительно национальных социалистов мы отвергли.

Руководство коммунистической партии письменно отвергло 8 сентября предложение земского руководства национальных социалистов об объединении с Коммунистической партией Словакии. В качестве причины отказа указывалось: объединение коммунистов и социал-демократов происходит на идеологической основе марксистско-ленинского учения. Для аналогичного объединения с национальными социалистами отсутствуют предпосылки. Кроме того, национально-социалистическая партия Словакии осенью 1938 г. объединилась с Глинковской словацкой людацкой партией, послала своего депутата в фашистский сейм и была поэтому сейчас — как составная часть ГСНП — распущена. Отрицательную позицию к этому проекту занял и съезд, объясняя: «Объединение с несколькими бывшими членами этой партии не только не укрепило бы единство социалистического движения, но, наоборот,

² АИИ КПС.

расщепило бы идейную твердость и боевую решимость рабочего движения...»³.

Правда, интригам вокруг активизации национально-социалистической партии в Словакии еще не был положен конец. Лондонские экспоненты национальных социалистов вовлекли в эту акцию даже Бенеша, который — на посту президента — послал 20 сентября следующее распоряжение: «1. Депутат Углирж из Москвы обратил мое внимание на то, что будто бы Словацкий национальный совет отказал в представительстве чехословацким социалистам, потому что я этого не желал или запретил. Прошу вас учесть, что если это так, то это было крупным недоразумением. 2. Я никогда по принципиальным соображениям не принимал решения о каком бы то ни было политическом или личном представительстве в организациях Сопротивления внутри страны, не имея ни возможности, ни права, ни желания из-за рубежа диктовать по этому поводу кому бы то ни было. Это должно решаться лишь лицами, группами и партиями внутри страны». После этого лицемерного заявления Бенеш пишет: «Если бы кто-нибудь на основании этого моего ответа делал вывод, что партия чехословацких социалистов не должна быть представлена в наших организациях сопротивления в Словакии, то это был бы вывод неверный... Нельзя забывать, что партия чехословацких социалистов была самой сильной партией в Чехии, в Праге и в Брно и будет таковой, вероятно, опять, еще до того, как после войны произойдут окончательные партийные формирования во всей республике... Прошу вас пересмотреть этот вопрос и решить его в соответствии с подлинными условиями и в интересах дела, единства и сотрудничества всех составных частей сопротивления...»⁴. Другими словами, чтобы национальные социалисты были приняты в Словацкий национальный совет.

Словацкий национальный совет ответил Бенешу отрицательно, а позицию руководства Коммунистической партии Словакии я сформулировал следующим обра-

³ Повстанческая «Правда», 20 сентября 1944 г.

⁴ АИИ КПС.

зом: «Эволюция и, скажем сразу, гибель национал-социалистической партии имеют свою историю. Это была единственная из социалистических партий, принявшая участие в печально известном Жилинском соглашении. Она переродилась в Словацкую национально-социалистическую партию и в лице своих официальных представителей и органов слилась с Глинковской словацкой людацкой партией, которая дала ей представителя в тисовском словацком сейме. Большинство членов этой партии во время ухода чехов из Словакии переехали в Чехию. И таким образом от всей партии остался один член людацкого сейма, несколько людей в Глинковской словацкой людацкой партии и несколько бывших функционеров в тихой оппозиции. Тем самым партия самоликвидировалась и погибла. Она нигде не проявила себя в подпольной борьбе, и честные люди из ее бывших рядов перешли к оппозиции социалистической или гражданской»⁵.

Насколько важно было для буржуазных эмигрантов в Лондоне восстановить скомпрометированную национально-социалистическую партию в Словакии, доказывает и телеграмма, которую послал депутат Угльрж 13 октября из Банска-Бистрицы (куда он приехал с делегацией Немеца) в Лондон Странскому: «Чехословацкие национал-социалисты не имеют представителей в словацких политических организациях... Земский комитет функционирует. 6 сентября земский президиум потребовал, чтобы наших приняли в клуб социалистических партий, а позже в единую социалистическую партию. 8 сентября депутат Шмидке от имени коммунистической партии и социал-демократии ответил им, что он не помышляет о соединении с национально-социалистической партией... И вторая партия в Словакии, демократическая партия, с нами не сотрудничает вопреки разъяснению, которое послал господин президент. Словацким национальным советом мне было сообщено, что представительство национал-социалистам дано быть не может. Я говорил о положении с членами и функционерами партий, словаками и чехами, и рекомендовал... 1) не дробиться и не выжидать, пока выкристаллизуются политические

⁵ «Новое слово», год изд. I, № 2.

отношения; 2) поддерживать тех, которые защищают чехословацкое единство, конституционность и демократию... Наши продолжают стоять за систему трех политических партий, причем, по их мнению, мы относимся к политическому центру, программой которого является неделимая республика, государственное и национальное единство... Они остаются последовательно верными программе Масарика — Бенеша... В настоящий момент ничего нельзя сделать... Информировать господина президента...»⁶.

Я упоминаю об этих фактах, во-первых, чтобы было видно, что объединение Коммунистической партии Словакии и социал-демократии состоялось на идейных принципах марксистско-ленинского учения и что Коммунистическая партия Словакии отвергла объединение с оппортунистическими мелкобуржуазными элементами; во-вторых, чтобы было ясно, каким путем лондонская эмиграция хотела обеспечить себе политические позиции на освобожденной территории.

* * *

Для политического успеха объединения было чрезвычайно важно, чтобы оно проходило абсолютно добровольно, без какого бы то ни было давления, чтобы оно исходило из подлинной убежденности делегатов. Поэтому мы в подготовительном комитете настаивали на том, чтобы еще перед съездом социал-демократические делегаты собрались отдельно, посоветовались бы и сами приняли решение: они должны были принять решение не только о формальном объединении, но также о принятии идеологической платформы коммунистической партии и даже о названии этой партии. Около 150 социал-демократических делегатов собралось на совместном совещании 16 сентября в Банска-Бистрице; среди них были и представители правых групп (Капинай, Багуринский). Присутствовали все значительные функционеры социал-демократии не только с освобожденной территории, но и со всей Словакии. Настроение делегатов и их решение объединить силы с Коммунистической партией Словакии были

⁶ АИИ КПС.

столь выразительными, что даже такие правые, как Капинай и его окружение, не решились открыто выступить против объединения; лишь 3—4 из присутствующих 150 делегатов в душе были не согласны, однако и они присоединились к остальным делегатам, которые восторженно приветствовали и одобрили проекты, предложенные левым крылом (Д. Эртл, Й. Шолтес, Й. Чех, Р. Викторин и др.). Это было подлинно демократическое решение избранных представителей социал-демократии со всех концов Словакии.

* * *

Все документы съезда еще до его начала были одобрены руководством коммунистической партии (приблизительно 10 руководящими функционерами партии). Доклад съезда и резолюцию написал я; все руководство приняло их без замечаний и единогласно. Я говорю об этом лишь потому, что в годы культа личности некоторые деятели искажали факты и уходили от ответственности.

Учитывая революционную ситуацию, объединительный съезд был организован как съезд манифестационный: он должен был продемонстрировать перед всем народом силу коммунистической партии, единства рабочего движения и их решимость бороться против нацизма до конца. Бесспорно, тот, кто знаком с партийными съездами после освобождения, когда Коммунистическая партия Чехословакии стала правящей партией, располагающей аппаратом и всеми средствами, прежде всего достаточным временем для всесторонней подготовки, может кое-что критиковать в организации съезда и его главных документах. Однако тот, кто хочет правильно понять значение и влияние этого съезда, учтет условия, в которых он готовился и проходил, и тогда увидит, что объединительный съезд 17 сентября 1944 г. был самым значительным политическим событием Словацкого национального восстания.

На съезд прибыли делегаты с заводов, которые брали на себя ответственность за руководство заводами, за проблемы производства; прибыли бойцы с фронтов, партизаны и солдаты, которые жертвовали своей

жизнью ради идей съезда; прибыли делегаты, которые стояли во главе районных и местных национальных комитетов и несли на своих плечах все заботы сражающихся районов и деревень; прибыли делегаты с оккупированной территории Западной и Восточной Словакии, где они подвергались гонениям и находились в глубоком подполье, пришли также товарищи с территории, которая с 1938 г. была занята венграми. Около 700 делегатов представляли подлинно всю революционную Словакию (по статистике съезда): 46 районов, 57 заводов, 12 партизанских отрядов, рабочих, крестьян, интеллигенцию, группы Сопротивления, студенческую и остальную молодежь. И каждый делегат имел свою историю, нес свою революционную ответственность, имел свой боевой участок, на который он опять спешил после съезда. Многие из них по пути на съезд подвергались опасностям. Многие еще недавно были в фашистских застенках; теперь они пришли на съезд партии, которая стала руководящей политической силой всей национально-освободительной борьбы.

Все это придавало съезду революционный и боевой характер. Уже почти три недели длилось восстание, немецкое наступление было приостановлено. Налицо были значительные боевые успехи и опыт на фронтах и в политической и организационной работе среди народа. Делегаты принесли на съезд гордость восставших борцов и решимость выстоять в борьбе. Вся Банска-Бистрица находилась 17 сентября 1944 г. под впечатлением этого съезда, о котором говорили не только кумач украшений и беседы с делегатами из разных концов Словакии, но прежде всего внимание, сосредоточенное на работе самого съезда. Перед битком набитым Народным домом, где проходил съезд, стояли толпы населения, по радио следившие за ходом съезда.

Объединительный съезд был съездом ведущей, правящей партии. Его пришли приветствовать представители всех учреждений и органов Словацкого национального восстания: Шробар и другие от имени Словацкого национального совета, Голиан, Ферьенчик и другие от руководства армии, подполковник Храпко,

старший лейтенант Величко, майор Вроньский-Крок и другие от советских партизанских частей, Урсини и Леттрих от руководства демократической партии, представители словацких писателей, театральных деятелей, вузов и других культурных учреждений и т. д. Их приветствия были полны признательности коммунистической партии за ее работу, в них отмечалась руководящая роль партии в восстании. Шробар от имени Словацкого национального совета заявил: «Социалистические партии своим объединением дают ценный пример для объединения всех словаков. История будет вам за это благодарна». Пламенные слова советских офицеров об антифашистской борьбе, о помощи Советской Армии находили благодатную почву в рядах восторженных делегатов и всех, кто слушал их по радио.

В главном докладе съезда, который сделал К. Шмидке, были оценены успехи прежней борьбы и объяснены главные принципы и цели, которые объединенная коммунистическая партия преследует в восстании и после освобождения. «Главная задача партии состоит в том, чтобы поддержать Словацкое национальное восстание во всем его размахе народности и энтузиазма, углубить национальный фронт сотрудничества всех демократических сил, всесторонне усилить оборону нашей территории и ее военные силы и целиком сосредоточиться на изгнании и уничтожении германских оккупантов и их отечественных последышей и предателей. Перед этой задачей все отступает на задний план, и все наши силы должны быть сосредоточены на скорейшей и полной победе нашего и союзнического дела»⁷. Коммунистическая партия Словакии дает трудовому народу в разгар борьбы перспективу, конкретизирует государственные, национальные, политические цели, подчеркивает необходимость революционных перемен после освобождения (национализация промышленности, земля мелким крестьянам, подлинная власть народу), теснейшего сотрудничества с СССР. «Таким образом, революционный союз рабочего, крестьянина и трудовой интелли-

⁷ Повстанческая «Правда», 20 сентября 1944 г.

генции является исторической необходимостью и единственной гарантией подлинно прекрасной и счастливой жизни в будущем»⁸.

Об отношении социал-демократов к оценке положения и политической программе партии доложил Д. Эртл; оно было тождественно главному докладу. Съезд единогласно принял следующую резолюцию:

**Резолюция
объединительного съезда Коммунистической партии
Словакии и социал-демократической
партии Словакии**

Рабочие, крестьяне, интеллигенты, солдаты и партизаны!

Товарищи!

После 25 лет разобщенности рабочее и социалистическое движение опять едино! В 1919 году коммунистическая партия разошлась с социал-демократией, чтобы различными путями искать общую цель — социализм. Сегодня обе эти партии сошлись на общей основе марксистско-ленинского учения, учения о правах трудящихся, о социалистическом устройстве человеческого общества. Словакия первой в Европе объединяет социалистические партии и ликвидирует реформистские группы, которые парализовали боеспособность социалистического движения. Это единство было создано не на бумаге, не у стола с зеленым сукном, оно было создано в борьбе против нацизма и тисовского террора, в борьбе подпольной и тяжелой. Нелегальная коммунистическая партия, с которой сотрудничали все лучшие социал-демократические товарищи, общие жертвы, общие тюрьмы, общие страдания и надежды заложили твердую и постоянную основу для этого единства и действий и тем самым позволили создать единую социалистическую партию. Тот факт, что социал-демократы и коммунисты единодушно договорились о том, что общая партия будет нести название «Коммунистическая партия Словакии», лишь отражает подлинное развитие в стране и за рубежом. Это название является ясной программой и обязательством. Впредь мы не должны никогда позволить, что-

⁸ Там же.

бы социалистические силы дробились, чтобы единая партия распалась. Объединение сил дает нам большие надежды в нашей борьбе против фашистских оккупантов и в нашей будущей борьбе за социализм.

Первоочередная задача коммунистической партии — разбить германского врага, который опустошает наши земли, грабит и убивает при помощи тисовских клерикально-фашистских пособников. Весь словацкий народ в едином порыве и боевой решимости восстал, чтобы защититься от немецкой оккупации, чтобы ценой жизни завоевать свою свободу. Впервые в истории словацкий народ восстал и сражается по собственному почину и за свои кровные идеалы, в первый раз он борется бок о бок с демократическими, прогрессивными и свободолюбивыми народами мира. Наше словацкое восстание является самой прекрасной страницей в нашей истории и дает нам право встать в один ряд с развитыми и свободолюбивыми народами мира.

Словацкий народ, как самостоятельный член славянской семьи, сам определит свои государственные, хозяйственные и социальные формы, в которых он хочет осуществить свои идеалы. Мы хотим новой Чехословакии, которая должна быть славянским государством трех славянских народов: словаков, чехов и прикарпатских украинцев. Эти народы должны достичь соглашения на принципах равноправия о формах совместной жизни. Мы твердо убеждены, что такая договоренность состоится и что никто не будет добиваться привилегий, которые вынудили бы наш народ искать пути к другим братским народам. Чем более дружественными и равными будут отношения между словаками и чехами, тем крепче будет новая ЧСР.

Положение рабочего, крестьянина и трудовой интеллигенции в ЧСР и при режиме Тисо было ужасным. Все доходы от труда рабочего забирали капиталистический предприниматель. Основной массой земли владел крупный помещик. Интеллигенция оплачивалась крохами со стола предпринимателя. Поэтому от нового государства мы будем требовать и нового решения экономических и социальных вопросов. Мы будем требовать социализации фабрик и предприятий, банков, передачи земли мелким крестьянам, соответствующего

положения интеллигенции, перестройки всей государственной и общественной машины по нашим социалистическим идеалам. Идея последовательной народной демократии требует, чтобы трудовой народ, который составляет подавляющее большинство населения, был носителем политической власти в государстве.

Словацкий рабочий, крестьянин и интеллигент, которые сейчас в революционном союзе и сотрудничестве с оружием в руках защищают национальную свободу и территориальную целостность, сохраняют свой союз для будущих времен, когда речь будет идти об окончательном оформлении национальных, государственных и общественных отношений. Мы никогда не допустим, чтобы права словацкого народа были урезаны, чтобы он был ограничен в свободном развитии или уведен реакционно-шовинистическими авантюристами на ложный путь. Единая социалистическая партия — Коммунистическая партия Словакии, которая есть и будет представителем самых широких слоев рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции, будет инициатором и организатором борьбы за уничтожение фашистских насильников, а также борьбы за лучшее устройство судьбы трудящихся слоев. Мы будем опираться на могучий Советский Союз и его Красную Армию, на нерушимый блок славянских народов и государств.

Мы призываем к единству и партийной дисциплине всех товарищей независимо от того, к какой социалистической партии они принадлежали до сих пор, мы призываем всех к организованной борьбе против фашизма и за социализм!

Да здравствует объединение социалистических партий!

Да здравствует народно-освободительная борьба словацкого народа!

Да здравствует новая Чехословакия!

Слава Советскому Союзу и Красной Армии!

Да здравствует Коммунистическая партия Словакии! ⁹

⁹ Повстанческая «Правда», 17 сентября 1944 г.

Резолюция и другие съездовские документы отражали тогдашнюю ситуацию так, как ее оценивало руководство коммунистической партии.

Съезд принял организационные директивы и избрал руководящие органы объединенной Коммунистической партии Словакии. Половину мест в руководящих органах он оставил свободными для пополнения товарищами, которые работали в оккупированных областях или были в тюрьмах. Председателем Коммунистической партии Словакии был избран К. Шмидке, а заместителями председателя — Г. Гусак и Й. Чех. Членами Центрального Комитета были избраны 15 человек: Р. Блажовский, К. Бацилек, Д. Эртл, Й. Летаец, Й. Шолтес, К. Долинский, Р. Викторин, Й. Мазур, О. Елень, Й. Сюч, Н. Смида, Й. Балцо, Й. Пул, Ф. Чап, Ф. Кубач (Л. Новомеский в ЦК КПС был кооптирован после своего прибытия в Банска-Бистрицу). Съезд избрал и политическую комиссию (измененное название политического бюро) в следующем составе: К. Шмидке, Г. Гусак, Й. Чех, К. Бацилек, Й. Пул, Ф. Чап, О. Павлик и Л. Новомеский (был кооптирован).

Объединительный съезд высказался и по поводу профсоюзного движения и решил, что в Словакии должно развиваться единое профсоюзное движение. Собственно говоря, съезд подтвердил в этом отношении лишь то, что было в практике на повстанческой территории. Съезд избрал временное руководство профсоюзов, с тем чтобы в удобное время был созван съезд заводских комитетов.

* * *

К. Готвальд в своем письме лондонской организации КПЧ от 21 декабря 1943 г. в вопросе о единой партии занял после разговора с Бенешем следующую позицию: «1. К различным проектам о создании единой партии из коммунистов, социал-демократов и чешских социалистов у нас следующее отношение: в принципе мы не против. Однако такое объединение нельзя осуществить в эмиграции. Создание подлинно единой, политически и идеологически крепкой партии можно осуществить лишь дома, демократическим путем, при

полном участии всех членов рассматриваемых партий. На данном этапе основой нашей политики является блок трех партий (коммунистов, социал-демократов и чешских социалистов). 2. Одновременно мы придерживаемся того мнения, что так называемые массовые организации, прежде всего профсоюзы, кооперативы и пр., должны с самого начала реорганизовываться и строиться как организации единые... 3. По поводу единой партии президент заявил, что у него по этому вопросу свое мнение... Пусть партии создаются по-своему. Что касается партии чешских социалистов, то президент будто бы хочет добиваться того, чтобы на освобожденной родине она не была восстановлена...»¹⁰.

После переговоров Шмидке в Москве руководство КПЧ не имело возражений против объединения в Словакии. Так нас информировал Шмидке. Наконец К. Готвальд послал руководству Коммунистической партии Словакии 14 сентября 1944 г. телеграмму, в которой говорится: «...я согласен с объединением с социалистами в Коммунистическую партию Словакии. Лаушман посылает приветствие социалистам и соглашается с их решением. Во главе партии пусть будет председатель». Объединительному съезду К. Готвальд послал от имени КПЧ следующую телеграмму:

«Объединительному съезду коммунистов и социал-демократов Словакии. Мы приветствуем объединительный съезд словацких коммунистов и социал-демократов, проходящий под знаком основной задачи словацкого народа — организации борьбы словацкого народа против немецких оккупантов. Единство словацкого народа, единство словацкого рабочего движения явятся фундаментом победы в этой борьбе. В братском союзе с чешским народом рождается новая, национально справедливая, демократическая Чехословацкая республика. Готвальд»¹¹.

И позже со стороны КПЧ не высказывалось сомнений в правильности объединения. Когда в начале октября 1944 г. на повстанческую территорию прибыли Я. Шверма, Р. Сланский и М. Чулен, они полностью

¹⁰ Цит. по кн.: Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 319—320.

¹¹ Повстанческая «Правда», 19 сентября 1944 г.

одобрили наши действия и даже ставили их в пример. Никто не сомневался в том, что объединение соответствовало политическому развитию в Словакии и ситуации в Словацком национальном восстании, что оно было выдающимся шагом вперед. Лишь потом, в годы культа личности, как и по многим другим вопросам, и здесь делали из белого черное, из прогрессивного акта «преждевременный шаг». Об уместности или преждевременности какого-нибудь шага решает ситуация, в которой должен быть сделан этот шаг, а она категорически говорила в пользу объединения. Того же мнения было и московское руководство КПЧ, хотя оно сознавало, что развитие в чешских землях будет иным. С тем же самым мнением я столкнулся в Москве в январе — марте 1945 г. во время бесед с руководящими деятелями КПЧ. У Готвальда вызывала озабоченность ситуация в чешском лагере: там вопрос о национально-социалистической партии, патронируемой Бенешем, стоял несколько в ином плане, нежели в Словакии. В ином свете вставал и вопрос о социал-демократической и людацкой партиях, поэтому он был рад возможности опереться на Словакию.

* * *

Объединение коммунистов и социал-демократов чувствительно отразилось и на эмигрантском лагере: ведь Бенеш свои эмигрантские правительства всегда «украшал» какими-нибудь социал-демократами, правда, всегда из правого крыла, а когда речь шла о словаках, они должны были присягать «чехословацкому народу». В период восстания такие послушные фигуры он имел в лице Немеца и Бечко. Среди социал-демократической эмиграции не было единства, там тоже образовались группировки. Фирлингер вспоминает об этом: «Речь шла, собственно говоря, о весьма принципиальном расхождении в наших взглядах на войну и все дальнейшее развитие... Я выдвинул требование единого рабочего лагеря и решительным образом отверг тогдашнюю идейную борьбу некоторых социал-демократов против СССР и против коммунистов... Даже внешне было очевидно, что в социал-де-

мократии происходит глубокий кризис, и многие правительственные круги это использовали...»¹². Бенеш привлекал к сотрудничеству правых, левое же крыло отказывалось нести ответственность за правительственную политику и вступало в контакты с коммунистами. Самыми выдающимися представителями этого левого крыла были в конце войны Фирлингер и Лаушман. Летом 1944 г. в Лондоне состоялось совещание левой группы, которая поручила Лаушману (он уезжал в качестве члена правительственной делегации через Москву на освобожденную территорию), «чтобы он воздействовал на создание единого социалистического движения» на родине.

Во время объединительного съезда Лаушман находился в Советском Союзе и оттуда послал приветствие съезду: «Социал-демократическим делегатам объединительного съезда. От всего сердца я приветствую объединительный съезд. Наши функционеры в Лондоне уже давно официально высказались за единство социалистического движения в рамках Национального фронта. Поэтому мы с восторгом приветствуем ваше решение в вопросе объединения с коммунистами и желаем вам полного успеха. Социал-демократы, находящиеся в СССР, полностью согласны с этим вашим шагом, присоединяются к нему и приветствуют вас»¹³.

Объединение в Словакии еще больше разделило социал-демократическую эмиграцию. Правое крыло (Немец, Бечко и др.) относилось к нему отрицательно. Немец даже попытался после приезда на освобожденную словацкую территорию вести интриги (с Капиным и другими) против объединения. Фирлингер, Лаушман и другие полностью поддерживали объединение. Лаушман писал, что трудовой народ «в подавляющем большинстве повсеместно требует профсоюзного и политического единства рабочего класса внутри народа и в международном плане... Нельзя же не видеть то обстоятельство, что трудовой народ мечтает и о политическом объединении... Идея

¹² З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 202.

¹³ Повстанческая «Правда», 19 сентября 1944 г.

единства в отдельных странах идет снизу, она рождается в действиях и в борьбе... Развитие событий, как видно сегодня, снова подтвердило, что в чехословацком лагере те, кто уже четыре года назад имел мужество пойти по пути социалистическо-коммунистического единства... избрали правильный путь. Поэтому нет более красноречивого доказательства, чем объединительный съезд словацких коммунистов и социал-демократов, который состоялся 17 сентября на освобожденной территории и который прозвучал как совместная клятва: сегодня стоять в едином строю в борьбе против захватчиков, а завтра в едином строю строить республику...»¹⁴. В том же духе Лаушман говорил во время частных бесед и в публичных выступлениях на повстанческой территории, когда он прибыл туда с делегацией Немца. Он обещал и клялся, что они будут развивать чешские земли по словацкому примеру...

Объединительный съезд имел значительно более широкое значение, нежели чисто словацкое. Не случайно на московских совещаниях в марте 1945 г. в руководство социал-демократией вошло левое крыло, а в правительство — прежде всего Фирлингер и Лаушман. Бенеш не сохранил своих марионеток; на передний план вышли те, кто стоял за объединение рабочего движения. Такая тенденция наблюдалась во всем мире: ее выражением и был повстанческий объединительный съезд.

* * *

Фундамент единого профсоюзного движения был заложен у нас конференцией заводских комитетов в Подбрзовой 15 октября 1944 г. Конференцию организовало под наблюдением Коммунистической партии Словакии профсоюзное руководство, избранное на объединительном съезде.

Заводские комитеты, созданные на заводах во время Словацкого национального восстания, были революционными органами рабочего класса. У них было

¹⁴ «Новое слово», год изд. I, № 3.

очень мало общего с заводскими комитетами в домюнхенской ЧСР и уж ничего общего с комитетами в словацком государстве, когда выборные заводские комитеты были распущены и заменены прорежимными районными учреждениями.

Политическое единство рабочего класса проявилось на заводах в том, что эти заводские комитеты состояли главным образом из коммунистов и бывших социал-демократов, то есть из членов объединенной партии. Поэтому можно также сказать, что заводские комитеты осуществляли на заводах политику партии. Подобно тому как это делали национальные комитеты в своих районах, заводские комитеты на заводах взяли на себя задачи, обязанности и права, определяемые революционной ситуацией: они позаботились о выводе из руководства заводов немцев и коллаборационистов, создавали вооруженные отряды для охраны заводов, вместе с руководством заводов решали вопросы производства, зарплаты, снабжения, проблемы помощи армии и партизанским соединениям и т. д. Заводы стали крупными бастионами антифашистской борьбы.

В съезде заводских комитетов приняло участие приблизительно 200 делегатов от 137 заводов и многочисленные гости, так что большой зал Подбрзевского металлургического завода был переполнен. Основная тональность этого съезда определялась ситуацией: Словацкое национальное восстание держалось уже почти семь недель, бои велись на всех направлениях, нацистские дивизии понемногу, но неуклонно сужали повстанческую территорию. Поэтому руководство коммунистической партии наряду с профсоюзными вопросами и здесь главный акцент ставило на интенсификации антифашистской борьбы, на обороне свободной территории, на мобилизации всех сил. В этом духе говорил и я на съезде в политическом докладе от имени руководства Коммунистической партии Словакии. Для настроения рабочих в это время характерен следующий эпизод: в докладе я упомянул, что мы боремся за восстановление ЧСР на новых основах национальной и социальной справедливости. Из рядов делегатов раздались выкрики: «Мы хотим не ЧСР, а присоединения к СССР». Выкрики повторялись, и делега-

ты сопровождали их все большими аплодисментами, пока не начал аплодировать почти весь зал. Я должен был изменить конспект своего доклада и сосредоточиться на вопросе о том, почему мы хотим восстановить ЧСР, о том, как мы представляем это государство после освобождения, и о том, насколько тесным будет сотрудничество с СССР. Мне удалось убедить делегатов, и в конце концов они полностью согласились с позицией партии. В течение всего периода подготовки и осуществления самого восстания стремление словацкого народа к ориентации на СССР и объединению внутреннего Сопротивления с героической борьбой советского народа все время углублялось и нарастало. Это мощное течение складывалось в словацком народе из многих ручейков: из давней славянской и русофильской традиции, из восхищения перед борьбой советских народов, из опыта словацких солдат на Восточном фронте, из трезвых размышлений о послевоенном обеспечении нашей свободы, из положения Советского Союза в мире и не в последнюю очередь из положения рабочего движения в первой стране социализма, из результатов политической работы коммунистов. Историческая действительность была такова, что внешнеполитическая ориентация КПС и СНС полностью соответствовала мыслям большинства народа и в это время удесят�ерялась братской поддержкой и всесторонней помощью Советского Союза в нашей борьбе. В революционную эпоху ничего нельзя достигнуть путем декрета, люди думают и свои взгляды выражают без опасений. Это время революционной демократии, когда действует единственный аргумент: убеждение.

Под впечатлением таким образом развернувшихся событий выступил и Я. Шверма от имени Всеславянского комитета в Москве. И хотя его доклад был уже заранее написан, он быстро его дополнил и подчеркнул следующее: «Мы боремся за то, чтобы в Словакии не господствовал немец, чтобы господствовал не венгерский, или чешский, или словацкий капиталист, а словацкий трудовой народ». А именно к этому стремились присутствующие делегаты. Лаушман здесь снова высказался за политическое и профсоюзное единство рабочего движения.

Съезд был могучей демонстрацией единства и силы рабочего движения. Он свидетельствовал о решимости бороться против нацизма, а после освобождения — за социалистическое устройство отношений в нашем государстве. Он заложил основы единства профсоюзов.

В резолюции съезда, адресованной Словацкому национальному совету, говорится:

«Заводские комитеты, которые собрались на рабочей конференции как на первом свободном совещании рабочих делегатов, заявляют:

Борьбу против гитлеровских банд и их братиславских прислужников мы считаем своей борьбой. Мы принимаем участие в ней в рамках общенародного фронта или как солдаты, или как партизаны, или как борцы на своих прежних местах в тылу. Мы считаем необходимым усилить эту борьбу, отдать ей все силы, привлечь к ней все слои нашего народа. Рабочий класс встает в первые ряды борцов за свободу.

В эту минуту народ не должен быть разделен. В эту минуту рабочий класс на заводах, где он своими руками создает национальные богатства, не может быть оттеснен на позицию класса лишь работающего, эксплуатируемого. Мы хотим принимать участие в решениях о распределении продуктов нашего труда и средств труда, которыми мы работаем. Права, которые предоставлены заводским комитетам в законе о заводских комитетах № 330 от 1920 г. сб. 3 и п. и в законе о заводских и ревизионных советах № 144 от 1920 г. сб. 3 и п., мы считаем недостаточными.

Мы требуем, чтобы был принят новый закон о заводских комитетах, в котором за заводскими комитетами как равноправными партнерами с руководством заводов будет признано право принимать участие в решениях всех важных проблем, касающихся управления завода, будет ли это вопрос приема и увольнения работников, вопрос зарплаты и трудовых условий, вопрос ограничения и расширения производства, вопрос цен, финансовые вопросы — словом, все важные вопросы.

Это наше требование соответствует интересам общенародным, потому что те тяжелые проблемы, с которыми борется наше нынешнее народное хозяйство,

могут быть преодолены лишь путем сотрудничества руководства предприятия с работниками. Оно соответствует и демократическому пониманию назначения созданных материальных ценностей: служить интересам не одного лица, а интересам всех. Если невозможно тотчас же принять закон о заводских комитетах, то мы требуем, чтобы было издано постановление Словацкого национального совета, в котором эти вопросы были бы временно решены.

Мы не поднимаем здесь вопроса о форме собственности, однако мы считаем необходимым национализировать предприятия и имущество, принадлежащие немецкому и венгерскому капиталу, и имущество, принадлежащее всем заграничным и внутренним врагам государства».

Резолюция съезда обсуждалась в Словацком национальном совете 20 октября 1944 г., где представители коммунистической партии потребовали принятия постановления о положении заводских комитетов. Буржуазные партнеры высказали много опасений и замечаний. Обсуждение было прервано: военное положение было таково, что подготавливалось отступление в горы. Этот вопрос так и остался открытым.

* * *

Объединение политических и профсоюзных организаций рабочего движения во время Словацкого национального восстания было далеко идущим шагом: оно укрепило силы рабочего класса и всего прогрессивного лагеря, повысило ведущую политическую роль Коммунистической партии Словакии. Лаушман 18 октября информировал своих приверженцев в Лондоне телеграммой об объединительном съезде: «Партия имеет большую притягательность, к ней присоединяются интеллигенты, рабочие, офицеры и жандармы. В армии она пользуется значительными симпатиями, партизаны все идут за ней. Вчерашняя конференция заводских комитетов в Подбрезовой высказалась за единое профсоюзное движение под руководством партии... Нет необходимости подчеркивать, что партия стоит во главе борющейся Словакии... Не исключено, что подобный объединительный процесс охватит и Карпатскую

Украину. Для чешских областей по договоренности со Швермой и Сланским мы не исключаем концепции блока, однако можно надеяться, что со временем будет найдена форма, как во всех этих областях поставить объединенное движение на общую платформу в интересах государственного единства»¹⁵.

Словакия, таким образом, подала пример единства рабочего движения. Эту идею, как и боевую решимость в повстанческой борьбе, делегаты разнесли по всей территории Словакии. В Средней Словакии после объединительного съезда проходили районные конференции, и объединение произошло во всех организациях.

На оккупированных землях Западной и Восточной Словакии делегаты съезда разъясняли его линию и партийный призыв максимально активизировать и организовывать партизанское движение, с тем чтобы борьба разгорелась во всей стране. С этими целями с территории, охваченной восстанием, посылались специальные вооруженные группы. Партийные организации в Западной Словакии, которые должны были работать в подполье, входили в область, руководимую Ш. Баштёванским. В Восточную Словакию коммунистическая партия послала А. Кабоша и В. Боровского, которым доверила руководство восточной областью, где организации также работали в подполье. С обеими областями руководство коммунистической партии поддерживало постоянную связь и направляло их работу. Идеи съезда и весь опыт восстания распространились и на области, оккупированные немцами и венграми. Таким образом, во всей Словакии проводилась одна линия — линия объединительного съезда.

Коммунистическая партия Словакии получила на съезде демократически избранное руководство, об авторитете которого в партии ни у кого не было ни малейших сомнений. И это было существенным фактором в восстании, так как коммунистическая партия была силой, которая съездом своих делегатов создала единую линию, усилила единую организацию и имела твердое единое руководство; таким образом, она стала политическим стержнем Словацкого национального

¹⁵ АИИ КПС.

восстания. Ее представители отстаивали линию партии всюду: в Словацком национальном совете, в национальных комитетах, в заводских комитетах, в армии и партизанских отрядах, в печати, на собраниях, во всех областях жизни. Важную роль сыграла здесь повстанческая партийная печать, особенно центральный орган Коммунистической партии Словакии «Правда», которая в своих сорока вышедших во время восстания номерах (от 9 сентября до 25 октября) мобилизовывала трудовой народ на антифашистскую борьбу. Партии помогали и «Глас народа», выходивший в Зволене, и еженедельник «Новое слово», и многие районные и заводские газеты. Эта партийная печать посылалась и на оккупированную территорию, таким путем знакомя трудящихся с боевой линией Коммунистической партии Словакии.

Объединительный съезд и конференции заводских комитетов навсегда останутся памятными событиями в истории словацкого рабочего движения, так как они привели к его политическому и профсоюзному единению.

20. «ГРАЖДАНСКИЙ» ЛАГЕРЬ В СЛОВАЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВОССТАНИИ

Словацкое национальное восстание было проявлением национально-освободительной борьбы словацкого народа против фашизма и одновременно национально-демократической революцией. Самой прогрессивной общественной силой в этой борьбе был объединенный рабочий класс, ведомый коммунистической партией. Естественным союзником рабочего класса были мелкобуржуазные слои, прежде всего крестьянство, мелкие ремесленники и предприниматели, интеллигенция и та часть буржуазии, которая хотела принять участие в освободительной борьбе. Политически эти слои — если их представители не шли с Коммунистической партией Словакии — представляли собой десятки групп Сопротивления, которые принадлежали главным образом к бывшей аграрной и национальной партиям. Я уже говорил, как коммунистическая партия установила с этими группами сотрудничество и создала всенародный орган антифашистской борьбы.

В начале восстания сближаются между собой разные группы аграрников и националов, они притягивают к сотрудничеству и группу Шробара. Вскоре эти группы отказываются от робких попыток обновить старые политические партии (аграрную и национальную) и создают примерно в середине сентября 1944 г. «Демократический клуб», под общей шапкой которого затем до конца восстания и выступали все буржуазные группы.

Какие течения и тенденции существовали во время Словацкого национального восстания в этом лагере? Прежде всего это было усилие возвратиться — после

поражения фашизма — к ситуации, существовавшей в предмюнхенской ЧСР: капиталистический порядок с буржуазно-демократическими формами. Это стремление особенно было заметно у старшего поколения, которое активно участвовало в политической жизни перед Мюнхеном (Урсини, Шробар, Стык и другие). Далее проявлялась необходимость учитывать новую ситуацию в Европе и внутри страны (уже ясно было, что Словакию освободит Советская Армия) и революционное давление трудящихся масс, которые выдвигали требование нового содержания республики, в основу создания которой легли бы социалистические принципы. Эти две противоположные тенденции переплетались в концепции и политике «гражданского» лагеря. Революционный бой словацкого народа заметно влиял на этот некоммунистический лагерь: некоторые его приверженцы честно переходили с антифашистской линии на линию национально-демократической революции, некоторые были вынуждены, вопреки своим убеждениям, «приспосабливаться» к революционной ситуации, хотя бы в публичных выступлениях и документах. С коммунистами сближалось и поддерживало их линию особенно много людей из низов мелкобуржуазной среды. В конечном итоге это подтверждено историческим опытом: в революционной ситуации мелкобуржуазные элементы присоединяются к революционному классу, стремятся так или иначе идти с ним в ногу. Старые же политические рутинеры вынуждены были до поры до времени, как они полагали, «гибко» приспосабливаться и, пока это необходимо, ждать своего часа.

В ходе Словацкого национального восстания буржуазные группы полностью отказались от мысли обновить старые политические партии. Это было результатом твердой позиции коммунистической партии, результатом того, что сознание народных масс во время борьбы глубоко радикализировалось, и восстанавливать старую аграрную партию даже ее бывшим сторонникам казалось слишком непопулярным. Позиция коммунистической партии по отношению к бывшим партиям мною была освещена в «Новом слове»: «...все гражданские партии скомпрометировали себя шесть

лет назад антидемократическим Жилинским соглашением, соединились с Глинковской словацкой народной партией, которой тем самым создали ореол «партии словацкого национального единства» и дали формальный повод долгие годы терроризировать словацкий народ. Эту «партию словацкого национального единства», в которую влились гражданские партии, Словацкий национальный совет распустил и запретил. Нам кажется, что никто не имеет в виду обновлять скомпрометировавшие себя гражданские партии, и это нас искренне радует»¹. Таково было и мнение народных масс. Буржуазные группы отказались от своей концепции политической преемственности хотя бы в той мере, в какой это касалось партийной традиции. Мы это рассматривали как успех, как чистый стол, как расчет с прошлым.

Буржуазные партии в отличие от своего прошлого приняли однозначную концепцию самобытности словацкого народа и таким образом отошли от бенешевского чехословацтва, а в значительной мере и от лондонского правительства. Показательной в этом отношении является эволюция Шробара и его группы: Шробар в годы своей изоляции в Тренчанских Теплицах во время войны мечтал о «новом перевороте» в стиле 1918 г. и в этом видел свою миссию. Он полностью опирался на Бенеша, принимал его концепцию без каких-либо исключений, и прежде всего в национальном вопросе. Во время Словацкого национального восстания он очень скоро понял, что в 1944 г. заявили о себе иные силы, нежели в 1918 г., понял силу и ориентацию народных масс, силу коммунистической партии, СССР. Он быстро постиг, что Бенеш строил свои планы, касающиеся Словакии, на песке, и помудрел. Как председатель Словацкого национального совета, он хотя формально и вел заседания, но при этом не отстаивал бенешевскую позицию, не боролся с коммунистами; правда, его выступления во многом предопределяли преклонный возраст (80 лет) и соответствующая ему недостаточная боевитость характера. Не моргнув глазом, он подписал Декларацию Словац-

¹ «Новое слово», год. изд. I, № 2.

кого национального совета и таким образом оставил бенешевскую позицию в национальном вопросе. Постепенно он все определеннее высказывался за национальную словацкую самобытность, поддерживал единую позицию Словацкого национального совета в борьбе с правительством Бенеша, все более и более склонялся к славянской, в данном случае советской, ориентации. Во время Словацкого национального восстания под давлением революционных событий он так изменил свою позицию, что в основных вопросах полностью оставил фронт Бенеша. Надо сказать, что коммунистам во время восстания со Шробаром работалось хорошо: с ним не было трудностей и тогда, когда представители Лондона не раз пытались привлечь его к своим планам. Вместе со Шробаром во время Словацкого национального восстания пал последний столп «чехословакизма» в Словакии, и, таким образом, бенешевская концепция «единой нации» потеряла какую-либо опору, что впоследствии имело и более широкое значение. Восставшая Словакия в национальном вопросе занимала исключительно единую позицию — позицию Коммунистической партии Словакии.

Во время восстания наблюдается заметный сдвиг влево в программе демократической партии. Уже в первом номере «Часа», который вышел 17 сентября 1944 г. как орган демократической партии, программно звучат слова: национальное равноправие, христианская позиция, славянская идея, ориентация на СССР, сохранение принципов частной собственности — однако с определенными ограничениями и коррективами. Урсини от имени «образующейся демократической партии, которая будет объединять все прогрессивные идейные гражданские направления в Словакии», провозгласил на объединительном съезде КПС: «Мы хотим опираться на СССР, как самую сильную славянскую крепость, которая будет защитой покоя и мира, особенно малых славянских народов».

«Час» в четырех номерах (30 сентября — 7 октября 1944 г.) поместил Основы программы демократической партии. Над этими Основами долго ломали себе голову представители разных групп, как соединить то

старое, что было перед Мюнхеном, и то новое, что принесла современность. Во многом они были вынуждены отказаться от старых концепций: в словацком вопросе, в международной политике. На первый план они выдвинули религию: «Религиозные убеждения являются одним из основных прав свободного человека. Религия была с давнейших времен неотделимой частью нравственной и духовной культуры человечества»; однако они подчеркивали, что «использование церкви... в политических целях будет ограничено... Необходимо, однако, учитывать зрелость эпохи при отделении церкви от государства».

В экономических вопросах они говорили о системах индивидуалистической и коллективистской. «Мы однозначно не склоняемся ни к одной из них. В основе отстаиваем принцип частной собственности», однако подчеркивали при этом необходимость ограничений. «Либерализм является пройденной конструкцией. Социализм... с некоторых точек зрения практически неосуществим. Но те требования этой системы, которые в наших условиях можно осуществить, не ущемляя интересов национального коллектива, мы принимаем и хотим их провести в жизнь в такой мере, в какой это позволяют наши условия». Они заявляли, что «земельную и лесную реформу необходимо проводить последовательно...» И поскольку речь шла о национализации, они говорили: «К огосударствлению больших предприятий определенных категорий, некоторых банков и т. д. мы относимся положительно, поскольку это будет лучше служить социальным потребностям и общественным интересам».

Время заставляло их выступать прогрессивно: поэтому «Час» 8 октября 1944 г. в передовой статье с сожалением замечал: «Некоторые люди хотели бы приписать демократической партии клеймо правых и реакционность. Это заблуждение и намеренный обман». Они искали возможность подкрепить свои буржуазные представления какими-то «прогрессивными» идеалами. Там, где коммунисты опираются на Маркса, «мы всецело опираемся... на идеологию Масарика. Пусть кто-нибудь отважится утверждать, что Масарик был реакционером».

К Масарику они обращались часто. «Час» от 28 сентября 1944 г. в статье «Две идеи, которые движут миром» (то есть национализм и социализм.— Г. Г.) писал о социализме Масарика: «...социалистический идеализм, столь научно углубленный, человечески такой теплый и каждому добропорядочному националисту приятный, идет осуществлять с русской помощью его лучший ученик Э. Бенеш. Это будет подлинный «национальный социализм», чехословацкий и словацкий».

Группы, из которых сложилась демократическая партия, были против фашизма, за борьбу против него, за его поражение, за тесное сотрудничество с коммунистами. «Час» от 8 октября 1944 г. писал: «Мы имеем общую (с коммунистами.— Г. Г.) первоочередную и ближайшую цель: уничтожить фашизм и искоренить его до конца. Изгнать гитлеровских варваров... только и только к этой цели должен быть направлен каждый наш шаг... Подлинный демократ и подлинный коммунист это уже давно осознали и ни тот и ни другой не будут распылять силы из-за интересов узкопартийных...»

В последнем номере «Часа», который вышел во время восстания, в передовице говорится: «Сегодня у нас гремит оружие... и речь идет не только о защите своей политической свободы; мы думаем также о перерождении всего нашего общественного порядка, о будущем маленького человека, крестьянина, рабочего и интеллигента. Речь идет о перемене всей системы вещей, основ и программ... Все должно пройти через какую-то ревизию — и наша идеология и деятельность, а поэтому революция, которую проводим, должна быть последовательной...»

Нельзя, правда, судить о политическом профиле партии лишь по ее заявлениям или печати. Приведенными цитатами, дополненными собственным опытом, я хотел показать, как общая политическая атмосфера периода восстания и давление революционных масс повлияли на мелкобуржуазные и буржуазные слои, как эти слои были вынуждены присоединяться к прогрессу, к народным требованиям, выдвинутым народно-демократической революцией.

При этом мы не должны забывать, что то, что мы называем в период Словацкого национального восстания демократической партией, не было политической партией в собственном смысле слова. Это был конгломерат из разных групп с разными тенденциями, выражающих настроения или требования некоммунистического «гражданского» лагеря.

Демократическая партия, хотя она и организовала в Банска-Бистрице Центральный секретариат, хотя и имела прессу («Час» и «Народные новины»), хотя и имела своих представителей в Словацком национальном совете и в национальных комитетах, хотя и создала свое руководство, в то же время не проводила ни съезда, ни широкой конференции, где бы свои проблемы обсудила с рядовыми членами или низшими функционерами, то есть она не регистрировала своих членов. Все было в зародыше, в зачатках, в районных или «общесловацких» верхах, все было полно споров между шестью или семью группами, которые эту партию создавали; иногда они организовывали выступления в некоторых деревнях, навещали своих приверженцев в районах.

Организационная слабость и внутренняя разнородность демократической партии и ее руководства, особенно в период послевоенного развития этой партии, толкали многих авторов к однозначно отрицательной оценке «гражданского» лагеря в Словацком национальном восстании. Такая оценка неверна. Коммунистическая партия сознательно ориентировалась на сотрудничество с мелкобуржуазными слоями в общенациональной борьбе, и эти слои сыграли в восстании положительную роль, внесли свой вклад в общую борьбу. Было много честных антифашистов, которые не являлись коммунистами и считали своими представителями в Словацком национальном совете и в национальных комитетах именно деятелей демократической партии. Эта партия во время восстания в целом определяла иные перспективы развития по сравнению с теми, к которым пришла потом после войны; причины этой перемены «курса» следует все же искать в событиях, развернувшихся после освобождения.

Противоречивые тенденции среди групп демократической партии, которые проявились и после освобождения, во время Словацкого национального восстания можно охарактеризовать таким образом: 1. Шробар вопреки развитию, о котором я уже говорил, неприязненно относился к «годжовцам» (к которым прежде всего принадлежал Урсини и его группа) из-за своих старых споров с Годжей из-за монополизации аграрной партии евангеликами; при этом его постоянно вводила в заблуждение масариковская традиция и личность Бенеша: он хотел еще сыграть главную роль и размышлял, как склонить на свою сторону католиков. 2. Националы (Кветко, Затько и т. д.) держались более или менее друг друга, шли за партией Разуса, до конца восстания издавали «Народные новости» от имени Паулини-Тота, бывшего председателя партии, который был в то время в лондонской эмиграции. 3. Из бывших аграрников наиболее типично представлял старую линию этой партии Урсини, представитель аграрной буржуазии школы Годжи (с Годжей он находился и в родственных связях). Он считал, что демократическая партия в Словацком национальном восстании должна была выступать в «роли тормоза», и часто говорил: «Вы, коммунисты, очень быстро движетесь вперед, мы, демократы, должны вас придерживать, телега требует и коня и тормоза, иначе бы случилось несчастье. Роль тормоза должна выполнять демократическая партия». На этой позиции он весьма «гибко» маневрировал, искал всяческие возможности, каких угодно союзников, чтобы тормоз был сильнее коня, будь то с Бенешем или против Бенеша, с коммунистами или против коммунистов, с людаками или против них, поступая так, как было выгодно. На его слово нельзя было особенно полагаться. 4. Леттрих был представителем буржуазной интеллигенции (из аграрной школы), которая серьезно сознавала необходимость перемен, нового формулирования политической программы. Он патронировал «левые» требования, «левую» прогрессивную ориентацию демократической партии, обусловленную народным давлением и требованиями. Он был более других принципиален и склонен к договоренности по многим проблемам, ко-

торые выдвигала коммунистическая партия во время Словацкого национального восстания. К нему присоединялись честные, младшие по возрасту элементы «гражданского» лагеря. Год спустя после восстания, когда демократическая партия уже искала «новые» пути, он писал: «Демократическая партия тоже благодарит Словацкое национальное восстание за свое формальное возникновение. Она родилась среди боя и борьбы внутренней и мировой. Она приняла в качестве своих идеалов и цели словацкой революции... Традиции, программы и методы политических партий домюнхенской республики сегодня исторически окончательно преодолены. Демократическая партия является партией новой Словакии и новой Чехословакии... Между демократической партией и словацкой революцией существует органическая связь... Демократическая партия будет иметь жизненное оправдание лишь до тех пор, пока будет придерживаться идеалов, которые написала на своем знамени словацкая революция, а с ней и новая республика. Будущее покажет, идем ли мы в этом направлении и за этими целями...»². Мы сегодня уже знаем, что показало будущее и куда Леттрих привел демократическую партию. Речь идет не об идеализации его позиции в восстании; в своей прогрессивности он был ограничен интересами буржуазных слоев, с которыми солидаризировался. Однако все же надо правильно определять позицию группы Леттриха в антифашистской борьбе, в которой эта группа в сотрудничестве с коммунистической партией играла прогрессивную роль³.

² «Демократия в подполье и во время восстания». Братислава, 1945, стр. 6—7.

³ После освобождения Леттрих постоянно сдвигался вправо. В эмиграции он издал книгу «История новой Словакии» (Нью-Йорк, 1945), в которой прямо фальсифицирует историю Словацкого национального восстания. Он политически ставит восстание на одну доску с Варшавским восстанием и с акциями Д. Михайловича в Югославии, к своему эмигрантскому, антикоммунистическому и антисоветскому взгляду он приспособливает задним числом описание и оценку восстания. Его сегодняшняя позиция не может нас ввести в заблуждение при историческом описании событий, происшедших 20 лет назад.

Уже во время Словацкого национального восстания обозначилось «католическое крыло» демократической партии, представленное прежде всего группой Шевчик — Фило, которая критиковала монополию евангеликов в этой партии.

Эти расхождения между группами во время восстания не были преодолены. Под общей фирмой демократической партии их удерживало давление революционной ситуации и не в последней мере громадное массовое влияние единой в своих действиях Коммунистической партии Словакии. Я. Шверма в письме к Готвальду из Банска-Бистрицы от 14 октября 1944 г. писал о демократической партии: «...до сих пор партии нет. Есть лишь какой-то центральный комитет, издают «Час»... В настоящее время идут с нами вместе, уступают нам — боятся нас. В большинстве случаев это евангелики, и в словацком вопросе все стоят на позициях самобытности словацкого народа...»⁴.

При выборах руководства демократической партии в сентябре 1944 г. группы пришли к компромиссу: Шробара определили в качестве «почетного председателя» демократической партии, Урсини — действительным председателем, Леттриха — заместителем председателя; эти трое также представляли демократическую партию в президиуме Словацкого национального совета. Единства, однако, между ними не было. Леттрих охотно согласился, чтобы Урсини в начале октября отбыл в Лондон и руководство демократической партией взял на себя; Урсини оплатил ему весной 1945 г. — когда Леттрих был еще на оккупированной территории, он укрепился в руководстве демократической партии; потом прошло много времени, пока Леттрих снова вытеснил Урсини с места председателя демократической партии. С весны 1945 г. Шробар начал постепенно отдаляться от демократической партии; за этими верхушечными спорами из-за руководства стояли все же более глубокие причины, которые я уже кратко обозначил.

К демократической партии присоединялся и старый бюрократический аппарат. Перед Мюнхеном аграрная

⁴ «Вопросы истории КПЧ», 1964, № 1, стр. 79.

партия в Словакии практически владела всем государственным аппаратом; многие из него остались работать и в период словацкого государства. Этот аппарат заполнил собою во время восстания повстанческие учреждения (полномочные представительства и другие) и имел значительное влияние в районах и деревнях. Внешне представители старого аппарата принимали повстанческую терминологию, однако не выходили из старых шаблонов, не порывали со старыми привычками и были значительным тормозом революционного движения; от этого происходили также многие конфликты с РК и НК. То же самое было в армии и у четников. Коммунистическая партия с этой бюрократией вела упорную борьбу, осложнявшуюся позицией демократической партии и недостатком прогрессивно настроенного чиновничества.

Проблема социального революционизирования крестьянства была осложнена тем, что охваченная восстанием территория вскоре ограничилась горным краем Средней Словакии, где практически больших владений не было, так что требование разделения земли между мелкими крестьянами практически нельзя было осуществить. На объединенном съезде Коммунистической партии Словакии в главном докладе было ясно сказано: «Землю должен получить тот, кто на ней работает, землю должен получить мелкий крестьянин». Из-за указанных причин дело остановилось на декларировании требований.

В коммунистической партии существовала известная неуясненность в крестьянском вопросе, в том, как следует поступать с изъятой землей. В руководстве коммунистической партии была крестьянская комиссия под руководством М. Фалтяна, которая эти вопросы обсуждала. Высказывались взгляды, что землю из экономических соображений не надо раздавать мелким крестьянам, а следует сразу же создавать крестьянские кооперативы или государственные хозяйства. Я и сам некоторое время разделял эти взгляды. Характерно их выразил М. Фалтян: «Крестьянский вопрос

в своей основе должен решаться вместе с вопросом о развитии промышленности Словакии. Поскольку идет речь о повышении жизненного уровня мелкого крестьянства, то есть хотя бы о частичном и быстром сокращении социальной беды, то нам представляется единственно правильным решение — лишить собственности на землю владельцев больших хозяйств в пользу мелких крестьян. Наша почва так обременена, что мы не можем позволить себе, чтобы доход от нее использовал кто-то иной, нежели тот, кто на ней живет и кто ее обрабатывает, то есть крестьянин. Мы должны также иметь в виду и то, что мелкий крестьянин достигнет высших доходов с отобранной у крупных землевладельцев земли лишь посредством ее обобществления, то есть при общей обработке больших участков земли с помощью современных сельскохозяйственных машин. Нашей целью является высший жизненный уровень крестьянина, а поэтому мы должны приветствовать только такие формы обработки земли, которые сконцентрируют трудовые усилия крестьянина и обеспечат ему высший доход. Это стоит того, чтобы обсудить возможность организации производственных кооперативов на базе изъятой у крупных землевладельцев земли, насколько это технические и местные условия позволяют...»⁵. Об этих воззрениях, распространенных среди ведущих работников во время восстания, шла дискуссия. Руководство коммунистической партии, однако, не заняло однозначной позиции, исходя из того, что на малой освобожденной территории в период боев решить этот вопрос практически не представлялось возможным. Сегодня мы видим, в чем была ошибка названной позиции, — она состояла в том, что тогда соединяли разные фазы решения крестьянского вопроса и перескакивали отдельные этапы. Когда в конце сентября 1944 г. в Банска-Бистрицу прибыл Я. Шверма, он в целом правильно критиковал упомянутые взгляды и выдвигал на первый план политическую сторону дела — необходимость привлечения мелкого крестьянина на сторону рабочего класса как можно быстрее передачей земли богачей в частное владение

⁵ «Новое слово», год изд. I, № 4.

мелких крестьян. Во время Словацкого национального восстания на решение этого вопроса, однако, уже не было времени, он стал решаться лишь в освобожденной Восточной Словакии.

Сегодня можно дискутировать по поводу того, можно ли было и надо ли было во время Словацкого национального восстания начать конкретное решение таких основополагающих вопросов национально-демократической революции, какими являются изъятие земли у крупных хозяев и ее разделение между мелкими крестьянами, передача государству промышленных предприятий и т. д. Известно, что К. Готвальд после переговоров с Э. Бенешем в декабре 1943 г. в своем письме в Лондон (21 декабря 1943 г.) предлагал после освобождения ЧСР мероприятия, направленные против оккупантов и предателей и не открыто по классовой линии против крупных землевладельцев. В итоге по этой линии шла и Кошицкая правительственная программа. В Словацком национальном восстании, где меры против немцев и коллаборационистов выполняли форму внутренних действий, решение крестьянского вопроса имело классовый характер, и это, как я уже отмечал, в целом признавала и демократическая партия. Я. Шверма в Банска-Бистрице настаивал на том, чтобы «хотя бы одно крупное владение было быстро распределено». Правда, мы его тогда на освобожденной территории не нашли, и, таким образом, вопрос остался открытым. Мой сегодняшний взгляд таков, что во время Словацкого национального восстания мы должны были определеннее и конкретнее поставить крестьянский вопрос и таким образом дать мелким крестьянам ясную перспективу изъятия земель у владельцев крупных хозяйств и распределения ее среди мелких крестьян. Не для того, чтобы это практически осуществить во время восстания, а для того, чтобы лучше мобилизовать мелких крестьян на антифашистскую борьбу, чтобы дать им главное обещание и конкретную перспективу после освобождения. Но, как говорится, задним умом многие бывают крепки.

Демократическая партия в традициях аграрной партии думала о привлечении крестьянства к себе;

поэтому она занимала свою позицию в крестьянском вопросе, о чем я уже говорил. Мы знали, что после 1918 г. аграрная партия включила в свою программу красиво звучащие агитационные лозунги: «Земля пусть будет собственностью того, кто на ней трудится... Передача земли народу должна быть проведена в таких размерах, чтобы с земельным голодом всех мелких людей было покончено...» Знали мы и практику аграрной партии. Руководство КПС не имело иллюзий насчет позиций демократической партии в крестьянском вопросе. Оно понимало неизбежность суровой борьбы за его решение.

Большинство ответственных деятелей демократической партии были евангелики. Они хорошо сознавали, что это узкая основа для их политических планов, и поэтому всячески стремились уже во время восстания найти и притянуть к себе каких-либо католиков — по возможности священников. Надо сказать, однако, правду, что во время восстания людаков не привлекали, не было тогда времени изучать тенденции политических компромиссов с ними. Среди католиков участников восстания не было; и не потому, что католики в силу религиозных убеждений были против Словацкого национального восстания. Напротив, трудовые люди, невзирая на религию, поддерживали национально-освободительную борьбу и тяготели к коммунистической партии. Демократическая партия в то время была крепко связана с евангелической церковью и ее деятелями и потому не имела поддержки среди некоммунистических католиков.

Решающим вопросом здесь была позиция католической церкви, ее представителей. Как я уже упоминал, католический клир был полностью, за незначительными исключениями, связан с тисовским режимом, со Словацкой народной партией Глинки, сотрудничал с фашизмом. Как держал себя этот клир тогда, когда словацкий народ открыто боролся против фашизма? Внешне — пассивно, он не выступал ни за восстание, ни против него: мы, дескать, политикой не занимаемся. В действительности же служители католической церкви скрыто ненавидели все, что было связано с восстанием, держались тисовского режима и тогда, когда на-

ступал его полный распад, давали ему тайную информацию и т. д. Нашлось лишь два-три католических священника (д-р Страка и другие), которые открыто стали на сторону восстания и помогали ему, остальные втайне были враждебны к восстанию.

Мы пытались всеми средствами получить поддержку католического духовенства для общей борьбы против фашизма. Напрасно. В сентябре 1944 г. вместе со Шмидке мы два раза навестили банска-бистрицкого епископа д-ра Шкрабика, которому подчинялось большинство католических священников на территории восстания, и это уже тогда, когда было ясно, что никто не намерен нападать на религию или как-либо иначе вмешиваться в ее дела. Шкрабик нас принял в своей резиденции так, как церковные священники принимают бедных заблудших. Развалившись в кресле-качалке, он покачивался все время и слушал, что мы ему говорим. На все попытки привлечь его к поддержке Словацкого национального восстания отвечал: церковь заботится о душе человеческой, о ее вечном спасении, она не может вмешиваться в политические дела; его ассистенты при этом цитировали все возможные церковные предписания по этому поводу. Надо заметить, что у нас было мало аргументов по поводу того, что католические священники зачастую вмешивались в фашистскую политику. Однако мы говорили и об этом со Шкрабиком. Иезуитская школа на все находит ответ: «Это является делом совести отдельных священников, церковь за них не отвечает». Он как епископ никогда не согласится с политической деятельностью священников. Был и такой конкретный вопрос — в армии находились и священники. Евангелические выступали среди верующих в пользу восстания. Католического духовенства в армии было мало. Пусть епископ даст разрешение, чтобы и католические священники выполняли свои обязанности по отношению к военным-католикам. Шкрабик снова уклонился: он никому ничего не запрещает, это не входит в его функции, он не может обращаться к армии, — иными словами, он отметал любую форму сотрудничества. Наш разговор использовал для себя как информацию, например, информацию о том, какова наша позиция по отношению к церк-

ви, к ее органам, священникам, каковы наши планы по отношению к церковному имуществу и т. д., и ходатайствовал за разных коллаборационистов, посаженных в тюрьму. Беседа, в сущности, не имела последствий: хотя епископ и назначил своего человека в качестве связного с руководством Словацкого национального совета, однако использовал его лишь для вмешательства.

В соответствии с указаниями Шкрабика вели себя и священники: привлечь их не удалось. Подлинное свое лицо эти люди показали сразу после падения Банска-Бистрицы: при участии Шкрабика и других священников Тисо совершил в Бистрицком кафедральном соборе торжественное богослужение в благодарность за поражение участников восстания, при этом эсэсовский генерал Хёфле играл на органе. Все эти «неполитические» католические деятели ассистировали при награждении «заслуженных» эсэсовцев. А Шкрабик дал в их честь торжественный обед.

Делали мы попытки установить сотрудничество и с некоторыми другими деятелями. В Турце в начале восстания находился людацкий депутат Чавойский, профсоюзный работник, известный как демократ. В Банска-Бистрице я несколько раз с ним беседовал, обо всем он высказывался критически, однако не нашел в себе достаточно смелости и решительности даже на территории, охваченной восстанием, разойтись с разваливающимся тисовским режимом и открыто встать на сторону восстания. В то время как простые люди и многие члены ГСНП боролись в рядах восставших, церковные и политические сановники католицизма служили нацистским оккупантам, помогали эсэсовцам и Тисо. Так политический и политиканствующий католицизм еще больше скомпрометировал себя перед словацким народом. Привлечь его к совместной борьбе не удалось. Когда в Банска-Бистрицу с делегацией Немеца прибыл депутат от народной партии Гала (чешский католический священник), кто-то ему посоветовал, чтобы он остановился в резиденции Шкрабика. Под давлением и по собственной инициативе попытался и Гала, как «алтарный брат», повлиять на Шкрабика и его окружение. Однако результат

получился обратным. Шкрабик заявил, что пребывание Гала у себя рассматривает как божье наказание и скорее будет непосредственно совещаться с ведущими коммунистами, нежели с этим «чешским гуситом».

Демократическая партия тоже не достигла никаких успехов в католическом мире. Не оставалось ничего иного, как сломить его позицию антифашистской борьбой, народной борьбой за освобождение.

Какое было соотношение сил между Коммунистической партией Словакии и демократической партией, я уже говорил. Кое-кто может, однако, возразить, что «каждый кулик свое болото хвалит», поэтому я процитирую слова человека не «нейтрального», а махрового антикоммуниста из чешского лагеря. С делегацией Немеца прибыл на территорию восстания и депутат национально-социалистической партии Ф. Углирж. После подавления восстания он вернулся в Лондон и в декабре 1944 г. дал информацию о нем. К информации для Бенеша он добавил «специальное доверительное приложение F», озаглавленное «Старые и новые политические партии». В нем говорится:

«При настоящей политической системе в Словакии страной, бесспорно, владеют коммунисты. Противоречия, которые ослабляют демократов и усиливают коммунистов, прежде всего таковы: 1. Коммунисты имеют ясную программу — государственную и национально-политическую, а также экономическую программу. Демократическая партия программы не имеет и постоянно ее ищет. То, что она предложила как программные положения общественности в двух номерах журнала «Час», хотя и звучит для многих словацких ушей приятно, однако этому не верят, не верят потому, что общественность знает, как и кто эту программу писал. 2. В то время как коммунисты в идейном отношении едины, опираются прежде всего на своих политических сторонников, которым предоставляют ответственные места, в то время как они новых кандидатов из других политических партий держат под тщательным политическим наблюдением, демократическая партия является пестрой политической мозаикой. Вопреки тому, что общественность смотрит

на нее как на правое крыло аграрной партии, пытающейся разделить с коммунистами власть в Словакии, в ней представлены и иные политические элементы, например, левое крыло бывшей аграрной партии, люди с определенными социалистическими взглядами, чехословаки и независимые словаки, националы и протестантские клерикалы, которые свою политическую программу отождествляют с протестантизмом. 3. В то время как коммунисты внимательно следят за тем, чтобы не запятнать себя именами людей, которые публично скомпрометировали себя сотрудничеством с братиславским режимом, демократическая партия запятнана такого рода именами. Это всей общественности известно, и она сама знает об этой своей слабости. Уже только этот факт ослабляет ее и снижает политическое значение. Она может политически жить лишь до тех пор, пока об этих политических вещах не говорят, однако сразу распалась бы, вступив в борьбу за политическую власть в Словакии. 4. В то время как во главе Коммунистической партии Словакии в большинстве случаев стоят молодые люди, полные сил и вдохновения, способные к политическому риску, исполненные отваги в политической борьбе, в руководстве демократической партии стоят люди, в лучшем случае, средних лет, однако много также людей почтенного возраста и старых. Что это означает, видно из того, с какой быстротой росли местные и районные политические организации коммунистической партии, как быстро коммунистическая партия объединила профсоюзы, а между тем я ни разу не слышал, чтобы была основана хотя бы одна организация демократической партии. В то время как коммунистическая партия укрепляла свои позиции в народных массах, ее организаторы работали среди рабочих, выступали перед рабочими и крестьянами, организовывали интеллигенцию, демократическая партия развивала свою деятельность большей частью лишь в клубе, образованном при Словацком национальном совете. 5. В то время как коммунистическая партия опирается прежде всего на идеи, которые хочет провести практически в жизнь после прихода к власти, демократическая партия исходит из интересов и стремления

к власти нескольких семей. «Семейственность» демократической партии, распределение между родственниками политических и административных ролей были подвергнуты общественной критике...»⁶.

Свидетельство Углиржа кончается так:

«Если ситуация в Словакии останется такой, какова она теперь, то я убежден, что Шмидке и Гусак были правы. 70% Словакии будет голосовать за коммунистов...»

Такой видел обстановку во время восстания доверенный человек Бенеша.

⁶ Словацкое национальное восстание. Документы. Братислава, 1965, стр. 898—899.

21. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ

Вокруг национальных комитетов были созданы целые легенды, немало страниц о «драматической» борьбе вокруг этого вопроса было написано в эмиграции. Искажено было освещение роли национальных комитетов в восстании. В чем же заключается проблема? Национальные комитеты не были открытием последней войны: они существовали у нас во время переворота 1918 г., даже тисовский режим создал их в 1938 г. Проблема, таким образом, не в названии, а в чем-то другом. Любая революция является вопросом политической власти. Словацкое национальное восстание было революцией, национальные комитеты были органами этой революции, органами революционной власти. Проблема, следовательно, в том, какому классу, какой политической силе принадлежали эти органы власти, на какие цели она их использовала — для углубления революции, для ее «успокоения» или для удушения. Речь не может идти об этой организации как о таковой, а лишь о фактической государственно-политической ситуации, и это невозможно определить в эмиграции. 4 декабря 1944 г. после долгих проволочек Бенеш издал уложение о национальных комитетах. Декрет на бумаге, который каждый мог толковать как ему заблагорассудится. И даже сам он тотчас в письме Шрамеку, председателю правительства, привел ряд ограничений к этому декрету. Детали должно было определить правительство. Но главное осталось вне декрета, главное было в создании революционной ситуации на родине. Руководство Коммунистической партии Словакии декреты Бенеша не интересовали, оно стремилось создать государственно-политическую

ситуацию, приемлемую для революционных сил народа.

Еще до начала Словацкого национального восстания национальные комитеты создавала и коммунистическая партия, а также Шробар и прочие буржуазные группировки. При этом все преследовали свои государственно-политические цели. Мы отдавали себе в этом отчет и не спорили ни с кем, что смеют делать национальные комитеты, а чего не смеют. Коммунистическая партия Словакии строила свою политико-организационную работу таким образом, чтобы к началу Словацкого национального восстания власть взяли в свои руки те национальные комитеты, которые представляли революционные силы народа и находились под влиянием партии. Это и решило ситуацию.

С началом восстания всю власть на местах взяли в свои руки революционные национальные комитеты, в которых влияние партии было решающим, взяли власть революционным путем и сохраняли ее в течение всего восстания. Появились, правда, и другие национальные комитеты; людацкий комиссар переименовал общинное представительство в национальный комитет, намереваясь управлять им; такие национальные комитеты мы распустили, потому что острее, чем какая бы то ни было другая ситуация, революция ставит вопрос, с кем ты идешь и кому ты служишь.

Национальные комитеты во время Словацкого национального восстания, руководимые коммунистами и честными антифашистами, были действительно революционными органами власти. Они обладали исключительно широкими полномочиями не только потому, что коммунистическая партия хотела, чтобы на местах управляли эти народные органы, но и потому, что — особенно вначале — на местах не было других органов власти. Национальные комитеты во время восстания выполняли задачи огромного масштаба. Они совершили государственный переворот на местах, распустили тисовские органы власти, очистили весь государственный аппарат, выпустили заключенных и посадили в тюрьму изменников и коллаборационистов. Они провели мобилизацию в армию и набор в партизаны, обеспечивали снабжение населения и вооруженных сил

восстания. Они создали свое руководство на предприятиях, принадлежавших немцам и коллаборационистам, и руководили работой этих предприятий. Они занимались вопросами образования, здравоохранения, транспорта и даже религии. Они провели чистку в прежних органах безопасности и создавали вооруженные силы для охраны революции. Они создали новую государственную власть, организовали и очистили ее аппарат, ликвидировали фашистские организации и всячески поддерживали вновь образующиеся революционные и демократические организации. Они проводили оборонительные мероприятия, работы по созданию линий укрепления, эвакуацию населения, работу по социальному обеспечению беженцев и немущих. Они издавали свои органы печати и заботились о политическом воспитании населения. Невозможно перечислить все обязанности революционных национальных комитетов, которые они в данной ситуации выполняли и выполнять были вынуждены. Генеральной линией этой революционной народной власти было служение революции, восстанию, делу национально-освободительной борьбы, линии Коммунистической партии Словакии. Статутом этих революционных органов была воля народа, не записанная нигде в конституции, и не воля Бенеша, а собственная воля революционного народа, поднявшегося на борьбу за свою свободу и создавшего свои органы власти. Это было необходимо, потому что рядом находились фашистские соединения — в соседнем районе или даже в соседней деревне. И поэтому никто не спрашивал о санкции свыше на проведение необходимых мер: не было денег — брали их из банка и с революционной честностью потом рассчитывались.

Когда была создана центральная власть Словацкого национального восстания, коммунистическая партия не случайно настаивала, чтобы вопросами внутренних дел занимался представитель коммунистической партии. Коммунистической партии необходимо было через этот центральный орган защищать положение революционных народных органов и, конечно, направлять их и руководить ими в соответствии со своей политической линией. По поручению партии эту функ-

цию во время восстания выполнял я. Таково было фактическое положение революционных национальных комитетов в деревнях и в районах, охраняемое и политически обеспеченное государственным положением коммунистической партии в Словацком национальном совете и представительстве внутренних дел. Благодаря положению партии во время Словацкого национального восстания и ее политике широкий круг полномочий народных органов власти сохранялся в течение всего восстания, и это без каких бы то ни было правовых норм, без уложений, волей революционного народа и его партии.

Мы неоднократно хотели узаконить положение национальных комитетов соответствующим декретом Словацкого национального совета, но всякий раз сталкивались с большими расхождениями во взглядах. Собственно, коммунистическая партия хотела легализовать уже сложившееся положение. Буржуазные группировки всячески этому противились. У них на это были две причины. Первая — политическая: очень скоро они убедились и выяснили, что действенные национальные комитеты, прежде всего районные, находятся главным образом под влиянием коммунистической партии и, таким образом, являются орудием власти коммунистов. Естественно, что таким органам, в которых они ни сверху, ни снизу не пользовались политическим влиянием, они не хотели давать слишком большие полномочия. Вторая причина — принципиальная: страх буржуазных и мелкобуржуазных элементов перед правительством простых людей — рабочих, крестьян. Их приводила в ужас революционная перспектива, когда люди, у которых «ничего нет», будут решать все, а главное — вопрос о «нашем имуществе». Этот контрреволюционный момент в революционной ситуации всегда появлялся у буржуазии и у мелкой буржуазии. Народу можно дать свободу, но только охраняемую жандармами и бюрократами и контролируемую, чтобы народ, не дай бог, не использовал ее против состоятельных слоев!

Поэтому, естественно, буржуазия стремится обеспечить себе влияние в бюрократических органах, чтобы иметь возможность положиться на них. Чиновников

хватало и в повстанческих органах — высших и низших. Высшая бюрократия всегда тяготела к более состоятельным слоям, они были заодно и шли вместе во время восстания прежде всего с демократической партией. Кроме этого классового момента, имела место давняя бюрократическая привычка решать все согласно нормам, параграфам, предписаниям. Все, что не было заранее органами разрешено, запрещалось, что не было заранее определено законом, объявлялось незаконным. Этому чиновников учили веками. Были у них свои перевороты и «революции», но они проявлялись в том, что менялся шеф департамента и несколько начальников, но все остальное — и особенно чиновничья работа — шло по-старому.

Но тут произошла действительно народная революция, органами власти которой стали национальные комитеты. Буржуазные слои, бюрократы и прочие приходили в Словацкий национальный совет с сотнями жалоб на незаконные действия национальных комитетов, на самовольное вмешательство в имущественные или личные дела, на аресты, увольнения, конфискацию зданий, скота, автомашин, зерна и продовольствия, вмешательство в дела предприятий и на другие нарушения форм частной собственности. Какие-то «бездельники» вдруг захотели решать все дела! И все органы Словацкого национального совета были буквально завалены жалобами и прошениями буржуазных слоев и напуганных мелких буржуа, и все это деятели демократической партии использовали как аргумент против правового узаконения фактического положения национальных комитетов. Конечно, нельзя сказать, что народные органы взвешивали свои решения на аптекарских весах, нельзя сказать, что в их работе не было значительных ошибок и поспешных решений, но необходимо констатировать, что в принципе в революционный период они правильно выполняли роль революционных органов власти народа, защищали и развивали словацкую революцию, носившую характер национально-освободительной борьбы против фашизма. Поэтому коммунистическая партия последовательно защищала национальные комитеты как революционные органы народа. И хотя коммунистам и не удалось

узаконить декретом Словацкого национального совета положение национальных комитетов, коммунистическая партия своим влиянием и положением у власти фактически удержала и сохранила революционную позицию национальных комитетов.

В руководстве Коммунистической партии Словакии, в президиуме Национального совета и представительстве по внутренним делам я отвечал за «дела национальных комитетов», поэтому и в печати я выступал главным образом по этому вопросу. Пусть не будет сочтено нескромностью то, что в дальнейшем я буду цитировать некоторые свои статьи: важно исторически оценить истинную позицию Коммунистической партии Словакии по отношению к комитетам, поскольку у руководства партии по этому вопросу разногласий не было.

В статье повстанческой «Правды» от 17 сентября 1944 г. я писал: «В первые же дни восстания в наших деревнях были созданы МНК и в районных населенных пунктах — РНК. Фактически они взяли всю власть на местах в свои руки и тотчас же провели необходимые меры». Теперь же ведутся дискуссии, как обстояло дело с национальными комитетами. В статье, направленной против позиции деятелей демократической партии и намерений буржуазии, я писал: «Национальные комитеты являются единственными, самым народом установленными органами. Их политическое значение поэтому является первостепенным. Кончилась ли их функция? Наоборот, теперь их роль становится более значительной и консолидирующей. Национальные комитеты должны контролировать предприятия, бывшие прежде в руках немцев или изменников, должны заботиться о снабжении, если случатся перебои, должны бдительно следить за чистотой государственного аппарата, должны вникать во все, где понадобится их инициатива и вмешательство. Инициатива народа является самым значительным преимуществом демократического устройства, и потому эту инициативу нельзя ограничивать.

Национальным комитетам принадлежит важная, причем постоянная, функция, как органам самоуправления... Прежние общинные представительства нахо-

дились в ведении нотариа, окружные представительства почти не имели влияния и были некомпетентны, отданные на милость государственного чиновника — окружного пачальника. Бюрократия располагала неограниченными возможностями всячески тормозить, принижать и вообще не давать работать органам народного самоуправления. Такое положение не должно быть перенесено в новые условия, если мы вообще собираемся говорить о демократии. Общинные представительства должны быть освобождены от опеки нотариа, во главе районных представительств должны стать выборные председатели, а не назначаемые начальники, они должны располагать значительными полномочиями. Функцию общинного представительства будет выполнять национальный комитет, функцию окружного представительства — районный национальный комитет, который, конечно, будет располагать более широкими полномочиями. Их полномочия должны быть приравнены к полномочиям бывших органов самоуправления, так же как и к полномочиям внутреннего общественного управления. Председатели национальных комитетов сменят прежних бюрократов. Нотарские и районные учреждения будут лишь исполнительными органами народных национальных комитетов... В принципе учреждения подлежат политическому контролю национальных комитетов...

Поэтому мы не имеем права ограничивать компетенцию национальных комитетов, а, наоборот, их фактически осуществляемый широкий круг прав и обязанностей легализовать, упорядочить. Главным признаком демократического государства являются демократические органы. У нас это национальные комитеты».

Буржуазные и бюрократические силы не могли примириться с революционной инициативой и революционной импровизацией национальных комитетов. Директор банка приходил жаловаться, что вынужден был выдать деньги РНК, правда, по ордеру. Что он мог поделать, ведь они пришли вооруженные! Председатель национального комитета в Превидзе товарищ Свиток приехал за деньгами для учителей, больницы, на социальные нужды района. Они нужны были ему тотчас. Большая проблема для чиновников: распоря-

жения, подписи, счета и т. д. Но решать надо было немедленно. Он повез в район полный портфель денег. Через два часа он вернулся с русским партизаном, который остановил его машину на дороге, а увидев у него кучу денег, принял за спекулянта, не поверив его объяснениям. Партизан привел его ко мне, и мы принялись выяснять обстоятельства.

Позже директор банка приходил ко мне спрашивать, правильно ли он поступил, выдав деньги. Я уверял его, что он поступил правильно. Понадобилось зерно для горных районов. Я вызвал председателя районного национального комитета в Модром Камени Миро Клементиса. Зерно было, но как его переправить? Крестьяне боятся, что у них реквизируют лошадей. Хлеб нужно быстро переправить на пригронские фабрики и в деревни, для этого необходимы деньги на зерно и транспорт, документы на лошадей и к тому же охрана. И надо проследить, чтобы все попало по назначению. Так сплошь и рядом. Как осуществлять тысячи повседневных дел без народных органов, без доверия к ним, без их широких полномочий?

Было необходимо неустанно отстаивать права национальных комитетов. В «Новом слове» от 24 сентября 1944 г. я писал: «Когда мы говорим, что единственным носителем политической власти является народ, мы понимаем это буквально. В этом восстании словацкий народ взял всю политическую власть в свои руки. Через национальные комитеты, через Словацкий национальный совет, через политические партии... Проявляются сейчас, будут проявляться и впредь попытки ограничить инициативу народа и влияние масс посредством всяческих предписаний и параграфов. Пройдет несколько недель восстания, и, возможно, прозвучат призывы устранить революционные народные органы. Параграфы могут тормозить живые и неизмеримые силы народа и его инициативу. Всякая революция включает в себе тенденцию завершиться в лабиринте бюрократической машины. Но это застой и конец. Мы должны быть начеку, охраняя права народных органов. Никто меня не убедит, что один бюрократ решит дело лучше, чем десяток народных органов. Уайльд где-то писал, что беззаконие заключается не в наших

поступках, а в том, в кого мы превращаемся. И мы стали бы могильщиками народного революционного энтузиазма, могильщиками народной демократии, если бы не оставили за этими народными органами право решать, которое им единственным и принадлежит. Этого беззакония надо всеми силами избежать. Избежать идейной проституции, политической спекуляции, пресечь бытовавшее прежде жульническое политиканство и политическое надувательство. Наша словацкая революция может успешно развиваться гармоничным путем прогресса только и исключительно в своей демократической народности...» Для коммунистов это был принципиальный вопрос.

Договориться об удовлетворительной нормализации национальных комитетов не удавалось. Учащались и конфликты национальных комитетов с центральными органами. Некоторые вопросы необходимо было решить временно. После долгих дебатов были составлены временные директивы представительства внутренних дел, опубликованные 30 сентября 1944 г. Не все в них решено было наилучшим образом, но генеральная линия, о которой идет речь в настоящей главе, была сохранена. В «Правде» эти директивы были опубликованы с моим политическим предисловием: «Местные национальные комитеты и районные национальные комитеты являются политическими органами нашего антигерманского сопротивления, нашей национальной революции. Их деятельность трудно заключить в параграфы и мертвую букву. В сопротивлении и в революции все зависит от инициативы, от самостоятельного решения и находчивости борцов и их организаций. Поэтому главное, чем должны руководствоваться национальные комитеты, и местные и районные, это тем, что в данной ситуации и в данном месте необходимо для успешной борьбы, для победы...»

Так обстояло дело на практике. Ситуация на фронтах менялась ежедневно. Десятки тысяч людей пришли в движение. Из районов, оккупированных немцами, на свободную территорию бежали мужчины, женщины, дети. Мужчин надо было определить в вооруженные отряды или на работу, позаботиться о

женщинах, детях, стариках. Это были наши люди, они поддерживали нашу борьбу против фашистов. Кто должен был заботиться об этих и других проблемах (например, обеспечивать связь с оккупированными районами)? Эту задачу выполняли районные национальные комитеты, которые в случае временной оккупации их района перебирались на свободную территорию и, пусть иногда в неполном составе, заботились о своем районе. Происходило сочетание легальной и нелегальной работы, продолжалась работа, начатая еще до восстания и не прекратившаяся и после оттеснения повстанцев в горы. Борьба не кончилась, революция продолжалась, должны были жить и работать и ее органы. Их постоянно приходилось защищать от вмешательства буржуазии и бюрократии. 1 октября 1944 г. я писал в «Новом слове»: «Мы не представляем себе иной формы выражения воли народа и его участия в политическом и государственном управлении, но мы знаем, как исключить недостатки всех партий и злоупотребление ими положением отдельных людей. Ключ к этому лежит в расширении политической демократии на экономическую и социальную области и в перенесении или, если говорить исходя из сегодняшней ситуации, в оставлении большей части решающей и исполнительной власти в руках самых широких и самых низовых народных органов... Поэтому, когда мы говорим о народной демократии, социальной или социалистической, мы имеем в виду политическую власть, повседневно осуществляемую и контролируемую народом».

И хотя во время восстания не удалось провести через Словацкий национальный совет удовлетворительное решение относительно национальных комитетов, коммунистическая партия сохранила их положение как революционных органов власти народа. Необходимо отметить также, что руководство Коммунистической партии Словакии до восстания и потом в расширении значения национальных комитетов и своего политического влияния на них видело перспективу будущего решения государственно-политической ситуации в Словакии. В национальных комитетах мы видели «советы» и в будущем решающий «съезд советов». Уже

Рождественское соглашение определяло задачу «свободно избранных (назначенных) представителей словацкого народа». В декларации Словацкого национального совета также говорится, что Словацкий национальный совет будет сосредоточивать в своих руках всю власть в Словакии «до тех пор, пока словацкий народ демократическим путем не определит законных представителей». Представители «гражданского» лагеря эти формулировки коммунистов толковали по-своему. Мы их не опровергали, но рассчитывали, что в соответствующее время на общесловацком съезде национальных комитетов будет избран новый Словацкий национальный совет и решен вопрос о власти в Словакии. Этот вопрос был сформулирован после совещания в Москве со Шмидке в директивах московского руководства КПЧ от 23 августа 1944 г.: «Руководящим органом словацкой национально-освободительной борьбы и единственным правомочным представителем словацкого народа на родине является Словацкий национальный совет, а после освобождения Словакии — общесловацкий съезд национальных комитетов... Словацкий национальный совет созывает общесловацкий съезд национальных комитетов, перед которым Словацкий национальный совет отчитается в своей деятельности и которому передаст свои полномочия... съезд... изберет новый Словацкий национальный совет...» Тогда имелось в виду выступление в Словакии, координированное с одновременным наступлением Советской Армии, и более или менее скорое освобождение всей Словакии. По расчетам Коммунистической партии Словакии, общесловацкий съезд национальных комитетов в новой ситуации (после освобождения) должен был отразить истинное соотношение политических сил в Словакии, то есть явное преимущество сил трудящихся и коммунистической партии. И в виду перспективы революционного решения Коммунистическая партия Словакии строила национальные комитеты именно в таком направлении и защищала и удерживала их положение у власти.

Развитие событий, однако, пошло несколько иначе, чем мы предполагали, особенно развитие партийно-политической обстановки, после московских переговоров,

а также создалась иная партийно-политическая обстановка в чешских областях. Не случайно К. Готвальд в своем письме Молотову от 2 сентября 1944 г. так характеризовал борьбу в Словакии (по информации Шмидке): «Определяющий характер этой борьбы — национально-словацкий, своими обстоятельствами напоминающий борьбу в Югославии...» Не случайно Словацкий национальный совет по инициативе коммунистической партии послал во время Словацкого национального восстания телеграмму маршалу Тито. Политическое развитие в Словакии перед восстанием и во время восстания (кроме всего прочего, дискредитирование и ликвидация всех старых буржуазных партий, объединение коммунистов с социал-демократами, объединение профсоюзов, главенствующее положение Коммунистической партии Словакии и национальных комитетов, слабость и смятение в рядах демократической партии и т. д.) давало возможность и в Словакии решить политические отношения более пронизательно после освобождения.

И с этой точки зрения (так, как представляло себе ситуацию повстанческое руководство коммунистической партии) и следует определять положение и значение национальных комитетов во время восстания. Почти все председатели районных национальных комитетов были коммунисты: в Зволене (Блажовский), в Бановцах (Репка), в Превидзе (Свиток), в Новой Бане (Долинский), в Мартине (Мазур), в Жилине (Чап), в Модром Камене (Клементис), в Ружомбероке (Стрехай), в Кремнице (Горват), в Брезне (Готтер), в Гнушти (Клокоч), в Микулаше (Сокол) и т. д. Мы не располагаем статистическими сведениями о распределении политических сил в национальных комитетах во время восстания, но по своему опыту определяю примерно так: Коммунистическая партия Словакии (вместе с социал-демократами и симпатизирующими) — 60—70%, остальные — «гражданский» лагерь, причем влияние демократической партии распространялось не более чем на 20%. Это соответствовало тогдашнему соотношению сил, когда людацко-клерикальный лагерь выбыл из строя, когда все буржуазные партии вместе с ГСНП были запрещены и на освобож-

денной территории ликвидированы, а демократическая партия как новый конгломерат разнородных групп была в зародышевом состоянии. При этом соотношении сил можно было согласиться с «паритетом в Словацком национальном совете», поскольку более благоприятных условий для революционных сил нельзя было достичь соглашением. В национальных комитетах паритетное представительство никак не оговаривалось из центра, наоборот, я уже неоднократно подчеркивал, что коммунистическая партия просто отвергала паритетность. Были отдельные исключения, когда национальные комитеты на местах создавались на паритетных началах, но это исключение, и общей картины они не меняли.

Национальные комитеты во время восстания прошли школу собственного опыта, суровую школу революционного периода и национально-освободительной борьбы. Трудящиеся в необыкновенно трудных условиях учились управлять и решать сложнейшие проблемы, брать на себя ответственность и находить выход. Не все шло гладко и просто, ничего нельзя было заранее разложить по полочкам, поэтому были и ошибки и промахи. На собственном опыте и на собственных ошибках народ учился впервые в нашей истории сам решать свою судьбу, сам справляться со своими заботами и недугами. Я писал об этом в «Новом слове» от 24 сентября 1944 г.: «Ошибки и промахи народа, проявившего инициативу, нас не смущают. Народ учится на собственном опыте, а не на азбучной зубрежке. Когда отбрасывается старое, когда идут поиски новых форм и когда это происходит в революционной ситуации и боевыми средствами, ошибки и промахи означают рост или по крайней мере указывают дорогу прогрессу... Народ, добровольно отвергший покой и выжидание и вступивший на путь развития своих наилучших традиций,— такой народ сам определяет пути своего дальнейшего развития вперед...»

Опыт работы национальных комитетов во время восстания углублялся и распространялся по всей Словакии. По их образцу создавались национальные комитеты в областях, освобожденных Советской Армией, по их образцу перестроены были национальные

комитеты в Средней Словакии после освобождения, их опыт был распространен и на Западную Словакию.

Из опыта работы национальных комитетов во время восстания исходила и коммунистическая партия. В новой ситуации, но имея перед собой все ту же перспективу — на общесловацком съезде национальных комитетов определить дальнейшие шаги. Общесловацкий съезд национальных комитетов подготавливался с июня 1945 г. Местные национальные комитеты избирали своих делегатов на районные конференции, а те, в свою очередь, — делегатов на общесловацкий съезд. Съезд собрался в день первой годовщины Словацкого национального восстания — 29 августа 1945 г. в Банска-Бистрице. На нем явно преобладали коммунисты и симпатизирующие им борцы — повстанцы и партизаны. Этот демократический общесловацкий съезд народных представителей мог определить дальнейшее политическое развитие Словакии, укрепить позиции прогрессивных сил в национальных органах, потому что избирал новых членов Словацкого национального совета и депутатов Временного национального собрания. Однако этого не произошло, возможность не была использована, и по-прежнему сохранился паритет между Коммунистической партией Словакии и демократической партией. Причины этого следует искать в общегосударственном развитии в стране после освобождения, необходимо было учитывать общегосударственную ситуацию: (Четыре чешские политические партии договорились о равном представительстве в парламенте.) До какой-то степени эта ситуация повлияла и на изменения в Коммунистической партии Словакии, происшедшие на Жилинской конференции в августе 1945 г. Но эти вопросы уже выходят за рамки данной книги. Я хотел лишь показать, что руководство коммунистической партии при создании национальных комитетов во время восстания имело в виду революционную перспективу развития после освобождения.

Как в армии, так и в формированиях безопасности словацкого государства накануне восстания происходил процесс дифференциации. Многие члены этих органов сотрудничали с антифашистским движением,

большинство жандармов, находившихся на территории, охваченной восстанием, перешло на сторону восставших. Так было и с главным управлением жандармерии, эвакуированным в Штубнянске Теплице. После отъезда наиболее скомпрометировавших себя офицеров все управление присоединилось к повстанцам. В деревнях и небольших городах эти органы добровольно перешли в ведение национальных комитетов и под их руководством помогали восставшим. Национальные комитеты лучше знали, как вел себя тот или иной жандарм до восстания, и в зависимости от этого соответственно относились к нему. Свыше тысячи жандармов, которых снова стали называть четниками, присоединились к повстанцам вместе со своим главным управлением; таким образом, на территории, охваченной восстанием, был почти целиком состав органов безопасности.

Офицерские кадры четников имели тот же политический профиль, что и в армии. Они тяготели к «гражданскому» лагерю, с которым были связаны и сотрудничали и до Словацкого национального восстания. Низшие кадры четников в деревнях и в небольших городах поддерживали связь с местными органами, во многих местах — с коммунистами и с партизанами. Как и в армии, тут нельзя всех мерить одной меркой. Действительность такова, что большое число четников — свыше тысячи — открыто присоединилось к антифашистской борьбе, и этот факт следует оценить как исключительно положительный.

В первые дни Словацкого национального восстания четническое и армейское руководство решило, что четники как целое поступят в распоряжение армии. Коммунистическая партия Словакии не могла с этим согласиться: это нарушало бы положение местных и районных национальных комитетов, в ведение которых переходила ответственность за обеспечение безопасности во вверенных им районах. После долгих споров было решено, что главное управление четников будет подчиняться представительству по внутренним делам, а районные и местные формирования четников — районным и местным комитетам. Правда, личный состав, особенно в главном управлении, далеко не соответ-

вовал революционным представлениям. Однако в данной ситуации нельзя было отвергать людей, настроенных помогать восстанию, тем более людей, пользовавшихся поддержкой военного руководства и буржуазных кругов. Представительство по внутренним делам, районные и местные комитеты проводили терпеливую, кропотливую работу среди четников, с тем чтобы четники выполняли важную задачу по охране порядка в то время, как кругом шли бои, и чтобы при этом их деятельность не противоречила общей линии партии. В целом четники во время восстания вели себя дисциплинированно, четко выполняли свои обязанности, помогали национальным комитетам, обеспечивали безопасность повстанческой территории и обезвреживали врагов.

После освобождения бывших четников стали критиковать в силу причин, продиктованных новыми условиями, причем механически эта критика переносилась на период восстания. Это неправильно. С одной стороны, мы звали на борьбу с нацизмом всех, даже бывших людаков и гардистов, а с другой — когда на нашу сторону перешла целая армия дисциплинированных четников, мы не нашли для них доброго слова. В начале сентября 1944 г. меня как представителя по внутренним делам пригласили в Штубнянске Теплице на торжественную присягу четников. Выстроившиеся части присягали здесь на верность восстанию, народу, республике, подняв кулак в антифашистском приветствии испанских республиканцев. Чувствовалось воодушевление и решимость бороться с нацизмом за национальную свободу. Я побывал на линии фронта под Чremoшном. Один из участков удерживали боевые части четников: они неплохо воевали, среди них было немало убитых и раненых. Многие из четников воевали в партизанских отрядах. После оттеснения повстанцев в горы четники ушли частично с армией, частично с партизанами, разделив судьбу восставшего народа. Ради исторической правды надо сказать и это.

Национальные комитеты создавали милицию, вооруженные формирования из местного населения. Они выполняли различные обязанности: несли сторожевую

службу в населенных пунктах в целях безопасности, вели партизанские действия при приближении неприятеля. Милиция представляла собой добровольные соединения, которые организовывал национальный комитет и использовал для своих многообразных нужд. Кое-где они действовали вместе с четниками, кое-где работали совершенно самостоятельно, иногда случались и конфликты между ними. Все зависело от национального комитета — насколько он умел руководить обоими формированиями и определять их обязанности.

В представительстве по внутренним делам был организован специальный III отдел, задачей которого было охранять государственные интересы, бороться с нацистскими вредителями, шпионами и направлять работу остальных формирований безопасности. Здесь были сосредоточены члены партии, которым предстояло создать новое ядро органов безопасности для охраны интересов революционного народа и его борьбы.

Во время Словацкого национального восстания нельзя было продумать и тем более создать единую систему аппарата госбезопасности. Привлекались старые формирования — четники — и создавались новые — милиция и руководство госбезопасности в представительстве. Все эти формирования прошли через испытания повстанческих боев и революционного времени. Могу сказать, что испытания эти они с честью выдержали, свои главные обязанности выполняли хорошо, потому что существовал не только «внешний» враг, нацизм, но и тисовский режим. На повстанческой территории оставались политические враги, были всевозможные элементы, видевшие в революции подходящую возможность свести счеты, преследовавшие личные интересы, стремившиеся обогатиться, спекулянты и просто морально неустойчивые элементы. В революционное время процветает «революционная романтика», то есть мода ходить обвешанными револьверами, гранатами, красными лентами — правда, не на линии огня, а по городу в тылу, в кафе, играть оружием и зангрывать с властями, дающими оружие. Всегда появляются анархистски настроенные личности, убежденные, что «свобода пришла» лишь для то-

го, чтобы они могли делать, что им захочется, брать, что понравится, и распоряжаться направо и налево. Пока это носит характер безобидной игры, этому можно улыбнуться, но когда при этом окажутся невинные жертвы, создастся атмосфера неуверенности, бандитизма,— это уже дело серьезное. Мы смеялись над одним вечным студентом, сживавшим в бистрицком Народном доме и объявившим себя «первым летописцем истории партизанского движения», причем о его научной квалификации свидетельствовали револьверы и гранаты, которыми были набиты карманы его пиджака и брюк. Однако нам было не до смеха, когда стали приходить вести об убийствах из-за угла и других бандитских выходках. Революция не может оставаться безразличной к соблюдению революционной дисциплины, порядка и справедливости, если она не хочет лишиться симпатии и поддержки трудящихся масс и подорвать их решимость бороться с главным врагом — нацизмом. Немало преступных элементов втерлось в ряды повстанцев, паразитировало около партизанских отрядов, милиции, а кое-где — и национальных комитетов. Царский полковник, белогвардеец, сотрудничавший до последнего момента с фашистами, в первые дни восстания организовал союз партизанских отрядов, объявил себя начальником штаба и действовал соответствующим образом. Таких примеров, больших и малых, было достаточно. Всю Среднюю Словакию потряс случай, когда три человека 17 сентября арестовали одиннадцать человек (среди них были женщины и люди, поддерживавшие восстание), забрали у них деньги и ценности, раздели, расстреляли на мосту и трупы сбросили в Грон. Среди жертв оказался скомпрометировавший себя сотрудничеством с немцами католический священник, депутат от Глинковской словацкой людовой партии Шалат, но также и польские эмигранты, бежавшие в свободную Словакию, и другие. Население было возмущено, в Словацком национальном совете была буря. У руководства коммунистической партии, Словацкого национального совета, партизан и военного руководства было единое мнение — этот случай осудить как образец бандитизма. Виновных партизанский суд 22 сентября осудил на

смертную казнь, и приговор был публично приведен в исполнение.

С подобными явлениями, наносившими восстанию большой вред, необходимо было бороться. В соответствии с точкой зрения коммунистической партии я написал в «Правду» от 26 сентября 1944 г. статью «Революционный порядок», которую привожу здесь как свидетельство того, насколько руководство коммунистической партии придавало большое значение революционной дисциплине:

«У революции свои собственные законы. Она ликвидирует один режим и тут же создает новый. Уничтожает старые законы и учреждает новые. Ликвидирует полицейскую систему прежнего режима и вводит революционный порядок. Потому что каждый переворот, любое народное движение и любая революция свелись бы к анархии, если бы они не создавали прочные основы порядка, нового порядка, отвечающего идейному содержанию переворота.

В эти дни нам стало известно, что в Гайниках расстреляны два партизана и милиционер. Их расстреляли за то, что они присвоили себе право сажать в тюрьму, допрашивать и решать вопросы жизни и смерти граждан, их жертвами стали многие люди, некоторые из них враждебно настроенные, но в том числе и невинные. Этот факт, равно как и другие, свидетельствует об энергичных мерах руководства против произвола и злоупотребления властью, о том, что руководство освобожденной Словакии находится в твердых руках и не допустит никаких перегибов.

В первые же дни революции каждый должен вмешиваться во все дела, происходит разделение обязанностей, разграничение дел, ведется общественный контроль за исполнением доверенной власти. Солдаты и партизаны воюют, осуществляют оборону. Безопасность граждан, то есть с одной стороны — охрану личной безопасности и имущества граждан, а с другой — борьбу с политическим противником в тылу, сосредоточивают в своих руках органы безопасности — четники, полиция, представительство по внутренним делам в сотрудничестве с национальными комитетами. Совершенно немыслимо, чтобы кто-либо, пусть даже

это и партизан, терроризировал население по незначительным доносам. Как все мы должны помогать солдатам и партизанам в бою, так все мы должны помогать гражданской службе безопасности поддерживать внутренний порядок. Однако это не означает и не должно означать, что каждый из нас будет делать все или, лучше сказать, все, что хочет. Согласно постановлениям, изданным Словацким национальным советом, арестовать, лишить свободы, посадить в тюрьму гражданина имеют право только суды и органы гражданской службы безопасности, подчиняющиеся представительству по внутренним делам. Национальные комитеты сами арестовать не имеют права, равно как и освободить заключенного. В подобных случаях они всегда должны обращаться к органам безопасности. Вместе с тем необходимо, чтобы наряду с четниками и полицией и местная национальная милиция и прочие органы народной безопасности, подчиненные руководству национальных комитетов, точно и безукоснительно контролировали всех лиц, передвигающихся по нашей территории. Такая проверка необходима для того, чтобы к нам не могли пробраться шпионы и диверсанты, вражеские солдаты.

Необходимо подчеркнуть, что людей нельзя арестовывать из-за пустяков, мелочей. Революционная бдительность всего нашего народа, и прежде всего национальных комитетов, не должна притупляться, в то же время необходимо быть достаточно прозорливыми для того, чтобы решать, насколько опасен человек, велика ли степень его вины и необходим ли арест. Надо энергично предостерегать от сведения личных счетов, от мелочных доносов. Если выяснится, что кто-либо был арестован по личным мотивам, по преднамеренному доносу и т. д., то следует принять решительные меры по отношению к доносчику, который будет примерно наказан.

Я сказал бы, что революционный порядок требует от каждого повышенной ответственности за собственные поступки и решения, что перегибы должны караться более сурово, чем в нормальное время.

Дело, однако, не только в арестах. Дело в работе. Вся наша общественная жизнь идет по двум колеям:

военная борьба против врага и труд на полях, на заводах, в учреждениях, мастерских. Так как мы называем трусом и дезертиром того, кто сбежал с фронта, точно так же мы должны называть вредителем, трусом и дезертиром бездельника, который бежал от работы или уклоняется от работы.

Наш рабочий, крестьянин и большая часть интеллигенции честно выполняют свой долг. Работая не только в рабочее время, они вносят свой вклад в скорую победу. Нашлось, однако, и значительное количество нерадивых людей, которые проводят время в кафе, бездельничают в учреждениях и дома и растрачивают свои силы на пустую болтовню. Национальные комитеты и органы безопасности должны всюду принять по отношению к ним меры, такие же твердые и решительные, как против всех остальных врагов нашего восстания. Каждый трудоспособный человек должен приложить руки к делу, ибо мы придерживаемся принципа: кто не работает, тот не ест, и кто не идет с нами, того мы считаем нашим врагом.

Эти дни выдвигают перед нами много особых, специфических задач. Большая часть населения меняет или покидает место своего жительства: уходит от немцев, за семьей и т. д. Этот поток людей необходимо регулировать. Учреждения заботятся о том, чтобы как следует разместить и прокормить прежде всего женщин и детей. Необходимо, однако, чтобы все население поддерживало беженцев и подчинялось распоряжениям учреждений. Этого требует общая ситуация, этого требует революционный порядок.

Все население и в первую очередь национальные комитеты должны следить за соблюдением предписаний, касающихся снабжения и цен, за нормальным развитием хозяйства, за подавлением всех паникерских и провокационных слухов.

Революционный порядок — это порядок, который идет на пользу всему нашему народу. Ему должно подчиняться и его должно соблюдать все население. Тем самым будут искоренены самовольные выходы и станет невозможной деятельность злонамеренных лиц.

В военном и гражданском отношении у нас осуществляется твердое руководство потому, что мы живем во время революции; у нас должны быть и будут революционные меры, которые поддержат внутренний порядок, обеспечат личную безопасность, безопасность имущества, обеспечат каждому честному и лояльному гражданину спокойную жизнь и условия для работы и жизни».

Эта статья показывает, сколько различных проблем существовало на повстанческой территории, сколько проблем должны были решать повстанческие органы. Борьба против нацизма и фашизма была безжалостной. Однако мы никогда не унизили себя до жестокостей, которые практиковали на занятой территории нацистские части. При отступлении в горы возникла проблема, что предпринять по отношению к подозрительным лицам, которые были сосредоточены в превентивном лагере в Словенской Люпче. Высказывались и такие взгляды — расстрелять их как врагов. Я не согласился с ними. Там были сосредоточены лица, подозрительные в политическом отношении, но ни одно дело не было расследовано до такой степени, чтобы его можно было предложить суду. Мы решили следующим образом: содержать их изолированно, пока это физически возможно, а потом отпустить на свободу, предупредив, что мы вернемся к рассмотрению их деятельности после освобождения и уделим особое внимание тому, как они вели себя после того, когда мы отпустили их на свободу. Так и было сделано. Даже в борьбе нельзя терять чувства меры и справедливости.

* * *

Национальные комитеты и остальные органы народной власти и их взаимоотношения во время восстания развивались постепенно, в процессе труда и борьбы. Тут не было никакого готового шаблона, испытанного рецепта. Даже руководству Коммунистической партии Словакии не все было тотчас ясно, необходимо было накапливать опыт, а зачастую и импровизировать в соответствии с ситуацией. Революция тоже имеет свои противоречивые тенденции: с одной стороны, она

требуется участия как можно более широких масс и инициативы, с другой — твердого центрального руководства. Найти самый подходящий путь бывает нелегко. Этих поисков было достаточно и во время восстания, тем более что каждое принципиальное решение необходимо было согласовать с буржуазными партнерами, пробить его.

Во время Словацкого национального восстания была заложена основа существования политически господствующей позиции национальных комитетов как революционных органов народа, и на этой основе шло потом строительство после освобождения.

22. ПАРТИЗАНЫ В СЛОВАЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВОССТАНИИ

У словацкого народа во время восстания было два вида вооруженных сил для открытой борьбы с нацизмом: повстанческая армия и партизанские отряды. С первых часов восстания они совместно отбивали атаки немцев, воевали на повстанческих фронтах, приносили жертвы во имя победы над фашизмом, во имя нашей свободы. Без того и другого восстание невысказано. Оба они сыграли в антифашистской борьбе весьма положительную роль, оба оказывали влияние на формирование политической ситуации, атмосферы восстания. У них была общая непосредственная цель — разгром фашизма. И при этом имелось столько существенных различий (в традиции, кадровом составе, способе борьбы, политической ориентации и т. д.), что в их взаимоотношениях, в отношении политических сил к этим составным элементам восстания с особой остротой проявлялись почти все внутренние противоречия антифашистского лагеря, Национального фронта. Многих при оценке событий, связанных с восстанием, это приводит к ошибкам.

Коммунистическая партия Словакии перед восстанием подготавливала партизанские отряды и поддерживала их как вооруженные силы народа, как свою народную армию. Прибытие организаторских групп из СССР в августе и позже, а также приход советских партизанских отрядов из Польши вызвали размах партизанского движения, усилили в военном и политическом отношении его специфическую роль в восстании. Однако Коммунистическая партия Словакии из всех сил старалась привлечь к антифашистской борьбе и максимальную часть стотысячной словацкой армии, посылала туда своих членов, поддерживала мобили-

зацию. Армия пополнялась рабочими, крестьянами, трудящимися. Ибо первоочередной задачей была борьба против фашизма, и только в рамках этой борьбы партия стремилась усилить господствующие политические позиции трудящихся масс. Если мы хотим правильно оценить события, то мы должны видеть обе стороны медали: совместную борьбу против фашизма и противоречия внутри антифашистского лагеря, усилия, направленные на разгром нацизма, и стремление уже в процессе этой борьбы завоевывать гегемонию с перспективами на период после освобождения.

Партизаны внесли свой почетный вклад в борьбу с немецкими частями как на повстанческих фронтах, так и в тылу врага, начиная от боев при Стречне, Телгарте, Гандловей, Ялней, в течение всего восстания, вплоть до типичной партизанской войны при отступлении в горы. Они поддерживали части разбитой армии на востоке, были единственной боевой силой на западе. Их боевая деятельность, их мужество, героические действия отдельных лиц и групп были много раз и подробно описаны. Я не хочу повторять здесь факты, известные общественности.

Партизанское движение сыграло весьма значительную роль в политической эволюции восстания, оно оказывало влияние на решение проблем до самого освобождения. Оно считалось армией партии, коммунистической армией. Не потому, что большинство партизан были членами партии: большинство не были. Но Коммунистическая партия Словакии была инициатором и организатором партизанского движения до Словацкого национального восстания и полностью его поддерживала и защищала во время Словацкого национального восстания. Его сторонниками были коммунисты и антифашисты, симпатизирующие партии, рабочему движению, Советскому Союзу, прогрессивной линии решения вопросов у нас и после освобождения. Во время Словацкого национального восстания партизанское движение было тесно связано с Советским Союзом, с Украинским штабом партизанского движения, с действиями Советской Армии. Во главе Главного штаба партизанского движения был коммунист. В этом же направлении проходило политическое

воспитание. Присутствие партизанских отрядов во главе с советскими или словацкими командирами с коммунистической ориентацией не могло не иметь существенного влияния и на политическую ситуацию во время Словацкого национального восстания, на распределение борющихся за власть сил. С точки зрения власти партизанское движение противостояло буржуазно ориентированному командованию армии; так Коммунистическая партия Словакии могла парализовать диктаторские наклонности некоторых офицеров, стоящих на правых позициях, держать в узде планы генеральской клики в Лондоне и ее людей на словацкой территории и планы местных буржуазных групп, так могла укрепиться позиция революционных национальных комитетов, заводских комитетов и всех других органов народной власти. Партизанское движение во время Словацкого национального восстания являлось очень важной составной частью народной революционной власти рабочего класса и его коммунистической партии. Я уже говорил, что во время Словацкого национального восстания на освобожденной территории были две армии. В борьбе против фашизма у них была общая цель, но в перспективе дальнейшего развития у нас, для которых именно в Словацком национальном восстании закладывались основы, эти две армии имели различную позицию: в то время как партизаны полностью поддерживали линию коммунистической партии на развитие народно-демократической революции, командование армии и большинство офицеров разделяли буржуазные представления лондонского правительства и местных кругов, в сущности, они были за восстановление старого, домюнхенского состояния. Два месяца Словацкого национального восстания, народный опыт и собственная деятельность народа на всех участках сыграли положительную роль в воспитании словацкого трудящегося человека в его политической ориентации. И в этом есть своя доля и партизанских отрядов.

В партизанских отрядах великолепно проявилась еще одна сторона, столь характерная для рабочего движения: интернационализм. И хотя абсолютное большинство партизан (около 90%) было словацкой

народности, в этом революционном движении участвовали также партизаны почти всех европейских наций. Русские и украинцы сыграли в нем выдающуюся роль организаторов, опытных бойцов и командиров, на многих участках они были движущей силой и душой партизанского движения. В отрядах воевало несколько сот чехов, что являлось свидетельством братских отношений наших народов. Нельзя забыть мужественной борьбы более 100 человек группы французских партизан, которая завоевала симпатии и восхищение. В партизанских боях участвовал отряд немецких антифашистов (из Словакии), группа болгарских партизан. Здесь же были и представители Югославии, Польши и других народов. На повстанческой территории с нашего согласия начали организовывать партизанские отряды венгерские товарищи (Ногарди, Келети и др.), которые посылали их потом на боевые действия на венгерскую территорию; здесь же действовал подпольный Центральный Комитет Венгерской коммунистической партии и отсюда (территория Зволена — Лученец) организовывал подпольную работу в Венгрии (их прокламации печатались в Зволене). И, таким образом, в разгар жестокой борьбы за национальную свободу здесь находило выражение интернациональное братство трудящихся, солидарность и помощь, выраженная прежде всего в боевых действиях партизанских отрядов. Повстанческая территория была единственной свободной территорией в Центральной Европе, в тылу нацизма, и сюда сходились люди, преследуемые по расовым, национальным или политическим мотивам. Здесь они находили свободу и возможность бороться с фашизмом. Это единство словацкой национальной борьбы и интернациональной борьбы против фашизма составляет одну из самых прекрасных сторон партизанского движения в Словакии.

Особенно важным является здесь отношение к чешскому народу. Еще перед Словацким национальным восстанием устанавливались связи с подпольным движением в Чехии; оттуда убегали преследуемые лица, включались в политическую борьбу у нас. (Лишь в качестве примера напомним инженера Л. Лингарда, который участвовал в подготовке Словацкого нацио-

нального восстания по партийной линии, участвовал в нем и выполнял важные задачи. Помимо прочего, он редактировал «Новое слово».) Во время Словацкого национального восстания речь шла прежде всего о том, чтобы помочь организовать в чешских землях партизанское движение. Уже при посещении Шмидке в Москве (август 1944 г.) чешские товарищи настоятельно просили об этом. Шмидке вместе с организацией Главного штаба партизанского движения делал попытки и в этом направлении. Словацко-моравские границы во время Словацкого национального восстания охранялись чрезвычайно строго. Поэтому только небольшому числу лиц удалось пробраться из протектората в Словакию и включиться в восстание. Помимо других, здесь нужно вспомнить группу из 18 жандармов из Остравы, которая вместе со своим командиром перешла к нам и мужественно боролась на фронтах, а многие ее члены отдали жизнь в словацких горах. История партизанской группы Яна Ушыка также показывает, насколько тяжелее были условия партизанской борьбы в протекторате. Группу Ушыка высадили в Турци, она пополнилась местными партизанами (около 70 человек) и была направлена в область словацко-моравской границы (Марикова — Маков), чтобы во второй половине сентября она перешла в Моравию. Нацисты об этой группе очень скоро узнали и снова вытеснили ее в Словакию. Позднее она снова перешла на территорию Моравии, однако в ее ряды проник агент гестапо и почти всю группу вместе с командиром Ушыком 2 ноября 1944 г. нацисты ликвидировали.

Эта группа проникла в Моравию первой, и ее члены понесли самые тяжелые потери.

Правда, вопросов, связанных с партизанским движением, было достаточно. Уже в первых боях распались некоторые иллюзии о легкой борьбе с нацизмом, проявило себя отсутствие координации действий армейских и партизанских частей, единого плана и командования. Совместные акции импровизировались на месте; если они не удавались, один сваливал вину

на другого. Возникли и увеличивались противоречия между командованием армией и партизанскими командирами, а немцы не ждали, пока мы разрешим спорный вопрос. Немецкие части оказывали нажим на словацкую территорию со всех сторон; чтобы остановить врага, нужно было использовать сразу же все вооруженные силы. Военное командование снова настаивало на том, чтобы ему были подчинены партизанские подразделения; партизанские командиры, которые прибыли из СССР — а их было большинство, — защищались, указывая, что они подчиняются командованию Украинского штаба партизанского движения. Проходила мобилизация в армию: кто вступил в партизанский отряд или уже был в нем (и военнослужащие), в армию не шли. Многие люди охотнее записывались в партизаны — некоторые по воодушевлению и убеждению, некоторые просто потому, что тем самым избегали призыва в армию. Такого договора или решения повстанческих органов не было, но создалось такое фактическое состояние. Партизанские отряды росли буквально как грибы после дождя и насчитывали более тысячи человек (например, бригада Величко — более 2 500 человек, Жингора — 1 500, Егорова — 2 800, Беликова — 1 300, Калинова и Волянского — 2 500, партизанские части в области Превидзе — до 5 000, группа Яна Жижки — 1 000 человек и т. д.). Увеличивались и другие, уже существующие партизанские части и формировались новые на всей освобожденной территории. Иногда нельзя было разобрать, где милиция, охрана и где партизанская часть, кто ее формирует, кто за ней стоит, с какой целью она создается. И везде требовали оружия, снаряжения, денег, всякого рода запасов. Требовали, а иногда и не требовали. Была свобода — просто брали. Много стихийности было и при образовании партизанских отрядов в начале Словацкого национального восстания. Партизанские части на повстанческой территории не подчинялись никому, кроме своих командиров, а их были десятки. Немцы давили на свободную территорию со всех сторон, на фронте были на счету каждый человек, каждая винтовка. В этом стихийном росте партизанского движения было много здорового народного антифашистского воодушевления на

борьбу с нацизмом. Но были и случаи авантюристического, спекулятивного использования хаоса тех дней, случаи, когда сомнительные и темные личности считали, что пришло их время. Проводить кадровую политику тогда не было ни возможности, ни времени, а среди военнопленных, которые убегали из лагерей в Словакию, были не только воодушевленные патриоты.

С началом Словацкого национального восстания резко возросла партизанская армия, в своем ядре, особенно где было советское командование, здоровая, народная, антифашистская, признающая политическое влияние коммунистической партии, но без единого руководства и командования. Сразу же после приезда Шмидке из СССР мы говорили и об этом вопросе — вопросе об отношении армии и партизан, вопросе единого командования. У Шмидке по этому вопросу уже было готовое мнение: будет создан Главный штаб партизанского движения Словакии, его верховным командующим будет он сам, необходимо провести это в Словацком национальном совете. Этому штабу будут непосредственно подчинены все партизанские отряды в Словакии. Шмидке как командующий введет дисциплину и наведет порядок. Помимо руководства партией, он сосредоточит в своих руках и все функции, касающиеся армии. Мы создадим главный орган в рамках Словацкого национального совета, который будет координировать армейское и партизанское командование, руководить обоими видами вооруженных сил. Шмидке будет в этом органе представлять коммунистическую партию, Словацкий национальный совет и партизанский штаб. Я согласился с этим планом, так как был убежден, что он разработан в Москве. По нему сохранялась самостоятельность партизанского движения, что было важно с точки зрения политической позиции армейского командования и влияния Бенеша, Ингра и их людей в армии, и одновременно становилось возможным объединение боевых сил на фронтах, единое руководство ими. Коммунистическая партия Словакии тем самым получала важные господствующие позиции в партизанских вооруженных силах и одновременно влияние в армии. Я согласился с точкой

зрения Шмидке, мы вместе продумали детали и метод осуществления плана.

Мы постепенно пробивали этот план в Словацком национальном совете. Он не нравился ни армейскому командованию, ни буржуазным партнерам. Голиан указывал на тяжелое военное положение и требовал непосредственного подчинения ему всех вооруженных сил, если он должен быть ответственным за приостановку немецкого наступления: партизаны, дескать, не принимают от него никаких приказов; партизанские командиры готовы договориться о совместных действиях лишь от случая к случаю. Буржуазные деятели в Словацком национальном совете хорошо знали, кто имеет решающее политическое влияние в партизанских отрядах. Они выдвигали возражения, что коммунисты создают самостоятельную армию, и остро критиковали действительные и мнимые недостатки в развитии партизанского движения. Положение политических и правящих сил в Словацком национальном восстании было, однако, таково, что и те и другие должны были шаг за шагом уступать.

7 сентября 1944 г. президиум Словацкого национального совета назначил К. Шмидке главнокомандующим партизанского движения в Словакии. Шмидке начал переговоры с командирами партизанских отрядов и подготавливал формирование штаба. В это время как эксперт Украинского штаба партизанского движения прибыл подполковник Храпко, который помогал Шмидке в его работе. 16 сентября 1944 г. президиум Словацкого национального совета создал Главный штаб партизанского движения, который 18 сентября начал свою деятельность под руководством Шмидке. Шмидке назначил своим первым заместителем подполковника Б. Маницу. Других сотрудников он выбирал из офицеров-коммунистов или офицеров левой ориентации, большинство составляли армейские офицеры. Так была создана многочисленная группа; решать основные вопросы ей удавалось, однако, очень медленно.

Главную партийную позицию в повстанческой армии Шмидке занял 6 сентября 1944 г. При реорганизации центральных органов был создан и корпус

уполномоченных по национальной обороне. В политическом отношении было договорено, что во главе этого органа будет военный с двумя заместителями для двух политических лагерей. Уполномоченным был назначен подполковник М. Ферьенчик, его заместителями К. Шмидке и М. Стык (от демократической партии). Эта тройка должна была руководить этим необычайно важным корпусом уполномоченных. Я говорю, должна была, потому что не руководила. Шмидке сосредоточил внимание на вопросах, относящихся к партизанскому движению, а вопросы, касающиеся армии, он затрагивал лишь время от времени.

2 сентября 1944 г. Словацкий национальный совет создал Совет по обороне Словакии. Как констатировал Леттрих на пленарном заседании Словацкого национального совета: «Речь идет не только об обороне освобожденной части Словакии, но прежде всего о части, еще оккупированной немецкими захватчиками. Эта оборона требует, чтобы была создана специальная организация, которая занималась бы всеми вопросами, связанными с военной властью и партизанскими отрядами в Словакии»¹. Постановление было согласовано со всеми частями и военным командованием. Тем не менее по этому вопросу развернулась дискуссия. В стенограмме говорится: «Доктор Гусак замечает, что этот проект он сам предлагал на президиуме СНС. Наша армия была создана из тисовской армии, и необходимо, чтобы она прошла известную очистительную стадию и политический контроль. Из армии гитлеровского союзника она не может сразу же стать армией союзника русского. Помимо этого, здесь имеется напряженность между армией и партизанами. Не было возможности ни одну из этих составных частей подчинить другой, и поэтому было необходимо создать инстанцию, в которой были бы представлены солдаты и партизаны под контролем Словацкого национального совета... Это постановление направлено прежде всего к тому, чтобы достигнуть совместных действий между руководством

¹ Протокол СНС, АСНС.

армии и партизан. Решения совета будут обязательны... для всех армейских и партизанских командиров и частей»².

Председателем Совета по обороне Словакии был главнокомандующий армией Словакии, ее членами были два представителя Словацкого национального совета, три представителя военного командования и два представителя Главного штаба партизанского движения. Президиум Словацкого национального совета 12 сентября назначил своими представителями в совете К. Шмидке и П. Затько. Представителей партизан назначил Шмидке. Позже, после прибытия в Словакию, представителями Главного штаба партизанского движения в совете были полковник Асмолов и Р. Сланский. Так был создан центральный орган, который мог и должен был решать главные вопросы, касающиеся армии и партизанского движения, мог и должен был руководить вооруженными силами восстания, направлять их усилия по единому плану борьбы на повстанческих фронтах и в тылу врага; только в этом и в сильном едином руководстве, направляемом коммунистами, была предпосылка боевых успехов армии и партизан.

К сожалению, действительность была иной. Силы повстанческой армии (около 60 тысяч чел.) и силы партизанских отрядов (около 20 тысяч чел.) в течение всего Словацкого национального восстания не удалось твердо скоординировать, подчинить единому плану и руководству. От случая к случаю заключались соглашения о совместных операциях, но единства действий армии и партизан так и не удалось достигнуть, противоречия между ними продолжали оставаться. На повстанческой территории существовали две независимые друг от друга армии, или же армия и десятки, в сущности, самостоятельных партизанских отрядов. Совет по обороне Словакии, от которого мы столько ожидали, не выполнил своей роли; вместо решающего органа, приказы которого «обязательны для всех армейских и партизанских командиров и частей», стал местом дискуссий, где обсужда-

² Там же.

лись жалобы военных на партизан и, наоборот, время от времени заключались соглашения об отдельных акциях.

Причин такого серьезного недостатка в руководстве вооруженными силами — объективных и субъективных — было много.

Роль руководящего деятеля во время революции необычайно важна, особенно на участке вооруженных сил. От его душевных качеств, физической энергии, способности быстро и правильно ориентироваться, от его организационных способностей и решительности, с какой он проводит в жизнь правильные решения, зависит многое. В Словацком национальном восстании ключевые функции партии и от имени партии в военных и партизанских вопросах выполнял К. Шмидке. Он был председателем коммунистической партии, председателем Словацкого национального совета, стоял во главе Главного штаба партизанского движения, был заместителем уполномоченного по национальной обороне и занимал решающую партийную позицию в Совете по обороне Словакии. И все функции требовали энергичной отдачи всего человека. Один человек все эти функции удовлетворительно выполнять не мог. К подобному сосредоточению функций инициатива исходила от Шмидке, он не слишком хорошо рассчитал свои силы и возможности. Ему не хватало и времени. Среди коммунистов Шмидке во время восстания был самым большим авторитетом. Он заслужил его самоотверженной работой за год подготовки восстания и во время восстания. Его имя неразрывно связано с национально-освободительной борьбой словацкого народа, с работой и успехами коммунистической партии. Он заслуживает уважения современных и будущих поколений. Заслуги или даже дружеские связи не должны мешать нам в критической оценке. Сосредоточение стольких функций в его руках не было удачным, мы говорили об этом и во время восстания. Следовало иначе разделить работу. Партия имела достаточно способных работников, хотя в вопросах военных и партизанского движения ни Шмидке, ни мы, остальные, не имели большого опыта. Опыт мы должны были приобретать на ходу. Ибо во время Словац-

кого национального восстания почти все зависело от инициативы и энергии коммунистов, они были и должны были быть движущей силой всех акций, проектов и решений. Вышеназванные военные и партизанские функции были недостаточно использованы в целях партии и народной борьбы. Функцию заместителя уполномоченного национальной обороны Шмидке практически не осуществлял. Представитель демократической партии целыми днями сидел в военной комендатуре, участвовал во всех совещаниях и ежедневно оказывал влияние на военное командование. К. Шмидке в военную комендатуру вообще не ходил, он лишь участвовал на некоторых совещаниях советов. Наконец после многих моих напоминаний, что партия совершенно зря теряет важную функцию для получения информации и ежедневного вмешательства во все армейские вопросы, лишь в половине октября он отказался от этой должности. (После этого на эту должность был назначен капитан А. Рашла, правда, он мог исполнять ее всего лишь неделю.)

Большую часть времени и энергии К. Шмидке отдавал работе в Главном штабе партизанского движения. Это было неповоротливое формирование. Вопросы решались медленно. Сланский, который с начала октября работал в Главном штабе партизанского движения как политический советник, писал 14 октября К. Готвальду: «Словацкий партизанский штаб, который уже был создан, переполнен офицерами словацкой армии, которых назначил сюда штаб Голиана. Это слишком большой аппарат, который мы сократим. Он является бюрократическим и стремится переносить военные методы работы на партизанское движение. Поэтому мы должны посвятить много времени его реорганизации»³.

Критика Сланского была не вполне справедливой. У него было много споров со Шмидке, особенно по вопросам формирования партизанских отрядов для чешских земель. И из цитированного сообщения можно видеть раздраженность Сланского по отношению к Шмидке. Отношения в партизанском штабе критико-

³ Словацкое национальное восстание. Документы. Братислава, 1965, стр. 692.

вал, однако, также Асмолов и другие, потому что недостатков там было много. Конечно, было сделано много полезного: было получено общее представление о партизанских отрядах, решался вопрос об их финансировании и обеспечении, вооружении и снаряжении, партизаны были поставлены на один уровень с солдатами (все финансовые средства для партизанского движения получались из государственной казны так же, как и в армии), проводились мероприятия по повышению политического воспитания в отрядах, уделялось внимание обучению партизан (самостоятельные учебные центры) и наведению дисциплины в отрядах и т. д. Таким образом, было проделано немало честной и полезной работы. К. Шмидке стремился укреплять дисциплину в отрядах. В приказе от 1 октября 1944 г. он говорит о введении удостоверений личности для партизан, о приеме новых членов в отряды: «...Приказываю командирам отрядов принимать лишь таких лиц, пригодность и надежность которых достаточно установлена и есть необходимость в их приеме...» Далее он пишет о дисциплине: «Я установил, что члены партизанских отрядов выступают и ведут себя не так, как должны выступать и вести себя дисциплинированные члены организованных военных частей. Каждый должен осознать, что партизан должен быть образцом не только гражданских, но и военных качеств, ибо, как добровольный боец за лучшее будущее народа, он представляет его цвет... Партизаны не только своей героической борьбой, но и своим поведением должны завоевывать доверие широких слоев нашего народа. Поэтому я запрещаю любые самовольные действия как отдельных лиц, так и групп партизан. Каждый партизан, носящий гражданскую или военную одежду, должен вести себя в обществе так, чтобы своим поведением не загрязнить и не обесчестить доброе имя партизан и идеалы, за которые они борются. Я приказываю сообщить об этом всем партизанам и их начальникам. Все командиры должны заботиться о том, чтобы этот приказ исполнялся как можно более строго»⁴.

⁴ Цит. по кн.: М. Кропилак. Участие солдат в Словацком национальном восстании. Братислава, 1960, стр. 152.

Однако здесь были и объективные препятствия. Партизанские отряды и их командиры признавали приказы ГШПД большей частью только в том случае, когда им это подходило. Дело в том, что они оставались исполнителями приказов Украинского штаба партизанского движения. «Большинство партизанских бригад, хотя и признавало создание этих органов для руководства и координации оборонительных боев на освобожденной территории (Главный штаб партизанского движения и Совет по обороне Словакии.— Г. Г.), оставалось, однако, и дальше под прямым руководством Украинского партизанского штаба, хотя бы уже в силу связанности партизанских акций с фронтовыми акциями Советской Армии...»⁵. Другими словами, действительное командование самыми крупными партизанскими частями продолжало оставаться в Киеве. ГШПД и Шмидке могли координировать, договариваться, убеждать, практически, однако, они не могли приказывать и вынуждать выполнять свои указания.

Отсутствие действительно единого партизанского командования Словакии оказывало влияние на решение главных вопросов партизанской борьбы. Одним из решающих вопросов был вопрос, где должны быть введены в бой партизанские отряды: на освобожденной повстанческой территории или же в тылу врага. Уже на первый взгляд ясно, что десятки партизанских частей принесли бы значительно большую пользу национально-освободительной борьбе, если бы они были переброшены в тыл врага, нападали на него с тыла, уничтожали его коммуникации и мобилизовывали народ на борьбу; тем самым они уменьшили бы немецкое давление на повстанческих фронтах и развернули бы борьбу на всей территории Словакии, активизировали бы тысячи других борцов Западной и Восточной Словакии. В действительности же партизанские отряды все более и более (по числу отрядов и их членов) по ходу восстания сосредоточивались на освобожденной территории. Многие авторы объясняли это тем, что партизанские части просто не могли уйти с осво-

⁵ С. Фалтян. Партизанская война в Словакии. Братислава, 1959, стр. 172.

божденной территории, потому что этого требовали интересы защиты повстанческих фронтов; это объяснение лишь частично соответствует истине. Я не собираюсь недооценивать вклад партизанских отрядов в защиту повстанческих фронтов, но факты таковы, что как Украинский штаб партизанского движения, так и руководство КПС, СНС и ГШПД в Банска-Бистрице всеми силами стремились перебросить партизанские части в тыл врага, однако с небольшим успехом.

Основные задачи партизанских отрядов определил генерал Строкач 31 августа 1944 г.: «Немцы оккупируют Словакию. Словацкий народ, партизаны, армия ведут под командованием народных командиров вооруженную борьбу против оккупантов. Исходя из этого, вашей главной задачей является помочь в борьбе за новую, демократическую Чехословакию. Договаривайтесь с патриотическими организациями и с армией об основных боевых задачах, подготавливайте народ к вооруженной борьбе и организуйте партизанские отряды. Захватывайте и защищайте города, пути сообщения и железнодорожные узлы. Парализуйте железнодорожный и автомобильный транспорт и мешайте переправе немцев. Уничтожайте их транспорты. Если не можете удержать города и железнодорожные узлы, то вместе со словацкой армией и вооруженными патриотами переходите к партизанским методам борьбы»⁶.

Когда ситуация со Словацким национальным восстанием немного прояснилась, когда образовалась свободная повстанческая территория, Украинский штаб партизанского движения в своей радиোগрамме от 5 сентября 1944 г. вменял в обязанность партизанским частям в Словакии: «Пошлите партизанские части в тыл наступающим немцам»⁷. Эту задачу Киевский партизанский штаб повторял неоднократно. Например, 9 сентября 1944 г. генерал Строкач снова приказывает партизанским командирам: «...в тыл немцев посылайте

⁶ АИИ КПС.

⁷ Цит. по кн.: С. Фалтян. Партизанская война в Словакии. Братислава, 1959, стр. 145.

больше диверсионных групп...»⁸. При создании Главного штаба партизанского движения в Банска-Бистрице и Совета по обороне Словакии одним из главных аргументов КПС было то, что необходимо расширить боевую деятельность на всю территорию Словакии, и прежде всего путем организации и засылки партизанских отрядов в тыл к немцам, в Западную и Восточную Словакию. К. Шмидке хорошо понимал эту задачу, мы с ним не раз говорили об этом в руководстве КПС. Руководство Голиана тоже настаивало на посылке партизанских частей в тыл, чтобы они там боролись с немцами, препятствовали их передвижению и помогали Словацкому национальному восстанию. К сожалению, если это и удалось, то не в достаточной степени.

Партизанские части, которые создавались в Средней Словакии перед Словацким национальным восстанием и в начале него, очень быстро увеличивались и, в сущности, оставались и дальше на освобожденной территории в Средней Словакии. В Западной Словакии во время Словацкого национального восстания действовало лишь несколько партизанских частей: часть Репта, которая возникла за несколько дней до Словацкого национального восстания, часть Угра, которая объединилась с группой Диброва, и группа Ушяка, предназначенная для Моравы, которая действовала в Словацко-Моравской пограничной полосе. В окрестности Бановице над Бебравой переместилась группа Т. Пола, которая объединилась с местными группами. Ни одна другая значительная партизанская часть не была переброшена на запад от повстанческой территории, хотя основной напор немцев был направлен именно с запада, хотя там были самые важные коммуникации немцев и т. п. Из Восточной Словакии, где партизанские части поддерживали действие солдат и офицеров двух словацких дивизий и вели жестокие бои с немцами в первой половине сентября, со второй половины сентября происходит переброска этих партизанских частей на свободную повстанческую территорию, что ослабляет партизанскую борьбу на востоке

⁸ Там же, стр. 146.

и еще более повышает концентрацию партизанских сил на повстанческой территории. Так, с востока перебрасывается на повстанческую территорию крупная бригада подполковника Степанова-Карасева, бригада подполковника Шукаева (в которой первоначально было более 4 тысяч словацких солдат и офицеров), часть капитана Квитинского, группа Мартынова, а в сентябре сброшенные с парашютом новые группы Снежинского, Садиленко, Лонгвиненко и другие. На востоке остается, по существу, лишь большая часть имени Чапаева, некоторые воинские партизанские части и небольшие группы. Этот подсчет, правда, не является полным; однако факт остается фактом, что в начале октября 1944 г. почти 70—75% всех партизан было сосредоточено на освобожденной повстанческой территории и что число партизан, оперирующих в тылу немцев, по сравнению с первой половиной сентября значительно уменьшилось. По-человечески такую эволюцию можно понять, если учесть трудности и риск партизанской борьбы в тылу у немцев и то, что многие части лишь формировались и пополнялись, у них не было достаточного боевого опыта и командирских кадров. Это, однако, не может изменить того факта, что большая сила партизан не была использована в тылу врага, для чего она прежде всего была создана, и что тем самым была ослаблена всякая национально-освободительная борьба. Эту тенденцию не удалось провести в жизнь, потому что даже после создания Главного штаба партизанского движения в Словакии не существовало единого руководства и командования партизанских отрядов, которые могли бы использовать эту силу в зависимости от интересов повстанческой борьбы. В этом положении ничего не изменилось даже с приходом полковника Асмолова (29 сентября 1944 г.), которого послал Украинский штаб партизанского движения.

Несмотря на все эти недостатки, необходимо видеть, что во время восстания в Словакии велась борьба не только на повстанческих фронтах, но и в тылу у немцев, в Западной и Восточной Словакии. И эту борьбу вели партизанские части. По мере сокращения повстанческой территории некоторые отряды или их

части перебазировались в тыл немцев, а многие части партизан боролись на окраине свободной территории, с которой имели непосредственную связь. Другие части передвигались с востока на запад и проходили через повстанческую территорию. Отсутствие единого командования не давало возможности координировать это движение, переброску и подготовку акций партизан с задачами на повстанческих фронтах.

Помимо отсутствия единого командования, мы должны отметить и другой недостаток словацкого партизанского движения: оно разрослось до массовых масштабов, по существу, в августе — сентябре 1944 г., у него не было достаточно времени и возможностей воспитать и обучить прежде всего средние и низшие командирские кадры, и у него не было своего боевого опыта. В армии были свои штабы, подготовленные офицеры, люди, которые все-таки знали свое «ремесло». А партизанская борьба — это тоже война, и ее законы, и специальные знания, и практический боевой опыт нельзя ни перескочить, ни отбросить. Тем более, что в партизанских отрядах было много людей, которые не проходили даже первоначального воинского обучения. Партизанские части увеличивали свою численность до 1 000 человек, а для руководства такими формированиями, для их боевого использования некоторые командиры не имели ни личных качеств, ни достаточно квалифицированных помощников. Этот специально-военный недостаток молодого словацкого партизанского движения следует учитывать при оценке его вклада в восстание.

* * *

Противоречия между военным командованием и партизанскими частями продолжали существовать в течение всего Словацкого национального восстания. Уже 9 сентября 1944 г. Голиан посылает в Лондон телеграмму: «Военная ситуация требует, чтобы партизанское командование было полностью подчинено Гаме (Голиану.— Г. Г.). В противном случае имеется опасность, что дело может дойти до трагических столкновений и недоразумений. Абсолютно необходимо, что-

бы Вы потребовали в Москве их подчинения военному командованию, майор Величко и капитан Егоров — у обоих есть радиосвязь с Москвой, и их приказы из Москвы отличаются от Ваших из Москвы»⁹.

29 сентября 1944 г. Ингр с согласия Бенеша послал Голиану следующие инструкции, касающиеся партизан:

«К вашему сообщению о подчинении партизан:
1. На освобожденной территории могут находиться лишь организованные части регулярной чехословацкой армии. 2. Партизанские группы могут быть организованы по распоряжению армейского командира только тогда, если они потом будут использованы для проведения акций, или формирования, или же усиления партизанского движения в тылу врага. 3. Если военные операции будут переведены в район действия партизанских отрядов, то необходимо оставлять в этом районе партизанские соединения вплоть до окончания военных операций. 4. Деятельностью партизанских отрядов руководит военный командир, который заботится по возможности и об их снабжении необходимым снаряжением всякого рода. 5. Членов партизанских отрядов, если они подлежат военной повинности и являются пригодными, необходимо сразу же записывать в воинские части, как только они выполнят свою задачу, которая указывалась выше. 6. Для облегчения командования или же руководства партизанскими действиями рекомендуется создать при комендатуре особое отделение, к которому будут прикомандированы и соответствующие органы больших партизанских групп. 7. По нашим данным, на этих принципах организовано и партизанское движение в Советском Союзе. На основе этих же принципов были включены в 1-й чехословацкий армейский корпус чехословацкие граждане, после того как они выполнили свои задачи в партизанских отрядах на советской территории. 8. С группами, которыми командуют советские начальники (Величко, Егоров), поддерживайте связь для того, чтобы их действия были согласованы с вашими операциями. Напоминаем, что совет-

⁹ АИИ КПС, телеграммы.

ские партизанские группы на нашей территории, с точки зрения советского командования, являются партизанскими в прямом смысле слова, так как оперируют во вражеском тылу. 9. Генерал Пика о сумме этих наших мероприятий будет информировать соответствующие советские инстанции и потребует необходимых указаний для командира советских партизанских групп. 10. Эти директивы я издаю с согласия министра национальной обороны Масарика и президента республики доктора Э. Бенеша как главнокомандующего чехословацкими вооруженными силами. 11. Информируйте Словацкий национальный совет. Ингр»¹⁰.

Голиан информировал об этом президиум Словацкого национального совета и отстаивал позицию Бенеша и Ингра. Представители буржуазного блока эту позицию поддерживали, представители КПС принципиально выступили против нее. По каким причинам? В конце сентября (после потери Турци) недовольство военным командованием достигло апогея: руководство Голиана остро критиковали представители Коммунистической партии Словакии в президиуме и на пленуме Словацкого национального совета за неспособность, за отношения между офицерами, за медленное проведение чистки и т. д. Далее, под маской «специального» решения отношений между армией и партизанами скрывалась явная тенденция подчинить себе «коммунистическую» армию партизан, взять ее под команду и под влияние местных и зарубежных буржуазных деятелей, вырвать ее из-под влияния коммунистов. Классовые противоречия в антифашистском лагере, которые в политическом отношении проявлялись в спорах между КПС и ДП, между КПС и офицерами, между КПС и лондонскими буржуазными деятелями, обострялись по самым разным вопросам, и особенно заметно по партизанскому вопросу. Здесь КПС отступить не могла. Кроме того, под командованием советских офицеров находились не только группы Величко и Егорова, но и целый ряд других; можно сказать, что всеми самыми значительными партизанскими группами командовали офицеры, присланные из СССР (со-

¹⁰ АИИ КПС, телеграммы.

ветские или словацкие). Результатом этих дискуссий было то, что Совет по обороне Словакии усилит свою координационную и руководящую деятельность по соглашению с ГШПД и введет в бой партизанские части или на фронтах, или же будет их посылать в тыл врага как можно в большем количестве. Только партизанская группа Тройана сама перешла в непосредственное подчинение Голиана, все остальные продолжали находиться под влиянием ГШПД.

Советские военные инстанции также знали о недостатках в координации боевой деятельности партизанских отрядов и армий. Партизанские части Словакии в конце сентября были подчинены партизанскому штабу I Украинского фронта. Тогда же в Банска-Бистрицу был послан опытный партизанский и военный работник полковник А. Н. Асмолов и как заместитель Шмидке включился в работу. Он стал членом Совета по обороне Словакии и, таким образом, мог влиять на решение военного командования.

Маршал Конев также решал вопрос единого командования вооруженных сил на повстанческой территории.

7 октября 1944 г. Военный совет I Украинского фронта обсуждал вопрос о положении в Словакии. Число партизан в Словакии к этому времени достигло примерно 15 тысяч человек. После совещания маршал Конев издал следующий приказ: «1. Образовать на освобожденной территории Словакии единое командование под руководством Виеста и подчинить ему все партизанские бригады, которые держат оборону освобожденных частей Словакии. Партизанский штаб должен координировать свою деятельность со штабом Виеста. 2. Штаб партизанского движения (Украинского фронта) должен руководить всеми подчиненными ему бригадами и отрядами и обеспечить их вооружение, особенно противотанковыми средствами. 3. Потребовать от всех бригад в тылу повышенной боевой деятельности на главных коммуникациях и уничтожать врага. 4. С помощью парашютистов и путем переброски отрядов из Словакии организовать партизанское движение в Чехии и Моравии. Штаб при выполнении этих приказов познакомит с этим

приказом также словацкий партизанский штаб и обеспечит вооружение»¹¹. Командирам партизанских отрядов в Средней Словакии 7 октября 1944 г. Конев приказал: «С целью объединения усилий всех вооруженных сил Средней Словакии на борьбу с немецкими оккупантами приказываю: 1. Партизанским бригадам и отрядам по оперативной линии войти в подчинение командующего 1-й чехословацкой армии генерала Виеста. 2. По организационным вопросам и вопросам политического руководства исполнять приказы оперативной группы штаба партизанского движения полковника Асмолова, который будет получать приказы по этим вопросам от Военного совета I Украинского фронта»¹².

Виест вошел в должность главнокомандующего армией 7 октября 1944 г. Он был информирован о приказе Конева и хотел взять в свои руки командование и партизанскими отрядами. Снова вспыхнули старые споры. Продолжали сохранять свою силу политические причины, по которым КПС возражала против такого подчинения; партизанские командиры также отвергали такое подчинение.

К. Шмидке 10 октября 1944 г. послал Димитрову следующую телеграмму:

«Просим объяснить следующий вопрос: поскольку в Словакии отдельные партизанские отряды действовали перед восстанием и во время восстания разрозненно, это вредило делу. Было необходимо создать центральный орган партизанского движения в Словакии и достичь координации его действий с армией. Словацкий национальный совет создал Главный штаб партизанского движения Словакии, и с тех пор с каждым днем улучшались отношения между партизанами и армией, что продолжается и до сих пор. Теперь после прихода генерала Виеста отдельные лица, как Егоров и Асмолов, получают радиogramмы от маршала Конева, в которых содержится приказ подчинить партизанские отряды командованию генерала Виеста. Этот приказ находится в противоречии с решением

¹¹ АИИС.

¹² Архив МО СССР.

Словацкого национального совета и может вести к ликвидации партизанского штаба, что поставило бы под угрозу достигнутую координацию действий партизан и армии. Генерал Виест подчинен лондонскому правительству, а не маршалу Коневу. Поэтому мы думаем, что речь может идти лишь о координации действий между партизанами, 1-й чехословацкой армией и ЧА, это мы делали и будем делать. Как только армия будет настолько сильна, что сможет защитить освобожденную территорию, мы перебросим партизанские отряды в тыл врага. Во главе армии и партизан стоит Совет по обороне Словакии, который подчинен Словацкому национальному совету. В этом Совете по обороне Словакии имеются представители армии, партизан и представители Словацкого национального совета, решения которых обязательны как для армии, так и для партизан. Поэтому мы просим объяснить, как следует понимать приказ маршала Конева. Шмидке»¹³.

В тот же день Димитрову была послана и другая телеграмма: «Мы получили шифровку Конева с приказом об оперативном подчинении всех партизанских отрядов Виесту. До сих пор оперативное руководство осуществлялось через штаб словацких партизан. Все оперативные приказы были всегда согласованы со штабом армии. Штаб словацких партизан был сформирован по решению Словацкого национального совета, который назначил начальником штаба своего представителя Шмидке. Мы считаем приказ Конева неправильным. Это вмешательство в компетенцию Словацкого национального совета. Партизанское движение является народным, а буржуазные армейские вожди могут привести к его ликвидации. Партизанское движение находится под влиянием КПС, однако Виест и прочие словацкие офицеры используют свои полномочия против нашего влияния. Просим вашего немедленного вмешательства. Шмидке, Сланский, Шверма».

Проблема единого командования достигла самых

¹³ АИИС.

высоких инстанций. Конев пишет Сталину о своем приказе:

«Данный приказ об оперативном подчинении партизанских бригад генералу Виесту встретил возражения со стороны членов ЦК КПЧ Сланского, Шмидке, которые говорят, что Виест был назначен Лондоном и подчинить ему партизанские отряды, как буржуазному деятелю, неправильно».

Конев полагает, что в данной ситуации на повстанческой территории следует иметь единое командование как словацких частей, так и партизанских отрядов, «чтобы избежать различий в организации вооруженной борьбы против немцев». Далее он сообщает, что партизанские отряды вне повстанческой территории полностью подчинены штабу партизанского движения фронта. «Военный совет фронта до сих пор не вмешивался в политическую деятельность повстанческого района в Средней Словакии, он руководил лишь партизанскими отрядами, которые были созданы и подчинены штабу партизанского движения фронта»¹⁴. Он просит разрешить вопрос.

После различных обсуждений и переговоров К. Готвальд сообщает в Банска-Бистрицу: «После ознакомления с приказом т. Конева и обсуждения с товарищами из армии мы считаем, что в организационном и политическом плане руководство партизанскими отрядами и партизанским движением Словакии необходимо, как и прежде, оставить в руках штаба партизанского движения. Однако чтобы при оперативном руководстве вооруженными силами Словакии дело не дошло до раскола, партизанский штаб должен действовать по единому общему плану, во взаимодействии с 1-й чехословацкой армией, а оперативные директивы партизанским отрядам должны согласовываться с генералом Виестом, командующим 1-й чехословацкой армией. Так следует понимать приказ т. Конева»¹⁵.

На практике это означало лишь то, что все остается по-старому. Здесь существовали две независимые

¹⁴ Архив МО СССР.

¹⁵ АИИС.

вооруженные силы, споры и напряженность между которыми были почти в порядке дня. Совет обороны, который собирался чаще, не мог разрешить эти споры. Представители армий и партизан хотя и договаривались здесь о совместных акциях, приказы по их осуществлению шли по двум линиям, и это значительно ослабляло общий эффект на фронтах. Пока спорные вопросы могли быть удовлетворительно разрешены, было необходимо подготавливать всеобщее отступление в горы.

В этой ситуации после 20 октября 1944 г. ГШПД организовал новое размещение отдельных партизанских частей так, чтобы они не попали в окружение на все сокращающейся территории, и рекомендовал им проникнуть во вражеский тыл. Некоторым частям это удалось сделать еще до общего отступления в горы, остальные отступали вместе с армией, потом они перешли к собственно партизанским методам борьбы, правда, их число было значительно меньше, чем прежде. Большая часть партизан при отступлении в горы возвратилась по своим домам. Некоторые части уменьшались в количественном отношении до 0,1 своего состава во время Словацкого восстания. (Например, группа Величко сократилась до 150—200 человек!) Оказалось, что недостаток боевой активности и прежде всего непосредственной партизанской деятельности подействовал на многих деморализующе. Р. Сланский в своем сообщении К. Готвальду от 14 октября пишет: «Значительно большую пользу (партизанским отрядам.— Г. Г.) принесло бы, если бы они могли быть посланы в тыл и бороться партизанскими методами. Это, однако, пока невозможно...» Повторяется старый аргумент, что партизаны должны бороться на фронтах, как будто бы действия в тылу не ослабляют врага значительно больше, как будто бы военное руководство и сама партия не предъявляли требования о перемещении за линию фронта. Далее он пишет: «Мы постепенно будем переходить к тому, чтобы отдельные группы высылались как диверсионные. Среди партизан есть много примеров недисциплинированности и мародерства. Партизаны получают плату 10 крон в день, паек про-

визии и сигарет, как солдаты в армии. Это влияет на них деморализующе. Руководство против недисциплинированности в бою...»¹⁶.

А Я. Шверма в письме К. Готвальду писал о партизанах: «Партизанское движение находится в наших руках. Но так как много бригад мы должны держать в тылу для потребности фронта, то случаи мародерства весьма часты. В этом отношении энергично наводим порядок...»¹⁷.

* * *

Шверма и Сланский после своего прибытия на территорию восстания (29 сентября 1944 г.) уделили исключительное внимание активизации борьбы в чешских областях и усилению партизанских групп Словакии. Была это, однако, трудная проблема. 14 октября 1944 г. Шверма пишет Готвальду: «О чехах, само собой разумеется, мы тоже заботимся. Здесь их значительно меньше, нежели мы предполагали, и их организация в боевые дружины труднее...» Сланский 14 октября сообщает: «А теперь о чешском партизанском штабе. Вместе с двумя людьми начал я вербовку чехов. Дело движется медленно. Здесь значительно меньше чехов, чем мы предполагали. Военные создают всевозможные трудности, не хотят чехов отпускать, особенно из политических соображений (не хотят организации партизанского движения в чешских областях). Пржикрыл привлекает чехов в свою бригаду, чем затрудняет мою работу. Отбор чехов среди партизан тоже идет медленно, поскольку они рассредоточены в частях на передовых позициях и нет данных о том, где они есть и сколько их. Организовал я чешский лагерь обучения, где сейчас 60 мужчин. Формируем 1-й чешский партизанский отряд. Чехи, живущие здесь, и чешские эмигранты из буржуазных слоев политически против партизанства. Они говорят, что это преждевременно, что в результате будут лишь новые Лидицы и т. п. Зато мо-

¹⁶ «Вопросы истории КПЧ», 1964, № 1, стр. 82—83.

¹⁷ Там же, стр. 79.

лодые люди, студенты, солдаты, как только узнают, что мы создаем, идут с радостью. Больше всего чехов на моравско-словацкой границе. Говорят о 2000. Однако эту цифру надо проверить...»¹⁸.

Как я уже отмечал, развитие партизанского движения Чехии определялось приказом Конева от 7 октября. Правда, провести его в жизнь было достаточно тяжело, так как условия там были иные, нежели в Словакии. Правительство Бенеша тоже пыталось организовать на территории восстания чешские отряды. Ингр 22 сентября 1944 г. телеграфировал Голлиану: «Я конспиративно призываю офицеров Чехии и Моравии к тому, чтобы они присоединились к вам. Организуйте их переход и постарайтесь, чтобы разбросанные группы из исторических областей были направлены к вам и организованы в отряды»¹⁹.

Нацисты, однако, предвидели, какая опасность им грозит, если пламя Словацкого национального восстания перекинется в протекторат. Они предприняли строгие меры, чтобы сделать невозможными любые связи; тем не менее отдельные лица и небольшие группы проникли на территорию восстания, где приняли участие в общей борьбе.

Ситуация, в которой боролся чехословацкий народ во время восстания в тылу немецких армий, со всех сторон окруженный более сильным и лучше вооруженным врагом, требовала иного способа борьбы, нежели тот, которому были обучены профессиональные офицеры в школе и который они практиковали во время восстания. Всегда, когда повстанческие фронты попадали в критическое положение, когда появлялась угроза потери освобожденных территорий, всегда всплывал вопрос об иных методах борьбы, более динамичных и маневренных. Много раз мы говорили об этом между собой и особенно с советскими офицерами. В этом отношении интересна и телеграмма от 6 октября, которую послал К. Готвальд (после совещания с советскими офицерами) в Банска-Бистрицу К. Шмидке и Я. Шверме. В ней говорится: «Само собой разумеется, оборона освобожденной территории

¹⁸ «Вопросы истории КПЧ», 1964, № 1, стр. 81, 83.

¹⁹ АИИ КПС, телеграммы.

имеет большое жизненное значение. Однако надо использовать такую тактику, чтобы сорвать планы врага, который хочет сосредоточенным и систематическим наступлением окружить наши боевые силы и уничтожить. Мы должны быть более оперативными, пробиваться в новые области, развивать борьбу в лесах, предпринимать смелые атаки на расположение наступающих немецких частей и т. д. В методах борьбы следует брать пример с югославского освободительного боя, в котором воюющие всегда знали, как приспособиться к самым трудным условиям борьбы, при этом их целью было сохранить свои боевые силы. Поскольку речь идет о боеспособности словацкого воина, необходимо учить словацких бойцов бороться всеми способами и средствами, как этого требуют формы народной войны, против технически вооруженного врага. В общем, я рекомендую энергично перенимать опыт военных действий югославов, что позволит преодолеть теперешний кризис. Мы просим вас учесть наши замечания и использовать в этом направлении свое влияние. Одновременно будут развиваться события в связи с помощью Красной Армии и чехословацких воинских подразделений»²⁰.

Кто, однако, должен был осуществлять «югославский метод борьбы» и послужить примером воинским частям? Им было партизанское движение. И отдельные отряды к этой цели должны были вести партизанский штаб. Трудно было требовать от Голиана или Виеста, чтобы они посылали воинские отряды в тыл немцев, когда примерно 15 тысяч партизан задержалось на освобожденной территории и в целом повторяло воинскую тактику обороны постоянного фронта. Это был заколдованный круг: чем меньше партизан действовало в тылу у немцев и связывало там их силы, тем сосредоточеннее был немецкий напор на повстанческую территорию. Чем сильнее был немецкий напор, тем больше сил — в том числе партизанских — требовалось на фронтах. Ни военное руководство, ни партизанский штаб не знали, как выйти из этого заколдованного круга. Естественно, это вредило нашей

²⁰ АИИС.

борьбе. Поэтому я и вспоминал о слабых местах и недостатках нашего партизанского движения. Два месяца — это был слишком короткий срок, чтобы мы ясно увидели все недостатки, учились на них и исправляли их. Мужественная борьба партизанских отрядов во время восстания в тылу врага и на всей территории Словакии, героические действия отдельных лиц и частей, их жертвы и заслуги были у нас уже сравнительно хорошо изучены и описаны. Эти строки о некоторых проблемах словацкого партизанского движения никак не умаляют общей роли партизан в нашей борьбе за свободу.

23. ПРОБЛЕМЫ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ

Главной вооруженной силой Словацкого национального восстания была повстанческая армия, то есть солдаты и офицеры словацкой армии, которые открыто выступили против нацистской оккупации, сражались против немецких дивизий и решением лондонского правительства были переименованы в 1-ю чехословацкую армию. После двух месяцев боев они были главной вооруженной силой Словацкого национального восстания как в смысле количества вооруженных сил, так и по своему участию в сражениях на повстанческих фронтах. Около 60 тысяч солдат и офицеров участвовало в этих боях. Объективно оценивая двадцать лет спустя роль повстанческой армии в Словацком национальном восстании, мы должны иметь в виду комплекс политических и профессионально-военных проблем, порожденных ситуацией, сложившейся в ходе Словацкого национального восстания, объективных и субъективных факторов, оказавших влияние на позицию армии.

Здесь возникает много вопросов: какой была эта повстанческая армия, каким был ее политический профиль, какую роль она сыграла в национально-освободительной борьбе словацкого народа, каким было ее руководство, какими качествами она располагала в военном отношении? Никакой упрощенный ответ — положительный или отрицательный — не исчерпывает сложности политической, равно как и военной проблематики, обострившейся в ходе Словацкого национального восстания. Ведь Словацкое национальное восстание было не только народной войной против фашизма, но и началом национальной и демократической рево-

люции. Поэтому противоречия внутри антифашистского лагеря выступают на первый план именно в связи с армией, вес которой хорошо сознавали обе главные силы при решении проблем после освобождения. Эти проблемы остро выступают у всех поработанных немцами народов, например у поляков, в венгерской и частично румынской армиях, в югославском случае и т. д., и, наконец, в борьбе за политический характер 1-го Чехословацкого армейского корпуса, сформированного в СССР.

В словацкой армии в течение 1944 г. возникла такая ситуация, когда, за исключением кучки фашистов и сторонников режима, уже никто не желал воевать на стороне нацистов и против СССР. Значительная часть этой армии, можно сказать, ее большинство, стремилась активно бороться против нацизма и словацкого фашизма. Повстанческая армия, бесспорно, была антифашистской армией, ее солдаты и офицеры решили активно бороться против нацизма и словацкого фашизма. Свое решение они подтвердили в ходе двухмесячных боев на многочисленных повстанческих фронтах, понеся тяжелые жертвы во имя поражения нацизма, во имя победы союзнических сил и возрождения ЧСР. Это был наиболее значительный вооруженный отряд народов ЧСР в борьбе за свободу, так же как и Словацкое национальное восстание было наиболее значительной и наиболее выразительной акцией в этой борьбе. Не видеть этого — значит быть политически слепым. Партия в это время не призывала солдат и офицеров вступать в ее ряды, голосовать за наше социалистическое будущее, против буржуазных планов лондонского правительства и т. д. Партия призывала словацких солдат и офицеров, чтобы они из лагеря нацистских союзников перешли в лагерь антифашистских бойцов, включившись во всенародную борьбу против нацизма. 60 тысяч солдат и офицеров повстанческой армии перешли на эту антифашистскую позицию, стояли на ней в ходе Словацкого национального восстания и за нее боролись. В этом состоит принципиальная характеристика повстанческой армии, ее солдат и офицеров. Эта характеристика распространяется и на повстанческое военное руководство, не-

смотря на ряд исключений политического и военного характера. Каждый, кто желал активно бороться против фашизма, за исключением скомпрометировавших себя элементов, приветствовался в повстанческом лагере и становился союзником в антифашистской борьбе. Таковыми как раз и были восставшие солдаты и офицеры. Об этом в последние годы стали забывать.

Приведем два документа, характерные для позиции руководства КПС и КПЧ по отношению к повстанческой армии в сентябре 1944 г. По поручению руководства КПС мною была написана и напечатана в повстанческой «Правде» 13 сентября 1944 г. статья «О словацком воине». (В том же духе днем позже была напечатана статья К. Бацилека о партизанах.) В этой статье, в частности, говорилось: «...в конце августа этого года открыто выступили и наши воины на родине, объявив бой Гитлеру и его фашистским пособникам в нашей стране. Подъем и воодушевление, с которыми выступили наши гарнизоны, партизаны и гражданское население в Трнаве, Ружомбероке, Микулаше, Мартине и других местах, поучительны и будут навсегда записаны в нашей истории. Наши воины способствовали национальному восстанию. Они предоставили возможность словацкому рабочему, крестьянину и интеллигенту свободно высказаться после долгих лет террора — смести фашиствующих господ.

Всякая борьба проходит через организационную стадию, содержит свои первые слабости и недостатки, имеет свои кризисы. В чем состоят эти недостатки у нас? В чем основа многих доброжелательных критических высказываний? Словацкая армия, как армия фашистского союзника, мертва. Ей противостоит новая армия — армия национально-освободительная, находящаяся в стадии зарождения. Она получила новое название, но должна прежде всего обладать новым духом — духом патриотическим, народно-демократическим, славянским и боевым. Пассивность и саботаж, поощряемые во время войны против русских, стали преступными в борьбе против немцев.

С тех пор как немцы напали на нашу родину, уничтожая наши города и села, убивая наших женщин и детей, ответ словацкого воина должен быть только

один: бить немецкую армию везде, где он с ней сталкивается, изгонять ее из Чехословакии.

Найдутся малoverы: они видят немецкое оружие, но не желают видеть собственной силы. Действительно, немцы представляют собой большую силу в Словакии, но мы имеем прекрасные природные условия для борьбы, мы имеем союзником самую лучшую армию в мире — Красную Армию, мы сражаемся в последней фазе этой войны, когда наша и союзническая победа гарантирована и обеспечена.

В нынешнее революционное время мы должны создавать революционную демократическую армию, дух и руководство которой будут соответствовать стремлениям нашего народа к свободе, лучшей жизни, осуществлению наших национальных и государственных целей. Патриотические солдаты и патриотические офицеры в обстановке взаимного понимания и любви, будучи связаны борьбой и общностью целей, будучи поддержаны всем нашим народом, гарантируют создание такой армии. Должны измениться также взаимоотношения между офицером и солдатом. Офицер должен быть отцом вверенного ему подразделения, он должен лишиться всего того паносного, что он приобрел в течение шести лет фашистского режима, если он хочет рассчитывать на то, что его приказы будут точно выполнены. Взаимное доверие, обоюдосторонняя отвага и преданность укрепляют ряды наших бойцов. В революционной армии должна быть также и революционная дисциплина. Каждый, кто не идет с нами, тот против нас. Кто идет против нас, тот наш враг. Если мы хотим победить, мы должны уничтожить врага. Необходимо уничтожить врага не только на другой стороне фронта, но и в собственных рядах. Товарищ Сталин в своем выступлении 3 июля, то есть в начале великой борьбы против немцев, говорил: «Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе...» Советский воин осознал ясные слова Сталина. Он разгромил огромные немецкие армии и в настоящее время находится на наших границах. И для нас действует то же самое: каждый солдат и каждый офицер, каждый член национального

комитета и каждый гражданин должен глубоко презирать трусливость и пассивность, обезвреживать изменников и саботажников и должен быть примером патриотического воодушевления и отваги. На руководящие посты в новой народно-демократической армии должны быть поставлены честные и чистые люди, твердого характера, не скомпрометировавшие себя сотрудничеством с тисовским фашизмом; их личные качества и патриотические чувства являются залогом того, что они будут образцом для своего подразделения. Наша армия, безусловно, должна избавиться от всяческого груза прошлого и по образцу наших героических партизан и бойцов из СССР, по образцу великой Красной Армии, воодушевленная революционным духом и революционным порывом, в братстве и дисциплине должна огненным мечом разбить те немецкие войска, которые Гитлер и Тисо направили против свободной Словакии.

Необходимо также изменить весь характер жизни Словакии. Из так называемого мирного объекта немецкой эксплуатации мы вступили в период борьбы, в период немецкого наступления на словацкую свободу. Поэтому мы должны перестроить всю нашу жизнь для потребностей фронта и обороны. Воин и партизан, находящиеся в бою, должны быть на первом плане среди наших забот, должны быть предметом нашей любви и почета. Их потребности, их обеспечение, заботы об их семьях должны быть на первом плане по сравнению со всем другим. Учреждения и штабы освобождаются от лишних людей, хозяйство, снабжение и все государственные дела сосредоточиваются на поддержке нашей справедливой и победоносной борьбы, на поддержке армии и фронта, на поддержке словацкого воина. Коммунистическая партия Словакии окажет всевозможную материальную и моральную помощь нашей новой, демократической народной армии, ее солдатам и офицерам, с тем чтобы их патриотический дух, их отвага не наталкивались на преграду и чтобы свою святую и боевую цель — освобождение всей Словакии — они как можно скорее победоносно достигли... Поэтому — все на поддержку народно-демократической армии, смерть не-

мецким оккупантам и их предательским пособникам!»

Из этой статьи хорошо видно, о чем шла речь в партии: на развалинах старой тисовской армии создать новую армию — армию народную, отвечающую новой революционной ситуации и связанную со всем трудящимся народом. В данный момент особенно важно было укрепить антифашистский дух армии, повысить боевые и моральные качества армии и предоставить ей всяческую поддержку со стороны народа. В этом направлении партия подготовила ряд конкретных мероприятий.

Подобную точку зрения занимало также и московское руководство КПЧ, которую выразил В. Копецкий 15 сентября 1944 г. в «Чехословацких листах». Копецкий, помимо прочего, писал: «С событиями в Словакии остается исторически связанным один важный факт: возрождение чехословацкой армии на домашней почве... Под живительной силой Словацкого национального восстания, охватившего большинство словацкой армии, словацкая армия тисовского предательского режима фактически распалась и перестала существовать. Словацкая национальная армия находится в настоящее время в подчинении чехословацкого главного военного командования. Усилившись благодаря мобилизации словацкого населения, она вырастает в ходе героических боев в Словакии в армию чехословацкого внутреннего фронта, для которой в Советском Союзе найдено почетное название: Чехословацкая народно-освободительная армия.

Так в ходе словацких событий был дан ответ на вопрос: как будут возрождаться чехословацкие вооруженные силы?..

Для многих политических и военных деятелей не было ясным, как будут обновляться чехословацкие вооруженные силы. Вырабатывались различные проекты возрождения чехословацкой армии с целью сохранить известную «преемственность», продолжать организацию в духе прошлой чехословацкой армии. Распространялась идея, что строительство новой чехословацкой армии будет происходить в сравнительно тыловых условиях, что обновление чехословацкой армии

будет творчеством искусных военных организаторов, исключительным делом военного аппарата и бюрократической администрации. Словацкие события, однако, показали, что чехословацкая армия, вопреки этим представлениям, возрождается на внутреннем фронте, она создается в борьбе, в ходе национально-освободительного движения, при прямом участии народа.

Обращают на себя внимание некоторые моменты, которые в связи со словацкими событиями характеризуют возрождение отечественной чехословацкой армии. Характерным является прежде всего момент национальный.

Имеет большое значение тот факт, что чехословацкая армия возрождается в связи с национально-освободительным движением словаков. То обстоятельство, что словаки располагают оружием, что они могли обратить его против немцев и использовать в борьбе за свободу,— это обстоятельство предопределило важную роль словаков при обновлении чехословацких вооруженных сил. Словацкие воины заняли в зарубежных чехословацких воинских подразделениях значительное место благодаря тому, что на фронте целые словацкие части переходили на сторону Красной Армии и к советским партизанам, чтобы участвовать в борьбе под знаменем чехословацкой армии на территории СССР. В Словакии самостоятельно сформировались крупные партизанские подразделения в составе вооруженных словацких бойцов. Однако самое знаменательное произошло тогда, когда регулярная словацкая армия на родине в своем подавляющем большинстве, в том числе и офицеры, включалась в подготовку вооруженного национального восстания против немецких оккупантов, в котором она наряду с партизанскими отрядами играла такую важную роль.

Эти боевые национальные вооруженные силы словаков стали основой новой отечественной чехословацкой армии. Целые воинские соединения словацкой армии во главе со своим командованием и штабами преобразовались в соединения чехословацкой армии. Под эгиду чехословацких вооруженных сил перешли в полном составе целые словацкие полки и батальоны, которые в настоящее время героически борются за сло-

ваккую свободу, за новую, свободную Чехословакию, добывая славу и честь не только словацкому народу, но также и чехословацкой армии, Чехословацкой республике. Все это придает создающейся чехословацкой армии новый, с самого начала определенный национальный характер. Становится ясным, что организм новой чехословацкой армии будет в условиях государственного единства чехословацкой армии более значительно включать национальные элементы по сравнению с предыдущей чехословацкой армией. В рамках единой чехословацкой армии должен быть сохранен словацкий характер тех воинских соединений, которые в настоящее время отличились в героических боях в Словакии. На основе национального равноправия необходимо заботиться также о назначении армейских командиров на высшие воинские должности, равно как и на должности в новом чехословацком генеральном штабе, где наряду с чехами должны быть представители из Словакии. Все это вытекает из того факта, что новая чехословацкая армия рождается в Словакии в ходе национально-освободительной борьбы словаков, рождается в боевом братстве чешского и словацкого народов, в совместной борьбе за свободную Чехословакию.

Обращает на себя внимание и другой характерный момент, вытекающий из словацких событий. Речь идет о Словацком национальном совете в Словакии, который наряду со словацкой армией и совместно с партизанскими отрядами подготовил вооруженное восстание словаков против немецких оккупантов. Словацкий национальный совет создал для подготовки и для ведения вооруженной народной борьбы специальный военный орган, в который были включены видные словацкие офицеры. Эта связь ведущих органов национально-освободительного движения со словацкой армией осуществлялась и на местах, поскольку речь идет о местных национальных выборах и военных гарнизонах. Участвовавшая в боях словацкая армия вступала в борьбу под руководством Словацкого национального совета и национальных комитетов. Борющаяся словацкая армия совместно с партизанскими отрядами дисциплинированно подчи-

няется Словацкому национальному совету и национальным комитетам как органам национальной народной власти, признанной в настоящее время и правящей на всей территории словацкого движения Сопротивления. Словацкий национальный совет, провозгласивший в Словакии обновление суверенитета ЧСР, руководил также словацкими воинскими частями и партизанскими отрядами под знаменами чехословацких вооруженных сил. Словацкий национальный совет и национальные комитеты проводили мобилизацию для борющихся армий и осуществляли все мероприятия, необходимые для героической борьбы армии, ее усиления и обеспечения всем необходимым.

Ясно, что без Словацкого национального совета, без национальных комитетов не было бы в Словакии национального антинемецкого восстания, равно как и выступления словацкой армии, не было бы ни провозглашения ЧСР, ни преобразования словацкой армии в чехословацкую, ни той могущественной силы воинской и партизанской борьбы словаков, свидетелями которой мы являемся. События в Словакии являются поучительными для всех...

...При таких боевых условиях вырастает в Словакии новая внутренняя чехословацкая армия, которая состоит из воинов и партизан, вырастает непосредственно из народа и включает самые лучшие боевые силы отборных воинских частей и народных вооруженных подразделений. Это армия подлинно народная. Армия и народ! В бурном драматическом развитии словацких событий раскрываются для нас в новых взаимоотношениях эти два главных фактора великих дел, которые требуют напряжения сил, требуют борьбы, крови и жизни... Поскольку в вопросах политического доверия к армии столь многое зависит от воззрений офицерского состава, то необходимо от всех офицеров чехословацкой армии ожидать, чтобы они избавились от вредного идеологического балласта и различных фальшивых ориентаций, чтобы они доказали свою политическую зрелость полным пониманием тех обстоятельств, при которых завоевана чехословацкая свобода... Они должны понять, что завоевание чехословацкой свободы происходит в связи

с национально-освободительным движением народа, что это происходит на Востоке, в союзе с победоносной силой СССР... Дисциплинированность армий должна проявиться прежде всего в ее дисциплинированном отношении к национальной и государственной мощи народа... Эту подлинно новую чехословацкую армию мы видим в настоящее время, армию, вырастающую из словацких боев...»

Необходимо было процитировать упомянутую статью для того, чтобы оживить позицию КПС и КПЧ по отношению к повстанческой армии периода Словацкого национального восстания и проблематику повстанческой, а также чехословацкой армии тех времен. Думаю, что полезно процитировать Копецкого и потому, чтобы показать убогость его последующих вымыслов и конструкций о «салонных заговорщиках», подготавливавших «дворцовый переворот», который должен был «сохранить Словакию при капитализме» и «перекрасить словацкое государство демократической краской», как об этом он писал в 1960 г. в своей книге «ЧСР и КПЧ».

* * *

Повстанческая армия политически развивалась в ходе Словацкого национального восстания. Революционная борьба народа, позиция КПС и народных органов власти, ожидавшийся приход Красной Армии — все это не могло не оказывать влияния на солдат и офицеров, тем более что в ходе мобилизации ряды армии были пополнены рабочими, крестьянами и интеллигенцией, которые несли с собой в армию антифашистские и революционные идеи. Процесс строительства армии, ее очищения и политического перевоспитания происходил непрерывно, однако его замедляли и тормозили многие негативные факторы.

Словацкий национальный совет подчинил себе армию. Он назначил Голиана главнокомандующим, 5 сентября 1944 г. присвоил ему звание генерала и члена Словацкого национального совета. 6 сентября было создано ведомство по делам национальной обороны во главе с военным (Ферьенчик) и двумя поли-

тическими представителями, один из которых был ведущим деятелем КПС (Шмидке). Совет обороны Словакии должен был координировать действия армии и партизан и одновременно усилить контроль Словацкого национального совета над армией. Словацкий национальный совет, и особенно его президиум, постоянно занимались проблемами армии. КПС с помощью этих органов влияла — и могла влиять еще сильнее — на решение всех проблем армии. Что же было главной причиной того, что перестройка и перевоспитание старой армии в армию народную и национально-революционную происходили медленно, с трудностями, неполно и непоследовательно?

Главной причиной было влияние и вмешательство Бенеша, его правительства, Ингра и лондонской генеральской клики в дела повстанческой армии, подчинение военного руководства Банска-Бистрицы лондонским приказам. Борьба за армию, о которой уже несколько раз упоминалось в этой книге, продолжалась в ходе Словацкого национального восстания. Лондонская буржуазная эмиграция не имела в антифашистском лагере Словакии благоприятной почвы. Ее планы захватить политическое руководство Словацким национальным восстанием Коммунистическая партия Словакии сорвала в самом начале восстания. Буржуазные элементы в Словацком национальном совете были вынуждены в ходе Словацкого национального восстания принять и защищать концепции руководства КПС. Для Бенеша не оставалось в повстанческом политическом представительстве практически ни одного человека, на кого он мог бы опереться, и даже Шробар его, по сути дела, оставил. Но тем настойчивее стремились лондонские правительственные круги овладеть повстанческой армией, ее руководством.

Это была сложная проблема. Словацкий национальный совет под влиянием КПС стремился отклонить вмешательство Бенеша и лондонского правительства в решения политических и других «домашних проблем». Но по отношению к армии не все обстояло так просто. Когда начались военные действия, Словацкое национальное восстание стало составной частью международного фронта союзников в борьбе

против фашизма. На международной арене Бенеш был признанным президентом, чехословацкое правительство было признано международной общественностью. Повстанческая армия была провозглашена составной частью чехословацкой армии, имевшей свои высшие органы в Лондоне. Восстание нуждалось в военной помощи, а ходатайствовать о ней на международной арене могло только лондонское правительство. Тем самым Бенеш, Ингр и военные деятели в Лондоне имели легальное право вмешиваться в дела повстанческой армии, а КПС и СНС должны были в этих делах — в интересах успеха Словацкого национального восстания — действовать весьма осторожно. Правда, вмешательство Лондона не имело бы успеха в армии, если бы повстанческое военное руководство не подчинялось с самого начала Бенешу и Ингру, если бы ведущие слои повстанческих офицеров не были склонны выполнять приказы Лондона.

Так, в отношениях с повстанческой армией сложилось двоевластие: Голиан и его ближайшие сотрудники воспринимали как приказы распоряжения Словацкого национального совета, признавая свою подчиненность ему, а с другой стороны, считались с директивами Бенеша и Ингра и признавали их верховную власть. Так в течение всего Словацкого национального восстания они лавировали между двумя противоположными концепциями и директивами (СНС — Лондон), стремясь не слишком разгневать ни одну из этих вышестоящих инстанций. В этом духе все и происходило. Это вело к непоследовательности и половинчатости при осуществлении всех важнейших акций. Такое положение можно проиллюстрировать, например, возведением Голиана в ранг генерала. Голиан принял это звание от Словацкого национального совета и подписывался на приказах как генерал. Однако, чтобы не разгневать Лондон, который утверждал, что присвоение такого звания является исключительным правом «конституционного» президента, он носил на униформе знаки подполковника вплоть до того, как был произведен Бенешем в звание полковника и генерала. Конечно, речь шла не только о таких мелочах.

Бенеш и лондонское правительство не отказались от своих планов захвата власти в стране и всеми средствами укрепляли свои позиции, особенно в армии. Они не верили достаточно и Голиану, из-за чего послали срочно в Словакию генерала Виеста. Не случайно в группе правительственного делегата Немца, которая прибыла 25 августа 1944 г. в Москву и готовилась править на освобожденной территории, находились два генерала: Виест, который в правительстве был государственным министром и помощником Ингра, и генерал Гассал, начальник военной канцелярии Бенеша. Еще перед началом Словацкого национального восстания Голиан получил из Лондона распоряжение ожидать Виеста. Поэтому свой первый приказ 29 августа 1944 г. он подписывает только как начальник штаба и в кругу офицеров сразу же сообщает, что командующим будет Виест, хотя Словацкий национальный совет решил иначе. Голиан в соответствии с лондонскими директивами отдает распоряжение принести армейскую присягу верности чехословацкому правительству и Бенешу. 5 сентября 1944 г. Краткий сообщает в Лондон, что Словацкий национальный совет присвоил Голиану звание генерала и главнокомандующего чехословацкими вооруженными силами в Чехословакии. Однако уже 7 сентября Ингр телеграфирует Голиану: «Генерал Виест был утвержден командующим первой армии, которая включает все войска, оперирующие в Словакии. Он прилетит сразу же, как получит в распоряжение самолет, что требует нескольких дней. По требованию Москвы о назначении генерала Виеста будет сообщено после его прибытия в Словакию. Поэтому это сообщение считайте как доверительную информацию»¹. Ни Ингр, ни его начальство не считали нужным запросить по поводу этого решения точку зрения Словацкого национального совета. Поэтому, в свою очередь, и Словацкий национальный совет игнорировал такого рода сообщения Ингра. Зато Краткий 9 сентября сообщал в Лондон: «Мы ожидаем с нетерпением Виеста. Его приезд усилит наше моральное состояние и улучшит ваше поло-

¹ АИИ КПС. телеграммы.

жение у нас. Политическая ситуация требует послать одного вашего политика в Словацкий национальный совет, который бы координировал вашу и здешнюю политическую линию. Предлагаем, чтобы немедленно прибыл Немец, с тем чтобы здесь он представлял чехословацкое правительство, находящееся в Лондоне... По радио постоянно подчеркивайте, что речь идет о правительстве в Лондоне, которое организует всяческую помощь из-за границы вопреки сепаратной помощи из Москвы»². Политический смысл миссии Виеста — укрепить позиции эмигрантской буржуазии — Краткий выразил весьма точно.

На постоянное требование из Лондона по поводу Виеста президиум Словацкого национального совета отвечал Бенешу и правительству 12 и 15 сентября 1944 г. следующее: «Наше движение Сопротивления началось в надежде на скорую и эффективную помощь союзников. Чехословацкое правительство в Лондоне по радио эту помощь обещало. С 28 августа активная авиационная деятельность над Словакией и Центральной Европой внезапно прекратилась. Помощь отсутствует, в результате чего повысилась перевозимость и возникло опасение, что все движение Сопротивления будет предоставлено самому себе, а чехословацкое правительство будет дискредитировано в глазах армии, партизан и гражданского населения. Просим помощи, главное — самолеты. Объясните бомбардировку Дубовой, которая, по нашим планам, должна была стать основной базой для пересылки горючего, необходимого нашему движению Сопротивления. Сопровождаемость армии и гражданского населения ослаблена... Пусть генерал Виест прибудет с чехословацкими подразделениями из России...»³. Виест между тем должен был прибыть сам и взять в свои руки командование армией. Словацкий национальный совет, по предложению коммунистов, с этим не согласился. Поэтому ответ был таков: «Пусть придет с воинскими подразделениями». Одновременно совет пожелал, чтобы было сообщено, каким образом Виест был назначен главнокомандующим, по чьему предло-

² Там же.

³ АИИ КПС, телеграммы.

жению. Лондонское правительство телеграммой от 25 сентября 1944 г. ответило на это фарисейским объяснением: «Миссия генерала Виеста, как командующего в Словакии, вызвана в ответ на прямое требование Словакии от 1 сентября, повторенное 5 и 11 сентября. Было высказано пожелание, чтобы Виест взял руководство операциями в Словакии. Президент считал необходимым сразу же ответить, сообщив генералу Виесту о его отъезде в Словакию. Он назначил его командующим и одновременно все словацкие воюющие подразделения переименовал в 1-ю армию... Генералу Виесту обо всем этом сообщил генерал Ингр в Москву телеграммой от 8 сентября...»⁴. Правда, Бенеш не считал необходимым запросить Словацкий национальный совет о его точке зрения. Это было его «конституционным» правом решать за тысячи километров из Лондона судьбу командования армией в Словакии. Голиан на прямой вопрос ответил, что получил из Лондона указание требовать Виеста и выполнил этот лондонский приказ. За эти действия, предпринятые за спиной Словацкого национального совета, мы Голиана резко критиковали. Одновременно через другие каналы было сообщено мнение Словацкого национального совета, что Виест может прибыть в Словакию лишь тогда, когда придет с воинскими соединениями. Таким образом, дело с его прибытием затянулось до 6 октября. Незадолго до его приезда Ингр, как главнокомандующий, послал инструкции о миссии Виеста. 5 октября он сообщил в Словакию: «Декретом президента республики от 19 сентября образовано командование 1-й армии, а дивизионный генерал Виест был утвержден командующим 1-й армией... Посылаем вам для информации приказ для командующего 1-й армией... Командующий армией... подчиняется непосредственно приказам главного командующего... Он будет командовать всеми чехословацкими подразделениями, организованными на территории Словакии, и направлять их операции в соответствии с директивами главнокомандующего...»⁵. Лондонские деятели стремились подчинить «прямо и

⁴ АИИ КПС, телеграммы.

⁵ Там же.

непосредственно» повстанческую армию, подчинить ее своим директивам, даже в оперативных вопросах, чтобы обеспечить позиции правительства в Словакии. На эту роль Виест им вполне подходил. Значительно больше, чем Голиан, который находился и под влиянием Словацкого национального совета.

После приезда Виеста в Словакию президиум Словацкого национального совета имел с ним беседу. Речь шла о том, каково его отношение к Словацкому национальному совету, готов ли он подчиниться политическому руководству Словацкого национального совета, признать его институты (ведомство обороны, Совет обороны Словакии и т. д.). Виест пообещал признать руководство Словацкого национального совета. Необходимо сказать, что в своей новой функции он вскоре стал опасаться, не слишком ли много надежд возложено на ту роль, которую должна сыграть армия в Словацком национальном восстании. Политическая ситуация в ходе восстания оказалась другой по сравнению с тем, как ее представляли в правящих кругах лондонской эмиграции. В речи 10 октября в Словацком национальном совете он заявил: «Я знаю, что меня ожидает тяжелая роль. Я не хочу ничего обещать, кроме того, что я изо всех сил стремлюсь честно выдержать испытание. Я верю, что это мне удастся... И желаю, чтобы Словацкий национальный совет ту поддержку, которую он оказывал армии, оказывал и в дальнейшем, постоянно стоял за нее и во всех ее делах был ее помощником»⁶. Словацкий национальный совет в данной ситуации согласился с мнением Виеста, чтобы не вносить сумятицы в ряды руководства армии. Виест был избран членом Словацкого национального совета. Шмидке от имени президиума на заседании Словацкого национального совета 13 октября 1944 г. провозгласил, что назначение Виеста на пост командующего произошло с согласия Словацкого национального совета: «Одновременно Словацкий национальный совет предлагает по согласованию с командующим 1-й армией назначить генерала Голиана заместителем командующего 1-й армией».

⁶ Запись СНС, АСНС.

Бенеш и Ингр строили с Виестом обширные планы. Повстанческая армия под руководством Виеста должна была стать основой для создания послушной домашней армии, основой главной вооруженной силы, подчиненной Бенешу. 14 октября 1944 г. Ингр пишет Виесту: «Я приказал генералу Пике уже 20 сентября, чтобы он переместил авиационный полк и 1-й чехословацкий корпус (в СССР.— Г. Г.) в твое распоряжение сразу же, как только произойдет их соединение с армией Словакии... Я полагаю, что при нынешнем состоянии военной организации Словакии было бы целесообразно вывести из подчинения корпуса (Свободы.— Г. Г.) некоторые подразделения и подчинить их непосредственно армии (Виесту.— Г. Г.) ...Я имею в виду прежде всего парашютнодесантные бригады... То же самое мы могли бы проделать с первой и третьей бригадами корпуса, чем могло бы быть подорвано командование корпусом...»⁷. Как известно, с Чехословацким армейским корпусом в СССР и его командующим Свободой Бенеш и Ингр имели много неприятностей и споров. Чехословацкое соединение в СССР находилось в советской среде и под значительным влиянием Красной Армии. Лондонского представителя генерала Кратохвила в период Дукельской операции советское командование отозвало с поста командующего. Командование взял в свои руки генерал Свобода.

* * *

Борьба за армию проходила на протяжении всего Словацкого национального восстания. Сошлемся при этом на две акции. Многие офицеры словацкой армии, примкнувшие к восстанию, были политически скомпрометированы или так или иначе разочарованы (например, неспособным или трусливым командованием). С самого начала восстания руководство КПС ставило вопрос об очищении армии, особенно офицерского корпуса. В течение шестилетнего фашистского режима в армию попали всякие элементы, которые в

⁷ АИИ КПС. Телеграммы.

новой ситуации, в условиях восстания, вредили делу. В президиуме и пленуме Словацкого национального совета возрастало число критических выступлений по адресу офицеров. Речь шла о их политической позиции, о их военной неспособности или прямой измене делу восстания. Эти критические голоса раздавались не только из рядов коммунистов. Например, на заседании Словацкого национального совета 12 августа 1944 г. деятель буржуазной группы Тварожек остро критиковал военное командование: «Констатирую, что Липтовский Микулаш был оставлен без боя нашим войском, там оставлено оружие и снаряжение, и немцы из наших же минометов обстреливали наши военные соединения. Так был оставлен и Ружомберок...» Тварожек требовал уделять больше внимания укреплению боевого духа нашей армии и в случаях проявления трусости или слабости принимать быстрые и энергичные меры... о неспособности наших офицеров говорит уже и улица»⁸. Полковник Бодицки, несший ответственность за сдачу Липтова, был арестован. Но вопреки всяким обещаниям и приказам он не предстал перед военным судом. Развернулась острая дискуссия об офицерах, и они были подвергнуты резкой критике на заседании Словацкого национального совета 22 сентября 1944 г., после падения Турца. Члены Словацкого национального совета указывали на конкретные ошибки, недостатки и случаи трусости офицеров, которые причинили восстанию большой вред. В дискуссии я выразил позицию КПС: «Немцы нынче биты на всех фронтах, только у нас в Словакии продвигаются. Невозможно поэтому избежать впечатления, что как раз у нас в Словакии имеются особые причины, которые делают возможным продвижение немцев, тем более что немецкому войску не присущ высокий боевой дух. Имеются конкретные указания на то, где эти ошибки произошли; этих ошибок, однако, целая цепь, и надо видеть их взаимосвязь. Причиной всего этого является то, что необходимая чистка, которая в гражданской области произошла весьма радикально, в армии находится еще только в зачаточном состоянии и проходит очень медленно и слабо.

⁸ Запись СНС, АСНС.

Необходимо внести в армию новый дух, пополнение ее добровольцами. Нельзя допускать, чтобы военная машина оставалась на прежних путях, сложившихся за пятилетие. Надо ясно сказать, что армия должна защищать освобожденную территорию, и если она не может ее защитить, то должна пройти сквозь очистительный огонь и свои старые методы должна приспособить к новому духу, и только тогда она будет что-то значить. Касаясь трусости среди войск, я заметил, что случай в Слиаче был сразу же расследован и трое виновных наказаны, что, однако, до сих пор вообще не было речи о каком-либо наказании среди офицеров. Есть люди, которые нам причинили гораздо больший вред... и все-таки теперь обсуждается вопрос, в каком размере жены этих вредителей могут получить оплату. Люди в наших областях честные и при хорошем руководстве могут успешно действовать. Необходимо настаивать на том, чтобы руководство было радикально улучшено. Предлагаем созвать заседание Словацкого национального совета, которое было бы посвящено военным вопросам и в котором бы приняли участие и офицеры генерального штаба, которые ответственны за предшествующие операции»⁹.

Такое чрезвычайное заседание Словацкого национального совета состоялось вечером 23 сентября 1944 г. Запись этого заседания не сохранилась, оно было тайное. На этом заседании обнаружились все кризисные моменты между народным революционным движением и военным командованием. После рефератов Голиана, Ферьенчика и Носека развернулась многочасовая дискуссия, в которой члены Словацкого национального совета, прежде всего функционеры КПС, в острой форме выразили обеспокоенность революционных масс относительно ситуации в армии. И я сам излил сердце в этой дискуссии. На заводах, в национальных комитетах и на остальных участках «гражданского» сектора революционный народ остро воспринимает борьбу с изменниками, коллаборационистами и трусами и приносит жертвы во имя победоносного завершения народно-освободительной борьбы. Десятки тысяч рабо-

⁹ Запись СНС, АСНС.

чих и крестьян вступают в армию, чтобы защищать свободу и свою страну. Тем временем в армии под прикрытием офицерского мундира скрываются скомпрометировавшие себя элементы и трусы, они кочуют по штабам и саботируют борьбу восставшего народа. На ответственные места военное командование выдвигает офицеров в соответствии со званиями, выслуженными в тисовской армии, а не по принципу личной честности, личных способностей и прежде всего преданности антифашистской борьбе народа. Примеров неспособного или трусливого руководства среди командиров чрезмерное множество, но ни в одном случае военное командование не делало относительно них каких-либо решительных выводов. Военное командование изолирует армию от восставшего народа, делает свою собственную политику. Институт офицеров по просвещению был введен лишь формально. Военное командование пренебрегает распоряжениями и директивами Словацкого национального совета, договаривается с лондонским генералитетом. Краткого Голиан посадил в свой штаб и управляет делами в соответствии с предписаниями Ингра, о которых, как это ни странно, не информирует Словацкий национальный совет. Ингр, если бы он даже имел лучшие намерения — в чем КПС весьма сомневается, — не в состоянии оценить ситуацию в Словакии и не может поэтому руководить военными операциями и армией. Словацкий национальный совет взял на себя всю ответственность за борьбу словацкого народа, а значит, и за борьбу повстанческой армии. Голиан это принял к сведению, но на практике не считался с этим. Совет обороны Словакии, который по отношению к военному командованию является высшим органом, Голиан не созывает и не дает ему возможности решать принципиальные и важные вопросы. Военное командование несет ответственность за напрасную потерю Липтова, Оравы, Турца, Приевидзе и Гандловой и своей неспособностью угрожает всему ходу Словацкого национального восстания и сохранению повстанческой территории. Случай с обороной телгартского участка показывает, как можно и как надо вести наступательные повстанческие бои. Там не боялись сотрудничества воинов, добро-

вольцев и партизан, и способный командир смог достигнуть замечательных успехов. Лондонское правительство ведет множество пропагандистских радиопередач о помощи восстанию, но за четыре недели Словацкого национального восстания дальше речей дело не продвинулось; мы, конечно, не считаем помощью вмешательство в отношения на освобожденной территории. Голиан надеется на Виеста, как будто тот может что-то изменить во фронтовой ситуации. Восстание, чтобы оно победило, нуждается в действительно повстанческой армии, народной, патриотической, революционной, которая бы решительно порвала с приемами и методами тисовской словацкой армии или предмюнхенской чехословацкой армии. Война идет не на жизнь, а на смерть в двух километрах от Банска-Бистрицы, и коммунистическая партия никому не позволит спекулировать революционной борьбой словацкого народа или предавать, саботировать ее то ли сознательно, то ли в силу своей неспособности. После четырехнедельного испытания руководство КПС не уверено, что сегодняшнее военное командование способно успешно осуществлять операции на фронтах восстания и в повстанческой армии. Поэтому предлагает, чтобы Словацкий национальный совет обратился к командованию Красной Армии, чтобы она прислала нам на помощь опытных советских офицеров, которые бы помогли овладеть критической ситуацией восстания и довести повстанческую борьбу до победы. В армии есть здоровые, антифашистские народные силы, достаточно и честных офицеров, однако нам необходимо способное и энергичное командование. Поэтому следует пригласить советских офицеров. Красная Армия является союзнической армией, мы убеждены, что она нам в этом поможет.

Офицеры ставки Голиана, объясняя обстановку, признавали серьезные недостатки, оправдывались, обещали улучшить положение. Им на помощь пришли деятели гражданских кругов в Словацком национальном совете. Они боялись прихода советских офицеров к руководству армией, боялись дальнейших разногласий с Бенешем и его правительством, боялись потери той прочной позиции, которую видели в командовании

Голиана, в приходе Виеста, в буржуазной ориентации большинства офицеров. КПС не удалось в Словацком национальном совете достигнуть единства взглядов по поводу приглашения советских офицеров и тем самым прийти к решающему качественному изменению — политическому и военному — в командовании армией. Среди повстанческих офицеров КПС не нашла личности, которая, будучи надежной в политическом и военно-профессиональном отношении, смогла бы обеспечить быстрый и решительный поворот в командовании армией. Она не могла рисковать перед лицом угрозы раскола между Словацким национальным советом и воинским руководством, равно как и правительством Бенеша.

Заседание кончилось компромиссными решениями, которые призваны постепенно улучшать ситуацию в армии: а) военное руководство подчиняется политическому контролю со стороны Словацкого национального совета и президиума СНС, будет еще более интенсивно заниматься воинскими проблемами; б) Совет обороны Словакии будет рассматривать и решать вопросы, касающиеся всех принципиальных проблем армии и партизанских подразделений; в) осуществится проверка офицерского и унтер-офицерского корпуса армии, армия очистится от всех скомпрометированных и трусливых элементов; г) на решающие воинские места будут определены способные офицеры, несмотря на возраст и звание. Руководство армии предложит к повышению по службе тех солдат и офицеров, которые отличились в боях. Словацкий национальный совет эти предложения быстро осуществит; д) более интенсивной станет политическая работа в армии. В качестве офицеров по просвещению будут посланы в армию опытные политические работники, не состоящие в армии; е) Словацкий национальный совет осуществит мероприятия по улучшению материальных потребностей армии и обеспечению семейных офицеров и солдат; ж) Голиан проверит все воинские штабы, уменьшит там число офицеров до минимума, а остальных пошлет на участки фронта. Будет строго контролировать моральное состояние офицерского корпуса и предпринимать меры против всех провинившихся;

з) лондонскому правительству будет снова высказано пожелание, чтобы оно интенсивнее оказывало воинскую помощь в восстании; и) дальнейшей мобилизацией будет пополнен количественный состав армии; к) партизанский штаб сделает все для максимального использования партизанских отрядов и координации их действий в соответствии с решениями Совета обороны Словакии.

После этой критики и постепенного осуществления мероприятий произошло определенное улучшение работы армейского руководства и фронтовых участков. Однако и в дальнейшем оставались двоевластие, влияние и директивы Лондона, продолжалась борьба за армию с буржуазными силами. Это двоевластие и буржуазное влияние ослаблялись всякого рода мероприятиями Словацкого национального совета, вдохновляемого коммунистами.

26 сентября 1944 г. Словацкий национальный совет принял решение о генеральной проверке офицерского и унтер-офицерского корпуса армии. Была создана специальная комиссия, которая должна была проверить каждого офицера, ротмистра и унтер-офицера и решить — принять или не принимать его в армию. Комиссия должна руководствоваться политическими критериями и не принимать тех, «которые не примкнули к чехословацкому отечественному движению Сопротивления, а также тех, принятие которых в чехословацкую армию находилось бы в противоречии с воинскими или иными государственными интересами. Лица, коих комиссия не примет, теряют право на какое-либо обеспечение и получение платы». За эту очистительную акцию был ответствен подполковник Ферьенчик, как уполномоченный по делам обороны. Акция, однако, протекала медленно, непоследовательно и осторожно. Первоначально все согласились с мотивами этого решения, с тем, что «главным интересом армии является то, чтобы в ее рядах были люди, полностью проверенные», и поэтому из армии должны быть уволены офицеры, «которые с точки зрения государственной или воинской являются нежелательными»¹⁰. Практика, однако, была иной. Здесь опять

¹⁰ Запись СНС, АСНС.

столкнулись революционная и буржуазная концепции относительно взглядов на армию и ее офицеров. Лондонские круги, как и всегда, стояли на стороне буржуазной концепции. Когда мы требовали энергичного осуществления и завершения акций, министр национальной обороны Масарик направил 17 октября в адрес Виеста следующий приказ: «В ближайшее время вам будут посланы распоряжения президента республики, приказ Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами, согласно которым будет осуществлена чистка офицеров, ротмистров и унтер-офицеров корпуса, привлечение надежных лиц из рядов офицеров, ротмистров и унтер-офицеров на командные посты в вооруженных силах и решение вопроса о пригодности этих лиц... После расследования поведения... в период оккупации особыми комиссиями будет издан декрет президента республики. Ограничьте поэтому свои мероприятия по отношению к офицерам, ротмистрам и унтер-офицерам до получения директив лишь недопущением к командным постам лиц, которые погрешили против ЧСР»¹¹.

Повстанческую армию могли ослабить, дезорганизовать и саботировать скомпрометированные и трусливые люди, в результате чего территория, находящаяся в распоряжении повстанцев, уменьшалась бы день за днем. Восстание могло вообще потерпеть поражение — напрасно было ожидать приказа Бенеша о чистке, ожидать комиссии Ингра и ограничивать акцию даже в тех случаях, когда здравый рассудок требовал поставить к стенке трусливого офицера, виновного в потере важнейшего участка. Правда, эмигрантская буржуазия имела свое представление о новой чехословацкой армии и ее офицерах, а также свои планы относительно их. Жизненные потребности повстанческих фронтов ее мало интересовали. Точка зрения Масарика соответствовала взглядам реакционно настроенных офицеров. Тем самым эта очистительная акция закончилась мизерным успехом. Директивы Бенеша до самого конца Словацкого национального восстания, само собой разумеется, вообще не поступили.

¹¹ АИИ КПС. Телеграммы.

Что касается «степени пригодности», то в этом смысле офицеры весьма мало считались с позицией Лондона. Повышения, которые во время Словацкого национального восстания осуществлял Словацкий национальный совет по предложению Голлиана и Виеста — а их было немало, — они принимали с большим пониманием, и для них не существовало вопроса о разделении компетенции между Бенешем и Словацким национальным советом. В этом вопросе воинское руководство полностью отражало авторитет Словацкого национального совета! Подобного рода тяжелую борьбу вела Коммунистическая партия Словакии с буржуазными силами и по вопросу о политической работе и политическом воспитании в армии. Здесь имел место не только страх по поводу «большевизации» армии, страх о проникновении влияния КПС в ряды воинских соединений, но сказывалось также и старое профессиональное воспитание офицеров предмюнхенской ЧСР — «армия не политизирует», «политика не касается армии». Определенная категория офицеров, даже честных антифашистов, не могла понять, что Словацкое национальное восстание представляет собой «чистую политику», что в этой борьбе воинская рутина излишня, что морально-политический фактор может быть в критические минуты повстанческих боев решающей силой. Боец должен точно знать, за что он борется, за какие идеалы и какие перспективы.

Политическое лицо офицеров повстанческой армии — во всяком случае, их большинства — определялось старым воспитанием офицерского корпуса до Мюнхена. Генерал Носко, бывший в период Словацкого национального восстания начальником штаба повстанческой армии, писал об этом в 1949 г.: «Силой, призванной оружием поддерживать идеологию и политику социалистических партий, были партизанские подразделения, которые наряду с этим, разумеется, имели главную цель — борьбу против оккупантов. Партии несоциалистические, в свою очередь, хотели иметь армию, если не под своим прямым и полным влиянием, то хотя бы в некоторой степени подчиняющуюся им. Армия под командованием политически необразованных и политически несознательных офи-

церов стремилась уйти от внутривойсковых вопросов, хотела лишь воевать за национальное освобождение... а уж потом за социальное освобождение, которое она, более или менее зараженная идеологией армии времен первой республики, считала делом политиков, а не солдат, и в этом суть. Поскольку армия во время восстания решительно не встала на сторону программы социального освобождения трудящихся масс словацкого народа, то она считалась орудием демократических партий и, будучи таковой, постепенно теряла доверие со стороны партизанских командиров, а также со стороны руководства социалистических партий... И борьба, которая проходила в рамках политических партий, естественно, отражалась и на взаимоотношениях партизан и армии. Во многих местах это приобрело даже острые формы, прежде всего в критический момент восстания, во время отступления в горы... Мы можем на фактах продемонстрировать, какой вред может нанести политически неподготовленный офицерский корпус... Мы, служащие повстанческой армии, приятно это нам сейчас или нет, должны откровенно признать, что пусть не намеренно, но своей неопределенной позицией по этим вопросам (то есть по социально-политическим целям трудящихся.— Г. Г.), становились тормозом на пути полного освобождения трудящегося человека... Это отношение к идеологии и аморфность я считаю первопричиной неудачного перехода 1-й чехословацкой армии к партизанским формам борьбы... Только бойцы, обладающие высокими моральными и политическими качествами, с ясно и конкретно выраженными целями, были способны вынести тяготы зимних партизанских боев»¹². Носко, правда, судит о вещах весьма упрощенно, ведь беспартийность офицеров не означала их аполитичности. Наоборот, в действительности большинство из них совершенно сознательно были сторонниками буржуазно-капиталистического общественного порядка. И не случайно, что на эту ориентацию офицеров опирались Бенеш, Ингр, Виест, Урсини и ряд дру-

¹² Сборник Института СНВ, год изд. 1 (1949). Банска-Бистрица, стр. 9--11.

гих буржуазных деятелей. Правда, многие офицеры в ходе Словацкого национального восстания очень быстро начинали яснее видеть политические связи национально-освободительной борьбы, равно как и политические причины неудач повстанческой армии. В ходе Словацкого национального восстания их «неполитическая» позиция по отношению к проблемам воспитательной работы и политического воспитания в армии была серьезной преградой укрепления боевого духа и политической сознательности армии.

Долго пришлось убеждать военачальников в том, чтобы в армии был введен институт пропагандистов. Произошло это примерно в половине сентября. Военные, однако, настаивали на том, чтобы эти пропагандисты были из среды офицеров. И сами производили отбор. Малочисленная группа офицеров-пропагандистов была «прикомандирована к оперативному отделу командования, от него получала инструкции, информации о ситуации на боевых участках... Просветительскую работу, военно-политическое воспитание мы проводили с тем расчетом, чтобы в соответствии с указаниями оперативного отдела или собственным нашим решением могли переходить в определенное время на тот или другой боевой участок... Мы посещали подразделения и в беседах с бойцами, особенно перед выходом на боевые позиции, освещали им историческое значение тех дел, участниками и творцами которых они были сами, призывали их быть стойкими в бою, а если надо, то пожертвовать и жизнью»¹³, — пишет Штефаник. Это был шаг вперед, но незначительный, учитывая потребности времени. Оперативный отдел был слабоквалифицированным, чтобы руководить просветительской работой. И эта работа оставалась, в сущности, в рамках «аполитичных» убеждений офицерского корпуса. Несмотря на это, я не намерен недооценивать этой работы.

Руководство КПС все больше оказывало давление на военное руководство и на Словацкий национальный совет, чтобы политическая работа в армии была бо-

¹³ «Над Татрами сверкают молнии». Прага--Братислава, 1946, стр. 158.

лее интенсивной. Только после острой критики военного руководства 23 сентября в кризисной военной ситуации конца сентября удалось достигнуть того, чтобы в армию были посланы в качестве офицеров-пропагандистов (без учета воинского звания) политические работники, которых по предложению политических партий надлежало определить в президиум Словацкого национального совета. Руководство Коммунистической партии Словакии подобрало и послало в начале октября около 50 подготовленных товарищей в армию для политической работы в качестве офицеров-пропагандистов. Они проделали большую политическую работу. Эти партийные работники говорили бойцам прямо и откровенно. Й. Штефанек, который с разрешения Голиана организовал работу офицеров по просвещению, пишет: «СНС... в то время по-революционному, оперативно и быстро прикомандировал к корпусу офицеров-пропагандистов работников политически сознательных, выделенных для этой роли обеими политическими партиями преимущественно из молодежи с той целью, чтобы по возможности они продолжительное время пребывали в низовых подразделениях, тесно общались с солдатами, приобрели их доверие. Это облегчило бы им возможность более активно выполнить миссию по просвещению... Среди них вспоминаю инж. Само Такача, ныне уже покойного В. Фелцана, И. Бодю, Й. Грозенчика, В. Локвенса, М. Гашпарика, И. Хована, И. Терена, Я. Жишку, надпоручика инж. Папанека, Р. Страхая, Я. Паленичека, д-ра А. Васека, проф. Я. Телуха...»¹⁴. По фамилиям можно судить, что речь идет в большинстве о деятелях КПС.

Эта деятельность политических работников в армии, особенно коммунистов, вызвала в кругах лондонских агентов страх и гнев. Краткий писал в Лондон 18 октября: «Институтом офицеров по просвещению в 1-й чехословацкой армии Словакии злоупотребляют в политических целях. На основе соглашения командующего 1-й армией со Словацким национальным советом этот институт был расширен, причем так,

¹⁴ «Над Татрами сверкают молнии», стр. 160.

чтобы в качестве офицеров-пропагандистов могли быть подобраны и лица невоенные, в соответствии с политической позицией (20 левых, 20 правых). Обращаю внимание на то, что это соглашение угрожает разделением армии на два политических лагеря. Далее обращаю внимание на то, что уже в настоящее время развивается два воинских направления, а именно демократический, ориентирующийся на армию, и левый, ориентирующийся на партизан. Соотношение между обоими этими подразделениями можно назвать опасным, ослабляющим работу штаба»¹⁵. Политические работники освещали бойцам смысл борьбы несколько иначе, чем «неполитические» офицеры: «Наша борьба в своей сущности и в полном объеме является борьбой революционной и народной... Офицер по просвещению приходит к бойцам... для того, чтобы им рассказать, что они не являются и не должны быть никогда в будущем инструментом собственников капитала, фабрикантов оружия и что они ведут конечный бой, который должен вручить судьбу человека в его собственные руки»¹⁶.

* * *

Вопросами армии занималась партийная печать, партийные организации, ибо от борьбы на фронтах зависела вся жизнь на свободной территории. Находясь в критическом положении, в начале октября ЦК КПС обратился к бойцам, коммунистам и всем гражданам с воззванием, первый вариант которого, предложенный Яном Швермой, был опубликован в повстанческой «Правде» 8 октября 1944 г. Документ характеризует обстановку того времени, как ее представляло руководство КПС.

«Воззвание Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии к словацкому народу.

...Наша святая война за национальную честь и свободу опирается на единую волю и решимость всего словацкого народа. Необходимо организовать эти не-

¹⁵ АИИ КПС. Телеграммы.

¹⁶ «Новое слово», год изд. I, № 3.

исчерпаемые источники народной силы — развязать войну, действительно национальную, войну народную.

Мы должны покончить с легкомыслием, колебаниями и половинчатостью и мобилизовать все силы нашего народа и все материальные источники нашей страны для ведения войны. Каждый преданный родине словак — как в армии, так и в партизанском отряде, как на заводе, так и в поле — должен сегодня проникнуться одной мыслью: отдать все силы, отдать и жизнь за свободу своего народа!

Мы должны повышать боевую и трудовую дисциплину в бою и труде: кто вследствие нежелания расстаться с удобствами уклоняется от обязанностей, которые ему определяет современная обстановка, тот помогает немцам, и за это он должен получить по заслугам.

Мы должны повысить бдительность в отношении к пособникам и агентам врага, которые засланы в наши ряды, в отношении к паникерам и сеятелям тревожных слухов, помогающих врагу.

Решительной и твердой борьбой против этих элементов мы сохраним жизни наших солдат и партизан.

Мы все должны действовать смело, отважно и решительно. Трусость в бою является предательством святого дела нашего народа, и поэтому необходимо беспощадно искоренять ее в наших рядах.

Словаки и словачки!

Родина зовет вас на решительный и последний бой!»

Воззвание специально адресуется к словацким солдатам, офицерам, партизанам, рабочим, крестьянам, интеллигенции. Воззвание заканчивается словами:

«Члены КПС! Наступила минута, когда мы должны всеми своими делами доказать, что являемся достойными носить имя коммунистов, что мы действительно самые отважные бойцы за свободу своего народа и своей нации. Будьте всюду на переднем крае нашей великой борьбы, на фронте, в партизанском отряде, на заводе, в деревне, на работах по созданию укреплений, в учреждении... Наш путь ясен. Это путь единой и самоотверженной борьбы — путь нацио-

нальной войны. Иного пути нет, колебание и нерешительность в современной обстановке имели бы самые тяжелые последствия.

Единство и революционная дисциплина, смелость и выдержка — и победа наша!»

Словацкий национальный совет, чтобы способствовать подъему боевого духа армии, сделал также заявление от 13 октября 1944 г., в котором говорилось:

«Офицеры, сержанты и солдаты чехословацкой армии!

Народы и родина никогда не забудут вас, героически сражающихся с врагом за самое дорогое для человека — за свободу, независимость и честь нации и родины, за жизнь наших жен, детей, отцов и матерей, за нашу родную землю, вас, страдающих в окопах, жертвующих жизнью и проливающих свою кровь.

Словацкий национальный совет как политический представитель освобожденной территории выражает искреннюю и глубокую благодарность всего народа за жертвы, которые вы приносите.

С начала своей деятельности Словацкий национальный совет помнил о ваших нуждах и нуждах ваших семей. С этой целью он выделил полевые прибавки воинам, стремился к тому, чтобы отметить наградами выдающиеся подвиги солдат и позаботиться о материальном обеспечении ваших семей.

Словацкий национальный совет торжественно заявляет, что и в будущем он намерен особо выделить своих бойцов тем, что по окончании этой битвы в общественных и частных службах будут преимущественно перед другими занимать места те военнослужащие, которые верно, честно и мужественно исполняли свой национальный патриотический и воинский долг. Они будут иметь преимущество и при разделе земли, распределении скота, основании предприятий и т. д.

Словацкий национальный совет разработал проект мероприятий, предусматривающий, чтобы родственники погибших в боях солдат были достаточно материально обеспечены, равно как и надлежащим способом были обеспечены раненые и инвалиды.

Словацкий национальный совет твердо убежден в том, что победа наша и союзников близка, и по-

этому ждет от вас, чтобы вы совместно с наилучшими армиями мира, Красной и англо-американской, выполнили высокие задачи, поставленные перед вами сегодня».

Хорошо иногда перечитывать старые документы, поскольку это воспоминание — своего рода долг, хотя бы моральный, по отношению к бойцам — участникам восстания.

* * *

История с предложением Коммунистической партии Словакии просить специальную советскую военную помощь имеет свое продолжение. Краткий звонил 30 сентября 1944 г. Ингру: «Указываю постоянно на недостаток офицеров и низкий боевой уровень... офицерского корпуса. Наконец и сегодня распространяется советом критика по поводу защиты государства. Например, на последнем заседании партизан, солдат и Словацкого национального совета был строго раскритикован офицерский корпус. Поэтому доктор Гусак внес предложение, что, поскольку мы имеем неспособный офицерский корпус и недостатки в офицерском корпусе, мы должны просить советское командование о советских офицерах, которые взяли бы исполнительную воинскую власть и управление военными операциями в Словакии. Но предложение было в конце концов отклонено контрпредложением некоммунистического блока, который, наоборот, выступил за ускоренное создание чехословацкой бригады под верховным командованием генерала Виеста»¹⁷.

В момент критической военной ситуации восстания в конце сентября, когда возросло недовольство военным командованием, мы договорились в руководстве партии, а потом в президиуме Словацкого национального совета, что попросим советские инстанции о приеме делегации Словацкого национального совета в Москве, которая бы ускорила помощь.

¹⁷ АИИ КПС, телеграммы.

Представитель партии должен был одновременно просить о присылке опытных советских офицеров для руководства повстанческой армией. Шмидке 2 октября 1944 г. телеграфировал в Москву: «Просим вас обеспечить прием делегации Словацкого национального совета Советским правительством»¹⁸.

5 октября президиум Словацкого национального совета послал К. Готвальду и З. Фирлингеру следующую телеграмму:

«СНС просит Советское правительство и маршала Конева о посылке, насколько это возможно быстрее, уполномоченного Красной Армии для координации действий нашей армии и Красной Армии, который был бы одновременно советником командования нашей армии. Эти предложения сообщаем также в Лондон. Просим вас без промедления обратиться к Советскому правительству с нашей просьбой. Просим ответа на нашу депешу о приеме нашей делегации Советским правительством. Словацкий национальный совет»¹⁹.

Одновременно К. Шмидке в телеграмме Г. Димитрову 6 октября обрисовывает исключительно пессимистическую военную ситуацию восстания и кончает: «Командование, штаб армии и офицеры не способны командовать войском. Необходимо без промедления усилить командование и штаб армии опытными командирами Красной Армии»²⁰. В помощи опытных советских офицеров мы видели главную возможность улучшения командования повстанческой армии.

Под впечатлением этих наших предложений Фирлингер 6 октября телеграфировал Масарику в Лондон:

«По моему мнению, следовало бы просить Советское правительство, чтобы немедленно послало в Словакию опытного советского генерала, который бы там представлял главное командование Красной Армии и который был бы достаточно авторитетен, чтобы помочь координировать действия всех элементов, осо-

¹⁸ Словацкое национальное восстание. Документы. Братислава, 1965, стр. 605.

¹⁹ АИИ КПЧ.

²⁰ Там же,

бенно армии и партизан. Ибо твердое командование поможет преодолеть все организационные недостатки, которые очевидны. Это было бы в Словакии и политически благоприятно, ибо влияние СССР будет всегда в духе нашего союзного соглашения. Скоро или не скоро должна Красная Армия соединиться со словацким фронтом, который, собственно, уже сегодня является в действительности частью Восточного фронта и, как видно, зависит от него? Отвечай, что ты об этом думаешь. Я внес бы официальное предложение в этом духе»²¹.

Поскольку речь шла о поездке делегации Словацкого национального совета в Москву, советские инстанции должны были принимать во внимание престиж правительства Бенеша, которое монополизировало заграничные связи, не хотело допустить переговоров политических деятелей внутри страны с Советским правительством и угрожало скандалами и осложнениями. Сталин после разрыва с польским правительством опасался осложнений между союзниками из-за Бенеша. Поэтому Готвальд 6 октября отвечал руководству партии в Банска-Бистрицу: «Настоящая серьезная обстановка в словацком национальном движении требует, чтобы руководящие деятели Словацкого национального совета оставались на своем месте и не оставляли его. Поэтому было бы нецелесообразно осуществить сейчас поездку делегации Словацкого национального совета в Москву. Просим... чтобы о посылке делегации Словацкого национального совета в Москву не поднимали вопрос»²². Мы поняли, что переговоры с делегацией Словацкого национального совета вызвали бы у Советского правительства международные осложнения.

Однако как реагировало правительство Бенеша?

Оно знало весьма хорошо, какая критическая военная обстановка была в начале октября в Словакии, когда немцы предпринимали наступление в районе Зволена. На информацию Голиана Ингр 29 сентября отвечал: «Из ваших сообщений об обстановке и из

²¹ З. Фирлингер. На службе ЧСР, II, Прага, 1948, стр. 357.

²² АИИС.

известий о враге можно заключить, что враг развивает уже долгое время свои усилия на западе, и нельзя исключить, что его натиск еще усилится. Тяжелое положение немецких войск, которые в Карпатских предгорьях испытывают постоянный натиск советских армий, может послужить для немецкого командования одним из доводов к тому, чтобы попытаться предпринять решительный удар против вашей группы»²³. Когда же немцы попытались ликвидировать восстание ударом на Зволени, Ингр 9 октября телеграфировал Голиану: «Обратились мы к Советам, чтобы ускорили прибытие второй парашютной бригады и усилили доставку военных материалов. Сам президент запрашивал об этих вещах непосредственно Сталина... Для защиты подступов к Зволени и Банска-Бистрице необходимо приложить самые большие старания. Принесло бы неизмеримый вред делу, если бы военная и политическая акция в Словакии, так многообещающе начатая и так долго продолжающаяся, кончилась поражением...»²⁴. Цитирую эти телеграммы Ингра не за «мудрые» советы, которые он щедро раздавал и которые никому не помогли в восстании, а к тому, что правительство Бенеша весьма хорошо знало о критическом положении в эти дни.

Что отвечал Масарик на предложение Словацкого национального совета и Фирлингера? «Мы чрезвычайно удивлены твоим утверждением, что СССР предпринял карпатское наступление по нашей просьбе. Поскольку речь идет о Лондоне, такой просьбы не было. Как раз все наоборот. Я сам лично вел переговоры о русской помощи, но исключительно о посылке оружия... Президент Бенеш за себя, а я именем МИД и министерства национальной обороны прошу телеграфировать ответ, что ты знаешь, кто просил, чтобы русские предприняли карпатское наступление. За то, что произошло в Москве, снимаю какую-либо ответственность. Что касается твоих военных предложений и мнения, отвечу после завтрашней беседы с президентом Бенешем и военными. До этого времени ничего

²³ АИИ КПС, телеграммы.

²⁴ Там же.

не предпринимай»²⁵. А 20 октября Масарик дополнил свой ответ: «К твоему предложению о посылке русского генерала: по соглашению чехословацкими частями, организованными в СССР, командуют чехословацкие командиры, хотя оперативно эти части подчинены русским. Наши части, воюющие в Словакии, не были организованы в СССР, поэтому на них не распространены условия соглашения. Не посылай поэтому просьбу о русском генерале»²⁶.

Фирлингер в телеграмме Масарику 25 октября 1944 г. снова защищает свое мнение: «Я сам предлагал, чтобы авторитетный представитель главного командования Красной Армии помогал координировать акции всех элементов или, иными словами, чтобы обеспечил оперативное согласие. Предложение поэтому не противоречит духу нашего соглашения. Сам я думал, что это нам помогло бы преодолеть разные трудности и что это прежде всего облегчило бы щедрую помощь СССР... Думаю, что все это должно было быть реализовано сразу же вначале, как только в Словакии был создан фронт. Судьба сражающейся Словакии волнует меня, с первого дня не перестаю стремиться к всесторонней советской помощи. Во власти президента и правительства, само собой, мое предложение принять, изменить или отвергнуть»²⁷.

После 20 октября 1944 г. немцы перешли в наступление на всех повстанческих фронтах и начали ликвидировать свободные словацкие территории. Между тем в Лондон прибыла делегация Словацкого национального совета, которая, кроме других дел, должна была доложить Бенешу и правительству о чрезвычайной обеспокоенности восставшей Словакии тем, что помощь правительства восстанию равнялась нулю. В эти трагические дни 25 октября Рипка телеграфировал в Банска-Бистрицу: «В согласии с делегацией Словацкого национального совета мы послали в Москву депешу, в которой уполномочиваем нашего полномочного посла попросить разрешения для приезда делегации Словацкого национального совета в Москву, что-

²⁵ З. Фирлингер. На службе ЧСР, II, Прага, 1948, стр. 358.

²⁶ Там же, стр. 359.

²⁷ Там же, стр. 359—360.

бы она поблагодарила Сталина за помощь Красной Армии и добилась усиления помощи, что представляется сейчас крайне необходимым. Далее правительство просило полномочного посла в Москве разъяснить Советскому правительству желание чехословацкого военного командования в Словакии, чтобы Красная Армия послала к нему высшего офицера с достаточными полномочиями, чтобы он мог не только информировать Советскую Армию, оперирующую поблизости, то есть то, что выполняет офицер связи от Конева, но чтобы также мог давать правильную информацию в Москву при необходимости помощи вам. Мы подчеркнули, что ждем от присылки такого уполномоченного усиления помощи Красной Армии...»²⁸.

Буржуазное правительство, которое упустило год подготовки Словацкого национального восстания и также два месяца его борьбы, чтобы предоставить восстанию достаточную помощь, которое буквально отклонило широкую помощь СССР, сейчас стремилось переложить ответственность на делегацию Словацкого национального совета, сейчас уже просило советского генерала, правда, только для «информации Москве». Цинизм такой позиции соразмерен трагедии, которую восставшая Словакия переживала в те дни.

Фирлингер предпринял в советских инстанциях необходимые шаги. Но между тем пали Зволен и Банска-Бистрица. Повстанцы отступали в горы. 27 октября 1944 г. был передан в Лондон по телефону ответ советских инстанций: «Оружие продолжаем посылать. Генеральный штаб обещает во всех отношениях помочь и сделать все, что будет от него зависеть. Генеральный штаб придерживается такого взгляда, что посылка представителя главного командования была бы целесообразна раньше, так как сейчас следует ожидать, что весь район, который удерживают наши войска и партизаны, будет, вероятно, разбит на несколько участков и поэтому координация на месте будет трудна... Кроме того, следовало бы направить туда не только высшего офицера, но вместе с ним и оперативный штаб, что в нынешних условиях дело

²⁸ АИИ КПС, телеграммы.

нелегкое. По суждению генерального штаба, словацкое восстание выполнило свою политическую и военную задачу, ибо вызвало у немцев смятение и лишило их важных коммуникаций. Важно, чтобы наши войска в горах выстояли и дальше выполняли свою задачу»²⁹.

Так кончилась история с нашей просьбой о военной-специальной помощи советских офицеров повстанческой армии. Кончилась неудачно вследствие узколобости и классовой ограниченности буржуазных деятелей. Кончилась в дни, когда повстанческая армия перестала существовать как организованное целое.

* * *

Повстанческие сражения имели свой особый характер. Воевали в полном окружении, немецкие войска окружили свободную территорию со всех сторон. Положение изменялось ежедневно. Это требовало мгновенно оперативных решений и инициативы на местах. Но Ингр понимал, что характер этой войны зависит от главнокомандующего. Из Лондона, из своих безопасных канцелярий он хотел руководить борьбой повстанческой армии и давать распоряжения и приказы Голиану, а позднее Виесту. В этих двоих он нашел совершенно послушных исполнителей своих приказов, хотя Голиан нередко частным образом сетовал на это вмешательство. Тем не менее влияние Коммунистической партии Словакии и Словацкого национального совета в известной мере парализовало вмешательство Ингра и оказывало Голиану и Виесту поддержку — при принятии самостоятельных решений.

Для иллюстрации приведу здесь некоторые примеры из вмешательства Ингра. Тотчас же в начале Словацкого национального восстания, 1 сентября, когда ему еще не было известно о разложении восточно-словацких дивизий, он дал Голиану следующее указание: «Овладение и удержание всей Словакии в это время выше ваших сил и зависит от сильной советской помощи. Поэтому подготовьте тотчас же необхо-

²⁹ З. Фирлингер. На службе ЧСР, II, Прага, 1948, стр. 364—365.

димые мероприятия для осуществления предложенного плана, то есть для сосредоточения частей тыловой армии в районе Зволен — Б.-Бистрица — Брезно для защиты Средней Словакии. Распыление сил на большом пространстве могло бы вести их к постепенному истреблению наступающими немцами. Сосредоточение войск в Средней Словакии можно осуществлять постепенно, причем на главных направлениях и магистралях следует оказывать гибкое сопротивление для уменьшения силы немецкого наступления. Полагая, что хотя бы некоторые части полевых дивизий присоединятся к вам...»³⁰.

Заметим, что 1 сентября 1944 г. шли сражения при Стречно, Попраде, Левоче, что можно было присоединить, если серьезно попытаться, Нитру, Тренчин, Поважье, установить связь с крупными частями восточно-словацкой дивизии из Попрада и Левочи, другими словами, получить значительно больший свободный район и более крупные организованные воинские части, оружие и снаряжение, воинские склады и т. д. И в этой ситуации, не стремясь узнать положение и возможности, не пытаясь быстро соединить полевые дивизии с Красной Армией, Ингр отдал приказ отступить до района Банска-Бистрицы! Что там должны были и могли сделать на малом пространстве воинские части? Какую имели боевую перспективу? Приказ Ингра обрекал армию в самом начале восстания на смерть! Поэтому не надо удивляться, что в Лондоне с самого начала не верили в успех Словацкого национального восстания, в первые десять дней ежедневно ждали его конца. При такой перспективе, которую давал армии Ингр, речь действительно шла лишь об антифашистской демонстрации, продолжающейся несколько дней. Жаль, что Голиан за основу принял оборонительный план Ингра и последовательно его осуществлял. И все же влияние руководства Коммунистической партии Словакии, Словацкого национального совета, партизанских частей, национальных комитетов и других революционных сил принуждало его держать участки фронта и не отступать.

³⁰ АИИ КПС, телеграммы.

О неблагоприятной роли Чатлоша уже было сказано. После того как своим выступлением 29 августа и другими неблагоприятными делами в Братиславе этих дней он причинил восстанию столько вреда, сколько это было в его силах, он перешел на территорию, занятую восставшими, где и был схвачен в ночь на 1 сентября. Чатлош предложил восставшим свои услуги, но ни у кого из руководителей восстания не было желания ни сотрудничать, ни вообще считаться с ним. Однако у каждого мелькнула мысль, что с помощью нового своего выступления по радио, но уже из Банска-Бистрицы, разоблачив режим Тисо и рассказав о немецких планах, он может хотя бы частично исправить тот вред, что был им принесен, и обратиться к солдатам тех гарнизонов, которые еще не решались перейти на сторону восстания. Такое выступление еще могло подействовать на часть офицерства. Этой точки зрения придерживался и президиум Словацкого национального совета — в интересах Словацкого национального восстания, в интересах привлечения на свою сторону солдат и офицеров. Но в это дело вмешался Лондон. 1 сентября Голиан получил от Бенеша и Ингра приказ: «Если это в вашей власти, то сохраните Чатлоша и других коллаборационистов для народного суда... поскольку мы какой бы то ни было допуск коллаборационистов... к прямым боевым и политическим акциям в какой бы то ни было форме абсолютно отрицаем... Вы должны понять, что какие бы то ни было переговоры с Чатлошем и допуск его к работе вредно повлияли бы на всякого простого словацкого солдата. За границей этого никто бы не понял и не принял... Мы сообщили в Москву, что никакой ответственности за соглашение с Чатлошем мы на себя не берем, хотя и знаем, что, по замыслу, Чатлоша должны были сначала использовать, а потом устранить...»³¹.

Конечно, Бенешу и Ингру из Лондона было виднее, как подействовало бы на словацкого солдата на родине выступление Чатлоша! Коммунистическая партия Словакии и Словацкий национальный совет по этому поводу серьезно поспорили с Голианом. Но, по сло-

³¹ АИИ КПС, телеграммы.

вам Голиана, он получил из Лондона прямой приказ, ни при каких обстоятельствах не разрешавший выступление Чатлоша по радио. В то время Чатлош находился в руках армии. Чатлош на радио не был допущен, и Лондон добился своего, хотя тем самым он нанес вред интересам Словацкого национального восстания.

Об «информированности» и серьезности Ингра и его штаба говорят две телеграммы от 18 и 19 сентября 1944 г., которые показывают, какие планы ими строились. 18 сентября Ингр потребовал от Голиана: «Как можно скорее сообщите число чехов, сражающихся в ваших рядах. Если уже созданы чешские подразделения, о которых вы сообщали, то назовите их силу, имя командира и место деятельности»³². Зачем Ингру потребовались особые чешские части, которые, кстати, никогда не существовали за все время Словацкого национального восстания, когда здесь действовала единая чехословацкая армия? Это становится ясным из телеграммы от 19 сентября, в которой Ингр отдает Голиану «стратегические» приказы: «Проникновение Красной Армии в Словакию и установление контактов с ее подвижными частями обеспечивает, с одной стороны, положение наших войск, с другой же стороны, ставит нас перед новыми задачами... Наряду с боевыми наступательными задачами (повстанческой армии.— Г. Г.), которые будут осуществляться на основе директив соответствующего командования Красной Армии, необходимо подготовить захват отторженной словацкой территории. Впоследствии, в рамках объединенной чехословацкой армии, на первый план выдвинется задача наступления со стороны Словакии на Моравию...»³³.

Великий кабинетный стратег, который 1 сентября предложил стянуть армию в окрестности Банска-Бистрицы, спустя неполных три недели рисует перед Голианом радужные перспективы наступления на Моравию. Так зачем же, спрашивается, заботиться о помощи Словацкому национальному восстанию, если положение столь блестяще? Правда, разочарование

³² АИИ КПС, телеграммы.

³³ АИИ КПС.

от краха этих иллюзий пережил не Ингр, а восставший народ. Но допустим, что даже спустя 11 дней после карпатско-дукельского наступления Ингр еще не имел информации об исключительной тяжести этих боев. Как тогда объяснить колебания военного командования в октябре? В сообщении Голиану от 8 октября Ингр пишет: «По сведениям из Москвы, Красная Армия перешла Карпаты... Переход советских и чехословацких войск через Карпаты, создающий давно ожидавшуюся ситуацию для наших войск, воюющих в Средней Словакии, означает конец одиночества и, конечно, предпосылку для освобождения Словакии. Речь теперь идет только о том, чтобы вы выдержали до установления контакта с Красной Армией, который может произойти в ближайшее время, тем более что Красная Армия уже движется по равнине в направлении к венгерской столице. По этому случаю президент республики шлет вам свои поздравления и также призывает вас выдержать»³⁴.

Можно ли после этого удивляться, что эти иллюзии ширились и среди руководства повстанческой армии и поэтому не были вовремя приняты меры по переводу армии на партизанские методы борьбы?

Для того чтобы завершить картину военных способностей и прозорливости главнокомандующего Ингра, приведем еще одну его инструкцию Виесту от 18 октября 1944 г., то есть относящуюся к тому времени, когда готовилось генеральное наступление немцев по всем фронтам повстанцев: «...можно полагать, что советское продвижение по Венгерской равнине к Будапешту повлияет на положение немцев в Словакии. Немецкие войска не проявляют боевой активности даже в тех местах, где совсем еще недавно находился центр их наступательных операций... я полагаю, что как по причинам военным, так и политическим следовало бы подумать о начале местных наступательных акций...»³⁵. Ингр говорил о наступательных операциях в то время, как единственным выходом для армии был переход к партизанским методам войны.

³⁴ АИИ КПС, телеграммы.

³⁵ Там же.

Вот так Ингр руководил боевыми операциями в Словакии! Нормально рассуждающий человек мог бы предположить, что Бенеш, правительство, лондонское министерство национальной обороны и главнокомандующий Ингр именно потому, что они были в Лондоне, сделают все возможное, чтобы повстанческая армия, находившаяся в исключительно тяжелом положении полного окружения, получила помощь из-за границы, от союзников. Я уже говорил о советской помощи и о принципиально негативном вмешательстве в это дело лондонского правительства. Что же сделало это правительство и Ингр, чтобы такая помощь пришла и с Запада? Ведь у повстанческой армии не хватало даже винтовок для вооружения мобилизованных частей. Голиан и Словацкий национальный совет неустанно этой помощи требовали, а Бенеш и Ингр постоянно ее обещали. В результате были получены пара противотанковых ружей и медикаменты, которые в начале октября привезли американские самолеты, когда они прилетели за своими пленными летчиками, оказавшимися на свободной территории. И, конечно, американо-английская военная миссия, которая прилетела на территорию повстанцев с согласия Бенеша и которая, вполне естественно, носила всего лишь разведывательный характер. Это и была вся помощь, которую смогли Бенеш, правительство, Ингр и К^о добиться от западных держав.

* * *

Местные круги буржуазии, группирующиеся в демократической партии, поддерживали в армии, в офицерском корпусе и в его руководстве все то старое, относящееся еще к временам домюнхенской республики, что отвечало их интересам и представлениям. Они имели прямые и личные контакты с руководящим офицерством. Их представитель (М. Стык) повседневно находился в штабе Голиана, а другой (М. Полак) — был даже членом этого штаба. Виест принадлежал к «лютеранской аристократии». Так через множество политических и личных связей они оказывали на руководство армии свое влияние, замедляли все акции

и мероприятия, которые были направлены на перестройку и перевоспитание армии в армию народную, национально-освободительную, отвечающую представлениям и потребностям революционного народа.

Я уже говорил, что эти буржуазные силы, участвовавшие в Словацком национальном восстании, оказались под большим воздействием революционной ситуации, народных революционных сил, что они должны были приспособливаться, отходить от своих позиций и даже подчас внешне выступать «революционно». Именно поэтому эти силы в ходе Словацкого национального восстания не были главным препятствием на пути решения безотлагательных проблем армии. В случае необходимости революционный народ призвал бы их к порядку. Но здесь имелось и постоянно возраставшее давление лондонских правительственных органов, которые проводили свою буржуазную концепцию, что активизировало эти местные силы и придавало им смелость.

Таким образом, революционной концепции национально-освободительной армии, представленной КПС, приходилось вести бой с объединением трех различных сил, которые не только хотели, но и боролись за то, чтобы удержать повстанческую армию на позициях старой домюнхенской буржуазной армии: с лондонским правительством, со всем его политическим и военным аппаратом; с буржуазными кругами, принимавшими участие в Словацком национальном восстании; и со старым, профессионально-«неполитическим» складом ума подавляющей части кадрового офицерства. Главной и решающей из этих сил были Бенеш и его правительство, опиравшиеся на международное признание и авторитет. Борьба за армию шла между Коммунистической партией Словакии и этими силами.

На первый взгляд могло бы показаться, что эта борьба была для Коммунистической партии Словакии безуспешной. Но это было бы весьма поверхностным заключением. Прежде всего, потому, что из написанного в этой книге видно, что лондонское правительство и местная оппозиционная буржуазия стремились сделать из армии орудие борьбы за власть, ору-

дие, которое должно было существенно повлиять на политическую ситуацию в освобожденных районах. Этот план лондонским и местным буржуазным кругам вообще не удался. Они давили на Голиана, послали Виеста, Газала, Пршикрыла — и тем не менее повстанческая армия не оказала никакого отрицательного влияния ни на развитие революционной ситуации в Словацком национальном восстании, ни на положение народных государственных органов, ни на политическую жизнь и направление ее развития, ни на позиции Коммунистической партии Словакии. Политически армия была нейтрализована. В «гражданский» сектор, то есть во все области политической, экономической и социальной жизни свободной территории, армия и ее командование вообще не вмешивались. Они ограничились сектором узковоенным. Конечно, такая «нейтрализация» армии не была ни случайной, ни добровольной. Известно, что лондонские планы, рассчитанные на установление военной диктатуры, основывались на применении закона о защите государства, на объявлении военного положения, которое предоставило бы армии практическую возможность взять под контроль всю общественную, политическую и экономическую жизнь. 22 марта 1944 г. министр национальной обороны Ингр представил правительству следующий проект: «Я предлагаю правительству установить и объявить день, когда страна будет переведена на военное положение. Причиной предлагаемого мероприятия является возможность использования в момент освобождения государства или в ходе постепенного освобождения части государственной территории конституционного закона о защите государства, который наилучшим образом позволит справиться с хаотическим состоянием, существующим в настоящий момент под влиянием ситуации и которое еще более усилится на окончательном этапе войны»³⁶. Из предложения Ингра вытекает, что с момента объявления военного положения «закон о защите государства предоставляет все основания для обеспечения гражданского и военного управления на освобожденной территории... и для

³⁶ О. Янечек. С оружием в руках. Прага, 1957, стр. 134.

обеспечения экономических мероприятий в интересах государства...» и т. д.³⁷.

По проекту Ингра 20 апреля 1944 г. лондонское правительство постановило: «Военное положение в стране, объявленное 23 сентября 1938 г. ... остается в силе». Тем самым было получено юридическое обоснование для захвата власти на освобожденной территории представителями армии.

Согласно планам Лондона, армия должна была — на основании упомянутого закона — полностью овладеть восставшей территорией и править там. Были попытки и к осуществлению этого намерения (акция полковника М. Весела, капитана Краткого, Шробара, попытки Голиана подчинить себе весь жандармский аппарат и органы общественной безопасности и т. д.). Однако же с самого начала Коммунистическая партия Словакии отменила эти попытки, не позволила утвердить бенешевский политический орган восстания и, опираясь на народные органы власти и партизанские отряды, лишила армию возможности осуществить в Словакии планы Ингра, возможности вмешиваться в политическую жизнь, в дела народных органов, в развитие революционной ситуации. Этот факт сам по себе является немалым успехом народных революционных сил. Только при этой предпосылке они и смогли развиваться, только при этом условии Словацкое национальное восстание стало не военным переворотом, акцией или демонстрацией, а общенародной антифашистской национальной вооруженной борьбой со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. Только сведя на нет буржуазные притязания на власть, смогла родиться в нашем Словацком национальном восстании народно-демократическая революция.

Если говорить о концепции ведения боя, о характере армии и о политических перспективах людей, то Коммунистической партии Словакии не удалось решительно повлиять на армейское командование, на большую часть офицерства. Не удалось ей и овладеть армейским командованием и самой армией и как важ-

³⁷ О. Янечек. С оружием в руках. Прага, 1957, стр. 134.

ным инструментом в политической борьбе за власть. Но это было и не просто, да и не очень нужно для того, чтобы вести общенародную освободительную борьбу. Однако это не значит, что в борьбе за армию не было достигнуто никаких успехов. Естественно, что революционная ситуация оказывала свое влияние и на солдатские массы, и на офицерство. Фронт и тыл, армия и народ в Словацком национальном восстании не были разделены китайской стеной. Все это в значительной мере переплеталось. Часто случалось так, что солдаты и партизаны сражались плечом к плечу на одних участках. Народные органы находились в прямом контакте с армией. Среди мобилизованных трудящихся было много членов Коммунистической партии Словакии и людей, симпатизирующих ей. Хотя коммунистическая партия и не создавала своих низовых организаций в армии, тем не менее солдаты и офицеры — члены партии легально участвовали в партийных собраниях, конференциях и в объединительном съезде. Коммунистическая партия Словакии была партией правящей, и солдат или офицер мог в нее вступить. Запрета на участие солдат в политических организациях не было, а если он на бумаге и был, то с ним никто не считался. Солдаты читали партийную печать, слушали московское радио. В октябре непосредственно в армии развернули свою деятельность политические работники, которых туда послала партия. Военские части посещал фронтовой театр Багара и т. д. Умонастроения солдат и офицеров были под воздействием революционного влияния. Поэтому и основная масса солдат-повстанцев придерживалась левой ориентации и все больше подпадала под политическое влияние коммунистической партии. Этот процесс сознательного становления проходит — хотя, конечно, в гораздо меньшей степени — и среди офицеров. Мобилизованные офицеры запаса, а среди них было много и коммунистов и бывших социал-демократов, принесли в армию свои политические взгляды. Да и среди кадровых офицеров постепенно происходила политическая дифференциация, они начинали понимать политические связи, приближающееся с Красной Армией освобождение. Часть из них уже в ходе Словацкого

национального восстания склонялась к Коммунистической партии Словакии, некоторые даже вступили в нее, у иных этот процесс созревал в горных боях, и они вступили в Коммунистическую партию Словакии после освобождения. Восстание длилось сравнительно недолгое время, чтобы косность мышления кадровых офицеров могла быть изменена под влиянием революционной ситуации. Правда, эта дифференциация проходила не односторонне. Часть офицерства сознательно стала ориентироваться на буржуазные круги, на демократическую партию, что также публично проявилось главным образом после освобождения. Военная верхушка—Голиан, Ферьенчик, Носко и другие были типичными представителями упоминавшейся «аполитичной» группы офицерства, то есть группы, которая открыто не ориентировалась ни на одну из политических партий. Но и у них в ходе Словацкого национального восстания можно было наблюдать развитие и углубление их антифашистских позиций и политического угла зрения на проблемы. Другое дело Виест: это был политиканствующий генерал из Лондона.

Если мы хотим правильно оценить повстанческую армию, то должны рассматривать ее в развитии. Оно не было законченным, но шло в правильном, прогрессивном направлении. Оно проходило под знаком борьбы КПС — иногда острой, иногда более спокойной — с концепциями и влияниями лондонского правительства, местных буржуазных кругов и старым, буржуазным складом ума и методами кадровых офицеров. В результате этого процесса развития выросла новая, народная армия или хотя бы ее основные элементы. С помощью революции люди изменяют существующие порядки, но и сама революция изменяет людей. Действия этого закона не могла избежать и повстанческая армия. Воинские части середины октября нельзя даже сравнивать с частями словацкой армии конца августа. Части буржуазной армии иногда удается вовлечь в революционные акты. Но перестройка, перевоспитание этих частей в действительно народные и революционные, а главное — перевоспитание офицерских кадров — этот процесс всегда долгов и сложен.

Так же обстояло дело и с частями словацкой армии, которые присоединились к Словацкому национальному восстанию и составляли основу повстанческой армии. Коммунистическая партия Словакии могла бы сделать и больше в своем воздействии на повстанческую армию. Она могла бы лучше использовать свои ключевые позиции в народных органах (Словацкий национальный совет, поверенничество (ведомство) обороны, совет обороны Словакии, армейские политорганы и т. д.). Чем дальше во времени мы рассматриваем то или иное совершившееся событие, тем нам всегда лучше видно, что мы могли бы сделать иначе и совершеннее. И тем не менее даже годы спустя я твердо убежден, что за те результаты, что были получены в повстанческой армии, КПС никогда не должна стыдиться.

Кратко упомяну, как проявила себя повстанческая армия в своей собственно военной деятельности — в боях на фронтах Словацкого национального восстания.

По своей численности повстанческая армия была немалой — после мобилизации она насчитывала почти 60 тысяч солдат и офицеров. Однако численность армии — это один из важных, но далеко не самый важный фактор. В современной войне решает качество армии, а последнее, помимо прочего, определяется степенью овладения военной наукой и техникой, военным искусством, материальной и технической оснащенностью, уровнем командных кадров и в еще большей степени боевой практикой, опытом. А с этой стороны повстанческая армия страдала большими недостатками. «Казалось бы, что частей было достаточно, но мы не должны забывать, что в своем большинстве это были части (кроме маршевых рот), наскоро сформированные в первые дни восстания. Еще недоукомплектованные, они должны были уже воевать и при этом воевать с противником, за плечами которого были уже 5 лет войны, с противником, для которого война стала ремеслом. Мы уже не говорим о том, что эти части остро ощущали недостаток в

противотанковом и тяжелом оружии...»³⁸ — писал начальник штаба повстанческой армии Ю. Носко.

Немцы очень хорошо знали расстановку сил в словацкой армии и качество отдельных ее формирований. Именно поэтому в первые дни все внимание было сосредоточено на вооружении двух восточнословацких дивизий, ибо это были единственные словацкие части, полностью скомплектованные, вооруженные и оснащенные, способные к обороне и наступлению. Когда же немцы разбили и уничтожили эти дивизии, то они стали считать, что теперь наступит коротенькая веселая война, полицейская операция, которая закончится через пару дней, как говорили об этом их командиры. Поэтому сначала они противопоставили повстанческим силам всего только 15 тысяч человек (две дивизии, части полка «Шилл», батальон «Шефер» и некоторые более мелкие подразделения). Эти немецкие части намного превосходили повстанческие силы по боевой технике, организованности, дисциплине и боевому опыту солдат и офицеров. Когда же в повстанческой армии закончился период дезорганизации и смятения, то немецким подразделениям пришлось туго, им было уже не до насмешек. Генерал Бергер вынужден был уйти, его сменил генерал СС Хёфле, первым мероприятием которого было стягивание новых подкреплений. Гиммлер передал ему дивизию «Хорст Вессель», дислоцированную в Венгрии, и бригаду «Дирлевангер» — из Польши, но и этих сил не хватило, чтобы сломить сопротивление повстанцев. Поэтому Хёфле была придана еще дивизия моторизованной пехоты и еще некоторые части (подразделения СС танковой дивизии «Адольф Гитлер», горная артиллерия, альпийские стрелки, части службы безопасности и т. д.). «На заключительном этапе борьбы можно говорить о силе по крайней мере шести немецких дивизий, ведущих наступление на повстанческие части, и о других немецких частях, суммарно равных по тем временам двум обычным дивизиям. Исходя из сведений как собст-

³⁸ Ю. Носко. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945. стр. 24.

венных, так и немецких источников, мы придерживаемся мнения, что в момент наибольшего напряжения сил — в конце октября — число немецких солдат колебалось от 35 до 40 тысяч»³⁹.

Уже несколько этих цифр и тот факт, что повстанческая армия с помощью партизан свыше двух месяцев удерживала линию фронта и сохраняла освобожденную территорию, весьма и весьма говорят в пользу повстанческой армии. В боях на многих участках она проявила мужество и героизм.

Первая сосредоточенная атака немцев была направлена на овладение кошицко-богуминской железнодорожной линией. Поэтому уже 29 августа они повели наступление на Жилину, а вскоре затем — на Попрад. Особенно врезался в память героический бой при Стречне. В этом бою солдаты и партизаны с беспримерным мужеством прикрывали подступы к Турцу. «Целых пять дней немцы с помощью танков, авиации и минометов сосредоточенно атаковали защитников Стречни, которые сумели не только отразить все атаки, но и сами перейти в наступление. Отдельные солдаты и целые группы проявили в этих боях много героизма, особенно в ближнем бою с танками. Искключительную отвагу проявили здесь французские партизаны. Защитники, сражавшиеся на скалистой местности, вдвойне страдали от результатов стрельбы неприятеля. При этом их положение ухудшалось из-за отсутствия твердого руководства, а главным образом — из-за недостатка связи... Кризис наступил 2 сентября. В этот день в результате сильного налета немецкой авиации некоторые повстанческие части оказались разбитыми, но после частичной реорганизации уже на следующий день они вновь вступили в бой на участке Дубна Скала — Паношина. Только 4 сентября вечером неприятелю удалось захватить Врутки... Основное, что отличает бои на стречнянском участке, — это отвага и выдержка, способность оказывать сопротивление даже материально превосходящим силам. Солдаты и партизаны вели этот бой, пол-

³⁹ М. Кропилак. Участие солдат в Словацком национальном восстании. Братислава, 1960, стр. 52—53.

ностью сознавая, что от них зависит дальнейшая военная судьба восстания. С 5 по 12 сентября разыгрались бои за Прикоп, за подступы к Мартину и далее — к Турцу. На этом участке повстанческие части провели множество контратак, особенно 6 и 9 сентября. И хотя атака 6 сентября не достигла поставленной цели — втолкнуть немцев в стречнянское ущелье и вновь овладеть им, — тем не менее она сорвала готовившееся немцами наступление на Мартин... Вследствие слабой организации между действиями воинских и партизанских частей не было координации, задерживались атаки, затруднялся своевременный перенос артогня, что в сумме существенно повлияло на ход боевых операций... В боях у Турца рядовые солдаты, младшие командиры и партизаны проявили много отваги и самопожертвования... Несмотря на частые атаки, защитники Мартина продержались до 20 сентября»⁴⁰. Затем во избежание окружения немцами, наступавшими со стороны Гандловей и Немецкого Правна, командование приказало отступить от Турца. 23 сентября Голиан решил покинуть Турец. Мартин пал. Среди командования распространилась паника, оно стало допускать ошибки, возросло напряжение между армией и партизанами, народные органы Турца резко раскритиковали военное командование. Это явилось непосредственным толчком для развертывания критики военного командования в Словацком национальном совете.

Иначе развивались бои в Липтове, прежде всего по вине неспособного командира полковника Л. Бодицкого. Воинские части не сумели организовать оборону, прочно закрепиться, и в результате этого без каких-либо крупных боев 1 сентября пал Попрад, 4 сентября — Липтовский Микулаш, а 5 сентября и Ружомберок. За пару дней мы потеряли весь Липтов. Бодицкого с командной должности отзывали и под давлением Словацкого национального совета арестовали. Новый командир (подполковник Чернек) начал ускоренно организовывать оборону, «участок стаби-

⁴⁰ М. Кропилак. Участие солдат в Словацком национальном восстании. Братислава, 1960, стр. 63—65.

лизовался, враг был остановлен, а начальник группировки собрал из разбитых частей группу и надежно перекрыл направление Ружомберок — Липтовская Осада... Благодаря постоянному усилению обороны и переподготовке частей эта группа в короткое время стала одной из наиболее сильных групп 1-й чехословацкой армии, отразившей несколько атак и вылазок вражеских частей. Первую большую атаку на Белый Поток группа отразила 15 сентября 1944 г. Из Остро группа надежно контролировала шоссе и железную дорогу, проходившие по долине Вага, отбивая все налеты артиллерийским огнем, почему враг и пытался захватить Остро. С 20 сентября до 24 октября 1944 г. противник совершил на Остро 14 атак, но так ничего и не добился. Поэтому Остро стал символом этой группы. После напрасных попыток проникнуть из Ружомберка долиной на Л. Осаду противник заменил находившиеся в Ружомберке части эсэсовской дивизии альпийскими стрелками и с их помощью повел наступление по горам и долинам Люпчанки. Но части VI тактической группы отбили все эти атаки и даже вернули утраченную было территорию. Тогда 4 октября неприятель напал на Остро. В ближнем бою он был отбит. В полдень 7 октября новая атака на Остро снова была отбита. 8 октября неприятель повторил атаку при Белом Потоке и ударил на Остро, его опять отбили. 17 октября враг предпринимает на Остро почную атаку, но в рукопашном бою его опять отбили собственными силами. 18 октября враг повел массированный артиллерийский и минометный обстрел Остро с севера и запада. Не выдержав напора, средняя часть обороны отошла на несколько сот метров назад. К 14.00 первоначальная линия обороны была восстановлена...»⁴¹. Эти важные позиции, охранявшие подступы к шоссе на Велки Штурец, а тем самым с севера и к Банска-Бистрице, части повстанческой армии удерживали вплоть до 24 октября, то есть почти месяц. Бои за Остро принадлежат к наиболее прекрасным и героическим страницам военной

⁴¹ Ю. Носко. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945, стр. 35—36.

истории Словацкого национального восстания. Эти бои, так же как и бои при Стречне, имели огромное моральное воздействие на становление повстанческой армии и перечеркнули немецкие планы быстрой ликвидации Словацкого национального восстания. В этих боях приняли участие 3 800 солдат и офицеров. При наших потерях в 105 человек убитыми, 256 — ранеными и 369 — пропавшими без вести мы нанесли врагу следующий урон: 600 убитых, 1 200 раненых и 185 пленных⁴².

Третьим памятным местом мужественных боев повстанческих сил стал Телгарт. Немцы, которые в результате нерешительности наших командиров дешевой ценой захватили 31 августа Кежмарок и Левочу, а 1 сентября — Попрад, быстро двинулись по направлению к Грановице и уже 4 сентября осадили Телгарт. Отсюда — через Горегрон — они могли быстро выйти к Брезне и Банска-Бистрице. Опасность была очень велика. Военное командование послало на этот участок подкрепления (прежде всего качественную роту, сформированную из курсантов летной школы), а 4 сентября сменило командира и поставило на его место капитана Я. Станека. «Группа 5-го пехотного полка была действительно в жалком состоянии, повсюду царили смятение и хаос. Личный состав и офицерство были перепуганы, моральный дух сломлен, не было никакого желания сражаться, у большинства личного состава проявлялась тяга к дезертирству, поскольку уже четвертый день большая часть группы не получала питания. Я видел, что помочь здесь могут только твердая рука и железная дисциплина. Я распорядился любой ценой держать занятую позицию и даже не помышлять об отступлении. Затем я пригрозил, что если кто-нибудь отважится не выполнить моего приказа или же попытается дезертировать, то я без сожаления прикажу его расстрелять. Той же ночью личный состав получил теплую еду, хлеб и табак. Я готовил контратаку...»⁴³ — вспоминает Станек. В распоряжении у Станека было около 1 300 солдат и

⁴² М. Кропилак. Участие солдат в Словацком национальном восстании. Братислава, 1960, стр. 72.

⁴³ «Над Татрами сверкают молнии». Братислава, 1946, стр. 145

офицеров и 412 партизан (из групп Егорова, Сечанского и Белика). 6 сентября повстанческие части предприняли атаку. «Ровно в пять часов началась атака наших частей по всей линии фронта. До одиннадцати из-за упорного сопротивления немцев наша атака развивалась слабо. Деревня Телгарт страдала как от нашего, так и от немецкого обстрела. Вскоре после одиннадцати немцы начали с территории Телгарта отступать, в основном на севере, поскольку подразделениям 1-го батальона 5-го полка удалось севернее деревни Телгарт выйти на восточный берег Зубрицкого Потока. Немцы этого не ожидали. Многие из них попали в плен, но наши не помиловали ни одного эсэсовца. В исступлении и бешенстве из-за вынужденного отступления немцы также стали уничтожать наших мирных жителей (мы нашли трупы 7 убитых мужчин, 12 женщин и 2 детей) и подожгли Телгарт. Поскольку последние залпы нашей артиллерии пришлось по восточной окраине Телгарта, многие немцы задохнулись и сгорели в погребах и подвалах, многих из них мы там и добили... Бой продолжался...»⁴⁴. Столь натуралистическое описание первого дня боев вполне соответствует горестному настроению населения, оплакивавшего сожженный Телгарт и жертвы нацистской жестокости. Но эти факты также оказали влияние на повышение боевого духа и наступательной активности наших частей. Наступление немцев было задержано, а группа еще удерживала свои новые позиции до 21 сентября, когда она перешла в новое наступление в направлении Пустого Поля. И здесь ее ожидали успехи: она заняла Вернар и Добшинскую ледовую пещеру, а через три дня и Грановницу. Здесь повстанческие части остановились и организовали оборону. На этом наиболее вынесенном вперед участке они продержались более трех недель, до 19 октября. Их потери составили 159 убитых, 67 раненых и 117 пропавших без вести. Потери противника составили около 3 тысяч человек убитыми и ранеными. Содружество солдат и партизан проявилось и на этом участке. В боях участвовало много доброволь-

⁴⁴ «Над Татрами сверкают молнии», стр. 145.

цев из местного населения, например, группа под командованием учителя Я. Бело. Вспоминая об этих днях, он писал: «Когда несчетное множество немцев двинулось на Гореграбье, рабочие взяли в руки винтовки, набили карманы патронами, а к пальто прицепили гранаты, которые они же сами и делали на фабрике «Оцелови дом», и двинулись на передовую у Збойницка, куда со стороны Пустого Поля пробивались немцы. Командовал ими их учитель. Как черти, сражались они бок о бок со своими одетыми в военную форму товарищами-крестьянами из Шумяца, Погорелой, Хельпы и Телгарта, ротой которых командовал уроженец Хыба надпоручик Дано Корень. Они не обращали внимания ни на опасность, ни на дождь вражеских пуль, ими двигала только одна мысль: не пустить врагов и убийц в долину Грона, к нашим маленьким милым деревушкам, где живут наши матери, жены и дети. Любой ценой задержать захватчика и бить его, бить! Сегодня я должен признаться, что тогда нам и в голову не приходило, что наши парни ведут себя не так, как предписывалось, что они не умеют применяться к местности, а с открытой грудью несутся на врага лавиной, не думая о смерти... Целая копна ошибок и промахов...»⁴⁵.

Так и Телгарт был вписан в историю революционного народа.

На западном повстанческом фронте бои протекали не так успешно. С потерей Нитры открылась дорога на Топольчаны, которые без особых осложнений и были захвачены немцами 3 сентября. Военное командование не уделило в свое время достаточного внимания этому участку фронта, положившись на командира гарнизона в Земянских Костоланах капитана Вайнхольда. В этом районе в партизанские отряды и в армию вступило до 5 тысяч добровольцев. Вайнхольд стал командовать всеми вооруженными силами Верхней Нитры. Самые тяжелые бои на этом участке разгорелись 3—7 сентября в районе Батёвян, а 7—12 сентября — в районе Скачян. Сам Вайнхольд

⁴⁵ «Военные операции в национальном восстании». Братислава, стр. 60—61.

в этих боях погиб, а недостаточно хорошо организованные повстанческие части были разбиты. 14 сентября враг занял Приевидзе. Отсюда перед ним открывался путь на Турец и Погронье. Военное командование поняло грозящую опасность и попыталось организовать фронт, усилить его и контратакой между 14 и 18 сентября возвратить Приевидзе. В бой были введены и сильные партизанские отряды. Но из-за отсутствия координации действий, неэнергичного командования, а в некоторых случаях и слабой дисциплины (бригада Сечанского) контратака не удалась. Наоборот. Враг двинулся дальше — в направлениях на Немецке Правно — Гайдель к Турцу и на Гандлову и Св. Кржиж. Немецкие части приближались к сердцу восстания. Хотя атака немецкой пехоты при поддержке танков при Чremoшно, которая началась 4 октября и была приостановлена (в основном этот участок выстоял до самого конца восстания), однако немцам удалось прорваться в районе Склене — Долне Турчек — Кремничка, так что угроза нависла над частями западнее Кремницы. 5 октября армейское командование отдает несколько необдуманый приказ оставить Кремницу и отступить в Кремницкие горы. Только этот хребет и отделял теперь Банска-Бистрицу от линии фронта, и в городе хорошо были слышны артиллерийские выстрелы. В Кремницких горах фронт удержался до самой последней фазы повстанческих боев.

В конце сентября враг повел основные бои в направлении Св. Кржижа, с тем чтобы выйти в район Зволена. Поскольку у «Трех дубов» в это время должна была высаживаться 2-я воздушнодесантная бригада, этот участок превращался в ключевой пункт боев. Военное командование усилило этот участок всеми возможными резервами и партизанскими отрядами. Но положение развивалось неблагоприятно. Атаки немцев в долине Грона продолжались, 26 сентября пали Горные Гамры, 27 сентября — Жарновица, под угрозой был и Св. Кржиж. Разгорелись чрезвычайно острые бои, но противник продолжал наступление. 30 сентября пал и Св. Кржиж. С первых октябрьских дней тяжелые бои шли в долине Грона — от Яльной

до Дубравы. Вражеская артиллерия уже поражала район между Дубравой и Зволеном. Резервы командования были исчерпаны. Этот момент был одним из самых кризисных в развитии восстания, поскольку под угрозой оказался его центр.

Повстанческие части устали. Не оставалось ничего другого, как ввести в бой некомплектные подразделения 2-й воздушнодесантной бригады, которая по частям прилетала из СССР (между 26 сентября и 16 октября). Эти подразделения вместе с партизанскими отрядами и при поддержке артиллерийской группы капитана Хорвача пошли в контратаку и вернули Яльную и Дубраву, остановив тем самым немецкое наступление на Зволен. О том, как были измотаны повстанческие части, пишет полковник Пржикрыл, командир 2-й воздушнодесантной бригады: «Солдаты были совершенно измотаны. Было видно, что они долго, очень долго воевали без отдыха. Бог знает, сколько еще подобных им там, впереди, из последних сил удерживавших линию обороны...»⁴⁶. 9—12 октября развернулись жестокие бои, и повстанческим частям при поддержке артиллерии и танков удалось выполнить поставленные перед ними задачи, а немецкие части оттеснить. Потери с обеих сторон были большими. Фронт при Яльной после этого стабилизировался вплоть до 26 октября. Части 2-й воздушнодесантной бригады помогли сохранить положение.

Когда немцам не удалось пройти на Зволен долиной Грона, они перенесли тяжесть боев в направлении Банска-Штявница — Крупина — Зволен. Банска-Штявницу они заняли 9 октября, а Крупину, после тяжелых боев, — 18 октября. Отсюда они двинулись на север, на Зволен.

Это всего лишь краткий обзор боев на повстанческих фронтах до заключительной фазы (до 20 октября 1944 г.), приведшей к утрате свободной территории и к уходу в горы. Повстанческой армии, ее солдатам и офицерам приходилось учиться воевать в условиях полного окружения, им надо было пройти горькую школу приобретения собственного боевого опы-

⁴⁶ В. Пржикрыл. Продолжайте в горах. Прага, 1947, стр. 67.

та. В бою, в походе они должны были создавать свою организацию, вырабатывать свою боевую концепцию, закалять свои части. У армии было множество субъективных и объективных недостатков, у нее было много проблем. Часть из них была решена в боях, часть—еще оставалось решить. Все это требовало и времени. Но при оценке армии мы не должны, однако, забывать о том, что она была главной боевой силой Словацкого национального восстания и что в тяжелых условиях она все же честно выполнила свою задачу. Она сражалась два месяца, и сражалась неплохо, часто мужественно и героично. Без боев и жертв солдат и офицеров нельзя было бы два месяца удерживать свободную повстанческую территорию, отражая систематические атаки немецких вооруженных сил. Так повстанческая армия заняла почетное место в национально-освободительной борьбе словацкого народа, в борьбе за освобождение Чехословакии.

24. ДЕЛЕГАЦИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ЗАРУБЕЖНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ИЗ МОСКВЫ

Около полуночи 28 сентября 1944 г. Шмидке привел прямо с аэродрома на мою квартиру в Бистрице пять человек с вещевыми мешками за спиной. Один из них — в форме советского полковника — был А. Н. Асмоловым. Четверо других — обросшие и усталые, в ватниках — оказались Яном Швермой, Рудольфом Сланским, Марекон Чуленом и радистом. Они прибыли, чтобы помочь нам в борьбе. Разговор затянулся до глубокой ночи, вопросам с обеих сторон не было конца. Все эти товарищи прочно связали себя с борьбой словацкого народа, заслужили почетное место в истории Словацкого национального восстания.

Мы договорились о распределении обязанностей. Асмолов был послан из Киева в помощь партизанскому движению. Он стал заместителем Шмидке, то есть заместителем начальника Главного штаба партизанского движения (к тому времени Шмидке сменил звание «командующего» на звание начальника штаба). Фактически Асмолов стал душой Главного штаба партизанского движения. Офицер, прошедший специальную подготовку, и опытный воин, к тому же советский, он оказал ценное содействие восстанию, и не только в делах партизанских. Он вместе со Шмидке присутствовал на заседаниях Совета обороны, помогал везде, где требовалась помощь.

Шверма сотрудничал с нами в руководстве партией. Образованный и опытный партийный работник, проживший последние годы в Москве, многое повидавший, многое знавший, он помогал нам советом в решении важных вопросов партийной работы и повстанческой борьбы. Он постоянно принимал участие в деятельности политической комиссии ЦК

КПС. Интересовался буквально всем. Ему не было свойственно высокомерие или властолюбие. Он просто сотрудничал с нами, делился своими знаниями, опытом. И характером своим он как-то был близок словакам: живой, темпераментный, серьезный и веселый. Мы полюбили его. С ним все вопросы решались спокойно, уверенно.

Сланский работал в Главном штабе партизанского движения. Он занимался преимущественно формированием партизанских отрядов, которые должны были направляться в Чехию и Моравию. Сланский собирался организовать чешский партизанский штаб, который сам должен был возглавить. Но не получилось: не хватило времени. Человеком он был сдержанным и подтянутым.

Марек Чулен занялся партийной работой. Он был избран членом Словацкого национального совета, работал с массами, присутствовал на собраниях, неустанно пропагандировал идеи партии, необходимость антифашистской борьбы, особенно активно работал на селе.

К нам должны были прибыть и другие партийные работники из Москвы, главным образом словаки. Нужда в них была большая. Но прежде чем им удалось освободиться от служебных дел в Москве, оставшие были оттеснены в горы.

Между нами не было разногласий по принципиальным вопросам (это касается линии партии, деятельности Словацкого национального совета, отношения к армии и партизанам, единства антифашистского лагеря, отношения к Бенешу и лондонскому правительству и т. д.). Шверма высоко оценил достижения Коммунистической партии Словакии в деле подготовки и руководства антифашистской борьбой. Как революционер, всю сознательную жизнь посвятивший борьбе трудящегося народа, он и здесь — в Словацком национальном восстании — чувствовал себя в родной стихии. По отдельным вопросам Шверма критиковал нас, особенно когда речь шла о том, что еще предстояло сделать.

Он приехал из СССР, где все усилия народа были сосредоточены на войне, на победном ее завершении.

В Бистрице его поразила «мирная атмосфера», кажущееся безразличие к военным проблемам, хотя за Кремницкими горами раздавались залпы орудий. «Я себя чувствую как в Барселоне во время гражданской войны», — говаривал он и настраивал нас на всеобщую мобилизацию населения. В принципе он был прав, но со временем понял причины различия обстановки в Москве и в Бистрице. Война еще не коснулась Словакии, армия активно в ней не участвовала, страна не чувствовала в полной мере военных тягот. Восстание возникало не как результат бедствий войны. И естественно, что обстановку, то есть сознание и привычки людей, невозможно переделать за пару недель. Их не изменишь ни пропагандистскими воззваниями, ни организованными акциями. Это процесс длительный. Невозможно также в течение одной ночи изменить порядки и обычаи, сложившиеся в офицерской среде, перестроить дух и концепцию армии. Это требует времени. Правда, партия должна была ускорить этот процесс, и она работала. Но при всем том обязана была сознавать реальные пределы своих возможностей и не выдумывать «идеальные условия и идеальные ситуации». Шверме не пришлось пережить энтузиазм и революционный подъем первых дней и недель восстания. Он прибыл в ту пору, когда боевыми отрядами овладели усталость, разочарование, вызванное недостаточной помощью союзников, когда более рельефно проявились негативные моменты (множество беженцев с оккупированной территории, которые слонялись по Банска-Бистрице; трудности экономические и снабженческие; паника; отступление на фронтах и т. п.). Против этих отрицательных явлений нужно было бороться. И Шверма помогал нам в этом.

Нельзя упускать из виду и следующее. Шверма и Готвальд в Москве имели возможности и время для разработки и продумывания множества проблем национально-освободительной борьбы и народно-демократической революции, проблем тактики, этапов и темпов решения различных вопросов, для уяснения общей перспективы. У них в Москве были значительно бóльшие возможности для получения информации. Однако они не были знакомы с конкретной обстанов-

кой в стране. Мы же были завалены (как во время подготовки восстания, так и в ходе боевых действий) множеством конкретных задач, малых и больших, множеством организационных и технических вопросов и в этом постоянном круговороте в условиях огромной перегрузки порою были лишены возможности более широко взглянуть на явления, особенно в общегосударственном масштабе. В этом отношении и нам и Шверме очень помогло ежедневное сотрудничество. Так, например, он выдвинул вопрос о скорейшем осуществлении земельной реформы: «Распределить хотя бы одно крупное поместье между мелкими крестьянами и использовать это в целях пропаганды». Но такое распределение в ходе боев породило бы столько политических и других препятствий (сопротивление демократической партии, незначительное число крупных поместий на освобожденных территориях, опасение крестьян, что вернутся немцы, а вместе с ними и хозяева поместий и т. д.), что Шверма в конце концов убедился в невозможности и несвоевременности решать эту задачу в ходе восстания. Поэтому вопрос о конфискации и распределении земель оставался нерешенным.

Или возьмем вопрос о национальных комитетах. У Швермы были критические замечания, касающиеся состояния дел в национальных комитетах на повстанческой территории. При этом он руководствовался теоретическими представлениями, сложившимися у него в Москве. Но когда же революционная ситуация точно соответствовала предварительным теоретическим выкладкам? На характер становления национальных комитетов в условиях восстания оказали влияние многие факторы, как общие, так в еще большей мере и местные. Вначале каждый национальный комитет, особенно районный, являлся как бы самостоятельной республикой. Он имел генеральную директиву партии — делать все, что в интересах революции и восстания. Распространить первый революционный опыт национальных комитетов, сохранить все хорошее и правильное, устранить в ходе борьбы все негативные моменты и легализовать такое состояние законным путем—эта задача была гораздо труднее ка-

бинетного теоретического выяснения функций этих органов в национально-демократической революции. Шверма понял, какую революционную и позитивную роль играют национальные комитеты в восстании, понял, что они при всех их ошибках — органы власти революционного народа, что в политическом отношении на них оказывает влияние и руководит прежде всего Коммунистическая партия Словакии. И это его удовлетворяло. А мы пытались легализовать данное состояние решением Словацкого национального совета. Это не удалось сделать. Вопрос был отложен до более благоприятных времен.

Так же обстояло дело и по ряду других вопросов. Шверма после долгих лет пребывания вне страны ознакомился с действительным положением в Словакии. Он анализировал факты, творчески мыслил. После многих споров и дискуссий проблемы прояснялись, мы приходили к общим выводам. Шверма помогал нам после прибытия правительственной делегации, он твердо стоял на точке зрения Коммунистической партии Словакии. Фронт чешских и словацких коммунистов был прочным и единым. Позицию чешских коммунистов воплощал и выражал в восстании Ян Шверма.

Мы ожидали приезда правительственной делегации из Лондона во главе с Немцем. Шмидке встречался с делегацией в Москве, Шверма тоже не раз вел разговоры с членами делегации. Мы знали, что эта делегация собой представляет, чего она добивается на освобожденной территории. Важно было опередить выступление правительственной делегации обращением от лица делегации чехословацкого Сопротивления, прибывшей из СССР. Этот приоритет имел бы большое политическое значение: московская эмиграция впервые обратилась бы к народу здесь на родной земле, тем самым возрос бы ее авторитет у общественности и одновременно это в значительной мере связало бы руки правительственной делегации. Это довольно хорошо понял и министр Немец, когда он вскоре пожаловался в Лондон, что даже лондонское радио уделило больше внимания выступлению Швермы, чем его собственному. Мы договорились, что на пленуме

Словацкого национального совета выступят Шверма и Чулен. Шверма с нами консультировался по поводу своего выступления. Он выступал от имени Всеславянского комитета в Москве, но каждый понимал, что речь идет о заявлении одного из руководителей чешских коммунистов, члена руководства Коммунистической партии Чехословакии. Шверма свой мобилизующий доклад построил с учетом сложившейся ситуации.

На пленуме Словацкого национального совета 3 октября 1944 г. он, в частности, сказал:

«СССР пришлось выдержать самое тяжелое испытание, которому когда-либо подвергался какой-либо народ. Годы войны означали огромное напряжение сил. Это были тяжкие годы, значительно более трудные, чем вы сейчас переживаете в Банска-Бистрице. В 1941 г. немецкая военная машина обрушилась на Советский Союз и дошла почти до Москвы. Тогда вся жизнь, весь транспорт СССР служили исключительно потребностям армии: Москва жила в нужде, люди же трудились на предприятиях, получая ломоть хлеба и тарелку супа, а ночью рыли окопы... В тяжелые часы испытаний СССР сумел, порою суровыми мерами, добиться порядка и дисциплины. Когда немцы стояли под Москвой, в городе был введен фронтовой закон — любой паникер или агент врага мог быть расстрелян на месте. Все эти и подобные меры Советский Союз мог осуществить именно потому, что опирался на широкое идейное единство всего народа»¹. Шверма ненавидел легкомыслие и апатию, которые он наблюдал в некоторых кругах в Банска-Бистрице. Поэтому он умышленно говорил о жестких мерах, к которым вынужден был прибегнуть СССР во время войны. Чтобы каждому было ясно: вот как надо действовать, только так можно выиграть войну.

Говоря о национальном вопросе в ЧСР, он снова привел советский пример: «Свобода в СССР построена на равноправии. Мощь, вытекающая из единства, так велика, что СССР и во время войны многое сде-

¹ Протокол СНС. Архив Словацкого национального совета (АСНС).

лал в этом отношении. Год тому назад были приняты новые законы, согласно которым советские республики получают новые права и создаются народные комиссариаты иностранных дел в отдельных республиках. Сегодня СССР представлен за рубежом не только Молотовым, союзным министром иностранных дел, но созданы уже министерства иностранных дел отдельных республик, как, например, Украины, которая уже сейчас участвует в переговорах с Румынией. Созданы также народные комиссариаты обороны (в отдельных республиках)»².

Имея в виду местные и зарубежные буржуазные политические спекуляции, он напомнил о советской внешней политике: «По одному пункту СССР будет требовать гарантий, будет требовать определенной направленности политики своих соседей; он будет требовать, чтобы в соседних государствах власть была демократической и дружественной Советскому Союзу. СССР, однако, не будет вмешиваться во внутренние дела соседей, и его принципиальная линия определена словами Сталина о том, что СССР хочет освободить остальные народы и дать им возможность строить свою новую жизнь в соответствии со свободным волеизъявлением самого народа»³.

Шверма не строил иллюзий в отношении Бенеша и еще меньше относительно лондонского правительства. Он видел их политический облик, знал многое и об их планах. Он полностью поддерживал Словацкий национальный совет в его борьбе с Лондоном. В этом же выступлении он предупреждал лондонскую эмиграцию, чтобы она не вставала на путь польских или югославских реакционных кругов, «Особенно радостно сознавать, что по принципиальным вопросам нашего Сопротивления у наших зарубежных деятелей существует... полное единство. В этом нам повезло значительно больше, чем полякам или югославам... Почему же существует такое различие между польской или югославской эмиграцией и нашей? По-видимому, причина кроется в единой в основном точке зрения

² Там же.

³ Там же.

чехословацкой эмиграции по вопросу о том, что Чехословакия, которую мы хотим построить и создать, не может после трагического опыта минувших лет быть простой копией старой Чехословакии 1938 г. Это должна быть новая, действительно демократическая Чехословакия! Ошибкой польских и югославских реакционных политиков является то, что они считают возможным возвращение к эпохе, которая канула в прошлое... Сегодня мы все понимаем, что поражение Гитлера будет одновременно и огромной бурей, что возникнет страшный ураган. Мы все знаем, что невозможно повернуть вспять. ...Наша демократия должна быть углублена как в направлении расширения власти трудящихся масс, так и по своему социальному содержанию»⁴.

Что касается известной позиции Бенеша и его окружения по вопросу о характере решения национальной проблемы у нас, то Шверма считал необходимым особенно четко определить и подчеркнуть точку зрения чешских коммунистов. Важно, что это произошло до приезда Немца. Шверма сказал: «ЧСР должна решить по-новому свои внутривластные проблемы. Речь идет прежде всего о взаимоотношениях двух наций — чешской и словацкой. Речь идет о чехословацком единстве и о признании словацкого народа как самостоятельного славянского народа. Наша точка зрения ясна: словацкий народ — это самостоятельный славянский народ. Он имеет полное право, как и любой другой славянский народ, быть хозяином своей страны. Новая республика не может быть построена на основе искусственных связей, искусственных договоров. Она должна быть создана как братская республика трех славянских народов: чехов, словаков и карпатских украинцев. В этой республике в Чехии хозяином будет чех, в Словакии — словак, в Карпатской Украине — карпатский украинец. Все мы будем совместно создавать и строить новое государство. Мы убеждены, что чем полнее будет свобода наций, тем прочнее будет новая Чехословацкая республика...»⁵.

⁴ Там же.

⁵ Протокол СНС.

Шверма упомянул также о проблеме венгерского и немецкого меньшинств: «Что касается проблемы немцев и венгров в новой республике, то здесь необходимо пойти на радикальные меры, уменьшить численность немецкого населения в республике. Мы заявляем, что не будем чинить никаких препятствий радикальному решению этой проблемы». Как известно, Бенеш уже давно учитывал необходимость переселения немецкого и венгерского населения и в этом направлении уже подготавливал международные соглашения.

Шверма часто говорил с нами о положении в протекторате. У него не было сведений о том, что там происходит, в каком состоянии находится движение Сопротивления, какие кадры удалось сохранить, на какие действия можно там рассчитывать. Московское руководство Коммунистической партии Чехословакии после начала Словацкого национального восстания стремилось усилить интенсивность движения Сопротивления в протекторате. Однако ситуация там была очень тяжелой. Сопротивление еще не созрело для вооруженного выступления. Шверму это очень растреивало. Об этом свидетельствует и его выступление в Словацком национальном совете: «По всем проблемам все наши зарубежные деятели сознавали, что они могут вести лишь их разработку, но решающее слово за деятелями Сопротивления на родине и прежде всего за нашим народом... Мы стремились к тому, чтобы наше Сопротивление в Чехословакии было на высоте, чтобы оно твердо и единым фронтом начало вооруженную борьбу против оккупантов. Довольно трудно нам было находить ответы на вопросы национального Сопротивления в Чехословакии, особенно когда прибыла делегация югославских партизан, когда полякам удалось развернуть широкое освободительное движение, ибо речь шла о престиже нашего народа, нашего государства. После этой кошмарной войны, которая была испытанием для каждого народа, никто не вправе прийти и стать в один ряд с народами, боровшимися против оккупантов. Мы ответственны за моральную силу нашего народа. Пятьсот лет чешский

народ черпал моральную силу из гуситских войн. Какие ценности мы вынесем из нынешней борьбы?»⁶.

С точки зрения международного престижа борющихся народов, Словацкое национальное восстание имело для нашего государства чрезвычайно большое значение. Шверма это также подчеркнул: «Борьба словацкого народа — великое дело. Это великое дело и для Чехословакии как государства, мужество словацких борцов имеет огромное значение и для чешского народа. Когда месяц назад в Москву пришло сообщение о Словацком национальном восстании, правительственная делегация в Москве приветствовала великую борьбу словацкого народа, которая знаменует собой новое положение словаков в республике и которая является великим вкладом в дело освобождения. Была опубликована прокламация, подписанная всеми чехами, живущими в Москве, в которой они призывали весь чешский народ встать бок о бок со словаками в их борьбе против оккупантов. С первого дня восстания мы информировали советскую общественность о нем, указывали на характер Словацкого восстания и вели переговоры об оказании ему практической помощи»⁷.

Делегация Немеца, которая должна была осуществлять власть на освобожденной территории, находилась в пути. В беседе со Швермой мы ясно показали, что не допустим представителей лондонского правительства к власти на освобожденной территории. Право на это имеет исключительно Словацкий национальный совет. Шверма с нами был согласен. В выступлении в связи с приездом делегации Немеца он говорил: «Положение изменилось в связи с тем, что вспыхнуло Словацкое национальное восстание и создан Словацкий национальный совет. Упомянутая делегация должна приехать не с прежними полномочиями, а должна, будучи представителем правительства, сотрудничать со Словацким национальным советом»⁸.

⁶ Протокол СНС.

⁷ Протокол СНС.

⁸ Там же.

На заседании Словацкого национального совета выступил также и М. Чулен. Он, в частности, сказал: «Мы радуемся главным образом тому, что наш сплоченный народ впервые в истории с оружием в руках вышел на борьбу за свою свободу. Я вспоминаю о грустных днях 1941 г., когда я пришел во Всеславянский комитет, где представители других славянских народов спрашивали меня: «А почему словаки воюют против братских славянских народов?» Очень горько мне было тогда. Я заверял, что твердо верю: наш народ найдет путь к другим славянским народам. Как видите, я не ошибся»⁹.

В выступлениях и деятельности прибывших из Москвы в дни восстания представителей зарубежного сопротивления подтверждалось единство взглядов и единство в антифашистской борьбе словацких и чешских коммунистов, повстанческой Словакии и московской эмиграции. Это имело огромное значение как для того времени, так и для будущего.

⁹ Протокол СНС.

25. ОТНОШЕНИЕ БЕНЕША И ЛОНДОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ВОССТАНИЮ

Утром 30 августа 1944 г. министр внутренних дел Ю. Славик зачитал по лондонскому радио «Заявление правительства о событиях в Словакии»: «По требованию правительства Тисо немецкие войска начали 29 августа оккупацию Словакии... Словаки, однако, поднялись на борьбу против немецких завоевателей и предательского режима в Словакии... Долгие месяцы отечественный фронт совместно с чехословацким правительством готовился к решающим действиям... Чехословацкое правительство с волнением в сердце следит за этой героической борьбой и всеми силами стремится добиться того, чтобы союзники оказали ей всю возможную материальную и боевую помощь. Правительство призывает всех словаков, чехов и население Прикарпатья включиться в будущие бои. Чешские патриоты должны сделать все возможное, чтобы помочь своим словацким братьям, — разрушать немецкие линии связи, препятствовать перевозкам немецких войск и материалов. Жители моравско-словацких областей должны примкнуть к сражающимся словацким отрядам... Правительство объявляет всех борющихся составной частью чехословацких вооруженных сил — частью чехословацкой армии и союзных войск становятся все воинские и партизанские части и все отдельные лица, которые принимают активное участие в борьбе на территории ЧСР... Словацкие патриоты сознают, что свобода и честь стоят любых жертв. Будущие поколения будут с гордостью и благодарностью вспоминать эту героическую борьбу, которая включает словаков в общую битву за новую жизнь всего человечества. Наш народ уже доказал предыдущими своими жертвами, что хочет добиться освобож-

дения своими собственными руками. Словацкому примеру будут следовать и остальные части республики»¹.

Главнокомандующий чехословацкими вооруженными силами генерал Ингр 30 августа объявил по лондонскому радио: «...Воинские части Словакии, которые вместе с партизанскими отрядами, согласно предварительным планам, стали составной частью чехословацкой армии, начали сопротивление...»². В тот же день министр Масарик, выступая по лондонскому радио, сказал: «...весьма важное для нас известие посылает Словакия. Мы давно уже знали, что к этому идет... Известие о большом восстании, о соединении регулярных словацких войск с отрядами партизан... о начале общенародной войны Словакии с немецким врагом... Наступило то, чего мы все ждали и чем все мы глубоко взволнованы. Это событие исторического значения, которое укрепит общую братскую жизнь чехов и словаков больше, чем все, что было до сих пор. Наши сердца и вся наша помощь с вами, мои дорогие! Вы должны получить всемерную помощь от чешских земель... Ваше выступление, словацкие братья, является сигналом для выступления всех чехословаков!»³.

Я мог бы цитировать и другие воззвания тех дней. В таком духе была информирована и вся иностранная печать. Например, газета «Обсервер» (3 сентября) так информировала английскую общественность: «Согласно государственной чехословацкой информации, восстание было организовано, и им руководила подпольная военная организация, которая получала указания от правительства Бенеша...» Влиятельная газета «Таймс» писала: «Господин Масарик объяснил, что восстание началось в тесном сотрудничестве с чехословацким правительством в Лондоне; это правительство, а также правительства союзников были полностью информированы»⁴.

Все это были обещания, предназначенные для ушей повстанцев: вся помощь правительства, вся возможная

¹ «Словацкое восстание». «Новые часы», Лондон, 1944, № 1—2, стр. 45.

² Там же.

³ Там же, стр. 45—46.

⁴ Там же, стр. 46.

помощь союзников, боевое выступление народа на территории всей страны и т. д. Бенеш и его правительство заявляли всему миру: это наше дело, мы его подготавливали, мы его осуществляем. К. Готвальд в информации, которую он передал заместителю министра иностранных дел СССР 2 сентября, подчеркнул: «Политическая платформа Словацкого национального совета — демократическая Чехословацкая республика на основе равноправия словацкого и чешского народов (не исключено, что на основе федерации). Крепкая дружба с СССР... Заявление лондонского правительства о том, что оно руководит этой борьбой, мы считаем хвастовством, а объявление словацкого национального войска составной частью чехословацкой армии мы считаем преждевременным и вредным с политической и военной точки зрения»⁵.

Я писал уже о том, как Бенеш, его правительство и генералитет подготавливали в Словакии свое выступление, как они стремились овладеть политическим и военным руководством подготавливаемого восстания. При цитировании их хвастливых заявлений сразу же возникает вопрос: что, собственно, подготавливали и подготовили Бенеш и его правительство, их государственный аппарат в Лондоне в помощь восстанию? Что сделали для координированного выступления в Словакии и в чешских землях? Что предприняли для того, чтобы получить конкретную помощь от союзников? На все эти вопросы был лишь один ответ: ровным счетом ничего! Их обещания в радиопередачах были совершенно безответственными.

Потом в Лондон из Словакии стали приходить известия о действительной ситуации: восстанием руководит Словацкий национальный совет, находящийся под влиянием коммунистов; совет назначил Голиана генералом и главнокомандующим, национальные социалисты из сотрудничества исключаются, восстание ясно ставит вопрос о национальной самостоятельности словацкого народа и т. д. Стало ясно, что это совсем не то движение, о котором мечтали Бенеш и Ингр. На

⁵ «Чехословацко-советские отношения во время Великой Отечественной войны». Прага, 1960, стр. 172.

эти известия лондонское правительство реагировало уже иначе. Лацо Новомеский, который приехал в Лондон в октябре 1944 г. с делегацией Словацкого национального совета, говорит об этом так: «Словацкое национальное восстание вызвало в кругах чехословацкой эмиграции в Лондоне изумление, даже панику, радостное возбуждение среди членов совета и, скажем, неопределенное чувство в правительственных кругах. Несмотря на то, что Бенеш 8 сентября одобрил словацкое восстание и сказал, что он знал точный день и час его начала и т. д., лондонское радио целых две недели оставляло восстание без официального политического комментария. Решительно в духе взглядов Словацкого национального совета высказался за восстание только Петер Грон (д-р Клементис), однако этот комментатор в то время имел положение частного лица, хотя свои выступления он консультировал с представителями КПЧ (Носек) и их сотрудниками на радио (Лаштовичка). За время нашего пребывания в Лондоне коммунисты и некоммунисты рассказывали нам, как правительство было просто фраппировано событиями, как оно не сумело объяснить, что, собственно говоря, означает восстание, какие преследует цели, и уж совершенно не сумело дать надлежащее объяснение о самом важном антифашистском выступлении в стране за возрождение республики даже тем сотрудникам, которые в нем настоятельно нуждались для своей работы на радио или в отношениях с союзниками. Некоторые министры ушли в отпуск — «добиваться дружеского расположения к справедливому делу чехословацкого народа среди влиятельных особ союзнических государств» (на деревенскую охоту или куда-либо еще), и я, право, не знаю, говорили ли о ком-нибудь с уважением, может быть, только о тех, кто честно признавал свою беспомощность. Эта беспомощность не была еще худшей стороной дела. Хуже было то, что все эти элементы воспринимали и авторитетно распространяли самые различные домыслы и представления о политическом смысле и фоне восстания. Домыслы фантастические и безответственные, в которых степень идиотизма можно было измерить лишь тем разочарованием, которое принесло им вос-

стание, спутав все их представления о возрождении республики, их узкие цели. Кое-что мы уже знали о том, кто и чего ждал от возрождения республики. Мы были знакомы с наказами Бенеша перед восстанием и с его правительственными запросами, адресованными уже непосредственно Словацкому национальному совету во время восстания. Но картина, которую представлял чехословацкий Лондон во время Словацкого национального восстания, нас, или по крайней мере меня, удивила и взволновала».

Я уже писал о двух концепциях заграничного чехословацкого сопротивления — лондонской и московской, а также о том, что Словацкий национальный совет под влиянием Коммунистической партии Словакии проводил в Словакии концепцию, подобную, родственную московской. Восставшая Словакия отвергла концепцию генералов и Бенеша, концепцию «военных акций» под военным и лондонским командованием, отвергла возможность сделаться отечественной основой для наращивания сил и осуществления планов буржуазного эмигрантского правительства. Она шла иным путем — путем народной революционной силы, которая утвердила власть народных правомочных органов. В ходе восстания Коммунистическая партия Словакии стала руководящей, правящей и решающей силой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Бенеш и его правительство понимали, что их позиции в стране крайне шатки, если вообще не потеряны. Именно это вызвало в Лондоне смятение, растерянность и гнев по отношению к восставшей Словакии.

Разве могли они проглотить эту пилюлю, разве могли с восторгом поддерживать антифашистскую борьбу в Словакии, если значительная часть их усилий в эмиграции была направлена на обеспечение собственных политических и руководящих позиций в стране, на перебазирование власти из Лондона на отечественную почву? Разве могли они отказаться от заветной мечты вернуться с триумфом в Прагу и Братиславу? В антифашистском чехословацком лагере выкристаллизовалось внутреннее противоречие между силами буржуазии, представленными прежде всего лондонским правительством, и силами трудящихся в

стране, представленными Коммунистической партией Словакии и Словацким национальным советом. Напряженность и холодное отношение, взаимные подозрения и недоверие царили в этом лагере в течение всего периода Словацкого национального восстания.

К. Готвальд в уже цитированном письме Молотову от 2 сентября 1944 г. о Словацком национальном восстании отмечал: «...решающий характер этой борьбы чисто словацкий, своими обстоятельствами он напоминает борьбу в Югославии...». И Шверма в своем выступлении в Словацком национальном совете сделал ясные намеки на позицию реакционных эмигрантских правительств — югославского и польского — в Лондоне. В обоих случаях эти эмигрантские правительства в Лондоне вступили в острый конфликт с силами вооруженного народа у себя на родине, руководимого коммунистической партией и прогрессивными элементами. Эти конфликты в обоих случаях кончились полным поражением эмигрантской буржуазии. Конфликт между словацкими повстанческими органами и лондонским правительством имел тот же характер, в нем решались подобные же принципиальные вопросы. Разница же, помимо всего прочего, была в том, что Бенеш и его окружение, видя, что все их хитрости и дипломатия не достигают цели, отступали от своих позиций, когда не могли настоять на своем. Так было и в случае Словацкого национального восстания. Конфликт между Словацким национальным советом и лондонским правительством особенно обострился при решении двух основных проблем: 1) проблема правительства и власти на освобожденной территории страны в ходе восстания и после него; 2) проблема признания словаков в качестве самостоятельной нации со всеми вытекающими отсюда последствиями для решения отношений после освобождения (словацкие национальные органы и т. д.). Обе проблемы были тесно связаны между собой, было невозможно решать их изолированно одну от другой. Словацкий национальный совет, исходя из существования словацкой нации, что являлось историческим фактом, взяв в свои руки революционным путем всю власть в Словакии, объявил себя верховным словацким национальным

органом, подчеркивая, что в возрожденной Чехословакии будет необходимо считаться с этим фактом и на этой основе должны будут строиться взаимные отношения чехов и словаков в новом государстве. Все это находилось в полном противоречии с прежней концепцией и практикой лондонского правительства. Конфликт был неизбежен.

В оценке этого конфликта в годы культа личности многих обязали к примитивизации всей проблемы: как будто бы речь шла только о решении национального вопроса. Это неправда. Основным вопросом был вопрос о власти на освобожденной территории страны, вопрос о том, какие силы, в каком направлении и с какими целями будут вести и направлять развитие на освобожденной территории страны. Будет ли это путь реставрации домюнхенской капиталистической Чехословакии (с ее нерешенностью национального вопроса) или путь народно-демократической, а в дальнейшем и социалистической Чехословакии (с осуществлением ленинского принципа в решении национального вопроса). Эти классовые противоречия были основными. Они возникли бы между отечественным революционным органом (руководимым партией) и лондонским правительством даже в том случае, если бы и не произошло такого события, как Словацкое национальное восстание. Они возникли бы и в чешских землях, где не стояло проблемы национальной самостоятельности. Эти классовые противоречия в антифашистском лагере, вопрос о классовой гегемонии в национально-освободительном движении и на освобожденной территории страны были основой противоречий и в Югославии и в Польше, были они основой споров между руководством Словацкого национального восстания и Лондоном. Выдвижение на первый план словацкого национального вопроса сыграло положительную роль не только в том смысле, что оно помогло мобилизовать трудящиеся массы на антифашистское сопротивление, но и в том смысле, что оно помогло завоевать руководящую роль народных революционных масс в стране, что оно давало правильный и справедливый национальный девиз для завоевания власти в нашей революции. Если бы Словацкое национальное

восстание проходило под решающим влиянием словацкой буржуазии, если бы она, буржуазия, определяла формы и цели восстания, даже если бы она подняла вопрос о самостоятельности словацкой нации, то отношение повстанческих органов к правительству Бенеша развивалось бы совершенно иначе. Потому, что в главном вопросе — сохранение капиталистического порядка — Лондон и буржуазная Банска-Бистрица имели бы общую основу и общую цель. Такую буржуазную постановку вопроса и такой метод решения словацкого вопроса мы уже знали и пережили в 1918 и 1939 гг. И мы его отвергли. Во время восстания постановка словацкого вопроса имела однозначно прогрессивный характер, так как помогала решить главную задачу — задачу установления народной революционной власти.

Эти внутренние противоречия в антифашистском лагере были потенциально возможны, однако в интересах единой борьбы их можно было не учитывать, замалчивать, отодвигать до тех пор, пока дело не дошло до дележа хлеба, а им неизбежно становилась первая же свободная территория, на которой неизбежно всплывали на поверхность все противоречивые концепции и тенденции антагонистических классов. Первой свободной территорией была территория восстания. Не случайно Коммунистическая партия Словакии и прогрессивные силы восстания встретили полное понимание и согласие московского руководства Компартии Чехословакии, но одновременно вступили в конфликт с Лондоном. Фоном всех споров был вопрос о классовой власти. Именно поэтому ситуация в восставшей Словакии доставляла Бенешу и его окружению много хлопот.

Этим объясняется и тот факт, почему Бенешу нужно было целых 10 дней на то, чтобы лишь 8 сентября 1944 г. в выступлении по радио высказать свою точку зрения на событие такого международного и внутригосударственного значения, каким было Словацкое национальное восстание. О речи Бенеша было объявлено заранее. Борющаяся Словакия ждала, что будет выражено ясное отношение к основным вопросам: отношение Бенеша к отечественным революционным ор-

ганам (Словацкому национальному совету, национальным комитетам), к вопросу о словацкой нации, к вопросу о помощи восстанию со стороны чехословацкого правительства и союзников, к вопросу о расширении вооруженного сопротивления на всей территории государства. Но речь Бенеша не только разочаровала борющуюся Словакию, но и огорчила ее и оскорбила. Президент государства, олицетворявший высшую власть, в эти минуты не нашел ни одного теплого слова в адрес борцов. В его речи явно сквозили растерянность, холод и осторожность рутинера. Он обошел все важные вопросы и значительную часть своего выступления посвятил самовосхвалению и возвеличению своей государственной мудрости. Ни единого слова он не сказал о Словацком национальном совете, как будто его и не существовало. Ни единого слова о решении национального вопроса! Ни единого слова о помощи правительства и союзников! Общее впечатление было такое, что он оставлял восстание на произвол судьбы.

Он сказал: «...Произошло событие, историческое значение которого всегда было и будет для нас велико. Словакия поднялась на решительную, достойную, мужественную борьбу, перед всем миром поднялась на борьбу за Чехословацкую республику... Именно Словакия сразу после 1939 г. объединилась со всеми нами, чтобы в духе традиции 1918 г. помочь освобождению и возрождению республики»⁶. Подлинной Словакией была для Бенеша та Словакия, которая исходила из традиций 1918 г., из традиций буржуазной республики, из традиций чехословакизма, Словакия, которая его поддерживала, которая признавала и уважала его взгляды и планы, словом, та горстка людей, которая служила ему верой и правдой, но которая не имела никакого веса в словацком народе.

А дальше следовало самовосхваление: «Сразу же после 1940 г. мы создали сильные и широкие связи между Лондоном и словацкими краями. С 1940 г. до сего дня эти связи никогда не прерывались, мы всегда хорошо знали не только о том, что делается в Слова-

⁶ Э. Бенеш. Шесть лет изгнания и второй мировой войны, стр. 228.

нии, но и то, каковы в действительности чувства и желания словацкого народа. Все годы войны мы были постоянно связаны со словаками, обменивались мнениями, сообщениями и точками зрения почти ежедневно; у нас было постоянное, действенное и хорошее сотрудничество со всеми словацкими политическими кругами и армией на родине в течение всего последнего года. В последние месяцы мы ежедневно обменивались совместными планами о том, что должно быть подготовлено и что должно делаться в ту или иную минуту. Наши союзники на Западе и на Востоке были обо всем этом информированы, они знали столько же, сколько мы, о том, что словаки хотят и что подготавливают... Здесь, в Лондоне, с самого начала августа мы уже знали подробно, что готовится в Словакии. Мы знали день и час, которые немцы сообщили Тисо... время и способ захвата Словакии... мы принимали здесь против этого свои общие меры с вами, словаками»⁷. Более половины своего выступления о Словакии Бенеш посвятил восхвалению своей службы информации. Однако он забыл сказать — если уж он так все хорошо знал, — что он сам лично сделал для помощи Словацкому национальному восстанию.

Кроме службы информации, он должен был похвалить кого-то и в Словакии. В этой похвале Бенеш откровенно говорил о том, на кого прежде всего он опирался, какие действия в Словакии он подготавливал. «Давайте же воздадим должное мужественным словацким офицерам, которые создали и разослали свои планы, кто, где и когда станет в ряды Сопротивления против немецкой армии... Давайте же торжественно отметим, что это было не в Братиславе, но в Лондоне, куда эти офицеры и солдаты и наши мужественные партизаны обращали свои взоры потому, что видели в своем чехословацком правительстве и в своем главном военном командовании своих подлинных защитников, которые в течение долгих месяцев действовали безошибочно. Все мы последнее время

⁷ Э. Бенеш. Шесть лет изгнания и второй мировой войны, стр. 229.

принимали свои решения сообща и в полном согласии с ними»⁸.

О словацком народе, о рабочих, крестьянах и интеллигенции, которые несли всю тяжесть нелегальной борьбы, которые подготовили Словацкое национальное восстание, которые жертвовали своими жизнями, Бенеш не сказал ни слова.

Сотрудники службы информации и офицеры — на них можно положиться, о них следует говорить. Именно заслуга этих верных Бенешу органов в том, что «словаки сегодня не там, куда их привело предательское братиславское правительство, не там, где сейчас мадьяры, где сейчас болгары...» (то есть не среди побежденных народов). Вот такая моральная поддержка исходила от шефа заграничного правительства по отношению к своему борющемуся народу!

Остро стоял вопрос о всесторонней активизации антифашистского движения на чешских землях. Я уже упоминал о том, как чешские коммунисты стремились координировать все боевые выступления чешского народа со Словацким национальным восстанием. Напомню еще, как оценивали ситуацию в Чехии нацисты. К. Франк, испуганный Словацким восстанием, писал 3 сентября Гиммлеру: «От военной и политической ситуации в Словакии зависит в известной степени и ситуация в Протекторате Чехия и Моравия... Отклик на эти события среди чешских граждан чрезвычайно велик. Я убежден в том, что события (в Протекторате.— Г. Г.) приобретут значительный размах, если восстание в Словакии не будет подавлено с чрезвычайной быстротой достаточным количеством сил. Как я понимаю ситуацию на основе сообщений, которые постоянно получаю, нельзя упускать ни минуты»⁹.

На подавление восстания Франк мобилизует Генлейна, Бормана и других. Он ввел смертную казнь за переход словацко-моравских границ. И многие люди заплатились жизнью за подобные попытки. Он усилил полицейские силы на этих границах. Генералу СС Хёфле он сказал, что у него не хватает сил для

⁸ Там же, стр. 230.

⁹ «Словацкое национальное восстание». Документы, стр. 419.

того, чтобы организовать в Протекторате «большую акцию»: «развитие в Словакии является решающим для всего Протектората». Больше всего его волнует судьба чешской военной промышленности, которая, «к великому удивлению, до сих пор действует».

Он требовал от Хёфле оружия «из словацкой добычи»¹⁰. И в дальнейших донесениях Франк видит в Словацком национальном восстании главную опасность. 8 сентября он сообщает Гиммлеру: «Известия о растущем терроре и тирании немцев имеют широкий отзвук. Ситуация в Протекторате еще более обострилась благодаря военным и политическим событиям минувших дней. Безотлагательно требуется, чтобы восстание в Словакии было ликвидировано как можно быстрее...»¹¹. Так понимали нацисты события и соответственно поступали.

Что в этой ситуации советовал Бенеш чешским антифашистам? «Всем вам в Чехии и в Моравии советую следующее: помогайте Словакии уже сегодня чем только можете. Скоро настанет минута (значит, она еще не настала! — Г. Г.), когда вы будете гнать, бить, уничтожать немцев, нацистов, изменников... К вам на помощь придем вовремя и все мы, из-за границы, придет Красная Армия, придут западные союзники...»¹². Эти слова в Чехии не могли быть поняты иначе, как только ждать, ждать и еще раз ждать, еще не пришло время! Не случайно лондонские власти строго критиковали Немеца, Пику, а также других за то, что в середине сентября 1944 г. они подписали в Москве вместе с коммунистами воззвание к чешскому народу, призывавшее к вооруженному выступлению.

Для завершения характеристики позиции Бенеша в этом вопросе цитирую из донесения Л. Новомеского о заседании делегации Словацкого национального совета совместно с президентом: «Очевидно, потому, что Бенешу было известно о том, что мы чересчур полагаемся на восстание, на факт его существования, на его размах, он подвел нас однажды к большой карте

¹⁰ АИИ КПС.

¹¹ «Словацкое национальное восстание». Документы, стр. 467.

¹² Э. Бенеш. Шесть лет изгнания и второй мировой войны, стр. 231.

Чехии, на которой различными цветами были обозначены обширные области на севере, юге, востоке и западе. Белых, неокрашенных мест было очень мало. Он сказал: «Все это места, где размещены наши партизанские отряды. Они готовятся к действию». Он посвящал нас во все подробности, касающиеся силы и боеспособности этих отрядов». Это было во второй половине октября. Бенеш, очевидно, верил в существование этих отрядов, он говорил об этом и делегации Словацкого национального совета и всему миру, однако трудно понять, чего же еще он тогда ждал во время Словацкого национального восстания?

Я процитировал довольно обширно это единственное выступление Бенеша, в котором он счел необходимым коснуться Словацкого национального восстания, так как именно это выступление ярко свидетельствует о его отношении к народной вооруженной борьбе в Словакии.

* *

*

В духе этого выступления Бенеша развивались и дальнейшие отношения между повстанческими органами и руководящими деятелями лондонского чехословацкого правительства. Словацкий национальный совет требовал от лондонского правительства прежде всего оружия и военной помощи. Правительство и президент требовали прежде всего уважения к конституции, то есть подчинения органов восстания приказам из Лондона.

Словацкий национальный совет со своего заседания 5 сентября 1944 г. послал приветственную телеграмму Бенешу, Сталину и Тито. Без сомнения, уже сам выбор лиц свидетельствовал о политической ситуации в Словацком национальном совете. Бенешу это было не по душе. 13 сентября 1944 г. он телеграфировал Шробару: «Как вы думаете, не следует ли Словацкому национальному совету послать приветственную телеграмму и Черчиллю и Рузвельту, так же, как и Сталину?»¹³. Словацкий национальный совет, однако, таких телеграмм не послал.

¹³ АИИ КПС. Телеграммы.

Надо сказать, что Бенеш свою позицию не высказывал честно и открыто. В его наказах Словацкому национальному совету всегда было много фальши. За долгие годы он научился изощренной дипломатической тактике. 11 сентября он пишет Словацкому национальному совету: «Сотрудничество между отдельными группами (в эмиграции.— Г. Г.) и особенно с коммунистами вполне гармонично и лояльно. Между Лондоном и нашими в Москве — полное понимание... Мы понимаем, что вы на месте знаете отношения лучше, чем мы, не хотим ничего предпринимать, ничего решать, в чем бы мы с вами были не согласны. Мы просим и вас об этом. Главное, просим вас, чтобы все, что относится к компетенции центрального правительства или главного военного командования, было предоставлено для решения лондонскому правительству. Необходимо постоянно иметь в виду, что союзники следят за нами с пристальным вниманием и ищут всяких недоразумений между нами или решения дел в Словакии помимо лондонского правительства. Потом они используют эти наблюдения против нас и против наших государственных интересов, а также против интересов Словакии. Поэтому у нас и у вас необходимо постоянно подчеркивать полное взаимное единство, сотрудничество и очевидность государственного суверенитета и единства ЧСР. Вполне очевидной необходимостью, и мы это признаем, является то, чтобы вы на родине, в Словакии, исходили главным образом из своих местных условий, когда необходимо принимать быстрые решения, исходили из потребностей и нужд самой Словакии. Я повторяю, что наше сотрудничество с представителями нашей страны в Москве безупречно. Наши совместные действия пусть будут такими: взаимный учет всех действий, лояльное и гармоничное сотрудничество Лондона и Словацкого национального совета. Взаимной договоренности о важных решениях следует, если это возможно, достигать заранее, а если это будет невозможно, все-таки приложить все усилия к тому, чтобы взаимные действия центрального правительства и Словацкого национального совета, а также словацкого войска были безупречны. Единомыслия, единства и доброго сотруд-

ничества желаю нам в эти решающие минуты, оно необходимо сейчас больше, чем когда-либо...»¹⁴.

Мы уже по опыту знали, как лондонские буржуазные деятели представляют себе «лояльное и гармоничное сотрудничество»; мы уже знали достаточно о «полной договоренности» между лондонской и московской чехословацкой эмиграцией. Мы понимали, что главная мысль наказа Бенеша в полном признании полномочий лондонского правительства и главного военного командования в Лондоне. Что же не относилось согласно лондонскому разъяснению к компетенции этих органов? Таких вопросов практически не было. Несмотря на все это, Словацкий национальный совет, представляя международные интересы Чехословакии, отвечал на все вопросы спокойно и подчеркивал прежде всего необходимость усиления антифашистской борьбы и поддержки борющихся сил в Словакии. На наказ Бенеша и другие указания из Лондона Словацкий национальный совет отвечал 20 сентября 1944 г. следующим образом: «В связи с телеграммой, полученной 14 сентября 1944 г., президиум Словацкого национального совета вынес следующее решение: 1) Сотрудничество с лондонским правительством является желательным. Мы всячески стремимся к тому, чтобы в основных вопросах действовать заодно, особенно в тех случаях, когда наши действия в стране могут иметь отзвук среди союзников за границей. 2) Руководство сопротивлением требует мгновенных решений в вопросах военных, административных и хозяйственных. По этим внутренним вопросам невозможно постоянно обращаться к правительству в Лондоне, хотя бы по соображениям технического порядка, и мы вынуждены принимать решения, сообразуясь с необходимостью и обстоятельствами. 3) Словацкий национальный совет, как и все политические группы, представленные в нем, используют каждую удобную возможность для того, чтобы в печати, по радио и в публичных выступлениях подчеркнуть нашу цель: борьба против немцев, ликвидация бывшего режима и освобождение Чехословацкой республики. Все полити-

¹⁴ АИИ КПС. Телеграммы.

ческие группы единодушно высказались за братское сотрудничество чешского, словацкого и украинского народов в Чехословацкой республике. 4) Заграничная помощь, в том числе англо-американская авиация и части чехословацкой армии из СССР, до сих пор еще не прибыла, хотя ответственные лица за границей, как, например, министр Масарик, заявляли об этой помощи. Это деморализует население и армию. Уже четыре недели мы удерживаем в своих руках большую часть освобожденной территории страны против немецких войск, несравненно лучше нас оснащенных военной техникой. Мы вновь решительно требуем, чтобы чехословацкое правительство в Лондоне предприняло все возможные шаги, чтобы помощь союзников была нам оказана как можно быстрее, так как в противном случае разрушение наших городов и предприятий, уничтожение гражданского населения, так же как и значительные жертвы среди наших вооруженных сил, могли бы привести к катастрофе. Эта катастрофа явилась бы серьезной угрозой всему делу существования ЧСР и совместного существования чехов и словаков. Пока мы получили только советскую помощь, правда, не в той мере, которая могла бы решающим образом улучшить нашу ситуацию. 5) На первое место мы выдвигаем организацию сопротивления и сосредоточения всех наших сил именно на этом вопросе. Мы просим чехословацкое правительство в Лондоне считать своим первоочередным делом, решающим для нас, поддержку нашего сопротивления. 6) Вопросы компетенции отдельных органов в стране или за границей не являются для нас проблемой престижа, мы смотрим на них, исходя из полезности для нашего сопротивления: освобождение Словакии, помощь чешским братьям в борьбе на их территории. 7) Сотрудничество всех политических групп, представленных в Словацком национальном совете, безусловно и лояльно, все принимавшиеся до сих пор решения были встречены и проведены единодушно. Мы надеемся, что при взаимном сотрудничестве и взаимной поддержке нам удастся вскоре соединить свои усилия в общем труде на освобожденной земле ЧСР...

За Словацкий национальный совет — Шмидке, Шробар»¹⁵.

Вскоре после этого Бенеш и его правительство предприняли фронтальное наступление на позиции Словацкого национального совета как высшего национального словацкого органа. Они совершили хорошо организованную и продуманную попытку навязать свою старую концепцию борющейся Словакии. 23 сентября 1944 г., после месяца повстанческих боев, когда позиции Словацкого национального совета на освобожденной территории были бесспорными, лондонское правительство посылает с согласия Бенеша в Банска-Бистрицу заявление, выражающее принципиальную позицию по проблемам организации жизни на освобожденных территориях, которое было названо «Позиция чехословацкого правительства по предложениям словаков». Шрамек и Рипка «забыли» указать, кто им прислал из Словакии эти предложения. В своем постановлении правительство сделало следующие указания Словацкому национальному совету:

«В последние месяцы отдельными группами отечественного Сопротивления были посланы в адрес президента республики и чехословацкого правительства предложения и соображения о том, как должно быть организовано управление освобожденной территорией в переходный период. Президент республики высказал свою точку зрения по поводу этих предложений в нескольких наказах на родину, прежде всего в документе от 16 февраля 1944 г. По поводу этих указаний президента чехословацкое правительство сообщает для информации Словацкого национального совета свою точку зрения по некоторым проблемам; оно информирует также и чешские земли.

1. Чтобы было ясно, почему в Словакию был послан министр Немец в качестве правительственного делегата, а генерал Виест как его заместитель, чехословацкое правительство сообщает: правительственный делегат был послан в соответствии с чехословацко-советским договором, чтобы возглавить управление освобожденной территории, как только оно будет

¹⁵ «Словацкое национальное восстание». Документы, стр. 544, 545.

предоставлено ему советским военным руководством по чехословацко-советскому договору. О временном управлении освобожденной территорией был издан конституционный декрет президента республики, которым учреждается орган для управления освобожденной территорией во главе с правительственным делегатом. Правительственный делегат осуществляет на освобожденной территории решения правительства, и при управлении этой территорией он может выступать в качестве любого правомочного министра. С правительственным делегатом отправляются также пять членов государственного совета в качестве его советников. Правительственный делегат в случае необходимости может привлечь новых советников из рядов участников отечественного Сопротивления, может воспользоваться советом и поддержкой национальных комитетов, которые должны быть заранее нелегально созданы во всех населенных пунктах, районах и областях. Согласно упомянутому декрету, правительственный делегат управляет освобожденной территорией, руководствуясь законами ЧСР, опубликованными до 29 сентября 1938 г., декретами президента республики и декретами чехословацкого правительства за границей. В необходимых и крайних случаях правительственный делегат вправе сделать разъяснения или издать собственные указы в рамках существующих законов.

Основным декретом, которым правительственный делегат должен руководствоваться, является конституционный декрет о возрождении правового порядка. Краткое содержание его следующее: чехословацкий правовой порядок определяется конституционными и иными правовыми установлениями чехословацкого правительства, опубликованными до 29 сентября 1938 г. Постановления, изданные в период оккупации, безоговорочно изымаются из обращения, так как своим содержанием они противоречат демократическим принципам и формулировкам чехословацкой конституции. Только в переходный период, с согласия чехословацкой законодательной власти, можно пользоваться декретами, которые не противоречат конституции. Декреты, изданные за границей, должны быть

дополнительно утверждены экстренно созданным Национальным собранием. Они сохраняют свою силу в течение шести месяцев со дня утверждения их Национальным собранием, если не будут отменены раньше. Как раз сейчас обсуждается декрет о национальных комитетах, в котором утверждается, что в переходный период на освобожденной территории органами общественного управления становятся избранные народом национальные комитеты на местах, в районах и областях. Из национальных комитетов путем выборов создается временное Национальное собрание как законодательный орган. Способ выборов и права национальных комитетов специально оговариваются государственным постановлением.

Далее, в процессе обсуждения находится декрет о наказании военных преступников, местных и зарубежных предателей. Подготавливается также декрет об экономических переходных мероприятиях. Наконец, разрабатывается декрет о государственном гражданстве, по которому немцы и венгры, даже те, которые боролись и работали на ЧСР, теряют чехословацкое гражданство. Как только эти декреты будут изданы президентом республики, их направят правительственному делегату, который должен будет ими руководствоваться. Декреты президента республики имеют силу закона, конституционные декреты — силу конституционного закона. Эти декреты и, естественно, законы домюнхенской Чехословакии имеют силу на всей территории ЧСР и будут одинаково действенны во всех областях. Нельзя допустить, чтобы на освобожденной территории хотя бы в течение одного дня функционировали чужие или незаконные учреждения. Это относится и к братиславским и к там называемым протекторатным центральным учреждениям. Общественное управление будут осуществлять национальные комитеты, подчиняющиеся правительству. Правительственную власть будет осуществлять чехословацкое правительство с помощью национальных комитетов. В максимально короткое время вместо революционных национальных комитетов будут избраны национальные комитеты, а из них — временное общегосударственное Национальное собрание.

2. Чехословацкое правительство подчеркивает, что при назначении правительственного делегата оно не знало, какая территория прежде всего будет освобождена: в Прикарпатской Руси, Словакии или чешских землях. Правительство должно было считаться со всеми возможностями. Даже сегодня еще не исключена ни одна из них. Бои на территории Словакии, правда, сделали более вероятным освобождение Советской Армией территории Словакии.

Правительственный делегат может, конечно, осуществлять власть на освобожденной территории лишь на условиях, изложенных в чехословацко-советском договоре. Если бы министр Немец прибыл на территорию, освобожденную и удерживаемую чехословацкой армией и партизанами, он прибыл бы не в качестве правительственного делегата, а как член чехословацкого правительства.

Мы дали согласие на то, чтобы министр Немец вместе с политическими консультантами прибыл в Словакию с тем, чтобы он, с одной стороны, информировал Словацкий национальный совет, а с другой — осуществлял связь между местными деятелями и чехословацким правительством. Мы также дали согласие на то, чтобы генерал Виест был назначен командующим 1-й чехословацкой армией в Словакии.

3. Борьба в Словакии и необходимость создать орган управления на территории, находящейся под властью Словацкого национального совета (земского национального комитета), поставили перед местным сопротивлением в Словакии совершенно новые задачи, а также изменили точку зрения на мероприятия, которые необходимо будет осуществить в ближайшее же время, как нам об этом сообщили в последние месяцы отдельные группы. Мы понимаем и выражаем согласие с тем, чтобы Словацкий национальный совет как земский национальный комитет для Словакии взял на себя решение всех вопросов в духе действующей чехословацкой конституции и в духе постановления правительства о национальных комитетах. Однако мы просим, чтобы там, где формально требуется согласие президента или правительства либо их решение,

впредь по возможности договаривались с правительством и президентом.

Поскольку у нас нет избранного Национального собрания, президент издает как проект правительства, а после заслушивания Государственным советом — декрет, обладающий силой закона. Эти декреты потребуют дополнительного одобрения (ратификации) официально избранного Национального собрания, так же как и законодательные акты временного Национального собрания должны быть ратифицированы Национальным собранием, избранным в соответствии с конституцией. Если мы принимаем и соглашаемся с тем, чтобы Словацкий национальный совет осуществлял необходимые мероприятия основополагающего характера, а также решал конкретные вопросы, то мы должны помнить и о том, что необходимо будет многое дополнительно легализировать. Однако там, где уже в настоящее время можно идти легальным путем, необходимо стремиться к тому, чтобы не возникали трудности внутривластного и международного характера.

4. Хотя некоторые проекты и точки зрения, переданные нам группами с родины, уже отошли в прошлое, мы должны занять по отношению к ним определенную позицию, чтобы не было никаких сомнений. Из некоторых сообщений с родины мы поняли, что в ряде подпольных организаций на переходный период смотрели как на какой-то этап диктатуры президента Бенеша (иногда шли разговоры о левой прогрессивной диктатуре, иногда о военной диктатуре и т. д.). Лично президент и правительство самым решительным образом отменяют эти устремления, которые противоречат демократическим принципам, а также нашей действующей конституции. Однако должно быть ясно, что на нашей освобожденной территории ни минуты не должно быть безвластия, и президент республики будет осуществлять свои функции вплоть до новых выборов президента, так что назначенное им правительство не перестает быть легальным чехословацким правительством и будет осуществлять правительственную власть с первого момента освобождения. Как вам уже сообщил господин президент, правитель-

ство, прежде чем возвратиться на родину, подаст в отставку. На родине будет создано новое правительство из местных и зарубежных представителей по согласованию с земскими национальными комитетами и Национальным фронтом, из которого будут исключены фашистские либо предательские партии и группы. Мы также должны подчеркнуть, что национальные комитеты обеспечивают и осуществляют с самого начала демократическое участие населения в государственной и исполнительной власти, а поэтому президент республики и правительство отказывались и отказываются назначать председателей или членов национальных комитетов всех ступеней. Национальные комитеты должны быть составлены уже конспиративно из лучших, наиболее преданных, самых ответственных чехословацких патриотов всех направлений, должны сотрудничать и сосредоточить всю свою деятельность в соответствии с принципами национального единства. Местные работники должны сами договориться о составе и организации этих органов народной воли.

Президент и правительство не могут вмешиваться и в вопросы о том, в каком соотношении должны быть представлены в национальных комитетах отдельные направления или политические течения. Все это должно быть делом соответствующей договоренности. Правительство будет вынуждено вмешаться лишь в тех случаях, когда действительно невозможно будет добиться соглашения; в случае, если будут созданы два или более национальных комитета, оно должно будет или добиться соглашения, или признать лишь тот национальный комитет, который лучше соответствует воле населения.

Мы, правда, были бы благодарны, если бы узнали, каким образом был создан Словацкий национальный совет, как в нем представлены отдельные группы или направления и как в нем объединены все те, кто участвовал во внутреннем сопротивлении с самого начала.

5. Некоторые заявления словацких групп в последнее время снова требуют, чтобы правительство сформулировало свою точку зрения по словацкому вопросу, пока речь шла о Словакии как этническом целом. Чехословацкое правительство занимает старую точку

зрения, что отношения чехов и словаков будут решены уже на родине, после освобождения на основе равноправия и братского взаимопонимания. За рубежом чехословацкое правительство решает лишь проблемы, которые необходимо решить в интересах нашей борьбы, а также проблемы, касающиеся переходного периода, пока чехословацкий народ сам не возьмет в свои руки их решение демократическим путем. Пересмотр конституции, а также основные проблемы государственного управления, основные экономические и социальные проблемы должны быть предоставлены официально избранному Национальному собранию. Обязанностью правительства и местных деятелей является подготовка решения всех основных вопросов нашей будущей свободной жизни. Мы не правомочны предвосхищать решение этих вопросов, поскольку право решать их демократическим путем принадлежит лишь свободным чехам, словакам и гражданам Прикарпатской Руси.

6. Коммунисты, представленные в Государственном совете, составляют часть Национального фронта и правительственного большинства. Сотрудничество с ними является лояльным. Мы обсуждаем все вопросы и по существенным вопросам всегда приходили к согласию. Коммунисты, однако, до сих пор еще не вошли в правительство; они хотят войти лишь в такое правительство, которое будет создано внутри страны.

7. Так как у нас нет возможности послать вам тексты международных соглашений и договоров, как и декретов президента республики, изданных или подготовленных за границей, мы просили министра Немца привезти их вам, поскольку он к вам прибудет.

8. Все проекты, предложения и материалы, которые правительство получило с родины, тщательно изучаются, и из них берется то, что можно использовать в интересах целого. Однако, естественно, не может быть такого положения, когда одни принципы — например, ретрибуция, осуществление управленческих и хозяйственных мероприятий и т. д. — могли бы применяться только для Словакии, другие же — только для чешских земель.

Мы будем благодарны, если вы пришлете нам свои

замечания в связи с этой информацией, и мы с удовольствием поясним то, что вам, возможно, будет件ясно, или то, что мы в этой информации забыли указать»¹⁶.

Эта точка зрения лондонского правительства вызвала возмущение в обоих политических лагерях, которые составляли Словацкий национальный совет.

Откуда Бенеш и его министры взяли право таким образом разговаривать с борющимся народом на родине, право приказывать, указывать и предписывать, что мы смеем и чего не смеем делать на освобожденной территории?! После Мюнхена Бенеш сложил функции президента, отставка была принята, Бенеш сам предложил своего преемника (Гаху), который был официально избран, а затем сам ушел как частное лицо на Запад в эмиграцию. Гаха назначил новое правительство, которое правило и «доправилось» до 14—15 марта 1939 г., до разгрома республики. После начала мировой войны в Париже, а позже в Лондоне был создан Чехословацкий национальный комитет, который постепенно был признан союзническими державами в качестве правительства.

Бенеш в этой ситуации объявил себя президентом ЧСР и присвоил себе всю власть, что полностью противоречило конституции ЧСР 1920 г. Он не только не считал нужным узнать мнение депутатов домюнхенского парламента, которые находились за границей, но даже не дал себя выбрать или назначить на пост президента. На своем посту он назначил правительство из преданных ему людей. В сущности, он незаконно издавал декреты, имеющие силу закона, и даже конституционные декреты. Он создал себе Государственный совет (опять же незаконно) — какой-то парламент, — который не получил от него никаких полномочий и мог только «советовать». Он назначил себя верховным командующим армии и, пользуясь этим титулом, насаждал верных себе людей на высокие военные посты. Он создал в Лондоне дорогостоящий государственный аппарат. И всем этим механизмом он ру-

¹⁶ И. Леттрих. О Словацком национальном совете. Братислава, 1945, стр. 31—35.

ководил и управлял сам. С конституцией он обращался как с листком бумаги — в соответствии с его планами и целями. Он, не смущаясь, годами вел переговоры с польским правительством о конфедерации, хотя по конституции не имел на это никакого права.

Конечно, в такие времена нужно допускать революционные меры. Конечно, надо признать деятельность Бенеша на внешнеполитической арене, деятельность по защите международных позиций ЧСР и т. д.

Но теперь, перед концом войны, когда миллионные массы народа в стране должны были сказать свое слово относительно освобожденного государства и решения его проблем, Бенеш и его правительственные органы сразу заняли позицию «строгой легальности», «президентственности государства», «действующей конституции» и т. д. Это должно было стать мостиком, по которому эта компания в полном составе заняла бы позиции на родине. Это должно было стать препятствием к тому, чтобы народ, чего доброго, не установил в стране иные порядки.

Этим объяснялось и отношение лондонского правительственного аппарата к революционным органам внутри страны, прежде всего к Словацкому национальному совету. Существует действующая чехословацкая конституция, которую вы на родине должны строго выполнять. Существует легальный президент, имеющий полномочия. Существует легальное правительство, единственное, которое имеет право руководить антифашистской борьбой также и внутри страны. Аллах есть аллах, и нет другого бога на земле.

Ну, а что вы там, в стране, что годами несете на себе все бремя борьбы против фашизма, борьбы за свободу и восстановление государства?

Словацкий национальный совет является земским национальным комитетом. Что такое земский национальный комитет? Мы еще не знаем. Сейчас обсуждается проект декрета о национальных комитетах (он был издан только в декабре 1944 г.). Как только он будет издан, правительство вслед за этим своим распоряжением определит, каковы будут полномочия национальных комитетов, следовательно, и земского национального комитета, то есть и Словацкого нацио-

нального совета! В любом случае, однако, все ступени национальных комитетов будут подчинены правительству, то есть бенешевскому правительству. А пока пусть Словацкий национальный совет поступает «в духе конституции» (которую Бенеш столько раз нарушал) и в «духе правительственного заявления о национальных комитетах» (которое ничего конкретного не говорит). А так как народ в стране не имеет права установить свой революционный орган,— все права резервированы (конституцией!) за верхушкой лондонской эмиграции, мы пошлем вам в период восстания министра Немеца, которому поручено управлять от имени Лондона на территории, освобожденной Красной Армией, на этот раз как члена правительства (единственного, имеющего право править также и в Словакии), и министра генерала Виеста в качестве главнокомандующего. И мы наведем порядок. Пусть Словацкий национальный совет не забывает, что в Словакии есть и другие группы, которые мало ли что еще могут сделать, а потом «правительство было бы вынуждено вмешиваться»... И тогда уже нельзя будет достичь взаимной договоренности. Сообщите, объединяет ли Словацкий национальный совет «всех тех, кто участвовал во внутреннем сопротивлении с самого начала», особенно группу осведомителей, которые не прекращали посылать свои крикливые жалобы в Лондон.

Некоторые группы (не Словацкий национальный совет) спрашивают, как будет с национальным вопросом, с признанием словаков, обращаться ли с ними как с самостоятельной нацией. Правительство не окажется в смущении — в этом мы некомпетентны! Об этом будем говорить уже дома, после освобождения, и то не сразу, а когда будет официально избрано Национальное собрание, которое и будет уполномочено пересмотреть конституцию.

А что до этого? Разумеется, действует старая конституция, которая признает «единую чехословацкую нацию». И мы должны соблюдать конституцию. Нарушать ее имеет право только господин президент. Это буржуазное правительство мало заботилось о своей компетенции 30 июня 1943 г., когда постановило и заявило, что признает единственно чехословацкую на-

цию, и заставляло всех признать эту бенешевскую идею-фикс. Оно мало заботилось о правомочии Национального собрания, когда сговаривалось с реакционной польской эмиграцией и, подобно Сидору, хотело сколотить общее конфедеративное государство. И я мог бы привести еще целый ряд примеров.

Это правительство так «заботилось» об освобождении порабощенного народа, что в длинной телеграмме ни одним словом не обмолвилось о тяжелой борьбе с нацистскими дивизиями, ни одного слова не сказало о своих мероприятиях в помощь борющемуся народу. Его главной проблемой было — править!

В дни, когда приходили из Лондона эти телеграммы, военная ситуация на повстанческих фронтах не была розовой. Мы потеряли Турец, Гандлову, а нацистские части усиливали нажим на долину Грона, стремились к Зволену. Восставшие боролись за свое существование. Поэтому деятели Словацкого национального совета с огорчением реагировали на хитрости бенешевской камарильи, которую не тревожили ни кровь, пролитая антифашистскими борцами, ни бедствия всех граждан страны. Они плели свою паутину в Лондоне, чтобы поймать в нее трудовой народ. Из дискуссии в президиуме Словацкого национального совета видно, что было принято решение дать лондонским деятелям ясный и решительный ответ. Не нашлось ни одного, кто хотя бы частично поддерживал лондонскую позицию. Даже старый Шробар неодобрительно качал головой по поводу такого отношения к борющемуся словацкому народу. При редактировании ответа искали более умеренные выражения, которые бы смягчили гневный тон ведущих деятелей восстания.

29 сентября 1944 г. было прервано пленарное заседание Словацкого национального совета для того, чтобы прежде в политических клубах (коммунистическом и гражданско-демократическом) обсудить проект ответа президиума Словацкого национального совета правительству и Бенешу. Я докладывал в клубе коммунистических членов СНС о позиции Бенеша и правительства по отношению к Словацкому восстанию и его органам, об отношении Лондона к Словац-

кому национальному совету и о проекте нашего ответа. Реакция коммунистических депутатов была мгновенной, боевой и единой. При этом не выбирали слов для осуждения буржуазных деятелей, которые имеют полный рот демократии, однако считают трудовой народ всего лишь рабом, которым они хотели бы вечно управлять. Кровь словацкого трудового народа льется рекой не для того, чтобы его снова оседлали капиталистические эксплуататоры. Это является кровавым оскорблением, что лондонские господа до сих пор не склонны смотреть на словаков как на самостоятельный культурный народ. Они еще не отказались от своих шовинистических планов, которые осуществляли перед Мюнхеном. Необходимо дать им решительный ответ и, если они не изменят своей позиции, кончать дела с ними. Мы не хотим быть париями в чехословацком государстве. Как самобытная нация, мы имеем право сами решать свою судьбу, и это право никому не позволим отнять. Не для того поднялся словацкий народ на бой против нацизма и тисовского режима, чтобы Бенеш указывал, как мы у себя в стране должны дышать и кто нами будет править. Есть и другие возможности — с Бенешем или без него. Примерно в таком духе проходила дискуссия, а предложенный проект показался коммунистическим депутатам слишком умеренным. Наконец он был единодушно одобрен. Точно так же, хоть и не столь бурно, проходила дискуссия и в клубе членов-демократической партии. Проект одобрили единодушно.

Затем в тот же самый день на пленарном заседании Словацкого национального совета было зачитано решение Словацкого национального совета о взаимоотношениях между внутренним и заграничным Сопротивлением. После выступлений от политических партий (Гусак и Урсини) «члены Словацкого национального совета одобрили решение длительными восторженными аплодисментами», как об этом говорится в протоколах закрытого заседания Словацкого национального совета от 29 сентября 1944 г. Решение было единодушным, за него голосовали и Шробар и некоторые бенешевские представители. Решение Словацкого национального совета звучало так:

«1. Словацкий национальный совет, как высший революционный орган внутреннего сопротивления, в котором представлены все политические элементы и демократические идейные направления, осуществляет руководство внутренним сопротивлением со стороны законодательной, правительственной и исполнительной. Эта позиция вытекает из параграфа 1 положения о Словацком национальном совете от 1 сентября 1944 г. (№ 1 Собр. пост. СНС). Руководство заграничным сопротивлением и все вопросы, касающиеся представления государства союзникам и всему заграничному миру, принадлежат президенту, правительству и Государственному совету как высшим революционными органам заграничного сопротивления.

2. Этих принципов мы последовательно придерживались в подпольной работе от первого дня восстания до настоящего времени и полагаем их единственно возможными и для будущего, пока не будут избраны демократическим способом полномочные представители народа.

3. Уже в принципиальном решении политических групп в канун рождества 1943 г., затем в декларации СНС от 1 сентября 1944 г. так же, как и во всех остальных политических выступлениях, мы бескомпромиссно отстаивали следующую точку зрения: мы стоим за Чехословацкую республику как за самостоятельное и общее государство трех славянских народов: чехов, словаков и карпатских украинцев — на основе принципа «равный с равным». Окончательное конституционное оформление ЧСР будет проведено законными представителями этих трех наций.

4. В интересах обеспечения международного положения ЧСР мы приняли на вооружение принцип государственной преемственности республики в связи с тем, что отдельные внутривнутриполитические части ЧСР не могут не учитывать правовой системы, создавшейся в ходе шестилетнего политического развития. Только постепенно станет возможной замена различных положений, которые находятся в противоречии с вышеприведенными принципами. Этот принцип выражен в параграфе 2 распоряжения Словацкого национального совета (№ 1/1944 Собр. пост. СНС).

В результате реального развития страны, движимого нуждами заграничного и отечественного сопротивления, отжили многие основные принципы конституции 1920 г. Революционные органы за границей многократно от них отклонялись, поэтому мы считаем, что эта конституция как целое не может являться основой для внутривластных изменений в отношении ЧСР.

5. В духе этих принципов мы считаем само собой очевидным и необходимым тесное сотрудничество представителей отечественного и заграничного сопротивления. Успех этого сотрудничества мы видим в том, что — насколько это возможно — мы ознакомим друг друга со взглядами и выясним основные точки зрения на характер новой конституции.

6. Позицию чехословацкого правительства, выраженную в телеграмме (№ 311—335 от 24 сентября 1944 г.), по отношению к проблеме правительственного делегата на освобожденной территории и его правам мы считаем отмеченной самим ходом восстания, реальными условиями действительности. Позиция правительства в вопросе взаимоотношений правительственного делегата с отечественными революционными органами и, главное, возвышение его над отечественными национальными органами противоречит принципам демократии и совершенно обесценивает отечественное сопротивление. Присутствие члена чехословацкого правительства на нашей территории в интересах сотрудничества мы приветствуем»¹⁷.

Решение это очень лапидарно, намного короче выражения точки зрения правительства. Революционная Словакия не скрывала своих взглядов на пустую и лживую фразеологию. Это решение сыграло, по существу, роль брошенной Бенешу и его правительству перчатки. Словацкий национальный совет не признавал никакого «легального» президента, никакого «легального» правительства. Он видел в них революционные органы заграничного Сопротивления, подобно тому как сам Словацкий национальный совет являлся высшим

¹⁷ Я. Леттрих. О Словацком национальном совете. Братислава, 1945, стр. 36—37.

революционным органом словацкого народа у себя на родине. Из этого, естественно, вытекает и разделение функций: президент и правительство вершат делами за границей. Словацкий национальный совет представляет всю полноту законодательной и правительственной власти на словацкой территории — в настоящее время и вплоть до выборов. Эмигрантское правительство не должно вмешиваться во внутренние проблемы страны. Вопрос о существовании словацкой нации и ее равноправном положении в ЧСР не является для Словацкого национального совета дискуссионным. Словацкий национальный совет не признает конституцию 1920 г. в качестве основы для решения внутривнутриполитических проблем. Словацкий национальный совет и правительство являются равными партнерами, они должны сотрудничать. Словацкий национальный совет на всей словацкой территории — как на повстанческой, так и на всей остальной — не признает полномочий министра Немца. Полномочия совета, согласно постановлению № 1, распространяются на всю Словакию. Такова воля борющегося словацкого народа.

Одновременно с подготовкой решения Словацкого национального совета от 29 сентября 1944 г. президиум Словацкого национального совета вынес постановление о посылке в Лондон политической делегации, которая передала бы решение Словацкого национального совета лично президенту и правительству. Она должна была также добиться признания этого решения как основы для достижения взаимного соглашения между правительством и Словацким национальным советом. Содержание упомянутого решения имело смысл важных директивных указаний делегации Словацкого национального совета для переговоров в Лондоне. В качестве делегатов президиум Словацкого национального совета назначил своих членов — Лацо Новомеского (КПС) и Яна Урсини (ДП), которым 30 сентября были даны письменные полномочия вести политические переговоры. Так как одной из задач делегации Словацкого национального совета было ускорить доставку оружия и оказание помощи со стороны союзников, в состав делегации был включен также представитель армии полковник Мирко Весел, которо-

го избрал Голиан прежде всего потому, что хотел от него избавиться. Политической миссии у Весела не было. Делегация Словацкого национального совета отправилась в путь с аэродрома «Три дуба» 7 октября 1944 г. на американском самолете, который был оснащен противотанковыми пушками и транспортировал пленных летчиков. Делегация прилетела в Лондон 13 октября.

В окружении правительственного делегата Немеца, который в сентябре 1944 г. находился в Москве, возникла идея, что Бенеш должен переселиться на территорию восставшей Словакии. Телеграммой от 25 сентября, адресованной Пике, Бенеш ответил: «Я могу переехать из Лондона в Словакию, если там сложилась ситуация, которая позволит мне остаться в Словакии и не выезжать из нее потом по военным или политическим соображениям. Мне было бы необходимо иметь уверенность в стабильности всей ситуации в Словакии. Если ситуация такова, то мой переезд должны считать возможным, необходимым и правильным: 1) Словацкий национальный совет, 2) военное руководство в Словакии, 3) наши остальные политические деятели в Словакии и в Москве, 4) командование Красной Армии и Советское правительство...»¹⁸. Иначе говоря, Бенеш приводит столько доводов против этого, что становится совершенно ясным, как ему не хотелось покидать Лондон. Словацкому национальному совету он ничего не сообщил и ни о чем его не спросил. После решения от 29 сентября, которое ему сразу сообщили его приверженцы, он уже не думал всерьез о переселении на повстанческую территорию. Его игру в Словацком национальном восстании должны были продолжать другие.

* * *

3 августа 1944 г. Бенеш издал конституционный декрет президента о временном управлении на освобожденной территории ЧСР, в котором говорилось: «На то время, пока правительство не будет еще находиться на

¹⁸ «Словацкое национальное восстание». Документы, стр. 581.

территории ЧСР, учреждается орган управления на освобожденной территории. Во главе его стоит член правительства, как делегат, которого президент заменяет или отзывает по предложению правительства... Правительственный делегат осуществляет на освобожденной территории республики постановления правительства и представляет в процессе своей деятельности каждого отдельного министра. В пределах компетенции этих министров он делает все, что необходимо, на освобожденной территории для ведения войны, поддержания порядка, быстрого восстановления и обеспечения нормальной государственной жизни». Короче говоря, он является полномочным правительством для освобожденной территории страны в одном лице. Рука Лондона становилась длиннее!

Сначала для выполнения функций правительственного делегата был подобран министр Ю. Славик, который от аграриев приплыл к национальным социалистам, чем снискал себе полное доверие, и как словак мог быть привлечен, по мнению окружения Бенеша, и для Словакии. Это предложение не прошло, и был найден правый социал-демократ Франтишек Немец. Московское руководство КПЧ выразило свой протест Бенешу в письме от 24 июля 1944 г. и потребовало, чтобы «правительственная делегация была коллективным политическим органом», состоящим из представителей всех главных политических партий, чтобы на этот пост не было назначено скомпрометировавшее себя лицо. Бенеш ничего не ответил на заявление коммунистических депутатов в Москве и назначил Немца правительственным делегатом, а генерала Виеста — его заместителем. Фирлингер комментировал это решение такими словами: «Заграничное правительство своим решением разоблачило собственное стремление взять на себя руководство дальнейшим развитием в будущем государстве»¹⁹.

Во второй половине августа 1944 г. войска Красной Армии не освободили еще ни одной деревни на чехословацкой территории, но правительственная делегация очень торопилась из Лондона в Москву. Дело в

¹⁹ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 297.

том, что в Лондоне знали: назревает Словацкое национальное восстание. И в связи с этим надеялись, что, может быть, получат возможность взять там власть. Делегация Немца прилетела в Москву 25 августа 1944 г. Кроме Немца, прибыли Виест и «корпус советников»: чешский католический священник Гала (лидовец), депутаты Углирж (национальный социалист), Лаушман (социал-демократ) и Й. Вало (коммунист). Кроме того, с собственными целями прибыли вместе с делегацией глава военной канцелярии президента генерал Гасал, глава гражданской канцелярии Бенеша д-р Дртина и целый штаб чиновников. Словацкое национальное восстание началось, и Немец со своим сопровождением хотел в Словакию. Правда, со Словацким национальным советом никто не советовался. Но мы узнали об этом и дали знать, что на приезде делегации не настаиваем. Немец и К⁰ пытались все-таки приехать. Однако по различным причинам они еще и в сентябре находились в Москве.

Немец дал тогда, 15 сентября 1944 г., интервью «Чехословацким листам». На вопрос, каково будет его отношение к Словацкому национальному совету после прибытия на повстанческую территорию, он ответил: «Мое отношение к Словацкому национальному совету определено позицией правительства к национальным комитетам. Чехословацкое правительство с самого начала своей деятельности за границей отстаивало мнение, что внутренние дела в стране решает сам народ и его органы — национальные комитеты. Поэтому, естественно, отношение чехословацкой правительственной делегации, членом которой я являюсь, к Словацкому национальному совету определено этой позицией правительства... Словацкий национальный совет является для нас земским национальным комитетом для Словакии...» Немец пытался делать вид, что он станет руководителем восстания. Мы читали его интервью, и мы его запомнили.

Между тем перед прибытием делегации Немца на повстанческую территорию чехословацкое правительство 23 сентября объявило о своей принципиальной позиции, и Словацкий национальный совет также

дал принципиальный ответ 29 сентября. Он не принял во внимание полномочия Немеца.. Тогда ходила такая шутка: одним немцем больше, одним меньше...

В ночь на 7 октября 1944 г. правительственная делегация приземлилась на аэродроме «Три дуба», ее состав был дополнен Иваном Туряницей, украинским учителем, поручиком Чехословацкого армейского корпуса в СССР, который вскоре, как председатель Украинского национального совета в Ужгороде, сыграл важную роль. 8 октября состоялось официальное знакомство в президиуме Словацкого национального совета, подкрепленное взаимными тостами. Мы передали Немцу постановление Словацкого национального совета от 29 сентября, содержащее принципиальную точку зрения в отношении правительства и миссии, с которой Бенеш послал его в Словакию. Ему, конечно, это очень не понравилось. Мы предложили, чтоб Немец и некоторые члены делегации выступили перед пленумом Словацкого национального совета. Они получили виллу, деньги и возможность ознакомиться с освобожденной территорией. Немец посетил также и президиум Коммунистической партии Словакии. Его особенно занимал вопрос об объединении социал-демократической партии с Коммунистической партией Словакии. Но он не высказался ни за, ни против. Мы очень много дискутировали с ним, особенно о подготавливаемом им выступлении в Словацком национальном совете. Пытались убедить его в правильности позиции Коммунистической партии Словакии и Словацкого национального совета в основных вопросах. Особенно проявил себя в этих беседах Шверма. Однако Немец был верным прислужником Бенеша. Он ни на шаг не решился сойти с пути, который был начертан ему в Лондоне. Он строил свое выступление так, чтобы нигде не нарваться на неприятности: ни в Лондоне, ни в Банска-Бистрице.

На пленарном заседании Словацкого национального совета от имени правительственной делегации выступили Немец, Гала, Вало и Виест. Немец говорил долго, но рассказал мало. А о главных политических и военных проблемах восстания — вообще ничего. Во всю расхваливал политику Бенеша во время войны

и жонглировал фразами, когда надо было высказаться по острым вопросам борющегося народа. Немец делал вид, что заботился в Москве о помощи восстанию. Однако он ни словом не обмолвился о помощи лондонского правительства. «И когда мы помогли обеспечить всю помощь, мы решили заехать в Банска-Бистрицу... Я как член правительства и другие наши политические и военные представители — среди вас, чтобы показать всему миру, что борьба словацкого народа является общей и неделимой борьбой нас всех за единую ЧСР»²⁰, — сказал он скромно. Можно было подумать, что он не знал конституционного декрета о правительственном делегате и стремления лондонского правительства в отношении власти, когда демократично заявил: «Мы прибыли из-за границы на родину не для того, чтобы решать, а для того, чтобы советовать». Члены Словацкого национального совета приняли выступление Немца по заслугам — прохладно. Гала вспомнил Великоморавскую державу и Сватоплука, но от лондонской линии не отклонился. Только Вало говорил разумно и конкретно. Углирж в своих очень тенденциозных высказываниях и донесениях о восстании, которые он вскоре представил лондонским правительственным органам, упоминает о распрях между членами делегации. Дело в том, что Виест в своем выступлении употребил выражение: «Я прибыл не как гость, я приехал работать». Это вызвало аплодисменты СНС. Немец, Гала и другие восприняли это так, что Виест и Словацкий национальный совет принимают их только как гостей в восстании, как туристов. Это усилило неприязнь в отношениях между Немцем и Виестом.

Делегация провела на повстанческой территории 16 дней. Когда здесь стало «жарко», 23 октября делегация вернулась в СССР. Что они делали в течение этих 16 дней? Вало был втянут в партийную работу. Лаушман, который очень одобрял объединение коммунистов и социал-демократов, выступал с докладами на эту тему. Иван Туряниц собирал информацию о деятельности Словацкого национального совета, нацио-

²⁰ Стенограмма СНС. Архив Словацкого национального совета.

пальных комитетов, заводских комитетов и вообще о жизни на свободной территории; он мне открыто сказал: «По вашему примеру мы это сделаем и в Закарпатской Украине». Он был тогда за федеративное устройство ЧСР. Остальные делегаты ходили в гости к пробенешевски настроенным людям, собирали сплетни, интриговали, искали почву для иного решения проблем, чем то, какое представляли Коммунистическая партия Словакии и Словацкий национальный совет. В соответствии с этим они и информировали Лондон.

Например, Дртина 11 октября сообщает в Лондон следующее: «Политическое развитие восстания было таким, что в первый момент радикальная и наиболее боевая часть коммунистов имела тенденцию создать советскую словацкую республику... Чехословаки, которые стоят за национальное единство, до сих пор к сотрудничеству не допущены... Немец был вчера среди железнодорожников в Зволене и убедился, что они рьяные чехословакисты...»²¹. Углирж, который снова с микроскопом выискивал в восстании национальных социалистов и очень возмущался, что они не составляют ведущей силы, 13 октября просит Странского в Лондоне «поддерживать тех, которые защищают чехословацкое единство...»²², то есть «единую чехословацкую нацию». Дртина 13 октября в своей «объективной» информации Бенешу продолжает: «...Сейчас ситуация значительно консолидировалась. В Словацком национальном совете, правда, руководство в руках коммунистов и аграриев, причем последние подчиняются и уступают коммунистам. Сам Шробар на это жаловался. Чехословаки, которые выступают за национальное единство, до сих пор от сотрудничества отстранены. Чувствуют себя обиженными, особенно потому, что всегда оставались верными республике и были связаны с Лондоном в то время, когда это было опасно и непопулярно...»²³.

В этом смысле потом в декабре выступил Углирж в Государственном совете. Где корни этих сообщений?

²¹ АИИ КПС. Телеграммы.

²² Там же.

²³ Там же.

Может быть, члены правительственной делегации ходили на фабрики, в деревни, во фронтовую полосу? Нет. В Банска-Бистрице к ним прилипли люди из разведывательной группы Флора — Писар (а именно Капинай и Фило), которые не чувствовали себя достаточно вознагражденными за свою многолетнюю разведывательную службу для Лондона. С этими «твердыми чехословакистами» встречались Немец, Дртина и Углирж, от них они черпали информацию и сплетни и передавали их дальше в Лондон. Из «источников» этих непризнанных величин составил свои «Заметки об учреждении Словацкого национального совета в Банска-Бистрице» и поручик разведывательной службы Павлович, которого Пика послал накануне Словацкого национального восстания в Словакию. И эти «Заметки» которые Углирж как секретное приложение присоединил к своему сообщению о Словацком национальном восстании в Лондон, также полны вымыслов, анекдотов и злонамеренных сообщений. О Шробаре они, например, дали такую информацию: «Шробар разочаровался во всем, собственно, он предал тех, кто оказал ему доверие в стране и за границей, особенно Бенеша. В данной ситуации он не выдержал, оказался слабаком, недальновидным старцем...»²⁴.

И эта обиженная группа людей требовала от Бенеша и правительства распустить существующий Словацкий национальный совет и взяться за создание нового Словацкого национального совета, куда вошли бы действительные «патриоты», которые «были связаны с Лондоном в то время, когда это было опасно». Не следовало бы и вспоминать незначительную в политическом отношении группу людей, если бы Немец, Дртина, Углирж и Гала не прислушивались так охотно к критическим голосам этих людей, если бы они не видели в них политическую силу, на которую Бенеш и его правительство могли опереться в Словакии.

В результате этих информации Немец также докладывал 14 октября в Лондоне: «...Позиция Словац-

²⁴ «Словацкое национальное восстание». Документы, стр. 874.

кого национального совета мне не кажется слишком крепкой. Самую большую опору он имеет в полной поддержке коммунистической партии. С этим надо считаться, но считаться надо также и с тем, что, видимо, со временем наступят значительные изменения... Для меня сейчас встает вопрос, сохранять ли нам и дальше нейтралитет, или нам попытаться в некоторых направлениях применить правительственный авторитет...»²⁵. Все настоящие антифашисты 14 октября ставили несколько иной вопрос, чем вопрос о нейтралитете или «применении правительственного авторитета». Нацисты тогда уже подготовили генеральное наступление на Словацкое национальное восстание со всех сторон, и, таким образом, главным вопросом была борьба с врагом не на жизнь, а на смерть. Этот неотложный вопрос, однако, не тревожил Немца и К°. Они знали, что могут вовремя улететь.

По настоянию группы «чехословакистов» и некоторых своих советников Немец решил нарушить «нейтралитет» и попытаться «применить правительственный авторитет». Он заявил президиуму Словацкого национального совета, что хочет уточнить свое положение в Словацком национальном восстании как член чехословацкого правительства и правительственный делегат. 16 октября состоялась беседа членов президиума с Немцем и некоторыми его советниками. Немец указал, что как член правительства он не может быть на освобожденной территории на положении туриста, что он хотел бы действительно представлять правительство. Между тем с ним не только никто не советуется, но даже не информирует его о военной ситуации. Он чувствует себя в смешном положении. Он хочет иметь ясность. Мы снова изложили ему точку зрения Словацкого национального совета, как она была сформулирована 29 сентября. В дела на освобожденной территории он не может вмешиваться. Это является компетенцией Словацкого национального совета. Однако мы приветствуем его участие во всех совещаниях, чтобы, как представитель правительства, он мог точно и правдиво информировать Лондон. Он очень по-

²⁵ АИИ КПС. Телеграммы.

мог бы Словацкому национальному восстанию и антифашистской борьбе, если бы полностью занялся, например, положением с поставкой оружия через лондонское правительство, потому что мог бы убедиться, какая катастрофическая ситуация существует в этом направлении. Торжественных речей о борьбе за республику недостаточно, нужно оружие. Что намерено делать правительство и лично он в этой ситуации? Здесь, на словацкой территории, сегодня ведется борьба за республику, и Словацкий национальный совет не может избавиться от впечатления, что чехословацкое правительство в этом главном вопросе не выполнило и не выполняет свои обязанности.

Пять тысяч мобилизованных солдат не имеют даже ружей. Сами изготовить их мы не можем. Чего же ждет лондонское правительство? Нашего поражения?

Немец не был большим борцом. Это был средний политический рутинер, который, столкнувшись с твердым отпором, отступал и искал компромисса. Позиции лондонского правительства, если говорить о его отношении к восстанию, он не мог и не умел защитить. Пришли к договоренности на основе платформы, которую представлял Словацкий национальный совет. Мы хотели эту договоренность подтвердить письменно. Тут он вновь испугался — а что подумает Лондон? — и предложил, чтобы СНС сообщил свою точку зрения в Лондон, и он сам тоже это сделает; действовать будет согласно достигнутой договоренности.

Президиум Словацкого национального совета 16 октября 1944 г. принял принципиальное постановление «Об отношении Словацкого национального совета к правительственной делегации». Документ гласил:

«1. По вопросу о взаимоотношениях внутреннего и заграничного сопротивления Словацкий национальный совет высказал принципиальную точку зрения в единогласно принятом пленумом постановлении от 29 сентября 1944 г. В этом постановлении, которое делегация Словацкого национального совета представила лично президенту и правительству ЧСР в Лондоне и которое мы прилагаем, нами определены отно-

шения между чехословацким правительством в Лондоне и Словацким национальным советом. Согласно этому постановлению, Словацкий национальный совет осуществляет и в будущем будет осуществлять всю законодательную, правительственную и исполнительную власть на всей территории Словакии в ее домюнхенских границах, независимо от того, будут ли отдельные части Словакии освобождены собственными силами или союзническими армиями.

2. Происшедшие изменения меняют также функции и объем деятельности правительственного делегата, поскольку речь идет о территории Словакии. Правительственного делегата, то есть члена правительства, мы считали посредником между Словацким национальным советом и президентом республики и чехословацким правительством в Лондоне, а также посредником между Словацким национальным советом и командованием советских войск, согласно чехословацко-советскому договору.

Во всех вопросах, с которыми, согласно постановлению Словацкого национального совета от 29 сентября 1944 г., мы обращались к президенту республики и чехословацкому правительству, как и во всех вопросах, в которых взаимная информация и сотрудничество между деятелями внутреннего и zahraniчного сопротивления необходимы или желательны, мы будем обращаться к правительственному делегату, то есть члену правительства, для которого с этой целью Словацкий национальный совет создает канцелярию при своем президиуме и будет оказывать поддержку.

3. Мы желаем и приветствуем самое тесное сотрудничество правительственного делегата и его политических советников и с этой целью предлагаем, чтобы правительственный делегат, то есть член правительства, регулярно участвовал в заседаниях президиума и корпуса уполномоченных СНС и, кроме того, чтобы он вместе со своими политическими советниками участвовал в пленарных заседаниях Словацкого национального совета.

4. Учитывая все это, мы просим, чтобы декрет президента республики о правительственном делегате,

поскольку речь идет о территории Словакии, был изменен.

Это постановление мы доводим до сведения: а) правительственного делегата, госп. министра Ф. Немеца, б) президента республики и чехословацкого правительства в Лондоне, в) делегатов Словацкого национального совета в Лондоне Л. Новомеского и Я. Урсини»²⁶.

Постановление было вручено Немцу 16 октября и 17 октября отослано в Лондон. Немец в телеграмме от 20 октября комментировал это постановление, причем не было ясно, поддерживает он его или отвергает. Дртина в своих позднейших заметках в Лондоне утверждал, что правительственная делегация приняла постановление Словацкого национального совета как «возможную базу для переговоров, но не как оформленный договор».

Шверма 18 октября сообщал в Москву: Немец просил выяснить свое положение. Затем Словацкий национальный совет принял свое постановление от 16 октября: «...1. СНС признает лондонское правительство только как представителя движения за границы».

2. СНС просит, чтобы Лондон признал его, СНС, как единственного представителя словацкого народа и исполнителя государственной власти во всей Словакии...

Мы поддерживаем точку зрения СНС»²⁷.

Принципиальная и твердая позиция Коммунистической партии Словакии и Словацкого национального совета в конфликте с лондонскими правительственными деятелями, позиция, поддержанная народом повстанческой Словакии, имела своим результатом то, что и чешские буржуазные политические деятели начинали учитывать шаткость своего положения в отношении Словакии, поскольку они хотели сохранить какое-то политическое значение на родине. Определенное изменение можно уже заметить в выступлении по радио министра Г. Рипки в Лондоне 8 октября:

²⁶ И. Леттрих. О Словацком национальном совете, стр. 39--40.

²⁷ «Словацкое национальное восстание». Документы, стр. 708.

«Ход истории оценит моральное и политическое значение Словацкого национального восстания... И словацкая национальная борьба для нас — историческое событие, которое украсит самые лучшие страницы бурной словацкой истории... Самым основным и важнейшим фактом является то, что Словакия вступила в борьбу во имя восстановления ЧСР... Словацкий национальный совет, который является в Словакии центральным политическим органом освободительной борьбы, и словацкое военное командование признают без оговорок президента д-ра Бенеша, действуют в договоренности с чехословацким правительством... Словацкий национальный совет является первым явным выражением национального фронта внутри страны... Словацкий народ тем самым продемонстрировал перед всем миром непреложные истины: по собственной воле он отверг все последствия Мюнхена, по собственной инициативе отверг так называемое самостоятельное словацкое государство и предательский тисовский режим, по собственной воле присоединился к ЧСР... и по собственной воле прилагает все усилия к тому, чтобы своей активной борьбой заслужить признание как за освобождение Словакии, так и за освобождение чешских земель. У нас могут быть различные мнения о ней (ЧСР.— Г. Г.), о будущем внутреннем устройстве, но у нас есть ясное и определенное согласие, что объединенный народ желает восстановления ЧСР, созданной на основе равноправия словацкой и чешской нации...»²⁸.

Здесь уже был иной тон, чем в выступлении Бенеша. Рипка сразу объявил о существовании словацкой нации.

Руководство демократической партии задумало провести торжественный вечер в честь правительственной делегации, на котором, я думаю, было около ста человек приглашенных. (Это было за период Словацкого национального восстания чрезвычайное мероприятие, насколько я знаю, единственное.) На вечере были тосты и обычные, учтивые и мало что говорящие речи. И Дртина также произнес тост и удивил всех:

²⁸ Архив Института истории Словакии.

он сказал, что на повстанческой территории пришел к мнению, что словацкая нация в самом деле существует и из этого следует исходить. Все встали и подошли к нему, чтобы поздравить его с этим открытием. Дртина сообщил о своем «повороте» также и Бенешу в телеграмме от 19 октября 1944 г.: «...что касается национальных проблем чехов и словаков, то из всех разговоров у меня сложилось впечатление, что термин конституции 1920 г. о единой чехословацкой нации неоснователен. Это подтверждают нам также и чехословакисты в правительстве, которые сами мыслят в чехословацком духе. Это подтвердил мне, например, Павол Благо. Шробар сам употребил во вступительном слове термин «словацкая нация». Здесь, пожалуй, уже нет никого, кто бы хотел в этом отношении настаивать на термине конституции. Мы в Лондоне имели обратные информации, но они не были правильными, то есть не соответствовали действительности... Словаки расценивают свою национальную индивидуальность как нечто само собой разумеющееся. С этим надо считаться и в соответствии с этим определять свою позицию. Я здесь убеждаюсь на каждом шагу, что только так можно укрепить чехословацкое государственное единство»²⁹. И хотя Дртина после Словацкого национального восстания все-таки в этом вопросе колебался, в то время это было очередным ударом по концепции Бенеша.

Также и другой национальный социалист, близкий к Бенешу министр Я. Странский, считал нужным — хотя бы временно — изменить отношение к Словакии. В выступлении по радио 22 октября 1944 г. он сказал: «...поэтому не к обострению споров, а, наоборот, к спокойному сотрудничеству вело объявление Словацкого национального совета политическим представителем чехословацкого сопротивления в Словакии и стражем порядка на освобожденной территории, ответственным за все законодательные акты в правительственном и административном отношении, которые там были и будут нужны, когда установится нормальный конституционный порядок. Делегатов Словацкого на-

²⁹ АИИ КПС.

ционального совета встретили в Лондоне с благодарностью и удовольствием. В политическом отношении словацкая нация самобытна, если, конечно, они хотят быть самобытной нацией... Точно так же и чехи. Уже бесспорно — свободная нация чешская и свободная нация словацкая в свободной Чехословакии... Государственное чехословацкое единство будет тем более крепким, чем спокойнее будут словаки в том отношении, что многочисленный перевес чехов не будет угрожать никаким интересам словаков, не будет мешать, когда словацкая самобытность потребует словацкого решения...»³⁰. И хотя Странский прямо не объяснил причин этого «революционного» изменения взглядов чешских буржуазных политиков, во вводной части своего выступления он указал, чем эти изменения вызваны: «...многие эмигрантские правительства в Лондоне так отделились от своей родины, что, не считаясь с ней и против нее, создавали новые политические и военные руководства...»³¹, то есть обанкротились. А этого окружение Бенеша боялось больше всего. Поэтому оно отступило и капитулировало. Подробно об этом я расскажу в следующей главе.

* * *

Немцы начали 16 октября 1944 г. генеральное наступление на повстанческую территорию, ситуация начала быстро ухудшаться. Правительственная делегация стала нервничать. Делегация движения Сопротивления из Москвы ясно показала, что останется с борющимся народом на территории страны. Шверма, Сланский и Чулен даже не думали об отъезде. К ним присоединился и Лаушман из делегации Немца. Он остался с нами. Остальные же начали укладывать чемоданы. Ситуация уже не благоприятствовала политической игре, надо было спасать свою голову. Фирлингер об этом пишет: «Правительственная делегация во главе с министром Немцем, которая при пер-

³⁰ Я. Странский. Речи на родину. Прага, 1946, стр 473—476.

³¹ Там же, стр. 473.

вых оптимистических сообщениях, полученных в Москве из Банска-Бистрицы, не могла дожидаться возможности выехать в Словакию, сразу стала очень торопиться оказаться в безопасности»³². Нервозность при отъезде правительственной делегации чувствовали все. Но мы их не задерживали. Мы договорились с Немцем, чтобы он забрал с собой некоторых деятелей Словацкого национального совета, которые временно представляли бы Словацкий национальный совет на территории, освобожденной Красной Армией. Немец согласился. Поэтому президиум СНС 22 октября 1944 г. постановил: «Ссылаясь на свое постановление от 16 октября 1944 г., президиум СНС предлагает, чтобы к правительственному делегату присоединились два представителя Словацкого национального совета, которые по освобождении отдельных частей Словакии Красной Армией по поручению и от имени СНС были бы его правомочными деятелями на этой территории. С этими представителями СНС пошлет одновременно самых нужных сотрудников»³³. Немец согласился и с этим постановлением Словацкого национального совета.

Так СНС создал полномочную делегацию для Восточной Словакии, которая должна была управлять на освобожденной территории до прибытия туда действительных членов президиума СНС. Делегатами были назначены: Я. Пулл (КПС) и В. Шробар (ДП). В качестве сотрудников были назначены: от КПС — М. Фалтян, Й. Шолтес, Ф. Вашичка и от ДП — Т. Тварожек, И. Штефаник и П. Затько. Делегатам СНС в Лондоне, переговоры которых затянулись и их возвращение на повстанческую территорию было маловероятным, было дано указание возвратиться через Москву на освобожденную территорию Восточной Словакии и присоединиться к полномочной делегации для освобожденной территории.

22 октября днем меня посетили Ф. Немец, генерал Гасал и Дртина, чтобы сказать, что считают необходи-

³² З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II, стр. 388.

³³ Стенограмма СНС. Архив Словацкого национального совета.

мым быстро вылететь, потому что грозит опасность захвата аэродрома «Три дуба». Передо мной были испуганные люди, которые годами вели привычную «деятельность по организации сопротивления» в прекрасных условиях лондонских правительственных кругов, а теперь риск подлинно антифашистской борьбы заставлял их трястись за свою шкуру. Это очень контрастировало с твердой решимостью коммунистов и других настоящих борцов продолжать борьбу при любых обстоятельствах. Я с удовлетворением согласился, чтобы они уехали: паникеров в то время и так уже достаточно обнаружилось в Банска-Бистрице. Немец обещал выполнять нашу договоренность, но, по правде говоря, в той ситуации он мог пообещать что угодно. Кое в чем им надо было помочь при отъезде. Я был на аэродроме «Три дуба», когда делегаты отбывали. Смятение и паника некоторых деятелей напомнили мне кадры из фильмов о спасении людей с тонущего судна. Один полковник авиации, прибывший из Лондона, в элегантной униформе и лакированных ботинках бежал от самолета к самолету и искал, где бы еще можно было поместиться. На болотистой почве аэродрома он попал одной ногой в грязь, и его лаковый ботинок застрял там. Он так и не вытащил его оттуда и в грязном носке вскарабкался по спинам других в самолет. Только ботинок в грязи говорил о том, кто прибыл «помогать словацким борцам». 23 октября во Львов вылетала вся делегация Немца (без Лаушмана), а с ней и усиленная делегация Словацкого национального совета. Правда, и этот отлет не обошелся без сложностей. Случайно или умышленно Немец вылетел, оставив на аэродроме коммунистов — членов делегации СНС. Мы должны были исправлять положение. На день позже вылетели и наши делегаты с аэродрома «Три дуба» в Киев.

Немец послал перед вылетом из Банска-Бистрицы телеграмму Бенешу. Он похвалился тем, что все сделал для Словацкого национального восстания, и так объяснил свой быстрый отъезд: «Мы находимся тут 14 дней. За это время политическая ситуация здесь значительно консолидировалась в направлении единой республики. Когда мы прибыли сюда, тут были неяс-

ные и спорные проблемы — проблема республики, проблема президента Бенеша и единого правительства... Вчера д-р Гусак, который является *spiritus rector*ом коммунистической партии, на совместном совещании в присутствии Шмидке, Швермы и Сланского констатировал, что наше пребывание тут весьма способствовало процессу консолидации. В таком же духе высказывался — причем неоднократно — и д-р Леттрих от имени демократической партии... Наш отъезд, правда, совпадает по времени с весьма критической военной ситуацией... Президиум СНС признает необходимость нашего отъезда, но одновременно он опасается, как бы в данной ситуации это не вызвало депрессии и не создало снова ситуации, которая оказалась бы благотворной для радикализирующихся элементов. Поэтому он попросил меня сначала устно, а сегодня письменно, чтобы один или два члена делегации могли остаться здесь, а два других члена СНС отправились на восток. Они предлагают кандидатуру д-ра Шробара, которого они хотят уберечь... от лишений партизанской жизни в горах, и д-ра Шолтеса от КПС... Я сам поставил вопрос таким образом, что прямо требую, чтобы Шробар отправился с нами как один из председателей СНС, в то время как второй председатель остается тут. Я прошу, чтобы согласие правительства было прислано обратной почтой. Насколько я понимаю ситуацию здесь, я убежден, что наш отъезд без такого решения не был бы разумным в политическом отношении. Если я не получу ответа правительства вовремя, перед своим отъездом, я приму меры под свою ответственность... Я вынужден сделать это также и потому, что видел, как удручающе подействовало бы то, если бы мы отбыли, не оставив какого-либо видимого признака кооперации правительства и СНС...»³⁴.

От имени лондонского правительства Рипка послал 27 октября 1944 г. Немцу телеграмму, которая, правда, уже не застала его в Банска-Бистрице: «Совет министров, который лишь сегодня смог заняться вопросом о твоём и СНС сообщении, принципиально согласен с тем, как наладились отношения между прави-

³⁴ АИИ КПС. Телеграммы.

тельствственным делегатом и СНС—так, как это было договорено между тобой и СНС. После первого ознакомления с сообщением мне кажется, что не будет необходимости изменять декрет о правительственном делегате и что достаточно будет интерпретировать его в духе вашего соглашения. Окончательную позицию, сформулированную законодательно, ты получишь в ближайшие дни... переговоры с делегацией СНС позитивны и развиваются очень хорошо...»³⁵.

С такими сообщениями мы уходили в горы. Необходимы были два месяца боев для того, чтобы лондонское правительство взялось за ум.

³⁵ АНИ КПС. Телеграммы.

26. ДЕЛЕГАЦИЯ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА В ЛОНДОНЕ

Я уже говорил, как приходилось бороться за гегемонию в национально-освободительной борьбе во время Словацкого национального восстания, как приходилось отстаивать сам характер словацкой и чехословацкой революции. Центр тяжести этой борьбы приходился на Словакию, на восстание и на политическую борьбу против буржуазного правительства. Посмотрим теперь, как эта борьба проходила в Лондоне. Делегация СНС прилетела в Лондон 13 октября 1944 г. Я приведу воспоминания о работе этой делегации, написанные по моей просьбе Лао Новомеским в декабре 1963 г.:

«Мы вылетели 7 октября 1944 г. с аэродрома «Три дуба» на самолете вспомогательной части американской эскадрильи, основные силы которой бомбардировали немецкие объекты, если не ошибаюсь, в Австрии и в Чехии. В «летающей крепости» командира эскадрильи, где нас (Урсини, подполковника Весела и меня) поместили в бомбовый отсек; находились, кроме членов экипажа, несколько пленных летчиков союзной авиации, сбитых над Словакией. Их освободило восстание, но они не пожелали участвовать в боях в Словакии... Через 4 часа без малого мы приземлились в Бари. Среди персонала, обслуживающего этот союзный аэродром, вызвало удивление если не наше восстание вообще, то по крайней мере мы, его делегаты. Из самолета вышли летчики и военнопленные, правда, в самых разнообразных одеждах. Они попали к своим, которые их, восторженно кричащих и ликующих, глубоко взволнованных, построили и увели. На этой выдвинутой вперед воздушной базе остались три неизвестных человека: двое гражданских, один в незна-

комой военной форме... Как только экипаж нашего самолета вместе с командиром разошелся по каким-то канцеляриям, из других канцелярий к нам подбежали какие-то офицеры, требуя от нас удостоверения личности, бумаги, документы, пропуска, информации, паспорта и т. д. Словацкий национальный совет, правда, выдал нам паспорта, действительные во всех государствах союзников, однако эти документы, пожалуй, скорее признали бы на территориях, на которых они не действовали, в лучшем случае для того, чтобы отправить нас в Дахау. На первой же союзнической территории наши паспорта нас и подвели; мир союзников не хотел принимать в расчет ни Словацкий национальный совет, ни наше восстание, ни Банска-Бистрицу. И вот начался спор, мы пытались объяснить с помощью рук и ног, но не могли понять друг друга. Мы и тогда не поняли бы друг друга, если бы даже на безукоризненном английском языке объяснили, что едем в Лондон. Однако этим людям мы не имели права сказать, зачем и к кому мы направляемся. Только командир нашего экипажа был информирован о нас, и, если бы он не вернулся, пока мы все еще пытались объяснить с удивленными офицерами, вернее, если бы он не вернулся раньше, чем у этих офицеров прошло чувство удивления перед чудовищной нелепостью, что вот на таком расположенном вблизи фронта аэродроме болтаются три человека, не скрывающие даже, что они прилетели с той стороны фронта, — затрудняюсь сказать, нашел бы нас командир на том месте, где оставил... С этого момента мы уже стали объектом заботы другого человека, которому нас передали.

Из прифронтового города Бари нас еще в тот же день переправили в какую-то маленькую покинутую деревеньку, такое образцово-романтическое южно-итальянское нищее гнездо. В этой деревне тоже стояли военные... Судя по всему, нас поместили в доме того человека, которому нас поручили. Наш хозяин, вышший офицер американской авиации, человек весьма приятный, передал нам свои извинения; он придет лишь к ужину, на который приглашает и нас. Передавший его извинения — в нашем распоряжении. Весел тут же сдружился с ним, расспросил о съестных

припасах в доме и отказался пойти с нами, с Урсини и со мной, прогуляться до ужина по деревне. Он отдал предпочтение дегустации итальянских вин.

Я хочу рассказать о нашей прогулке с Урсини по незнакомой южноитальянской деревеньке, занятой англо-американскими войсками вторжения, прогулке, совершенной всего лишь через несколько часов после того, как мы покинули восставшую Словакию. Меня чрезвычайно взволновала эта прогулка. Об Урсини я очень многое знал еще до войны. Это был удачливый деятель аграрной партии, второе лицо Годжи и претендент на его лидерское место в Словакии. Если лицо Годжи было обращено направо, то Урсини косился налево, впрочем, не в оппозиции к лицу Годжи, но в полном с ним согласии — так, чтобы годжевски-аграрный Янус был в полном своем виде. Годжа занимался комбинациями, соглашениями, интригами с правыми партиями, даже с самой правой людацкой реакцией, однако аграрный колосс не переставал интересоваться и левых (я имею в виду всю левую демократию домюнхенской республики, не только коммунистов); Урсини, видный деятель аграрной фракции в парламенте, на удивление положительно высказывался об углублении отношений между ЧСР и СССР, клялся Масариком и был за то, чтобы президентом стал Бенеш, а не официальный кандидат аграрной партии, выдвинутый ее правым крылом. Мы полагали, и были не так уж неправы, что в атмосфере Словакии второй половины войны, после Сталинграда, в великолепной атмосфере неудержимого наступления Красной Армии, определяющего характер настроений на другой стороне союзнического мира, эта «традиция левизны» позволит Урсини легче, чем кому бы то ни было, найти свое место в новом общественном и политическом строе, который в ту пору доблестно бился за свое безусловное право на жизнь и относительно которого уже не было сомнения, что он победит. Я встречался с Урсини уже более года в Словацком национальном совете, и, хотя меня утомляла его половинчатость, его осторожность, достойная лавочника, его крестьянская недоверчивость и даже страх, не обманут ли его в том или ином вопросе, мне казалось, что в принципе он примирился с тем новым,

что тогда нарождалось. Разница между нами, коммунистами, и представителями гражданских групп, включая Урсини, казалась мне вплоть до этого вечера состоящей в том, что если мы желали победного воцарения нового строя как во внутренней, так и в международной политике и *боролись* за это, то они его просто *принимали*, делая все, чтобы и их этот новый строй принял. Быть может, без энтузиазма, но и без сопротивления. Принимали всю новую концепцию жизни как нечто такое, против чего невозможно восставать. Мы не строили себе иллюзий о том, что они легко отказались от *былого*, от *старого*, но полагали, что они понимают, что у них ничего не получилось бы, если бы они игнорировали *новое*, в то время как мы были за новое с той мерой уважения к *старому*, в какой это старое облегчало приход нового.

В тот вечер Урсини дал мне урок: на деле восстание вовсе не «последний бой», его победоносное окончание будет началом новой трудной борьбы. Мы разговаривали обо всем возможном: о смысле этой войны, о чаяниях народов, связанных с ее окончанием, о СССР, о коммунизме — обо всем, что тогда наполняло головы наши, да и всех людей в мире. Урсини был откровенным, совсем не таким, каким он выступал в роли члена СНС у нас на родине, и он не оставил сомнения, что наши представления о том, что должно быть и что будет, диаметрально противоположны. Конечно, он за свободу, поэтому он и одобряет действия СНС, но свобода — это не коммунизм и не СССР. Что же тогда подразумевает он под понятием «свобода»? Свобода — это когда крестьянин может покупать землю, естественно, если у него есть на то средства! Конечно, он против фашистской диктатуры: ведь он сотрудничает с коммунистами в СНС, который борется за ее свержение, но диктатура коммунистов для него чужда и враждебна так же, если не больше. Он за свободу мнений! И для фашистов? Но ведь я отлично знаю, что фашистов не будет! Сочтет ли он достаточным, если фашисты переменят вывеску? Если они под другим названием начнут подрывать основы государства? Конечно, он за сильное государство и за порядок в нем: ведь он сотрудничает с коммунистами в СНС, который

собирается строить именно такое государство, но после поражения фашистской диктатуры должны остаться различные партии, чтобы сделать невозможным диктатуру коммунистов. Значит, ваша партия захочет занять место той, против которой борется восстание и ты сам? Боже сохрани! Он хочет быть стрелкой весов! Когда будет угрожать диктат одной стороны, он склонится на другую сторону, и наоборот!..

Мы вернулись домой, где нас ждал еще один сюрприз. Весел был уже под хмельком и шумно рассказывал четверем или пяти английским офицерам все, что он только знал. Это были явно офицеры разведки, так как большинство из них довольно хорошо говорили по-чешски. Беседа во время и после ужина продолжалась в том же стиле. Английские офицеры, наши сотрапезники, уже узнали многое, касающееся восстания, его участников, нашей делегации, отдельных ее членов и ее задач... Я должен быть справедливым к Веселу, хотя в тот вечер его болтливость меня раздражала. Урсини, едва осознав, что от родины, то есть от диктатуры и террора восстания, нас отделяют многие сотни километров, едва нюхнув запаха мундиров западных союзников, совершенно откровенно отвернулся от коммунизма, ибо почуял уже тогда, что отношение к коммунизму и есть черта, разделяющая людей, в то время как на родине такой чертой было отношение к нацизму, фашизму и его прислужникам, именно это делило людей у нас на демократов и недемократов. В отличие от него у Весела в новых условиях демократических свобод и опьянения ими (и от вина, естественно, тоже) развилась скорее как бы скрытая фамильная ненависть к роду Урсини. Не то чтобы Весел был за коммунистов и коммунизм. Они его обидели. Но Урсини помогал им, более того, только он, и прежде всего он, повинен во всем этом. Хамелеон проклятый, знаем мы его и т. д.

Мой сосед, английский офицер, вероятно, под впечатлением того, что он слышал за столом, весь вечер рисовал мне мрачную картину будущего, которое установится в Европе после войны. Поражение нацистской Германии было у него уже в кармане. Война с нацистами его больше не интересовала. Но то, что будет

после, очень плохо. Устрашающую картину будущего представляла для него Югославия. Именно она, потому что там победили коммунисты. Победу над нацистской Германией он считал эпизодом, после которого органически и без передышки начнутся гражданские войны и, более чем вероятно, другие войны между государствами. Нет, решительно нечему радоваться и ждать мирной жизни после победы над нацистами.

Я говорил ему, что сама эта война уже решит многое из того, что без нее пришлось бы решать гражданской войне. Гигантское социальное движение, естественно вызванное войной, нельзя игнорировать, а тем более замораживать, сводя к предвоенному положению. Успех демократических сил мира в борьбе против фашизма неизбежно выдвигает проблемы, которые придется решать, и требования, которые придется выполнить. Невозможно в один прекрасный день попросту протрубить отбой и послать по домам исстрадавшееся человечество, послать его в старые норы, к старому возмущению и недовольству, вернуть его к довоенному состоянию. И в зависимости от того, способны ли довоенные правящие круги, тоже потерпевшие от завоевательских устремлений немецкого нацизма, понять эти проблемы и нужды,— в зависимости от этого гражданская война или станет необходимостью, или окажется ненужной. В этом отношении всем эмигрантским правительствам, сидящим в Лондоне, может служить примером чехословацкое правительство, хвалился я. По многим вопросам оно уже вошло в соглашение с коммунистами, а по тем пунктам, где такое соглашение еще не достигнуто, будем с ним и прежде всего с его главой — президентом Бенешем разговаривать мы... Английский сосед со скептическим недоверием слушал мою горячую речь... Через день или два мы поехали ночью на машине в Неаполь, откуда с сильно разбитого снарядами аэродрома взяли старт на Англию.

На пятый день мы дотащились поездом, шедшим из какого-то неизвестного нам города, где был военный аэродром, к Педдингтонскому вокзалу в Лондоне... Нас посадили в машины и долго мотали по улицам шумного города, пока не вывезли за его черту.

Остановились перед уединенной виллой где-то за городом, где нам пришлось провести несколько дней, правда, в комфорте, в приятном обществе английских девушек-солдат, которыми командовал приветливый офицер, но под замком. Офицер очень сожалел, что не может выпустить нас даже в сад...

Первым посетил нас господин Никольс, который в то время (а также и после освобождения) был британским послом при чехословацком правительстве. Он заверил, что нас вовсе не держат в заключении, как это думает возмущенный Урсини. Британское правительство относится к нам с уважением, да и как иначе, ведь мы союзники и первые посланцы с освобожденных территорий Чехословацкой республики! Президента Бенеша весьма порадуют привезенные нами вести с родины... Короче говоря, о чем мы намерены беседовать с д-ром Бенешем? В отличие от вечера в южноитальянской деревеньке разговор шел на общем языке. На второй или на третий день нас по одному возили в Лондон для «опознания». Офицер, говорящий по-чешски, проверил мои бумаги и, когда я уходил от него, заметил, что, насколько он знает д-ра Бенеша, нам вряд ли удастся убедить президента в том, в чем мы хотим его убедить. Так сказал он с того ни с сего.

В тот же вечер чехословацкое правительство устроило в нашу честь ужин в отеле «Клэрнджис», в котором нас поселили. Из членов правительства не явился лишь председатель его, монсеньер Шрамек (он был нездоров), и министр Масарик, пребывавший во Франции. Из нечленов правительства были приглашены только В. Носек и В. Клементис. Впервые за время своего пребывания за границей Клементис принял участие в таком мероприятии.

Еще до ужина мне вручили письмо от Яна Масарика, адресованное мне лично. Я не могу привести его буквально, оно потерялось еще в Лондоне. Но хорошо помню его смысл и тон. Масарик слагает свои обязанности, отдает себя на суд тяжко испытанной отчизны, пусть она решает о недостойном, хорошо или плохо он поступал. Это письмо меня растрогало, хотя и не понимал, почему он пишет именно мне.

Я отнюдь не чувствовал себя судьей или контролером чьей бы то ни было деятельности, а представителем родины я полагал себя лишь в той мере, в какой явился передать ее мнение по одному, правда, важному, но не всеобъемлющему вопросу. Чувствительный и страдающий депрессией Масарик обратился к первому же земляку, чтобы поведать ему свои сомнения, свою неуверенность и растерянность, угнетавшие его, тем более что в течение пяти лет у него не было возможности проверить, как принимают его деятельность на родине. Но одно он знал: существует и должно существовать различие между образом мыслей людей в эмиграции и тех, кто живет на родине.

Ужин, устроенный правительством, несмотря на всю сердечность, подтвердил то, что можно было прочесть между строк письма Масарика. Правда, здесь растерянность и неуверенность не имели ни той формы, ни того масштаба, какие потрясли меня в письме Масарика.

Сначала произносились многословные тосты. Прямо как на районной вечеринке по случаю государственного праздника. Приветствуем вас, первых посланцев отчизны, о которой мы никогда не переставали думать... Наша прекрасная родина... Наш добрый, храбрый народ... Полагаю, никому из присутствующих эти речи не были нужны. Нам — потому, что у нас были совершенно конкретные намерения, а членам правительства — потому, что и они думали о совершенно конкретной вещи: что будет с ними, какова их позиция, политика правительства, членами которого они являются? Но ни о том, ни о другом не завязался дельный разговор. Говорили лишь намеками. Например, Бечко с некоторым упреком спросил, почему на Веселе форма словацкой армии, если, как мы говорим, восстание собирается возродить Чехословацкую республику. В похвалу прочим членам правительства я должен сказать, что они без долгих разговоров приняли наше объяснение: не только Весел, но и все военнослужащие сражающейся словацкой армии носят эту форму просто потому, что никто в Словакии не считает целью восстания изменение формы... Но Бечко не сдавался. Я положил перед ним

на стол коробочку сигарет марки «Липа», заметив, что они выпущены на повстанческой территории. Все с любопытством рассматривали сигареты, и тут снова был брошен упрек, как и в случае с формой Весела: а где же буква Ч? Почему СТР и даже герб словацкого государства, а не ЧСТР? Мы-то чуть ли не гордились, что еще в октябре в Банска-Бистрице можно было свободно покупать даже сигареты, а тут чуть ли не возмущение тем, что мы и не подумали о гербе возрожденной республики.

Всю ночь после этого ужина я провел с Клементисом и министром Рипкой. Рипку больше, чем все эти и им подобные мелочи, занимала суть проблем, беспокоящих и нас: наше отношение к лондонскому правительству и к его программе, особенно в том пункте, где речь шла о Словакии. Я знал от Широкого, что еще в Париже Рипка был песгибаемым сторонником «твердого курса» по отношению к Словакии; всю Словакию, а не только людацкую партию или тем более ее сепаратистское руководство, винил он в трагических событиях 1938—1939 гг. и просто с насмешкой принял тогдашнее замечание Широкого, что в программе возрождения Чехословакии следует сказать о федерации обоих народов. Знал я и то, что если не формально, то фактически Рипка является «поставщиком идей» правительству. И вот я ему выложил, что позиция чехословацкого правительства по отношению к Словакии, как она была изложена лондонским радио, не только ошибочна, но и вредна. «Твердый курс» по отношению к Словакии льет воду на мельницу противников республики, являясь даже единственной и величайшей помехой для ее возрождения. Ориентация словацкого государства на Германию уничтожила в сознании народа последние остатки доверия к людакам, но смехотворная верность чехословацкого правительства своему «твердому курсу» по отношению к Словакии, его упрямый отказ признать самобытность словацкого народа со всеми вытекающими отсюда последствиями открывают хорошую перспективу на возвращение этого утраченного доверия. Всякие попытки обойти эту проблему неуместны. Правительство поступит гораздо разумнее, если при-

мет восстание и его постулаты по словацкому вопросу искренне и без оговорок. Дело ведь не только в том, чтобы свергнуть правительство словацкого государства. ЧСР вступила бы в новую эпоху своей жизни парализованной, если бы ее политика предоставила возможность словакам с тоской вспоминать о словацком государстве и если бы национальное сознание словаков — а оно является всеобщим — было бы связано с существованием словацкого государства.

Очень долго мы говорили об июньском заявлении правительства от 1943 г., которое было особенно пугающим. Как известно, правительство в этом заявлении еще раз и с необычайной выразительностью защищало свою позицию, вооружив представителя словацкого государства М. Чулена такими аргументами, что он вышел победителем в радиопоединке с лондонским Павлом Светым. Пусть правительство откажется от этой вредной позиции, и чем скорее и искреннее оно это сделает, тем лучше. Рипка не возражал. Он не спорил со мной. Говорят, когда-то он заявил, что «политика на 95% — дело тактики и лишь на 5% — принципов». Теперь он, несомненно, на 95% думал, как ему выпутаться. Он только заметил, что правительству трудно сделать то, чего мы от него требуем. Видел ли я хоть одно правительство, которое бы само плюнуло себе в лицо?

* * *

Мы уже отказались от мысли, что вернемся в Банска-Бистрицу через неделю или через две. Неделя прошла, а мы еще не побывали у президента. Зато в чехословацкой колонии Лондона мы переходили из рук в руки. Все вместе и каждый в отдельности. Встречи за встречами, разговор за разговором, приглашения за приглашениями. К членам правительства, к деятелям Государственного совета, к личностям, до сих пор нам незнакомым, но влиятельным и важным, к старым знакомым, но невлиятельным и неважным. Что мы знаем о том-то и о том-то? Каково наше мнение об этом или о том? И почти всюду в различных вариантах: примут ли их, то есть эмиграцию, на

родине, пустят ли их домой? Чтобы пошутить, я собственноручно рисовал крошечных львов на неуклюжих печатях разрешений, которые выдавал спрашивающим для возвращения на родину. Но это все шутки. Серьезная сторона дела была следующей.

Из различия позиций по отношению к «словацкому вопросу», с одной стороны провозглашаемых в течение нескольких лет чехословацким правительством в Лондоне, а с другой — Словацким национальным советом в Банска-Бистрице, союзническая печать, дипломатические круги и чехословацкие эмигранты постепенно скомбинировали следующие выводы: 1. Словацкое национальное восстание является если не античехословацким, то решительно антибенешевским. И уже само по себе оно отрицает оправданность усилий возродить ЧСР, а если и не это, то, во всяком случае, оно свидетельствует, что д-р Бенеш не является хозяином положения в ЧСР. 2. Старания д-ра Бенеша договориться с Москвой потерпели тотальный крах. Словацкое национальное восстание — плод советских интриг и стремления словацких коммунистов поставить д-ра Бенеша перед совершившимся фактом, каковым будет советизация Словакии в пределах СССР или самостоятельность Словакии как коммунистического государства, но ни в коем случае не возрождение ЧСР как демократического государства во главе с д-ром Бенешем.

В такой вот обстановке, в которой среди эмигрантов и помимо них оживали все ранее скрытые тенденции — антисоветские, антидемократические или антибенешевские, получили мы однажды приглашение к президенту. Мы обрадовались — и не только потому, что сможем теперь выполнить или хотя бы попытаться выполнить задание, доверенное нам Словацким национальным советом, но и потому, что узнали, что Бенеш, его личная точка зрения, играет решающую роль в этом запутанном вопросе. Люди, не согласные с нами — а их было достаточно среди представителей различных партийных интересов, — которым неприятна была мысль, что словацкий резервуар избирателей не будет в распоряжении их партий, опирались на д-ра Бенеша. Люди, понимавшие нас и согласные с

нами — будь то из тактических соображений или принципиально, — советовали нам считаться с точкой зрения д-ра Бенеша. Через него можно было достичь результата, благоприятного для дела ЧСР, для дела ее единства и даже для дела чрезвычайно важного единства антифашистской коалиции.

Резиденция президента находилась в добром часе пути от Лондона, в небольшом замке. Когда мы усаживались в машину перед отелем, к нам подбежал незнакомый, пожилой, в потрепанном платье мужчина и стал настойчиво отговаривать от поездки к Бенешу. «Он вас обманет!» — кричал этот человек, суя нам через окошко пачку прокламаций и листовок, отпечатанных типографским способом и на тектографе. Урсини узнал в нем бывшего депутата пражского парламента от Лиги Стршибрного, по фамилии Шварц, который и в Лондоне продолжал свое антибенешевское ремесло.

Не знаю, вел ли д-р Бенеш личный дневник, а если и вел, то упомянул ли он в нем о том октябрьском дне, когда к нему приехали первые официальные посланцы с родины, хотя бы и всего лишь из Словакии, значение которой, однако, было велико потому, что она первой с оружием в руках поднялась на бой за возрождение республики. Я думаю, что вряд ли Бенеш отметил этот день как большой праздник своей политической деятельности и деятельности чехословацкого правительства. Во всяком случае, ни этот, ни несколько последующих дней таковыми для него не были.

Мы не договаривались о каких бы то ни было актах церемонии; нашу миссию мы, естественно, считали деловой, рабочей, и я тогда находился больше под впечатлением серьезного, полного озабоченности момента, когда мы в бистрицкой торговой палате составляли, а затем и принимали директивы СНС для переговоров с президентом, чем под влиянием теперешней минуты, когда нам довелось приветствовать от имени сражающейся республики президента этой республики. Нет, первая встреча делегации СНС с д-ром Бенешем не была сердечной; Урсини, впрочем, довольно мило произнес несколько горячих слов, отвечающих его взволнованности. Однако мне кажется, что д-р Бенеш ожидал от этой встречи гораздо большего. Да он

и сам, умышленно или нет, дал нам это понять. Нашу встречу он сравнил с тем днем в Женеве, когда он вместе с Масариком принял после 28 октября 1918 г. посланцев первого правительства ЧСР во главе с его премьер-министром д-ром Крамаржом, высоко почтивших и его и Масарика. «Правда, теперь совсем другое дело», — добавил он, вероятно, для того, чтобы кто-нибудь из нас не обиделся сравнением с Крамаржом.

Но теперь и в самом деле все было иное. Я часто думал о личных, внутренних чувствах Бенеша — они должны были быть у него недобрыми, неприятными, поскольку ему пришлось говорить о такой «второстепенной», «побочной» вещи, как «словацкий вопрос», да еще говорить о нем со всей серьезностью, хотя, по его представлениям, вопрос этот был решен раз и навсегда, «научно» и во всех иных отношениях. Для него этот вопрос не существовал. Когда-то он был девизом его противников, но те разоблачили себя перед всем миром как недруги прогресса, демократии и свободы. Напоминали об этом вопросе и другие, но то были путаники и сумасброды. Одних нечего было принимать во внимание, другим в интересах дела можно было заткнуть рты высокой должностью, синекурой, приличным доходешком. Год назад в Москве, ведя переговоры с коммунистами, Бенеш согласился с далеко идущими принципами, на которых будут строиться отношения в возрожденной республике. Но в «словацком вопросе» он не отступит, здесь он прав и на своем мнении он настаивает и будет настаивать. Ведь в других вопросах история доказала его правоту. Когда-то Гитлер хвастался: «*Hepp Benesch oder ich*»*, и где же теперь Гитлер? А где он? Его признают во всем мире. От Вашингтона до Москвы уважают его осмотрительность, его политическую мудрость. Эмигранты, даже те, которые его не любят, возлагают на него надежды, родина устремляет к нему взоры, а тут вдруг нате... «словацкий вопрос»! И поставили этот вопрос перед ним не великие державы, ибо для них он был или незначительным, или делом самой Чехословакии. Этот вопрос попал к нему на стол прямо с родины, из

* «Господин Бенеш или я» (нем.).

Словакии, да еще тогда, когда ему казалось, что вопрос этот на веки вечные исчезнет вместе с теми, которые пять лет подряд правили в Словакии на стороне Гитлера.

Решительно, д-р Бенеш с большой неохотой вкусил от яблока, которое мы привезли ему из дому. Когда мы наконец уселись, мы прежде всего ознакомили президента с содержанием директив, данных нам Словацким национальным советом для переговоров с ним и с правительством... Завязалась долгая дискуссия, в ходе которой мы, то есть обе стороны, подтверждали аргументы собственным опытом, знаниями и представлениями о будущем. Поначалу наша беседа напоминала скорее собеседование на семинаре, чем обсуждение важного государственно-политического вопроса. Д-р Бенеш вновь и вновь объяснял, что, по его мнению, словаки вовсе не нация или, вернее, они нация в том смысле, в каком он, будучи чехом, чувствует себя словаком. И всякий порядочный чех чувствует себя отчасти словаком, но он хочет, чтобы и всякий порядочный словак чувствовал себя чехом... Никакого особого словацкого вопроса и не существует. Он существует разве лишь в том смысле, в каком национальное чувство словаков по характеру своему, содержанию и размаху соответствует национальному чувству чехов. Но в этом же смысле существует и чешский вопрос...

Нам пришлось разменять эту крупную банкноту на мелочь. Дело вовсе не в этом... Словаки — нация, причем вовсе не в той мере, в какой их принимает чья-либо благосклонность. И они намерены быть нацией независимо от того, сколько места им отводится в национальном самосознании чехов. Это естественно, и в таком словацком самосознании нет никакого античешского элемента. В нем есть лишь элемент, требующий и стимулирующий полное развитие народа, который хочет быть нацией, но не был признан нацией. Словакия и словацкий народ за двадцать лет республики и даже за последние пять лет прошли необычайно большой путь в своем развитии, хотя не так и не с теми целями, как того хотели правившие ими от их же имени. Когда говорят «словацкая нация», господин президент слышит голос д-ра Тисо, голос античешско-

го шовинизма, национальной ограниченности, возведенной до уровня национальной гордости словаков. Ибо действительно таково представление Тисо о словацкой нации. Но именно против такого представления и восстал подлинный словацкий народ. Словацкая нация сегодня — это восстание, республика, братская совместная жизнь с чешской нацией, это дружба с другими народами, особенно с народами СССР и всеми славянскими народами. Идея словацкой нации как таковая вовсе не является античешскими кознями. И никогда ими она не была. Непризнание ее, отрицание и осмеяние превратили ее в запальный патрон, который и помог разрушить республику...

Бенеш упрямо стоял на своем. Вновь и вновь возражал он нам, спорил, старался нас переубедить и в который раз подчеркивал, что таково уж его убеждение и изменить в нем ничего нельзя. Как можно деликатнее (по крайней мере мне так казалось) я старался внушить ему, что он очень ошибается и что, откровенно говоря, это его упрямство не позволяет мне увидеть никакого выхода из положения. До восстания в Словакии при доброй воле еще можно было понять, что он, президент, и его правительство ставят знак равенства между понятиями «словацкая нация» и «фашистская реакция». Можно было по крайней мере понять и объяснить себе это незнанием положения дел, хотя в действительности никто в Словакии так не считал, исключая разных подлипал, которые больше думали о вознаграждении за такое «убеждение», чем о том, есть ли хоть капля правды и политической проницательности в таком утверждении. Но с 29 августа 1944 г. люди сидят у радиоприемников, ожидая, что теперь скажут Лондон, президент и правительство. Президент выступил по радио с опозданием и говорил холодно и не очень удачно. Он солидаризировался с восстанием, но ни словом не упомянул о словацком народе. В этом пункте президент явился жертвой большого самообмана. В Лондоне он окружил себя теми людьми из Словакии, которые во всем с ним соглашаются, верноподданно пережевывают его мнения, а он воображает, что слышит мнение Словакии и словаков. Их подлинное мнение совершенно иное.

Именно поэтому в высшей степени важно, чтобы президент пересмотрел свои взгляды, чтобы он перестал обманывать себя фикциями и дал возможность принять концепцию двух, а с украинцами и трех наций в республике, способствуя тем возрождению этой республики.

Бенеш нервно вертел в руках очки в костяной оправе. День клонился к вечеру, и нам пора было покинуть его резиденцию. О времени следующей встречи нам сообщат...

* * *

Переговоры с президентом продолжались непрерывно день за днем. В перерывах между ними у нас было множество встреч с другими людьми. Говорили о том же и о других вещах. Весел должен был поторопиться с организацией доставки оружия, недостаток в котором испытывала повстанческая армия. Однажды ко мне пришел говорящий по-чешски американский офицер, по фамилии не то Кнотек, не то Котек, и сказал, что он слышал о наших затруднениях. Америка входит в наше положение, и американцы могут нам отпустить оружие из тех запасов, которые были у них приготовлены в Европе для подпольной борьбы; теперь, после открытия второго фронта, это оружие больше не нужно, и они могут предоставить его нам в большом количестве и разнообразии. Хотите? Еще бы! Но это — дело правительства, ведь восстание не наше частное предприятие. Вообще еще в Словакии мы злились, что правительство засыпает нас всякими запросами и нотами, интересуясь будущим положением партий, перспективами своей позиции, полномочиями правительственной делегации и всякой прочей ерундой, — и меньше всего тем, как вооружена армия, что ей нужно и чем бы могло ей помочь правительство в ее трудном положении. Американец словно прочитал мои мысли. Он обращается непосредственно к нам, потому что у правительства в таких вопросах могут возникнуть различные неловкости, зато мы можем заставить его больше думать о нуждах родины, чем о международных договорах на бумаге. «А сколько запроси-

те?» — спросил я, как и полагалось мелкому словацкому хозяйчику. Мой гость был вполне искренним. Мне совершенно не надо бояться, что мы обременим будущий государственный бюджет долгами. После этой войны Америка не хочет остаться в изоляции. Она хочет поддерживать добрые отношения с европейскими государствами и после войны, в том числе с нами, а посылка, о которой мы говорим, — это ее вклад в будущее, в нашу дальнейшую дружбу. Такое бескорыстие казалось мне немного подозрительным. Но я подумал об отчаянии и бессилии наших. Посоветовавшись с Урсини и Веселом, мы все вместе помчались в здание правительства, уже не помню к кому — к Рипке или к Масарику. Те лишь вздохнули, выслушав нас. Вот если бы на такие поставки дало согласие Советское правительство, они бы не возражали. Носек, с которым мы моментально пришли к единому мнению, что для нужд восстания можно принять оружие хотя бы от самого Гитлера, устроил мне встречу в советском посольстве. Даже к Пушкину на улице Гундулича в Братиславе во времена словацкого государства накануне нападения на СССР не шел я с такими конспиративными предосторожностями, как в союзное советское посольство в союзном Лондоне. Товарищи просили меня не удивляться. Союзнический договор как с британским, так и с чехословацким правительством все время стоит под угрозой интриг и провокаций. А им очень важно сохранить добрые отношения с д-ром Бенешем, что, конечно, вовсе не значит, что мы должны ослабить наши усилия, добиваясь совершенно правильных и оправданных мер. Но это — внутреннее дело Чехословакии, и им бы не хотелось, чтобы возникло подозрение, что они хоть как-то интересуются нашими внутренними делами. Американское предложение удивило их. Мое сообщение вместе с нашей точкой зрения они представят на решение в Москву. (Отмечаю, что через несколько дней из Москвы пришел ответ, что против американских поставок нет никаких возражений. Однако поставки эти так и не осуществились...) Между тем в Лондоне знали о готовящемся восстании или по крайней мере могли знать еще с начала 1944 г. Ведь, по их утверждениям, они

«знали даже день и час» начала восстания. О чем же инном должно было заботиться правительство, как не о том, чтобы обеспечить восстание всем, чего нельзя было раздобыть из местных ресурсов? Ничего не могу поделать, но тогда мне казалось, да и теперь кажется, что «позицию Москвы» по этому вопросу нам фарисейски подсунули, чтобы убаюкать нас, чтобы мы не возмущались позицией Лондона.

* * *

Нельзя сказать, чтобы лондонское правительство с его довольно хорошо оснащенным аппаратом не работало. Сколько времени убили мы на посещения различных министров и министерств, где нас обычно подробно информировали о деятельности, распоряжениях, декретах, проектах законов, заявлений и мероприятий, которые вступят в силу, как только правительство вернется на родину. Министерства финансов, юстиции, образования и культуры, социального обеспечения, иностранных дел, сельского хозяйства — везде были готовы, надлежащим образом обговоренные, изложенные в сослагательном наклонении постановления и решения, словно завтра же их понесут на подпись. Собственно говоря, они и были уже подписаны на обороте соответствующими министрами. Все это нам давали, наши портфели были набиты ими, нас просили прочитать их, сказать, годится ли все это, ведь за столько лет условия на родине могли и измениться. То-то и оно! Решали, обсуждали, администрировали без учета «условий». Воздвигли из бумаг вавилонскую башню внушительной высоты, да еще и на воде. Не знаю, послужили ли хоть некоторые из этих лондонских решений какой-либо основой для согласования правительственных мероприятий с «условиями», по вернее всего все они превратились в макулатуру, в лучшем случае стали архивными материалами в тот самый день, когда должны были вступить в силу.

В первые же дни нашего пребывания в Лондоне нас пригласили на заседание правительства. Вернее, не на заседание правительства, а на заседание членов правительства с нами, делегатами СНС. Само заседа-

ние правительства проходило до того, как члены правительства собрались с нами. На повестке дня этого предварительного заседания стоял один вопрос: встреча правительства с делегатами СНС. Заседание затянулось, и нам пришлось долго ждать в прихожей, пока правительство на своем заседании решит вопрос, стоящий на повестке дня. Дело в том, что тут возник серьезный спор: можем ли мы, не будучи членами правительства, участвовать в заседании правительства? Как видно, спор разгорелся вокруг весьма глубокомысленного вопроса. Много министров приводило множество аргументов «за» и «против», но в конце концов заседание вынесло решение прервать или закончить заседание, а членам правительства на неофициальной встрече потолковать с посланцами родины, поскольку такой разговор в общем-то может оказаться полезным, если оно (правительство) что-нибудь узнает о событиях в республике, правительством которой оно является.

Вся полнота озабоченности и высшей мудрости отражалась в этой ограниченной, беспомощной глупости правительства — если не всего, то по крайней мере нескольких его влиятельных членов. Хотели ли они сохранить свой престиж? Может быть, и так. Но важнее всего им было показать нам, что нас, как членов СНС, они не считают равными себе и еще то, что правительство, как таковое, не поддастся влиянию и давлению каких-то там повстанческих делегатов. Я уже не помню, как проходила эта неофициальная встреча. Но могу сказать, что там не было ни одного сколько-нибудь серьезного выступления. Ораторствовал Урсини, в основных чертах повторив позицию Словацкого национального совета, потом Весел рассказал о военном положении и о том, в чем нуждается армия. Несколько министров блеснули речами, говоря о больших симпатиях, с которыми правительство, а с ним и весь мир, следит за героической, хотя и неравной, борьбой нашего достойного восхищения народа. Я помню лишь, что ко мне подошел Рипка и шепнул, что следовало бы выступить и мне. Но, бога ради, о чем было тут говорить? Я просто не умел найтись в такой ситуации. Кончились красивые, возвышенные

речи, и режиссеры нашей встречи с членами правительства могли вообразить, что мы уходим глубоко растроганные, а когда будем рассказывать дома, как мы встречались с самими членами правительства, даже в самом правительственном зале заседания, с какими симпатиями члены правительства отзывались о нашей борьбе, наши товарищи будут совершенно потрясены всем этим и будут вне себя от радости. (Совещание с правительством состоялось 16 октября 1944 г.— Г. Г.)

* * *

В один из дней, промежуточных между нашими переговорами с президентом, д-р Макса, председатель Государственного совета, созвал пленум совета на особое заседание с одним пунктом повестки дня: сообщение делегации Словацкого национального совета о политическом и военном положении в Словакии. Всякий, кто интересовался этим вопросом, мог знать, с какой концепцией словацкого восстания мы приехали; мы, со своей стороны, знали, какую растерянность и какие отголоски вызвал наш приезд в Лондон; поэтому даже обычно осторожный Урсини согласился на то, чтобы мы на этом заседании рассказали честно все как есть. Я написал свою речь («Немножко резко, но от тебя они стерпят», — сказал Урсини) и после информационного сообщения Урсини о положении и политическом развитии произнес эту речь перед Государственным советом. В общем, она содержала следующее: «Словацкий народ восстал, воодушевленный победоносным продвижением союзных армий, в особенности армий СССР (аплодисменты), а также долго подавляемой и скрываемой ненавистью к нацистской Германии и ее словацким прислужникам. Словацкий народ поднялся за возрождение Чехословакии, и он представляет себе, что займет в ней подобающее ему место. Он представляет себе, что в возрожденной Чехословакии не будет сомнения, что словаки — нация со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такого признания словацкий народ добивается как в своих интересах, так и в интересах внутренней прочности и

единства государства, внутренняя безопасность которого будет тем вернее, чем теснее будут связаны с ним народы, живущие в нем. Такой урок дал нам Мюнхен. Далее, словацкий народ представляет себе, что в своей международной политике и в военном отношении возрожденная республика будет опираться на Советский Союз (аплудисменты), на дружбу со славянскими народами, поддерживая хорошие отношения с остальными демократическими союзниками. В области социальной и экономической наш народ ожидает кардинальных реформ. За эти постулаты, за осуществление этих целей поднял оружие словацкий народ. И, думая о нем, представляя себе, с какой доблестью он противостоит во много раз превосходящим силам врага, принимая в расчет побуждения, которые придают ему силу в неравной борьбе, мы можем сказать лишь, что или республика будет такой, или ее не будет вообще (удивление, оживление части аудитории), ибо только такой и может быть наша республика. Под конец я призвал лондонских чехословаков, чтобы они в этом смысле поддержали восстание, и поблагодарил их за усилия, которые они приложат в этом направлении. Члены Государственного совета — словаки и коммунисты — без оговорок и с энтузиазмом приняли такую перспективу возрождения республики. Но и представители чешских партий не высказались против. По крайней мере на заседании Государственного совета». (Это заседание Государственного совета состоялось 18 октября. Государственный совет принял резолюцию по сообщению делегации СНС, изобилующую возвышенными словами, но уклоняющуюся от выражения ясной позиции по отношению к основным проблемам.— Г. Г.)

* * *

Здесь я прерываю воспоминания Лацо Новомеского, потому что перед этим хронологически в Лондоне произошло значительное политическое событие, о котором Новомеский не упоминает. В Лондон попало не только постановление СНС от 29 сентября 1944 г., но и постановление президиума СНС от 16 октября

1944 г. касательно отношения к правительственному делегату, а также телеграммы Немеца, Дртины, Углиржа, Лаушмана и т. д. Общее политическое развитие на повстанческой территории Словакии, о котором правительство получало все более трезвые сообщения, а также принципиальная позиция СНС заставили чехословацкое правительство в Лондоне всерьез заняться вопросом об отношении к Словакии и выработать новую точку зрения. Этому было посвящено заседание правительства 23 октября 1944 г. Но еще до того этот вопрос обсуждало руководство национально-социалистической партии в Лондоне, ближе всего стоявшее к Бенешу; это совещание тоже представило правительству свои соображения. 18 октября национальные социалисты обсудили свое отношение к постановлению СНС от 29 сентября, а также проект Рипки и Славика. Сохранился документ¹ об этом обсуждении. Эта партия, отстаивавшая шовинистическую концепцию Бенеша, вынуждена была в тот момент отступить, внести поправки в свое отношение к Словакии. Но сделала она это отнюдь не из убеждения. Ее вынудила к этому общая ситуация, а потому ей не хотелось связывать себе руки на будущее. Она признавала, что необходимо договориться о взаимоотношениях между чехами и словаками, но утверждала, что никто не вправе в тот момент заключать такой договор от имени чешского народа. Поэтому надо отложить принципиальное решение этого вопроса до полного освобождения республики. Проект Рипки и Славика, одобренный руководством национальных социалистов, и стал исходной точкой обсуждения в правительстве. Б. Лаштовичка пишет об этом: «О нем (то есть о постановлении СНС от 29 сентября.— Г. Г.) правительство с возмущением дискутировало на своем заседании 23 октября. Бечко грозил, что его никто не заставит защищать принцип самоопределения словацкого народа, и его решимость разделяли другие члены правительства. С возмущенными чувствами составили они ответ. Файерабенд мрачно предсказывал, что будут три правительства: в Чехии, Словакии и на при-

¹ Архив Института истории Словакии (АИИС).

карпатской территории». Однако, когда улеглось первое волнение, из ответа начали постепенно вычеркивать отдельные слова, затем целые предложения и абзацы. Воинственно настроенный Бечко советовал: «Не надо писать все, потому что, если содержание ответа будет обнародовано, наше правительство может очутиться в положении польского правительства, и тогда я не знаю, с какой стороны придет к нам помощь...» Странский утешал правительство, говоря, что даже в том, что творится в Словакии, заложены ценные семена будущего. «Там решается проблема Национального фронта. По желанию Москвы мы начали этот вопрос решать слева и пожертвовали ему все, что было можно...» — сказал он. Шрамек заметил: «Например, Славиком». Это развеселило правительство, и оно уже спокойнее формулировало свой ответ, весьма объемистый, гораздо длиннее, чем оба словацких меморандума².

Постановление чехословацкого правительства, принятое на упомянутом чрезвычайном заседании 23 октября 1944 г. и названное Ответом чехословацкого правительства Словацкому национальному совету, было передано делегации СНС в виде особого письма только 13 ноября 1944 г. «с просьбой передать его СНС». Правительство, хоть и приняло постановление, видимо, ждало еще, какую позицию займет Бенеш.

Это постановление гласит:

«Обсудив сообщения, представленные полномочными представителями СНС Й. Урсини и Л. Новомеским, а также представителем военного командования подполковником Веселом, чехословацкое правительство через посредство этих представителей извещает Словацкий национальный совет о следующем:

1. Правительство пользуется этим случаем, чтобы еще раз выразить сражающемуся народу Словакии, Словацкому национальному совету, военному командованию, бойцам чехословацких воинских частей, летчикам и партизанам свою искреннюю благодарность за решительное выступление против врага и за герои-

² Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 425—426.

ческую борьбу за освобождение Словакии и всей ЧСР, которую они ведут в чрезвычайно тяжких условиях.

2. Тотчас после начала восстания правительство с удовлетворением приняло к сведению, что был образован Словацкий национальный совет как ведущий политический орган этой борьбы, который в политической, административной и организационной областях взял на себя заботу обо всем, что необходимо для успешного ведения этой борьбы. Ссылаясь на свое заявление от 14 апреля 1944 г., правительство также принимает к сведению постановление СНС № 1 с безусловной предпосылкой, что все постановления, решения и иные акты СНС подлежат последующему одобрению, пересмотру или изменениям, которые пожелали бы сделать свободно избранные представители народа.

3. Сотрудничество между СНС и правительством развивается многообещающе, а успехи и неудачи этих обоих органов народной воли являются неотделимой частью нынешней нашей революции. Чехословацкое правительство, назначенное президентом республики и пользующееся международным признанием, ответственно перед гражданами всей территории ЧСР за международную стабильность нашего общего временного руководства и за руководство борьбой всего верного нам населения республики.

4. Чехословацкое правительство, естественно, особенно из соображений международной политики, стоит на принципе юридической преемственности ЧСР. Поэтому оно настаивает на сохранении конституции 1920 г., допуская и одобряя лишь те неизбежные изменения, которые требует чрезвычайное положение, созданное войной, ведением борьбы и нуждами реконструкции переходного периода. Таким изменением является, например, принцип, изложенный ниже (пункт 5), об упорядочении взаимоотношений чехов и словаков. Таким образом, конституция может быть изменена в отдельных своих положениях лишь в силу необходимости, а в остальном — чтобы предотвратить юридические неясности и неизбежно вытекающий из них разброд — она остается действительной вплоть до законной замены ее, которую вправе осуществить

лишь демократически избранное Национальное собрание...

5. Правительство приняло к сведению сообщение, что СНС занимает следующую позицию: «Мы стоим за ЧСР как за самостоятельное и общее государство трех славянских национальностей: чехов, словаков и подкарпатских украинцев, основываясь на принципе равноправия. Окончательное конституционное устройство ЧСР осуществляют законные представители этих трех народов». Правительство полностью считается с этой позицией, как и с любой позицией по данному вопросу, согласующейся с самостоятельностью, территориальной целостностью и независимостью ЧСР и поддерживающей ее внутреннюю силу, процветание и содружество. Правительство, разумеется, не считает себя компетентным для того, чтобы каким-либо своим решением предопределить окончательное конституционное устройство ЧСР, которое вправе решать лишь свободно избранные представители народа после освобождения всей республики. Поэтому правительство в вопросах, касающихся будущего конституирования государства, должно остерегаться всякого рода заявлений или актов обязательного и официального характера до тех пор, пока не будут освобождены все области республики и пока все чехи и словаки, а также связанное с ними население Подкарпатской Украины не получают равную возможность свободно, демократическим путем высказаться об упорядочении взаимоотношений между ними... Правительство твердо уверено, что такая его позиция согласуется с политическими установками СНС.

6. Правительство высоко ценит, что СНС «считает естественным и, безусловно, необходимым самое тесное сотрудничество между представителями движения Сопротивления как на родине, так и за границей», и полностью разделяет точку зрения, что в жизненных интересах борьбы и освобождения республики, а также ее строительства на новых основах необходимо сохранять политическое содружество и единство между политическими и военными деятелями как на родине, так и за границей...

7. До тех пор, пока на освобожденной территории

республики не будет установлено новое правительство, необходимо для осуществления требуемого сотрудничества организовать постоянную связь между правительством и СНС, а также особенно тесное взаимодействие между правительственным делегатом и СНС. Относительно этого взаимодействия будет принято особое постановление правительства»³.

Б. Лаштовичка следующим образом оценивает постановление правительства: «Таким образом, правительство капитулировало в главном вопросе: оно признало, что СНС осуществляет власть — законодательную, административную и исполнительную — на всей домюнхенской территории Словакии, и признало, что конституция 1920 г. уже не может быть действительной в полном объеме. В этом факте ничего не меняет то, что правительство отложило окончательное устройство республики на время после войны. Тем самым правительство практически отказалось от своей прежней позиции по словацкому вопросу и вынуждено было склониться перед действительностью, созданной народным восстанием. Бснешевская национальная политика потерпела крах и оказалась пагубной»⁴.

Таковы факты. Революционная борьба словацкого народа вынудила эмигрантское правительство, если оно хотело вернуться домой, капитулировать в вопросе революционной народной власти на освобожденной территории родины (признание СНС и ее основополагающего постановления № 1 от 1944 г.), а также в вопросе существования словацкой нации и вытекающих отсюда взаимоотношений между народами ЧСР. Все это доказывало и непригодность старой конституции. Так рухнуло искусственное сооружение, которое много лет тщательно возводили Бенеш и его правительство.

* * *

Эта изменившаяся позиция чехословацкого правительства очень скоро дала себя знать и в передачах

³ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 747--749.

⁴ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 427.

лондонского радио. Например, в уже упомянутом выступлении Странского 22 октября 1944 г. чешские и словацкие коммунисты в Лондоне (Носек, Клементис, Годинова и т. д.) не ждали, конечно, того, чтобы Бенеш изменил свое отношение к Словакии. С самого начала они в духе политики КПЧ честно и прямо подчеркивали политический и народный характер словацкого Сопротивления. Для примера приведу цитату из выступлений Владо Клементиса.

23 октября 1944 г. он по радио сказал: «Пусть бои, которые происходили в Словакии, шли с переменным успехом, пусть они были тяжелыми, но добытое в них будет жить вечно. Такими же вечными являются принципы, которые Словацкий национальный совет заложил в фундамент строительства и организации политической жизни и управления внутри страны. Дух этой борьбы, возникший в ходе ее, свидетельствует о нашей национальной и политической зрелости, и этот дух не может быть сломлен даже временным подавлением его свободного проявления в городах и селах, оккупированных немцами»⁵.

28 октября Клементис говорил: «В Лондон прибыла политическая и военная делегация Словацкого национального совета, выразитель воли словацкого народа. Делегация ведет переговоры с президентом республики и с чехословацким правительством о том, что необходимо для освобождения Чехословакии, и о принципах, на основе которых должна строиться свободная жизнь трех славянских народов, населяющих ЧСР. Сегодня уже никто не может сомневаться в том, что Словацкий национальный совет является равно законным и полноправным выразителем воли словацкого народа. Под руководством совета в бою добыто единство словаков. И это в такое время, когда Словакия стояла перед задачами, казавшимися сверхчеловеческими, или задачами большими, чем она в силах была решить... Словакия наперекор всем трудностям победоносно справилась с этими задачами. И под этим углом зрения тем очевиднее пропасть, пролегла между деятельностью действительных руководителей

⁵ В. Клементис. Передачи из Лондона. Братислава, 1947, стр. 166—167.

Словакии и преступным маневрированием тисовских пораженцев. Словацкий национальный совет, в котором заседают в единении и сплоченно лучшие сыны народа, уже сегодня заботится о строительстве фундамента здания свободного завтра, ни в коей мере не игнорируя проблемы сегодняшней борьбы. Он это делает от имени народа с сознанием собственного достоинства, народа, в борьбе завоевавшего себе почетное место среди свободных и победоносных народов мира»⁶.

Эти и другие подобные выступления получили широкий отклик у словацкого народа. Они помогли ему в тяжелой борьбе против фашизма.

* * *

В кругах лондонской буржуазной эмиграции решающее слово было за Бенешем. Там он был высшим политическим авторитетом, а также и диктатором в тамошнем составе правительства. Вернемся поэтому к воспоминаниям Лацо Новомеского, в которых он описывает свои беседы с Бенешем:

«Когда мы встретились с д-ром Бенешем, я как бы мимоходом коснулся того места моей речи в Государственном совете, где я говорил о том, что республике не быть, если она не будет такой, какой мы хотим ее видеть. Я должен был ему разъяснить, что я имел в виду на Государственном совете и что всегда имею в виду.

Теоретически до восстания можно было предполагать, что республика возродится в тех пределах, в том направлении, с теми институтами и с тем политическим и социальным строем, какой она была в 1938—1939 гг. повержена и уничтожена империализмом нацистов, то есть просто как результат победы союзников над гитлеровской Германией. Такое возрождение республики, однако, было бы нежелательным. Тот, кто когда-либо представлял или представляет себе, что возрождение республики могло или может стать плодом ловкого дипломатического хода со стороны

⁶ Там же, стр. 167—168.

Чехословакии — поклониться, снискать и обеспечить заинтересованность великой державы в нашем государстве, и не думает об интересах внутренних сил государства,— тот строит здание на песке. В период между двумя войнами произошли огромные изменения. Это выразилось и в том, что во время второй мировой войны сместился центр тяжести нашей борьбы за национальную свободу и государственную самостоятельность. Недопустимым было бы недооценивать значения усилий и стараний зарубежного Сопротивления. Но в отличие от 1914—1918 гг., когда борьба в самой стране как бы дополняла и служила подспорьем усилиям зарубежного Сопротивления, в нынешней войне зарубежные операции (и их творцы должны, безусловно, осознавать это) являются как бы дополнительным звеном к тем усилиям, которые прилагаются там, дома. Если бы республика возродилась только потому, что она прежде существовала, и потому (так как это отвечает интересам победоносных союзнических великих держав), что ей следует быть, это не могло бы нас радовать. Без успешного достижения целей демократических преобразований, которые за двадцать и последующие пять лет осуществлялись во все большем масштабе как в области социальной, так и в области национальной, республике не быть, во всяком случае, ей не быть сплоченным государством, действительно прогрессивным и демократическим. Восстание является огромным вкладом не только в дело формального возрождения республики, но также — и главным образом и во имя того,— чтобы определить ее облик, обеспечить ей дружную жизнь в будущем.

Мы вновь разговаривали о значении зарубежных усилий в эмиграции и внутри страны, о послевоенных реформах, о всевозможных вопросах и, разумеется, также и о том, имеет ли восстание прогрессивное значение для словацкого народа. Попытаемся хотя бы кратко воспроизвести эти беседы.

* * *

Бенеш настойчиво подчеркивал, что он «...договорился со Сталиным» и пользуется его доверием. Он,

например, вспомнил, как прежний советский посол обидел его. «Я написал об этом Сталину, и посол был отозван».

* * *

«Издали кажется, что двери Кремля открыты для наших эмигрантов в Москве и все, что они говорят, соответствует мыслям Сталина. А известно ли Вам то, что Неедлого ввел в Кремль я? И как же он меня благодарил за то, что я его не забыл!»

Советы ему благодарны за то, что он первым от имени одного из восточноевропейских и центрально-европейских эмигрантских правительств заключил такое перспективное соглашение с СССР, каким было советско-чехословацкое соглашение о взаимной помощи 1943 г. «А это было нелегким делом». Друзья из среды союзников отговаривали его. И Черчилль не одобрил это намерение. Ему советовали подождать. После катынских разоблачений между СССР и польским эмигрантским правительством возникло напряжение, что имело неизбежное влияние и на англо-советские отношения и на отношения с СССР всех эмигрантских правительств, находящихся в Лондоне. «Но я решился и поехал в Москву». И сколько козней ему строили на пути туда. Где-то на Ближнем Востоке в пустыне самолет оказался неисправным. Ему советовали вернуться. Обеспечивали его безопасным транспортом для обратного пути. «Но я ждал и настаивал на продолжении поездки». Подстроенные разведкой препятствия и трудности не могли помешать его решению.

* * *

Не всегда было так, как теперь. Уже после переезда в Лондон, то есть после начала войны между Англией и Германией, признание ЧСР де-юре не было само собою разумеющимся делом. «В Форин-оффисе сидели и до сих пор сидят люди, которые были творцами Мюнхена». Бенеша с его предложениями и просьбами отправляли к второстепенным чиновникам. Те заставляли его просиживать в приемных, прежде

чем принимали и выслушивали его. Другой бы ушел оскорбленный таким ходом дел. «Но я проглатывал эти пилюли унижения» и добился международного признания ЧСР.

Речь перешла к Годже и его идее центральноевропейской федерации, за которую он тогда агитировал и к которой он пытался добиться благосклонности западных союзников. Бенеш, как известно, к счастью, не согласен был с этими идеями Годжи, потому что «СССР это должно было задеть. Но не только это отличало нас друг от друга. Я ходил с чемоданчиком, обивал пороги второстепенных чиновников, писал и подавал разработки, меморандумы, и все это с предельной скромностью, но я гордо добивался своей цели. А вот приехал Годжа в Лондон — газеты полны сообщений о его приезде, в самом шикарном отеле он устраивает помпезную пресс-конференцию, на которой сам выступает с пространной речью, а... счет за все он прислал нам».

* * *

Снова и снова Бенеш подчеркивал, как важна идея преемственности республики: «Я не добиваюсь ничего нового. Я добиваюсь возвращения нам всего того, что у нас несправедливо было отнято». Мы приходили здесь к соглашению, но с той оговоркой, что такой подход к делу правилен, когда речь идет о переговорах на межгосударственном и международном уровне, но вовсе не в том смысле, что все внутри республики должно оставаться неизменным, таким, как оно было до 1938 г. На это Бенеш отвечал: «Разумеется! Уже сейчас у нас есть правительство, составленное из партий и личностей, не несущих ни капли ответственности за трагедию 1938 г. Я с радостью уже сейчас расширил бы участие в нем коммунистов, я даже предлагал это коллеге Готвальду, он это счел ненужным». Но он с коммунистами в правительстве советуется.

* * *

Преемственность касается и личности президента республики. «Я никогда не отказывался от идеи су-

ществования республики». Поэтому он де-юре и де-факто остается президентом республики. Свою отставку 5 октября 1938 г. Бенеш не вспоминал. И мы тактично не касались этой темы, хотя его слова, произнесенные тогда на прощание по радио, буквально звенели в ушах у меня. И невольно думалось мне о том, что тогда, по предложению Швермы, я разыскивал в Праге людей — выдающихся писателей (Ольбрахта, Чапека, Ванчуру) для того, чтобы они зашли в Град к Бенешу и попросили его не уходить в отставку, чтобы таким образом не облегчать наступление, мягко говоря, правых на пошатнувшийся олимп послемюнхенского государства.

* * *

Но хотя Бенеш прямо этого и не касался, он сознавал, что именно его позиция по отношению к Мюнхену и памятная его отставка бросают тень на его политические начинания. Это все как-то подрывает логику его выводов. Он толковал свою позицию в отношении мюнхенского диктата позитивно в том отношении, что после измены Франции и Англии (он без обиняков говорил об измене) оставалась возможность помощи со стороны СССР. Но он не хотел ее принимать. Боже сохрани, не из-за желания уберечь социальную и политическую преемственность пусть в иных, ему враждебных условиях, но для того, чтобы уберечь СССР, не втянуть его в войну, в которой он оказался бы лишь с одной Чехословакией. В правильности своего решения он убедился уже через год, когда СССР пошел на пакт с Германией лишь для того, чтобы выиграть время.

* * *

Бенеш неохотно высказывался по поводу того, в чем он не чувствовал себя уверенным. Я изложил ему свою личную точку зрения на то, что покушение на Гейдриха было заведомо обреченным предприятием, приведшим к огромному множеству напрасных жертв, а что это дало? И даже самое горячее сочувствие всего мира не может искупить той бессмыслен-

ной кровавой бойни, которая наступила после убийства Гейдриха. «Я вообще не знал об этой операции», — отвечал он.

* * *

Он снова объяснял и развивал свои доводы в пользу идеи о едином, государственно оформленном чехословацком народе. Он нас просил во имя будущего понять, что десять — это нечто большее, чем семь плюс три. То есть что 10 миллионов чехословаков с едиными чаяниями — это нечто большее, чем семь миллионов чехов и три миллиона словаков. Уже сейчас это ясно, когда гитлеровскому империализму удалось без особого труда завладеть внутренне разобщенной Чехословакией, когда словаки (надо понимать: людаки) тянут в одну сторону, а чехи — в другую. Но проблема не исчезнет вместе с поражением Гитлера.

Мы опять подошли к карте. Он пояснил, что на горизонте уже вырисовывается возможность третьей мировой войны. Фронт ее проляжет от Балтики до Адриатики, как и в первую и вторую мировые войны, следовательно, снова через нашу страну. Здесь водораздел между Западом и Востоком. И в пору напряжения отношений между этими двумя мирами шаткое чехословацкое сознание готово провести водораздел по самой республике между Западом и Востоком, а самостоятельность Словакии наряду с самостоятельностью Чехии прямо ведет к такому разделу. И напротив, сознание единства всеми чехословаками исключит какие бы то ни было комбинации, направленные на разделение ЧСР. «Мы есть, мы должны быть и должны оставаться единым народом. Народом чехов и словаков в своих собственных интересах».

То, что предлагал доктор Бенеш, нереально. Нельзя создать какую-то дотоле не существовавшую нацию из уже существующих наций. Есть чешская нация, представители которой частично или в большинстве своем, в одни времена больше, в иные меньше, доброжелательно относятся к словакам. Есть словацкая нация, представители которой ведут себя по отношению к чехам так же. Однако в их отношении есть одна от-

личительная черта. Она состоит в том, что словаки экономически, культурно и социально менее развиты, и в конечном счете стремление словаков ликвидировать эти различия подогревается еще и тем, что их самостоятельность попирается. Международные аспекты, о которых упоминал д-р Бенеш, вовсе не принуждают нас к тому (по нашему мнению), чтобы чехи перестали быть чехами, а словаки словаками и чтобы они превратились в какую-то фиктивную нацию. Они сознательно стремятся к дружбе, которая для словаков будет тем прочнее, чем очевидней станет для них возможность развиваться без каких бы то ни было запретов, препятствий и ограничений. Свои новые возможности словацкий народ — мы в этом убеждены — использует для того, чтобы обогатить свой край и достичь того уровня, которого он не мог достичь в результате неблагоприятных условий исторического развития. Словаки сознают, что при содействии чешского народа и в рамках единого государства это легче будет сделать. Живущее сейчас поколение имеет опыт двадцати, а затем и пяти лет. Опыт единого чехословацкого народа и опыт сепаратного государства с его национальной ограниченностью. И то и другое не оправдало себя. Как для словацкого, так и для чешского народа. В республике чехов и словаков и те и другие оказались неудовлетворенными. Одни были слабыми, другие — враждебно настроенными. Из этого исторического опыта органически вытекает единственная, третья и последняя возможность: Чехословакия — новая в этом смысле республика, как общее государство двух равноправных народов, республика, в которой национальный вопрос будет менее острым и более ясным благодаря тому, что это будет государство двух равноправных народов.

* * *

Я не строю никаких иллюзий по поводу того, что именно убедительность аргументов заставила д-ра Бенеша однажды пойти на уступки. Вскоре я заметил, что он сам и его окружение в Лондоне убеждены в невозможности «лобовой атаки» и в необходимости

пойти на уступки даже ценою потери престижа, но продуманно, оставив за собою возможность вернуться домой без осложнений. Мол, возьмем власть в свои руки, потом посмотрим.

День, о котором я рассказываю, начался так. Д-р Бенеш обратился ко мне со следующими словами: «Вы признаете Чехословацкую республику? Вы признаете президента республики?»

Не было обычной приветливости, скорее холодная конкретность вопроса. Я удивленно сказал: «Но ведь, господин президент, это вопрос бесспорный. Мы уже на него ответили тем, что приняли ваше приглашение и приехали сюда».

Потом уже более спокойно, очень серьезно и даже с горечью он изложил свою точку зрения по вопросам, о которых шла речь на совместных совещаниях. «Я не хочу, чтобы мои убеждения были помехой возрождению сосуществования словаков и чехов в ЧСР», — начал он. Он просит нас и Словацкий национальный совет оставить за ним как за главой государства право на собственное мнение по поводу того, что же такое чехи и словаки... и т. д. Он не будет препятствовать воле словаков считать себя нацией. Однако он просит, чтобы не преследовали тех, кто убежден в возможности существования единой чехословацкой нации.

Потом он зачитал свои замечания по отдельным параграфам постановления Словацкого национального совета от 29 сентября 1944 г. Они были выдержаны в духе его заявления. Мы его поздравили. Мы назвали этот шаг его большой личной победой и огромным достижением нашего общего дела. Спонтанно мы решили, что достигнутую договоренность не следует фиксировать в каком бы то ни было письменном соглашении или декларации. Нам противна была сама мысль о Питсбургском соглашении и о многолетних проволочках вокруг него, в которых утопали реальные и конкретные требования, в то время как их осуществление могло бы действительно облегчить жизнь народа. В конце концов дело было не в бумаге, а в том, что и лондонское радио заговорит о словаках как о самобытном народе. И самоуважение словацкого на-

рода будет проистекать не только из этого определения, но главным образом из того, что с пониманием будут встречены его запросы, неизбежные и очень важные для развития национальной жизни в Словакии, запросы, которые определит единственный и суверенный политический орган словацкого народа — Словацкий национальный совет. В признании словацкого народа, законодательной и правящей силы Словацкого национального совета как суверенного политического представителя своего народа мы видели мощное подспорье в сражении, местом действия которого была Словакия, а действующими лицами — словаки, истощенные в военном отношении, отступавшие, но продолжавшие бороться.

* * *

Президент просил нас о том, чтобы мы выступили на пресс-конференции иностранных и лондонских журналистов, которую для нас устроило правительство. Зал был битком набит. Мы языком СНС говорили о восстании, о республике, о ее президенте, о ее единстве, которое куется и будет выковано свободным словацким народом и свободным чешским народом. О решении спорных вопросов мы не упоминали. Мы это считали внутренним вопросом, до которого нет дела иностранцам. Самой актуальной проблемой мы называли доставку оружия армии в Словакию. Наиболее любопытные журналисты, однако, легко разузнали в чехословацких кругах в Лондоне о том, что произошло. Появились комментарии и утверждения, что д-р Бенеш изменил свою точку зрения и что в результате восстания ЧСР обретет новый облик, отнюдь не тот, который она имела ранее и который Бенеш хотел бы сохранить и на будущее.

По предложению президента мы нанесли протокольные визиты союзническим посольствам. По нашей просьбе в программу был включен и визит в югославское посольство.

* * *

По традиции 28 октября президент принимал в своей лондонской резиденции поздравления от членов

правительства, дипломатического корпуса, представителей партий и других официальных кругов. Мы, как представители Словацкого национального совета, были приглашены на прием в утренний час. Вышли из гостиницы заранее. Наш «распорядитель», или секретарь, который был к нам прикомандирован чехословацким правительством, уже ждал нас с новостью: германская армия вступила в Банска-Бистрицу. Ничего неожиданного для нас в этом не было, но сообщение все же потрясло. Подробности еще не были известны в Лондоне, но за этими скупыми словами для нас уже вставал образ страшной грозы, мы опасались за наших близких, а сейчас таких далеких. Подобные чувства и мысли всегда — я это испытал и до этого и после — воздействуют на человека больше, чем непосредственное участие в самой катастрофе. Подспудно меня угнетала мысль о том, что во время страшной катастрофы я нахожусь здесь, за кулисами, на улице Лондона, в затишье, пусть и постоянно нарушаемом зловещим воем сирен, сигнализирующих об опасности воздушного налета...

И я не очень отчетливо слышал вопрос нашего лондонского провожатого, известно ли мне, как наши, то есть наша эмиграция, комментирует падение Бистрицы. У меня не было желания выслушивать соболезнования, и я что-то буркнул в ответ. А он продолжал: если пала Бистрица, то все решения, принятые там, теряют свою силу. Это меня взорвало. Такое низкое вероломство! И хотя накануне я без всякой охоты принял приглашение присутствовать на торжественном акте у президента, сейчас был очень рад, что безотлагательно увижусь с д-ром Бенешем.

В здании правительства я встретил Форбата. И попросил его перевести сообщения из сегодняшних газет. В них ничего не было, кроме краткой информации агентства Рейтер. Это лишь для нас падение Бистрицы было самым значительным событием, имеющим жизненно важное значение. Но вот «Таймс» опубликовала пространную статью своего хорошо информированного московского корреспондента Ральфа Паркера о Словакии. Вопросы, о которых мы в Лондоне столько говорили, были в ней освещены убедительно и

со знанием дела. Тот, кто умел читать, мог уяснить, что взгляды, выдвигаемые нами, не являются своевольными построениями нескольких личностей (как здесь вначале пытались умалить значение Словацкого национального совета), с ними нельзя не считаться, ибо это может иметь далеко идущие опасные последствия при возрождении государства.

И возрожденное государство будет жить, даже если Бистрица и пала после двух месяцев обороны. Это хорошо понимал и д-р Бенеш. Он, я думаю, и без «Таймс» мог оценить значение новых словацко-чешских отношений во вновь созданной ЧСР. Во время торжественного акта почти все шло в традиционных рамках. Почти. Ибо Бенеш все же коснулся спорного вопроса наших переговоров. «Вы корили меня,— сказал он, обращаясь ко мне,—за сдержанность, которую я проявил в своем выступлении о Словацком национальном восстании. Теперь я могу сказать вам, что это было преднамеренно. Я предполагал всякие возможности. И то, что произошло сегодня. Вот почему я и был сдержан».

Я не парировал его слов, хотя источником его критики в выступлении 8 сентября, конечно же, были не трезвый расчет и холодная рассудочность. Но я не придавал значения недоразумениям по этому пункту.

Результаты наших переговоров и соглашений собрания д-ром Бенешем в своих обширных комментариях к отдельным статьям постановления СНС и отражены в коммюнике о переговорах делегации СНС в Лондоне...»

Таковы воспоминания Лацо Новомеского, которые, по его собственным словам, он записал без документального подтверждения, полагаясь только на собственную память.

* * *

Сохранившиеся документы говорят о том, что делегация Словацкого национального совета предложила Бенешу 2 ноября 1944 г. письменное изложение мнения о его позиции, особенно по тем пунктам, в ко-

торых она с ним не соглашалась. В меморандуме делегации СНС от 2 ноября говорится:

«Правительство начало свою деятельность в Лондоне, в Лондоне ее и закончит. Это означает, что на родине начнет сразу же создаваться новое правительство, составленное по соглашению с деятелями внутри страны и соответствующее идейным группировкам и пожеланиям самого народа.

Теоретически было бы правильным считать, что существует одно сопротивление или что у него одна цель — возрождение демократической ЧСР. На деле же оно разделено на две части, то есть на зарубежное сопротивление и сопротивление внутри страны, которые из-за технических трудностей не могут заранее обо всем договориться. Сопротивление внутри страны желает действовать в полном согласии с сопротивлением за рубежом и требует такого же отношения к себе. В таком случае не возникнет опасность разногласий, тем более что внутреннее сопротивление все свои начинания осуществляет в направлении, соответствующем пожеланиям и мыслям огромного большинства народа в стране. Это и должно быть основополагающим для правительства.

Полномочия правительственного делегата определяются тем, что президент и правительство в полном согласии приняли к сведению решение президиума СНС от 16 октября 1944 г.; в соответствии с этим правительственный делегат Немец передаст управление на освобожденной территории Словакии из рук советского военного командования Словацкому национальному совету.

Совет будет управлять на ней со своими полномочиями так же, как это было на территории, освобожденной после 29 августа 1944 г. Делегация Словацкого национального совета принимает это положение с тем, что, очевидно, за этим последует корректировка правительственных делегатов. До внесения этих поправок, однако, не должна быть отложена передача территории в ведение СНС.

В вопросе политической структуры ЧСР делегация СНС не имеет компетенции занимать определенную позицию от имени СНС. Мы, однако, приветствуем

позицию господина президента по вопросу о том, что решения, которые будут необходимы со словацкой точки зрения, будут положены в основу общих решений. Урсини, Новомеский, Весел»⁷.

Как мы увидим ниже, Бенеш при окончательной редакции своей точки зрения не принимал во внимание замечания делегации СНС от 2 ноября и формулировал ее односторонне, давая собственное толкование проблеме. Точка зрения д-ра Бенеша звучит так:

«Заявление президента республики д-ра Э. Бенеша делегации Словацкого национального совета.

15 октября делегация СНС в составе Я. Урсини, Л. Новомеского и подполковника Весела передала мне Постановление, принятое СНС в Б.-Бистрице 29 сентября 1944 г., и в двух последующих беседах изложила мне свои дополнительные соображения. Я на это ответил своими замечаниями по всем вопросам, содержащимся в Постановлении, и дал также делегатам ответы на ряд их дополнительных устных вопросов. При этом выяснилось, что по некоторым проблемам возможны известные различия во взглядах, *однако нет существенных и принципиальных расхождений, которые бы в политическом отношении разделяли обе стороны.*

Я обещал вручить свой письменный ответ на Постановление. Вскоре я передал его делегатам для ознакомления и попросил их сделать свои письменные замечания к нему. Эти замечания были мне переданы отдельно 2 ноября. Из них опять же вытекало, что у нас нет принципиальных расхождений во взглядах и что путем переговоров и письменного обмена мнениями мы достигли единства по рассмотренным вопросам.

Мой ответ на Постановление Словацкого национального совета от 29 сентября 1944 г., который в окончательной формулировке был передан делегатам Словацкого национального совета 6 ноября 1944 г., звучит следующим образом:

⁷ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 797—799.

Вопросы, поднятые в Постановлении
от 29 сентября 1944 г.

1. В соответствии с декларацией СНС от 1 сентября 1944 г. и с Постановлением от 29 сентября 1944 г. (ст. III) Словацкий национальный совет «стоит за Чехословацкую республику, как самостоятельное и совместное государство трех народов: чехов, словаков и подкарпатских украинцев, окончательное конституционное устройство которого осуществляют законные представители народа».

2. В статье IV Постановления говорится: «Мы признали принцип преемственности государственного устройства республики».

Для Словацкого национального совета из этого вытекает факт юридического, политического признания существования Чехословацкой республики, президента и правительства ЧСР.

По обоим этим пунктам достигнуто *соглашение*.

3. В соответствии с Постановлением Словацкого национального совета от 29 сентября 1944 г. Словацкий национальный совет является верховным органом словацкого Сопротивления внутри страны. Руководство зарубежным сопротивлением входит, напротив, в компетенцию президента, правительства и Государственного совета.

После обмена мнениями я бы сформулировал свои замечания по этому пункту следующим образом:

а) Правительство и президент должны быть признаны безоговорочно, чтобы, с одной стороны, не сложилось положение, как в Польше или в Югославии, а с другой стороны, не был подорван авторитет правительства, которое на международной арене представляет государство и от его имени заключает ряд важных соглашений (как, например, с Советским Союзом).

И, напротив, в стране, в чешских областях и в Словакии, от нас справедливо требуют ясного заявления о том, что наше заграничное правительство завершит свои функции за рубежом, что оно было создано в особых обстоятельствах и для особых внешнеполитических функций, следовательно, либо с падением Германии, либо когда на освобожденной территории

родины возникнут благоприятные условия для образования правительства, ныне действующее правительство в Лондоне сразу же подаст в отставку.

Я утверждаю, что именно такова точка зрения и президента и всех членов правительства и такого образа действий они будут точно придерживаться. Мы также констатируем во избежание недоразумений, что признание президента и заграничного правительства не означает того, что деятели внутри страны тем самым должны отказаться от своих точек зрения или взглядов по конкретным политическим вопросам, которые окончательно должны будут решаться внутри страны.

б) Не существует двух сопротивлений, а есть единое сопротивление. Из разделения сопротивления на зарубежное и отечественное могла бы возникнуть опасность того, что заграничное правительство не несло бы ответственности за то, что происходит дома, и не чувствовало бы себя связанным какими-либо обязательствами, и наоборот. Из этого автоматически вытекала бы опасность того, что сразу, а особенно впоследствии, могли бы возникнуть споры.

Ведь в декларации Словацкого национального совета от 1 сентября 1944 г. было ясно сказано, что «отечественное сопротивление, которое до сих пор согласовывало свои действия с чехословацким заграничным сопротивлением, хочет и впредь в единстве и сотрудничестве довести нашу борьбу до окончательной победы». Таким образом, представляется, что и в этом вопросе в принципе не будет разногласий.

в) Я совершенно согласен с тем, что дома должны рассчитывать на полное понимание лондонским правительством необходимости действовать в соответствии с конкретным развитием событий, зачастую без предварительного согласования с правительством за границей и в том направлении, в каком это представляется целесообразным нашим деятелям в стране. Мы понимаем необходимость разделения обязанностей между зарубежными и отечественными деятелями и в соответствии с этим будем поступать.

Из замечаний, которые господа делегаты мне

представили 2 ноября 1944 г. к пунктам 1—3, вытекает, что здесь между нами нет противоречий.

4. В статье IV говорится, что конституция в целом не может быть в настоящее время положена в основу внутривластного устройства ЧСР. Эта формулировка должна звучать иначе, так как она неточна и может привести к недоразумениям.

а) Было бы крайне опасно, имея в виду необходимость соблюдения порядка и юридических норм, а также окончательной договоренности между нами, утверждать, *особенно в переходный период*, что конституция уже недействительна или не является основой государственного устройства республики. Последствием был бы безусловный хаос. Кроме того, большая часть статей конституции сохранится и после войны в нетронутом виде.

б) И, напротив, мы согласны в том, что и в стране и за границей наша конституция уже подвергалась и не могла не подвергаться изменениям — ведь мы переживаем революцию — и что наша старая конституция ни в коей мере не может оставаться неизменной и должна быть изменена.

в) Правильно сформулировать это следовало бы так:

Конституция сохраняет свою силу как основа и критерий до тех пор, пока не будет заменена в законодательном порядке. Ряд статей конституции были изменены *виз-факти* (в соответствии с фактическим положением вещей) и еще будут неизбежно корректироваться в предстоящие месяцы с учетом развития событий; возврата к старым формулировкам не будет. Окончательное конституционное оформление ЧСР осуществится только по воле представителей народа.

На это мое предложение последовало замечание делегатов Словацкого национального совета, изложенное в их документе от 2 ноября. Сопоставляя обе точки зрения, следует сделать вывод, что и по этому очень важному вопросу у нас нет разногласий.

5. Постановление от 29 сентября 1944 г. касается вопроса о правительственном делегате для освобожденной территории, назначение которого якобы противоречит принципам демократии и совершенно

обесценивает роль отечественного сопротивления. Эта точка зрения Словацкого национального совета основывалась (когда она была сформулирована) либо на неправильных посылках, либо на неточной информации. Предлагаю дополнительное объяснение:

а) Институт правительственного делегата для освобожденной территории был создан по международному договору с Россией; делегат должен прежде всего принять из рук Красной Армии нашу освобожденную территорию. Это было сделано для того, чтобы всему миру стало ясно: территория республики принадлежит ЧСР, она получает полное международное признание, и как только территория республики будет занята Красной Армией, Советский Союз в первый же удобный момент передаст ее в наши руки. Чтобы согласовать этот договор с новой ситуацией, его нужно было бы изменить. Это нелегко и вряд ли обошлось бы без международных осложнений. Договор с Советским Союзом был заключен уже в мае 1944 г., то есть задолго до событий сентября и октября 1944 г. и до Словацкого восстания. Образцом для него служил договор между Англией и Америкой, с одной стороны, и Бельгией, Голландией и Норвегией—с другой. И Россия с этим полностью согласилась, желая тем самым доказать европейскому Западу, что она не намерена удерживать нашу территорию. Но каким образом будет осуществляться *управление* освобожденной территорией, это уже наше внутреннее дело наряду с упомянутыми весьма важными, чисто международными аспектами. Назначение правительственного делегата ни в коей мере не преследовало цели умалить значение отечественного сопротивления, ибо ни в мае 1944 г., когда договор был подписан, ни тогда, когда наш делегат министр Немец выехал по настоянию СССР из Лондона в Москву, чтобы там, согласно договору, представлять правительство и действовать в соответствии с соглашением, Словацкого восстания еще и не было.

б) Но даже и с точки зрения внутренней политики правительства нет и не было умысла действовать вопреки принципам демократии. Об этом свидетельствует и то, что делегат правительства республики ми-

нистр Немец получил инструкции осуществлять всю власть вместе с национальными комитетами (то есть и с Центральным национальным словацким комитетом) и с местным населением, а также и то, что правительство подготовило для всей своей деятельности в государстве в переходный период проекты декретов, которые предполагают вполне демократическое, при участии народной общественности управление страной в центре и на местах.

в) Правительственный делегат был назначен (в случае если правительство еще не будет создано на территории республики) и на чешские территории (например, в Восточную Моравию, Остравскую область) и в особенности в Подкарпатскую Украину. И необходимо, чтобы в любом случае — до той поры, пока не будет правительства на территории республики, он осуществлял власть хотя бы на время переходного периода.

г) Однако правда, что события развивались иначе, чем мы предполагали, и в частности вспыхнуло Словацкое восстание, которое *многое изменило*. Эти перемены указывают на необходимость в интересах дела осуществлять власть в Словакии через Словацкий национальный совет. Нужно ожидать, что Красная Армия стремительно пройдет Словакию и Венгрию, займет какую-то часть Словакии... Равным образом в интересах дела будет, чтобы передача этой части словацкой территории правительству республики Красной Армией осуществлялась, как и до сих пор, в соответствии с договором с СССР (то есть через посредство министра Немеца, как уполномоченного на то члена правительства), с тем, чтобы впоследствии передать ее под юрисдикцию СНС, ибо необходимо, чтобы словацкие земли были под единым управлением.

Одновременно уже 16 октября была достигнута договоренность между министром Немецем как правительственным делегатом и Словацким национальным советом о взаимном сотрудничестве, которое по предложению Немеца одобрено правительством. Тем самым решен вопрос о едином управлении Словакией. Именно в таком духе необходимо будет потом изме-

нить или просто толковать указ о правительственном делегате для освобожденных территорий. В любом случае и по этому вопросу у нас существует согласие.

6. В Постановлении от 29 сентября говорится: «Мы считаем само собой разумеющимся и безусловно необходимым самое тесное сотрудничество руководителей заграничного и отечественного сопротивления (статья V)». Вполне согласен с этим.

Я понимаю такое сотрудничество в духе всех вышеприведенных положений, а также разъяснений, данных господами делегатами в их записке от 2 ноября 1944 г. Я также считаю и соглашаюсь с тем, что определенные выше отношения переходного периода между правительством и Словацким национальным советом должны лояльно соблюдаться, пока будет необходимо сохранять нынешнее положение вещей, и все это с целью подготовить ход дальнейшего развития таким образом, чтобы Словакия шаг за шагом вливалась как одна из четырех земель республики в общую единую структуру государства и чтобы как можно скорее были подготовлены такие условия, которые, с одной стороны, полностью способствовали бы самоуправлению Словакии, а с другой — общей политике правительства республики и других органов государственной власти. Пока все зависит от дальнейшего развития событий, которые будут определять возможности создания первого правительства республики уже на родине. Этому правительству предстоит полностью разрешить все проблемы переходного периода.

II

В ходе совместных переговоров с делегатами Словацкого национального совета мы коснулись вопросов будущей политической структуры Чехословацкой республики и этнического единства Чехословакии. Мы констатировали, что вопрос политической структуры государства будет решен уже на родине правомочными и соответствующими органами. Я, однако, заявил, что было бы естественным и необходимым, чтобы и по этому вопросу моя точка зрения была ясна, ее я

уже несколько раз после глубокого размышления формулировал. Поскольку это моя личная точка зрения, она никого ни к чему не обязывает. Излагая ее для членов делегации в письменной форме, я формулировал следующим образом:

Политическая структура Чехословакии, какой я себе ее представляю

I. Центральный парламент Президент республики Правительство республики	}	Три главных центральных института, компетенция которых будет определена по-новому.
---	---	--

II. Республика будет состоять из четырех земель: Чехии, Моравии, Словакии, Подкарпатской Украины.

а) Каждая земля будет иметь:

1. Земский парламент.

2. Земский исполнительный орган.

б) Каждая земля будет разделена на районы со своим представительством и исполнительным органом.

в) На местах будут созданы местные представительства и исполнительные органы.

III. Новое государственное устройство будет базироваться на принципе общей децентрализации сверху донизу:

а) Центральный парламент передаст законодательную власть на местах земским парламентам и соответствующую — районным и местным представительствам.

б) По пересмотренной конституции часть полномочий правительства будет передана земским, районным и местным исполнительным органам.

IV. Я представляю себе дело так, что будущая структура земских парламентов и земских исполнительных органов будет формироваться прежде всего по договоренности о том, какую степень законодательной и исполнительной компетенции следует предоставить земскому управлению Словакии, и в соответствии с этим будет уже определена компетенция орга-

нов остальных земель (Чехии, Моравии и Подкарпатской Украины). До тех пор, пока общегосударственный парламент не решит вопроса о немецком и венгерском меньшинствах — поскольку они еще будут существовать в государстве, — управление в местностях, населенных немцами и венграми, будут осуществлять правительственные комиссии и делегаты.

V. Наша система государственного устройства не будет тогда, по моему мнению, двуединой, или федеративной.

III

Моя личная точка зрения на проблему единой нации.

1. Я никогда ни от кого не скрывал и не скрываю, что всегда придерживался концепции единой чехословацкой нации. Таково научное социологическое credo, которое я исповедую. Чехи и словаки, с моей точки зрения, равноценные, равноправные и одинаково развитые части, составляющие настоящую единую нацию. Одни говорят по-чешски, другие — по-словацки, оба языка равноправны и должны пользоваться одинаковыми правами. Некоторые национальные признаки и черты у нас идентичны, некоторые незначительно отличаются друг от друга. Но обе составные части нации имеют столько общих духовных и культурных ценностей, что нет в природе другой такой нации, или, точнее, двух других подобных наций, которые были бы столь близки. По-моему, обе они едины в своей политической, культурной и экономической жизни и должны друг друга дополнять и уважать на основе полного равноправия. Нужно отчетливо представлять себе существующие между нами различия (например, языки), но наряду с этим необходимо в той же мере ясно осознавать и то, что для нас является общим. Я говорю со всей объективностью. Само собой разумеется, что я живу и мыслю по-чехословацки. Лично для себя я вижу в этом возможность достичь более высокой степени развития.

2. Однако я считаю недопустимым навязывать эту точку зрения кому бы

то ни было. Так как в Словакии большинство населения чувствует себя только словаками и называет себя словацким народом, просто необходимо признать такое положение вещей и уважать его; бессмысленно вести спор о терминологии: словацкий или чехословацкий народ. Я, естественно, уважаю факты и хочу, чтобы к подобным проблемам в республике относились с полной терпимостью. Эту терпимость я безоговорочно проповедую сам и буду проповедовать ее и впредь.

Поэтому я категорически отвергаю какое бы то ни было навязывание или декретирование понятия чехословацкой нации. Предписывать законом существование понятия нации чешской и нации словацкой или нации чехословацкой просто абсурдно. Я отстаиваю точку зрения полной лояльной и честной терпимости и взаимоуважения: у нас должны безусловно и искренне признаваться словаки (как нация), чехи (как нация) и чехословаки (как нация). Не должно быть споров, нетерпимости и дискриминации...»⁸.

«Замечания» Бенеша были последним словом, сказанным лондонским правительством по данному вопросу. В пространном тексте, который я процитировал с сокращениями (это касается третьей части), Бенеш за многословием скрывает свое отступление от собственной концепции по основным вопросам:

1. На освобожденной словацкой территории, то есть на первой освобожденной территории ЧСР, власть будет осуществляться не лондонским правительством (ни прямо, ни через правительственного делегата), а местным революционным органом — Словацким национальным советом. Лондонское правительство прекратит свое существование в самом Лондоне. 2. «Просто признавая факты», Бенешу пришлось принять во внимание словацкий народ со всеми вытекающими для внутреннего устройства ЧСР последствиями. 3. Признавая Словацкий национальный совет носителем законодательной и исполнитель-

⁸ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 805—810.

пой власти в Словакии, Бенеш и его правительство вынуждены были принять во внимание то обстоятельство, что в этом органе ведущей и руководящей силой является Коммунистическая партия Словакии и что это, несомненно, отразится на дальнейшем развитии событий и отношений на освобожденной территории. Таким образом, лондонская буржуазная эмиграция вынуждена была смириться с тем, что после освобождения наше развитие в решающей мере будет определяться требованиями и нуждами народных масс, руководимых коммунистической партией.

Капитулируя, Бенеш и его правительство заботились о том, чтобы не создалось «положение, подобное Польше или Югославии», где эмигрантские правительства и после освобождения остались в эмиграции. Поставленное перед фактом Словацкого национального восстания и под давлением логики основных принципов Словацкого национального совета, лондонское правительство смогло избежать подобной судьбы благодаря своему отказу от старых позиций. Искусственные построения, в которые Бенеш облакает суть своей капитуляции и с помощью которых он пытается выдать изменение своей позиции за «согласование» и стремление к «единству точек зрения» со Словацким национальным советом,— все это лишь дымовая завеса, за которой скрывается его отступление. Правда, Бенеш и правительство оставляли открытыми двери для окончательного «будущего решения», которое при определенных условиях позволило бы им повернуть на 180°. Но правдой остается и то, что в первом решающем раунде боя за концепцию отечественного развития и государственно-политического устройства страны они были нокаутированы. И это обстоятельство имело значение для всего государства. Ибо республика была освобождена с востока на запад, и не западными союзниками, а Красной Армией.

В этом отступлении Бенеша и его окружения надо суметь оценить определенную политическую трезвость, «уважение к действительности», которую они не могли изменить, оценить их приспособляемость к ситуации, которая их не очень-то устраивала, но против которой они не могли бороться. Этим они отличались,

скажем, от польского или югославского эмигрантских правительств, что и сделало возможным сохранение видимости единства чехословацкого антифашистского лагеря вопреки всем внутренним противоречиям.

* * *

16 ноября 1944 г. Рипка от имени правительства информировал циркулярной депешей все основные чехословацкие посольства о ходе переговоров делегации Словацкого национального совета с президентом и правительством. Он подробно изложил точку зрения президента, основываясь на «Замечаниях» от 6 ноября, Постановлении правительства от 23 октября, и результаты этих переговоров подытожил следующим образом:

«I. Президент и его правительство признают Словацкий национальный совет ведущим политическим органом в Словакии, в руки которого по мере освобождения Словакии будет передано управление Словакией на основе полной договоренности с правительственным делегатом министром Немцем. II. Словацкий национальный совет безоговорочно признает президента республики, который сохраняет свои функции до той поры, покуда не будут проведены выборы нового президента на демократической основе. III. До тех пор, пока не будет возможности создать новое правительство в самой стране, лондонское правительство признается правительством ЧСР. IV. До этого будет существовать полное согласие между правительством и Словацким национальным советом и вообще между зарубежными и отечественными политическими деятелями. V. ...Правительство, то есть лондонское правительство, подаст в отставку, и будет создано новое правительство. VI. Конституция 1920 г. остается основным действующим законом... что касается уже измененных отдельных статей конституции или намечаемых к изменению, то эти изменения остаются в силе и старое толкование статей считается недействительным. VII. По вопросу о словацком народе президент остается на вышензложенной позиции. Правительство принимает объявленную Сло-

вацким национальным советом точку зрения. Правительство одобрило соглашение, заключенное 16 октября 1944 г. между министром Немцем как правительственным делегатом и Словацким национальным советом по вопросу о взаимном сотрудничестве»⁹.

Это была несколько сглаженная капитуляция. Итак, лондонское правительство вынуждено было познакомить мир с фактом решительного изменения его позиций.

В том же духе вещало позднее и лондонское радио. К примеру, министр Я. Лихнер говорил 19 ноября: «...делегация Словацкого национального совета вручила меморандум, единодушно принятый всеми членами Словацкого национального совета, в котором изложены основы будущих взаимоотношений чехов, словаков и подкарпатских украинцев... Делегация произвела здесь глубокое впечатление... Словацкий национальный совет продолжает свое существование, и в его руки будет передаваться власть на территориях, постепенно освобождаемых победоносной русской армией; эта власть будет осуществляться согласно постановлению № 1/1944, принятому в Банска-Бистрице, и на основании этого СНС будет осуществлять законодательную и исполнительную власть на освобожденной словацкой территории вплоть до выборов законных представителей словацкого народа...»

* * *

Это было победой коммунистической концепции движения Соппротивления и того решения вопросов о развитии событий и о взаимоотношениях после освобождения, которое предлагали коммунисты. Мы отстаивали свою точку зрения в Словацком национальном совете, пропагандировали и проводили в жизнь до тех пор, пока в результате восстания она не стала «всеобщей» в Словакии и ее высшем органе — Словацком национальном совете. Делегация Словац-

⁹ З. Фирлингер. На службе ЧСР. Прага, 1948, стр. 416—418.

кого национального совета успешно завершила свою миссию в Лондоне, так как она опиралась на борющийся народ, на прочную позицию Словацкого национального совета, на авторитет Коммунистической партии Словакии и на перспективу освобождения Словакии Красной Армией.

Делегация Словацкого национального совета отбыла из Лондона 14 ноября 1944 г. в Москву, где оставалась до 14 января 1945 г. Из Москвы она направилась на освобожденную территорию Восточной Словакии.

27. ОТСТУПЛЕНИЕ В ГОРЫ

Словацкое национальное восстание для нацистской Германии было не только неожиданным событием — оно повлекло за собой большие военные и политические осложнения. С точки зрения политической восстание разложило зависимое от Гитлера государство Тисо, оно держало Франка в состоянии постоянного опасения за судьбу протектората. В Венгрии в это же время усиливались тенденции за отделение от нацистского союзника. Восстание осложнило нацистам ситуацию во всей Средней Европе. К этому присоединялись и чисто военные доводы, возможно, они были даже первостепенными. Советские воинские соединения переходили через Карпаты с польской и румынской территории, а Словацкое национальное восстание держало в своих руках и контролировало важнейшие транспортные артерии, оно оставалось постоянной опасностью в тылу у фашистов в момент, когда союзные армии побеждали на всех фронтах.

В первое время немцы считали борьбу против восстания обычной полицейской кампанией. Не случайно они назначили ее руководителем генерала СС Бергера, который был шефом СС-Гауптамта в Берлине — фактически канцелярским или полицейским генералом. Бергер намеревался покончить «с этими бандами» за пару дней. Телеграмма нациста Вюстера от 1 сентября 1944 г. в немецкий МИД свидетельствует, насколько они были далеки от понимания ситуации:

«...Партизаны находят при этом поддержку у словацкого гражданского населения и у словацких военнослужащих... Не следует забывать, что самым знаменитым словацким национальным героем был разбойник Яношик, который со своими бандами нападал

на богатых и сильных, а захваченные имения раздавал бедным и студентам. Эта разбойничья романтика находит и сегодня в Словакии большой отклик...»¹.

Конечно же, нацисты полагали, что борьба с «разбойничьей романтикой» не будет серьезной. Однако проходили дни и недели, а «разбойничьи банды» держали целые участки фронта. Бергера отозвали, на его место прислали фронтового генерала СС Хёфле.

Этот ситуацию не приукрашивал, он начал борьбу против повстанцев по всем правилам военной стратегии. Прежде всего Хёфле видел, что теми силами, которыми он располагал, восстание ликвидировать невозможно. Поэтому он прежде всего позаботился о подкреплении. Затем создал такую концепцию: «Повстанческая армия сидит в мышеловке на территории Средней Словакии, правда, с большей свободой продвижения на север и на юг»². Исходя из этого он стремился сомкнуть кольцо вокруг повстанческой армии, «согнать противника на узкое, даже самое узкое пространство, пока он не сложит оружия... Идеальным решением было бы создать «котел»³. Для этого потребовалось повести атаку на повстанцев с юга, с венгерской территории, где до сих пор было спокойно.

Гиммлер бомбардировал Хёфле приказами как можно скорее ликвидировать восстание, требовал немедленно начать наступление. Вместе с Франком и Виттиском они встретились в Вене в начале октября 1944 г., где Гиммлер и Франк снова настаивали на быстрой ликвидации Сопротивления в Словакии. В Вене одобрили оперативный план Хёфле, а также план пропагандистской кампании, выработанный Франком. В Вене же было решено подкрепить силы Хёфле. Ему были приданы дивизия СС «Хорст Вессель», расквартированная в Венгрии, и переброшенная из Польши бригада «Дирлевангер», позднее Хёфле получил еще дивизию мотопехоты, так что в заключительной стадии кампании в его распоряжении было восемь дивизий. Гиммлер, будучи в Братиславе, лич-

¹ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 384.

² АМС, НС, Братислава.

³ Там же.

но проверил ситуацию и не переставал нажимать на Хёфле. Хёфле, как он сам потом признавался, был готов к генеральному наступлению на силы восстания к 15 октября. Какое значение нацисты придавали ликвидации восстания, видно из разработанной программы пропагандистских мер, которая была подготовлена на случай победы.

11 октября Хёфле телеграфировал Франку: «В ближайшие дни должен начаться обусловленный удар против центра Сопротивления. Наряду с широкими военными приготовлениями запланирована пропагандистская акция, которая должна быть полностью развернута вместе с кульминацией наступления. Листовки, которые будут разбрасываться, по моему мнению, должны быть составлены так, чтобы они как можно сильнее подействовали на повстанцев в их трудном положении, принудили их сложить оружие. Я представляю дело так, что повстанцам надо объяснить безнадежность дальнейшего сопротивления, призвать их переходить на нашу сторону. Ответственные и чуждые элементы надо задерживать и передавать немецким воинским частям. Вывешиванием белых флагов, белыми повязками на рукавах население должно показывать свою лояльность, чтобы сохранить жизнь и имущество. Безопасность будет обеспечена всем, кроме тех преступников, которые своими бешеными нападками ввергли словацкий народ в неслыханную беду. Ссылаясь на наш сегодняшний телефонный разговор, был бы вам исключительно признателен, если бы вы распорядились из соображений секретности изготовить такие листовки в самое ближайшее время, в самом большом количестве и послать их мне с нарочным, чтобы мы имели возможность своевременно их распространить...»⁴.

Франк немедленно принялся за работу. 12 октября он сообщил Хёфле, что уже поручил написать текст листовки, а 13 октября послал отпечатанный проект листовки со знаком словацкого государства и с таким словацким текстом (привожу сокращенно): «Словаки

⁴ «Словацкое национальное восстание». Документы. Брагислава, 1965, стр. 665—666.

в Банска-Бистрице и окрестностях! Сильные танковые части немецкой армии подготовлены к наступлению на ваш край. Борьба, на которую вас толкнули безответственные и антисловацкие элементы... подходит к концу... Сопротивление бесполезно... Прекратите бессмысленную борьбу... Подумайте о Варшаве... Кто добровольно сдастся, тот сохранит себе жизнь... Вывешивайте белые флаги... Надевайте белые повязки на рукава... Кто сложит оружие и сдастся, тому торжественно обещаем безнаказанность... Хёфле».

Франк, напуганный революционной борьбой в Словакии, с немецкой аккуратностью разработал пропагандистскую акцию, при помощи которой предполагал использовать поражение восстания для укрепления позиции нацистов в Словакии, в протекторате и во всей оккупированной Европе. В письме Хёфле от 14 октября он пишет: «Посылаю вам предложения о пропаганде как основу для готовящегося совещания в Вене...» — и сообщает, что посылает в помощь ему из Праги пропагандистскую бригаду, которая должна сотрудничать с гестаповцем Витиском или ему подчиняться. Возглавлял бригаду А. Лейтгеб — руководитель чешской пропаганды министерства просвещения в Праге. Члены бригады: Бартоли, проф. Рашхофер, Гонолка, два чешских журналиста (Шейност и Вернер), три чешских работника радио под руководством немецкого радиотехника, чешские кинооператор и фоторепортер.

В дальнейшей части письма Франк предлагает Хёфле следующие «практические пропагандистские меры»:

«а) посещение государственного президента на освобожденной территории,

б) публичные благодарственные богослужения в его присутствии,

в) манифестация с выступлением государственного президента,

г) немедленные социальные меры для освобожденного населения, поскольку это будет необходимо,

д) выступление нитранского архиепископа и всего словацкого католического духовенства с проповедями, благодарственными богослужениями и т. д. (пастырское послание?),

е) вывешивание флагов и торжественный колокольный звон в освобожденных селах,

ж) разоблачение большевистских зверств (братские могилы и т. д.),

з) использование показаний пленных,

и) процессы против ведущих врагов рейха,

к) созыв словацкого парламента (правительственное заявление),

л) парад перед Национальным театром в Братиславе (немецко-словацкий),

м) составление документальной брошюры,

н) выставка в Братиславе с показом большевистских зверств,

о) беседы журналистов, в том числе и иностранных, с членами правительства,

п) выступления по радио министров и других руководящих деятелей — создание словацкого единого фронта,

р) изготовление плакатов и листовок,

с) оригинальные радиопередачи на коротких волнах для США наряду с передачами по словацкому и протекторатному радио, в случае надобности и по имперскому радио,

т) информация в кино для словацкого, протекторатного, имперского и зарубежного киножурналов...»⁵.

В дальнейшем мы увидим, как нацисты выполняли этот план. Франк 24 октября доносил Гиммлеру, что уже послал в распоряжение Хёфле пропагандистскую бригаду, которая 20 октября выехала в Братиславу, там она в полной готовности, ей приданы автомобили. Подчинена Витиску.

В то время, когда нацистская военная и политическая машина готовилась к решающему удару против свободной повстанческой территории, когда Хёфле основательно умножал свои военные силы количественно и укреплял их техникой, силы повстанцев были вымотаны боями. Командование армии попало в отчаянное положение в результате острого недостатка резервов и оружия: даже винтовок не хватало для вновь призванных солдат. Определенная надежда по-

⁵ «Словацкое национальное восстание». Документы. Братислава, 1965, стр. 686—687.

явилась во время мощного советского наступления, предпринятого в октябре частями II Украинского фронта на Венгерской низменности. В политических и военных кругах восстания укрепилось стремление при любых обстоятельствах выдержать до связи с Советской Армией.

Когда пришла весть о венгерской капитуляции, мы были как раз на конференции заводских комитетов в Подбрезовой (15 октября). Хорти в тот день выступил по радио: «С радостью в сердце заявляю вам, что мне удалось высвободить венгерский народ из-под бесхарактерного... господства немцев». Радость и оптимизм охватили всех нас. Восстание спасено! Советская Армия, перед которой капитулировали венгры, быстро преодолеет эти оставшиеся до нас 150 километров, разорвет нацистское кольцо, сомкнувшееся вокруг повстанцев. Это не было пустой иллюзией: южный участок повстанческой территории у венгеро-словацкой границы до сих пор был спокойным, венгры даже ослабили с повстанческой территорией пограничные связи. С аэродрома «Три дуба», например, венгерские генералы улетали в Советский Союз для переговоров о перемирии. Капитуляция Венгрии должна была оправдать наши надежды.

Вести сражения в тылу такого сильного противника, в полном окружении, при этом удерживать линию фронта можно определенное время, только имея перспективу прорвать окружение, соединиться с главными силами союзников. У Словацкого национального восстания было три таких возможности. Первая, в соответствии с планом Словацкого национального совета, немедленно соединиться с частями Советской Армии. Раньше говорилось, почему этому плану не суждено было осуществиться. Вторая возможность — Дукельско-Карпатская операция советских войск. Она не удалась. А теперь вырисовывалась третья и последняя возможность — соединиться с частями маршала Малиновского. К сожалению, и эта возможность не осуществилась.

В день начала Словацкого национального восстания 29 августа 1944 г. Хорти объявил состав нового венгерского правительства во главе с генералом Ла-

катошем. Это правительство начало зондировать различные возможности, как вывести Венгрию из войны. 22 сентября 1944 г. Хорти обратился к Соединенным Штатам Америки, откуда получил ответ, что ему «надлежит обратиться к русским». Это было то, чего панский режим Венгрии больше всего боялся. Но другого выхода не было. Хорти послал в Москву военную делегацию договариваться об условиях перемирия. Делегация, как было сказано, улетала с повстанческой территории. В Москву эта делегация, возглавлял которую генерал Фараго, прибыла 1 октября 1944 г., и переговоры начались. Немцы узнали о переговорах из будапештских правительственных кругов и немедленно приняли свои контрмеры. А в это время началось большое советское наступление на территорию Венгрии. Советские войска быстро продвигались по венгерской земле. 20 октября был освобожден Дебрецен. 11 октября венгерская военная делегация в Москве приняла предварительные условия перемирия. А 15 октября Хорти объявил об этом по радио.

Но радость наших повстанцев — да и венгерских антифашистов тоже — продолжалась недолго. Из-за предательства двух членов правительства немцы смогли вовремя принять меры: 16 октября они отстранили Хорти от власти, увезли его в Германию, а в Будапеште во главе правительства посадили фашиста Салаши. В Венгрии в то время не было организовано достаточного отпора нацистам, не было ни одного серьезного выступления.

Положение на повстанческих фронтах и на свободной территории из обнадеживающего превратилось в крайне опасное. Немцы были вынуждены, если они хотели задержать или замедлить напор Советской Армии, любой ценой помешать нашему соединению с ней, а для этого как можно скорее занять повстанческую территорию, разбить ее военные силы.

Южный участок повстанческой территории из-за недостатка сил и по приведенным выше доводам охранялся очень слабо. 19 октября 1944 г. части эсэсовской танковой дивизии «Адольф Гитлер» перешли словацко-венгерскую границу на участке Римава-Собота — Елшава и начали быстро продвигаться по

освобожденной территории. Это был сигнал к генеральному наступлению на нас со всех сторон. «Немецкие части начали атаки на следующих направлениях и приблизительно такими силами: Елшава — Мурань — Червена Скала; Мурань — Тисовец (одна танковая дивизия); Попрад — Грановница — Телгарт (одна горная дивизия); Кралова Легота — Липтовска Осада (одна горная дивизия с танками); Кремница — Горна Штубня — Гарманец (один полк с танками); Св. Кржиж — Зволень (один полк и танки); Банска Штавица — Крупина — Зволень (один полк и танки); Лученец — Зволень (два усиленных батальона с танками); Римава Собота — Римава Баня (один батальон) ⁶.

Вымотанные непрерывными боями, обескровленные партизанские соединения были не в состоянии противостоять этому одновременному наступлению со всех сторон, численному и техническому превосходству противника. Необходимо отметить, однако, что и на этом этапе боев войсковые и партизанские соединения сражались храбро, не сдавали свою землю без боя. Хёфле, свидетель достаточно авторитетный, писал в свое время: «Как военачальник противника, я должен помочь исторической правде: повстанческая армия... сражалась храбро до самого конца» ⁷.

Телгартская группа вела упорные бои 17 и 18 октября. Когда немцы 19 октября заняли на юге Ревуцу, Мурань и Червену Скалу, эта группа оказалась отрезанной. 20 октября она сделала попытку снова захватить Червену Скалу. Это не удалось, и группа вынуждена была отступить через Гельпу на Брезно и Ясение. Она была очень ослаблена в боях. Группа, которая защищала подступы с севера (Велки Штурец), отражала атаки немцев с 20 до 27 октября. Только 24 октября немцам удалось захватить Остро, а 26—27 октября они проникли к Средней Ревуцей. 21—22 октября части 2-й воздушнодесантной бригады предприняли атаку в направлении Плешевце и заняли Плешевце — Сасу. Но вынуждены были отступить, так как другие немецкие части 23-го числа прорвали

⁶ АИИ КПС.

⁷ АМС, НС, Братислава.

оборонительные сооружения у Подкривани и наступали на Зволен. 20—21 октября гарнизон Римавской Бани отражал немецкие атаки с юга, часто переходил в контратаки. 21 октября батальон капитана Грушки сражался в районе Тисовец — Мурань. Он был разбит немецкой танковой дивизией. 21 октября немцы заняли Тисовец, а 24-го Брезно. 26 октября в результате немецкой атаки пал Зволен.

22 октября 1944 г. генерал Виест доносил в Лондон обстановку в Словакии следующим образом: «Положение еще ухудшилось. Как видно, противник начал генеральное наступление, имея в виду нашу полную ликвидацию. После занятия Ревуцей и Мурана вчера противник быстро продвинулся к Червеной Скале и окружил там нашу боевую группу, охраняющую направление от Попрада. Группа с боем пробивается к своим. На направлении Мурань — Тисовец также не удалось остановить вражеское наступление, и сегодня к вечеру Тисовец был занят противником.

Наши части под Тисовцем понесли значительные потери, охватными атаками были окончательно дезорганизованы и рассеяны. Поэтому наиболее опасным в данную минуту надо считать направление Тисовец — Брезно. Здесь в течение ночи организуем новую оборону из частей, которые туда спешно посылаем, правда, в ущерб интересам западного участка. Вероятно, это и поможет на короткое время, но с возможной потерей Брезно мы должны считаться. Это значит, что у нас не будет твердой возможности на длительное время удержать за собой долину Грона, а также пространство Зволен — Банска-Бистрица, где сейчас сосредоточено большинство сил. В этом направлении уже готовится усиленная атака противника с юга. В силу всех этих обстоятельств начинает вырисовываться последняя возможность — отход в горы. Главные причины такого хода событий я вижу прежде всего в недостаточном снабжении наших частей тяжелым оружием. Только 2-я бригада полностью вооружена, но и ее транспортировка продолжалась слишком долго, да и сейчас мы не имеем всего материала. У остальных частей нет минометов, мало артиллерии, мало противотанкового оружия. Например, к амери-

канским базукам мы получили только по десять гранат на ствол. Не было никакой возможности создать хотя бы минимальные резервы, потому что не хватает даже винтовок... Партизанские соединения также не на высоте, на них вообще нельзя рассчитывать при стабильной обороне. Вся наша активная атакующая сила состоит из нескольких танков... В заключение должен констатировать, что обещанная помощь из-за границы была недостаточной»⁸.

Главкомандующий чехословацкими вооруженными силами генерал Ингр, главной обязанностью которого было заботиться о всесторонней помощи словацкому народу в его героической борьбе, был в данном случае весьма щедр на советы. 21 октября он телеграфирует Виесту: «Возобновление вражеского наступления, его расширение на новых направлениях является продолжением немецкого стремления освободить обе главные коммуникации, что еще больше приблизит к вам Красную Армию, так как в связи с угрозой дороге Мишколец — Будапешт обе словацкие транспортные артерии получают повышенную стратегическую важность. Поэтому, исходя из общих, а также наших особенных доводов, необходимо приложить крайние усилия, чтобы в Средней Словакии, хотя бы и на самом ограниченном пространстве, удержать соответствующий организованный отпор до прихода частей Красной Армии. Есть возможность предполагать, что немцы не будут иметь достаточно времени ликвидировать ваше сопротивление, хотя и используют выгоды местности, усиленной укреплениями на избранных местах. Настаиваю на всестороннем усилении помощи со стороны русских и на материальной помощи англичан и американцев, перспективы считаю обнадеживающими... Ингр»⁹. За такое элементарное поучение Виест был премного благодарен Ингру. Жаль только, что он не смог после освобождения высказать ему лично свое мнение.

В данной ситуации не было иного выхода, как организовано отступить в горы, перейти к партизан-

⁸ АИИ КПС. Телеграммы.

⁹ Там же.

ским способам ведения боя и таким образом продолжать борьбу.

Это был не первый кризис, который угрожал самому существованию восстания. В каждом из предыдущих кризисов политическому и военному руководству восстания было ясно, что даже в том случае, если свободная территория окажется занятой, борьба не окончится, она будет продолжаться в горах. Так было и на этот раз, во второй половине октября 1944 г.

Военные первое время не осознавали всей серьезности положения. По всей вероятности, их информационная служба была далека от совершенства, а генералу Хёфле удалось скрыть подготовку к наступлению, особенно в Венгрии. Под влиянием военной информации о положении дел был и президиум Словацкого национального совета. На закрытом заседании пленума Словацкого национального совета 20 октября доклад о военном положении делал подполковник Ферьенчик. Он говорил: «Военное положение за последние несколько дней становится все более серьезным, особенно с того момента, когда немцы заменили венгерские воинские части на наших южных границах. Венгерские части на этом участке фронта относились к нам пассивно. Как только эти части были заменены, немцы начали с позавчерашнего дня боевые действия на всех участках. В Римавской Бане существуют наши укрепления, на которых немецкая атака захлебнулась. Хуже положение на участке Елшава — Ревуцей — Мурань, где немцам удалось форсировать Любеник и подойти к самому Мураню. Как это получилось: положение на северо-восточном участке освобожденной территории потребовало сосредоточения всех избыточных сил именно на этих направлениях. В результате части, занимающие юго-восточный участок, оказались слабее, без тяжелого вооружения, фактически это были только прикрывающие части. Долину Мураня охранял всего один батальон с одной-единственной пушкой. Поэтому и получилось, что противник быстро проник до Мураня. В этот район были направлены необходимые части, перед ними поставлена задача спасти положение, даже если придется уничтожить Мурань, и охранять переход в Погронье, а также в Тис-

скую долину, которая хорошо защищена с юга. Здесь население всеми средствами, при помощи войск, но прежде всего — и я это подчеркиваю — по собственной инициативе защищало свою долину, сооружало препятствия как против пехоты, так и против танков.

Похожая угрожающая ситуация и на северо-востоке, в направлении от Попрада, где на пространстве Попрад — Спишска-Нова-Весь сосредоточены крупные немецкие соединения, предположительно численностью до дивизии. Вчера вели атаку небольшие части, атака была отражена. Сегодня противник начал генеральное наступление в направлении на Вернар, на Сулову и Рожняву. Около Вернара в бою участвовала целая немецкая дивизия. Противник предпринял наступление в направлении Добшинской ледяной пещеры и вдоль трех других дорог на Сулову. На всем этом участке мы имеем два батальона и одну роту в резерве. Наш командир просит разрешения занять более выгодное положение еще до того, как его части будут разбиты. Как ситуация будет развиваться дальше, трудно судить, так как противник ввел в бой крупные силы. Налицо признаки общего наступления, имеющего целью захватить нашу территорию. Но мы не должны падать духом, если выдержали так долго. Боевых средств, главное, людей, у нас достаточно. Военных материалов, правда, меньше, сейчас 6 тысяч людей сидят без оружия... Есть резервы в бригаде, так что, видимо, все не так уже плохо, наступление немцев будет задержано, пока получим помощь, особенно речь идет об оружии... Мы предполагали, что нечто подобное должно произойти... Если мы будем решительны, будет решителен и народ, нажим противника преодолеем...»¹⁰.

Руководство Коммунистической партии Словакии и Словацкий национальный совет заняли прочную позицию: защищать всеми силами каждый клочок свободной территории, своевременно готовить переход на партизанские методы борьбы. В Совете обороны Словакии было решено включить партизанские части в оборону участков фронта, одновременно Главный

¹⁰ Архив СНС. Протокол СІІС.

штаб партизанского движения готовил новую дислокацию партизанских соединений в тылу врага и на свободной территории.

Положение становилось тяжелее день ото дня. Особенно серьезно проявился недостаток способного и энергичного военного руководства. Необходимо было решать две задачи одновременно: вести тяжелые оборонительные бои на всех фронтах и создавать базу и организационные предпосылки для усиления партизанской борьбы. На этом участке были очень серьезные проблемы. Это можно было наблюдать на примере 2-й воздушнодесантной бригады. В то время это была наилучшая воинская часть. Но как она использовалась в то трудное время? В критические дни «я попросил командующего Первой чехословацкой армией дивизионного генерала Виеста разрешить мне отозвать бригаду с фронта. Я должен был реорганизовать и дополнить личный состав...»¹¹—пишет полковник Пржикрыл. «Командующий армией с моим предложением согласился. Отход частей к постоянному месту расквартирования к югу от Банска-Бистрицы был осуществлен в ночь с 17 на 18 октября... Бригада была в то время, за исключением 80 человек, полностью в Словакии. Из оружия нам не доставало очень немного, правда, не хватало патронов к советскому оружию»¹². Время для отдыха и переформирования было выбрано неудачно. Уже 20 октября Виест отдал приказ бригаде задержать немецкое наступление от Крупины на Зволен. Только начали части бригады выполнять приказ и, надо сказать, успешно, как «...22 октября пришел из штаба армии приказ: первому батальону по железной дороге и автомобилями переместиться на Брезну. Переброска была осуществлена немедленно. 23 октября получил от командующего Первой армией приказ отозвать вторую и третью группы, ориентировать их в восточном направлении для прикрытия выхода в Детвянскую долину»¹³. Таким вот образом части бригады перебрасы-

¹¹ В. Пржикрыл. Продолжайте в горах. Прага, 1947, стр. 77.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 79—80.

вались с места на место, так что практически ее сила не была использована в заключительных боях.

Воскресенье 22 октября стало днем решительного поворота. Утром ко мне на квартиру пришли Виест и Голиан и сообщили: события на фронтах развиваются таким образом, что удерживать свободную территорию целиком в дальнейшем не представляется возможным. Я немедленно созвал совещание ответственных политических работников, на котором в присутствии военных обсудили создавшееся положение. Было решено сделать все для организованного отступления в горы и перехода к партизанским методам борьбы. Подготовка началась немедленно по всем линиям. 22 октября вечером президиум Словацкого национального совета еще раз в присутствии Виеста и Голиана обсудил положение. Они предложили военный план: защищать центральную область Зволена — Бистрица — Брезно, организовать немедленно три новых центра борьбы, в которые постепенно переместятся с оборонительными боями все вооруженные силы: 1. Область Большого и Малого Штюрга, самая крупная, со штабом в Доновалах. 2. Область Рудогорья (Поляна — Верор). 3. Область Чертовице и восточной части Низких Татр. Первое время области будут связаны между собой, потом начнут бороться изолированно, под самостоятельным командованием. Необходимо было организационно обеспечить переход и сосредоточить военные материалы в этих областях. Военные предполагали, что таким образом можно будет удержать области в течение нескольких недель, особенно главную, с центром в Доновалах.

Президиум Словацкого национального совета этот план одобрил и решил, что политическое и военное руководство восстания (Словацкий национальный совет и военное командование) переедут в Доновалы. Армия должна была бороться за каждую пядь земли, особенно защищать Банска-Бистрицу, и подготовиться к новому — партизанскому — методу ведения борьбы. Главному штабу партизанского движения было предложено дислоцировать партизанские соединения в соответствии с этим планом, особенно в тылу противника. Кроме того, было решено ликвидировать

центральные органы в Банска-Бистрице и все подготовить к отходу в горы.

Руководство Коммунистической партии Словакии также приняло соответствующие меры: распределило всех своих работников по трем областям с таким расчетом, чтобы каждый коммунист принял участие в партизанской борьбе или в работе партии. Было решено перевести партию на нелегальное положение, в связи с этим были приняты организационные меры, а также меры по безопасности. Надо было вооружить всех, кто может воевать. О. Павлик, который тогда работал в секретариате ЦК КП Словакии, пишет о том времени: «Президиум партии дает последние распоряжения в Банска-Бистрице. Партия переходит на нелегальное положение. Все работники и члены Словацкого национального совета, все уполномоченные должны уйти с частями армии и партизанами, чтобы продолжать борьбу против немцев. Часть их должна перебраться через Кремницкие горы на запад, часть — в район Низких Татр, часть — на Поляну и в Кленовские горы. 24 октября несколько десятков руководящих деятелей партии собрались в центральном секретариате. Даются последние указания. Каждый берет оружие, одеяла. Люди уходят в горы. Прощай, Бистрица. Ты ждешь немцев полупустая...»¹⁴.

Советские самолеты, на которых доставлялось нам оружие, на обратном пути увозят раненых солдат и партизан, детей и беременных женщин, которым Советский Союз предложил гостеприимство. Золото и драгоценные металлы из Национального банка мы уже отослали на хранение в Государственный банк в Москву. Полетела правительственная делегация и делегация представителей Словацкого национального совета Восточной Словакии. Мы ждали прибавления семейства — моя жена тоже улетела в Советский Союз. «Три дуба» был так оживлен, как крупный международный аэродром, правда, только в ночное время.

22 октября 1944 г. Виест созвал командиров всех тактических групп, ознакомил их с положением и с решением президиума Словацкого национального со-

¹⁴ «Новое слово», год изд. II, № 22.

вета и командования армии. Началось, точнее, должно было начаться осуществление намеченного плана. На деле же оказалось, что армия до сих пор почти ничего не подготовила для ведения боя в горах (склады, резервы и т. д.). А немецкие атаки становились все активнее. 24 октября пало Брезно. 26 октября — Зволен. Отход в горы стал импровизацией: не было времени как следует его организовать.

Подобные меры наметил и Главный штаб партизанского движения. Но и здесь царил больше самостоятельность.

Позицию партии и повстанческих органов — устоять в боях при новых условиях — необходимо было довести до народных масс. По партийной линии, по линии профсоюзов проводили собрания, раздавали оружие, мобилизовывали людей на дальнейшую борьбу. Б. Лаушман писал об этом:

«Самое драматическое собрание проходило в Банско-Бистрицком доме профсоюзов за два дня до занятия города нацистами... Как чех и социалист я считал своей обязанностью, вопросом своей совести остаться с борющейся Словакией. Поэтому еще в этот день призывал деятелей профсоюза держаться в борьбе. После собрания добровольцам раздавали оружие, доставленное партизанским штабом. Утром была проведена небольшая тренировка, днем позднее уходили в горы...»¹⁵.

23 октября 1944 г. Словацкий национальный совет в последний раз собрался на свое заседание. После доклада о военном положении было решено, чтобы члены совета пошли на боевые участки и там продолжали политическую деятельность, принимали прямое участие в борьбе. Было ясно, что временно не будет возможности созывать пленум совета. Единогласно приняли решение, по которому вся полнота власти возлагалась на президиум Словацкого национального совета, а тот, в свою очередь, мог передать власть отдельным членам совета. Речь шла о том, чтобы сохранить такой орган, который представлял бы Словацкий национальный совет и действовал от его име-

¹⁵ Б. Лаушман. Правда и ложь о Словацком национальном восстании. Петровец, 1951, стр. 35.

ни в новой ситуации. Полномочия президиума Словацкого национального совета останутся действительными до тех пор, пока не появится возможность созвать пленарное заседание совета.

В боевой ситуации, да и в боевом настроении собралось и разошлось это последнее заседание политических представителей повстанческой Словакии. Вместо портфелей и бумаг члены совета вооружились автоматами и другим оружием. Борьба не кончилась, хотя и приняла другие формы — с тем же энтузиазмом, с теми же целями, что и в последние дни августа.

Было решено утром 26 октября перебраться в Доновалы. Накануне вечером у меня на квартире собрались партийные и партизанские деятели — Шмидке, Шверма, Сланский, Асмолов, Рашла, Павлик и многие другие. Советовались о положении, о ближайших задачах и перспективах, прощались с Бистрицей, надеялись на возвращение сюда. В этом духе был напечатан и развешан на улицах города призыв к населению. Сидели до поздней ночи. К программе было неожиданное добавление: Шверма торжественно зачитал последнюю телеграмму из Москвы: «У Гусака 23 октября родился сын Владимир. Мать и сынок здоровы. Поздравляем. Готвальд». У всех народов, представители которых собрались в тот вечер в бистрицкой квартире, оставленной каким-то фашистским беженцем, существует обычай: рождение сына, особенно первого, торжественно отпраздновать. Конечно, и мы отпраздновали, что греха таить. Во имя великой дружбы словаков, чехов, русских.

В Доновалы мы отправились утром 26 октября, некоторые товарищи даже днем раньше. В Бистрице, да и по дороге было пока спокойно. Все повстанческое перемещалось: солдаты, партизаны, гражданское население. В Бистрице прятали и уничтожали документы. Внешне в городе было тихо, правда, многие ходили вооруженными.

В Доновалах, где разместились военное командование, Словацкий национальный совет, Главный штаб партизанского движения и другие организации (например, советская, английская и американская военные миссии), меня поразил автомобиль для перевозки

мебели, стоящий перед домиком лесника. В нем разместился Голиан. Я зашел к нему. Оказывается, он перевез сюда мебель из Банска-Бистрицы — по-видимому, ему было жалко бросать добро или он так уверовал в прочность новой позиции.

Мне пришлось еще в тот день возвращаться в Бистрицу по каким-то необходимым делам. Облик города за эти полдня совершенно изменился. Солдат на улицах почти не было, население пряталось, какая-то женщина срывала плакат — обращение к населению. Кое-где «работали» деморализованные элементы. Повстанческая столица распадалась. Вечером я возвращался в Доновалы. Путь был забит частями всех родов войск, всюду полно гражданских лиц с мешками за плечами. В Доновалы было очень трудно попасть. Там я нашел уже всех руководителей восстания. Настроение было неплохое, все шло, по словам военных, по плану. Мы рассчитывали, что на новых позициях удержимся не меньше трех недель, а за это время соединимся с частями Красной Армии. Правда, связь с воинскими частями у нас была слабой.

Ночью пережили первый переполох. Утомленные солдаты не были обеспечены хорошим ночлегом, в частях вдруг распространились слухи, что немцы где-то прорвали фронт и каждую минуту могут появиться здесь. В действительности немцы прорвали фронт от Кремнице на Гарманец и приближались к Бистрице. Военное командование Бистрицу сдало.

После падения Зволена 26 октября немецкий командующий позвонил по телефону Голиану. От имени генерала Хёфле он предложил капитуляцию «на честных международных условиях». Голиан доложил об этом на заседании президиума Словацкого национального совета. Свою точку зрения он не высказал, просил решения. Конечно, никто о капитуляции и не помышлял. Голиан спросил, что же он должен ответить Хёфле. Мы ему сказали, чтобы ответил так, как имеют привычку отвечать словацкие крестьяне тому, на кого сердиты: упоминается при этом задняя часть тела. Голиан не передал этот ответ немецкому генералу, так как связь была уже прервана, так что Хёфле не смог привести полностью ответ повстанцев на свое

предложение о капитуляции, о котором он писал в «Бёмен унд Мэрен». Нам было не о чем говорить с нацистами, речь шла только о продолжении борьбы.

А переполох среди солдат начался еще в Бистрице. Долину между Зволеном и Бистрицей прикрывали при постепенном отходе части 2-й воздушнодесантной бригады. 26 октября немцы начали наступление от Зволена, наши части постепенно отходили. Полковник Пржикрыл пишет об этих последних часах следующее: «...Примерно через час после нашего прихода в одном из домов началась стрельба из автоматов и винтовок, в результате которой был убит командир полицейского отделения и ранен шофер. В городе были открыты все рестораны и корчмы, крепкие напитки пили бесплатно — кто хотел и сколько хотел. Фабрика «Фатра» буквально зазывала в свое здание солдат, там шла пьянка, перепившиеся солдаты начали стрельбу, в городе поднялась паника...»¹⁶. Правда, об этом случае можно было рассказать и так, особенно если командир не в состоянии навести порядок и дисциплину в своей части. Оставим нерешенным вопрос, по чьей инициативе вино лилось рекой и задаром. Во всяком случае, результат был таков, что об обороне Банска-Бистрицы не могло быть и речи. Солдаты взорвали мосты и в таком настроении, о котором только что говорилось, отступили в общей массе остальных солдат, забивших узкую долину Большого Штюльца. Бистрица пала утром 27 октября 1944 г., пала без боя.

В узкую долину Старых гор набилось неопишное множество солдат, гражданских лиц, автомобилей, повозок, оружия, снаряжения и прочего. И, что самое печальное, никто не думал оттуда уходить. Лучших целей для немецких бомбардировщиков и не требовалось. Пржикрыл пишет об этом: «Хаос и паника на единственной дороге были неопишны и скоро завершились бомбардировкой с немецких самолетов, которая стоила нам больших потерь в живой силе и материальной части. Бомбардировка продолжалась три с половиной часа с небольшими перерывами...»¹⁷. Но

¹⁶ В. Пржикрыл. Продолжайте в горах. Прага, 1947, стр. 82—83.

¹⁷ Там же, стр. 84.

даже потери не принесли такого вреда, как возникшая на дороге паника среди солдат и гражданского населения. Начинался полный развал армии. Дисциплина была нарушена. В частях началось брожение, появилось стремление во что бы то ни стало спасти свою жизнь. Начались разговоры об отступлении, бегстве, разложении армии. Доновалы в это время тоже немцы бомбардировали, но никакого ущерба не принесли. Мы стояли в лесу под сосной вместе с Виестом и Голианом, оба они были страшно шокированы, оптимизм их улетучился.

27 октября президиум Словацкого национального совета собрался на совещание с Виестом, чтобы обсудить положение. Генерал нервничал, он хотел сдержать обещание — перевести армию на партизанские методы борьбы, но, видимо, и сам не знал, как это сделать. Мы говорили о панике в Старогорской долине, требовали от него вмешаться, принять решительные меры. У меня создалось впечатление, что генерал боится пойти к солдатам, настроение которых он почувствовал. Говорил о приказе, который он готовит по армии, призывал солдат сражаться дальше. Я побывал у Ферьенчика, который еще не потерял головы. Он был в долине, на перекрестке дорог руководил транспортом, пытался навести порядок, ликвидировать хаос. Он раскритиковал всю организацию дела в армии. Я попросил его, чтобы он попытался поднять настроение у остальных командиров. Но он не давал мне особенной надежды. Тогда я пошел к Голиану. Тот только что возвратился с проверки: поставил пост над гостиницей, на вершину Зволена, а когда пришел проверить — там никого не оказалось. Дисциплина рушилась. Голиан был страшно рассержен, но духом не падал. Жаловался на систему двух петухов на одной напозной куче (он имел в виду себя и Виесту), говорил, что не может сказать слова, если дело касается военного командования. Жаловался на Лондон: обманули, мол, нас, обещали горы, а на деле ничего. Я постарался поднять настроение, как положено, при помощи сливовицы. Пришел начальник повстанческого штаба полковник Носко, человек храбрый, энергичный, но на

этот раз озлобленный. Ничего нельзя сделать, все рушится.

Относительно перспектив войны все (Голиан, Ферьенчик, Носко) высказывались весьма неопределенно. Говорили, что потребуется минимум два дня, чтобы справиться с беспорядком, хаосом, подавить элементы разложения в армии, разместить все части, укрепить дисциплину. Только после этого можно продержаться неделю-две. Если этих двух-трех дней не будет, то ни за что ручаться не сможем, говорили военные. Правда, они пообещали принять немедленные меры, чтобы овладеть положением.

Паническое настроение передалось и части политических работников. Леттрих, Стык и некоторые другие заявили, что уйдут из Доновал. Мы их не задерживали.

Собрали партийное совещание (Шмидке, Шверма, Сланский и я), потом советовались с Асмоловым. Что надо сделать, чтобы помешать полному распаду армии? Необходимо было быстро рассредоточить небольшие части, снабдить их всем необходимым, направить в горы. Мы со Шмидке вечером опять пошли к Голиану и Виесту, согласовали, что Виест издаст приказ, сделает все, что возможно, прикажет продолжать борьбу.

Ночью опять советовались со Шмидке, Швермой и Сланским. Было ясно, что военное командование утратило контроль над армией, его приказы имеют чисто теоретическое значение. Военная машина рассыпалась. Теперь все зависело от низших командиров и от самих солдат. После полуночи пришли двое делегатов от 2-й бригады (один из них был П. Гайдош), обсуждали положение. Бригада как целое воевать не может: предлагалось то, что осталось от бригады, разделить на группы бойцов по сто в каждой, послать их в горы, пусть пробиваются на восток. Мы с таким планом согласились, теперь надо, чтобы Виест утвердил решение.

Пржикрыл так пишет о тех минутах: «...я послал в штаб 1-й чехословацкой армии двух офицеров с предложением отказаться от регулярного боя против превосходящей силы противника, разделить группы на

части по 20—30 человек, которые перешли бы на партизанские методы ведения боя... В штаб бригады в это время приходило много офицеров, желающих в составе бригады сражаться с оружием в руках против немцев. Мы их включаем в состав бригады, но они уходят в другое место, прежде чем придет на них приказ из штаба армии. Хаос и нервозность овладели всеми людьми около нас. Усталость, полная утрата сил наблюдаются почти во всех частях словацкой армии, в таких условиях ложные сообщения пятой колонны создают депрессию. Общая ситуация оказывает разрушающее влияние на моральное состояние армии, солдаты и офицеры которой ищут выход в возвращении домой или к своим родным и знакомым. В роковой день 28 октября 1944 г. на рассвете оба офицера нашего штаба вернулись из штаба 1-й чехословацкой армии. Они принесли с собой последний приказ командующего армией..., в котором командарм прощается с войсками и приказывает продолжать борьбу против захватчиков партизанскими методами. В партизанской борьбе должны принять участие только те, кто пойдет на это добровольно, кто способен на тяжелые жертвы...»¹⁸.

В партизанских отрядах положение тоже не было абсолютно ясным. Главный штаб партизанского движения в свое время дал отдельным отрядам директивы, указал, где они должны были занять позиции, но связи с отрядами не было. В распоряжении руководителей движения Шмидке и Асмолова была всего одна штабная рота — это было в данный момент все, на что можно было положиться.

Из расположенной по соседству комнаты доносился громкий голос работника нашей радиостанции, который старался таким образом дополнить слабую мощность своей аппаратуры. В эти трагические ночные часы радио поддерживало дух повстанцев. Тогда родилась шутка, своего рода юмор висельников: ты, мол, открой окно, говори прямо на улицу, так тебя услышат на всей свободной территории...

¹⁸ В. Пржикрыл. Продолжайте в горах. Прага, 1947, стр. 85.

На новом совещании руководящих работников партии мы решили также покинуть Доновалы. Решение было таково: Шмидке и я должны спуститься с гор и заняться нелегальной партийной работой. Партия должна жить, работать, бороться, ей необходимо руководить. Шверма, Сланский и Лаушман, поскольку они не знают словацкого языка и легко могут быть разоблачены, останутся с Асмоловым в горах. Пока же все пойдем вместе со штабной ротой в направлении на Прашиву, к партизанскому лагерю Егорова, расположенному на высоте 1640, где и разойдемся каждый на свое место. Это было в два часа ночи 28 октября. Решили немного поспать, а утром договориться с Виестом и Голианом, после чего отправиться в горы.

В четыре часа нас разбудил страшный шум, беготня во всей гостинице, где мы расположились. Оказалось, что все уже уходят, многие давно ушли. Ушли Виест и Голиан, не попрощавшись с нами, не предупредив нас. Гостиница была наполовину пуста, зато вокруг царила страшная суматоха. Мы сожгли около гостиницы документы, захваченные из Банска-Бистрицы в расчете, что Доновалы продержатся несколько недель, до соединения с Красной Армией.

Собираемся в путь. Шверма поднимает мешок на плечо и говорит: «Лаушман, если мы все это переживем, придем с этими автоматами на Вацлавскую площадь, устроим там такое, какого Прага еще не видела. А если нет, так нам в парламенте все равно должны поставить бюсты».

Около пяти часов мы уходили в направлении Прашива: Шмидке шел со своим сыном Драганом, шли Шверма, Сланский, Асмолов, Лаушман, я и другие товарищи. Перед гостиницей догорали два маленьких самолета, которые были в распоряжении командования армии. От офицеров мы узнали, что Виест около четырех часов собрал командиров и заявил им, что армия как целое сражаться не может, поэтому он ее распускает, снимает со всех присягу и советует тем, кто может и хочет, воевать дальше по-партизански...

Мы все были огорчены этим поступком военного командования, он шел вразрез с нашей договоренностью с Виестом. Даже сам факт, что Виест и Голиан

потихоньку исчезли из Доновал вместе с ротой охраны, составленной из студентов, исчезли без единого слова, без договоренности с ведущими политическими деятелями, создавал впечатление, что военные руководители в этой трагической ситуации думали прежде всего о спасении собственной шкуры. Слышны были слова острой, горькой критики.

Таким вот образом в ранние утренние часы 28 октября 1944 г. закончилось организованное в военном отношении, руководимое из единого центра сопротивление повстанческой армии, перестала существовать свободная повстанческая территория. Начался страшный переход по грязи и снегу отрогами Низких Татр. Козий Хребет, Прашива и Думбиер — весь массив был заполнен примерно 20 тысячами повстанцев, которые под холодным дождем и снегом, в густом тумане, маленькими группами и в одиночку искали выход из трудного положения, искали пути для дальнейшей борьбы или просто к сохранению своей жизни. Все запасы остались в долинах. Каждый нес на себе все, чем владел. А весь горный массив был окружен нацистами. Массы бойцов плутали по всех направлениях, без организации и руководства, полагаясь только на слухи — иногда правдивые, иногда фальшивые — о том, где немцы и где их нет. Только спасительный туман не дал возможности немецкой авиации уничтожить эти блуждающие колонны и группы. Так начался и проходил этот «день свободы», о праздновании которого нам так настоятельно напоминали из Лондона... И не только этот день, но и последующие дни и ночи. Дни и ночи, полные трагедии, героизма и храбрости.

В истории народа бывает не так много минут, в которые его борцам приходится выдерживать подобные тяжкие испытания всех физических и душевных сил. Как мы их выдержали? По планам Франка и Хёфле — с белыми повязками на рукавах или иначе? Проклинали восстание или стиснули зубы?

Полковник Пржикрыл так писал о тех днях: «Через час ходьбы я почувствовал, что настает самый тяжкий час испытания нервов, физических возможностей. Мы должны были подготовиться к всевозмож-

ным страданиям — к голоду, холоду, к самому худшему... Уже в первый день стало ясно, что у командования выпали из рук вожжи руководства частями и отрядами — по дороге мы наблюдали группы солдат, идущих без всякого порядка, часто без оружия. Они плутали без цели, искали дорогу, на которой бы не наткнулись на немецкие отряды. Дорога через Козий Хребет из-за тумана и дождя была непроходимой. Так мы теряли людей, лошадей и провиант, который везли. Страшное сознание того, что смерть на фронте сменилась этим почти фантастическим театром уничтожения, конец которого не был виден, давило нас в этом утомительном походе, который все замедлялся. Мы очень ослабли в этом походе с солдатами словацкой армии на Прашиву. По пути встречали группы, которые шли нам навстречу без оружия: они направлялись в занятые немцами районы, чтобы сделать попытку раствориться среди местного населения. Около дороги валяются винтовки без затворов..., а из кустов торчат стволы тяжелых и легких пулеметов... Поход по хребту горы Прашивой проходил в густом тумане, он мешал ориентироваться. Многие группы потеряли связь с остальными, сбились с пути. Физическая усталость ни с чем не сравнима, а духовная сопротивляемость уменьшена до такой степени, от которой до безнадежности один только шаг. Постоянно грозит опасность встречи с вражескими отрядами, которые окружают наши колонны и без боя берут в плен измученных солдат. Дождь пропитал все сухие части нашей одежды, всей кожей люди чувствуют воду. От усталости дышат коротко, шумно, слышно чавканье воды в ботинках... Это—чудо, что мы не наткнулись на какую-либо крупную немецкую часть или не попали в ловушку. Ведь большинство людей шагает апатично, с взглядом, устремленным на дорогу... Всех лошадей мы потеряли на Козьем Хребте. Приспосабливаем заболоченную долинку под ночлег, он будет одним из самых печальных, которые каждый из нас пережил за годы войны... Я сложил руки в коленей и, как все, смотрю на огонь. Есть нечего... Чувствую, как горячка охватывает мою спину, кровь больно бьется в висках. Вдруг внезап-

ный озноб заставляет мои челюсти трястись... Наверно, умирать не так уж страшно... Ночь была предельно трудной. Спали в мокрой одежде, прислонившись к деревьям... Люди просыпались от холода и снова засыпали ненормальным, судорожным сном, в котором, верно, хотели забыть о том, что еще живы. Прижавшись друг к другу, старались удержать хоть признаки тепла. Велся напрасный бой с неприязнью природы, которая поворачивалась спиной к их отчаянию и страданиям... Все голодны, отчаянно голодны. Сознанием безнадёжность своего положения... Так вот идем целый день. В голове уже нет ни единой мысли, тело действует независимо от мозга... Дыхание все труднее, перед глазами возникают фантастические картины... Не знаю, как долго идем, — меня это уже не занимает... Падаю, но потом поднимаюсь, не сознавая, что движение вперед нарушилось. Другие тоже так... Случайно мне посчастливилось — в кармане обнаружил маленький кусочек сахара. Я кладу его в рот так, чтобы другие не видели. Было бы хотя бы по три куса на каждого, наверное, нам было бы теплее»¹⁹.

Десятки тысяч бойцов прошли такие испытания в словацких горах. И не только в Низких Татрах. Всюду. О Поляне О. Павлик писал: «Первая ночь в горах. Всюду встречаешь людей, повозки, у начала лесных дорог горят автомобили: они не должны попасть в руки немцам. Настроение тяжелое, печальное... Первые дни в горах... Бродят горстки солдат, ищущих дорогу домой. Некоторые части еще сохраняют дисциплину, и таких оставленных на произвол судьбы солдат возвращают назад. Партизаны — те в своей стихии. Добывают из сеновалов сено, они веселы, готовятся к боям. Свои ряды пополняют гражданским населением... Каждый привыкает к новой жизни. Сеновалы превратились в дома. Никогда на Поляне не было столько людей, даже во времена Яношика. А кто встретился здесь в совместных боях против Германии? Словацкие парии с русскими...»²⁰.

¹⁹ В. Пржикрыл. Продолжайте в горах. Прага, 1947, стр. 86—96.

²⁰ «Новое слово», год. изд. II, № 22.

Были ли неизбежными эти страдания десятков тысяч борцов? Был ли неизбежным хаос и разложение повстанческой армии? Почему не был осуществлен в полной мере или хотя бы в большей части организованный отход армии в горы? Эти вопросы вставали перед нами в первые дни в горах, да и теперь, через двадцать лет, не так просто ответить на них объективно, со всей полнотой.

Прежде всего здесь сыграли роль объективные обстоятельства. Немцы очень хорошо подготовились к генеральному наступлению, Хёфле получил подкрепления, имел точный план, мог свои части перемещать, усиливать отдельные участки. И даже терпящая поражение немецкая армия была в состоянии на одном участке сосредоточить такие силы и такую технику — я уже не говорю о боевом опыте, — что имела возможность разбить повстанческие фронты, занять наши центры, прервать коммуникации. За это никого в Словацком национальном восстании нельзя винить. Большие государства, имеющие регулярные сильные армии, не выдержали в последней войне напор гитлеровских армий, рухнули или капитулировали в более короткие сроки, чем вооруженные силы восстания. В этом нет ни вины, ни позора.

Какова же все-таки была перспектива вооруженных сил в Словацком национальном восстании, особенно армии? Или соединение с частями Советской Армии, или — когда уже не было возможности удерживать территорию — отступление в горы, боевые действия в измененных формах. Это нам было ясно с самого начала. 22 октября политические и военные инстанции решили: переходить в горы, менять формы борьбы. Но этот отход повстанческая армия не смогла осуществить организованным порядком, не выдержала. В чем причины?

Виест в последнем приказе, изданном в ночь на 28 октября 1944 г. (приказ датирован 27 октября, № 25843/3/1944), сначала армию восхваляет, а потом сваливает вину на низкую боевую дисциплину. Пишет: «...Воюем уже два месяца. В течение этих двух месяцев вели тяжелые бои. С благодарностью признаю героические действия целых частей и отдельных

бойцов; что является лучшим доказательством, что мы способны...». А потом следует суровая критика боевой дисциплины и такое заключение: «...Организованный отпор всей армии как таковой после распада некоторых частей уже не представляется возможным, а поэтому части чехословацкой армии в ночь на 29 октября 1944 г. перейдут в соответствии с положением на партизанские методы борьбы против немцев... Партизанские отряды организуйте в составе 100—200 бойцов, по возможности только из добровольцев и людей, которые способны ради родины вынести самые тяжкие испытания. 28 октября возьмите со складов как можно больше провианта...»²¹.

Обратите внимание на факты: Виест практически распустил армию. Партизанские отряды создаются «по возможности только из добровольцев и людей, которые способны вынести самые тяжкие испытания». Кто хочет, пусть партизанит! А кто хочет — правит!

Этот приказ Виеста попал только в немногие части. Вторая бригада получила его 28 октября в третьем часу, да и то только потому, что ночью Пржикрыл послал в штаб армии двух офицеров. А другие части? «...Связные, которые должны были доставить в части приказ о переходе 1-й чехословацкой армии к партизанским формам боя, не смогли вовремя попасть к командирам частей. Получилось, что этот исключительно важный приказ передавался устно из одной части в другую со всякими добавлениями, часто искаженно, и наконец он звучал так, что армия распущена и что каждый может идти домой... Почти 30% армии поверило этому неверному толкованию и перестало эффективно, с оружием в руках воевать...»²², — писал Ю. Носко в 1949 г.

А что бы помогло командирам, если бы вдруг они смогли получить приказ своевременно, когда Виест уже фактически армию распустил, когда вопросы дальнейшей борьбы оставил на добрую волю, когда

²¹ Ю. Носко. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945, стр. 47—48.

²² «Сборник Института Словацкого национального восстания». Год изд. I (1949). Банска-Бистрица, стр. 13.

провиант, амуницию, снаряды и патроны могли забрать со складов в Доновалах, в Еленце и других местах только 28 октября, когда этих складов фактически уже не было, когда переход на партизанское положение должен был произойти только в ночь на 29 октября, хотя уже в момент издания приказа — ночь на 28-е число — армия фактически распалась?

Теперь ясно, что этот приказ не только не был доставлен, но он был издан со значительным запозданием и в самой своей основе был неверным! Командующий армией в такой ситуации был обязан своевременно провести всю организационную и материальную подготовку к продолжению боев в горных условиях, определить места и боевые задачи каждой части, и не только из патриотических обязанностей, а для сохранения жизни солдат и офицеров, чтобы они не попали в руки противника. Не нужно иметь больших военных знаний, чтобы понять, что организованная воинская часть сможет успешнее сохранить даже само свое физическое существование, чем десятки тысяч бесцельно плутающих людей, стремящихся лишь сохранить себя. Исключения могли быть допущены только для больных, да и то в обязанности командования входила забота о них.

Нет спора о том, что путем организованного перехода в горы армия выполнила бы и свои патриотические обязанности и значительно лучше сохранила своих солдат и офицеров. Такова была цель руководства КП Словакии и Словацкого национального совета. В этом смысле и было достигнуто ясное соглашение с Виестом 22 октября и в последующие дни. Никто не давал права Виесту своевольно распоряжаться армией, оставить ее в самую тяжелую минуту на съедение «добровольности», что означало в данный момент на растерзание немцам! Солдаты в горах умирали от голода и холода, тысячами убегали в долины, чтобы спастись, и попадали прямо в плен к немцам! А склады остались в тех местах, которые сразу же заняли немцы. Там осталось оружие, снаряжение и все остальное.

Воечное командование во главе с Виестом в крити-

ческой ситуации потеряло голову, не выполнило свои обязанности перед родиной, перед тысячами бойцов.

В этой действительности ничто не может изменить ни личное стремление Виеста, Голиана и других продолжать бои в горах, ни фразы, посланные Бенешу в Лондон в телеграмме от 28 октября: «Пан президент! В тяжелой ситуации, в которой мы находимся сейчас, мы вспоминаем 28 октября и заверяем Вас, что даже самые жестокие атаки противника не сломят наше стремление выдержать в этом бою до победного конца. Посылаем Вам свое уважение, верим, что победа очень близка. Виест»²³.

Заметьте еще факт. Была договоренность, что руководство Словацкого национального совета, руководство Коммунистической партии Словакии и ДП, руководство армии и Главный штаб партизанского движения, то есть все руководящие и решающие органы восстания, будут держаться вместе, чтобы в любой ситуации направлять и вести борьбу словацкого народа. Вместе перешли в Доновалы. Там договорились продолжать вместе путь ночью с 27 на 28 октября. А под утро 28 октября Виест, Голиан и еще немногие приближенные к ним офицеры уходят из Доновал, не сказав ни единого слова остальным ведущим деятелям восстания!

«Собственно штаб командования армии должен был занять партизанский КП в районе Поляна при II тактической группе. 28 ноября 1944 г. командарм с личным штабом приступил к осуществлению этого решения. Для личной охраны командарма был назначен студенческий сторожевой отряд...»²⁴, — пишет Носко, в ту пору начальник штаба. Как это красиво звучит: «Приступил к осуществлению этого решения»! Они бросили нас спящих и ушли с Доновал в направлении Поляны, хотя по их собственному последнему приказу главные бои должны были вестись в районе Низких Татр! Еще 29 октября Виест встречался с майором Студенским, доверенным лицом маршала Конева, который предлагал Виесту идти с партизанским шта-

²³ АИИ КПС. Телеграммы.

²⁴ Ю. Носко. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945, стр. 49.

бом. Виест отказался²⁵. Виест и Голиан жестоко заплатились за такое решение. 2 ноября немцы разгромили отряд охраны и 3 ноября в Буковце взяли в плен обоих. После предварительного допроса в Братиславе Виеста и Голиана привезли в Берлин и там казнили. Нас, однако, интересуют здесь причины и мотивы развала армии. Чем объяснить такое поведение Виеста и К^о? Более подробно этим занимался генерал Носко. Причин он нашел пять: 1) низкий уровень политической зрелости офицерства, 2) порядок перехода к партизанской войне, 3) материальная неподготовленность, 4) нехватка опытных командиров для партизанской войны, 5) запоздалое издание приказа²⁶. Со многими утверждениями Носко можно согласиться.

Политическая суть проблемы заключается в том, что партизанское движение у нас (а практически и во всей Европе) было боевым движением народных масс под сильным влиянием коммунистов.

В Словацком национальном восстании — если говорить о спорах внутри антифашистского лагеря — партизаны считались «армией коммунистов», они ориентировались исключительно на СССР, тем более что во главе многих отрядов стояли советские или в СССР обученные словацкие офицеры.

И, наоборот, буржуазные элементы в Словакии, лондонские правительственные и военные круги устремляли свои надежды — в политическом смысле — к армии, к ее офицерскому составу. Эту тенденцию укрепил приход Виеста, который, как министр Бенеша, был в этом смысле политически наиболее ясной фигурой в командовании повстанческой армии. Ожидали, что он укрепит позиции приверженцев лондонской буржуазной концепции. Захват территории восстания, необходимость перевести армию на партизанский метод войны означали одновременно существенное ослабление политических позиций антифашистской буржуазии, означали необходимость перевести регу-

²⁵ См. статью Носко «Основные причины неудачного перехода 1-й чехословацкой (повстанческой) армии к партизанским методам войны». Сборник Института Словацкого национального восстания, год изд. I (1959), Банска-Бистрица, стр. 12.

²⁶ Там же.

лярные части на метод борьбы, поддерживаемой коммунистами, распустить армейскую машину и единое командование, отдать солдат и офицеров под сильное влияние коммунистов. Политически, с точки зрения буржуазии, это было весьма невыгодное решение; Виест и другие противились ему.

Такую политическую тенденцию усугубляло профессиональное военное воспитание командного состава армии, значительной части офицерства. Война — это армия. Армия — это офицеры, их штабы, воинские правила, законы, обычаи, усвоенные в офицерских школах, на маневрах, в военной практике. Партизанские же отряды — это штатские, которые лишь подражают военным с их законами и часто вносят неразбериху; это либо «банды» народа, либо что-то вроде вспомогательных частей «нормальной армии». Этой народной войне с ее импровизацией военных методов и правил ведения боя и снабжения — такой войне не обучались офицеры ни в своих школах, ни на практике, они не знали ее, относились к ней предвзято, с предрассудками. Они признавали известную пользу такой войны, но смотрели на нее сверху, высокомерно, с точки зрения офицерской касты.

Партизанская война более жестока, тяжела, она требует от бойцов больших жертв, а следовательно, и большей решимости, а в конце концов — когда идет бой за свободу — и более глубокого сознания политических причин, целей, смысла этой борьбы. Это уже не профессиональная рутина, тут нужен сознательный боец. Все слабое отпадает само собой.

Все эти политические и «специфически профессиональные» причины сыграли свою роль, особенно среди командования повстанческой армии, когда практически осуществлялось решение от 22 октября о переводе армии в горы. Виест до последней возможности старался сохранить армию как организованное целое, старался сохранить за собой руководство ею, удерживая ее под влиянием старых, заученных штабных методов, — и все это до тех пор, пока армия не перестала существовать. Он так долго откладывал практические меры по преобразованию армии в партизанские отряды, что их уже невозможно было осуществить.

Вспомним некоторые примеры. Одной из предпосылок перехода к партизанской войне было строительство и подготовка помещений для людей и складов с оружием, продовольствием, медикаментами и т. д. в подходящих горных местах. Егоров строил свою базу на горе Прашивой с августа. Виест даже после 22 октября никак не решил этого вопроса. Склады, правда, строились, но не для партизанской войны. Полковник Лихнер пишет: «Эти склады возникали в лесах, в предвидении будущих нужд армий. Часть их была в Низких Татрах, другая — в Словацком Рудогорье... много материалов пропало зря»²⁷. Эти склады — если таковые вообще были — располагались поблизости от гор, но не в горах, это были склады, рассчитанные на отступающую армию, а не на партизан. При всем том Виест в Бистрице заверял нас, что подготовка идет хорошо. Временные помещения в горах, землянки и т. д. не строились вообще. Другими словами, в этом смысле подготовки практически не было никакой. Лихнер несколько высокомерно описывал ситуацию: «Хотя склады с продовольствием были устроены и запасы в них были обильными, их нельзя было использовать: во-первых, потому, что некоторые из них захватили немцы, а во-вторых, потому, что из-за недостатка времени невозможно было указать всем командирам их местоположение. В лесах запасли достаточно продовольствия, а есть было нечего...»²⁸.

Если армии предстояло защищать остатки свободной территории и при этом переходить к партизанскому методу борьбы, то ясно, что это не могло произойти сразу, по приказу, хотя бы и вовремя изданному; процесс этот мог быть лишь постепенным. Виест, конечно, этого не сделал. Так, например, группа Станека была 20 октября отрезана у Червеной Скалы и получила приказ отойти к Брезно. Из 2 тысяч храбрых бойцов, прославивших повстанческую армию, до Брезно и Ясеня добралось едва 200—300.

²⁷ «Над Татрами сверкают молнии». Прага — Братислава, 1946, стр. 189—191.

²⁸ Там же.

Большинство рассеялось: многие из них были родом из деревень Верхнего Грона, и они попросту ушли по домам. Если бы эта группа получила приказ немедленно перейти на партизанский метод ведения боя, она могла бы удержаться в своем основном составе и выполнить почетную задачу на участке, хорошо ей знакомом. А так она не участвовала более в боях.

В своей книге, а также и в сообщении, составленном для военного руководства ЧСР, Пржикрыл писал 21 февраля 1945 г., объясняя «причины развала и дезорганизации бригады»: бригаду разбросали на три фронта, при отступлении она потеряла материальную часть, командование оказалось неспособным, а тут пришло известие о роспуске армии и т. д. Пржикрыл констатирует, что большинство бойцов 2-й бригады разошлось по домам; с ним, с командиром, осталась малая часть бригады. А ведь во второй половине октября это была лучшая воинская часть. Таких примеров много.

Концепцию Виеста о сохранении армии как целого на протяжении возможно большего времени подтверждает и его начальник штаба Носко в упомянутой статье. Он пишет: «...чехословацкая армия, чтобы избежать полного уничтожения, отступит на горные оборонительные рубежи в районе Низких Татр и Большой Фатры и без боя очистит долину Вага и Грона вместе с Банска-Бистрицей. Когда принималось это решение, исходили из предположения, что после овладения основными коммуникациями в Словакии и после овладения Банска-Бистрицей немцы ослабят непрерывный натиск на 1-ю чехословацкую армию, и армия сможет быть восстановлена после непрерывных боев и отступлений...»²⁹. Следовательно, после ликвидации свободной территории — не полный переход к партизанской войне, а, напротив, восстановление армии. Военную наивность этой концепции, я думаю, нет смысла доказывать. Носко сам говорит об этом: «Но немцы сразу же после захвата всей долины Грона принялись беспощадно преследовать отступающие части армии, в результате чего к вечеру 27 октября

²⁹ Сборник Института СНВ, год изд. I (1949), Банска-Бистрица, стр. 12.

военные силы армии были настолько раздроблены, что дальнейшее выполнение оборонительной функции было невозможно, и армия должна была перейти к новым, партизанским методам борьбы»³⁰. Мы уже сказали кое-что о планах Хёфле и Франка. Даже если бы мы ничего о них не знали, то и в таком случае не понимаю, как можно было предполагать, что немцы после ликвидации свободной территории оставят в покое повстанческую армию и дадут ей время для какого-то «восстановления». Это наивно. За этой концепцией кроется идея Виеста о том, чтобы удержать всю армию под своим командованием до последней возможности или невозможности. А что потом? Потом армии конец, пусть воюет тот, кто хочет, кто правит, добровольно. И пусть живет и сражается, как знает, пусть обеспечивает себя, как умеет,— это уже не наше дело. И это называлось переходом к партизанским методам борьбы! Недаром Носко вспоминает, что Виест не хотел объединения военных и партизанских частей при переходе в горы: «...командующий армией был против такого решения еще и из соображений престижа...»³¹. По этим причинам не были использованы знания и опыт советских командиров, принимавших участие в восстании (Асмолова, Егорова и других), по тем же причинам Лондон ожесточенно противился тому, чтобы на помощь Словацкому национальному восстанию были призваны советские генералы. Словом, им нужно было ограничить, ослабить влияние Советов и коммунистов, предохранить от него прежде всего армию.

Все недостатки военного руководства, о которых я говорил, в несколько раз усугубились в этой близорукой концепции Виеста и имели катастрофические последствия для повстанческой армии и ее бойцов. Я не хочу упрощать. Условия, в каких повстанческая армия отступала в горы, были чрезвычайно тяжелыми. После двухмесячных оборонительных и отступательных боев с противником, который был лучше вооружен и обладал большим опытом, будучи полностью окружена, испытывая недостаток оружия, отражая

³⁰ Там же

³¹ Там же.

стремительный напор немецких дивизий со всех сторон, повстанческая армия, вполне понятно, испытала потрясение как организационно, так и морально. Эти признаки наблюдались и в партизанских отрядах. Из опыта второй мировой войны мы знаем, что в подобных трудных обстоятельствах начинали колебаться, а иногда и терпели полное поражение даже большие армии многих великих государств. Овладеть ситуацией в повстанческой армии в конце октября, организованно перевести большую ее часть в горы, обеспечить боеспособность ее единиц в партизанской войне — все это смогло бы сделать только способное, энергичное и опытное военное руководство. Восстание явило нам много примеров героизма, указало нам многих достойных и героических бойцов — солдат и партизан, много их было и среди офицеров. Слабым звеном восстания, однако, было командование армии, что особенно выразительно проявилось в критической ситуации при отступлении в горы. Спустя годы многое можно оценивать более снисходительно, чем мы это делали тогда, когда находились в гуще событий, но неудачный переход повстанческой армии к партизанской войне я и сегодня считаю справедливым отнести в большой степени на счет военного руководства Виеста.

* * *

Вернемся к плану Хёфле. В военном отношении он ему удался. С самолетов в огромном количестве были сброшены листовки, предложенные Франком и напечатанные в протекторате. Листовки должны были «призывать сложить оружие, переходить на другую сторону и задерживать ответственных лиц и иностранцев...», призывать к полной капитуляции. Хёфле ожидал белых флагов, поднятых рук и звона колоколов, но не дождался.

Словацкий народ не капитулировал. Армия разложилась, но тысячи ее бойцов ушли в горы и пополнили ряды партизан. Горы заполнились борцами за свободу. Повстанческая территория была разбита и залита кровью, но борьба продолжалась. Через год, 26 октября 1945 г., я написал об этом в «Новом слове»:

«...Словакия вынесла самое тяжелое испытание тогда, когда через наши села и долины лавиной катились танковые и эсэсовские дивизии, когда вешали мужчин и жгли деревни, когда были переполнены тюрьмы и лагеря военнопленных. Этот «день свободы» был днем самого жестокого немецкого зверства и самой ужасающей у нас депрессии... Вся жизнь после этого проходила в невыразимо тяжелых условиях. Было бы по-человечески понятно, если бы нация капитулировала, если бы она трусливо прислуживала врагу., если бы она признала ситуацию безнадежной и сложила оружие. И все же не произошло ничего подобного. Борьба продолжалась в массовых масштабах, наши деревни и города держались с необыкновенным достоинством, не было предательства, не было сотрудничества с немцами, все было подчинено одной великой идее — где и как лучше всего помочь своим бойцам. Тут рождались героические истории. Простые, как всегда бывает простым героизм... Стиснув зубы, упрямо, с трагической решимостью шли в горы солдаты, партизаны, политические работники, крестьяне и рабочие, мужчины и женщины. Наступило библейское равенство между всеми, машины остались в Доновалах, лошадей быстро съели. Дожди, которые шли несколько дней, всех промочили насквозь, а заснеженные вершины Прашивой, Дюмбьера, Поляны представляли всем одинаково роскошный ночлег на ночном морозе в зарослях стланика. Так начиналось второе действие борьбы примерно для 70 тысяч человек... Люди, которые год назад рукопожатием прощались с друзьями и товарищами, с семьями и знакомыми, в глазах которых читалась решимость пойти на все, которые видели виселицы и трупы, прошли через немецкие концентрационные лагеря и заснеженные горы, люди, у которых в руках были автоматы, которые принимали и сеяли смерть, которых согревала любовь к своим и ненависть к врагам и предателям, все это поколение понесет на себе печать своего опыта и в минуты серьезного кризиса обратится к нему... Для людей, которые прошли через все тяготы, все испытания и славу этой эпопеи, этот опыт означает обет верности идее и людям, мертвым и живым...»

Часть третья

**ЗАВЕРШЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЫ**

28. РАЗЛОЖЕНИЕ КЛЕРИКАЛЬНО- ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА

Банска-Бистрица пала. Повстанцы ушли в горы. Бесчисленное множество повстанцев было повешено, расстреляно и замучено. Трагедия маленького города, который имел смелость поднять оружие против нацистской тирании, продолжалась.

И в эти дни в повстанческую Бистрицу стали слетаться стаи воронов, которые кружили над трупами словацких бойцов. Людацкие марионетки принялись точно, пункт за пунктом, выполнять нацистский пропагандистский план празднования «победы», который был составлен 14 октября К. Г. Франком и одобрен Гиммлером и Хёфле. Хёфле организовал военный конвой под охраной бронетранспортеров, и таким образом первые лица словацкого государства попали в повстанческий центр. Нацист Рашхофер, которого послал Франк, передал Хёфле текст речи «президента государства», которая должна была быть произнесена на параде после «освобождения» Банска-Бистрицы. Тисо произнес эту речь. Состоялось торжественное богослужение в Бистрицком кафедральном соборе. Шкрабик и Хёфле, Штефан Тисо, Гашпар, Кармасин, Гашпик и эсэсовцы набожно поднимали очи горе, когда Йозеф Тисо служил службу и затем награждал эсэсовцев. В заключение состоялся банкет в резиденции епископа Шкрабика — банкет убийц и их пособников, или, как об этом написала официальным языком газета «Словак», «после окончания церковного, военного и национального торжества вождь и президент со своей свитой, а также и генерал Хёфле со своим штабом были гостями банско-бистрицкого епископа А. Шкрабика». Я думаю, что нет документа, который был бы более ярким свидетельством преступной и антинарод-

ной роли людацких верхов, их вассальского отношения к Гитлеру, а также прислужнического поведения высшего католического клира, чем этот отвратительный фарс после того, как повстанцы были оттеснены в горы. Тисо и компания отбросили последние остатки национальной чести и человеческого достоинства. В эти дни Тисо телеграфирует Гитлеру: «С чувством горячей радости и глубокой благодарности я сообщаю, что немецкие части под командованием обергруппенфюрера СС и генерала полиции Хёфле освободили Банска-Бистрицу, резиденцию путчистского чехословацкого национального совета, и при участии частей словацкого ополчения гвардия Глинки и глинковская молодежь успешно очищают словацкую территорию от чехо-большевистских банд. Словацкий народ, разделяющий со мной радость и благодарность, передает Вашей милости пожелание, чтобы подобные благословенные успехи сопутствовали героическим боям великой немецкой империи за жизнь и честь своего народа и за защиту европейской культуры»¹. Это было 28 октября 1944 г. Штефан Тисо писал Риббентропу о «радостной вести об уничтожении гнезд большевистского авангарда, которые были продвинуты в сердце Словакии, авангарда, который был направлен против самостоятельности словацкого государства и европейской культуры...»².

До восстания ведущие деятели Глинковской словацкой народной партии оправдывали свою безнравственную политику коллаборационизма с нацизмом «спасением, сохранением словацкого народа» и ссылками на относительно хорошее материальное положение по сравнению с прямо поработешенными странами. После поражения фашизма Сидор в одном письме так охарактеризовал эту концепцию людаков: «Что дала Словацкая республика словакам? Нажраться! Это прошло по пищеварительному тракту, а что из этого получается, знаете сами. Морально она не дала словакам ничего». А что же они «защищали» в период вос-

¹ Сообщение СТК от 28 октября 1944 г. «Новое слово», год изд. II, № 22.

² Там же.

стания, когда эсэсовские банды грабили словацкую землю и уничтожали словаков?

Когда Тисо призвал немецкие войска «ликвидировать партизанскую банду в Словакии», правящая клика ГСНП вступила в открытую борьбу со словацким народом. Тогда уже ясно проявилось, что людацкий режим утратил поддержку масс, что он, в сущности, является изолированным правящим слоем клерикал-фашистов. Руководящие ведущие кадры людаков тоже быстро разлагались и деморализовались; те, кто остался около Тисо и кто был ему верен, были лишь марионетками, которыми управляли немцы.

Нацисты сами ясно сознавали это. К. Г. Франк 3 сентября 1944 г. писал Гиммлеру: «Путем ловкой политической игры следовало бы сохранить словацкое правительство (Тисо) и следовало бы вынудить его к сотрудничеству, однако тем самым следовало бы исключить любое какое бы то ни было влияние словаков (претензию на суверенитет) на немецкие действия. Оказывать полное доверие Тисо и его министрам, как это делают, к сожалению, немецкие братиславские органы, было бы совершенно неуместно, и это имело бы тяжелые последствия. Я ни на мгновение не сомневаюсь в том, что словацкие правящие круги охотно пойдут на любую измену, как только им это позволит ситуация. Тисо, которого я знаю лично, — это большой игрок...»³.

Как писала газета «Словак», 6 сентября 1944 г. Тисо произвел «смену караула», то есть реорганизовал правительство и практически сосредоточил всю власть в своих руках. Действительно ли сам Тисо решал о смене правительства? Лудин 5 сентября 1944 г. телеграфирует в Берлин: «Совместное совещание в составе президента Тисо, обер-группенфюрера СС Бергера и меня имело результатом следующее предложение нового состава правительства...»⁴ — и потом приводит список нового правительства во главе со Штефаном Тисо. Газета «Словак» так комментировала 6 сентября 1944 г. этот состав правительства, про-

³ АИИ КПС.

⁴ «Словацкое национальное восстание». Документы, стр. 428.

диктованный немцами: «Наш народ не ожидает от нового правительства никакой большой политической программы, никаких обширных планов, но он ожидает, что правительство со всей решительностью восстановит в Словакии порядок...» Кто не знал о том, что в это время у правительства Тисо не было уже ни армии, ни жандармерии и почти никаких вооруженных сил, тот мог бы подумать, что эта программа немного скромна; кто, однако, знает, что порядок в Словакии восстанавливали дивизии СС, тот поймет, что задачей этого правительства было покрывать эсэсовских преступников. Новый премьер-министр правительства Штефан Тисо в своем заявлении от 6 сентября 1944 г. даже не слишком маскировал эту подлую роль «словацкого правительства». Мы, говорил он, будем с нацистами до самого конца, потому что империя Гитлера «помогает нам своими военными силами вести борьбу против коварного неприятеля и внутренних врагов»⁵.

Приведу тут еще одно свидетельство того, как сами нацисты в это время смотрели на Тисо и его правительство. Рафельсбергер, высокий нацистский чиновник в Вене, пишет 11 октября 1944 г. шефу гестапо Кальтенбруннеру: «Словакия практически стала почти военной зоной. Пока она не занята повстанцами, события приобрели, в сущности, характер определенного этапа... Возможность скорейшей ликвидации очага опасности в Средней Словакии, без сомнения, является предпосылкой любой дальнейшей политической, экономической и военной работы в Словакии... Нет сомнения в том, что сохранение возможно большей части словацкой территории могло бы иметь решающее значение и в случае дальнейшего проникновения русских в Венгрию. Чем большую часть словацкой территории мы сможем удержать, тем лучше будет обеспечена северная часть восточного фронта в направлении на юг, тем меньше будет опасность распространения восстания на протекторат и тем легче будет создать и обеспечить оборонительный фронт в окраинных областях Венгрии и Альп на юге Слова-

⁵ Цит. по кн.: *И. Станек. Предательство и падение. Прага, 1958, стр. 360.*

кии... От словаков, следовательно, должно требовать, чтобы они сделали все, что необходимо армии, все, чем Словакия может внести вклад в вооружение... Словацкое правительство действует неактивно отчасти из-за недостатка доброй воли, отчасти из-за неспособности. Если подходить разумно, то мы не можем сегодня оценивать его выше, чем, допустим, правительство Недича в Сербии, которое прибыло в Вену. Словацкое правительство, таким образом, не может быть партнером, с которым надо вести переговоры. И хотя, разумеется, внешне надо сохранять его функцию правительства самостоятельного государства, без сомнения, нет необходимости вести переговоры с ним о делах, которые надо привести в порядок при данном положении вещей исключительно с точки зрения империи. Словацкое правительство и в дальнейшем можно считать лишь исполнительным органом управления и оценивать его лишь как таковой... Я, следовательно, придерживаюсь того мнения, что из такой ситуации следовало бы сделать тот вывод, что в Словакии сейчас создано положение, аналогичное положению в Сербии, и нужно сосредоточить все в руках военного коменданта, подчинить все ему...»⁶.

Чем был Недич в Сербии, я думаю, объяснять не надо — он был нацистской марионеткой. Таковыми же стали и Тисо и компания. Такая судьба ожидала их, к этому они подготовлялись. Риббентроп дает следующие указания Лудину 18 сентября 1944 г.: «Имперский министр иностранных дел согласен с тем, чтобы тамошнее правительство — только если это действительно необходимо — перенесло свою резиденцию в какой-нибудь город внутри Германии и уже теперь предприняло соответствующие шаги... Особенно необходимо охранять президента Тисо. Поэтому необходимо удовлетворить его желание, чтобы он ночевал на немецкой территории...»⁷. Как и сербский коллаборационист Недич, уже с начала восстания гардистские главари «суверенного» государства, над которым на-

⁶ Цит. по кн.: М. Кропилак. Участие солдат в Словацком национальном восстании. Братислава, 1960, стр. 140—141.

⁷ АИИ КПС.

смеялся каждый третьеразрядный нацистский деятель, подготавливают «перевод своей резиденции внутрь Германии», или, попросту говоря, осуществляют бегство от гнева народа.

Хёфле вспоминает, что во время эсэсовско-шкрабиковского празднования «освобождения» Банска-Бистрицы Тисо попросил его, чтобы он дал ему возможность (разумеется, в сопровождении бронетранспортеров) посетить свой приход в Бановцах, где он не был с самого начала восстания. Хёфле не сделал этого: смеркалось, а в такое время суток эсэсовский генерал не полагался даже на бронетранспортеры. В поповской республике борьба словацкого народа прервала и поповскую идиллию в приходе в Бановцах. Эти «руководители словацкого народа» в Словакии уже нигде — даже в собственном приходе — не чувствовали себя в безопасности, кроме как в Германии.

Как бы мы ни оценивали предшествующие годы словацкого государства со времени начала Словацкого национального восстания, Тисо и банда фашистов, группировавшаяся вокруг него, были не чем иным, как нацистскими лакеями и пособниками эсэсовских убийц, пешками на шахматной доске Гитлера. Их деятельность перестала быть политикой, пусть даже мелкой и вредной, и, по существу, превратилась в преступление по отношению к собственному народу, к его самым сокровенным интересам.

Заглянуть за кулисы клерикально-фашистского режима нам позволяют и записки старого людака и функционера ГСНП Косорина. На развалинах словацкого государства в процессе разложения словацкого фашизма активизируется группа «молодых старолюдаков», политические амбиции которых не были удовлетворены. Она составила и 20 сентября 1944 г. предложила Тисо меморандум, который характеризует разложение и моральный упадок людацкого режима и фашистскую концепцию кадров, которые еще остались верными этому режиму. Они требовали «ввести последовательно авторитарный режим в стране и государстве, реабилитировать всех верных людаков, которых эти пять лет считали антигосударственными

элементами, и провести основательную чистку ГСНП»; они требовали даже исключить из руководства ГСНП и из правительства людаков, «которые легко поддаются враждебной пропаганде и готовы капитулировать». О правящей партии Глинки они говорят, что «она начала разлагаться и проявляет тенденцию превратиться в незначительный кружок». Дела с этой фашизированной партией обстоят скверно, поэтому они требуют: «все людаки, о которых известно или станет известно, что они придерживаются какой-либо иной ориентации, не чисто словацкой, государственно-патриотической, должны уйти со всех ответственных общественных должностей. Безусловно, необходима ревизия депутатских мандатов». Они требовали чистки государственного аппарата, «пересмотра всех аризаций» * — на этом снова можно было бы хорошо поработать. Главное, однако, состоит в том, чтобы «ускоренным образом предпринять решительные меры против прямых и косвенных инициаторов путча 29 августа. Должны быть примерно наказаны провинившиеся из числа людаков... Особо надо наказать главных инициаторов августовского путча — отдельные лица должны предстать перед судом народа. Организации и союзы... распустить... конфисковать имущество тех лиц, которые присоединились к повстанцам». У повстанческих городов «отобрать все привилегии городов, надолго перевести из них... учреждения... организации...». По нацистскому образцу раз и навсегда «решить еврейский и чешский вопрос». Эта группа, состоявшая из людей типа Кубалы, Пауча, Мацека, Дурчанского и других, доверяла только одному Тисо: «Питая к вам, вождь наш, абсолютное доверие и будучи преданными вам до конца, в эти смутные времена мы обращаемся к вам одному...»⁸.

Вождь сначала потребовал уточнений. Они консультировались снова. Нацизм — это последняя защита и последний козырь словацкого фашизма. «В Германии следовало бы создать и обучать специ-

* *Аризация* — кампания, проводившаяся словацкими фашистами против еврейского населения, в ходе которой изымалось его имущество. (Прим. ред.)

⁸ «Словацкое национальное восстание». Документы, стр. 541, 542.

альные словацкие части, словацкие дивизии: нам нужно создать воинские соединения и на случай проигрыша Германией войны подготовить за рубежом организованное сопротивление с военными силами, ибо только так мы можем импонировать Западной Европе и обеспечить себе позиции против бенешевцев...»

Позднее Тисо пригласил этих защитников словацкого фашизма и вел с ними трехчасовые дебаты, которые «временами носили драматический характер, когда президент ударял кулаком по столу... иногда у меня было такое впечатление, что стул под ним сломается или он кулаками разобьет кресло», сообщается в записках Косорина.

Государство, начатки которого Тисо возводил к Прибине, рассыпалось под ударами сражающегося словацкого народа. Во время дискуссии Тисо говорил: «Я дезавуировал бы своих верных сотрудников, с которыми пять лет работал, я дезавуировал бы сам себя и то, за что вы меня хвалили пять лет; теперь вы все умные, так же как и правительство, каждый хочет уйти от ответственности, каждый готов отказаться от своего кресла. Тут ко мне много раз приходил Мах со всякими замечаниями... но я ему сказал, кто у меня вносил разлад и неурядицы... и вы тоже интриговали с Тукой... в своем ведомстве вы не следили за порядком, вы не видели даже того, что творилось у вас под носом. Он везде рассказывает о том, что ведь он столько раз отказывался от своей должности, а я-де не принял его отставку. Где, покажите мне, вы отказывались от должности... где-нибудь в клубе или в «Карлтоне» среди гардистов... Не делать большую политику, а удирать от той каши, которую заварили, уходить от ответственности — вот чего все хотят. Нет, расхлебывайте сами то, что вы тут заварили, сказал я им. Теперь каждый готов мудрить, по всяким углам... Действуйте, покажите, на что вы способны теперь, когда наступили трудные времена. Это вам не то, что ездить на охоту и всякие пиры или разводить дипломатию...» Как видно, у ведущих деятелей ГСНП было слишком высокое мнение о себе; они теряли поддержку. Тисо, «и без того распалившийся, вышел из себя еще больше и перешел на очень резкий тон, то и

дело ударяя кулаком по столу», и излил всю желчь. «Пять лет мы не могли нахвалиться всем, хвалили все, а теперь мы не видим ничего хорошего в себе, в том, что мы делали. Мы баламутим народ, не объясняем, кто тут восстал против государства,— он нашел номер «Словака» и яростно продолжал: — Что нужно еще Бенешу в Лондоне, кроме как процитировать официальный орган самой ГСНП? Ведь это не он, Бенеш, утверждает, что словаки не хотят иметь свое собственное государство и восстали против него, за его, Бенеша, ЧСР; ведь это утверждают сами словаки, людаки, растяпы. Такие у нас редакторы, такие политические дубины. Здесь восстали против немцев, здесь восстали всякие партизаны, большевики, да и армия шла против немцев вместе с русскими, а вовсе не народ против самого себя, против государства. Не убеждайте же целый свет в том, что мы нация идиотов», — истерично выкрикивал Тисо. Восстание разбило спокойную и удобную жизнь людацкого правящего слоя, разбило их концепции, разоблачило их обман. В заключение Тисо сказал: «Ситуация теперь совсем не такая, какая она была перед восстанием». В этой ситуации они находили утешение уже только в мифах о тайном немецком оружии, в чем их убеждали нацисты. «Этот оптимизм должен основываться на чем-либо, что еще не известно», — успокаивал Тисо остатки своих приверженцев.

Но он не смог успокоить никого, даже свою преданную ему гвардию. Разложение неудержимо продолжалось. Внешне тисовцы продолжали осуществлять нацистский план пропаганды, но между собой уже готовились к поражению и эмиграции. Патетическое заявление словацкого сейма (январь 1945 г.) или манифест так называемого съезда молодого поколения в Пештянах (14 января 1945 г.) и писания журналистов не могли ничего изменить в данном положении вещей — не могли остановить полного разложения словацкого государства, крушения нацистского господства над Словакией, не могли ничего изменить в жалкой роли людацких деятелей. Поэтому в окружении Дурчанского уже поговаривали о «попытках организовать в Швейцарии и Швеции эмигрантские

агентуры и надлежащим образом подготовить в финансовом и политическом отношении почву для нашей эмиграции».

Выразительное свидетельство об этом дает и Лудин в письме Гиммлеру от 17 января 1945 г.: «Даже включение новых лиц — Тисо, Штефана, Гашшика, Леднара, Кубалы — не сделало до сих пор возможным обновление государственного существования. Хотя много говорится о необходимости духовных перемен в так называемом ведущем слое, однако ощутимых результатов не видно, или их практически невозможно определить. Страх перед поражением немцев и страх перед большевиками действует парализующим образом и ведет к росту стремлений обеспечить себе алиби». Лудин жалуется, что даже в гвардии Глинки уже нет достаточно надежных людей, «вероятно, почти каждый нынешний министр был бы лишь благодарен, если бы его освободили от его обязанностей»⁹. И он предлагает Гиммлеру провести новую чистку словацкой армии «от офицеров, настроенных благожелательно по отношению к путчистам», создать новую организацию безопасности под руководством Кубалы, строгую юстицию и т. д. «Очищенный парламент надо еще раз побудить к демонстративному признанию, чтобы он обратился к населению с призывом в духе немецко-словацкого сотрудничества»¹⁰. Вот и все, что надумал нацистский дипломат в период отчаянного кризиса клерикально-фашистского режима.

Революционная борьба словацкого народа против режима Тисо катастрофически проявилась и в таком важном орудии государства, как армия. В начале восстания армия Тисо фактически перестала существовать. Преобладающая часть армии, солдат и офицеров примкнула к восстанию и приняла участие в боях на стороне повстанцев; остатки ее Тисо — со страху, да и по приказу немцев — приказал разоружить и распустить.

Словацкие фашисты уже не могли верить никому в армии, которую они создавали с немецкой помощью

⁹ Государственный центральный архив Чехословакии (ГЦАЧ).

¹⁰ Там же.

пять лет. Этот факт, хотя и в мягкой форме, должны были признать и руководящие деятели режима Тисо. В правительственном заявлении от 4 октября 1944 г. говорится: «...Печальные события последних недель могут создать впечатление, что словацкий народ будто бы не сросся со словацким государством... события, которые могли создать это впечатление, были вызваны лишь определенной предательской кликой в стране... Главным врагам нашего народа удалось свергнуть часть словацкого войска и гражданского населения в пучину повстанческого движения...»¹¹. И поскольку у клерикал-фашистов не было уже своей армии, им оставалось только надеяться на нацистские силы, или, как сказал Тисо в разговоре с нацистскими журналистами 21 октября 1944 г.: «Словацкий народ убежден, что лишь Германия способна ликвидировать большевистскую опасность и лишь нацистская Германия является носителем самых передовых социалистических идей»¹².

Новый министр обороны Гашшик, правда, пытался снова слепить армию, которую переименовали в ополчение, причем пытался создать по принципу отбора, сначала на добровольной основе. Несмотря на все призывы, агитацию и давление, результаты были жалкими. В половине сентября 1944 г. количество солдат и офицеров в гарнизонах в Братиславе, Нитре, Топольчанах, Пештянах, Середе, Новом Месте, Тренчике и Златовцах — включая больных и заключенных — достигло всего только 6 956 человек. Штаб Гашшика продолжал свои действия, но до начала ноября количество солдат и офицеров ополчения увеличилось немногим более чем на 1 000 человек. Режим Тисо даже не решался начать какие-либо действия с помощью этих частей, так что практически они вообще не появились на повстанческих фронтах и выполняли лишь вспомогательную работу в тылу нацистских частей. Тисо мог сохранять остатки своей власти и режима — в дозволенных немцами пределах — лишь с помощью эсэсовских дивизий, от которых он зависел.

¹¹ Цит. по кн.: *И. Станек. Предательство и падение. Прага. 1958, стр. 361*

¹² Там же.

Когда все призывы к добровольному возвращению солдат и офицеров окончились неудачей, правительство Тисо было вынуждено прибегнуть к принудительной мобилизации, которую оно объявило 12 ноября 1944 г. Результаты этой мобилизации, которой домогался аппарат безопасности, были весьма куцыми. Поэтому правительство Тисо еще раз, 5 марта 1945 г., пытается провести новую мобилизацию на оставшейся территории, но и тогда его власть распространялась уже лишь на несколько западнословацких округов. О том, каковы были качества этого ополчения и как режим Тисо и нацисты верили в его надежность, говорит и тот факт, что они не отважились использовать его в боях на фронте. «Из всего ополчения на фронте против советских войск (насколько это удалось определить по советским архивным документам, касающимся освободительных боев на территории ЧСР) сражалась лишь одна рота ополчения»¹³.

Поэтому эти части использовались для целей службы безопасности. Этот антинародный и контрреволюционный характер ополчения стал окончательно очевидным, когда в январе 1945 г. по предложению нацистов О. Кубала, шеф государственной безопасности и начальник штаба гвардии Глинки, был назначен главой отдела безопасности министерства национальной обороны. Сражаться ополчение практически нигде не сражалось, но вместе с боевыми отрядами глинковской гвардии (БОГГ) и другими людацкими террористическими группами прислуживало эсэсовским головорезам, которые истребляли словацких бойцов и грабили нашу страну. Нацисты сожгли в Словакии свыше 60 деревень. В нескольких селах истребили мужское население; то, что произошло в Кляке, Остром Груне, Гажлине, Токайке, Кремничке и десятке других мест, еще и сегодня является потрясающим свидетельством нацистских зверств, но это свидетельствует в то же время и о предательской и преступной роли правительства Тисо и его органов, а

¹³ Ф. Несвадба. Характер и миссия армии так называемого словацкого государства. «История и военное дело», 1963, № 1, стр. 56.

также БОГГ и многих лиц, которые помогали во время этих операций.

Нацизм в конце войны сохранял свои пошатнувшиеся позиции в Центральной Европе и использовал для этого все изменнические, скомпрометированные элементы народов этих стран: Недича, Салаши, Павелича, Гаху, Моравца, а в Словакии — Тисо и других авантюристов, которые во время Словацкого национального восстания еще оставались в его окружении. Все они играли одну и ту же роль: служа нацизму, они должны были удерживать в порабощении и в подчиненности порабощенные народы. В связи со Словацким национальным восстанием и борьбой европейских народов особенно грязную работу тут выполнило правительство Тисо, которое нацисты ставили в пример всем остальным народам. В Праге в декабре 1944 г. вышла книга журналистов Шейноста, Кожишека и Вернера, которых К. Г. Франк послал с пропагандистской бригадой на помощь Хёфле; книга с выразительным названием «Банска-Бистрица». В предисловии к ней сам Эммануил Моравец призывал: «Горе безумцам, которые хотели бы ввергнуть народ в погибель восстания и классовой ненависти!.. Словакия является самым печальным доказательством этого». И потом авторы на 90 страницах запугивают чешский народ, чтобы он не пошел по пути сражающейся Словакии. Шейност убедительно доказывает, что «в соответствии с общими взглядами Москвы и Лондона без жалости должна была исчезнуть Словакия, которую с помощью империи и с именем Глинки создала словацкая партия людаков как христианское государство... Эта опасность главным образом и умножила в нужное время решительные усилия правительства, направленные на то, чтобы дать отпор путчу и всем своим авторитетом поддержать вмешательство немецких вооруженных сил... Причины, ход и результаты путча, правда, являются единственно поучительным выводом для всех народов, которым грозит опасность, такая же, как в свое время — Словакии... Москва задумала словацкую акцию как увертюру к инсценировке аналогичных событий и на нашей территории, так что Словакия, которой овла-

дела бы Москва, должна была служить воротами для проникновения большевизма и к нам. Нетрудно представить себе, какие результаты имела бы подобная акция на нашей родине — значительно более тяжелые и страшные, чем в Словакии, и не только потому, что империя и ее органы у нас являются прямыми и строгими стражами порядка и покоя...»¹⁴. Поэтому тогда все предатели поработенных народов расхваливали Тисо и его «верность империи».

В течение войны людацкий режим всячески маскировал свое реакционное и антинародное лицо, свою концепцию, все более и более перерастающую в фашистскую доктрину и практику, маскировал национальными лозунгами, христианским учением и социальной демагогией. Надо сказать, что некоторое время это ему удавалось. Партия Глинки, которую поддерживал католический клир, имела определенную базу в массах и в первый период существования словацкого государства расширила ее.

Однако когда в конце августа 1944 г. словацкий народ поднял свой голос и оружие, ведущий состав клерикально-фашистского режима полностью обнажил свою суть как агентов и прислужников варварского нацизма, как марионеток, управляемых нацистами и спасающих режим Гитлера, который шел к краху. Группа Тисо приняла участие в поработении, истреблении своего собственного народа, отбросила христианское учение и обагрила свои руки в крови, отбросила социальную демагогию и в страхе перед собственным народом кричала о большевистской опасности. Редко где терпела такой позорный крах вся политическая партия, весь состав тисовских политиков, как это было в случае со словацкими людацкими фашистами. Несмотря на то, что некоторые из них (Сокол и другие) кокетничали с демократическими тенденциями и обновлением ЧСР, что рядовые члены в массовом количестве избегали поддерживать губительную политику Тисо, что признаки разложения всего режима и приближающегося поражения приводили

¹⁴ *Шейност, Кожишек, Вернер. Банска-Бистрица. Прага, 1944, стр. 19 и следующие.*

в ужас многих людацких функционеров, не нашлось ни одного руководящего деятеля, который открыто примкнул бы к сражающемуся словацкому народу. Какие бы внутренние споры ни существовали между ними, внешне весь руководящий состав словацких фашистов солидаризировался с пронацистской и антинародной политикой Тисо.

Поэтому они нашли свой конец на свалке истории, в немецкой эмиграции. Никого уже не интересовали патетические возгласы Тисо в «Альпенсендер» в Австрии: «Мы бежали на чужбину под неприятельским напором на наше свободное и самостоятельное государство, чтобы и далее представлять и защищать самостоятельную, самобытную национальную и государственную жизнь... мы не боимся заявить, что если бы сегодня мы должны были снова начать политическую работу, мы бы проводили ее только так, как делали это в минувшие 6 лет»¹⁵. Они бежали от гнева своего народа, который никогда уже не позволит им, чтобы они «снова начинали и проводили работу, как в минувшие 6 лет», 6 лет войны против славянских и демократических народов, 6 лет прислуживания немецкому нацизму и прежде всего последних 8 месяцев восстания, партизанских боев и истязания тысяч словаков. Тисо не намерен был изменять свою политическую концепцию, но словацкий народ изменился за эти годы и не намерен никогда больше терпеть реакционный и антинародный режим. Словацкий народ, подняв восстание, вышел на новую дорогу.

¹⁵ А. Рашла. Тисо и восстание. Документы. Братислава, 1947, стр. 59.

29. БОРЬБА ЗА СВОБОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

После поражения повстанческих сил и утраты освобожденной территории национально-освободительная борьба словацкого народа вступила в новый этап. Капитуляции не было, вооруженная борьба продолжалась, но в иных формах. Основной формой этой борьбы была массовая партизанская война.

Переход вооруженных сил повстанцев к партизанской войне был плохо подготовлен и проведен военным руководством. Повстанческая армия как организованное целое перестала существовать. Концепция удержания трех боевых областей в Центральной Словакии с крепким политическим и военным руководством потерпела крах. Быстрое развитие событий на фронтах восстания в последние дни октября застало врасплох и партизанский штаб и партизанские отряды, сконцентрированные на освобожденной территории. Они также не были достаточно подготовлены к отступлению в горы, которое происходило преимущественно стихийно. Связи между военными и партизанскими частями были нарушены. Вся тяжесть решений легла теперь на плечи отдельных командиров и бойцов. Это было трудное испытание личных качеств, мужества, революционной инициативы и находчивости. По правде говоря, все мы — руководство коммунистической партии и Словацкого национального совета, партизанского штаба и крупных партизанских отрядов, не говоря уже об армии, — были в определенной степени удивлены неблагоприятным развитием событий в конце октября. Мы не были подготовлены к столь быстрому распаду повстанческой армии и компактных боевых областей. Руководство армии совершенно не оправдало наших надежд. Главный штаб партизан-

ского движения также неспособен был овладеть этим стихийным процессом и соответствующим образом направить его, стать новым руководящим центром вооруженной борьбы. В этой ситуации ничего не могло изменить и руководство Коммунистической партии Словакии. Следствием всего этого и явилось наше решение в Доновалах (Шмидке, Шверма, Сланский и я) о дальнейших действиях. В последние дни октября в горах, долинах и лесах Центральной Словакии собралось до 40 тысяч солдат и офицеров повстанческой армии, примерно 15 тысяч партизан (остатки их действовали в Западной и Восточной Словакии) и много тысяч гражданских лиц, то есть функционеров и членов коммунистической партии, антифашистов, работников СНС, РНК и НК и других участников восстания. В создавшейся ситуации они спасались от нацистского преследования, но большинство из них хотели продолжать активно бороться с врагом. Это был «человеческий материал» партизанской войны. Для боевого использования этих десятков тысяч антифашистов в горах не хватало самого необходимого (продовольствия, одежды, оружия, жилья и т. д.), а также организаторских сил. А. С. Егоров на конференции, посвященной 15-й годовщине Словацкого национального восстания, отмечал: «Я имею в виду базы материально-технического снабжения... Эти базы сыграли большую роль особенно во время отступления в горы. Поскольку отход в горы происходил зимой, без складов провианта и без баз материально-технического снабжения, было бы очень трудно руководить партизанской борьбой»¹. В лагере на Прашивой, который Егоров приказал в свое время создать (база была подготовлена с августа), «был создан запас продовольствия на месяц для 15—20 тысяч человек. Тут имелся запас оружия и боеприпасов... Если бы отступающие партизанские отряды не имели на своем пути эту большую продовольственную базу, было бы очень трудно развивать активную борьбу дальше. Многие должны были бы просто-напросто уйти в долины или домой...»².

¹ 15-летие СНВ. Братислава, 1959, стр. 114.

² Там же, стр. 117.

Но таких баз, как созданная Егоровым на Праши-вой, было мало, в горах, собственно, была только одна. Остальные склады остались в долинах и большей частью достались немцам. Или же мелкие отдельные группки партизан приберегали их для себя. Как говорил Егоров, «в большинстве случаев группы (партизанские.— Г. Г.) отходили в горы очень поспешно, поскольку наступление было мощное, и партизанские отряды на повстанческой территории были в последние дни восстания раздроблены, что вынуждало партизан быстро оставлять долины и уходить в горы. Но в горы много с собой не унесешь, а то, что принесешь, не хватит надолго...»³.

Таким образом, уже в первые дни после отхода в горы перед десятками тысяч борцов встали вопросы пищи, сухого места для сна, вопросы чисто физического существования. Это вынуждало тысячи людей возвращаться в долины, просачиваться через немецкие заслоны в поисках возможности насытиться, выспаться и спастись. В те дни людям в горах угрожали в первую очередь голод, холод и полное изнеможение. И именно тогда нацисты были необычайно активны! Командир 2-й воздушнодесантной бригады полковник Пржикрыл так описывает страдания борцов в горах: «Солдаты садятся в снег у дороги; усталость берет верх над осторожностью. Их уже не страшит опасность замерзнуть... Боеспособность бригады и партизан практически равна нулю... Я практически перестаю быть командиром бригады»⁴. В этих условиях погибло, замерзло и другим подобным образом распрощалось с жизнью много повстанцев. Так погиб 10 ноября 1944 г. и больной, совершенно изнемогший Ян Шверма. При таких обстоятельствах спустились с гор, были схвачены немцами и казнены повстанческие уполномоченные СНС Вишневский и Паулини и сотни других борцов. Это было жестокое испытание физической выносливости.

Десятки тысяч людей, желавших бороться, спускались с гор не для того, чтобы сдаться нацистам, а

³ Там же.

⁴ В. Пржикрыл. Продолжайте в горах. Прага, 1947, стр. 119—120.

чтобы не умереть от голода и холода. Спускались мужчины и женщины, спускались солдаты и офицеры повстанческой армии, спускались и бойцы партизанских отрядов. Даже численность такой партизанской части, как бригада А. С. Егорова, сократилась в ноябре до половины и в декабре до трети прежнего состава. Численность бригады Величко, которая начала боевые действия в Турце, сократилась постепенно до одной седьмой от первоначальной. Подобный же процесс происходил почти во всех партизанских частях.

Из тех, кто остался в горах, кто выдержал, формировались боевые отряды. Но это уже были не только партизаны, которые пришли в них 6 августа или в месяцы восстания, но и большое количество солдат и офицеров повстанческой армии, жандармерии, партийных работников и других антифашистов. Личный состав партизанских частей в горах претерпел значительные изменения: одни ушли из них, другие, прежде всего солдаты, вступили.

Если во время восстания существовало два рода повстанческих вооруженных сил — армия и партизанские отряды, — то теперь в горах они объединялись в одно целое, в большинстве случаев создавали совместные единые боевые отряды, начинавшие борьбу партизанскими методами. Армия по вине военного командования распалась. Однако это не означало, что солдаты и офицеры перестали бороться. Они вступали в существовавшие партизанские отряды или создавали новые. Боевые силы восстания, хотя и меньшие по численности, чем ранее, перешли к новой форме борьбы.

Здесь необходимо упомянуть об организаторской деятельности и способностях опытейших партизанских командиров и их штабов, особенно советских офицеров, подготовленных для ведения партизанской войны. Эти командиры и их штабы во время отступления в горы, когда начался распад армии, сохраняли самообладание и стремились не только спасти боевое ядро собственных частей, но и организовать дезориентированные части повстанческой армии. Они спланировали их и присоединяли к своим частям, они сохранили политические кадры восстания, сохранили боевую силу

антифашистского движения. Тысячи солдат и других участников борьбы в эти дни были вырваны из стихии хаоса и подчинены командованию. Поэтому именно вокруг советских командиров в первую очередь формировались новые или пополнялись старые партизанские отряды. Эти командиры разбирались в партизанской войне, вели ее не впервые. А массовая партизанская война в Словакии только начиналась. Трудная и жестокая. Для ее ведения требовались не только мужество, но и искусство и опыт. И этими столь необходимыми качествами обладали в первую очередь советские партизанские командиры; поэтому вокруг них и сплотилось ядро борцов.

Борьба, однако, происходила не только в горах, продолжали борьбу не только части, которые сохранились. Тысячи участников восстания, которые были вынуждены спуститься в долины и разойтись по домам, дополнили подпольную сеть и местные партизанские отряды; они поддерживали связь с действующими партизанскими частями, с подпольными организациями коммунистической партии, нелегальными национальными комитетами и другими органами антифашистского движения. Политическая и вооруженная борьба велась одновременно в горах и в деревнях и местечках Словакии. Эти люди, эти бойцы, сражавшиеся внизу, в долинах, были основной опорной базой действующих партизанских отрядов. Без такой базы последние не могли бы существовать.

В партизанском движении после отступления в горы различимы две стадии. На первой из них — в ноябре и частично декабре — партизанские части осваивались с новым положением, чтобы противостоять нацистам, стремившимся ликвидировать партизанское движение, зачастую просто спасти свою жизнь, пополнить свои ряды новыми бойцами вместо тех, которые выбыли. Оказалось, что крупные части, которые сформировались во время восстания и насчитывали в отдельных случаях более 3 тысяч человек, невозможно сохранить как целое, невозможно ими управлять, снабжать их продовольствием. Начинается расчленение крупных соединений, их дробление, выделение самостоятельных отрядов с новыми командирами; одно-

временно изменяется их дислокация. Создаются новые базы, новые боевые области, которые нужно было внутренне организовать, наладить связи с населением и подготовиться к обороне и наступлению. После отступления повстанцев в горы нацисты сосредоточили свой натиск в области Центральной Словакии. Поэтому целые отряды или их части пробивались из этого кольца прежде всего в районы Западной Словакии, где после отступления в горы партизанское движение явно активизировалось.

На второй стадии — с середины декабря, — когда немцам не удалось уничтожить партизанские отряды, когда эти отряды освоились с новым положением, укрепились и консолидировались, происходит повсеместная активизация боевой деятельности партизан, особенно учащаются случаи нападения на коммуникации и транспорты нацистов. На этой стадии партизанские части принимают участие в освободительных акциях наступающей Советской Армии и подготовке к ним. В это время вновь происходит объединение партизанских отрядов в более крупные соединения.

Поспешное отступление в горы и его недостаточная подготовленность сделали невозможной и работу Главного штаба партизанского движения как руководящего органа. В сообщении штаба партизанского движения при Военном Совете I Украинского фронта от 25 января 1945 г. об этом говорится: «После отхода в горы отдельные партизанские штабы, имеющие в подчинении бригады, полки или другие соединения, утратили взаимосвязь... Когда немцы захватили Банска-Бистрицу, Словацкий партизанский штаб потерял радиосвязь с подчиненными ему бригадами и не мог в дальнейшем командовать ими. Украинский штаб партизанского движения, обсудив это положение, решил, что бригады товарищей Егорова, Величко, Сечанского, Белика и Попова будут оперативно подчинены штабу партизанского движения I Украинского фронта»⁵. Другие партизанские отряды остались в подчинении партизанского штаба IV Украинского фронта.

⁵ АИИС.

Штаб партизанского движения I Украинского фронта дал распоряжение о том, чтобы партизанские отряды восстановили нарушенные связи и стремились вновь организовать солдат повстанческой армии, которые после отхода в горы во многих случаях остались без командиров. Они должны были сформировать новые боевые отряды и в первую очередь перерезать вражеские коммуникации.

Такое положение продолжалось до середины января 1945 г., когда все чехословацкие партизанские части были изъяты из подчинения партизанскому штабу I Украинского фронта и подчинены партизанскому штабу IV Украинского фронта⁶.

Таким образом, руководящим центром большинства партизанских отрядов, действовавших в Словакии после восстания, были партизанские штабы I, а затем IV Украинских фронтов. Партизанские части выполняли важные боевые задачи в тылу немецкой армии, терпевшей поражение от Красной Армии, которая наступала на словацкую территорию с севера, юга и востока. Координацию боевой деятельности партизанских отрядов с операциями Красной Армии в период освобождения словацкой территории обеспечивали упомянутые партизанские штабы.

А. Н. Асмолов, во время восстания заместитель Шмидке, организует партизанский штаб в области Низкие Татры, он стремится консолидировать вооруженные силы в этой области, наладить их боевую деятельность. Асмолов и его штаб заботились об активизации боевых действий партизан, о политической работе среди населения, об усилении борьбы против нацистов. Деятельность А. Н. Асмолова является примером помощи советских офицеров в организации борьбы словацкого народа.

К 1 декабря 1944 г. в Словакии, по приблизительным данным, насчитывалось более 17 тысяч партизан⁷. В сообщении партизанского штаба I Украин-

⁶ Там же.

⁷ См. «Партизанское движение в Чехословакии в годы второй мировой войны». Прага, 1961, стр. 301.

ского фронта, которое я уже цитировал, констатируется: «На 22 января 1945 г. на территории ЧСР действуют 44 партизанских соединения, 11 бригад и 9 отрядов, насчитывающих в общей сложности 10 тысяч человек...» Эти числа следует рассматривать как заниженные. С одной стороны, некоторые отряды находились в подчинении IV Украинского фронта, с другой стороны, в это число не включены более мелкие части, не имеющие связи, и многочисленные местные партизанские отряды.

Жертвы, принесенные борцами за свободу, и бои, которые в течение многих месяцев вели партизанские отряды, подробно описаны в работах историков и воспоминаниях участников (назову здесь только книгу «Партизанское движение в Чехословакии в годы второй мировой войны» и книгу С. Фалтяна «Партизанская война в Словакии»). Это была героическая борьба, которая велась в духе и традициях Словацкого национального восстания и продолжалась до самого освобождения наших народов. Нацистам уже никогда не удалось погасить пожар, разгоревшийся в тылу их армий 29 августа 1944 г. Партизанская война разрушала немецкие коммуникации и дезорганизовывала весь тыл, сковывала немецкие военные силы и силы службы безопасности и уничтожала их, не позволяла клерикал-фашистам восстановить в полном объеме их «порядок». Партизанская борьба сыграла большую роль в политическом и военном отношениях и во многом содействовала нашему освобождению.

Тысячи мужественных борцов и партизан в тот период национально-освободительной борьбы представляли собой цвет сражающихся. Надо упомянуть по крайней мере некоторые имена командиров и организаторов: Л. Кукорелли, М. Учер, А. Грзнар, Ян Ушьяк, Й. Бруновский, Е. Белик, М. Сечанский, А. Шагат, Л. Калина, Ф. Хачара, Т. Пола, Г. Лацко, майор Билей, Ян Репта, П. Марцели, П. Гайдош, полковник В. Пржикрыл, В. Жингор, М. Кучера, майор М. Весел, Я. Шолц, подполковник Вогл, капитан Ц. Кухта, подполковник Багунь, К. Адлер, А. Седлачек, Л. Раух, полковник Д. Кишш-Калина, В. Мюл-

лер, И. Троян и другие внесли существенный вклад в эту борьбу, а многие из них пожертвовали и своей жизнью. Особая заслуга принадлежит советским командирам. Это А. Н. Асмолов, А. С. Егоров, подполковник И. Д. Дибров, Е. П. Волянский, подполковник В. А. Карасев-Степанов, П. А. Величко, К. К. Попов, В. Кокин, капитан Садиленко, подполковник М. И. Шукаев, В. А. Квитинский, майор Мурзин, майор Петров, Лошаков, подполковник Прокопюк, А. Г. Емельянов, майор Рокосовский-Литвинов, капитан Майоров, Л. Е. Беренштейн, А. А. Мартынов, В. П. Лонгвиненко, капитан Тихонов, майор Зорич, майор Волков, В. П. Сурков, капитан Данилов, Н. Каличенко, майор Снежинский, подполковник Смирнов-Андреев, майор Вронский-Крок, В. И. Клоков и десятки других опытных советских командиров. Нельзя не сказать о мужественной борьбе французских партизан во главе с капитаном Г. де Ланнурье. Необходимо упомянуть также югославских, болгарских, венгерских, немецких, польских участников борьбы и борцов других национальностей, которые вместе со словаками и чехами и их советскими друзьями по оружию внесли свой вклад в освобождение наших и других европейских народов.

Работа партии тоже должна была приспособляться к новым условиям. Нелегальные партийные организации совместно с остальными антифашистами поддерживали партизанские отряды, заботились об их снабжении и оказании им всесторонней помощи, об активизации борьбы против немецких оккупантов и их тисовских прислужников. Красная Армия быстро продвигалась вперед, и близящееся освобождение упорчивало антифашистское единство народа.

Работа партийных организаций в Западной и Восточной Словакии не была прервана с отступлением повстанческих сил в горы. Сохранились сеть организаций, их связи с другими группами антифашистов, контакты с партизанскими частями. В Братиславе и Прешове не прекращали работу областные партийные руководства. Нацисты сосредоточили свои усилия в Центральной Словакии, и это облегчало работу в других районах, особенно на западе. На этом этапе активи-

зировалась партизанская деятельность в Западной Словакии, сюда передислоцировались отряды из Центральной Словакии, и по инициативе партии были образованы новые отряды. Западная Словакия становится важной партизанской областью. Вся работа партии была тесно связана с развитием боевой деятельности. В Восточной Словакии происходят перемены иного порядка: части Красной Армии с конца ноября 1944 г. постепенно освобождают деревни и районы. Организации КПС переходят от решения боевых задач к организации новой жизни на освобожденной территории.

Самым сложным было положение в Центральной Словакии. Здесь партия в течение двух месяцев работала легально, ее функционеры были движущей силой всей повстанческой деятельности. Они были известны и подверглись прямому преследованию со стороны нацистов и тисовского режима. Для них недостаточно было «перейти на нелегальное положение» в общепринятом значении этих слов. Они должны были уйти в горы, покинуть родные места. Вследствие этого в течение определенного времени в этой области была нарушена вся партийная сеть, прерваны налаженные связи. Однако одновременно именно вследствие создавшегося положения партийные работники были прямо связаны с партизанскими отрядами. Партийная работа была непосредственно связана с боевой деятельностью, тем более что руководство партии перед отходом в горы разослало свои кадры в партизанские области и соединения. Так одновременно с консолидацией партизанских отрядов создается снова сеть партийных организаций, новая сеть связей с другими антифашистами, с нелегальными национальными комитетами. Политическая и вооруженная борьба шла рука об руку. Коммунисты были ее душой.

Так Коммунистическая партия Словакии продолжала свою работу по мобилизации людей на борьбу с фашистами и после отхода повстанцев в горы. Иной общесловацкой антифашистской организации не существовало. Правда, антифашистов-некоммунистов было достаточно. Коммунистическая партия устанавливала

с ними связи и сотрудничала на повстанческой платформе, на платформе единой народной и национальной борьбы с фашистами. По инициативе партии росла сеть национальных комитетов как совместных органов народа.

Согласно решению в Доновалах мы со Шмидке должны были перейти на нелегальное положение и нести ответственность за руководство партией. Мы договорились, что отправимся в направлении на Прешов. Что дальше — будет видно.

Находиться в горах было в те дни очень трудно. Но спуститься с них и перейти на нелегальное положение было еще труднее и рискованнее. Нормальные связи в Центральной Словакии были нарушены, в первые дни не было известно, где кто находится и куда направится. Сначала вместе со Шмидке и другими мы пошли к лагерю Егорова на Прашивой. Шмидке, однако, так устал, что не мог идти дальше. Асмолов дал ему своего коня. Это была незабываемая картина: Шмидке в гражданском платье, в шляпе с широкими полями на белом коне то ныряет в туман, то выныривает снова. Этот конь мог стать для него роковым: он ускакал от нас и вынес Шмидке прямо на немецкие позиции. Еще немного, и он попал бы в лапы к нацистам. В горах я с ним уже не встречался. Однако в конце концов Шмидке попал в лагерь к Егорову и оттуда ушел на липтовскую сторону. Он был в Прешове, а потом возвратился в Братиславу, откуда руководил партией на оккупированной территории до весны 1945 г. Только в апреле 1945 г. в Нитре он оказался на территории, освобожденной Красной Армией. Шмидке проявил личную отвагу и бесстрашие закаленного коммуниста.

Я отправился в путь через хребты сначала со штабной ротой Главного штаба партизанского движения, а потом с небольшим отрядом. В поисках лагеря Егорова мы бродили дни и ночи, часто меняли направление. Спустя несколько дней я был совершенно измотан и уже не мог выдержать темп наравне с молодыми ребятами, которые еще сохраняли остаток сил. Они ушли, а я остался с небольшой группкой (Л. Бортель, В. Локвенц, И. Фришова, Е. Гылова).

Тысячи людей бродили между Козьим хребтом и Дюмбьером, стремясь найти выход из положения. Мы продолжали поиски лагеря Егорова, но не нашли его. Решили спуститься в Горную Леготу, где Бортель был священником. Но даже и он уже не мог ориентироваться в тумане, хотя знал эти места очень хорошо. Мы попали в какую-то долину и напоролись на сторожевые нацистские посты. Нас спасла группа солдат, которая спускалась перед нами. Они шли в двухстах метрах впереди. Немцы их сразу же окружили и взяли в плен. Мы это видели и в сумерках ушли обратно в горы. И опять блуждание и ночевки в горах. Наконец Бортель все же вывел нас к Горной Леготе. В горах я выправил себе фальшивые документы. Тысячи людей возвращались с гор в деревни. Мы затерялись среди них. Смертельно уставшие, пару дней отдыхали. Внезапно деревню окружили эсэсовцы. Приказ: все посторонние должны заявить о себе под страхом смерти. Готовятся обыски. Заявить о себе означало конец: был подписан ордер о моем аресте. Но эсэсовцев удалось провести. Однако семью своих гостеприимных хозяев я не мог далее подвергать угрозе. С несколькими товарищами отправился в Брезно. Нас спрятали, но и там обыски были в порядке вещей. Я послал связного выяснить обстановку. На Червену Скалу в направлении Прешова идти нельзя: все дороги были блокированы нацистами и находились под их контролем. Я собрался было идти в Тисовец. Связной говорит: «Тисовец высоко в горах». Направились к Братиславе. Это был печальный путь по Погронью и Бистрице. Едва ли не чудом прошли. В Братиславу войти невозможно. Ночь в Зволене. Гестаповцы бесновались. Наконец я нашел приют в семье Гыловца в Жемберовце. Установил связь с руководством партии в Братиславе, где был к тому времени уже и Шмидке. Мы должны были встретиться в декабре. Но прежде чем это произошло, неожиданным ударом из района Шиаг Красная Армия освободила 21 декабря 1944 г. Жемберовце. Я попал на освобожденную территорию. Теперь уже окончательно. Для каждого момент освобождения связан с какой-то личностью. Для меня — с именем капитана гвардейских танковых войск

Кузнецова, танки которого неожиданно проникли в Жемберовце. Меня послали в политотдел штаба II Украинского фронта в Венгрии. Там я провел немного больше месяца. Много ездил по освобожденной венгерской территории. Видел и Будапешт. Потом пришло распоряжение направить меня в Москву. 26 января 1945 г. я поехал на автомобиле через Мишковец, через только что освобожденные Кошице, Михаловце, Ужгород во Львов. Оттуда поездом в Москву, куда прибыл 31 января. Это была поучительная дорога. На каждом шагу ужасы войны. Потоки крови советских солдат были пролиты в боях за эти широкие равнины и Карпатские горы. С чувством глубокой благодарности за жертвы и за помощь словацким борцам, с обещанием никогда об этом не забывать вышел я на перрон Киевского вокзала в покрытой снегом Москве.

* * *

Продолжение вооруженной борьбы вплоть до освобождения имело чрезвычайное военное и политическое значение. Нацисты хорошо понимали военную ценность словацкой территории и ее людских резервов.

Они потеряли не только союзническую армию Тисо, но и уверенность в безопасности тыловых коммуникаций. Они так и не смогли ликвидировать повстанческие силы и должны были бороться с ними до самого конца. Потери, которые немцы несли в боях с партизанами, были немалые. Само существование и боевая деятельность партизанских частей вместе с работой коммунистической партии оказывали мобилизующее влияние на словацкие народные массы. Немецкие военные части и уцелевшие тисовцы жили во враждебной атмосфере. Ненависть к нацистам быстро возрастала, и режим Тисо, прислуживая им и помогая вершить нацистский террор и зверства, безнадежно скомпрометировал себя. Судьба словацкого государства в политическом отношении была решена гораздо раньше, чем эмигрировали его главари.

Но политическая и вооруженная борьба после отступления в горы оказала большое влияние и на

положение в антифашистском лагере. Здесь произошла значительная перегруппировка сил, важная для укрепления позиций трудящихся после освобождения.

Вопрос гегемонии в национально-освободительной борьбе после отступления в горы значительно упростился. Буржуазные группы, которые перед восстанием и во время него проводили «большую политику» сохранения своих классовых и политических позиций, политику «тормоза» по отношению к социальным и прогрессивным требованиям трудящихся, в условиях суровой битвы за жизнь в горах отступили и рассеялись. У них не было организации, и в тех условиях они даже и не пытались ее создать. Их главная опора — армейское командование и офицерский корпус — не существовала уже как организованная сила. Новая форма борьбы — партизанская война — была для них нежеланной и находилась вне их политических возможностей. Те силы, которые хотели бороться, должны были принять формы борьбы «коммунистической армии», партизанскую борьбу. Эта борьба и до этого велась под руководством коммунистов, которое теперь еще более усилилось. И не только благодаря тому, что партизанские отряды были связаны с партизанскими штабами I или IV Украинских фронтов или со штабом Асмолова и что единственной перспективой было освобождение страны частями Красной Армии. Но прежде всего потому, что классовый и политический состав партизанских отрядов и солдат, вступивших в них, придал партизанской войне ясно выраженный народный характер и определил перевес политического влияния коммунистов. На этом этапе в национально-освободительной борьбе существенно ослабили позиции буржуазных и вообще некоммунистических кругов Сопротивления и, наоборот, усилились позиции народа, коммунистов. Это не означает, что боролись только коммунисты. Такое упрощение антиисторично. В борьбе участвовало много антифашистов-некоммунистов. Но политическая роль и линия коммунистической партии стала явно преобладающей и гораздо более выразительной, чем в ходе Словацкого национального восстания. Сошли со сцены силы, пре-

жде всего армейское командование, которое оказывало значительную поддержку внутренним и лондонским буржуазным группам. После отхода в горы коммунистическая партия стала руководящей силой не только в смысле завоевания политических позиций в народных массах и народных органах, как это было во время Словацкого национального восстания, и не только в смысле выработки программы и определения перспектив, но и в смысле руководства вооруженной борьбой, в военном отношении. Словом, на всех участках. В этом состоял смысл изменений, перегруппировки руководящих политических сил. Линия широкого антифашистского фронта осталась. Но удельный вес антифашистской буржуазии в нем сильно упал.

Это определяло, совершенно естественно, позицию Бенеша и его правительства. Его деятельность в ходе Словацкого национального восстания, по существу, ограничивалась руководством армией, офицерским корпусом. После отхода повстанческих сил в горы он практически утратил все влияние на развитие политического и военного положения в Словакии. Он потерял опорные позиции, и прежде всего армию, на которые рассчитывал для реализации своих планов в отношении Словакии. Все развитие в последующие месяцы шло вопреки его планам и политическим возможностям. Оно знаменовалось реализацией планов и возможностей трудящихся и Компартии Словакии.

В ходе восьмимесячных боев против нацистских частей вследствие политического развития после восстания, работы коммунистической партии и упорной партизанской войны произошла радикализация народных масс в политическом и классовом отношении. Они осознали свою роль в национально-освободительной борьбе, связывали с этим свои политические и классовые цели. Вооруженные партизанские части действовали в интересах народа. В этом смысле это была гораздо более зрелая в политическом отношении армия, чем повстанческая армия. Это была армия, созданная, вдохновляемая и руководимая коммунистами. Это был чрезвычайно важный фактор в момент освобождения. Народные массы высказывались за программу коммунистической партии, направленную

на решение национальных и государственных проблем, на устранение столетиями накапливавшихся обид и социальных несправедливостей.

Эволюция сознания, ускоряемая бедствиями миллионных масс, вызванных второй мировой войной, позволила словацким рабочим, трудящимся увидеть возможность решения основных вопросов социальной и общественной жизни, ликвидировать классовые привилегии паразитирующих слоев, укрепить позиции трудящегося человека в решении всех проблем возрожденного государства. Во время Словацкого национального восстания все эти вопросы были поставлены словацким народом. Была создана сеть народных органов управления, отмечающих традицию власти по праву дорогого платья, знатного происхождения или толстого кошелька. Словацкий народ декларировал свои представления о решении основных социальных и общественных проблем после освобождения. Он начал национально-демократическую революцию, создав революционные предпосылки и условия для взятия политической власти. За это он боролся и с оружием в руках вступил в новую жизнь после освобождения.

Те, кому снилось новое «28 октября» после войны, снилось восстановление лишь несколько реформированных буржуазных порядков, с ужасом смотрели на Словакию, где с гор спускались тысячи заросших и обовшивевших парней с оружием в руках, которые не только пережили голод, холод и эсэсовские зверства, но за долгие месяцы национального сопротивления и народной войны накопили решимость установить у себя дома раз и навсегда справедливый порядок, справедливый для трудящегося человека, который вечно нес на плечах все тяготы и бремя, а со стола получал лишь крохи. Рядом с ними стояли тысячи подпольщиков и сотоварищей по героическому времени. Рядом с ними была коммунистическая партия, которая руководила борьбой и организовывала ее. И армия-освободительница, состоявшая не из солдат империалистических государств, а из представителей народа, который давно уже покончил с эксплуататорским режимом.

Нет, эти «дни свободы», которые по мере продвижения Красной Армии с востока и юга на запад распространялись на освобожденную территорию, совсем не были похожи на 28 октября 1918 г. На этот раз свобода была оплачена и словацкой кровью, и освобожденный народ городов и деревень требовал от нее своей справедливой доли. В отличие от прошлого он имел сейчас для этого и объективные условия.

Месяцы подготовки вооруженной борьбы, и особенно два месяца восстания и долгие месяцы последующих боев, были большой школой для словацкого народа. Революционной школой жизни, активной школой политического и боевого опыта. Думаю, что это несколько преувеличено, но мне казалось: словацкий народ, который в первые месяцы 1945 г. устанавливал свою власть в освобожденных городах и деревнях и решал свою судьбу, был уже не тот народ, чьей судьбой в 1938—1939 гг. играли различные буржуазные политики; не тот народ, которому еще в начале 1944 г. тисовские фанфароны напевали пропагандистские песенки о самостоятельном государстве после тысячи двадцати лет, прошедших от Прибины до Тисо; о благополучии в то время, когда нищенское существование владели многие народы; о малом народе, который может только склониться и ждать, что решат другие, более сильные, о послушании богу, Тисо и о небесном царстве. Ораторские приемы Бенеша и всемогущая чудодейственность его абстрактной демократии в Словакии никого не трогали. Это была другая нация, другой народ. Это был народ, представленный уже другими слоями, не только самыми многочисленными, но и наиболее сознательными, активными и стойкими. Он осознал свою силу, свои возможности, свою борьбу и жертвы, свои потребности и цели. Он воспитал в борьбе людей, кадры, у которых было желание и способности, чтобы добиваться реализации общественных потребностей. Он воспитал своих коммунистических и антифашистских борцов, умеющих руководствоваться марксистским пониманием общественных закономерностей, а не мелкими торгашескими компромиссами и шулерством. Этот народ

воспитал и выковал свою коммунистическую партию, закалившуюся и укрепившуюся в страшно тяжелой борьбе. Эту практическую школу многомесячного боевого, политического и военного опыта прошли народные массы, эту революционную школу прошла и вся КПС. Это был действительно революционный авангард опытных и мужественных борцов за свободу и справедливое устройство жизни трудящихся.

30. ВТОРОЙ УРОК НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В последние дни октября 1944 г., когда части нацистов продвигались по повстанческой территории и словацкие бойцы отступили в горы, отряды Красной Армии освобождали территорию Закарпатской Украины (27 октября был освобожден Ужгород). Делегат правительства Немец, который 23 октября вылетел с сопровождавшими его лицами из Банска-Бистрицы во Львов, пытался как можно быстрее попасть на территорию освобожденной Закарпатской Украины. Советское руководство помогло ему в этом. Он прибыл в Хуст 27 октября 1944 г. и начал осуществлять там власть. Какие же уроки извлек Немец из пребывания в восставшей Словакии? Б. Лаштовичка пишет: «Чехословацкому правительству не хватало опыта, который ее делегат получил в Словакии благодаря тому, что осуществлял шовинистическую, великочешскую политику, и оно послало его (в конце октября 1944 г.) за новыми лаврами в Закарпатскую Украину, только что освобожденную Красной Армией... Делегат Немец прибыл в Хуст 4 ноября (Лаштовичка в данном случае ошибается: Немец прибыл в Хуст 27 октября.— Г. Г.) со своим многочисленным аппаратом и начал осуществлять там власть, так что уже 26 ноября съезд национальных комитетов, проходивший в Мукачеве, предложил делегату в течение трех дней оставить Закарпатскую Украину вместе со всей делегацией»¹.

Что же случилось, почему народы Закарпатской Украины после прихода к власти Немеца менее чем за месяц сбросили его вместе со всем аппаратом и

¹ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 461.

стали решать свою судьбу в соответствии с собственными устремлениями и политическими представлениями?

Закарпатская Украина, или, как она называлась в годы домюнхенской ЧСР, Подкарпатская Русь, в 1919 г. в результате великодержавных интриг, помешавших воссоединению народа этой области со всем украинским народом, который высказался за советскую республику, стала составной частью чехословацкого государства. Т. Г. Масарик писал об этом: «Союзники не желали бы, чтобы русские попали на южную сторону Карпат... Проигрыш русских обусловил возможность присоединения Подкарпатской Руси к нашей республике»². Эмигранты в США в 1918 г. вели переговоры о судьбе этой области: «Так как невозможна полная самостоятельность, украинцы должны воссоединиться со своими братьями в Галиции и Буковине; поскольку невозможно и это, они должны получить автономию. В каком государстве, не сказано. 19 ноября (1918 г.— Г. Г.), однако, в Скрантоне (Пенн) проходил второй съезд, на котором было принято решение, что украинцы с самой широкой автономией, как государство, на основе федерализации присоединятся к Чехословацкой республике...»³. Так и произошло. Масарик в цитируемой книге, которая вышла в 1925 г., замечает: «...перед нами стоит государственно-правовая проблема Подкарпатской Руси и создание этой автономной территории, предоставленной нам решением мирной конференции на основе желания, высказанного представителями нации в Америке и у себя на родине»⁴. Так чешская буржуазия получила под свое влияние и свою власть на двадцать лет эту территорию. Она осуществляла там руководство через своих губернаторов и жандармов таким образом, что украинский народ был в социальном и национальном отношении поставлен в положение полукolonиальной нации. Бедствия и угнетения характеризовали эти двадцать лет власти чешской

² Т. Г. Масарик. Мировая революция. Прага, 1925, стр. 301.

³ Там же.

⁴ Там же.

буржуазии в Подкарпатской Руси. Коммунистическая партия, которая в домюнхенской республике была одной из наиболее сильных партий в Подкарпатской Руси, вела борьбу против социального угнетения, за свободное национальное развитие украинского народа.

Двадцатилетняя политика чешской буржуазии в Подкарпатской Руси закончилась крахом — так же, как и в Словакии — осенним кризисом 1938 г. 11 октября 1938 г. было провозглашено автономное правительство Подкарпатской Руси во главе с Бродом, а позже во главе с Волошиным и был одобрен закон об автономии Подкарпатской Руси. К власти пришли реакционные и националистические силы, ориентированные против СССР. Конец этому этапу положила венгерская оккупация в марте 1939 г.

Украинский народ в Закарпатской Украине боролся против венгерской оккупации, боролся за свою свободу. Ему нечего было вспомнить хорошего о домюнхенской ЧСР. С какой же программой пришли Бенеш и его правительство к украинскому народу после всего имеющегося опыта, когда они хотели обновить ЧСР в домюнхенских границах, то есть включая Закарпатскую Украину? У них был лишь один план: практически обновить старую республику с возможно меньшими реформами. В отношении народа Закарпатской Украины это означало обновить власть чешской буржуазии над этой областью.

Коммунисты выразили свою программу словами Я. Швермы из его выступления в СНС 3 октября 1944 г.: «Новая республика не может быть создана на основе искусственных союзов, соглашений, а лишь как братская республика трех славянских народов: чехов, словаков и карпатских украинцев. В этой республике в Чехии господином будет чех, в Словакии — словак, на Карпатской Украине — карпатский украинец...» На восставшей территории в качестве представителя украинского народа был Иван Туряница. Он согласился с нашим решением, ездил по повстанческой Словакии и не скрывал того, что и в Закарпатской Украине после ее освобождения будут такие же порядки, какие он видел у нас, в политическом и на-

циональном отношении. Из бесед коммунистов было ясно, что речь пойдет о федеративном решении отношений трех славянских народов. Туряница придерживался этой же точки зрения.

* * *

Правительственный делегат Немец все это знал и видел в повстанческой Словакии. Видел и не соглашался, так как придерживался установки Лондона. Он прибыл на свободную территорию Закарпатской Украины и хотел там установить свою власть — власть лондонского правительства, он хотел сохранить для Бенеша и его правительства те позиции, которые ему не удалось сохранить в повстанческой Словакии. В соответствии с директивами из Лондона он хотел сохранить на территории, освобожденной Красной Армией, позиции политической власти и базу для буржуазной эмиграции в Лондоне.

В соответствии с декретом о правительственной делегации он создал в Хусте государственный аппарат — учреждение правительственного делегата — с президиумом и 13 отделами (финансы, внутренние дела, юриспруденция, информация, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, снабжение, экономика, почта и т. д.), для которого 13 ноября 1944 г. издал организационное предписание и руководство для учреждения правительственного делегата. Это было нечто вроде филиалов лондонских министерств, для которых он привез из Лондона собственный аппарат. Ни одну руководящую должность не занимал украинец, местный человек! Никто из этого аппарата не знал местный — украинский — язык.

Немец создал командование освобожденной территории во главе с генералом Гасалом. В него входили офицеры, привезенные из Лондона, тоже чешской национальности. Началась мобилизация местного населения и создание тыловой армии, подчиняющейся исключительно командованию Гасала и лондонским офицерам. Они создали корпус безопасности, охрану финансов, сопровождали комиссаров в банки и на предприятия, творили суд и грубо вмешивались в деятельность существующих национальных комитетов.

Они создавали государственный аппарат власти со всем, что к нему относилось: армией, полицией, учреждениями. Но они забыли спросить мнение единственного деятеля, который считал, что у него есть что сказать на это,— мнение местного украинского населения и его представителей. Через несколько недель Немец и его аппарат, а больше всего военные представители показали украинскому народу, как они понимают на практике принцип: на Карпатской Украине господином будет карпатский украинец. Это игнорирование национальных интересов в политике Бенеша, его правительства и правительственного делегата прямо удивительно. Тем более что речь шла об украинском народе, соседствующем с Советской Украиной, сыны которой принесли столько жертв для освобождения и нашего государства.

При этой шовинистической концепции и политике с необходимостью должен был наступить и вскоре наступил конфликт между правительственным делегатом и местным населением. Отношение украинского населения резко обернулось против правительственной делегации и против правительства, которое она представляла, так как в действительности никто не желал обновления домюнхенских отношений. В таких условиях вполне естественно, что стремление и симпатия украинского населения обратились к Советской Украине. Оно отвернулось от государства, представители которого даже в этой ситуации ясно не высказались о национальном равноправии украинского народа и не отдали власть над освобожденной территорией в руки украинского народа и его представителей. Население видело продолжение домюнхенского режима национального и социального угнетения и резко отрицательно относилось к этому. Национальные комитеты сопротивлялись вмешательству аппарата Немца, отказывались подчиняться его комиссарам. Население отказывалось вступать в тыловые части Гасала и добровольно шло в отряды Красной Армии. Оно обратилось за помощью и защитой к советскому руководству и его военному командованию.

Бенеш, Ингр, Немец и другие забыли, что это был не 1918 год, когда можно было дипломатическими

увертками решать судьбу одной области. Они не могли дать украинскому народу ясной перспективы национальной свободы, решения социальных проблем и равноправного положения в государстве. Они не могли всего этого дать, поскольку сами были целиком в плену домюнхенских представлений. Украинский народ решил взять дело в свои руки.

26 ноября 1944 г. в Мукачеве собрался съезд национальных комитетов Закарпатской Украины, который выбрал Украинский национальный совет как верховный орган Закарпатской Украины. Съезд решил вопрос о выходе из ЧСР и обратился с просьбой о присоединении к Советскому Союзу. Председателем Украинского национального совета был выбран Иван Туряница. УНС в письме сообщил Немцу постановление съезда и предложил ему в течение трех дней вместе со своим гражданским и военным окружением оставить территорию Закарпатской Украины. Национальные советы, руководствуясь этим постановлением, отказались сотрудничать с Немцем и его учреждением. Украинский народ хотел осуществлять руководство сам и сам определить свою судьбу. Бенеш и его делегат получили ответ от украинского народа на попытки снова отодвинуть решение национального вопроса, сохранить свою власть на этой территории. Деятельность делегации Немца с этого момента практически была прекращена.

Украинский национальный совет с центром в Ужгороде революционным путем взял на себя руководство всей территорией Закарпатской Украины. Военный вопрос он разрешил декретом, опубликованным 24 декабря 1944 г., в котором говорилось: «1. Приостановить, а в будущем прекратить мобилизацию населения Закарпатской Украины в чехословацкую армию. 2. Поддерживать набор добровольцев из населения Закарпатской Украины в Красную Армию...»⁵. Таким образом, наступил окончательный разрыв между украинским населением и правительством Бенеша и его делегацией. Немец отбыл в Москву.

⁵ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II, стр. 494.

В процессе развития этих событий правительственная делегация и лондонское правительство вступили в конфликт с советскими военными властями. Когда начал функционировать административный аппарат Немца, территория Закарпатской Украины являлась еще фронтовой территорией и не была формально передана под чехословацкое управление.

Стремясь обеспечить позиции эмигрантской буржуазии, Ингр со своим штабом готовился передислоцироваться на освобожденную территорию. Уже 13 октября 1944 г. он телеграфировал в Москву: «Главкомандующий с согласия президента Бенеша и правительства подготавливает перемещение главного командования, то есть примерно 50 офицеров, 5 ротмистров, 5 солдат и некоторых материалов, самолетами на освобожденную территорию ЧСР, как только для этого представится возможность»⁶.

Передислокация должна была быть проведена английскими самолетами. Лондон и Немец требовали, чтобы Немцу разрешили собственную радиостанцию для прямой связи с Лондоном.

Фирлингер проконсультировался в советских инстанциях и 3 ноября сообщал в Лондон: «...командование Красной Армии не дает согласия на то, чтобы в зоне операций могли совершать посадку чужие самолеты, советские органы сообщают также, что они не могут разрешить работу гражданской радиостанции в военной зоне...»⁷. Доводы эти в целом были понятны. Однако гасаловское командование вопреки негативной позиции советских военных органов использовало для связи с Лондоном две секретные радиостанции.

Другой причиной конфликта был набор в Красную Армию украинских добровольцев. Делегация Немца и Лондон не согласились с этой акцией и выступили с резким протестом. Бенеш 16 ноября сообщал Фирлингеру: «...я лично обратил внимание Лебедева... на

⁶ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 387.

⁷ Там же, стр. 389.

невозможность подобных действий советских военных властей при наборе добровольцев на нашей территории... Это могли бы использовать в своих интересах и наши противники и противники СССР здесь, на Западе, затем, конечно, поляки, да и некоторые наши люди... Мы, однако, должны свою позицию отстаивать, так как это у нас закреплено законодательно»⁸.

Третьей и главной причиной споров была деятельность военной делегации, которую Лондон послал в Закарпатскую Украину. Фирлингер информировал 22 ноября лондонское правительство: «Командование Красной Армии действовало под давлением всеобщего воодушевления населения и настойчивых требований добровольцев разрешить им вступить в КА. Наша делегация не вступила немедленно, как это было необходимо, в тесный контакт с командованием и вместо того, чтобы обсудить вопрос на месте спокойно и совершенно реалистически, сразу же ввязалась в конфликт с ним, что было ошибкой, ибо обстановка для делегации стала весьма щекотливой, какой была и в Словакии... Здесь против делегации дует сильный ветер... В комиссариате внутренних дел говорят, что в делегации преобладает антисоветский образ мышления и что население Карпатской Украины относится к ней отрицательно»⁹. Основываясь на телеграмме Немца, Фирлингер пишет 10 декабря: «Советское командование направило Немцу официальное письмо, в котором перечисляются случаи нарушения демаркационной линии чехословацкими военными лицами, которые не считаются с согласованными инструкциями и действуют во враждебном Красной Армии духе. Положение далее усугубилось тем, что в Хуст прибыла группа офицеров, долго отсиживавшихся за границей, причем разрешение на их приезд в Хуст даже и не запрашивалось. Эти люди под командой подполковника Перникаржа занимаются деятельностью, ничего общего с мобилизацией не имеющей...»¹⁰.

Немец, прибыв в Москву, информировал Лондон

⁸ Там же, стр. 406.

⁹ Там же, стр. 423.

¹⁰ Там же, стр. 462.

14 декабря 1944 г. следующим образом: «Когда мы прибыли в Москву, то восстановление республики казалось делом бесспорным. За 14 дней положение полностью изменилось, развернувшееся движение за присоединение к Советскому Союзу — стихийно... Отношение командования Советской Армии с самого начала не было обнадеживающим. Причиной тому были, в частности, следующие обстоятельства: значительное недоверие советского командования к части нашего офицерского корпуса... Сохранилось также недоверие к военной части делегации, особенно после появления новых офицеров из Англии. Среди последних были и такие, кто вызывал возражения, однако им были доверены руководящие посты. Мне кажется, что у советской стороны такое впечатление, будто мы преследуем двоякую политику: в гражданской области — демократическую и по отношению к СССР вполне дружескую, в военной — недемократическую, а у некоторых высших офицеров — враждебную СССР. Я ощущаю опасения, что, в отличие от гражданской администрации, военные органы хотят строить армию точно на принципах 1938 г. Я считаю это обстоятельство наиболее важным. Урегулирование военной проблемы, по моему мнению, является дополнительным испытанием для отношения Советского Союза к нам... Организация новой армии офицеров в тылу здесь расценивается как подтверждение того факта, что мы намерены создавать армию в оборонительном духе...» Немец скрывает свои собственные ошибки, однако достаточно хорошо разоблачает намерения военной клики Ингра. 26 декабря Немец в депеше в Лондон вновь сообщает: «...неблагоприятное отношение советских органов к ней (то есть к правительственной делегации.— Г. Г.) является следствием определенных сомнений по поводу нашей военной политики... В военных делах здесь нам в особенности ставятся в упрек тенденции создавать армию в тылу на принципах 1938 г....»¹².

Здесь было достаточно проблем, чтобы Бенеш и его правительство могли бы задуматься над своей по-

¹² Там же, стр. 484.

литикой. Конфликта со Словакией им было недостаточно. Или же именно потому, что по отношению к Словацкому национальному совету они вынуждены были отступить по всей линии, они решили именно здесь, на территории Закарпатской Украины, создать базу своей власти. И, таким образом, вступили в конфликт с другим народом — украинским, который, как предполагалось, будет составной частью ЧСР. Правительство Бенеша своей позицией с самого начала возбуждало недоверие украинского населения, отсюда и тот характер, который приобрело последующее развитие. Вместо того чтобы принять во внимание волю украинского народа, оно вызывало конфликты с советскими органами.

* * *

Бенеш в эмиграции сформировал свое правительство, выработал свою концепцию и свою систему. Причем нарушил столько конституционных и иных норм, сколько ему было нужно. Когда же он приобрел международное признание, то стал на позиции «принципа легальности». Только «законный президент» и «законное правительство» имеют право принимать решения касательно ЧСР. В случае со Словакией мы видели, как воля словацкого народа у себя на родине столкнулась с планом эмигрантской лондонской буржуазии, прикрытым всевозможными «принципами» и титулами. Бенеш и его окружение в конце концов оказались вынужденными считаться с волей народа в самой стране. В случае с Закарпатской Украиной история повторилась. Никаких выводов Бенеш не сделал.

27 ноября 1944 г. он телеграфирует Фирлингеру: «ЧСР настаивает и будет настаивать на своей законной позиции и на позиции договора. Это действительно и для данного случая и для всех последующих в течение всего времени и при занятии территории советскими войсками, соответственно также и для Словакии. Как только мы отступим от закона и договора в каком-либо вопросе, мы покатымся по наклонной плоскости во всех вопросах. Поэтому настаивай на

нашей первоначальной позиции и действуй согласно этому... Это, правда, означает, что это в Подкарпатье должно прекратиться. Спокойно, по-деловому и без уступок настаивать, следовательно, на своем праве. Полагает ли кто-нибудь в Красной Армии или в политических кругах, что аналогичный подход к вопросу будет иметь место и в Словакии?»¹³.

Народ Закарпатской Украины был другого мнения и решал по-другому. Масарик, однако, 29 ноября вновь телеграфирует Фирлингеру: «Повторяем, что президент Бенеш и правительство остаются на позициях чехословацкого закона и договора»¹⁴. Найти подход к решению этой проблемы попытался и К. Готвальд. Фирлингер пишет: «Готвальд, однако, полагал, что Турянице точка зрения партии по этому вопросу хорошо известна. Наконец в пятницу (17 ноября 1944 г.— Г. Г.) в Подкарпатье отбыли Кроснарж, Климпотюк и Борканюк, у которых были директивы...»¹⁵.

Однако даже Кроснарж развитие событий в Закарпатской Украине приостановить не мог. Украинских членов делегации дома встретили приветливо, а Кроснаржа, когда узнали его точку зрения на решение вопроса о положении Закарпатской Украины, срочно отослали назад. По моему мнению, это был ошибочный шаг Готвальда. Фирлингер так пишет об этой бессмысленной поездке Кроснаржа в Закарпатскую Украину: «По рассказам нашего депутата (Кроснаржа.— Г. Г.), который вернулся с Подкарпатской Украины, значительная часть населения — за присоединение к СССР. Члены коммунистической партии, приезжающие из Москвы с другими инструкциями, отвечающими нашей и советской точке зрения, встречают значительное сопротивление...»¹⁶. Кроснарж нам в Москве об этом рассказывал менее дипломатично и с большей горечью. По-другому действовала Борканюк — жена казненного венграми ведущего деятеля коммунистической партии в Закарпатской Украине: она при-

¹³ Там же, стр. 424—425.

¹⁴ Там же, стр. 446.

¹⁵ Там же, стр. 409.

¹⁶ Там же, стр. 453.

соединилась к Турянице и к другим украинским товарищам. Она написала Бенешу письмо, пересланное через правительственного делегата, в котором требовала, чтобы он принял к сведению решение Украинского национального совета о присоединении Закарпатской Украины к СССР.

В этой ситуации Фирлингер 15 декабря предложил Бенешу: «Принимая во внимание развитие событий на Подкарпатье, я бы Вам самым настойчивым образом рекомендовал направить в качестве ответа на отосланное Вам требование Закарпатского Украинского совета Ваше личное послание, которое передал бы либо Петрушак, либо Немец и в котором Вы бы определили свою точку зрения. Вы могли бы сообщить, что Чехословакия никогда не пойдет против воли народа Закарпатской Украины и что правительства ЧСР и СССР в определенный момент придут по этому вопросу к соглашению»¹⁷. Это было мудрое, хотя и запоздалое, предложение. Лондонское правительство, однако, имело другую точку зрения. 15 декабря оно сообщило Немецу: «Мы по-прежнему считаем, что значительные трудности, которые обнаружили на Подкарпатье, были вызваны местными украинскими деятелями, которые, по понятным соображениям, желали бы соединения с Советской Украиной... Мы полагаем также, что эти настроения используют некоторые подкарпатские деятели, скомпрометированные сотрудничеством с венграми и немцами»¹⁸. К этой инсинуации — наговору о коллаборационизме — Бенеш прибегал уже однажды, когда в августе 1944 г. Шмидке прибыл договариваться с советскими властями о координации Словацкого национального восстания с планами Красной Армии. Далее Немецу сообщалось, что правительство «в полном согласии с президентом Бенешем твердо стоит на позициях, данных союзническим договором... Поэтому считаем правильным, что правительственная делегация остается на своем месте в Подкарпатье и стремится дальше выполнять свои задачи... Правительство желает, чтобы вы и дальше

¹⁷ Там же, стр. 468.

¹⁸ Там же, стр. 470.

стремились выполнять задачи, поставленные соглашением 8 мая, и чтобы вы, если не можете в данной ситуации эти задачи выполнить, остались вопреки этому на своем месте, даже если в дальнейшем должны держаться пассивно»¹⁹.

Лондонские эмигрантские деятели вызывающе вели себя по отношению к народу внутри страны и провокационно даже по отношению к союзному СССР. Это видно из телеграммы Бенеша Немецу от 19 декабря 1944 г.: «Мы в этом вопросе будем поступать следующим образом: а) пусть все идет так, как идет, мы будем придерживаться договора и будем требовать в Москве его соблюдения, мы ни от чего не отказываемся и от своих прав не отступимся; б) там, где будут нам препятствовать добиваться осуществления наших прав, как сейчас препятствуют вам, констатируем это и будем пассивно ожидать дальнейшего развития событий. Было бы ошибкой использовать с нашей стороны насилие. С одной стороны, у нас нет достаточных сил для исполнения, с другой — каждый подобный случай возьмут на заметку против нас и используют его; в) свои позиции не будем сдавать и будем держаться до последнего... на своем посту и при своих обязанностях...»²⁰. Какое и чье право защищал Бенеш в вопросе Закарпатской Украины? Право народа этой области или интересы власти своей и своего класса? Делегации Немеца он выражает «искреннюю благодарность за прежнюю деятельность в Словакии и Подкарпатской Руси. Она была правильной»²¹.

Как видно, Бенеш в это время был настроен весьма воинственно. С неудовольствием смотрел, как рассыпается его искусственная конструкция внутреннего устройства страны. Он выдал себя в телеграмме Немецу от 24 декабря, где требовал, чтобы тот «обратил пристальное внимание на эти вещи, особенно когда дело коснется Словакии. Я отдаю предпочтение тому, чтобы политические отношения (особенно выборы

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 471.

²¹ Там же, стр. 472.

комитетов, набор добровольцев и т. д.) развивались без участия лондонского правительства, то есть его делегации, нежели бы все это делалось в ее присутствии, когда все идет ненормально, и вопреки нашим законам, либо в пользу лишь одного политического направления. Лучше, чтобы ответственность за это несли не мы. Нельзя забывать о том, что все это будет иметь влияние на ситуацию в Словакии и в чешских областях»²². Бенеш снова сообщает, что «Ингр передислоцирует свой штаб главного командования на восток», негодует, что советские органы не разрешают прямую радиосвязь с Лондоном в военной зоне, угрожает компрометацией СССР на международной арене.

Фирлингер вновь попытался информировать его о действительном положении вещей: «Я полагаю, что ситуация гораздо более серьезная, чем вы думаете... Наркоминдел отказывается обсуждать со мною и с Немцем вопрос о делегате... Для СССР речь идет о принципиальном изменении нашей военной политики... СССР имеет, по-видимому, такое впечатление, что в Лондоне существовала тенденция послать на освобожденную территорию многих из тех офицеров, которым до этого в визах для въезда в СССР было отказано... Разумеется, и наша военная разведка и деятельность различных наших военных миссий в других государствах критически анализировалась... Следующей причиной неудовлетворенности Советского правительства является, по-видимому, наша внешняя политика. Когда мы подписали пакт, Кремль ожидал более активной и более дружеской политики с нашей стороны... С нашей стороны в Лондоне, пожалуй, слишком часто подчеркивалось, что мы хотим проводить политику, вульгарно именуемую «фифти-фифти»...»²³.

После приемов у Вышинского и Молотова (26 и 27 декабря) Фирлингер и Немец вновь пишут Бенешу в Лондон: «Движение на Карпатской Украине за отделение от республики и присоединение к СССР следует в сегодняшней его фазе охарактеризовать как

²² Там же, стр. 481.

²³ Там же, стр. 478—480.

движение народное и стихийное. Советский Союз расценивает его как выражение народной воли и как к такому отношению с уважением, ибо вообще питает уважение к проявлениям народной воли славянских народов... Исключено, что чехословацкая администрация могла бы закрепиться на Карпатской Украине против воли местного населения. В данной ситуации это означало бы править против народа, посредством насилия и вопреки желаниям советских военных органов, которые хотят полного спокойствия у себя в тылу... Право украинского народа решить вопрос о своей государственной принадлежности дано его историческим развитием»²⁴.

Они предложили, чтобы правительство определило свою линию именно в соответствии с этим. Бенеш 5 января 1945 г. ответил: «Я не согласен с таким предложением... Мы можем констатировать, что не имеем возможности осуществлять на Подкарпатье верховную власть, но мы не имеем права так просто от нее отказываться»²⁵.

* * *

Бенеш, следовательно, боролся за «свои права», отказывая в этих правах украинскому народу, и провоцировал СССР, стремясь сохранить хоть что-нибудь из своих планов. Позиция бенешевского правительства вызвала на международной арене клеветническую кампанию против СССР. Более двух месяцев длилось это напряженное состояние. Затем, однако, в течение января 1945 г. Бенеш и его правительство сразу изменили свою позицию. Что же произошло? Произошли события, которые оказали влияние на ход действий на европейских фронтах и заставили лондонское правительство поразмыслить над тем, при каких обстоятельствах оно хочет вернуться домой.

Бенеш и его люди не переставали рассчитывать на то, что хотя бы западную часть Чехословакии освободят англо-американские войска и что под их охраной

²⁴ Там же, стр. 491—492.

²⁵ Там же, стр. 502.

они попадут в Прагу. Эти надежды, однако, в начале января рухнули. Немецкое наступление в Арденнах прорвало Западный фронт и весьма обеспокоило западные державы. Черчилль 6 января обратился к Сталину: «На западе идут очень тяжелые бои, и от Верховного Главнокомандования могут каждую минуту потребоваться серьезные решения. Вы сами знаете по собственному опыту, насколько опасна ситуация, когда необходимо оборонять слишком широкий фронт при временной потере инициативы... буду рад, если Вы сможете мне сообщить, что мы можем рассчитывать на Висле или в каком-либо другом месте на сильное русское наступление в январе или в какое-нибудь иное время...»²⁶. Сталин ответил сразу же на следующий день: «Ставка Верховного главнокомандующего, принимая во внимание положение наших союзников на западном фронте, решила ускоренным темпом закончить подготовку и, невзирая на погодные условия, начать широкие наступательные действия против немцев на всем центральном фронте самое позднее во второй половине января»²⁷.

12 января 1945 г. началось мощное советское наступление в Польше. Советская Армия быстро продвигалась по всему фронту длиной 1 200 км. В ежедневных информациях сообщались отдельные результаты этого наступления. Освобождена была вся Польша. Красная Армия вышла к Одере. Для всего мира это была невиданная картина по масштабам, темпам и успехам советского продвижения. Одновременно Красная Армия двигалась и южным крылом и начала освобождать словацкие города и деревни. 20 января 1945 г. были освобождены Кошице, Прешов, а постепенно и другие восточнословацкие города.

Эти события заставили чехословацкое правительство решиться. Молотов в разговоре с Фирлингером 27 декабря высказал мнение, что чехословацкому правительству следовало бы перебраться поближе к до-

²⁶ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Братислава, 1958, стр. 270—271.

²⁷ Там же, стр. 271.

му, например, во Львов, и пригласил Бенеша. Бенеш уже 31 декабря телеграфировал в Москву. «...Прошу, чтобы Советскому правительству было сообщено, что, по моему мнению, переезд мой и правительства на освобожденную территорию является единственным решением, которое может окончательно разрешить наши сегодняшние военные и политические трудности. Поэтому я приветствую это косвенное предложение Советского правительства к переезду, приглашение принимаю и немедленно начну подготовку к этому. Подчеркиваю, что я ожидал этого приглашения. Полагаю, что наиболее удобным, имея в виду Запад, переезд совершить прямо на нашу территорию (например, в Кошице)...»²⁸. В Лондоне началась суматошная подготовка к возвращению домой.

* * *

В новой ситуации можно было достичь соглашения и по вопросу о Закарпатской Украине. 23 января 1945 г. Сталин и Молотов пригласили К. Готвальда на беседу о Закарпатской Украине и других вопросах. В ходе разговора Сталин продиктовал следующее письмо Бенешу: «Я узнал сегодня от т. Готвальда, что чехословацкое правительство испытывает колебания в связи с событиями на Закарпатской Украине, что оно придерживается того взгляда, будто Советское правительство помышляет односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине в противоречие с договором между нашими государствами... Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выражать свою народную волю. Это тем более понятно, что Вы сами говорили мне в Москве о своем желании отдать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, причем, как Вы помните, я тогда не дал на это своего согласия. Однако из того, что Советское правительство не запретило закарпатским украинцам выражать свою волю, ни в коем случае не вытекает, будто Советское правительство на-

²⁸ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 496.

мерено нарушить договор между нашими государствами и односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Такое мнение было бы для Советского правительства оскорбительным.

Поскольку вопрос о Закарпатской Украине поставило само население Закарпатской Украины, постольку, естественно, его надо будет решать. Однако этот вопрос можно решить лишь соглашением между ЧСР и СССР — еще до окончания войны с Германией либо после окончания войны, когда оба правительства сочтут это целесообразным»²⁹. Фирлингер это письмо послал в Лондон со своими комментариями, в которых писал: «По поведению Сталина видно, что Советское правительство чувствует себя затронутым тем подозрением, которое некоторые чехословацкие круги проявляют в вопросе о Закарпатской Украине...», — и в связи со словацкой территорией добавляет, что «Сталин обещал позаботиться о том, чтобы делегация (Немеца.— Г. Г.) могла бы как можно скорее перебраться на словацкую территорию»³⁰.

Воинственный дух лондонского правительства с ходом событий снижал. Задача возвращения домой принуждала его к определенной скромности. Бенеш в ответе Сталину 29 января 1945 г. пишет: «Подтверждаю Вам, что в некоторых наших кругах действительно возникло беспокойство в связи с событиями на Закарпатской Украине; было это благодаря обстоятельствам чисто локального характера и в связи с участием в них чисто местных деятелей... Вопреки этому я Вас самым решительным образом уверяю, что ни я лично, ни чехословацкое правительство ни на минуту не допускали, будто Советское правительство намеревалось односторонне решать вопрос о Закарпатской Украине либо имело в мыслях нарушить соглашение между нашими государствами. Я хорошо представляю принципы политики СССР и знаю, что это полностью исключено, и прошу Вас, чтобы Вы этим моим словам полностью верили. Совершенно согласен с Вами, что-

²⁹ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 557—558.

³⁰ Там же, стр. 559.

бы этот вопрос был решен лишь по соглашению между ЧСР и СССР, «когда оба правительства признают это вполне удобным», как это Вы сами формулируете в своем письме. Мы хотели бы, чтобы это было после окончания войны с Германией, когда я буду иметь возможность обсудить этот вопрос с нашими деятелями в Праге... Как я и правительство представляем себе этот вопрос, он не станет предметом какого-либо спора между ними... В этой связи позвольте мне подчеркнуть, что нет другого государства и народа, который бы это (советскую помощь.— Г. Г.) ценил больше, чем чехословацкий народ, и нет другого государства, которое бы питало столь искренние чувства подлинной дружбы к СССР, как Чехословакия»³¹.

В действительных «чувствах» эмигрантского правительства и Бенеша едва ли кто-нибудь в Москве сомневался. Это ясно показали их реальные поступки. Например, по поводу признания польского люблинского правительства либо в связи с Закарпатской Украиной. Дипломатическое жонглирование словами и чувствами никогда не было проблемой для буржуазных политиков. По существу же важно то, что Бенеш и его правительство вынуждены были отступить перед волей украинского народа, вынуждены были признать право этого народа самому решить свою собственную судьбу, вынуждены были отказаться от своих манипуляций с законами и правами «легального президента» и «легального правительства». Они должны были отказаться от своих воинственных выпадов и международных скандалов и капитулировать по всей линии своей национальной шовинистической политики. Так лондонское правительство получило после Словацкого национального восстания второй урок по национальному вопросу. В обоих случаях оно должно было полностью капитулировать и отказаться от своей шовинистической позиции.

Народ Закарпатской Украины на съезде национальных комитетов 26 ноября 1944 г. принял решение о своей дальнейшей судьбе, и после этого уже ничего не изменилось. Украинский национальный совет осу-

³¹ Там же, стр. 565—567.

ществлял управление в этой области вплоть до окончательного формального решения вопроса после окончания войны, вплоть до включения Прикарпатской Украины в СССР.

Делегат лондонского правительства Немец вылетел из Москвы (вместе с делегацией Словацкого национального совета) 14 января 1945 г. со следующим приказом Бенеша: «Все, что сможете, переправьте по договоренности со Словацким национальным советом в Словакию». В Мукачево он прилетел 17 января. В дела Закарпатской Украины он уже не вмешивался. Собрал чемоданы и ждал отправки в Словакию.

31. РЕСПУБЛИКА ОСВОБОЖДАЕТСЯ С ВОСТОКА

С конца ноября 1944 г. части Красной Армии начали освобождать территорию Восточной Словакии: 23 ноября были освобождены Собрание, 25 ноября—Снина, 26 ноября—Гуменне, Михаловце, Краловски Хлмец, 27 ноября—Свидник, 1 декабря—Требишов. Во второй половине декабря войска II Украинского фронта освободили Южную Словакию: Шаги, Левице, Баньску-Штявницу, 20 января 1945 г. были освобождены Кошице и Прешов, 27 января—Спишска Нова Вес, 28 января—Попрад, 31 января—Брезно. В течение февраля свободной стала половина Словакии. На освобожденной территории вновь были поставлены все вопросы характера власти, управления и дальнейшего развития.

Постановка и решение проблем Закарпатской Украины имели большое значение для дальнейшего развития дел в Словакии. Казалось бы, что принципиальные вопросы были разрешены с чехословацким правительством уже в период восстания. Но это было верно лишь настолько, насколько можно было верить этому правительству, что оно и на практике станет придерживаться достигнутой договоренности. Однако этого не случилось. Ведущие лондонские органы стремились именно на Закарпатской Украине — где предполагалось меньшее противодействие — прочно укрепиться, создать административный аппарат власти, который опирался бы прежде всего на «экспертов» из Лондона, создать внутреннюю тыловую армию под началом гасалова командования освобожденной территории и руководимую лондонскими офицерами. Опираясь на этот аппарат власти, и должен был править Немец — и постепенно расширять его и на осво-

божденную территорию Словакии, — пока бенешевское правительство не вернется домой и не возьмет власть в стране в свои руки. Это была серьезная попытка лондонского правительства установить свою власть внутри страны.

Б. Лаштовичка пишет, что еще 12 января 1945 г. «правительство встревожило сообщение, что генерал Петров не позволяет создавать тыловую армию и требует, чтобы мобилизованные солдаты и добровольцыполнили 1-й Чехословацкий армейский корпус. Файрабенд и остальные требовали, чтобы в Словакии создавалась чехословацкая армия, которая находилась бы в распоряжении правительства»¹. Он вспоминает также, что Рипка на заседании правительства 12 декабря 1945 г. угрожал Советскому Союзу: «В Москве увидят, что это не так-то легко... что есть на свете деятели, с которыми следует считаться»².

Полномочная база лондонского правительства в Закарпатской Украине должна была стать основой, на которую Бенеш опирался бы в дальнейшем, по мере продвижения вперед, прежде всего в Словакии. Были, однако, деятели, «с которыми следовало считаться» не только «на свете», но и дома. Лондонские деятели могли убедиться в этом уже в ходе Словацкого национального восстания. Украинский народ преподал им следующий поучительный урок.

Вместе с Немцем во Львов в Закарпатскую Украину направились и полномочная делегация Словацкого национального совета. В Банска-Бистрице она получила директивы от руководства Словацкого национального совета: никоим образом не вмешиваться в положение на Закарпатской Украине — ее деятельность развернется на освобожденной словацкой территории; вести себя на украинской территории как гости и в случае споров между Немцем и местными органами поддерживать точку зрения украинского народа. Делегация Словацкого национального совета в точности придерживалась этих директив. Члены ее, коммунисты, наладили хорошие отношения с нацио-

¹ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 462.

² Там же, стр. 463.

нальным органом Закарпатской Украины и командованием IV Украинского фронта. Они отмежевались от политики Лондона и Немеца.

Делегация Словацкого национального совета во второй половине декабря договорилась с командованием IV Украинского фронта о направлении своих представителей в освобожденные районы Восточной Словакии в помощь национальным комитетам. 24 декабря 1944 г. М. Фалтян, Ф. Вашечка, Й. Шолтес и Т. Тварожек направились в районы Михаловце, Требишов, Гуменне и Медзилаборце, чтобы в качестве представителей Словацкого национального совета помочь создать новое народное управление. З. Фирлингер сообщение об этом соглашении комментирует следующим образом: «...командование фронтом в отличие от практики Подкарпатской Украины полностью идет навстречу нашей делегации, и в особенности СНС, что касается их совместной работы с национальными комитетами на словацкой территории»³.

Во второй половине ноября 1944 г. в Москву прилетела делегация Словацкого национального совета (Новомеский, Урсини, Весел), которая возвращалась из Лондона. Она живо включилась в политическую жизнь чехословацкой эмиграции в Москве. Как раз в момент кризиса в связи с вопросом о Закарпатской Украине Фирлингер сообщает 8 декабря в Лондон о переговорах с делегацией, о ее взглядах и в особенности подчеркивает требование: «СНС выражает охоту сотрудничать с нашей делегацией на освобожденной территории. В правительственной делегации они хотят видеть связующее звено между правительством и СНС... наш делегат примет территорию от главного командования Красной Армии и передаст ее под эгиду СНС. Согласно взглядам делегатов, конституция 1920 г. не может оставаться действительной в полной мере... Они не рекомендуют правительству издавать дальнейшие декреты, в противном случае может возникнуть опасность того, что эти декреты будут отвергнуты...». И он сам предупреждает Лондон: «Сейчас, в особенности после событий на Закарпатской Украин-

³ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 483.

не, будет особенно важно, чтобы сотрудничество с СНС было тесным и гармоничным, чтобы дело не доходило до конфликтов»⁴.

Все начали сознавать необходимость доброго сотрудничества с СНС. Даже Немец, у которого были иные планы, когда бесславно окончилась его деятельность на Закарпатской Украине, после приезда в Москву 14 декабря доносит в Лондон: «Мы все единодушно считаем, что после нормализации отношений делегации к Словацкому национальному совету создаются предпосылки для совершенно иного развития в Словакии, чем на Закарпатской Украине. Между нами и СНС наступила полная ясность в вопросах единства государства, принципов сосуществования двух наций и реформы гражданской администрации»⁵. После того как он изрядно обжегся, ему очень быстро стало ясно все то, что в Банска-Бистрице он еще отвергал.

Бенеш и его правительство занимались провокациями в вопросе Закарпатской Украины, но в целом они не верили, что при создавшемся положении можно что-либо изменить в решении, принятом украинским народом. Они должны были исходить из того, что обновленная ЧСР будет покоем на союзе двух народов — чешского и словацкого. Поэтому они начинают подчеркивать важность сотрудничества со Словацким национальным советом. Бенеш в телеграмме Немцу 19 декабря 1944 г. пишет: «Мы весьма приветствуем ваши действия, направленные на позитивное сотрудничество с членами Словацкого национального совета, и просим вас продолжать крепить эту солидарность, ибо она совершенно необходима в интересах государства»⁶.

Фирлингер в депеше от 21 декабря подчеркивает обеспокоенность Советского правительства многими политическими и военными мерами чехословацкого правительства и далее пишет: «Насколько серьезны... (упомянутые.— Г. Г.) моменты, видно из выступлений словацких делегатов, повторяемых часто местным на-

⁴ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 454.

⁵ Там же, стр. 466.

⁶ Там же, стр. 473.

селением. Они и передо мной не очень-то это скрывали. Словацкие делегаты тоже утверждают, что если бы развитие в Словакии шло так, как этого хотели в Лондоне, то они не поручились бы за то, что дела не примут такой же оборот, как и на Подкарпатской Украине. Вопреки всей своей доброй воле, они якобы не сумеют овладеть ситуацией. Ныне речь идет о чехословацком единстве»⁷.

В это время многое зависело от позиции словацких представителей. Поэтому когда 26 декабря сначала Вышинский, а днем позже Молотов пригласили Фирлингера и Немеца на беседу, то они взяли с собой и делегацию Словацкого национального совета. Делегаты Словацкого национального совета поблагодарили Советское правительство за помощь, оказанную в период Словацкого восстания. Они подчеркнули желание словацкого народа жить в совместном государстве с народом чешским и сообщили, что они имеют соглашение с чехословацким правительством о полномочиях СНС и правительственного делегата в Словакии. В данной ситуации они вполне поддержали точку зрения, отстаивающую необходимость обновления нашего совместного государства. После событий в Закарпатской Украине это было особенно важно. Фирлингер сообщил в Лондон, что эти разговоры «... в значительной мере улучшили атмосферу и подготовили почву для более тесного, действенного сотрудничества на территории Словакии. Присутствие делегации СНС, которая всегда подчеркивала единство нашего государства, было полезным»⁸.

На характер мышления чехов и словаков в Москве в это время оказала существенное влияние беседа, которая состоялась у чешских и словацких коммунистов (К. Готвальд, В. Копецкий, Л. Новомеский, И. Вало, Э. Фриш) в первой половине декабря 1944 г. с Г. Димитровым, бывшим генеральным секретарем Коминтерна, а в то время заведующим иностранным отделом ЦК Коммунистической партии Советского Союза. Согласно стенограмме этой беседы, которую, по

⁷ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 481.

⁸ Там же, стр. 490—491.

всей вероятности, сделал В. Копецкий, и не совсем точно, Г. Димитров сказал об отношениях чехов и словаков: «Я полагаю, что наилучшим решением будущего чехов и словаков в освобожденной ЧСР была бы равноправность их положения, чтобы в Чехии было свое чешское правительство, в Словакии — словацкое правительство и чтобы было общее чехословацкое правительство. Чтобы был парламент чешский и словацкий и, кроме того, общий парламент чехословацкий. Президентом ЧСР уже хотя бы в интересах преемственности будет д-р Бенеш. А кто будет президентом в дальнейшем, это будет решено потом...

Вопроса советизации ЧСР не ставить. Если зреет время, то ...теперь же об этом не будем спорить. Это не так-то легко, как многие думают. Чехи и словаки дорогу к Советской власти должны пробить сами, собственным развитием. Мы же, со своей стороны, должны подготавливать народы к социализму и к победе Советской власти систематической политической, идеологической работой. Для этой цели, помимо всего прочего, должен служить блок и сотрудничество с демократическими элементами. Тех людей в Словакии, которые излишне торопятся в вопросе Советской власти, следует придерживать»⁹.

Товарищ Димитров высказался и о Закарпатской Украине в том смысле, что следует уважать волю украинского народа, «не препятствовать этому развитию закарпатских украинцев».

В адрес словаков он сказал: «Для словацких коммунистов было бы ошибкой думать, что отделение словаков от чехов якобы в интересах Советского Союза. Нет. Отделение словаков от чехов ныне отнюдь не в интересах и даже было бы вредно для самих словаков. Чехи — хороший народ и словаки — хороший народ, и у обоих народов есть большое будущее. Как только вы освободитесь от немцев и начнете воссоздавать чехословацкое государство, вы будете, естественно, опираться на все здоровое, что было в старой республике. По-новому будут тогда решаться различные вопросы чехословацких взаимоотношений. Следу-

⁹ АИИС.

ет стремиться к тому, чтобы словаки не жили на низшем уровне, чем чехи»¹⁰. Затем он говорил об обязанностях одного и другого народа по отношению к самим себе.

О политических силах на родине он сказал: «После войны задачи будут настолько велики, что для их решения не хватит сил только одного класса нации или только одной партии. Одни коммунисты тоже не смогут осуществить все задачи послевоенного строительства. Коммунистам нужны союзники на патриотической платформе, и поэтому, имея в виду союзников, мы должны себя ограничивать и укрощать. Мы не должны думать, что то, чего хотим мы, хочет также и нация. Чтобы нация поняла наши стремления, ей необходимо дать время подумать»¹¹.

Эти мысли Г. Димитрова оказали влияние на подготовку проектов решения наших отношений после освобождения.

Одним из спорных вопросов был вопрос организации армии на освобожденной территории. В декабре 1944 г. в Восточной Словакии сражался в рамках Красной Армии Чехословацкий армейский корпус (генерал Свобода). Бенеш и Ингр не испытывали достаточного доверия ни к Свободе, ни к его частям, созданным с помощью Красной Армии. Любой ценой они хотели организовать еще другую армию, «подчиняющуюся только правительству», армию, которой бы они могли свободно распоряжаться. Их замыслы были вполне очевидны. Потому-то Ингр и стремился перебазировать свой штаб из Лондона на отечественную почву, потому-то он и посылал десятки своих верных офицеров в Закарпатскую Украину, где генерал Гасал создал командование освобожденной территории. О создании такой тыловой армии возник спор с советскими военными органами, с руководством Чехословацкого армейского корпуса и с коммунистами. Кроме того, в ходе освобождения Словакии с гор спустились словацкие боевые отряды, которые отступили в горы после подавления восстания. Эти вопросы нужно было решить.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Бенеш не любил отказываться от своих планов. Еще 31 декабря 1944 г. он телеграфировал в Москву: «В военных делах ставится принципиальный вопрос: согласится ли СССР с тем, чтобы мы создали на своей территории свою собственную армию, либо он против этого и хочет разрешить существование лишь нашего корпуса и других подразделений исключительно в рамках Красной Армии? Если я правильно понимаю нынешнее состояние спора, он против создания нашей армии и все хочет иметь под своим контролем и командованием. Или эту точку зрения он проводит лишь в Подкарпатье, а в Словакии нам препятствовать не будет?.. Если Гасал должен будет ограничить свою деятельность рамками руководителя миссии, а не командующего освобожденной территорией, мы будем вынуждены этому подчиниться»¹².

Как явствует из этого, Бенеш не считал Чехословацкий армейский корпус «собственной» армией. Ему нужна была такая армия, которую на протяжении целого ряда лет готовило «для родины» командование Ингра. Фирлингер разъясняет Бенешу 1 января 1945 г.: «В настоящее время мы не можем создавать новую тыловую армию, ибо каждый солдат нужен на фронте... Советское командование весьма заинтересовано в том, чтобы фронт как можно скорее получил пополнение... Ваша точка зрения относительно того, что советское командование разрешает существование нашего корпуса и других соединений исключительно в рамках Красной Армии, неверна... Наше соглашение от 8 марта 1944 г. предполагает создание военной миссии с точно определенной функцией, которую она должна выполнять для того, чтобы был обеспечен тесный контакт между советским командованием и делегацией. Гасал, однако, остался при делегации и занимался организацией тыловой армии... Поэтому с нашей стороны соглашение толковалось неправильно»¹³.

В конце декабря в Москве между делегацией СНС и остальными политическими деятелями было достигнуто соглашение о некоторых вопросах организации

¹² З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 497—498.

¹³ Там же, стр. 500.

армии в Словакии. Фирлингер пишет об этом: «На совместном совещании Немеца, Вало, делегатов СНС, Пики, Готвальда и Копецкого был подробно обсужден порядок включения словацких частей в чехословацкую армию. Речь идет о вопросах, которым СНС придает первоочередное значение, причем, правда, всегда довольно последовательно и искренне подчеркивает единство чехословацких вооруженных сил... Угрожала бы опасность принципиального серьезного конфликта по одной из важнейших проблем нашего нового государства... поэтому также было подготовлено совместное предложение... Делегация СНС заявила, что ее эти предложения стопроцентно устраивают»¹⁴.

Генерал Пика 1 января 1945 г. сообщил Ингру в Лондон текст соглашения о военных вопросах, часть которого я цитирую:

«Словацкие и чешские политики обращают, однако, внимание на современную психологию словацкого народа, на его зрелость, на высокое национальное сознание и советуют иметь в виду и подготовить, в том числе и в военном плане, такие мероприятия, которые дали бы возможность словакам уже в самом начале строительства единого чехословацкого государства почувствовать себя вполне равноправными и равноценными гражданами ЧСР, государства, где будет всецело уважаться национальный характер словака-гражданина и словака-солдата.

Весьма правдоподобно, почти наверняка, что СНС будет требовать, чтобы из словацких бойцов были образованы словацкие соединения со словацким служебным языком. Чешские политики рекомендуют, чтобы словацкое национальное самосознание и энтузиазм, вызванный освобождением, были использованы для быстрого сосредоточения всех сил на борьбу против гитлеризма и чтобы тем самым было представлено практическое доказательство признания того, что словацкий элемент является полностью равноценным в борьбе за обновление ЧСР. Имея в виду развитие ситуации в Подкарпатской Руси, а также личные впечатления от общения с добровольцами из числа сло-

¹⁴ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 499.

вацких партизан и пленных словацкой армии, я рекомендую, чтобы главнокомандующий чехословацкими вооруженными силами и чехословацкое правительство (собственно, министерство национальной обороны) инициативно пошли навстречу чаяниям чувствительных в национальном отношении словаков и разрешили создать воинские подразделения со словацким служебным языком в рамках единой чехословацкой армии.

Словацкий солдат, которого мы будем мобилизовывать уже завтра и отправлять на фронт, не должен иметь и тени сомнения, будто бы словацкая речь является непригодной для воинских нужд и будто бы он подчиняется чешским командирам... Ведь если смотреть на вещи практически, то первые воинские подразделения будут создаваться на освобожденной территории Словакии исключительно из словаков, подавляющее большинство которых прошло воинское обучение в словацкой армии...

Я считаю эти временные меры абсолютно необходимыми и легко осуществимыми... Я предлагаю издать следующие общие директивы:

1. Воинские подразделения чехословацких вооруженных сил, организованные преимущественно из представителей словацкой национальности, будут считаться словацкими и будут пользоваться уставом и командами на словацком языке.

2. Официальным и служебным языком в служебном и обычном обиходе в равной степени являются как словацкий, так и чешский языки.

3. Воинские подразделения и более крупные части, организованные в Словакии, должны именоваться в соответствии с традицией словацкой нации таким образом, чтобы в наименованиях передавался национальный словацкий характер.

4. Словацким офицерам, ротмистрам и низшему командному составу в тех случаях, когда они не допускали проступков, порочащих национальное достоинство, и не были добровольными пособниками немцев и предателей, будет сохранено звание, заслуженное ими в словацкой армии. Определение степени виновности целиком находится в компетенции Сло-

вацкого национального совета. Предложения, касающиеся перевода и включения представителей офицерского корпуса бывшей словацкой армии в чехословацкую армию, представляет СНС. Включение чешских офицеров в словацкие воинские подразделения требует согласия СНС.

5. Окончательное уточнение внутреннего армейского устройства будет сделано после войны в рамках вооруженных чехословацких сил.

6. В интересах объединения всех борющихся сил и для использования моральных качеств и боевого опыта партизанских отрядов существовавшие до последнего времени партизанские соединения, части, полки, бригады будут сохранены как единое целое и составят костяк для формирования соответствующего воинского подразделения в рамках армии. Командные права партизанских руководителей будут признаны после соответствующей оценки их способности руководить воинскими частями с учетом успешного выполнения ими командирских обязанностей в партизанском отряде. Для сохранения боевой традиции новые подразделения, формируемые на основе партизанских отрядов, сохраняют исконные партизанские наименования...

7. Новые словацкие воинские подразделения и более крупные подразделения, организованные в Словакии, будут подчинены единому командованию чехословацких вооруженных сил на Восточном фронте, через посредство которого они будут получать приказы главнокомандующего чехословацкими вооруженными силами...»¹⁵.

Пика подчеркивает, что свой проект он предлагает по согласованию с Немцем, Фирлингером, делегацией СНС, Вало, Готвальдом и Копецким. Фирлингер пишет, что все пункты этого соглашения «в общих чертах были приняты в Лондоне и дополнены собственными соображениями, как о том свидетельствует ответ, который подписали министр Масарик от имени министерства национальной обороны и президент Бенеш»¹⁶.

¹⁵ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 504—505.

¹⁶ Там же.

Это соглашение по военным вопросам, суть которого была впоследствии включена в Кошицкую правительственную программу, имело большое политическое значение, особенно потому, что оно разрешило ряд спорных проблем как раз в тот момент, когда Красная Армия начала освобождать Восточную Словакию и на повестку дня встал вопрос организации чехословацкой армии на словацкой территории. Были разрешены вопросы, вызывавшие длительные споры между Лондоном и Банска-Бистрицей, в частности вопрос о включении военнослужащих бывшей словацкой армии в чехословацкую армию, о включении народных вооруженных сил — партизанских отрядов — в регулярную армию и в особенности о включении всех этих и новых подразделений в Словакии в 1-й Чехословацкий армейский корпус, который был создан и воевал в составе Красной Армии. Точка зрения СНС, после опыта на Закарпатской Украине, поддержанная и деятелями КПЧ в Москве, вынудила Бенеша и его военную клику в Лондоне капитулировать и в этом чрезвычайно важном деле. Дальнейшее развитие в Словакии, что касается армии, шло, в сущности, по линии упомянутого соглашения.

Так в начале 1945 г. были выяснены некоторые основные вопросы. Выяснены настолько, что можно было организовывать политическую жизнь на освобожденной территории Словакии. Был выяснен вопрос о Закарпатской Украине с вытекающим отсюда соответствующим выводом о том, что ЧСР будет государством двух равноправных народов — чехов и словаков. Была выяснена ситуация в Словакии и положение ее руководящего органа СНС, отношение СНС к правительственному делегату, вопрос создания и пополнения армии. Правда, все это было выяснено лишь в общих чертах, со многими оговорками со стороны буржуазных партнеров, в особенности Лондона. Поэтому было тем более важно, как будет на практике развиваться ситуация на освобожденной территории.

Проблем в освобожденных округах Восточной Словакии накопилось более чем достаточно. Бои в Северной и Северо-Восточной Словакии происходили упорные и продолжительные. Были опустошены многие

районы (Стропков, Свидник, Снина, Медзилаборце), другие серьезно пострадали, и вся восточная часть Словакии была буквально разграблена отступающими немецкими войсками. Уничтожены деревни, заминированы коммуникации и поля, эвакуировано гражданское население, остро ощущался недостаток продовольствия, повсюду царил развал системы снабжения. Наступление Красной Армии в декабре в этой области замедлилось. Освобожденные словацкие районы оставались фронтовым тылом, и в ведение правительственного делегата, собственно СНС, были переданы лишь в начале февраля 1945 г.

В таких трудных условиях нужно было приступать к восстановлению экономической жизни, создавать новое политическое устройство. Инициативу в этой работе взяли на себя коммунисты, активисты партии в этих районах, делегаты СНС и офицеры из системы политического просвещения 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Повсюду возникают национальные комитеты, местные и районные, которые берут на себя всю ответственность за выполнение тех или иных задач в своих округах. В то время других политических организаций, кроме организаций КПС, здесь не было. О демократической партии вначале попросту не было слышно. Лишь позднее ее начали организовывать. Коммунисты привлекали к работе неорганизованных антифашистов и вместе с ними несли бремя всей работы в первые недели. В этих условиях в некоторых местах (например, в Михаловцах) стали усиливаться сектантские тенденции. Товарищи хотели организовать блок «коммунистов и беспартийных» и с недоверием относились к сотрудничеству с прочими демократическими элементами, в особенности с демократической партией. Это, конечно, сужало платформу национального фронта. Позднее это стало предметом партийной критики.

В целом, однако, партийные работники проводили «повстанческую линию», по крайней мере в том виде, в каком была она известна в этой части Словакии. Авторитет Словацкого национального совета, хотя его органы еще не могли работать на освобожденной территории, повсюду признавался национальными комите-

тами. Я приведу некоторые примеры, характеризующие атмосферу того времени. Районная конференция национальных комитетов в Медзилаборцах направила Словацкому национальному совету следующую телеграмму:

«Районная конференция национальных комитетов в Медзилаборцах обращается к вам, представительному органу словацкого народа, и доводит до вашего сведения, что с сегодняшнего дня демократически избранный временный районный национальный комитет в Медзилаборцах взял на себя всю полноту власти в округе. Мы просим, чтобы вы передали нашему правительству, что население нашего района всецело разделяет идею народной, демократической ЧСР и приложит все свои силы к тому, чтобы оказать свою помощь Красной Армии и, проведя мобилизацию в чехословацкую армию, способствовать приближению поражения фашистской Германии, приближению дня полного освобождения нашей республики. Да здравствует СНС! Да здравствует ЧСР, государство равноправных славянских народов»¹⁷.

Коммунистическая партия Словакии организовала целый ряд конференций и общественных манифестаций, на которых мобилизовывала людей и информировала их о своей позиции. 27 декабря 1944 г. состоялось большое собрание в Михаловцах, где после выступлений М. Фалтяна, П. Давида и представителей деревенских общин была с энтузиазмом принята резолюция, где, кроме всего прочего, содержатся следующие требования: 1) чтобы национальные комитеты конфисковали венгерские и немецкие хозяйства и имущество предателей; 2) чтобы национальные комитеты это имущество взяли под свою охрану; 3) чтобы национальные комитеты это имущество распределяли между бедняками и батраками, прежде всего среди партизан и солдат чехословацкой армии¹⁸.

Подобное собрание состоялось 7 января 1945 г. в Гуменном. Здесь также был выдвинут вопрос о земельной реформе. Председатель районного национального

¹⁷ «Новая свобода», 16 декабря 1944 г.

¹⁸ «Новая свобода», 29 декабря 1944 г.

комитета после выступлений Ю. Маурера и М. Фалтяна сказал: «Словацкий народ будет свободным и равноправным в новой Чехословацкой республике. Если мы хотим устранить все проявления несправедливости, мы должны уже сейчас приступить к этому. Вы, испытавшие на себе всю тяжесть несправедливости, вы, как никто другой, имеете право принять участие в осуществлении главной программы на ближайшее будущее: отобрать землю, по которой текла словацкая кровь, на которой трудились до кровавого пота отцы и деды, выгнать паразитов и дать землю словацким крестьянам. Отобрать землю у венгерских и немецких панов и передать ее в руки словацких крестьян. Эту землю бесплатно получают те, кого более всего угнетали, — мелкие арендаторы, те, сыновья и члены семей которых пали в бою в партизанских отрядах, каждый крестьянин-бедняк»¹⁹.

В Прешове на массовой сходке 24 января 1945 г. народ требовал в резолюции: «Мы хотим жить с чешским народом в единой ЧСР как равные с равными, в государстве, в котором мы будем иметь свой словацкий сейм и словацкое правительство, а вместе с чешскими братьями общий сейм с общим правительством. Внутреннее устройство должно быть демократическим. Поэтому мы приветствуем создание национальных комитетов, которые как представительные органы народа берут дело управления в свои руки и тем самым гарантируют, что воля народа будет выполнена... Имущество венгерских и немецких землевладельцев и словацких предателей должно быть конфисковано и поделено между крестьянами-бедняками и сельскохозяйственными рабочими»²⁰.

В подобном же духе проходили и другие собрания, конференции и совещания на освобожденной территории. Национальные и фабрично-заводские комитеты брали на себя заботу о решении всех общественных вопросов, поскольку еще не существовало единого

¹⁹ Цит. по: И. Яблоницкий. Политическая ситуация в Восточной Словакии с момента освобождения до провозглашения Кошицкой правительственной программы. «Гисторицки часопис», 1963, № 4, стр. 539—540.

²⁰ Там же.

централизованного управления. К первоочередным задачам относилась помощь воюющей Красной Армии, мобилизация в части чехословацкой армии, восстановление производства и транспорта, конфискация имущества врагов и предателей, земельная реформа — словом, обновление политической и экономической жизни на новой, народно-демократической основе.

Во второй половине января 1945 г. Словацкий национальный совет приступает к созданию Первого центра единого управления освобожденной территорией. Полномочная делегация Словацкого национального совета по делам Восточной Словакии создала в Требишове 21 января 1945 г. «учреждения делегации во главе с референтами» (своего рода прообразы министерств) со следующими ведомствами: внутренних дел, сельского хозяйства, промышленности, финансов, школ, судопроизводства, социального обеспечения и здравоохранения, железнодорожного транспорта и общественных работ. Около 10 дней в Требишове существовал зародыш центрального органа освобожденной территории.

После освобождения Кошице (20 января 1945 г.) началась подготовка по перемещению СНС в этот город. Сразу же КПС развернула здесь свою работу под руководством областного секретаря Ю. Маурера. В последнюю неделю в Кошице начала выходить «Правда» — орган КПС. В эти дни в Кошице переместились и органы СНС. 31 января в Кошице состоялась массовая манифестация, в ходе которой от имени СНС и КПС выступили Л. Новомеский, В. Шробар, Й. Вало, Ю. Маурер и инженер Рот. Они информировали общественность о позиции партии и СНС. С 1 февраля 1945 г. СНС — под названием делегация СНС — начал в Кошице свою нормальную деятельность как руководящий национальный словацкий орган. Немец, который взял на себя управление частью освобожденной территории, переданной ему Красной Армией, сообщал в Лондон: «1 февраля я перебрался со своим учреждением в Кошице... 2 февраля я официально встретился с президиумом СНС, чтобы уведомить его о своем прибытии, и договорился о дальнейших мерах. Согласно решению правительства, я передаю управление ос-

вобожденной территорией Словацкому национальному совету и в дальнейшем буду выполнять роль связующего звена между ним, штабом фронта и правительством»²¹. Позднее Немец докладывал: «В моем ведении, однако, останутся контакты с правительством в Лондоне, с Москвой и советским командованием... В моем ведении и в дальнейшем останутся общегосударственные вопросы...»²². Немецу казалось, что все в порядке и что можно опять показывать когти. Под предлогом «общегосударственных вопросов» он вновь начал вмешиваться во внутренние дела Словакии.

Одной из акций, которую инспирировал и поддерживал Немец, было восстановление некоторых организаций социал-демократической партии, прежде всего в Кошице. Коммунисты убеждали социал-демократов, писали в «Правде» об объединении в Банска-Бистрице, однако практически у Немеца и его людей оставались развязанными руки для раздувания раскольнической кампании. Единство рабочего движения вновь было поставлено под угрозу.

Словацкий национальный совет издал 4 февраля 1945 г. «Манифест СНС», в котором разъяснил принципы своей политики. Помимо всего прочего, в нем говорилось:

«Новое государство будет покоем на новых экономических и политических основах. Будет искоренено влияние немцев, венгров и их словацких прислужников, так же как и всех антисловацких элементов в нашей экономике. Будут осуществлены коренные социальные реформы. Будет на практике осуществляться единственно справедливое правило: землю тем, кто ее обрабатывает. У нас не будет больше тысячектарных поместий, не будет и тщетно мечтающих о земле безземельных крестьян. Землю наконец-то получают в свои руки и крестьяне-бедняки и батраки. Рабочие станут участвовать в управлении предприятиями, на которых они трудятся, ибо будет справедливо, если решение о ценностях, созданных трудом, будет принадлежать всем, кто участвовал в их создании. Мы на-

²¹ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1942, стр. 578.

²² Там же, стр. 579.

ционализируем предприятия, имеющие ключевое значение для нашей экономики. Производящие, торговые и финансовые учреждения будут служить на благо народа, а не отдельным привилегированным лицам. В новой Чехословакии будет полностью осуществлен записанный в конституции ЧСР принцип, согласно которому источником власти является сам народ. Органами народной воли станут национальные комитеты, свободно избранные в местных, районных и общенациональных рамках. Прежняя многопартийная система не будет восстановлена. Будет существовать лишь действительно необходимое количество демократических партий с тем, чтобы население имело возможность выбирать таких политических представителей, которые отвечают его демократическому мышлению. Религиозное вероисповедание людей и свобода его отправления будут находиться под охраной закона. Мы не допустим, однако, чтобы под прикрытием религии реакционеры и фашисты оказывали влияние на ориентацию и управление государством»²³.

Словацкий национальный совет начал 4 февраля издавать свой печатный орган «Национальное возрождение». Демократическая партия стала издавать собственный печатный орган «Демократ» лишь с 4 марта 1945 г. Кроме этих трех журналов (первой была «Правда»), партийные органы или органы районных национальных комитетов издавались и в округах.

Работы на всех участках было много. Поэтому делегация СНС восстановила ведомства уполномоченных, созданные в период восстания, и 7 февраля назначила на соответствующие посты следующих лиц: 1) внутренние дела — Я. Пулл и Ш. Кочвара; 2) сельское хозяйство — М. Фалтян и Я. Урсини; 3) промышленность и снабжение — инженер П. Затько; 4) финансы — Т. Тварожек; 5) школьное образование — В. Шробар; 6) юстиция — И. Штефаник; 7) социальное обеспечение — Ф. Вашечка; 8) здравоохранение — В. Турцо; 9) транспорт — К. Фило; 10) общественные работы — Й. Стык; 11) почта — Ф. Ком-

²³ Я. Леттрих. О Словацком национальном совете. Братислава, 1945, стр. 45.

зала. Как мы видим, в первых двух ведомствах, которым обе партии придавали большое значение, было по два уполномоченных (один от КПС, второй от ДП). В таком составе эти учреждения работали до 21 февраля 1945 г. До этого же времени Словацкий национальный совет выступал как «полномочная делегация».

Органы Словацкого национального совета в целом продолжали проводить «повстанческую линию». На первый план, однако, выступает требование земельной реформы, национализация промышленности и т. п. Но к реализации этих требований пока что практически не приступали.

Борьба против нацизма продолжалась. Наиболее неотложной была помощь фронту, помощь Красной Армии и чехословацкой армии. Словацкий национальный совет 8 февраля 1945 г. объявил мобилизацию населения в 1-й Чехословацкий армейский корпус. Ожидалось, что таким образом будет призвано 12 тысяч солдат. Однако мобилизация резервистов была недостаточно хорошо организована, слабо пропагандировалась. Районные и городские национальные комитеты, загруженные другими проблемами, не уделяли этому вопросу должного внимания. Отсюда результаты мобилизации были неудовлетворительными. Эту сторону дела, добиваясь исправления положения, критиковало и командование IV Украинского фронта. Поэтому Словацкий национальный совет объявил 27 марта новую мобилизацию, более широкую, по которой в армию призывались возрасты, начиная с 1910 и кончая 1926 годом рождения. Эта акция была уже лучше подготовлена и всячески пропагандировалась.

В целом до конца марта на территории Словакии в 1-й Чехословацкий армейский корпус вступило около 20 тысяч человек, в составе которого они затем продвигались до самой Праги.

Одной из проблем, которая не возникла в ходе Словацкого национального восстания, был вопрос о южных землях с преимущественно венгерским населением. Как известно, Бенеш и чехословацкое правительство в ходе войны вели переговоры с союзниками о выселении немецкого и венгерского населения из Чехословакии. Идея национального государства чехов

и словаков все более укоренялась и в среде московской эмиграции. Советские руководители поддерживали эту идею. Фирлингер телеграфировал 16 января 1945 г. в Лондон: «Молотов наконец вновь возвратился к нашему требованию о выселении. Он шутя говорит о том, что же станет с венгерскими гражданами, которых не любят чехословаки? Он за то, чтобы проект был принят. В любом случае необходимо, чтобы союзники серьезно занялись этим вопросом... Молотов вновь выразил с чувством симпатии свою позицию по вопросу об обмене населения...»²⁴.

Во время посещения делегацией СНС Лондона и Москвы была уже единая позиция в том, что будет иметься в виду выселение и венгерского населения. Поэтому ни КПС, ни СНС не создавали или не допускали создания национальных комитетов в деревнях и районах, где большинство населения составляли венгры. Там были назначены административные комиссии и комиссары. Национальная дифференциация проходила постепенно по всем линиям. Одновременно с освобождением Словакии возникала и возрастала проблема венгерского меньшинства в Словакии, проблема его судьбы и его национальных прав.

Так в течение февраля в Кошице возник временный партийный и национальный центр, который стремился руководить национальными комитетами и решать проблемы на освобожденной территории.

²⁴ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 544.

32. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С конца января 1945 г. я почти три недели провел в Москве. В это время проходили переговоры о будущих отношениях в Чехословацкой республике, о новом правительстве и его программе, о положении Словакии. Из руководства КПС и СНС я был в Москве один, и таким образом я почти ежедневно принимал участие в переговорах по этим вопросам. Припоминаю прежде всего переговоры о создании нового правительства.

Как вспоминает Б. Лаштовичка, «советское предложение о возвращении правительство с самого начала объясняло неправильно. Когда Шрамек сообщал о нем, он сделал это, самолюбиво заявив: «Мы получили приглашение от советских руководителей... приглашается правительство, а не наши московские коммунисты или граждане из Банска-Бистрицы. Президент полагает, что правительству следует выехать на освобожденную территорию в полном составе, правда, в место, где правительство сможет исполнять свои обязанности». Шрамек вложил в свои слова как можно больше презрения к коммунистам и СНС — «гражданам из Банска-Бистрицы». Он радовался тому обстоятельству, что советские руководители приглашают правительство возвратиться в полном составе без условий и даже без процедуры отставки. Он и члены правительства объясняли себе это таким образом, что для Советского Союза очень важно, чтобы они приняли приглашение, и из этого они делали вывод о том, что Советское правительство вряд ли поступило бы так, если бы оно было уверено в других возможностях. Рипка рассказывал, что президент уже принял приглашение, но сообщил, что «мы хотим

только на освобожденную территорию, где будет специально гарантировано то, что президент и правительство будут иметь связь с миром»¹. Итак, он предлагал Советскому правительству условия.

В январе, однако, началось наступление в Польше, Советская Армия разбила немецкие позиции и вышла к самому Одеру. Бенеш и правительство изменили свою позицию и начали в спешном порядке вести переговоры. Уже 22 января Бенеш предложил создать новое чехословацкое правительство во главе с Носеком, представителем КПЧ в Лондоне.

24 января в Москву пришло сообщение Носека, в котором он просил: «Выясните, находится ли город Кошице в таком состоянии, чтобы туда могли прибыть Бенеш, и новое правительство, и хотя бы основной состав некоторых министерств»².

30 января Бенеш телеграфировал Готвальду: «В связи с решением о том, что настало время, чтобы я и правительство как можно скорее были на освобожденной территории и чтобы мы для этого провели все соответствующие мероприятия, я начал переговоры о создании первого правительства страны... Я начал переговоры с коллегой Носеком от коммунистов и продолжил на другой день со Шрамеком от народной партии. В последующие дни я буду вести переговоры с остальными группами... Я как раз посылаю каблогамму Словацкому национальному совету, где информирую его о ходе переговоров и прошу сформулировать мне его точку зрения, а также то, как он себе представляет свое представительство в правительстве... Я хотел бы в переговорах о новом правительстве продвинуться как можно дальше и, как только будет возможно, сделать все важное до отъезда из Лондона...»³.

Словацкому национальному совету 30 января Бенеш писал: «1. Я сообщил уже в Москву и сообщаю также вам, что нами сделано в соответствии с наши-

¹ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 471.

² З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 567.

³ Там же, стр. 568.

ми московскими решениями об отъезде президента и правительства на освобожденную территорию. Я хотел бы, чтобы отъезд осуществился как можно скорее. 2. Эмигрантское правительство перед своим отъездом подаст в отставку, и хотя ему будет вверено руководство правительственными делами вплоть до создания правительства на территории страны, наша цель состоит в том, чтобы немедленно, на второй или третий день по приезде в Кошице, было назначено первое правительство страны... 3. Поэтому уже сейчас мы приступаем к переговорам о создании нового правительства, и я хотел бы еще в Лондоне, насколько это представляется возможным, все подготовить, чтобы в стране не было длительных переговоров и главным образом чтобы не возникло никаких осложнений... Правительство будет состоять из партий Национального фронта, то есть из коммунистов, социал-демократов, чешских социалистов, лидовцев и чехословацких аграриев, а также из делегатов СНС, которые в правительстве будут представлять Словакию. 4. Итак, я прошу, чтобы СНС сообщил мне свою точку зрения и предложил своих кандидатов с пожеланиями, которые они считают необходимыми... Словаки будут представлены в правительстве пропорциональным количеством мест в соответствии с числом жителей...»⁴.

1 февраля 1945 г. в Москву пришла депеша от Носека, в которой он информировал о переговорах с Бенешем. Кроме прочего, в ней говорилось: «...одной из главных задач будет достижение ясного соглашения между словаками... мы подчеркивали, и Бенеш придерживается того же мнения, что все должно быть согласовано в окончательном виде, вплоть до личных бесед с вами и СНС»⁵.

Здесь были в целом три группы партнеров: представители чехословацкой эмиграции в Лондоне (прежде всего Бенеш и его люди), затем представители чехословацкой эмиграции в Москве (прежде всего КПЧ) и СНС, который лишь один вел работу на территории

⁴ Там же, стр. 569—570.

⁵ З. Фирлинггер. На службе ЧСР, т. II, стр. 571.

страны и представлял Словакию. Словацкая эмиграция в Лондоне при переговорах вообще не принималась во внимание.

Тактика Бенеша была очевидна: остаться с правительством в своем лондонском окружении, обеспечить себе в нем большинство своих сторонников и по возможности ключевые министерства и с таким активом возвратиться домой. Об этом свидетельствует, во-первых, меморандум национально-социалистической партии, предложенный Бенешу 31 января с подобными пожеланиями⁶, и сама телеграмма Бенеша от 14 февраля, в которой говорится: «Правительство создадут коммунисты, социал-демократы, чешские социалисты, лидовцы и аграрии. Согласно дискуссии, проходившей в предшествующий период, в правительстве, очевидно, были бы два чехословацких социалиста, два лидовца, два чешских агрария... четыре словака (два левых и два правых), один беспартийный (Масарик)... Участие коммунистов и социал-демократов в количественном отношении будет согласовано в Москве»⁷. Так как у Бенеша были «свои» социал-демократы, которые ему с преданностью служили (Немец, Бечко и другие), он был уверен в своем большинстве.

Готвальд хорошо понимал эту тактику. Сила Бенеша состояла в его лондонском «государственном устройстве», которым он полностью овладел, в лондонской атмосфере. Чем ближе к дому, к освобожденной территории, тем слабее становились позиции буржуазных партий, в освобожденной Словакии они были самыми слабыми. Для Готвальда шла речь не о пополнении правительства новыми именами, а о качественно ином правительстве, чем то, которое находилось в Лондоне, об иной программе, приемлемой для народа.

Поэтому Готвальд в ответе Бенешу от 2 февраля подчеркивает, что переговоры Бенеша в Лондоне «могут быть лишь предварительными», и предлагает, «чтобы президент вместе со своими ближайшими со-

⁶ См. Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны, Прага, 1961, стр. 481.

⁷ З. Фирлинггер. На службе ЧСР, т. II, стр. 581.

трудниками, а также с лондонскими представителями от имеющихся политических групп тотчас прибыл в Москву. Здесь представители лондонской и московской групп Сопротивления за границей, а также ответственные представители Словакии смогли бы под председательством президента обсудить все программные и частные вопросы нового правительства. Кроме того, президент мог бы переехать на освобожденную территорию и там немедленно назначить согласованное в Москве правительство»⁸.

Готвальд хорошо знал о «популярности» Бенеша в Словакии и об отношении СНС к его правительству. Поэтому не без иронии он пишет: «В случае, если бы могли возникнуть возражения против того, чтобы переговоры о новом правительстве происходили в Москве... мы, разумеется, ничего не имеем против того, чтобы переговоры были перенесены тотчас же прямо на родину»⁹. Родиной была Словакия, земля, горящая под ногами у лондонских руководителей... Чтобы не возникло недоразумений по поводу позиции КПЧ, Готвальд со всей ясностью пишет Носеку в телеграмме от 4 февраля: «Прежнее правительство должно сложить свои функции в Лондоне, а на освобожденной территории тотчас должно начать работу новое правительство... Прежнее как таковое не должно возвратиться в республику»¹⁰.

Бенеш, не видевший иной возможности, принял это предложение. Это, правда, не вызвало радости у тех министров и деятелей, которые не должны были ехать в Москву и таким образом исключались из переговоров. Международное положение, в особенности ситуация вокруг эмигрантских правительств Югославии и Польши, вынуждало к скромности лондонских представителей, привыкших в течение ряда лет «легально» представлять Чехословацкую республику. Как пишет Лаштовичка, «когда происходил обмен телеграммами между Бенешем и Готвальдом, когда в Лон-

⁸ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II, стр. 572.

⁹ Там же, стр. 572.

¹⁰ Там же, стр. 574.

доне решался вопрос о принятии предложений Готвальда, перспективы были настолько мрачными, положение было настолько безнадежным, что Бенеш и его верные люди внутренне капитулировали»¹¹. Они капитулировали и по вопросу об аграриях. 15 февраля Бенеш получил письмо от представителей трех партий, в котором «социалистические партии отказываются вести переговоры здесь, за границей, по каким-либо вопросам с группой, возникшей из представителей различных составных частей бывшей республиканской партии»¹². Таким образом, из рук Бенеша был выбит один козырь.

14 февраля Бенеш сообщает в Москву: «Согласно нынешним условиям, мы будем готовы вылететь из Лондона в Москву, а затем домой приблизительно 23 февраля». А в адрес словаков он замечает: «По поводу основных военных требований словаков я уже дал согласие в том смысле, который был передан в деталях Пике»¹³. Лондонская глава окончилась, тамошнее государственное чехословацкое устройство вступило в стадию ликвидации; Бенеш, его концепция и политика терпели за последние полгода одно поражение за другим. Новый этап чехословацкой политики, начавшийся в период Словацкого национального восстания, должен был получить отчетливое выражение и формулировку в Москве.

Вместе со Словацким национальным восстанием начался новый период в жизни нашего народа. Важное значение имела оценка приобретенного опыта, продолжение его, а также углубление национально-демократической революции. По этим вопросам у нас в Москве были беседы с К. Готвальдом и другими. По просьбе К. Готвальда 5 февраля я написал сообщение (около 30 страниц) о положении в Словакии, о подготовке и ходе Словацкого национального восстания. Я писал его поспешно, без приукрашивания, в том виде, как у меня запечатлелись события. Я передал его

¹¹ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 479—480.

¹² Там же, стр. 483.

¹³ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II, стр. 582.

Готвальду. По прошествии многих лет, безусловно, можно в него кое-где внести коррективы.

В результате многочисленных бесед стало совершенно ясно, что К. Готвальд не только согласен с концепцией и линией Словацкого национального восстания, но и высоко оценивает работу КПС в подполье и в период Словацкого национального восстания, всю борьбу словацкого народа. У него не было критических замечаний, не было существенных вопросов, по которым он упрекнул бы руководство коммунистической партии. Мое сообщение он изучил со вниманием, и мы дискутировали с ним об отдельных возникавших словацких и чешских проблемах.

Следует сказать, что в это время народы оценивались по их боевому вкладу в антифашистскую борьбу. Таким же образом оценивались и партии — в особенности в Москве, в сердце государства, народ которого принес самые тяжелые жертвы и потерпел самый большой материальный ущерб. В международном коммунистическом движении особенно высоко оценивалось то, как та или иная партия смогла вести народ на активную и вооруженную борьбу против нацизма: это было главным критерием успеха или неудачи партийной и массовой работы. В этом смысле давалась высокая оценка героической борьбе словацкого народа в период Словацкого национального восстания и после него, а также роли КПС в этой борьбе. В кругах, с которыми я вошел в соприкосновение в Москве, это было всеобщим мнением. И К. Готвальд не был исключением. Война внесла пафос и в журналистику и в политический лексикон: такие слова, как «героический», «славный», «исторический», в сочетании со всевозможными превосходными степенями применялись на каждом шагу. Так говорили и о Словацком национальном восстании в среде коммунистов и другой чехословацкой эмиграции в СССР.

Позиция Словакии после решения народа Закарпатской Украины определить свою судьбу вне пределов Чехословацкой республики усилилась. В Москве и Лондоне приветствовали желание словацкого народа жить в общем государстве с чешским народом: с радостью воспринимали заявления руководителей КПС

и СНС по этому поводу. Хотя с момента восстания не было сомнений и колебаний среди руководящих кадров КПС и СНС по этому вопросу, однако у многих чешских руководящих деятелей существовали опасения по поводу того, чтобы Словакия не искала иного пути, чтобы она при удобном случае не поглядывала в том же направлении, что и Закарпатская Украина. Мы не искали другого пути, мы даже не помышляли о нем, хотя в ходе восстания мы высказывали в адрес Бенеша также и такую возможность. Руководство коммунистической партии серьезно и честно прилагало усилия для решения всех национальных, экономических и культурных проблем Словакии в рамках единого государства с чешским народом.

Чехословацкие коммунисты в Москве жили в то время — февраль 1945 г. — под впечатлением точки зрения Г. Димитрова в отношении Чехословакии: у огромного большинства товарищей, с которыми я беседовал, была идея о федеративном решении государственно-правового устройства Чехословацкой республики. Это было коммунистическим решением, по примеру СССР, по этому пути пошла в то время уже и Югославия. Лучшего решения никто не знал. Руководство Коммунистической партии Словакии в период восстания практически отстаивало эту точку зрения, хотя термин «федерация» мы не использовали, имея в виду Лондон. Так полагал в период восстания Шверма, с этим мнением я встретился и в Москве.

И Готвальд в то время был в принципе за федеративное решение. В беседе со Сталиным (23 января 1945 г.), когда, помимо прочего, велась дискуссия по основным вопросам политики партии в период освобождения и в последующий период, Сталин советовал К. Готвальду проявлять максимум осторожности и тактичности при решении словацкого вопроса, как я услышал тогда в Москве; он, однако, советовал считаться и с Бенешем, достигнуть договоренности с ним, как с президентом. После осложнений вокруг польского вопроса, когда разрыв с польским эмигрантским правительством в Лондоне оказывал весьма отрицательное воздействие и на совместные действия с западными союзниками, Сталин хотел избежать ана-

логичных проблем и осложнений с Бенешем и его правительством, тем более что это было единственное эмигрантское правительство, заключившее союзнический пакт с СССР. С Бенешем было необходимо договориться еще и потому, что такое соглашение в отличие от польской ситуации было все же возможно.

Договориться с Бенешем и буржуазными кругами, которые он представлял, означало в определенной мере учитывать его точку зрения и взгляды, считаться с их политическим влиянием в стране, особенно в чешском народе. Не секрет, что Бенеш имел в чешском народе — не у словаков — значительное политическое влияние и существенный вес. С этим фактором Готвальд считался при решении национального и других вопросов; из этого он исходил, когда обдумывал принципы политики партии в период после освобождения: он готовился к длительной борьбе.

Позиция Бенеша по словацкому вопросу была позицией чешской националистической буржуазии. За годы домюнхенской официальной политики, однако, она глубоко укоренилась и в массах чешского народа, наконец, и социал-демократия оставалась на этой неправильной позиции. Готвальд был в душе за федеративное решение, но он опасался того, как к нему отнесутся в чешских областях, где нацистская оккупация усилила национальные чувства, а поведение людацких клерикалофашистов усилило и антисловацкие настроения. Готвальд опасался, что Бенеш и его круги могут использовать в шовинистической кампании федеративное решение национального вопроса у нас против КПЧ. Эти опасения усиливал В. Копецкий, у которого уже в то время прорывались шовинистические тенденции. Однажды в беседе с Готвальдом и со мной он увлеченно защищал концепцию Бенеша об областных национальных комитетах для Чехии, Моравии и Словакии, попросту говоря, административный принцип. По этому вопросу мы вели значительные споры. Готвальд его оборвал: он признавал доводы в пользу федеративного решения, но его мучил вопрос о том, что будет в чешских областях: «Вы уже знаете, что у вас в Словакии происходит, развитие можно в достаточной степени оценивать положительно, а мы не знаем,

что нас ждет дома среди чешского народа, какими позициями располагает Бенеш, как народ примет нас и нашу позицию, какие кадры мы найдем в стране». Это, вероятно, означало, что словаки должны принимать во внимание и образ мыслей чешского народа.

Словацкие коммунисты выступали за федеративное решение. Готвальд не противился ему, я бы скорее сказал, что он его принимал. Но он еще медлил, он хотел еще над этим подумать. Так обстояло дело при моем отъезде из Москвы.

Позиция Словакии в это время была важна и потому, что там, к сожалению, была единственная освобожденная территория Чехословацкой республики и что в конце концов на эту территорию не могли прибыть президент и правительство без соглашения со Словацким национальным советом. Это соглашение было безусловно необходимо, чтобы не могли возникнуть серьезные конфликты. Обстановка давала возможность коммунистической партии — в результате ее влияния в народных массах на освобожденной территории и в результате ее позиции в ЧСР — тотчас проводить в жизнь, на практике на освобожденной территории те политические, экономические и социальные мероприятия национально-демократической революции, которые предстояло продискутировать с Бенешем и лондонскими представителями в качестве принципов программы нового правительства. Ситуация на освобожденной словацкой территории позволяла углублять национально-демократическую революцию, не ожидая этих переговоров, без оглядки на Бенеша, не принимая во внимание его взглядов. Наши беседы с Готвальдом сводились к тому, чтобы фактическое и правовое решение основных проблем на освобожденной территории Словакии явилось важным аргументом при решении этих проблем на обсуждении с лондонскими деятелями «правительственной программы».

В политической литературе часто идеализировались обстоятельства, связанные с Кошицкой правительственной программой: кто и когда разработал проект, как проект был предложен представителям политических партий и как его потом отстаивали — все это представлялось упрощенно и примитивно. Типично в

этом смысле описание в книге В. Копецкого того, как возникла «историческая, славная Кошицкая программа»¹⁴. Почти все проблемы, поднятые в ней, уже длительное время обсуждались и между лондонской и московской эмиграцией, Банска-Бистрицей и Лондоном, чешскими и словацкими коммунистами. Целый ряд вопросов уже был решен положительно (существование словацкого народа, положение СНС, делегата правительства, достигнуто соглашение о создании армии в Словакии), а в Словакии уже достигнут практически (положение национальных комитетов, распоряжение имуществом врагов и изменников, земельная реформа, органы безопасности и т. д.). Когда Готвальд в феврале 1945 г. готовил проект правительственной программы, он прежде всего учел уже достигнутые результаты и соглашения, уже имевшиеся достижения в Восточной Словакии и распространял это на всю территорию государства; таким образом, разрозненные проблемы объединялись в одном документе. Мне казалось, и не только мне, что, с точки зрения коммунистов, программа была скорее умеренной, чем боевой, на ее содержании сильно отразилась необходимость достигнуть соглашения с Бенешем и политическими силами буржуазного лагеря.

В беседах с Готвальдом мы главным образом обсуждали, насколько далеко мы можем заходить в Словакии при решении отдельных вопросов, чтобы словацкий козырь оказался решающим на совещании с лондонскими деятелями, какие границы не следует переходить, чтобы не нарушить планов общегосударственного соглашения с Бенешем.

В связи с этим мы подробно обсудили еще целый ряд проблем и вопросов, которые я затем на основании письменных заметок, сделанных во время бесед с Готвальдом, включил в программу действий Коммунистической партии Словакии в докладе на рабочей конференции КПС в Кошице 28 февраля 1945 г. Положения, приводимые в докладе, или вытекали из предложений Готвальда, или явились результатом совместного обсуждения. По некоторым вопросам я при-

¹⁴ В. Копецкий. ЧСР и КПЧ. Прага, 1960, стр. 379 и др.

нял предложения Готвальда без особой охоты: прежде всего о земельной реформе. Польша, Венгрия, Болгария и Югославия пошли по пути генеральной земельной реформы, так же ставили вопрос и мы во время восстания. Готвальд настаивал на том, чтобы на данном этапе были конфискованы и разделены лишь поместья, принадлежавшие немцам и венграм, и земли изменников; он выдвигал требование не трогать владений церкви и поместья «не скомпрометировавших себя» чехов и словаков. В Словакии ощущался земельный голод. Я указывал на то, что большая часть поместий расположена на территории, где проживает венгерское меньшинство, но Готвальд считал, что, поскольку венграм земля не будет роздана, ее нельзя тотчас разделить. Кроме этого, в Словакии свыше 100 тысяч гектаров земель находилось под церковными поместьями; католическое духовенство достаточно скомпрометировало себя сотрудничеством с режимом Тисо, разделение их владений способствовало бы демократизации католического лагеря. Но Готвальд настаивал на своем, учитывая ситуацию в Чехии. Он принимал во внимание выселение немецкого и венгерского населения и рассчитывал, что земельный голод будет удовлетворен за счет пограничных областей. В конце концов я принял его точку зрения с тем, что в зависимости от развития событий мы вернемся к вопросу о всеобщей земельной реформе. И на родине мы действовали в соответствии с этим.

Аналогичным образом стоял вопрос о капиталистической собственности в промышленности, банках, торговле и т. п. Готвальд и здесь настаивал на том, что надо идти по линии конфискации имущества врагов и изменников. В беседах с ним и с другими я впервые столкнулся с продуманной концепцией «национального государства чехов и словаков», из чего потом вытекало и отношение к немецкому и венгерскому меньшинству, вскоре после этого сформулированное в Кошицкой правительственной программе. Вначале я сомневался в правильности такого решения с точки зрения коммунистической национальной политики. В Москве меня, однако, убедили, что эту точку зрения разделяют и советские руководители; тогда я принял

концепцию «национального государства» со всеми вытекающими из нее последствиями.

О проекте и структуре Национального фронта дискутировалось немало. Во время восстания руководство нашей партии принимало во внимание, что мы созовем съезд национальных комитетов, который изберет новый Словацкий национальный совет и решит государственно-политический вопрос в Словакии. Из этой перспективы должен был исходить проект и Национального фронта.

Ситуация в Словакии, ее развитие во время восстания и на освобожденной уже территории позволяли сосредоточить ее демократические силы под непосредственным руководством партии.

Наиболее массовая партия словацкой буржуазии — СНПГ — скомпрометировала себя и была запущена; другая буржуазная партия — ДП — была еще слаба, не укоренилась в сознании масс, в организационном отношении делала лишь первые шаги; социал-демократия объединилась с КПС. Коммунистическая партия имела возможность непосредственно руководить демократическими силами. Иной была ситуация в чешском лагере. Национальный фронт был сформирован за границей из эмигрантских групп, которые не смогли правильно определить свое возможное положение дома. Необходимо было договориться с Бенешем. Готвальд исходил политически из возможности союза четырех чешских партий (КПЧ, социал-демократов, национальных социалистов и лидовцев), которые могли стать правящими партиями после освобождения. Это исключало руководящее политическое положение КПЧ: практически речь шла о коалиции четырех политических партий, хотя в социальном отношении основа Национального фронта была сформулирована как блок рабочих, крестьян, интеллигенции и части буржуазии. Чешская буржуазия все еще надеялась, что освобождение Чехии придет с Запада. И это усиливало ее сопротивление коммунистическим проектам.

Эта концепция НФ, характерная для отношений в чешском лагере эмиграции в начале 1945 г. (понимание той и другой стороной необходимости союза Бе-

пеш — Готвальд), оказала влияние на концепцию НФ и в Словакии. Готвальд подчеркивал в разговоре со мной, что партия не должна провозглашать свою ведущую роль в Национальном фронте, хотя, естественно, будет стремиться обеспечить рабочему классу фактическое руководство в государстве. В заключение дискуссии мы пришли к выводу, что политическую базу НФ Словакии должны составлять КПС и ДП, причем в НФ должны быть и массовые организации, главным образом профсоюзы и союз крестьян, через которые партия может усиливать свое политическое влияние. Правда, коалиция 4 чешских политических партий в эмиграции — без договоренности об участии профсоюзов и крестьянского союза — имела впоследствии отрицательное влияние на отношение ДП к концепции НФ в Словакии: ДП — по чешскому образцу — настаивала на переговорах двух политических партий, на их взаимном сотрудничестве и союзе и под этим влиянием не соглашалась с участием профсоюзов и крестьянского союза в НФ. Московские переговоры придали Национальному фронту общегосударственный характер с той лишь разницей, что в чешских землях было четыре партии, а в Словакии — лишь две. Мнение Готвальда я привел на конференции в Кошице как линию партии. Различие в экономической степени развития и социальном составе населения, а также различия в политическом развитии между Словакией и чешскими землями были настолько значительными, что, как показали события позже, этот путь для Словакии был более сложным, трудным и болезненным. Мы, однако, принимали во внимание преобладание чешского народа в республике. Необходимо было во всем государстве идти в принципе одним путем.

Что касается партии, Готвальд считался с тем, что в результате различных условий необходимо будет иметь на какой-то период две самостоятельные в организационном отношении коммунистические партии — Коммунистическую партию Чехословакии и Коммунистическую партию Словакии, — с тем, что на родине будет достигнуто общегосударственное руководство ими. Путем кооптации нужно расширить сложившееся во время восстания руководство КПС; из

венгров принимать в партию лишь старых членов, новых пока не брать. Готвальд настаивал на более строгих критериях при приеме новых членов партии еврейского происхождения — по классовым соображениям. Что касается попытки некоторых социал-демократов обновить свою старую партию, то он советовал поддерживать достигнутое единство рабочего движения, как политического, так и профсоюзного; основать единый Союз словацкой молодежи. Комсомол не обновлять, стремиться к созданию единых кооперативных, спортивных и других организаций.

Было очень важно укреплять власть народа в национальных комитетах, в Словацком национальном совете, в массовых организациях, на заводах, при проведении земельной реформы, в аппарате госбезопасности, с тем чтобы народ чувствовал, что он хозяин, чтобы он поддерживал политику нашей партии.

Позиции словацкой буржуазии в это время были довольно слабые, ее представители в национальных органах находились под влиянием условий на освобожденной территории, авторитета и инициативы КПС. Готвальд хотел использовать это при переговорах с Бенешем и лондонскими деятелями, поэтому он предложил, чтобы Словакию на переговорах представляли не две партии (КПС и ДП), а единая делегация Словацкого национального совета, чтобы словацкие коммунисты в рамках одной делегации держали в узде деятелей ДП, делали невозможным общее маневрирование чешской и словацкой буржуазии и чтобы таким образом на переговорах был создан общий блок: КПЧ, СНС и левые социал-демократы. Он предполагал, что главное сопротивление будет оказано со стороны национальных социалистов и лидовцев. Словакия в переговорах станет сильным козырем прогрессивных сил. На московские переговоры должна была поехать делегация СНС из шести членов.

Что касается руководства КПС, то Готвальд согласился с тем, чтобы я в отсутствие Шмидке в качестве его избранного заместителя стоял во главе Коммунистической партии Словакии. Он предложил, чтобы со мной в Кошице поехал Э. Фриш, который провел годы войны в Москве и работал на радио, с тем что-

бы исполнять в КПС функцию политического секретаря. Я согласился. Э. Фриш вместе со мной принимал участие в последнем, заключительном этапе переговоров с Готвальдом.

Из Москвы мы вылетели 18 февраля 1945 г. и должны были сесть в Кошице. Однако аэродром оказался уничтожен, и опытный советский пилот приземлился на аэродроме в Дебрецене, где был центр нового венгерского правительства. На следующий день мы прилетели в Прешов, а оттуда в Кошице. Мы были там 20 февраля.

* * *

Мы встретились с товарищами, которых не видели месяцами, а Фриш — долгие годы. На совещании руководящих партийных работников вечером того же дня (в нем участвовало около 15 человек: Новомеский, Вало, Пулл, Фалтян, Павлик, Вашечка, Шолтес и другие) мы информировали о беседах с Готвальдом, о задачах, которые стоят перед нами, и обсуждали ситуацию в Восточной Словакии.

Коммунистическая партия фактически была единственной политически организованной силой на освобожденной территории; ее члены и активисты благодаря своей инициативе, целеустремленности, а также по своему численному составу являлись движущей силой в национальных комитетах, на заводах, во всей обновленной общественной жизни. Освобожденная территория была разделена по двум фронтам (восток — IV Украинский фронт, юг — II Украинский фронт), часть территории была фронтовой полосой, коммуникации были разбиты, плохо было со связью, так что во многих районах товарищи в ряде вопросов действовали изолированно, по-разному понимали некоторые вопросы, по-разному осуществляли их на практике.

Были неясности по вопросу о Национальном фронте, об отношении к демократической партии, к неорганизованным гражданам, к бывшим социал-демократам, были также неясности по вопросу о венгерском меньшинстве, некоторые товарищи неправомерно выдвигали также украинский вопрос в Словакии, вопрос о земельной реформе и т. д. Имелись недостатки в ока-

зании помощи фронту и в вопросах усиления нашего участия при освобождении республики, в связи с чем советские органы проявляли озабоченность, и, само собой разумеется, было много недостатков в восстановлении хозяйственной жизни страны.

Партия устраняла эти недостатки, проводя совещания и конференции (например, 11 февраля в Сабинове и Кежмарке, 13 февраля в Прешове и т. д.); руководство Коммунистической партии Словакии, однако, не издало единого документа о своей политике и ближайших целях, в некоторые районы партийная печать не поступала или же поступала с запозданием. Возникла необходимость правильно ориентировать всю партию на освобожденной территории, дать ей единую линию по всем принципиальным вопросам, укрепить единое руководство партии и довести ее линию до каждой организации, до каждого члена партии. Поэтому руководство Коммунистической партии Словакии на своем совещании 21 февраля решило созвать в Кошице рабочую конференцию всей освобожденной территории на 28 февраля — 1 марта 1945 г., чтобы делегаты могли обсудить и освоить генеральную линию партии и потом проводить ее на всей территории. На этом совещании были кооптированы в ЦК и руководство партии некоторые товарищи и проведены некоторые назначения: ввиду отсутствия К. Шмидке (он был еще в Братиславе, в Кошице приехал лишь 12 апреля) я был уполномочен руководить Коммунистической партией Словакии; на должность политического секретаря ЦК был назначен Э. Фриш, оргсекретарем стал К. Бацилек; одновременно было решено провести некоторые изменения в руководстве Словацкого национального совета. В процессе подготовки к конференции КПС нужно было ускоренно решать ряд вопросов.

Я уже говорил о деятельности некоторых лиц, которые начали проводить обновление организаций социал-демократической партии. При внимательном рассмотрении оказалось, что за всей этой акцией стоят правительственный делегат Немец и некоторые люди из его аппарата, которых он привез из Лондона. Они не признавали объединения, достигнутого в Банска-Бистрице, вели против него интриги и через по-

средство своих марионеток выдвигали невыполнимые условия для «повторного объединения». С этими раскольническими действиями необходимо было решительно покончить. Мы провели разъяснительную работу среди членов социал-демократических организаций и привлекли их на сторону единого рабочего движения. После этих политических приготовлений 25 февраля в Кошице собралась конференция социал-демократических организаций Восточной Словакии, в которой участвовала и делегация КПС (Гусак, Фриш, Чулен, Комзала), а также Лаушман, который тогда поддерживал идею объединения. Конференция единогласно приняла решение распустить существующие организации социал-демократической партии Словакии и рекомендовала их членам вступать в Коммунистическую партию Словакии, что и проводилось в организованном порядке. Немец потерпел поражение, и единство рабочего движения было обновлено в самом широком масштабе. Эта линия политического единства, одобренная 28 февраля и Кошицкой конференцией, постепенно осуществлялась по всей Словакии, и уже до конца 1945 г. не было попыток раскола.

С точки зрения дальнейшего развития национально-демократической революции было необходимо усилить авторитет Словацкого национального совета, повысить инициативу и усилить роль Коммунистической партии Словакии в Словацком национальном совете и провести в жизнь ряд важных мероприятий. Буржуазные деятели из демократической партии нашли поддержку в этот период у Немца, который был представителем правительства Бенеша и проводником его концепции. Под предлогом, что в его компетенцию входят «общегосударственные вопросы», он вмешивался в решение многих внутренних проблем, задерживал их обсуждение и помогал буржуазным деятелям: якобы правительство должно решать «общегосударственные дела», причем он толковал это, как ему было выгодно. Но дело сводилось не к спорам о компетенции, а к проведению в жизнь революционной позиции. Стало необходимым полностью устранить влияние Немца и сделать невозможным его вмешательство. Состоялась встреча с Немцем и некоторыми его деяте-

лями (Гала, Цинке и другие). Мы открыто сказали Немцу, что по решению Словацкого национального совета от 16 октября 1944 г. у него нет права вмешиваться в какие-либо вопросы в Словакии: Бенеш и правительство приняли к сведению создание Словацкого национального совета по постановлению № 1/1944 вплоть до окончательного решения после освобождения, а о том, какие вопросы являются и какие не являются «общегосударственными вопросами», мы будем дискутировать с соответствующими деятелями после освобождения всего государства. В Словакии верховным законодательным и правительственным органом является Словацкий национальный совет, и это Немец должен принять к сведению, если не хочет, чтобы с его делегацией повторилась ситуация в Хусте. Немец капитулировал, подчинился: он говорил, что будет лишь осуществлять посредничество между СНС и правительством и советским командованием. С советскими органами у нас уже была прямая связь, причем значительно лучше, чем у Немца. Он отступил, распустил свой аппарат, и практически у него осталось одно дело: распределение сигарет ЮНРРА. В политическом отношении он своими действиями в Словакии вновь себя дискредитировал, так что его даже не пригласили на московские переговоры. В состав нового правительства он не вошел и незаметно исчез из политической жизни.

В связи с этим инициатива коммунистов в Словацком национальном совете была развязана. Небезынтересно, что Словацкий национальный совет в результате действий Немца и деятелей ДП до 21 февраля 1945 г. не выработал ни одного законного постановления. На освобожденной территории не было еще достаточного количества членов СНС, чтобы они могли принимать решения на пленарном заседании. Поэтому мы продолжали настаивать на полномочиях президиума СНС в соответствии с постановлением СНС № 40/1944. Президиум СНС начал свою деятельность 21 февраля 1945 г. в следующем составе: от КПС — Гусак, Новомеский плюс еще один член (сменяли друг друга Рашла, Пулл и другие), от демократической партии — Шробар, Урсини, Стык. 21 февраля было принято по-

становление СНС № 1/1945 о создании центральных органов (полномочных представительств), и на его основе был назначен правительственный орган — Корпус уполномоченных — в следующем составе: 1) внутренние дела — Г. Гусак (заместитель И. Пиетор); 2) сельское хозяйство — Урсини (заместитель М. Фалтян); 3) промышленность и снабжение — Пулл (от ДП П. Затько); 4) финансы — Т. Тварожек (ДП); 5) школы — О. Павлик (КПС); 6) юстиция — И. Штефаник (ДП); 7) социальное обеспечение — Ф. Вашечка (КПС); 8) здравоохранение — В. Турзо (КПС); 9) транспорт — К. Фило (ДП); 10) общественная работа — Стык (ДП); 11) почта — Ф. Комзала (КПС). Как видно из этого, Корпус уполномоченных был сформирован на «паритетных» началах.

Сильная политическая борьба развернулась в президиуме СНС с деятелями демократической партии о законодательном урегулировании трех вопросов: а) земельная реформа, б) организация органов безопасности, в) организация национальных комитетов.

Сначала удалось разрешить вопрос об органах безопасности. На освобожденной территории национальные комитеты формировали местные органы безопасности, называемые милицией или также национальной охраной; помимо этого, был обновлен жандармский аппарат. Деятели демократической партии, которые во время Словацкого национального восстания имели значительное влияние на руководящие кадры жандармерии, стремились сохранить этот аппарат как целое. Местные органы милиции составлялись в большинстве случаев из добровольцев, у них были местные задачи, появилась необходимость и в центральном органе безопасности. После ожесточенной борьбы президиум СНС издал 23 февраля постановление о роспуске жандармских и полицейских формирований в Словакии. Старые органы безопасности были ликвидированы (постановление СНС № 6/45). Одновременно своим постановлением № 7/45 от 23 февраля президиум СНС создал новый орган национальной безопасности, подчиненный полномочному представительству внутренних дел. Имелось в виду, что в этот орган будут при-

нимать партизан, участников Сопротивления и во всяком случае лиц, политически не скомпрометированных. Милиция, как орган национальных комитетов, в то время была сохранена. Это постановление, которое давало национальным комитетам возможность проводить политическую чистку и проверку нового аппарата госбезопасности, явилось значительным шагом на пути усиления народной власти.

Еще более острые споры велись по вопросу о земельной реформе. Деятели демократической партии стремились сузить ее объем и возражали прежде всего против народных комиссий, которые должны были самостоятельно решать вопросы раздела земель и распределения наделов. В конце концов удалось отвоевать и эту революционную меру. Президиум СНС издал постановление № 4/45 от 27 февраля 1945 г. о конфискации и быстрейшем разделении сельскохозяйственного имущества немцев и венгров, равно как и предателей и врагов словацкого народа. Постановление формулировалось в духе тех пожеланий, которые высказал мне в Москве Готвальд. Коммунистическая партия Словакии сразу же приступила к действиям: для этого теперь была легальная база. Можно было начинать раздел крупных владений.

Одновременно мы предложили проект постановления о национальных комитетах. Здесь снова, как и во время восстания, столкнулись две концепции: Коммунистическая партия Словакии рассматривала национальные комитеты как органы государственной власти со всеми вытекающими последствиями, демократическая партия хотела ограничить их функции и свести до уровня старых представительств. Речь шла также об упразднении должностей нотаров и районных начальников. Фактическое состояние соответствовало позиции Компартии Словакии, так как национальные комитеты по большей части создавали и ими руководили деятели коммунистической партии. Мы хотели легализовать это состояние. Из-за упорного сопротивления деятелей демократической партии этот вопрос удалось удовлетворительно решить в соответствии с проектом коммунистической партии лишь постановлением СНС № 26/45 от 7 апреля 1945 г.

Словацкий национальный совет решил потом много других вопросов: до 25 мая 1945 г. было издано 51 распоряжение Словацкого национального совета.

Начинали с построения главных массовых организаций. Профсоюзы сразу после освобождения строились как единая организация, под решающим политическим влиянием коммунистической партии. Большие трудности были при создании Единого союза словацких крестьян. Демократы, бывшие аграрии, считали крестьянство своей вотчиной, добивались всюду своего представительства в организации ЕССК, превзошли старые аграрнические представления. Однако по инициативе коммунистической партии, в чем особая заслуга М. Чулена и М. Фалтяна, которые стали ведущими функционерами ЕССК, этот крестьянский союз укреплялся, и его влияние на крестьянство росло. Коммунистическая партия Словакии проявила инициативу и по созданию единой организации молодежи — Союза словацкой молодежи; среди молодых людей эта идея быстро привилась, и ССМ стал значительной массовой организацией. Правда, начинания в Восточной Словакии были достаточно трудными.

Массовые организации, по мысли КПС, должны были сыграть важную роль и в политической жизни. Коммунистическая партия Словакии добилась такой политической структуры НФ, что в нем, кроме двух политических партий, были представлены и эти массовые организации, прежде всего профсоюзы и ЕССК. Деятели демократической партии видели политическое влияние КПС в этих организациях, опасались перевеса коммунистов в Национальном фронте и поэтому всячески мешали участию массовых организаций в НФ. Только в манифесте, обращенном к словацкому народу, который издал НФ (КПС и ДП) 20 марта 1945 г., было допущено участие профсоюзов, крестьян и молодежи в НФ. Это случилось тогда, когда главные корифеи ДП (Урсини, Стык) были в Москве. Позже, однако, когда они увидели, что НФ в чешском лагере состоит только из политических партий, они снова отказались от обязательств, от такой концепции НФ. Когда Урсини был первый раз в Мо-

ске, он высказывал заверение в «Чехословацких листах» (1 января 1945 г.) по поводу отношения к КПС: «Наше сотрудничество можно рассматривать как идеальное». Подобных заявлений было немало и на освобожденной территории; но буржуазные деятели полагались на Бенеша, на чешские буржуазные партии, на дальнейшее развитие — стремились ждать, откладывать, не торопиться с революционными мероприятиями, одним словом, сохранять политические и экономические позиции буржуазии и, насколько возможно, тормозить размах национально-демократической революции. Они хотели выиграть время.

На конференции КПС 28 февраля 1945 г. в Кошице присутствовало 110 делегатов из 27 освобожденных районов Словакии; были среди них товарищи, которые участвовали в боях и теперь занимали ответственные места на освобожденной территории. На конференции я выступал с главным докладом от имени руководства Коммунистической партии Словакии, в котором говорилось: «Последний съезд нашей партии, определивший политическую линию и позицию партии по главнейшим проблемам, происходил в Банска-Бистрице 17 сентября 1944 г., в славное время Словацкого восстания. На этом съезде торжественно были объединены коммунистическая партия и социал-демократическая партия в Словакии. Первой задачей партии в минувшую осень было ведение борьбы против немецких оккупантов, продолжение восстания и решение вопросов, связанных с его политическими результатами. С тех пор партия последовательно придерживалась и придерживается линии национальной народной борьбы. Она стала инициатором борьбы в немецком тылу, главной силой в организации политического и военного сопротивления в Средней и Западной Словакии, ведущим политическим элементом в организации и поддержке славных партизанских отрядов. Сегодня она видит свою задачу во всемерной поддержке фронта, то есть Красной Армии, чехословацкой армии и партизанских отрядов.

После освобождения Восточной и Южной Словакии мужественной Красной Армией перед нами встала не менее важная задача: восстановить страну,

опустошенную и разрушенную войной, организовать транспорт и хозяйство, снабжение и безопасность, первую помощь тяжело пострадавшим районам и заложить одновременно новые основы общественной и политической жизни в Словакии. После тяжелых и славных шести лет борьбы и труда наша партия окончательно переходит на легальное положение, оказывается в ситуации, до сих пор необычной, выступая как правящая партия, как партия, которая взяла на себя свою часть ответственности за руководство и развитие событий в Словакии.

На этом историческом этапе КПС созвала рабочую конференцию ведущих деятелей, чтобы обсудить все важнейшие вопросы и определить твердую, единую, обязательную для всех политическую линию¹⁵.

Из международной ситуации следует такой вывод: «Одним из важнейших факторов после войны будет исключительное положение Советского Союза в Европе и мире, как государства, которое понесло наибольшие потери и имеет наибольшие заслуги в борьбе за освобождение других народов от фашистской тирании. Мобилизация всех материальных и моральных сил нашего народа для освобождения всей Словакии и всей ЧСР является первоочередной задачей демократических элементов Словакии, а значит, и первоочередной обязанностью нашей партии».

По вопросу клерикально-фашистского режима: «Последние пособники и прислужники Гитлера готовятся у нас к бегству... Фашистский режим в Словакии за последние шесть месяцев дискредитировал себя больше, нежели за все предыдущие годы. Коллаборационисты и карьеристы, которые при помощи немцев хотели пролезть наверх и удержаться там, превратились со времени Словацкого восстания в предателей и непосредственных убийц собственного народа. Тем более суровым будет суд над ними, тем радикальнее и последовательнее мы должны искоренить любые се-

¹⁵ Цитаты из политического доклада привожу по тексту брошюры «За национальную свободу и народную демократию», Кошице, 1945. Доклад не был написан. Текст в брошюре сильно сокращен в соответствии с моими замечаниями, по неточному протоколу.

мена фашистских идей и реакционных элементов, чтобы наш народ никогда впредь не очутился в подобном рабстве. Полный распад тисовского государства, полный идейный и организационный распад Глинковской партии и приближающаяся ликвидация шестигодовой людацкой тирании, а потом строительство новой политической, экономической и социальной жизни Словакии характеризуют в настоящее время нашу внутреннюю ситуацию».

Словацкое национальное восстание изменило положение в Словакии. «Небольшой словацкий народ, который 29 августа 1944 г. прямо в центре вооруженного немецкого лагеря отважился поднять оружие за свою свободу и общее дело всех свободолюбивых народов, вписал в историю самую прекрасную и самую важную главу и вошел в семью остальных культурных народов как народ мужественный, боевой, гордый и равноправный... Словацкое национальное восстание окончательно включило словацкий народ в лагерь союзников и борцов против фашизма и дало ему право независимо формулировать собственные национальные и политические идеалы. Восстание ясно отразило желание нашего народа быть самостоятельным народом, который имеет такие же права решать свою судьбу, как и любой другой. Тем самым вооруженным путем была разорвана искусственная мгла, намеренно создаваемая вокруг вопроса о нашей национальной самобытности, и тем самым все прочие деятели были поставлены перед фактом, что существование нашего народа необходимо учитывать, что о нем нечего больше дискутировать и что с ним надо впредь считаться. Искусственное конструирование единого чехословацкого народа, маскирующее империалистические устремления чешской реакции, было полностью разбито Словацким национальным восстанием. Определенные выводы уже были сделаны из вышеуказанных фактов в области чешско-словацких отношений, и представители заграничного сопротивления, с охотой либо колеблясь, согласились с требованиями Словацкого национального совета... Перед памятью героев и жертв восстания мы обязаны не только сохранить незапятнанным знамя восстания, но и во всей нашей работе

отталкиваться от Словацкого национального восстания и осуществлять его идеи. Наша партия внесла выдающийся вклад в подготовку и руководство Словацким национальным восстанием и должна в своей работе исходить из опыта своей национальной и партийной политики в период восстания».

Что касается вопроса о государственном устройстве, то «в банска-бистрицком восстании были разбиты две концепции: мы отвергли тисовскую концепцию самостоятельного государства любой ценой... Мы также отвергли чехословацкую концепцию, отрицающую словацкую национальную самобытность. Словацкий национальный совет в качестве представителя политической воли народа высказался за Чехословацкую республику как славянское государство трех славянских народов: чехов, словаков и карпатских украинцев. Руководствуясь принципом, что каждый народ имеет право сам принимать решение о своей государственной жизни, наша партия проводила идею совместной государственной жизни с чешским народом. Карпатские украинцы после нашего восстания решили присоединиться к СССР, воссоединиться со своим родным народом. Мы полностью уважаем это решение и желаем подлинно, по-братски реализации всех их национальных идеалов.

Таким образом, сегодня вопрос о государственном месте словацкого народа мы ставим следующим образом: мы хотим иметь общее государство словацкого и чешского народов, государство славянское и народно-демократическое, в котором каждый из обоих народов будет сам решать свои дела, а вместе они будут решать дела, касающиеся их обоих... Лондонская эмиграция изменила спустя пять лет свое отношение к словацкому народу и хотя бы частично пошла нам навстречу. В эти дни, когда президент и чешские политические деятели уезжают в Москву, чтобы вести переговоры об основных политических проблемах новой Чехословацкой республики и о составе нового правительства, туда же направляется и официальная делегация Словацкого национального совета, точнее, его руководство, для того чтобы договориться с чешскими деятелями об окончательном оформлении отношений

между словацким и чешским народами, чтобы разделить компетенцию между Словацким национальным советом, как словацким правительством и парламентом, и центральным правительством, для того чтобы определить временные рамки этого нового фундамента ЧСР, пока законные представители обоих народов не примут новую конституцию. В этом смысле московские переговоры могут означать исторический поворот в деле окончательного достижения братского равноправия обоих народов.

Как мы представляем новую ЧСР? Исходя из факта существования двух равноправных народов, мы хотим иметь федеративное государство, государство единое и общее, но в котором каждый из народов правил бы самостоятельно, а общим осталось бы то, что обязательно необходимо для сохранения сильного и единого государства. В Словакии словацкий народ должен иметь свое демократическое правительство и свой свободно избранный парламент, которые решали бы все, что не касается общих интересов обоих народов. Общие проблемы должно решать общее правительство и общий парламент. Вплоть до образования демократически избранных органов функции словацкого правительства и парламента должен выполнять Словацкий национальный совет, который в настоящее время один имеет право говорить и действовать от имени нашего народа. В этих рамках необходимо быстро решить вопросы экономические, денежные, военные, вопросы внешней политики, а также кадровые. После шести лет раздельной государственной жизни чехов и словаков существует не только много проблем, которые необходимо срочно решить, но имеется и опыт, на основе которого необходимо строить новые отношения между народами. Словацкий народ именно благодаря своему великолепному восстанию завоевал право как равный партнер высказываться по поводу устройства государственных дел ЧСР. Мы ожидаем, что все основные вопросы будут решены до создания нового правительства и до его приезда в Словакию, ибо очень немного можно принять в позиции чехословацкого правительства в Лондоне в словацком вопросе».

Относительно неясностей в вопросе Национального фронта я занял следующую позицию: «Из борьбы словацкого народа еще во время нелегальной работы родился Национальный фронт, который создали коммунисты вместе со всеми демократическими элементами, искренне сопротивлявшимися и боровшимися против фашистского порабощения. Этот Национальный фронт продолжает решать проблемы словацкого народа посредством Словацкого национального совета, районных и местных национальных комитетов. Национальный фронт ошибочно рассматривался некоторыми демократами и некоторыми нашими товарищами как чисто партийное соглашение двух партий. Такое понимание не является исчерпывающим. На первом месте здесь стоит вопрос борьбы за поражение фашизма и освобождение всей нашей территории от фашизма. Для этого мы должны мобилизовать все честные и демократические силы в одну шеренгу. Мы не будем возводить стену между демократическими силами, а будем еще теснее сплачивать эти силы для того, чтобы как можно быстрее победить фашизм. Мы выдвигаем требование Национального фронта самых широких слоев народа, а именно: рабочих, крестьян, мелких предпринимателей, служащих, трудовой интеллигенции и той части буржуазии, которая честно вела себя при фашистском режиме, поддерживала борьбу словацкого народа против оккупантов и политически с ним сотрудничала. Мы никоим образом не должны ослаблять единство Национального фронта...

Политическую основу единого Национального фронта составляют коммунисты в сотрудничестве со всеми демократическими деятелями, которые не скомпрометировали себя и честно встали на сторону народа в борьбе против фашизма. Наше желание заключается в том, чтобы весь народ, все его слои и группы, если они стоят на демократической основе, были привлечены к участию в правительственной власти. Таким образом, фундамент Национального фронта является общенародным, а не партийным, и это для того, чтобы народ сам, чтобы народные массы сами принимали решения о своей государственной жизни...»

В связи с сектантской позицией некоторых функционеров КПС в докладе нужно было открыто сказать и об отношении к демократической партии: «Демократическая партия является в настоящее время, и была во время восстания, единственной организацией, которая представляла гражданско-демократические элементы. К сотрудничеству с ней мы подходим честно и серьезно. Поэтому мы очень заинтересованы в том, чтобы эта партия была действительно народно-демократической. Некоторые реакционные элементы вокруг демократической партии пытаются приглушить прогрессивные и демократические тенденции нашего народа, откладывая решение неотложных вопросов дня, и пытаются возбудить недоверие не только по отношению к коммунистической партии, но и по отношению к Красной Армии и Советскому Союзу. Мы надеемся, что демократическая партия будет действительно партией новой, с подлинными демократами во главе, с демократической концепцией и методами. Восстановление в лице этой партии старой аграрной партии было бы неприемлемым. Аграрная партия скомпрометирована в Словакии, это партия реакционная, капитулянтская и трусливая, которая способствовала эволюции ЧСР в направлении к Мюнхену, это партия, которая в 1938 г. соединилась с Глинковской партией и вместе с ней распалась. Поэтому мы не допустим того, чтобы старая аграрная партия была возрождена и чтобы скомпрометированные люди под новой вывеской проводили старую политику и использовали дискредитировавшие себя методы. Мы будем разоблачать коллаборационистские элементы бывшей аграрной партии и требовать ликвидации аграрнических методов. Демократическая партия может быть подлинно демократической лишь тогда, когда она будет демократической по составу, программе и методам.

С другой стороны, пусть всем нам будет ясно, что создание крепкой, подлинно демократической партии является нашим пожеланием, соответствует интересам совместной борьбы, и поэтому нельзя, чтобы с нашей стороны были какие-нибудь возражения против политической организации подлинно демократических элементов».

Во многих местах существовали неясности об отношении к политически неорганизованным гражданам. Об этом я говорил в докладе: «Мы не должны полагать, что КПС и ДП представляют все население. Во всех городах, во всех деревнях много честных, демократически думающих людей, которые не являются членами какой-нибудь партии. И они входят в Национальный фронт, и необходимо дать им возможность участвовать в политическом управлении через местные и районные национальные комитеты, которые должны создаваться на широком фундаменте, а не на фундаменте партийном. Не существует никакой партийной договоренности о составе местных и районных национальных комитетов. Мы хотели бы, чтобы и в Словацком национальном совете были представлены не только две политические партии, но и самые массовые рабочие и крестьянские организации».

Конференция полностью подтвердила линию политического и профессионального единства рабочего движения Словакии. Я напомнил в своем докладе, «что в некоторых районах на освобожденной территории вследствие неинформированности возникли организации социал-демократической партии. Спустя короткое время они приняли банска-бистрицкую платформу, которая таким образом была еще более упрочена... Лишь в том случае, если мы удержим подобное единство, мы можем надеяться на то, что полностью разрешим трудные проблемы сегодняшнего дня и приведем нацию к счастливой жизни».

В отношении приверженцев людацкого режима проявлялись колебания: иногда излишняя мягкотелость, иногда излишняя твердость по отношению к отдельным членам. На конференции говорилось: «За все те лишения, которые на протяжении последних шести лет должны были пережить наши люди, помимо немцев и хортистских венгров, несет ответственность местный фашистский режим и его пособники. Ныне благодаря Красной Армии мы получили возможность и не только имеем право, но и обязаны... свести счеты с предателями и коллаборационистами. Всякое проявление слабости — это вопрос сохранения, консервирования всех реакционных элементов, которые если

сегодня еще и не отважатся на провокации, то позднее будут подрывать все то, что мы построим. Следует, однако, проводить точное различие. Мы имеем право, более того, мы обязаны решительно выступить против предателей и коллаборационистов. И, напротив, люди, которые не виноваты перед народом, независимо от своей принадлежности не должны ничего опасаться. Фашистские организации были распущены и ликвидированы. Активные пособники фашизма будут наказаны. В Глинковской партии было, однако, много крестьян и рабочих, которые были сбиты с толку и не несут ответственности за ход событий в национальном масштабе. Нашей задачей является убедить эти массы в том, что они заблуждались, и привлечь их для сотрудничества».

По вопросу венгерского меньшинства Словакии на конференции была выработана точка зрения, отвечающая подготавливаемой правительственной программой. В южных районах проводилась агитация за присоединение территории с венгерским населением к Венгрии. Эти голоса нужно было заставить замолчать. В своем докладе я говорил: «Венгры должны себе уяснить, что ни один клочок территории не будет передан Венгрии, об этом мы ни с кем не собираемся разговаривать. Словацкие крестьяне и рабочие, вытесненные из богатых южных областей и на протяжении веков обреченные существовать в горных районах, должны снова получить эти старые словацкие территории, получить возможность для лучшей жизни». Тем самым был поставлен вопрос о переселении или обмене населением. Что касается членства в партии, конференция выработала линию, зафиксированную в докладе: «Мы знаем, что и среди венгров были антифашисты... В тех случаях, когда речь идет об отдельных лицах, наша точка зрения такова: тот венгерский товарищ, который хорошо зарекомендовал себя в борьбе против фашистского режима, который ничем не скомпрометировал себя, является таким же желанным товарищем в нашей партии, как и все остальные. Но мы будем самым строгим образом проверять каждого человека... На территории, которая была оккупирована венграми, после освобождения стали склады-

ваться массовые организации коммунистической партии среди венгров. Мы знаем, что там подавались заявления и из конъюнктурных соображений теми, кто хотел в коммунистических организациях скрыть свой коллаборационизм и тем самым избежать наказания. Мы будем настаивать на том, чтобы там была проведена тщательная чистка».

Был прояснен вопрос и с национальными комитетами. «Национальные комитеты являются не только политическими представителями воли народа, но они должны взять под свой контроль и все те дела, которые до сих пор находились в ведении бюрократических органов. Только так народ сможет самостоятельно осуществлять управление в своих селениях или районах... До сих пор ни на одном из предшествующих этапов народ никогда не мог решать свои дела таким образом, как он может это делать сейчас... Недостаточно организовать местный национальный комитет или районный национальный комитет и далее работать по старинке, в традиции старых гражданских представительств и районных учреждений. Национальный комитет — это живая сила нации, которая повседневно мобилизует нацию на выполнение важных задач и воспитывает в наших людях навыки управления...»

В вопросах организации службы внутренней безопасности на этом этапе имелись в виду: а) органы общественной безопасности местных национальных комитетов и районных комитетов, б) центральный аппарат службы внутренней безопасности, подчиненный полномочному представительству по вопросам внутренних дел (в смысле директивы Словацкого национального совета № 6 и № 7/45). В своем докладе я сказал: «Вместо старых организаций полиции и жандармерии создается орган национальных комитетов — Национальная служба охраны общественного порядка, милиция. Поскольку, однако, мы в настоящий момент еще ведем борьбу с сильным и коварным фашистским врагом, было бы необходимо создать центральный орган охраны общественного порядка, который будет заботиться как о безопасности граждан, так и о преследовании и ликвидации фашистских элемен-

тов. Организацию общественной безопасности будут создавать люди национально сознательные и политически проверенные». В ходе последующего развития миссия добровольной милиции постепенно сходилась на нет и во всем государстве сохранились лишь централизованные органы национальной общественной безопасности.

Конференция горячо приветствовала указ СНС от 27 февраля о конфискации и парцелляции земли. В своем докладе я следующим образом говорил об этом: «Одной из основных санкций в борьбе против немецких и венгерских фашистов, так же как и против словацких предателей, является конфискация их имущества, прежде всего крупных земельных владений. Всю их землю должны получить словацкие бедняки-крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. Земельная реформа подобного содержания уже узаконена... следует сельскохозяйственное имущество немецких фашистов, венгерских реакционеров и продажных словацких элементов... ликвидировать в самое короткое время и их землю разделить среди словацкого крестьянского люда. При этом условия распределения земли настолько выгодны, что крестьяне получают землю врагов и предателей практически почти даром.... Мы не выдвигаем требования национализации земли, и проблему прочих крупных земельных владений Словакии мы оставляем для решения будущему парламенту.

Первоочередной задачей нашей партии станет обеспечение в духе демократических принципов участия самих крестьян в осуществлении земельной реформы. Землю следует разделить между теми крестьянами, которые имеют на это право. Поэтому местные национальные комитеты должны созывать собрания тех, кто претендует на получение земли. На этих собраниях избираются крестьянские комиссии, которые направляют своих делегатов в районные крестьянские комиссии. Крестьянские комиссии разрабатывают план парцелляции, определяют порядок возмещения и тут же практически проводят разделение земли, причем таким образом, чтобы она была выделена крестьянам самое большее на протяжении двух недель...

Поэтому необходимо создать единую крестьянскую организацию, в которой было бы представлено все крестьянство и которая защищала бы его интересы. Это должна быть такая организация, которая имела бы право говорить от имени всего крестьянства и представлять крестьян в различных учреждениях, в том числе в Словацком национальном совете. Мы делаем упор на две главные задачи: 1) правильное осуществление земельной реформы и 2) создание единой и прочной крестьянской организации — Союза крестьян».

Что касается остального имущества, конференция постановила: «Мы требуем конфискации и передачи под общественный контроль имущества немцев и венгров — представителей иной государственной принадлежности, далее немцев и венгров, которые являются врагами словацкого народа, словаков, чехов — предателей, а также имущества тех акционерных обществ и прочих обществ, в правлениях которых сидели немцы, венгры, предатели и коллаборационисты... Точно так же, как мы хотим передать землю крестьянам, мы хотим это имущество передать в ведение демократически избранных фабрично-заводских комитетов и Словацкому национальному совету».

Конференция подчеркнула значение единого профсоюзного движения и прояснила вопрос организации трудящихся в нем. Я упомянул об этом в докладе: «Партия придает первоочередное значение скорейшему созданию сильных профсоюзных организаций. Желательно, чтобы в них были организованы все рабочие, ибо через посредство профсоюзных организаций они получают возможность оказывать прямое воздействие на управление предприятиями и могут добиваться выполнения всех своих требований как у себя на заводе, так и в общегосударственном масштабе...» С самого начала в профсоюзах организовывались и рабочие венгерской национальности.

В своем докладе в соответствии с указаниями К. Готвальда я коснулся и нашей позиции по «еврейскому вопросу» и вопросу об аризованном имуществе. КПС выработала точку зрения и на проблему организации молодежного движения: «Мы за единство

молодежи. Словацкая молодежь была единой во время оккупации, единым строем она выступала и в партизанских отрядах. При создании молодежной организации следует руководствоваться идеей объединения молодежи. В будущем не должны возникать организации молодежи на партийной основе, не должно быть и особых физкультурных, спортивных организаций и т. п., вся молодежь будет организована в Союзе словацкой молодежи, где она будет воспитываться в демократическом духе. Наша партия сделала первый шаг в этом вопросе: она не будет основывать свои молодежные организации, не будет воссоздавать комсомол, но сделает все, чтобы вся демократическая молодежь оказалась в единой молодежной организации».

Проблема религии и церковных организаций Словакии также не могла быть обойдена КПС. Особенно животрепещущим был вопрос католицизма, столь скомпрометированного Глинковской партией, вопрос привлечения демократических элементов из этого лагеря для сотрудничества и позитивной работы. В моем докладе так говорилось об этом: «Мы отстаиваем принцип свободы вероисповедания и церкви. Религиозные убеждения каждого гражданина будут уважаться, и мы не собираемся вмешиваться в дела религии и церкви. Наоборот, мы идем дальше и стремимся к сотрудничеству с демократическими деятелями церкви. Мы хотели бы, чтобы в рамках Национального фронта они внесли свой вклад в борьбу словацкого народа и в восстановление освобожденной Словакии. Если, с одной стороны, мы уважаем свободу вероисповедания и церкви, то, с другой стороны, мы требуем, чтобы демократически настроенные элементы среди верующих сами навели порядок и рассчитались со всеми фашистскими и враждебными элементами в церковных учреждениях, ибо мы хорошо знаем, что хотя отдельные представители церкви и заявляли о своей аполитичности, они, однако, злоупотребляли своим положением и шли на сделку с фашизмом».

Коммунисты, собравшиеся на конференции, знали ситуацию в своих районах, они знали, что прежде все-

го на коммунистической партии лежит основная тяжесть работы. В докладе я подчеркнул и этот вопрос: «Для того чтобы можно было выполнить грандиозные задачи, которые поставил перед нами сегодняшний день, необходимо создать могучую дисциплинированную партию, пустившую глубокие корни в рабочих массах. Какие силы нужны для выполнения этих задач? Такой силой может быть лишь единая и прочная организация — Коммунистическая партия Словакии, которая будет широко опираться на массы словацкого народа, будет прислушиваться к интересам крестьянства, иметь авторитет в рабочем классе и в целой нации.

В результате того, что партия только что вышла из подполья, так же как и под влиянием определенных обстоятельств, вызванных войной (разруха на транспорте и т. п.), после освобождения отдельных территорий еще не было общего единого руководства повсюду, поэтому некоторые районы и области решали многие важные проблемы, исходя из своей точки зрения.

На этой конференции мы договоримся, чтобы нам совместно проводить единую линию на всей освобожденной территории. Мы должны использовать все свои силы и возможности в поддержку фронта. Каждый коммунист обладает теми же правами, что и любой гражданин, но в то же время его обязанности в десять раз больше именно потому, что он коммунист. Тем же, кто хочет использовать членство в КПС для карьеры, в нашей партии нет места... Нельзя надеяться только на Красную Армию, которая что-то сделает за нас. У Красной Армии боевые задачи, и заботиться о наших внутренних делах она не будет. Устройство в освобожденной Словакии будет таким, каким сделает его сам народ». Далее в 13 пунктах доклада были названы неотложные задачи партийной работы: «1. Крепкая, массовая, дисциплинированная партия — основа успеха всей нашей работы. 2. Идеинная чистота и ясная политическая линия партии. 3. ...В каждом районе, в каждой деревне, в каждом городе должна быть сильная партийная организация из лучших представителей рабочих, малоимущих крестьян, мелких торговцев и

трудящейся интеллигенции. В наших организациях мы хотим объединить самых лучших представителей нашего народа. 4. Единое руководство КПС должно разрабатывать для областных, районных и городских организаций единую линию, принятую на демократической основе. Эту линию необходимо потом выполнять, не допуская никаких отклонений. 5. Повышенное внимание к работе с массами. Тот перестает быть коммунистом, кто отгораживается от масс. 6. Посвятить особые усилия созданию подлинно широкого Национального фронта как в городских и областных национальных советах, так и в Словацком национальном совете. 7. Мы должны сохранить ясную линию в словацком национальном вопросе и придерживаться этой линии всегда и всюду. 8. Особое внимание мы должны обратить на крестьянский вопрос. Осуществление земельной реформы станет нашим пробным камнем. 9. В профсоюзах, в молодежных организациях и в заводских комитетах мы должны проявлять свою активность, политическую и профсоюзную. 10. Сразу после конференции необходимо начать большую политическую кампанию с помощью собраний, листовок, плакатов, газет. 11. Собирать партийные собрания и контролировать деятельность каждого коммуниста. 12. Обучать руководящих и рядовых членов партии. 13. Хранить единство партии и трудящегося народа, бороться с сектантством. Партия должна быть сердцем трудящихся, выразителем их требований, формулировать их права и бороться за них. Партия должна срастись с народом». В этих тезисах были изложены задачи партии, о которых говорилось на конференции.

Это были месяцы исторического перелома в истории наших народов. Многое, почти все, зависело от работы коммунистов. В этом же духе звучал и конец доклада: «Задачи огромные, как военные, так и хозяйственные... Сегодня мы взяли на себя ответственность за решение этих задач. Положение коммунистической партии в Словакии и положение трудящегося народа зависит от того, насколько мы сумеем поставить все эти проблемы политически, насколько мы сумеем овладеть всеми этими задачами... Для осуще-

ствления этих задач у нас есть все предпосылки: наша партия прекрасно показала себя в бою, обладает многочисленными кадрами великолепных борцов, имеет авторитет в массах, вражеский аппарат разбит, у нас период, благоприятный для развития социалистических идей и для решения социальных и экономических проблем трудящихся, все права и органы в руках народа... Историческая ответственность падает на наших партийных работников на рубеже нового жизненного этапа в Словакии, на пороге новой счастливой жизни трудящихся масс».

Конференция КПС после обширной дискуссии одобрила доклад как политическую линию КПС и опубликовала Обращение КПС ко всем организациям КПС и ко всей словацкой демократической общественности. Решения конференции были единодушны. Делегаты разошлись, агитируя за эту единую линию партии во всех организациях и во всем обществе. Таким образом, эта конференция КПС сыграла историческую роль: она разработала ясную программу, поставила задачи и дала перспективу коммунистам и всем трудящимся; были устранены многие неясности и противоречия в партийной линии на местах. Конференция способствовала повышению активности на всех участках.

* * *

Для успешного проведения переговоров с Бенешем и лондонскими буржуазными деятелями или хотя бы для более гладкого их проведения от словацких коммунистов требовалось выполнение двух задач: 1. создать на освобожденной территории такую государственно-политическую ситуацию, такие юридические и фактические предпосылки в осуществлении национально-демократической революции, чтобы единодушно поддержать линию КПЧ при проведении этих переговоров; это было важно особенно потому, что Бенеш и новое правительство должны были прибыть на словацкую территорию; 2. добиться того, чтобы делегация из Словакии выступала единым фронтом от имени Словацкого национального совета и поддерживала точку зрения Готвальда.

Я упоминал уже о некоторых мероприятиях КПС, предпринятых в этом направлении. Конференция КПС усилила давление на деятелей демократической партии в направлении более демократической ориентации этой партии; в переговорах с ее руководителями мы добились их согласия с тем, что словацкая делегация выступит единым фронтом от имени Словацкого национального совета.

После прошедших переговоров на заседании пленума Словацкого национального совета 2 марта 1945 г. было решено послать на московские переговоры делегацию Словацкого национального совета в составе 7 человек (от КПС: Г. Гусак, Л. Новомеский, Й. Шолтес; от демократической партии: В. Шробар, Я. Урсини и Й. Стык и от военных полковник М. Ферьенчик). В личных дискуссиях с делегатами были обсуждены некоторые основные моменты московских переговоров.

По вопросу места, занимаемого словацким народом в составе ЧСР, делегация получила следующие директивы в постановлении пленума Словацкого национального совета от 2 марта 1945 г.:

«Словацкий национальный совет, верный принципам, принятым всеми составными частями Сопротивления еще в нелегальных условиях, верный принципам, которые объединили все здоровые силы в нашем славном Сопротивлении:

1. Ожидает от президента и нового правительства, что перед прибытием в Словакию они торжественно и официально провозгласят полное равноправие словацкого и чешского народов в рамках единой и неделимой ЧСР. Чтобы это заявление было действенным, новое правительство официально объявит, что отмежевается от заявления чехословацкого правительства в Лондоне от 30 июня 1943 г. о единой чехословацкой нации. Ожидает также от нового правительства обещания, что будущее конституционное решение взаимоотношений чешского и словацкого народов осуществится на основе равноправия и согласия обоих народов.

2. Ожидает от президента и нового правительства, что они перед своим прибытием на территорию Слова-

нии торжественно и официально подтвердят правомочность Словацкого национального совета на всей территории Словакии в духе соглашения делегации Словацкого национального совета с президентом и правительством в Лондоне и в духе постановления СНС № 1 от 1 сентября 1944 г., § 1 которого гласит: «Словацкий национальный совет осуществляет всю законодательную и исполнительную власть в Словакии», — включая вопросы общественного устройства, приведенные в дальнейшем пункте.

Это означает, что Словацкий национальный совет является словацким правительством и словацким парламентом. Как единственный представитель политической воли словацкого народа в нелегальной борьбе и в период национального восстания, только Словацкий национальный совет полномочен выступать от имени Словакии и решать дела Словакии, и поэтому только с ним можно вести переговоры о делах, касающихся словацкого народа.

3. Взаимоотношения Словацкого национального совета и нового центрального правительства ЧСР будут оформлены согласно следующим принципам: исключительной компетенцией представителей Словацкого национального совета в центральных национальных органах будут дела следующих министерств: а) внутренних дел; б) просвещения; в) снабжения; г) здравоохранения; д) торговли и промышленности; е) земледелия и земельных реформ; ж) общественных работ; з) социального обеспечения; и) юстиции.

Исключительной компетенцией центрального правительства будут являться: а) иностранные дела; б) внешняя торговля; в) национальная оборона, но и здесь Словакия и ее интересы должны быть соответственно представлены.

Прочее, а именно а) пути сообщения; б) почта и телеграф; в) реконструкция; г) финансы считаем делом частично общим, частично относящимся к компетенции центральных национальных органов при Словацком национальном совете.

4. Ожидает, что новое правительство в своем устройстве будет отвечать изложенным выше принципам равноправия обоих народов.

5. Ожидает, что программа нового правительства будет полностью отвечать и всем дальнейшим принципам, провозглашенным в совместном Рождественском соглашении 1943 г. представителей различных антифашистских и демократических идеологических течений в Словакии о Словацком национальном совете, а именно следующим принципам СНС (следует уже цитированная программная часть Рождественского соглашения, стр. 98—100.— Г. Г.).

Далее предполагается, что программа чехословацкого правительства будет соответствовать манифесту Словацкого национального совета в Кошице от 4 февраля 1945 г. (следует уже цитированная часть манифеста, стр. 779—780.— Г. Г.).

6. Ожидается от президента и нового правительства осуществление проекта, предложенного главнокомандующему чехословацких военных сил и министру национальной обороны шефом чехословацкой военной миссии в Москве в конце декабря 1944 г., который разрабатывается в полном объеме и согласно которому... (следует уже цитированное соглашение по военным вопросам, стр. 771—773.— Г. Г.).

7. Ожидается, что новое правительство включит в свою программу принцип соответственного представительства словаков во все центральные органы и учреждения.

8. Для самостоятельного развития и суверенной государственности словацкой и чешской территорий мы настаиваем на том, чтобы на переходный период Словакия осталась самостоятельной экономической и политической единицей до той поры, пока не представится возможность отрегулировать взаимоотношения законодательным порядком.

Мы желаем, чтобы эти принципы, которые Словацкий национальный совет единодушно одобрил 2 марта 1945 г., были прочным фундаментом новой республики, единого отечества чешского и словацкого народов»¹⁶.

¹⁶ И. Леттрих. О Словацком национальном совете. Братислава, 1945, стр. 43—47.

Перед отъездом делегации Словацкого национального совета (в которую входил весь президиум) на основе договоренности политических партий был создан временный президиум Словацкого национального совета, который до возвращения делегации исполнял функции этого органа (за КПС — Э. Фриш, Я. Пулл, А. Рашла; за ДП — Т. Тварожек, И. Пиетор, М. Полак).

7 марта 1945 г. делегация Словацкого национального совета отбыла на переговоры в Москву.

33. МОСКОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Делегация Словацкого национального совета прибыла на советский аэродром в районе Кросна на автомобилях. С нами ехали Сланский и Лаушман, которые после отступления восставших в горы остались с Асмоловым, а также генералы Гасал и Гала, которые были с Немцем в Закарпатской Украине, а потом находились в Кошице (Словацкий национальный совет не позволил Гасалу организовать на словацкой территории командование освобожденной территории). Был с нами и генерал Свобода, на которого рассчитывали в новом правительстве. Немец остался в «эмиграции» в Кошице. Путь по северным районам Словакии показал ужас военного уничтожения и несчастье тамошних жителей. Ни одного моста через реки не осталось в целости. Дома были пусты, поля заминированы, население было лишено снабжения самым необходимым. Всюду раздавались просьбы о помощи. Мы поняли, какая большая работа, какие хлопоты здесь предстоят. Плохая погода заставила нас ждать отлета несколько дней. Мы находились среди наших военных частей. В Москву мы прилетели, кажется, 12 марта 1945 г. Лондонских деятелей там еще не было. Они вылетели из Лондона 9 марта и в Москву прилетели южным путем только 17 марта. У нас было время подготовиться к переговорам по партийной линии. Готвальд предлагал прежде всего обсудить проект правительственной программы, текст которого дорабатывался. Затем надо было поговорить о структуре правительства и, наконец, о персональных кандидатурах. Предполагалось, что переговоры всех делегаций (четырех чешских партий и Словацкого национального совета) будут проходить совместно

под председательством Бенеша. Задачей словацких коммунистов в рамках делегации Словацкого национального совета было сдерживать буржуазных деятелей и не позволить им маневрировать вместе с чешскими буржуазными деятелями. Роли были распределены: кто с какой делегацией будет поддерживать связи и оказывать влияние на ее позицию. Мне выпала роль добиться единства в позиции делегации Словацкого национального совета, особенно представителей ДП. Мы договорились, что будем иметь ежедневные совещания у Готвальда, на которых будут подводиться итоги и намечаться действия на следующий день. Эти партийные совещания проходили ежедневно до окончания переговоров. Таким образом, Готвальд направлял ход переговоров.

Центр тяжести переговоров был, с одной стороны, в чешском политическом лагере между лондонской группой эмиграции и московской, с другой — в договоренности со Словацким национальным советом о положении Словакии. Ситуация в словацком политическом лагере была значительно проще и яснее: деятели КПС и ДП сотрудничали с осени 1943 г. Их сотрудничество было обусловлено восстанием и фактическим положением на освобожденной территории Словакии. Был здесь ряд договоренностей, конкретных мероприятий, конкретная правительственно-политическая ситуация в Словакии. Проблемы за полтора года обсуждались бесчисленное количество раз. Речь шла о том, чтобы не дать деятелям ДП сдвинуться с той базы, которая возникла в Словакии, и чтобы всю делегацию Словацкого национального совета сделать союзником позиции КПЧ в ее борьбе с лондонскими деятелями. Бенеш хотел и здесь тасовать карты: взял с собой в Москву двух словацких членов лондонского правительства — Лихнера и Бечку. Он предполагал, что оба они примут участие в переговорах. Бечко был даже членом делегации социал-демократической партии. Мы отвергли участие этих бенешевских министров в переговорах: Словакия была представлена делегатами от своей страны. Социал-демократическая партия Словакии слилась с КПС. В нашей делегации ее бывших членов представлял Й. Шол-

тес. Бечке некого было представлять. КПЧ нас поддерживала. Бечка и Лихнер в переговорах не участвовали, хотя Бенеш и пытался за кулисами иным путем оказывать влияние. Словакию представляла исключительно делегация из самой страны. Словацкая эмиграция от участия в переговорах была отстранена.

Иной была ситуация в чешском лагере. Тут не было вообще делегатов из самой страны. Впервые после шести лет встретились на переговорах две группы чешской эмиграции с различными концепциями. С одной стороны, это была московская эмиграция (чешские коммунисты, поддерживаемые левыми социал-демократами, особенно Фирлингером и Лаушманом), с другой—лондонский гарнитур Бенеша (национальные социалисты, представители народной партии и правые социал-демократы). Никто не имел ясного представления о развитии чешского народа после освобождения. Были только надежды и планы. Из этого вытекала необходимость для обеих сторон достичь предварительной договоренности о начальных мероприятиях после освобождения, о новом правительстве.

Какие шансы были у обеих группировок, в какой атмосфере они собирались? Бенеш и его сторонники, безраздельно властвовавшие в течение всех лет эмиграции, тщательно разрабатывали планы возрождения буржуазных порядков, существовавших в до-мюнхенской республике, но с развитием успехов на фронтах Европы, с развитием успешного наступления Красной Армии, уже освобождавшей территорию республики, они оказались в затруднительном положении. Словацкое национальное восстание и дальнейший ход событий в Словакии, ситуация в Закарпатской Украине прижали их к стене; на родине эта группировка тоже потерпела тяжелое поражение. Если она не хотела разделить участь польской и югославской эмиграций, ей надо было войти в соглашение с коммунистами. Если они собирались перебраться на территорию Словакии, надо было договариваться со Словацким национальным советом, где коммунисты занимали господствующее положение. Бенеш и его люди надеялись, что хотя бы Чехию освободят англо-американские войска,

а они обоснуют там свою прочную базу. Потерпев крах своих иллюзий в связи с последними событиями и тайно надеясь на благоприятный для них исход событий в Чехии, они приехали в Москву, чтобы заключить временное соглашение с коммунистической партией; они намеревались договориться так, чтобы войти в новое правительство, вернуться на родину, не связывая себя обязывающими ко многому соглашениями на будущее. У них был опыт 1918 г., который они рассчитывали повторить: вести гибкую политику маневрирования, удержаться, укрепить свои позиции и потом взять государство в свои руки.

Все, что разбивало концепцию Бенеша, укрепляло концепцию Готвальда: успехи Советской Армии, развитие событий в Польше, Югославии, ситуация в Словакии. Но и Готвальд не был уверен в благоприятном развитии обстановки в Чехии. Трудно было предугадать, куда проникнут англо-американские войска. Не было достаточно фактов для точного определения внутривнутриполитического развития чешского народа. Сталин не намерен был в чехословацком вопросе сталкиваться с трудностями союзничества, как это было в польском. Готвальд знал, что он должен договориться с Бенешем, и хотел с ним договориться. Он понимал, что предстоящее соглашение будет временным, оно не решит кардинально государственно-политического соотношения сил трудящихся и буржуазии, это будет лишь начало борьбы. Готвальд и формулировал, вернее, намечал формулировку проекта правительственной программы. Он исходил из того, что проект должен быть приемлемым для Бенеша и его сторонников, чтобы достичь с ними соглашения, но в то же время проект должен содержать пункты, мобилизующие коммунистическую партию и народные массы на борьбу за свою программу. Фирлингер писал об этом проекте программы: «Можно сказать, что всех удивила умеренность требований в программе, предложенной коммунистами... В ней не содержалось никаких прямых требований социализации, прежде всего выдвигалось требование создания нового народно-демократического государственного устройства, наказания коллаборационистов и предателей, конфискации их

имущества, равноправия чехов и словаков при сохранении государственного единства, а также выселения немецкого и венгерского меньшинства»¹.

Ситуация в Словакии (половина Словакии уже была освобождена, и на освобожденной территории коммунистическая партия имела решающее влияние на политическую обстановку) давала возможность идти дальше, чем это предлагала программа. Но Готвальд прежде всего имел в виду обстановку среди чешского народа. А она во многом была неясна, и Готвальд учитывал это. Обе части чешского политического лагеря (лондонская и московская) горели нетерпением поскорее вернуться домой. В то же время они не были уверены в том, как будут приняты, какую ситуацию застанут, какие силы будут работать на них. Этот подтекст соображений заставлял оба лагеря сохранять осторожность и усиливал взаимное недоверие.

Бенеш, уже в январе начавший в Лондоне обсуждение состава нового правительства, прибыв в Москву, озадачил всех новой тактикой. Он заявил, что будет выступать как «президент по конституции», что он не хочет вмешиваться в споры между политическими партиями и лично не примет в них участия. Он захотел остаться «вне партий». Это была предусмотрительная тактика: договаривайтесь как хотите, меня это ни к чему не обязывает, я хочу иметь развязанные руки. Когда его лондонские планы потерпели поражение, он не захотел в Москве связывать себя никакими личными обязательствами. Естественно, что он вмешивался в ход обсуждений, давая «добрые советы» через своих людей, которые его регулярно информировали. Когда наконец правительственная программа была составлена и участники обсуждения подписали ее, Готвальд предложил дать ее на согласование и на подпись Бенешу. Бенеш отказался: это, мол, дело политических партий и нового правительства. Он уклонился от политической ответственности, выжидая дальнейшего хода событий.

В этой ситуации Готвальд решил, что будет лучше обсудить проект правительственной программы по

¹ З. Фирлинггер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 588.

отдельности — чешскими политическими партиями и отдельно делегацией Словацкого национального совета. Потом они соберутся вместе и договорятся. Он рассчитывал, что при таком порядке на заключительном этапе словацкая делегация будет отстаивать предложения КПЧ. Мы согласились с таким порядком. В официальном открытии совещания 22 марта в чехословацком посольстве приняли участие все делегации. От КПЧ были Готвальд, Копецкий, Сланский, Носек и Лаштовичка; от СНС — Гусак, Новомеский, Шолтес, Шробар, Урсини и Стык; от социал-демократов — Фирлингер, Лаушман, Майер и Патцак; от национальных социалистов — Давид, Странский, Углирж и Дртина; от лидовцев — Шрамек и Гала. После договоренности о порядке совещания делегации разделились по национальностям.

Обсуждение делегацией Словацкого национального совета проекта правительственной программы не протоколировалось. Особых трудностей при обсуждении не возникло. Деятели демократической партии, исходя из ситуации на освобожденной территории, опасались более острого курса. Они были приятно удивлены «умеренным тоном» программы. Они дискутировали лишь по частным вопросам и формулировкам. Осложнения ожидалось по словацкому вопросу. В целом вся делегация Словацкого национального совета приняла проект КПЧ без существенных изменений. Правда, не вдруг и не так просто, ибо значительная часть «обсуждения» проходила в кулуарах, или, лучше сказать, в номерах гостиницы «Националь», где были размещены все делегации. А такие совещания уже нельзя было хорошо контролировать. Чешские буржуазные партии стремились договориться с делегатами демократической партии. Урсини хотел «делать общегосударственную политику». Бенеш и его окружение всевозможными путями влияли на Шробара. Плелась сеть закулисных интриг, где программные вопросы переплетались с ожидаемыми партийными и персональными позициями в новом правительстве. Политические аргументы, слухи и паника, комбинации и подкуп наполнили закулисную сторону официальных переговоров. Пере-

говоры вызвали интерес во всем мире, за ними наблюдали великие державы и другие государства. Мы должны были бороться с этими закулисными влияниями и сохранять единство делегации Словацкого национального совета в соответствии с концепцией Готвальда. В конце концов на деятелей демократической партии всегда действовал внутренний козырь: после совещания вы вернетесь домой, вы знаете, какие у нас там позиции. Единству делегации Словацкого национального совета в словацком вопросе способствовала и шовинистическая позиция чешских буржуазных партий. И, таким образом, все в основном шагали в ногу. Действия делегации Словацкого национального совета относительно остальных делегаций были едиными.

Обсуждение проекта правительственной программы на совместных совещаниях четырех чешских политических партий происходило 22—24 марта тоже относительно спокойно, за исключением обсуждения главы шестой о Словакии². Дискуссии велись между московским и лондонским лагерями по поводу формулировок некоторых вопросов. Однако обе стороны были полны желания договориться. Самыми боевыми приверженцами лондонской группы эмиграции были национал-социалисты, «прозападная, то есть либералистическая и капиталистическая направленность которых была слишком очевидна»³. Но огромные успехи Красной Армии сделали «наших партнеров из буржуазного лагеря весьма осторожными при переговорах», — вспоминает далее Фирлингер⁴. В самом начале обсуждения Странский заявил, что он убежден в том, что «мы и на этот раз договоримся». Представители народной партии поддерживали национал-социалистов. Делегация социал-демократов была расщеплена: Майер поддерживал лондонские стремления, Фирлингер и Лаушман — позицию КПЧ. Проект состоял из шестнадцати глав. По поводу некоторых из них (главы 9—16) не было практиче-

² О переговорах существует протокол в АИИС. В дальнейшем я цитирую по этому протоколу.

³ З. Фирлингер. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948, стр. 591.

⁴ Там же, стр. 592.

ски никакой дискуссии. Проект решения вопроса немецкого и венгерского меньшинства (глава 8), который столь важен и касался миллионов людей, был обсужден и единогласно одобрен за «какие-то пять минут»⁵. Что касается остальных глав (1—5 и 7), то дискуссия ни тоном, ни продолжительностью особенно не отличалась от совещаний такого рода. Уже позднее эти переговоры стали драматизироваться в литературе, где выдумывались «исторические победы». После трех дней практически вся правительственная программа, за исключением главы о Словакии, была обсуждена и единодушно одобрена. Поэтому председательствовавший национал-социалист Давид мог 24 марта закрыть совещание: «Трехдневные переговоры показали, что мы полны доброй воли. Я рад тому, что удалось окончательно утрясти программу и что обсуждение происходило в таком братском духе...»

Конфликт и шумиха возникли по поводу шестой главы, которая отражала позицию в словацком вопросе. Делегация Словацкого национального совета в письме от 21 марта сообщила Бенешу и всем делегациям решение Словацкого национального совета от 2 марта со следующим комментарием: «Словацкий национальный совет, начиная с договора перед рождеством 1943 г. и продолжая декларацией от 1 сентября 1944 г. и во всех своих документах, ясно заявил, что в качестве политического представителя словацкого народа он категорически стоит за единую Чехословацкую республику как общее государство словацкого и чешского народов. Путь к крепкому и консолидированному государству мы усматриваем именно в справедливом и честном устройстве отношений этих двух народов. Именно эту цель имел в виду Словацкий национальный совет, принимая прилагаемое постановление как проект решения вышеуказанных вопросов.

Деятели чешских буржуазных партий не отказались от своей шовинистической позиции в словацком вопросе. Осенью 1944 г. они были вынуждены усту-

⁵ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 525.

пить, приняв во внимание самобытность словацкого народа, и признать положение Словацкого национального совета. Однако внутренне они не отказались от своей позиции и надеялись изменить достигнутое положение в более благоприятных условиях после освобождения. Они хотели развязать себе руки в этом вопросе для будущего. Национальные социалисты еще в Лондоне 31 января 1945 г. предложили Бенешу меморандум, в котором свою позицию по словацкому вопросу сформулировали следующим образом: «Политико-правовые гарантии свободного национального развития в конституционных рамках единой в государственном отношении ЧСР будут решены надлежащим образом избранным Национальным собранием путем договора между большинством чешских и большинством словацких представителей»⁶. Такую же позицию они занимали и на московских совещаниях: оттянуть окончательное решение, не принимать твердых обязательств, а там увидим. В этих спекулятивных действиях, исходивших от Бенеша, их полностью поддерживали деятели народной партии и некоторые социал-демократы, особенно Майер. Все обсуждение (и других глав) было пронизано инвективами бенешевских элементов против нового оформления положения Словакии и против сложившейся там ситуации.

Готвальд предполагал, что наибольшая борьба при обсуждении развернется вокруг словацкого вопроса. Он хотел договориться с Бенешем, поэтому смягчал требования партии по другим вопросам, искал приемлемое решение и в словацком вопросе. Сразу же после приезда в Москву из разговора с ним я понял, что он в определенной степени изменил свою позицию. Он уже не хотел даже поднимать вопрос о федеративном решении: с одной стороны, он боялся разрыва с бенешевскими кругами, с другой — полагал, что такую позицию КПЧ бенешевские круги использовали бы для националистической агитации в народных массах против партии. Мы не знаем, что нас ожидает дома, повторял он. То, что у вас имеется в Словакии,

⁶ Цит. по: *Б. Лаштовичка*. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 481.

сохраните. Тем самым положение словаков временно решается. Позднее мы увидим, какова будет ситуация, и сможем вернуться опять к этому вопросу. В этом смысле ему не нравилось даже постановление Словацкого национального совета от 2 марта 1945 г. Он видел в нем лишнюю сложность для обсуждения. Мы много дискутировали по этому вопросу. Он настаивал, чтобы мы уступили, чтобы мы не затрудняли достижения общей договоренности. Мы уступили, но потребовали четкого конституционного заверения со стороны правительства и политических партий в том, что данное положение будет зафиксировано и в новой конституции. В этом духе еще до обсуждения была отредактирована последняя часть шестой главы.

Именно из-за этого конституционного заверения, которое отвергли национальные социалисты, представители народной партии и Майер, на переговорах чешских партий не было достигнуто соглашения относительно шестой главы. Национальные социалисты сообщили, что они предложат собственный проект. КПЧ отстаивала свой проект.

Шестую главу обсуждали совместно делегации чешских партий и Словацкого национального совета; это обсуждение состоялось 25 марта. Странский изложил позицию бенешевских кругов. В его длинном выступлении, полном лицемерия, был подвох, заключавшийся в словах: «Что отличает нас от первого проекта, так это желание внести ясность, что нынешнее положение дел в Словакии носит временный характер, обусловленный словацкой революцией... Устройство нового государства будет таким, как решат совместно чешский и словацкий народы после освобождения...»

Копецкий поставил вопрос иначе: «Думаю, что все, что есть сейчас в Словакии, не только временное состояние, после которого мы вернемся к чему-то прежнему; это основа нового, основа для постоянного решения...»

Делегация СНС уполномочила меня изложить ее точку зрения. Далекий от совершенства протокол обсуждения зафиксировал лишь обрывки мыслей (да и то порой скомканно). Судя по этому протоколу, я сказал, что поведение лондонских кругов «вызывает

впечатление, что отступление их лишь временное и лишь частичное — под давлением фактов. Сейчас уже ничего нельзя изменить в той действительности, которая сложилась в Словакии... Что же касается единого государства, то Словацкий национальный совет ясно выдвигает идею государства чехословацкого. Относительно этого мы никогда не допускали никаких сомнений. В условиях, когда эта идея была непопулярной, мы поддерживали ее даже против своих. В Словакии существовали разные настроения. Но на этой идее мы стояли и стоим ныне. Люди, выступающие от Словацкого национального совета, исповедуют эту идею. Однако она непопулярна, и предстоит большая работа, чтобы поставить ее на новую основу и чтобы сделать отношения сердечными... Сегодня есть опасения, как бы все не вернулось к старому. Правительство должно ясно заявить, что республика будет строиться на новых основах... Мы не хотим, чтобы вернулось положение, существовавшее в течение двадцати лет, не хотим, чтобы в Словакии могло снова возникнуть чувство оскорбления и угнетения. Словаков как нацию и Словацкий национальный совет признали — это факт. Но мы хотим, чтобы было твердое конституционное обещание, хотим знать, что это не временное обещание, но твердая линия чехословацкой политики...» В том же духе говорили и другие делегаты СНС.

После того как делегация СНС обсудила проекты Странского и Майера, отстаивавшие их уже упомянутую позицию, я выдвинул новый проект Словацкого национального совета: «Новое правительство ЧСР приложит усилия к тому, чтобы при конституционном решении отношений между словацким и чешским народами были учреждены словацкие органы власти — законодательной, административной и исполнительной, какую ныне словацкий народ имеет в лице СНС. Распределение компетенций между центральными и словацкими органами власти установят законно избранные представители словацкого и чешского народов». Национальные социалисты отвергли и этот проект. Мы констатировали наличие явного недостатка доброй воли прийти к соглашению. Готвальд тоже

возмутился: «Нам было сказано: не называйте того, что сложилось в Словакии, парламентом, правительством... и президент тоже сказал: не настаивайте на названиях. Держитесь сути. Помните о чешском народе, как бы его заранее не отпугнуть. И вот словаки выходят с новым проектом. По сравнению с первоначальными требованиями это действительно уступка. Словацкие друзья полностью отвечают тому, что было до сих пор главным условием. И вот сейчас, когда найдена такая формула, снова твердят, что она неприемлема... Они (лондонские деятели.— Г. Г.) не понимают: нельзя этому правительству ступить на землю республики, а в особенности на землю Словакии, без того, чтобы сказать словакам слова, которые бы их более или менее удовлетворили. То, чего они (словаки.— Г. Г.) хотят,— весьма скромно... Я не могу себе представить нового правительства, которое могло бы меньше сказать и меньше дать словакам, чем это...»

Тот день закончился без успеха. За ночь бенешевцы обсудили положение. Они испытывали терпение делегаций СНС и КПЧ. Словацкий национальный совет недвусмысленно дал понять, что в вопросе конституционных обязательств правительства относительно нового положения Словакии он дальше не отступит. Делегация Компартии Чехословакии была полностью солидарна с позицией СНС. Можно было лишь или принять новый проект СНС, или сорвать переговоры. И бенешевцы капитулировали. На другой день, 26 марта, они сообщили, что согласны на последний проект СНС. Таким образом, и эта шестая глава была принята. Странский с кислым видом отправил в Лондон 26 марта информацию для Рипки об отношении к словацкому вопросу. Как этот вопрос ставили национальные социалисты, показывает ответ Рипки, Славика, Клецанды и К° от 29 марта Странскому: «В словацком вопросе до последней минуты отстаивайте нашу позицию против дуализма. Стойте на том, что без представителей чешских областей никто не вправе решать будущую структуру государства⁷. И они дейст-

⁷ Цит. по: *Чейке-Клине*. За свободу ЧСР, т. III, Прага, 1960, стр. 445.

вительно «до последней минуты» отстаивали свою шовинистическую позицию. Но не отстояли. И тут пришлось им капитулировать.

Параллельно с обсуждением программы проходили дискуссии по готвальдовскому проекту структуры нового правительства и закрытие дискуссии о составе его. Эти вопросы были особенно болезненными для политических партий и для многих отдельных деятелей, главным образом лондонских. Решался вопрос политической власти в важнейшем государственном органе, которая могла оказать влияние на дальнейший ход борьбы на родине. Национальные социалисты домогались ключевых позиций. Они предложили обсуждать состав правительства в узком кругу. Готвальд, по согласованию со Словацким национальным советом, предложил, чтобы из 25 мест в правительстве 9 было отдано словакам. Это число показалось бенешевцам слишком большим. Сам Бенеш в разговоре с делегацией СНС выразился по этому поводу так: «Каждый должен знать свое место за столом. Не надо садиться выше, чем подобает». На эти слова я реагировал своим выступлением на совещании 27 марта: «Я считаю, что лицо правительства будет тем лучше, чем больше в нем будет словаков... С другой стороны, мы слышали разговоры о том, что требования словаков преувеличены, что они заделались важными господами и т. п. Думаю, что правительству следовало бы продемонстрировать свое отношение к словакам. Шесть (министров) плюс три (государственных секретаря); по нашему мнению,— вот самый низкий возможный предел». Странский повторил аргументы Бенеша, что предлагаемое представительство словаков «непомерно завышено» и что это идет за счет чешских партий. Много об этом спорили. Шробар напомнил о 1918 г.: «В первом правительстве ЧСР были только Штефаник да Шробар. В Женеве договорились, что будут три министра-словака, да и из них потом одного отспорили». В конце концов обсуждение перенесли на комиссию из шести человек (лидеры четырех чешских политических партий и мы со Шробаром от СНС). Члены этой комиссии еще долго торговались друг с другом, но наконец 28 марта договорились о составе

нового правительства. Словаки в нем были представителями не политических партий, а Словацкого национального совета. Что касается деятелей Компартии Словакии, то Готвальд рекомендовал нам так разделить обязанности, чтобы те из нас, кто готовил и вел восстание (Шмидке, Гусак, Новомеский), из соображений преемственности остались работать в партийных и национальных органах Словакии, а в правительство мы послали бы тех, кто не мог принять участия в восстании (Широкий, Дюриш, Клементис). Мы согласились с таким предложением. Словацкий национальный совет выдвинул в новое правительство В. Широкого, Й. Шолтеса, Ю. Дюриша, В. Клементиса, Я. Урсини, В. Шробара, И. Пиетора, Й. Лихнера и полковника М. Ферьенчика. Стоит отметить, что в закулисной борьбе больше всего трудностей у нас оказалось с кандидатурой В. Клементиса. Люди, позднее содействовавшие его трагической гибели, в те дни возражали против его участия в правительстве. Но в конце концов кандидатура В. Клементиса прошла⁸.

Вопреки всем планам и комбинациям общая расстановка политических сил в правительстве приняла такой вид, что, в сущности, там имело место равнове-

⁸ Состав нового правительства, о котором было достигнуто соглашение во время переговоров в Москве и объявленный в Кошице, был следующим: премьер-министр — З. Фирлингер (соц.-дем.), его заместители — К. Готвальд (КПЧ), В. Широкий (КПС), Й. Давид (нац.-соц.), Я. Урсини (ДП), Я. Шрабек (народная партия Чехии); министр иностранных дел — Я. Масарик (беспарт.), государственный секретарь иностранных дел — В. Клементис (КПС), министр национальной обороны — Л. Свобода (беспарт.), государственный секретарь национальной обороны — М. Ферьенчик (беспарт.), министр внешней торговли — Г. Рипка (нац.-соц.), государственный секретарь внешней торговли — Й. Лихнер (ДП), министр внутренних дел — В. Носек (КПЧ), министр финансов — В. Шробар (ДП), министр образования — З. Неедлы (КПЧ), министр юстиции — Я. Странский (нац.-соц.), министр информации — В. Копецкий (КПЧ), министр промышленности — Б. Лаушман (соц.-дем.), министр сельского хозяйства — Ю. Дюриш (КПС), министр внутренней торговли — И. Пиетор (ДП), министр транспорта — ген. А. Гасал (беспарт.), министр связи — Ф. Гала (народная партия Чехии), министр социального обеспечения — Й. Шолтес (КПС), министр здравоохранения — А. Прохазка (народная партия Чехии), министр продовольствия — В. Майер (соц.-дем.).

сие сил левого и правого лагеря. Договор московской и лондонской эмиграции, к которому они шли, осуществился. А также и неизбежный договор со Словацким национальным советом. Несмотря на то что противоречия остались, что не было чрезмерного энтузиазма ни у одной, ни у другой стороны, всеобщее чувство облегчения обеих сторон эмиграции хорошо выразил премьер-министр правительства Фирлингер в заключительном слове переговоров:

«...Наши дискуссии иногда были бурными, и все же мы пришли к успешному концу. Наши делегации возвращаются на родину, наладив контакт со словацкой делегацией, со словацким революционным движением. Мы возвращаемся, обретая единство, это величайший прогресс... Я считаю, что все это представляет собой огромный успех, что в отличие от других эмиграций, пытающихся создать правительство Народного фронта, мы первое государство, которое приводит в порядок свои дела еще за рубежом и вступает на территорию освобожденной родины в составе широкого Национального фронта». Шестерка политиков сообщила результаты переговоров о программе и составе правительства Бенешу. Он держался как «конституционный президент»: с холодным выражением лица принял сообщение к сведению. С концом эмиграции наступал и конец его диктаторского положения. Он должен был уже в Лондоне расстаться не с одной иллюзией. Однако он не отказывался от надежд, что будущее будет благоприятствовать его планам.

В заключение переговоров и официального визита Бенеша в Москве Сталин дал торжественный ужин в прекрасном Георгиевском зале в Кремле. Присутствовали почти все выдающиеся политические и военные деятели СССР и ведущие представители чехословацкой политической жизни. Меня мучили сомнения, как идти на этот ужин: у меня был лишь один серый костюм. В. Патцак, который был ниже и толще меня, дал мне вечерний костюм и ботинки. Вид у меня в этом одеянии был, как у огороженного пугала. Я чувствовал себя неважно в одежде, которую мне дали. Готвальду тоже быстро достали темный костюм.

Зато лондонские деятели были обеспечены, они привыкли вращаться в «высшем обществе» Лондона. Эти волнения и трудности, связанные с одеждой, — кто чувствовал бы себя хорошо, если ему коротки рукава и брюки? — тоже показывали, насколько различны эти два состава деятелей, которые впряглись в общую повозку государственной политики. Около Сталина с одной стороны сидел Бенеш, а с другой — безусловно, не случайно — Шробар. Сталин целый вечер был занят Шробаром. Ему нравился этот благородного вида старец; он был веселым собеседником, курил сигары и пил наравне со Сталиным. Бенеш при каждом из бесконечных тостов лишь вежливо пригублял, а потом ставил бокал на стол. Сталин и Шробар честно выпивали. Сталин, постаревший, седой, восхищался жизненной силой почти 80-летнего Шробара. После ужина он пригласил нас в кино. Шробара он взял под руку, повел его и посадил рядом с собой. Демонстрировали документальные кадры об освобождении Будапешта. Во время ужина Шробар очень ворчал на венгров. После фильма Сталин с улыбкой спросил его: «Хорошо мы разбили фашистов под Будапештом? Хватит им этого или еще добавить?» Эта демонстративная внимательность Сталина по отношению к Шробару была причиной того, что некоторые деятели (например, Копецкий) стали видеть в Шробаре большую политическую личность. Они не могли понять, когда мы утверждали, что политическое влияние Шробара в Словакии равняется нулю. Они смешали человеческое обаяние старого человека и его политические возможности. Мы в жесте Сталина видели и скрытую демонстрацию против Бенеша.

На многие тосты в честь СССР и Красной Армии отвечал Сталин. Вы все хвалите Красную Армию. Конечно, ее есть за что хвалить. Но не забывайте, что и солдаты — тоже люди. А наши солдаты, прежде чем прийти к вам, прошли много тысяч километров. С жестокими боями. Они видели уничтоженными свои города и села. Убитые или угнанные семьи. Они прошли через невероятные людские страдания. Не удивляйтесь, если после всего этого некоторые из них иногда выходят из колен, обычной для нормальной жизни

ни. Поймите это, а я вас прошу за них: извините их. На меня эти слова воздействовали необычайно сильно. Главнокомандующий победоносной армии, которая приносит свободу десяткам народов и уничтожила могущественную армию на свете, извиняется за возможные мелкие провинности своих солдат! И в этом была сила социализма.

31 марта длинный поезд увозил из Москвы деятелей московской и лондонской эмиграции, делегацию Словацкого национального совета, президента, старое и новое чехословацкое правительство на свободную словацкую территорию. Как вспоминает В. Копецкий, «из Советского Союза в Кошице в одном поезде ехали две «команды» политических деятелей: московская «команда» под руководством Клемента Готвальда и лондонская «команда» под руководством Эдуарда Бенеша. Лондонская «команда», бесспорно, думала про себя, что «разделяется» с нами дома и что в процессе развития республики вырвет у нас наконец победу. Московская «команда» тоже ехала домой с сознанием, что она выиграет конечную победу у лондонской «команды» и у чехословацкой реакции»⁹.

Два различных политических лагеря в эмиграции договорились о временных совместных действиях; в перспективе, в дальнейших целях они расходились диаметрально. Этот договор содержал в себе зародыш всех будущих споров и сражений.

Копецкий, как это часто бывало, забыл о третьей «команде», которая ехала в том же поезде в Кошице и не относилась ни к московской, ни к лондонской эмиграции. Он забыл о делегации Словацкого национального совета. Я сразу же по окончании переговоров улетел в Кошице на самолете, чтобы все подготовить к прибытию главы государства и правительства. Меня не оставляли мысли о том, что предшествовало московским переговорам и соглашениям. 26 марта прогремел салют, осветивший небо над московским Кремлем в честь освобождения Банска-Бистрицы. Я выступил в связи с этим по московскому радио.

⁹ В. Копецкий. ЧСР и КПЧ. Прага, 1960, стр. 383.

Бистрица для многих была обычным городом. Для нас же это был символ общенародной борьбы. Мысли мои постоянно возвращались к сотням тысяч людей, которые дома сражались за свободную жизнь да еще и теперь продолжали приносить свои тяжелые жертвы — в горах и лесах, в подполье, в концентрационных лагерях, в тюрьмах, в плену. Я думал о восстании и о боях в горах. Там люди мыслили несколько иначе, чем в салонах чехословацкого посольства в Москве. Вскоре обе эмиграции встретятся с бойцами Сопротивления в стране. Кроме классово-политических противоречий, о которых я упоминал, тут была еще одна вещь: главный правительственный орган состоит большей частью из эмигрантов. У него в руках будет власть. Будет ли у него понимание антифашистских борцов, которые годами самоотверженно и бескорыстно приносили огромные жертвы? Во время московских переговоров меня беспокоило многое в образе мыслей и речах заграничных деятелей, прежде всего лондонских. Составим правительство и отправимся домой. А что те, которыми будут управлять? Поймут ли их горести, страдания и чаяния люди, которые свыше шести лет были удалены от родины на тысячи километров? Достаточно ли для этого только политического ремесла? Наши народы за эти шесть лет прошли через тяжкие испытания, прошли большую боевую школу. Народ желал, чтобы наконец правда восторжествовала, чтобы слова не расходились с делами, чтобы политика перестала быть «барским произволом». Там, где много страданий, возникает мечта о справедливости и моральной чистоте. Отвечает ли этим чаяниям новое правительство? Не будут ли вновь обмануты народ и нация? Я достаточно насмотрелся всего за кулисами, чтобы мне стало ясно: борьба будет продолжаться дальше, в новых формах. Но эту борьбу должны вести не две «команды» заграничной эмиграции, а миллионные массы трудящегося народа. Те народные силы, которые вели дома кровавую борьбу против фашизма.

34. ПОБЕДА НАД ФАШИЗМОМ

В Кошице я прибыл, если не ошибаюсь, 31 марта. Приготовления к встрече президента, правительства и остальных деятелей из-за рубежа были в полном разгаре. После переговоров в Москве мы хотели приветствовать государственных представителей торжественно. Кошице на целый месяц становился главным городом республики. В то время это был своеобразный город. Большинство словацкого населения покинуло его во время венгерской оккупации. Теперь сюда возвращались тысячи людей: жители, изгнанные хортистским режимом, партизанские отряды, спускающиеся с гор, нелегальные работники из только что освобожденных районов и много одиночек, ищущих, как бы устроиться в создающихся учреждениях и организациях. Все искали жилье, работу, питание, знакомых, политических сведений. А есть было нечего и негде остановиться. В настоящее время нужно было достойно встретить и разместить президента, более двадцати министров и обширный аппарат, который прибывал с ними и за ними. Они меня в Москве просили, чтобы во время встречи президента были и католические и другие епископы. С Войташшаком не удалось договориться. Когда его в феврале агитировал Шробар в пользу ЧСР, он, указывая на портрет Тисо, висевший на стене, сказал: «Здесь мой президент». В Кошице находился венгерский епископ, назначенный режимом Хорти. Мы уговорили Чарского, который был епископом в Кошице перед венгерской оккупацией, чтобы он возвратился из Прешова обратно в свою старую резиденцию. Он отговаривался, ссылаясь на то, что этот вопрос может решить только «святой отец» в Риме. Мы провели уже столько революционных мероприятий, что не колебались посягнуть и на права «святого отца».

Хортистского епископа с его помощниками мы посадили в автомобиль и вывезли на венгерскую границу. В оставленную резиденцию возвратился Чарский уже в соответствии с каноническим правом, что он будет приветствовать главу государства. Затем хлопоты, связанные с оркестром. Во время торжества должна звучать музыка. Мы уже однажды на этом погорели в Кошице. Подготавливалась торжественная передача ключей от города представителям Словацкого национального совета. Нужно было, чтобы оркестр сыграл государственные гимны. Но под рукой не оказалось никого, кроме цыган. Они же гимна не знали. С большим трудом мы раздобыли ноты, и цыгане заверили нас, что они сыграют гимн лучше кого бы то ни было. И сыграли. Торжества проходили в Национальном театре. Комендант города майор Дворкин торжественно передал на сцене ключи Шробару. В середине его выступления цыгане, которые не понимали ни по-словацки, ни по-русски, неожиданно начали играть. Мы все встали, Дворкин прекратил свою речь. «Где дом мой» они сыграли очень тягуче, а из «Над Татрами сверкают молнии» они сделали своеобразный чардаш, да такой, что, будь это в какой-нибудь таверне, никто не удержался бы, чтобы не пуститься в пляс. Гимны закончились, Дворкин закончил выступление и протянул Шробару руку. Цыгане снова заиграли гимны, снова все встали по команде «смирно». Все это повторилось четыре раза. Шробар так разозлился, что выпустил поданные ему ключи. Партизаны из охраны сгоряча тут же арестовали цыган. Но они от этого не очень пригорюнились и продолжали играть все, что умели. Их выпустили, но уже никто больше не осмелился снова приглашать их на торжества. Нам пришлось искать военный оркестр.

Таких хлопот был полон рот. После прибытия из-за рубежа членов правительства возникли новые трудности. Кто-то получил квартиру получше, кто-то похуже, якобы мы о них совсем не заботимся, питание никуда не годится, а ведь они как-никак представляют собой правительство республики. Копецкий спустя годы не раз говорил, что суп в «Салкхазе» («Слована») он никогда нам не простит. Местные распоряди-

тели ругались, заявляя, что мы должны были затянуть совещания в Москве, чтобы все эти деятели могли прибыть в другой город. В Кошице было, пожалуй, труднее, чем в Банска-Бистрице во время восстания. По всей вероятности, потому, что в Бистрице не было столько высокопоставленных и особенно требовательных деятелей. Известное дело, с высокими господами всегда много хлопот.

* * *

Я опубликовал в «Правде» статью (3 апреля) под заголовком «После Московских переговоров», чтобы люди знали, что везет делегация из Москвы, и тепло ее встречали. Встреча действительно была очень сердечной на всем пути от границы до Кошице. Словацкий национальный совет опубликовал обращение:

«Словацкий народ, который под руководством Словацкого национального совета и национальных комитетов поднялся осенью прошлого года на вооруженную борьбу за новую Чехословакию, сердечно и искренне приветствует на свободной словацкой земле главу государства и представителей заграничного движения Сопротивления...»¹.

Этот тон был характерен для всех приветственных речей. Бенеш и другие члены делегации в Москве нервничали, не зная, какая встреча их ждет дома. Мы говорили, если будут достигнуты соглашения, то встреча будет горячей. И в своих ответах мы затрагивали ту же струну. В Гуменном Бенеш сказал: «Я благодарю всех наших словацких борцов за свободу, воинов словацкой армии Сопротивления, партизан и всех политических деятелей Сопротивления, которые уже много месяцев находятся в огне патриотической борьбы, держат в руках знамя нашей общей свободы, свободы Словакии и свободы республики... Мы сознаем и всегда должны сознавать то, что мы создаем новую жизнь и новый мир и что во имя этого нового мира мы закладываем новое государство здесь, в Словакии»².

¹ «Президент вновь среди нас». Братислава, 1945, стр. 12.

² Там же, стр. 18—19.

Я открывал и всл главное торжественное мероприятие, связанное со встречами гостей и проводившееся в театре. Ораторов было много, но основные мысли повторялись. От имени КПС с приветствием выступил Ю. Дюриш: «Сегодня мы знаем, что фундамент Чехословакии, заложенный в 1918 г., ни с точки зрения внутренней, ни с точки зрения международной не был особенно прочным... Сегодня... мы во внутренних делах опираемся на единственно возможный и прочный фундамент — на народ. Полное равноправие наших народов приведет теперь не к раскольническому национализму, но к братанию. Свободная Словакия будет укреплять, а не угрожать народной и демократической Чехословакии... Мы, словаки, на этой основе объединили наш народ и поднялись на совместную победную борьбу с другими народами. Наше национальное восстание было и является частью борьбы словацких и остальных демократических народов мира и вовсе не случайностью. И именно потому, что это наше национальное восстание не является случайностью, мы сознаем необходимость также и экономического освобождения нашего народа... Поэтому сегодня словаки уже не являются той пассивной частью нации, какой они были в 1848 г. и даже в 1918 г. Сегодня в нашем общем государстве мы не только являемся фактором, который сознательно оказывает помощь измученному чешскому народу, но который достоин иной участи в жизни страны, чем это было в 1918 г. В духе Банска-Бистрицы мы отдаем наши силы на борьбу за ускорение победы. В духе Словацкого национального восстания от имени КПС я приветствую вас, г-н президент, со всей сердечностью...»³.

Это не были дежурные речи, которыми страна приветствовала деятелей, вернувшихся из-за границы. От имени профсоюзов выступал А. Тяжкий: «Я могу смело сказать, что словацкий рабочий класс не обманул надежды. Его не удалось сломить террором, его не удалось обмануть обещаниями... В подпольной борьбе и в героическом народном восстании словацкий рабочий класс играл значительную роль... Словацкий рабо-

³ Там же, стр. 32--33.

чий класс решительно и монолитно выступил в первых рядах борцов за свободу словацкого народа и Чехословакии и убежден, что в новом государстве он займет наряду с чешским рабочим классом то место, которое он заслуживает...»⁴.

Один за другим выступавшие напоминали Бенешу и другим точку зрения повстанческой и революционной Словакии. К этому тону должен был приспособиться и Бенеш. Он заявил: «...Мы действительно начинаем новую жизнь. И вы в Кошице по праву начали ее строительство под руководством Словацкого национального совета еще до нашего возвращения. Но ведь и мы возвращаемся не на то место, откуда ушли в 1938—1939 гг. Мы хотим вместе с вами начать строительство государства на новой основе. Наше возвращение домой не является возвращением в прошлое... Мы, которые возвращаемся из лондонской и московской эмиграции, хотим лояльно сотрудничать на освобожденной территории с вами и с теми, кто еще ждет своего освобождения в Словакии и в чешских землях. Новой реальностью будущей жизни государства будет и отношение между чехами и словаками... Сегодня движущей силой в освобождении Словакии является сама Словакия, руководство которой находится в руках Словацкого национального совета... Должно быть совершенно ясно... что словаки и чехи будут строить свое новое государственное единство как равноценные и равноправные деятели. Это чехам и мне лично представляется само собой разумеющимся...»⁵.

4 апреля 1945 г. согласно договоренности в Москве было провозглашено новое правительство. На следующий день на торжественном заседании Словацкий национальный совет приветствовал Бенеша и новое правительство. После приветствия Шробара, в котором он заявил, что «в Банска-Бистрице была заложена основа для дальнейшего политического развития государства», а также подчеркнул значение признания самостоятельности словацкого народа и Словацкого национального совета, с большой речью выступил Бе-

⁴ Там же, стр. 41—42.

⁵ Там же, стр. 47—48.

неш: «...Это первая возможность, представившаяся мне за более чем шесть лет выступить перед отечественными политическими деятелями. И я не считаю простой случайностью, что это происходит в вашем собрании, которое представляет сегодня борющуюся Словакию. Это имеет более глубокое символическое значение... что я возвращаюсь сегодня домой с Востока через Словакию... Словацкое восстание и все то, что мы сделали с того времени, с новой силой подтвердило внутри республики и за ее пределами, что Словакия с 1918 г. окрепла, стала более могучей, развилась в культурном, политическом и организационном отношении и теперь ставит вопрос, чтобы с уважением отнеслись к ее особым правам и чтобы были признаны ее особые интересы... Когда будет освобождена вся республика, Словакия уже не будет в вассальном подчинении чехов и взаимные соглашения будут достигнуты братским и демократическим путем...»⁶.

В тот же самый день председатель правительства Фирлингер выступил на заседании Словацкого национального совета с правительственным заявлением (Кошицкая правительственная программа), а Клемент Готвальд прочитал 6-ю статью правительственной программы, которую он назвал «Великой хартией словацкого народа». Это название, которое, кажется, придумал Копецкий, нас удивило. Оно нам не очень понравилось. После того, о чем я уже говорил, думаю, не надо объяснять, что слово «Великая» нам казалось слишком напыщенным. А хартии (перечень свобод) феодальные владыки обычно дарили своим вассалам. Такого решения словацкого вопроса, как оно было сформулировано в правительственной программе, словацкий народ добился в борьбе. Никто ему ничего не дарил. Однако название осталось.

Готвальд в своем выступлении сказал:

«...Новое правительство доверило мне, чеху, эту почетную роль для того, чтобы тем самым подчеркнуть уверенность, что эта программа в отношении словацкого народа и Словакии будет одобрена и поддержана всем чешским народом... Если в новой республике бу-

⁶ Там же, стр. 62—63.

дет действительно господствовать воля чешского и словацкого народов, тогда никто и ничто не сможет разрушить или омрачить истинное братство между чехами и словаками.

Сознавая это, новое правительство провозглашает и будет придерживаться следующего.

Правительство в качестве первого отечественного правительства республики будет стремиться к осуществлению чехословацкого государственного содружества, основанного на новых принципах. Будет положен конец всем старым спорам, и, исходя из признания словаков как национально самобытного народа, правительство будет с самого начала последовательно стремиться к тому, чтобы во взаимоотношениях чехов и словаков осуществлялся принцип «равного с равным» и чтобы таким образом сцементировалось истинное братство между двумя народами.

Признавая, что словаки должны быть хозяевами на своей словацкой земле точно так же, как чехи на своей чешской национальной родине, и что республика будет восстановлена как общее государство равноправных наций — чешской и словацкой, правительство сопровождает это признание важными государственно-политическими актами. В Словацком национальном совете, опирающемся на национальные комитеты в городах и районах, оно будет видеть не только законного представителя самостоятельного словацкого народа, но и носителя государственной власти на территории Словакии (власти законодательной, правительственной и исполнительной), как это вытекает из особых соглашений между Словацким национальным советом, президентом республики и чехословацким правительством в Лондоне. Общие государственные задачи правительство в качестве центрального правительства республики будет решать при самом тесном сотрудничестве со Словацким национальным советом и Корпусом словацких национальных уполномоченных как исполнительным правительственным органом Словацкого национального совета.

В рамках вновь созданных единых чехословацких вооруженных сил и на основе общих уставных требований будут созданы национальные словацкие военные

соединения (полки, дивизии и т. д.), рядовой состав, младшие офицеры и офицеры которых будут по преимуществу словацкой национальности и использовать будут в основном словацкую речь. Офицеры бывшей словацкой армии, если они не совершили преступлений против национального достоинства и не должны подвергнуться уголовному преследованию за свою деятельность во время бывшего предательского режима, могут перейти в чехословацкую армию на те же самые должности, причем решающим при этом будет характеристика и рекомендация Словацкого национального совета.

Новое правительство республики будет стремиться к тому, чтобы при конституционном решении взаимоотношений словацкого и чешского народов были образованы словацкие органы законодательной, судебной и исполнительной власти, такие же, какие имеются сейчас в Словацком национальном совете.

Будущее разделение компетенции между центральными и словацкими органами обсудят законные представители чешского и словацкого народов. В центральных, государственных, экономических органах и других институтах общегосударственного значения словакам будет обеспечено соответствующее представительство в отношении как количества, так и их роли».

В конце своего выступления Готвальд сказал:

«У вас есть полная гарантия, что положение словацкого народа в рамках обновленной Чехословацкой республики будет отвечать желанию словаков»⁷.

Свое отношение к правительственному заявлению и выступлению К. Готвальда от имени Словацкого национального совета высказал Л. Новомеский. Он заявил: «Словацкий национальный совет и с ним весь словацкий народ с удовлетворением и радостью принимают заявление первого чехословацкого правительства по словацкому вопросу, сделанное на родной земле заместителем председателя правительства К. Готвальдом. Принципы улучшения взаимоотношений между словацким и чешским народами, на которых первое правительство Национального фронта чехов и слова-

⁷ Там же, стр. 80—81.

ков строит свою программу, на наш взгляд, являются единственным надежным способом устранения раз и навсегда всяческих причин, вызывающих недоразумения между народами Чехословакии, единственным условием братского содружества и тесного сотрудничества как в борьбе против общего врага, так и в деле нового строительства нашей действительной общей родины.

Словацкий народ в огне своего восстания заявил всему миру о своей решимости жить с чешским народом в единой и неделимой Чехословацкой республике. Он не позволил себя обмануть старой ложью и фикцией фальшивой государственной самостоятельности, а также тем, что во время рабства, физического уничтожения и последовательного разорения всех славянских народов ему, единственному,—именно потому, что он был последним в их ряду,—жило сравнительно спокойно ценой постыдного предательства всех его идеалов горсткой собственных предателей. Заявив о нашей решимости, мы навсегда разбили надежды врагов нашего общего дела и сомнения друзей в воле словацкого народа.

Первое чехословацкое правительство Национального фронта после прибытия на землю освобожденной Словакии заявило перед единственным представителем политической воли словацкого народа — Словацким национальным советом — свою решимость признать и уважать словацкую национальную самобытность и все вытекающие отсюда последствия как в настоящее время, так и в будущем. Его не обмануло то, что кучка словацких предателей в течение шести лет злоупотребляла именем и волей словацкого народа, помогала немецко-фашистскому империализму разрушить Чехословакию, и впоследствии от имени словацкого народа она допускала неслыханные злодеяния, в частности устранила демократию из процессов общественной жизни, внедрила расистские законы в Словакии и, наконец, объявила войну Советскому Союзу, Англии и Америке. Пусть благодаря решению чехословацкого правительства будут навеки устранены все разногласия между народами нашей республики в прошлом и устранены их причины в бу-

душем. Те разногласия, которые питали надежды врагов и вызывали сомнение друзей в нашем стремлении к единству и неделимости.

Словацкий национальный совет с удовлетворением констатирует также, что правительство Национального фронта чехов и словаков с полным уважением относится к Словацкому национальному совету как органу законодательной, правительственной и исполнительной власти в Словакии и что оно обещает стремиться к тому, чтобы и в будущем словацкая законодательная и исполнительная власть обеспечивалась будущей конституцией Чехословацкой республики. Это значит, что словацкий народ будет хозяином на своей земле, так как им будет чешский народ в чешских областях, а также то, что общие проблемы единого государства чехов и словаков будут решаться на основе демократических соглашений между обоими народами.

Словацкий народ с волей, закаленной в борьбе за свое существование против врагов Чехословакии и славян, с полным доверием идет навстречу будущему в новой Чехословакии, где равный в правах и обязанностях с братским чешским народом он будет сам решать свои дела демократическим способом.

Это будущее ему гарантирует его национальное сознание, воспитанное в течение 20 лет совместной жизни с чешским народом в Чехословацкой республике, его сознание славянского родства, укрепленное в кровопролитной борьбе с нацистскими и фашистскими врагами демократии и славянства, его словацкое и славянское сознание, объединившее его под флагом антигерманского восстания осенью 1944 г., в котором словацкий народ доказал, что он умеет братья за оружие, когда нужно бороться за свои права, и может понести за дело своей свободы самые тяжелые жертвы.

Мы верим, что это будущее ему также гарантирует демократический образ мыслей чешского народа, который, уважая свои собственные права, признает такие же права своего ближайшего братского словацкого народа...»⁸.

⁸ Там же, стр. 84—86.

Таким образом, московские соглашения, касающиеся правительственной программы и решения словацкого вопроса, были официально провозглашены в качестве политической основы работы правительства и всего Национального фронта. Кошицкая правительственная программа была издана массовым тиражом и всячески популяризировалась.

* * *

В Словацкий национальный совет 2 марта 1945 г. были кооптированы 15 человек (плюс к 50 членам, которые были там во время восстания): Й. Вало, Я. Борош, Р. Зарембова, М. Шпак, М. Ондруш, О. Елень, М. Янус, М. Томиш, Ф. Комзала, Ш. Мурняк (все от КПС), Ш. Кочвара, К. Фолта, Ю. Гашперик, Ф. Годжа, М. Зибрин (от демократической партии). В апреле число членов Словацкого национального совета было увеличено еще на 16 человек (таким образом, общее количество было доведено до 81, из которых, однако, большинство погибло в боях): от КПС — В. Плахта, Я. Ракацкий, Ю. Дюриш, В. Широкий, Я. Мазур, И. Рогаль-Йокив, П. Бабей; от демократической партии — М. Пирховский, Й. Пее, А. Девечка, Ф. Байтош, Я. Лихнер, Ш. Рихвалдский, А. Гарчар, П. Жидовский; М. Ферьенчик — от армии. Таким оставался состав Словацкого национального совета до выборов на съезде национальных комитетов 28 августа 1945 г.

В связи с переходом некоторых работников Словацкого национального совета в правительство возникла необходимость реорганизовать органы Словацкого национального совета. 7 апреля 1945 г. состав президиума Словацкого национального совета был изменен: председатели — К. Шмидке и Й. Леттрих, заместители председателей — Г. Гусак, Л. Новомеский, Д. Эртл, М. Полак, Й. Стык и Т. Тварожек.

Постановлением Словацкого национального совета 7 апреля 1945 г. были реорганизованы также управления и был назначен новый Корпус уполномоченных в следующем составе: внутренние дела — Г. Гусак, сельское хозяйство — М. Кветко, промышленность — Я. Пулл, финансы — Т. Тварожек, образование —

Л. Новомеский, юстиция — И. Штефаник, социальное обеспечение — Ф. Комзала (вскоре затем И. Хорват), здравоохранение — В. Турзо, транспорт и общественные работы — К. Фило, почта — Я. Шефчик, продовольствие — М. Палка, информация — М. Хорват. Паритетное представительство в Словацком национальном совете, президиуме СНК и в Корпусе уполномоченных при этом сохранялось.

До тех пор пока правительство находилось в Словакии (в Кошице), оно, в общем, не вмешивалось в деятельность национальных органов. В Кошице образовывалось ядро министерств в основном из деятелей лондонской и московской эмиграции. После переезда правительства в Прагу на основе правительственной программы 1 июня 1945 г. было достигнуто соглашение между правительством и президиумом Словацкого национального совета, связанное с разделением функций и решением некоторых других проблем (так называемое первое пражское соглашение).

По инициативе Готвальда в Кошице было образовано общегосударственное руководство партии — временный ЦК КПЧ. Это должен был быть внутренний партийный орган, так как внешне КПЧ и КПС выступали как организационно самостоятельные партии. В этом руководстве было 9 чешских товарищей (Готвальд, Сланский, Копецкий, Швермова, Носек, Лаштовичка, Кроснарж, Прохазка, Гарус) и 8 словацких товарищей (Шмидке, Гусак, Новомеский, Широкий, Дюриш, Шолтес, Фриш, Бацилек). Этот ЦК КПЧ собрался на свое первое заседание 8 апреля. На нем был избран узкий президиум ЦК: Готвальд, Шмидке, Сланский, Копецкий, Носек, Широкий.

Вследствие огромного объема задач, которые должна была решать партия на освобожденной территории, руководство КПС 8 апреля в Кошице созвало расширенный актив работников КПС. В политическом докладе Э. Фриша и организационном реферате К. Бацилека оценивалась работа партии на освобожденной территории, ее недостатки и неясности в некоторых районах. Внимание было сосредоточено, в частности, на помощи партии в деле мобилизации и реше-

ния политических проблем (национальные комитеты, земельная реформа, Национальный фронт и т. д.). В широкой дискуссии работники говорили о трудностях и проблемах. Реформа идет медленно, реакционные элементы осложняют проблемы, затягивают ход земельной реформы. Кое-где работники партии соглашались идти в органы национальных управлений на предприятиях и затем оказываются под влиянием хозяев предприятий. Целые районы, тяжело пострадавшие от войны, требуют быстрой помощи (в частности, северные районы, Погронье и т. д.). Помощь идет медленно. Десятки сел немцы сожгли. Как в этих случаях быстро помочь населению? Многие стремятся избежать мобилизации. Поступают жалобы на недостаточную осторожность при проверке скомпрометировавших себя элементов. Возникают проблемы с венгерским меньшинством. Много жалоб на действия членов демократической партии. Я, выступая на активе, в своем заключительном слове, говоря об этих проблемах, сказал, что нужно не линию менять, а улучшать работу всех партийных и государственных органов. В дискуссии принял участие и К. Готвальд. Он перед партийными работниками говорил достаточно откровенно, поэтому его выступление также не было опубликовано в печати. Он объяснил, на чем основываются позиции классовых сил у нас после освобождения и возможности, которые возникают перед трудящимися: «Главная проблема политики заключается в том, чтобы мы, как партия трудящегося народа и рабочего класса, сумели повести всю нацию и чтобы нас признали как представителей нации. Сила буржуазии, кроме дубинок, заключается и в том, что с самого начала она заявляла о себе как о представителе народа, что свои классовые интересы она провозглашала от имени всей нации и ей удавалось во многих случаях поставить нас вне нации и объявить агентами иностранных сил. Сейчас настали другие времена. Народ ищет иного вождя, и таким вождем может быть только рабочий класс и мы, коммунистическая партия, партия рабочего класса. И речь идет о том, чтобы мы стали ведущей силой. Те трудности и борьба, которую вы действительно ведете с так называемыми демокра-

тами, являются признаком того, что дело идет о борьбе за руководство народом... Сегодня мы боремся с буржуазией за доверие народа. Выиграет тот, кто будет лучше знать и выполнять народные пожелания...»⁹.

Поскольку речь шла о «тактике и стратегии отношений с другими классами и социальными слоями», К. Готвальд дальше развил свою московскую концепцию. Словакия уже была почти вся свободна, но в чешских землях еще не был освобожден ни один район. В Кошице снова проявились разногласия между московским и лондонским лагерями. Политическая атмосфера не была достаточно хорошей. Каждый возлагал свои надежды на будущее развитие событий. Бенешевские круги не отступили от своих политических планов. Готвальд на активе сказал: «Мы идем строить действительно народное государство под лозунгом Национального фронта, национального единства. Национальный фронт мы основываем не на нашей коммунистической программе, которая имеет своей целью образование советов и построение социализма, а создаем на программе правительства... Мы одни править не можем, и они одни также не могут править. Они не могут править без нас, а мы — без них... Остается необходимость сотрудничества... Мы вынуждены с ними сотрудничать и из этого должны исходить...»¹⁰.

На активе много указывалось на реакционные тенденции деятелей демократической партии. Я сам об этом говорил: «Мы хотим честного сотрудничества... Это нельзя понимать так, что нам абсолютно все равно, что там делается. Это было бы не только ошибочно, но и глупо... Мы их должны запрячь в работу и не позволить сбежать от нее. Эта партия никогда не выступала так провокационно и агрессивно, как сегодня. И наиболее важно понять то, что наше сотрудничество с демократической партией мы рассматриваем как сотрудничество с демократическими элементами при самой острой борьбе с реакционными элементами. Демократическая партия — организация

⁹ К. Готвальд. Сочинения, т. 12. Братислава, 1955, стр. 12—18.

¹⁰ Там же, стр. 23—24.

еще очень слабая. Вместе с неорганизованной силой реакции она ждет, когда все ее реакционные течения придут в движение, когда к ней придет успех на основе наших ошибок...»¹¹.

Собственный опыт многолетней нелегальной работы, многомесячной борьбы показывал, что многие активисты КПС неохотно принимали в качестве партнеров в общинах и районах людей, в прошлом пассивных или во многих случаях скомпрометированных, когда они выступали от имени демократической партии. Я не хочу говорить о примерах явного сектантства, как это было в Михаловицах, но хочу обратить внимание на психологию борьбы: знаем, кто шел с нами в тяжелой борьбе, а кто стоял в стороне, пусть они поэтому и не претендуют на большую роль в общественной жизни. Самые активные антифашистские элементы сосредоточивались в КПС и вокруг нее. Демократическая партия, хотя одна ее часть была бесспорно антифашистской, снова начала выступать со своих старых аграрных традиций. Поэтому некоторые партийные работники утверждали, что сотрудничество с демократической партией затруднит наше движение вперед, что позволит активизировать ее реакционные элементы. Именно об этом думал К. Готвальд, когда говорил: «Вы имеете здесь две легальные партии: объединенную коммунистическую партию и демократическую партию... Естественно, что политическая реакция будет склоняться к этой демократической партии. Я бы сказал, что это природный закон. С этим, естественно, мы должны считаться. Ведь мы не имеем другой легальной возможности. Пока мы другие политические партии не разрешили. То, что в демократической партии будут реакционные тенденции, не должно для нас казаться чересчур тревожным, но в то же время не следует давать оснований для успокоения. В этом нет особой опасности. Наоборот, это при правильной тактике может обратиться в нашу пользу»¹².

Об этой правильной тактике и шел разговор в то время и особенно позднее. Нарастание реакционных

¹¹ Архив КПС. Протокол актива.

¹² К. Готвальд. Сочинения, т. 12. Братислава, 1955, стр. 23.

тенденций в руководящих кругах демократической партии (аграрно-национальной) беспокоить нас особенно не должно. Но этот процесс должен был рано или поздно распространиться на клерикальный лагерь, в то время разбитый и парализованный, но имеющий определенное влияние на массы посредством католической церкви. Это был фактор мощный и опасный. Это был фактор, который не существовал среди чешского народа. В этом состояла одна из черт дальнейшего развития.

4 апреля 1945 г. была освобождена Братислава, а вместе с ней Южная и Юго-Западная Словакия. Мы отметили этот выдающийся успех Красной Армии народной манифестацией в Кошице 5 апреля, на которой выступили Фирлингер, Готвальд, Вало, Лихнер и я. Управление освобожденной территорией Словакии из Кошице становилось тем труднее, чем отдаленнее были освобожденные районы. Железные дороги не действовали, телефонная связь была нарушена, транспортных средств не было. Вся связь поддерживалась через гонцов. Поэтому президиум СНС решил послать в Братиславу делегацию СНС с полномочиями для управления Западной и частично Средней Словакией. Такими полномочными делегатами были назначены заместители председателя Гусак и Тварожек. 9 или 10 апреля мы вместе с несколькими сотрудниками выехали в Братиславу, куда прибыли 11 апреля. Чем дальше мы отъезжали от Кошице, тем яснее выступали местные тенденции и различные методы управления. В Левице установил разновидность военной диктатуры некто капитан Главка, создавший часть «чехословацкой армии», часть, о которой никто из командиров армии не знал. Главка поддерживал районный народный комитет во главе с аграрием и не давал ходу коммунистам. Когда я приехал в Левице, «армия» Главки уже ушла дальше на запад, но районный народный комитет продолжал управлять и проводить свою «новую» политику. Нам не удалось достичь с ним соглашения. Мы должны были комитет распустить и назначить комиссию по управлению во главе с коммунистом. Около Нитры население терроризовала «партизанская группа», которую создал уже после ос-

вобождения некто Зламал. Он разгонял и не давал работать народным комитетам, органам безопасности и управлял районом в стиле Махно во время гражданской войны в СССР. Я попробовал договориться с ним по-хорошему. Он пришел на встречу с нами, обвешанный гранатами и револьверами, с охранником, который не выпускал из рук автомат. Серьезного разговора с ним не получилось. Он один считал себя вправе решать, кто антифашист, а кто коллаборационист, и свои решения быстро претворял в жизнь. Невозможно было решить этот вопрос иным способом, чем мы это сделали: Зламала заключили в тюрьму, а его парней распустили по домам. В Братиславе мы догнали Главку в расцвете его «славы»: он занял Святоплуковы казармы, склады продовольствия, текстиля и т. д. На десятках зданий и складов висела табличка: «Занято чехословацкой армией». Это все подчинялось Главке. Советские органы думали, что речь идет действительно о части нашей армии. Я говорил с Главкой и предложил ему передать солдат под командование нашей армии, выполнять приказы правительственных органов. Он же хотел меня привлечь на свою сторону так же легко, как ему удалось получить все вокруг: он имел машину, продовольствие, алкоголь, квартиры, одежду, в общем, все, что требовали его единомышленники. Но договор: равный с равным. В его штабе было полно коллаборационистов и скомпрометированных людей, спекулянтов и авантюристов. Я объяснил ситуацию советскому коменданту города. Он обещал поддержку. Когда разговоры с людьми Главки ни к чему не привели, я договорился с советским комендантом, что всю эту компанию разоружим и интернируем (в это время Главка имел уже до 1 000 солдат). Главка узнал об этом и в ночь перед намечавшейся операцией удрал с некоторыми своими подразделениями в направлении к моравским границам. Я остановился в Трнаве. Народный комитет там был организован в результате договоренности между примерно шестью политическими партиями, известными еще перед Мюнхеном. Они совершенно не были информированы о программе, принятой в Кошице. Необходимо было все это разъяснить

и кое-что изменить в соответствии с нашими принципами. Я привожу эти примеры для показа того, что центральные органы в Кошице еще, к сожалению, были слишком слабыми, чтобы установить в освобожденных областях единые принципы нового управления.

Правда, это не было главной характеристикой той ситуации. Как вспоминает первый председатель Национального комитета в Братиславе Ш. Баштованский, боевые силы в Западной Словакии перед освобождением очень активно боролись против фашизма. «Активность боевых сил словацкого народа в этой решающей стадии борьбы за свободу была чрезвычайно интенсивна... Партизанские группы, управляемые и поддерживаемые нашим подпольным боевым центром, взрывали мосты, акциями саботажа нарушали транспорт и всячески препятствовали спокойному отступлению немецких дивизий. Подпольные национальные комитеты под руководством коммунистов заботились о том, чтобы немцы не смогли уничтожить фабрики и другие объекты и вывезти сырье, машинное оборудование, готовую продукцию и т. д. ...Управление общественной жизнью в освобожденной Братиславе началось уже тогда, когда под Девином еще гремели пушки... Наши задачи были сложными, надо было организовать основные условия для нормального хода жизни — пустить электростанцию, газ, воду для большого города... Сначала Братислава была как будто парализована. Много заботы нам пришлось уделить захоронению трупов людей и животных... В те памятные дни словацкий народ видел, что значит для нашего народа коммунистическая партия: он видел это в работе словацких коммунистов. Без сна и отдыха, иногда без какой-либо еды, не за страх, а за совесть работали наши партийные деятели и рядовые члены партии на своих местах, не жалея сил для организации народнохозяйственной и политической жизни... Вся тяжесть хозяйственной, политической и административной, восстановительной работы лежала на плечах наших людей...»¹³.

¹³ «Новое слово», год изд. V, № 13—14.

Братислава была военным городом: через нее проходили советские части в направлении к Брно и Вене. Здесь находились различные этапные организации, десятки военных госпиталей и т. д... Братислава была также городом вина: в кабаках немцев вино лилось рекой, и некоторые из наших реакционных элементов хотели этим обострить ситуацию. Вся западная часть Словакии (на запад от Грона) не чувствовала направляющей руки кошицких органов. Необходимо было как можно быстрее организовать новый управленческо-административный центр. Здесь остались многие тисовские институты. Те, кто не сбежал вместе с Тисо в эмиграцию, продолжали действовать в своих учреждениях. Мы ликвидировали эти учреждения. Первым распоряжением были уволены все немецкие и венгерские служащие, кроме антифашистов. Вторым распоряжением были организованы отделения кошицких центральных учреждений для Западной Словакии. Третьим распоряжением были уволены все служащие аппарата Тисо. Новые служащие центральных органов принимались после политической проверки. Новые органы должны были начать интенсивную организаторскую работу: восстановить хозяйственную жизнь, транспорт, производство, торговлю, установить политическое управление согласно правительственной программе, помогать Красной Армии и фронту. Мы встретили понимание, и нам оказали помощь советское военное командование в Братиславе и маршал Малиновский, которого я посетил в его штабе в городке Модра.

Мы организовали Областной секретариат КПС, которому в то время подчинялась вся Западная Словакия и руководство которым я поручил Ш. Баштованскому. На следующий день после нашего приезда вышла в свет «Правда» — центральный орган КПС. Это была первая после шести лет свободная газета в Братиславе. Издали мы также Кошицкую правительственную программу. Коммунисты были движущим рычагом всех усилий. Мы организовывали партийные собрания и встречи активистов, чтобы информировать обо всем членов партии, чтобы еще больше сплотить их и активизировать. Здесь, на западе страны, пока не

было демократической партии. Постепенно создавались ее первые звенья. Занялись мы и организацией единого профсоюзного движения, союза молодежи, союза крестьян. Постепенно жизнь как в политическом, так и в экономическом отношении входила в нормальную колею. Свою радость в связи с приходом свободной жизни после многих лет фашистской тьмы жители столицы Словакии и ее окрестностей выразили на праздновании первого свободного Первомая. На улицах города развевались государственные, национальные и алые стяги вместо флагов со свастикой и крестами штурмовиков. На этом замечательном празднике выступали Шмидке, Фирлингер, приехавшие сюда из Кошице, и я.

Так начиная с 11 апреля стала организовываться жизнь на освобожденной территории Словакии с двумя центрами: в Кошице и Братиславе. В первой половине мая руководство КПС и национальных органов переехало в Братиславу. В Кошице были оставлены представители Корпуса уполномоченных для Восточной Словакии. Вскоре из-за транспортных трудностей такие представители (временные) были выделены для Центральной Словакии и в Банска-Бистрице. 9 мая Шмидке и Леттрих от имени Словацкого национального совета опубликовали Обращение к гражданам Кошице в связи с тем, что СНС и правительство покинули первую столицу освобожденного государства. А 15 мая в Братиславе состоялся пленум Словацкого национального совета. В этом городе, улицы которого больше шести лет топтали сапоги нацистов и штурмовиков, Словацкий национальный совет принимает свое первое законное постановление — приказ СНС о наказании фашистских преступников, оккупантов, предателей и коллаборационистов и о создании народного суда. За свободу народа было дорого заплачено. Десятки сел были сожжены. Железнодорожные пути и мосты уничтожены. Фабрики и ценности расхищены. Вся Словакия была усеяна могилами антифашистских борцов и бойцов Красной Армии. Преступления внутренних и иностранных фашистов не должны были оставаться безнаказанными.

Лондонские деятели чувствовали себя в Кошице неважно. После роскошной жизни в Лондоне им не нравился провинциальный, к тому же голодающий город. Да и в других отношениях они тоже были недовольны. На этот счет высказался Майер: «В Кошице мы дома, но не чувствуем себя здесь, как дома. У нас есть правительство, но у него нет возможностей развернуться...»¹⁴. Они правили в Лондоне, хотели править и в Кошице. Но положение в Словакии не позволило нарушать недавние соглашения. Как отмечает Лаштовичка, «национальные социалисты не изменились. Москва для них была всего лишь пограничным инцидентом, но не решающим боем»¹⁵. Прогрессивные силы в правительстве добились, что С. Ингр был отозван со своего поста главнокомандующего чехословацкими вооруженными силами. Главнокомандующим был назначен генерал Свобода, бывший в то время уже министром национальной обороны. Были отозваны со своих постов и другие прислужники Бенеша — начальник штаба главного командования генерал Б. Мирослав и его заместитель генерал Ф. Моравец. Так прекратила свое существование генеральская клика из Лондона.

Надежды бенешевских кругов Кошице оживились, когда 17 апреля пришло сообщение о том, что западные границы ЧСР перешли войска генерала Эйзенхауэра. Бенеш телеграфировал ему: «...Сообщаем Вам, какую радость и надежду вызвала эта весть у всего страдающего народа. Чехословакия будет союзническим государством, освобожденным совместными усилиями армий западного фронта и армий Советского Союза, стоящих уже на земле освобожденной словацкой части республики и борющихся в Моравии»¹⁶.

¹⁴ Б. Лаштовичка. В Лондоне во время войны. Прага, 1961, стр. 574.

¹⁵ Там же, стр. 579.

¹⁶ «Президент снова среди нас». Братислава, 1945, стр. 102.

Конец войны приближался. Пал Берлин, Гитлер был мертв. С напряженным вниманием следили мы за развитием военного положения в чешских областях. Через Братиславу проходили товарищи, приехавшие сюда для партийной работы в освобожденной части Моравии (М. Швермова и другие). И тут мы получаем 5 мая известие о мужественном восстании пражан. Всех нас это взволновало. Из Кошице все, кто не собирался там оставаться навсегда, отправились в путь на запад.

Бенеш со своей свитой 8 мая на пути в Братиславу остановился в Банска-Бистрице. Он отдал должное восставшему народу: «Сегодня я хотел бы поблагодарить всех, всю борющуюся Словакию за стойкость, мужество, за то, что вы спасли честь свою и республики...»¹⁷.

Курьезной фигурой на торжественном ужине в Банска-Бистрице был епископ Шкрабик и его тост. Делая комплимент госпоже Бенеш, он заявил: «Как всегда хрупкая женщина опирается на своего более сильного мужа, так и он желает, чтобы более слабые словаки могли всегда опираться на более сильных чехов». Шкрабик, очевидно, забыл свои тосты в честь эсэсовцев после падения Банска-Бистрицы. Кажется, там не было никого, кто мог бы об этом ему напомнить. Иначе трудно объяснить, что это за манера у этих священников (Глинка и Тисо) — постоянно сравнивать отношения между чехами и словаками с супружеской парой. Как мы знаем из практики, священными они эти узы никогда не считали.

9 мая окончилась война и борьба наших народов за свободу. Братислава готовилась к торжественной встрече главы государства. Копецкий, ехавший вместе со свитой Бенеша, вспоминает: «В пути личный секретарь президента д-р Дртина приносил регулярно президенту республики сообщения о том, что американские войска уже достигли Пльзеня и продвигаются дальше к Рокицанам... Таким образом, Бенеш ехал в Братиславу с приятным ощущением того, что американские войска продвигаются на западе в

¹⁷ «Президент снова среди нас». Братислава, 1945, стр. 126—127.

глубь Чехии и что, быть может, они доберутся даже до Праги. Мы подъезжали к Братиславе в мрачном настроении, считая, что все-таки невозможно, чтобы американцы заняли Прагу. Ведь если бы так случилось, это значило бы, что мы не можем ехать в Прагу, занятую американскими войсками. Это означало бы, что кошицкое правительство должно остаться в Братиславе или в Брно и что тогда Чехословацкая республика осталась бы разделенной...»¹⁸.

В Братиславе Бенеш и правительство простились со словацкой землей. На большом торжестве на площади перед Национальным театром Шмидке от имени СНС снова напомнил: «Завоевания Словацкого национального восстания обеспечены после московских переговоров и закреплены в правительственной программе. Мы будем строить ЧСР как государство равноправных братских народов... Самобытность словацкого народа не подлежит обсуждению, она всеми признана, и СНС утвержден как законодательный, правящий и исполнительный орган Словакии...»¹⁹.

Бенеш в своем выступлении в столице Словакии считал необходимым подчеркнуть: «Словаки являются и всегда будут в республике равноправными и равноценными, в Словакии они будут управлять своими делами сами так же, как чехи будут управлять своими чешскими делами. Что же касается наших совместных дел, то мы разумно и демократически будем решать их вместе... Было бы неразумным, если бы мы не хотели признавать, что словаки в этой войне прежде всего несравнимо больше содействовали своему освобождению, чем в первой войне; и во-вторых: словаки в национальном и политическом отношениях значительно выросли и созрели, они полностью встали в один ряд с теми, кто боролся в этой войне за свободу. Я с удовольствием это констатирую и с радостью подчеркиваю»²⁰.

Словацкое население с радостью приветствовало подобные заверения президента и руководящих пра-

¹⁸ В. Копецкий. ЧСР и КПЧ. Прага, 1960, стр. 384.

¹⁹ «Президент снова среди нас». Братислава, 1945, стр. 152.

²⁰ Там же, стр. 162—163.

вительственных деятелей. Республика обновлялась под знаком добрых надежд. Взаимоотношения наших народов начинали строиться на хорошей основе. Кошицкая правительственная программа указывала перспективу решения социальных и экономических проблем трудящихся. В правительстве и национальных органах составляли большинство коммунисты. Они создали национальные комитеты как органы народной власти. Существовала ориентация на Советский Союз. Все это давало основания быть уверенными в том, что обновленная республика будет настоящим домом для трудящихся масс и наших народов. Этот оптимизм прогрессивных сил, находящихся на подъеме, был характерным в майские дни 1945 г.

Вся территория нашего государства была свободна. Президент и правительство уезжали из Братиславы в освобожденную Прагу. Правительство отбыло 10 мая и в тот же день начало свою работу в столице государства, освобожденной Красной Армией. Д-р Бенеш отбыл из Братиславы 12 мая. Он снова вернулся в пражский Град. Возрожденная республика сохранила то же название, что и раньше, но внутри страны многое изменилось. Иные силы, силы трудового народа стали движущими в ее дальнейшем развитии. Война кончилась. Перед государственными и национальными органами встали задачи восстановления и реконструкции народного хозяйства, политического упрочения нового, народно-демократического строя, развития перспектив мирного строительства.

* * *

Вторая мировая война окончилась полной победой над фашизмом. Окончилась и многолетняя борьба нашего народа за национальную и государственную свободу, за ликвидацию нацистской оккупации и внутреннего фашистского режима. Народы залечивали раны, нанесенные войной, семьи подводили итоги своим потерям, миллионы людей радовались тому, что пришел мир, наступила свободная жизнь, радовались новым перспективам. Эта весна 1945 года наполнила надеждами и наш народ. После тяжелых боев, жертв

и потерь перед ним открылись перспективы решения вековых, наболевших национальных и социальных проблем. Сотни тысяч людей внесли личный вклад в борьбу за свободу, за ее новое содержание, за ее социалистическое будущее. Так личное слилось с национальным, государственным. Полученная свобода ценна, но завоеванная.— во сто крат дороже. Как для отдельного человека, так и для народов. Словацкий народ внес свой большой вклад в борьбу за свою и нашу общую свободу. В борьбе с фашизмом он ничуть не был меньше среди других европейских народов.

ЛИТЕРАТУРА

- ГОТВАЛЬД К. Сочинения, т. XII, XIII. Братислава, 1955.
- ЛЕНИН В. И. Сочинения, т. II, 20. Братислава, 1956—1957.
- МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Избранные сочинения. Братислава, 1964.
- Протоколы съездов КПЧ.
- БАРТОШЕК К. Пражское восстание 1945. Прага, 1960.
- БЕЕР Ф. и др. Исторический перекресток. Братислава, 1964.
- БЕХИНЕ Р. Перо у меня осталось. Прага, 1948.
- БЕНЕШ Э. Шесть лет изгнания и второй мировой войны. Прага, 1947.
- БЕНЕШ Э. Воспоминания. Прага, 1947.
- БЕНЕШ Э. Заметки о славянстве. Лондон, 1944.
- Путь к маю, т. I, ч. I, 2. Прага, 1965.
- КЛЕМЕНТИС В. Итоги Лондона. Братислава, 1947.
- Документы по истории чехословацкой политики, 1939—1943, I—2. Прага, 1966.
- ЧАЯК И. По следам генерала Виеста. Братислава, 1947.
- ЧАПЛОВИЧ, КЕЛИАР. Воспоминания о Словацком национальном восстании на Ораве. Дольны Кубин, 1946.
- ЧЕЙКА Э. Интриги буржуазии и Словацкое национальное восстание. Прага, 1959.
- ЧЕЙКА, КЛИПА. За свободу ЧСР, III. Прага, 1960.
- Чехословацко-советские отношения в период Великой Отечественной войны. Прага, 1960.
- Чехословацкий армейский корпус в СССР в период Великой Отечественной войны. Прага, 1949.
- ЧУЛЕН К. После Святоплука наша вторая глава, т. I—II. Мидлтаун, ПА, 1947—1948.
- Демократия в подполье и во время восстания. Братислава, 1945.
- ДРТИНА П. А теперь слово Павлу Святому. Прага, 1945.
- ДУЛОВА, ЕРШОВ. Французские участники Словацкого национального восстания. Братислава, 1947.
- ФАЛТЯН С. Партизанская война в Словакии. Братислава, 1959.
- ФИРЛИНГЕР З. На службе ЧСР, т. II. Прага, 1948.
- ФРИШ Э. Восстание издалека и вблизи. Братислава, 1964.
- ГАРАЙ Й. Словацкое национальное восстание в Зволене. Зволен, 1945.
- ГОСИОРОВСКИЙ М. Словацкое национальное восстание. Братислава, 1954.
- ГОРАНСКА Э. Воспоминания о Словацком национальном восстании в Турце. Мартин, 1945.

- ГУСАК Г. Борьба за завтрашний день. Братислава, 1948.
- ГУСАК Г. К крестьянскому вопросу в Словакии. Братислава, 1948.
- ГИСКО М. Словацкое национальное восстание. Братислава, 1954.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. IV, V. Москва, 1962—1963.
- ЯБЛОНИЦКИЙ И. Словакия на переломе. Братислава, 1965.
- ЯНЕЧЕК О. С оружием в руках. Прага, 1957.
- КОПЕЦКИЙ В. ЧСР и КПЧ. Прага, 1960.
- КОПЕЦКИЙ В. Готвальд в Москве. Братислава, 1949.
- КРОПИЛАК М. Участие армии в Словацком национальном восстании. Братислава, 1960.
- ЛАШТОВИЧКА Б. В Лондоне во время войны. Прага, 1961.
- ЛАУШМАН Б. Правда и ложь о Словацком национальном восстании. Петровец, 1951.
- ЛЕТТРИХ И. О Словацком национальном совете. Братислава, 1945.
- ЛЕТТРИХ И. История современной Словакии. Нью-Йорк, 1955.
- МАСАРИК Т. Г. Мировая революция. Прага, 1925.
- Над Татрами сверкают молнии. Прага — Братислава, 1946.
- НОСКО Ю. Армия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945.
- Партизанские действия в Словацком национальном восстании. Братислава, 1945.
- Партизанское движение в Чехословакии в годы второй мировой войны. Прага, 1961.
- ПЕТРЕАС Я. О. Новая Европа и Словакия. Братислава, 1942.
- ПЛЕВА И. Материалы к истории большевизации КПЧ в Словакии и на Закарпатье. Братислава, 1962.
- ПОЛАКОВИЧ Ш. Наука Тисо. Братислава, 1941.
- Президент вновь среди нас. Братислава, 1945.
- ПШИКРЫЛ В. Продолжайте в горах. Прага, 1947.
- Заметки к истории Словацкого национального восстания в Турце. Мартин, 1947.
- РАШЛА А. Тисо и восстание. Документы. Братислава, 1947.
- СИДОР К. Словацкая политика на почве Пражского сейма, т. I—II. Братислава, 1943.
- СИДОР К. Шесть лет при Ватикане. Скрантон, ПА, 1947.
- Сборник Института Словацкого национального восстания, т. I—II (1949—1950). Банска-Бистрица.
- Словацкое национальное восстание. Документы. Братислава, 1965.
- Словацкое национальное восстание. Сборник статей к 10-летию. Братислава, 1954.
- Словацкий национальный совет 1943—1949. Братислава, 1949.
- СТАНЕК И. Предательство и падение. Прага, 1945.
- СТРАНСКИЙ Я. Речи на родину. Прага, 1945.
- ШАЙНОСТ, КОЖИШЕК, ВЕРНЕР. Банска-Бистрица. Прага, 1944.
- ШВАРЦ М. Словакия. Берлин, 1943.
- ШРОБАР В. Освобождение Словакии, т. I. Прага, 1928.
- ШУЯН Ю. Словацкое национальное восстание. Банска-Бистрица, 1945.

ВЕРШИГОРА П. Люди с чистой совестью. Прага, 1949.
Военные акции в национальном восстании. Братислава, 1945.
За национальную свободу и народную демократию. Кошице,
1945.
За новую Чехословакию. Сборник статей, выступлений и доку-
ментов. Москва, 1944.

ПЕРИОДИКА

«Правда», «Нове слово», «Час», «Народне новины» — Банска-
Бистрица, 1944.
«Глас народа» — Зволен, 1944.
«Правда», «Народна оброда», «Демократ» — Кошице, 1945.
«Словак» — Братислава, 1944.
«Ческословенске листы» — Москва, 1943—1944.
«Словенске повстание», «Нове часы» — Лондон, 1944.
«Час», — Братислава, 1945.
«Гисторие а военстви» — Прага, 1956, 1963.
«Культурни творба» — Прага, 1963.
«Культурни живот» — Братислава, 1963.
«Пшиспевки к дейинам КСЧ» — Прага, 1964.
«Гисторицки часопис» — Братислава, 1959, 1963.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Вступление	11
Несколько слов ко второму изданию	17

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОДГОТОВКА СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ

1. Словацкое государство	21
2. Антифашистская борьба в Словакии	38
3. Поворот в ситуации	57
4. Инициатива коммунистической партии	61
5. Создание Словацкого национального совета	73
6. Борьба за армию	104
7. Подготовка и размах партизанского движения	121
8. Планы правительства Бенеша в отношении Словакии	132
9. Словацкий вопрос	169
10. План Словацкого национального восстания	208
11. Координация Словацкого национального восстания с планами Советской Армии	220
12. Начало восстания	267

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЛОВАЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ

13. Первые дни восстания	325
14. Словацкий национальный совет	344
15. Военная обстановка первых дней	360
16. Коммунистическая партия мобилизует народ	370
17. Московское руководство КПЧ и Словацкое национальное восстание	377
18. Советская помощь восстанию	386
19. Организационное сплочение рабочего движения	402
20. «Гражданский» лагерь в Словацком национальном восстании	427
21. Национальные комитеты во время восстания	446
22. Партизаны в Словацком национальном восстании	469

23. Проблемы повстанческой армии	498
24. Делегация деятелей зарубежного сопротивления из Москвы	557
25. Отношение Бенеша и лондонского правительства к восстанию	568
26. Делегация Словацкого национального совета в Лондоне	617
27. Отступление в горы	670

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАВЕРШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

28. Разложение клерикально-фашистского режима	709
29. Борьба за свободу продолжается	724
30. Второй урок национальной политики	742
31. Республика освобождается с востока	762
32. Проблемы национально-демократической революции	782
33. Московские переговоры	824
34. Победа над фашизмом	842
Литература	867

Густав Гусак.
СВИДЕТЕЛЬСТВО О СЛОВАЦКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ ВОССТАНИИ

Перевод со словацкого
по 2-му изданию.

Сдано в набор 29/VIII 1969 г. Подп. к печ. 2/IX 1969 г.
Бумага типогр. № 1. Форм. бум. 84×108¹/₃₂.
Объем 45,78 усл. печ. л., 46,13 уч.-изд. л. Заказ № 2399.
Цена 1 р. 40 к.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица «Правды», 24.